

2 | КАРТЕР БРАУН

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР
БРАУН

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР БРАУН

ТОМ 2

Баку
Концерн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

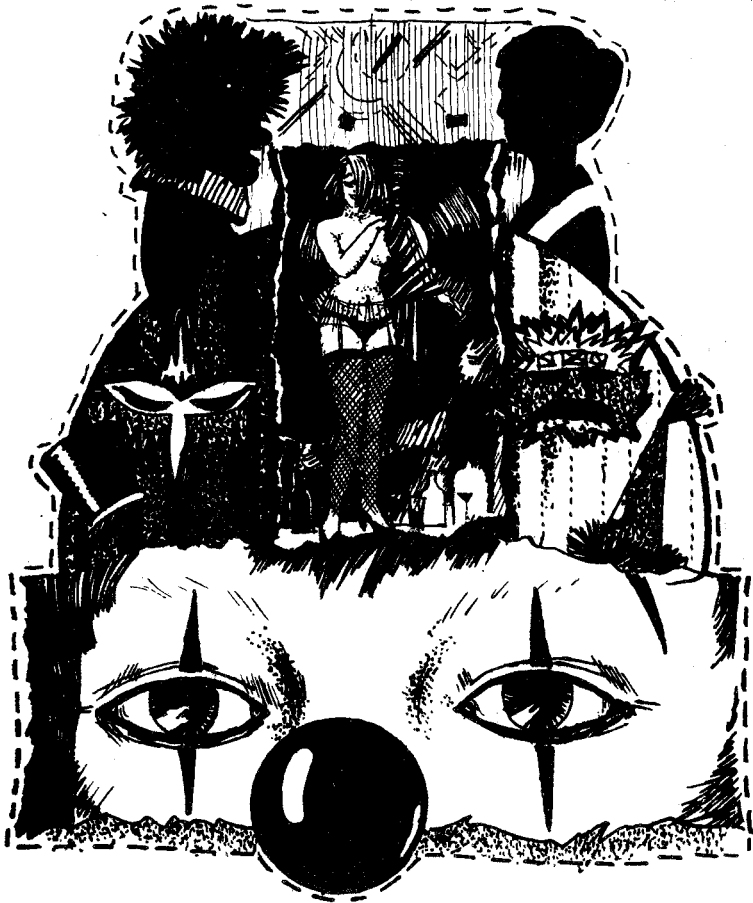
«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

Б 4703040100 -029 без объявл.
93

ISBN 5-87860-026-9

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

ΚΛΟΥΗ

Клоун с загримированным лицом сидел в кресле, уставясь на меня своими классически печальными глазами. Красный нос из папье-маше блестел в свете настольной лампы. На нем был традиционный клоунский костюм и огромные сапоги с отвернутыми ботфортами. Ковер на полу был весь покрыт темными пятнами крови. Когда ему перерезали горло, кровь, видимо, била из него, как из фонтана.

Я вышел из библиотеки, прикрыв за собой дверь. Ему же некуда было спешить, и я решил поговорить со сломленной горем вдовой, пока не приехали полицейский врач и эксперты. По правде говоря, сказав, что вдова сломлена горем, я выразился не совсем точно, она скорее была озадачена. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление, когда я увидел ее в первые минуты после прибытия сюда.

Было около часа ночи. Вдова ждала меня в гостиной. Холодная блондинка с пепельно-серыми волосами, свободно ниспадавшими ниже плеч. Маленький рот с пухлыми чувственными губами. В широко посаженных голубых глазах ясно читались, несмотря на трагизм ситуации, высокомерие и надменность.

— Когда приедут остальные? — спросила она грудным голосом.

— Минут через пятнадцать — двадцать.

— Мне нужно что-нибудь выпить. — Она провела кончиком языка по верхней губе. — Вы не сделаете мне коктейль, лейтенант...

— Уиллер, — подсказал я, — из бюро шерифа. Что вы будете пить?

— Коньяк со льдом. Вы составите мне компанию?

— С удовольствием, — сказал я и направился к бару.

Счастлив тот полицейский, который может пить во время исполнения своих служебных обязанностей.

Я приготовил ей порцию коньяка, а себе налил виски со льдом и содовой. Она чуть не вырвала у меня стакан из рук, когда я подошел к ней, и жадно выпила.

— Надо придти в себя, — словно извиняясь, проворковала она. — Это было страшнее, чем любой кошмар... Когда я вошла в библиотеку и увидела его остекленевшие глаза, мне сначала показалось, что он надо мной издевается. — Она содрогнулась. — И потом эта кровь, кровь повсюду...

— Вы узнали его сразу? — спросил я.

— Людвига? — Она поспешно кивнула. — Ведь он был моим мужем, а уж его-то можно узнать в любом одеянии, даже в этом идиотском клоунском наряде.

— Людвига?

— Да. Людвига Джаноса, — ответила она. — Я — его жена, Нина Джанос. — Ее глаза слегка расширились. — Теперь вдова.

На ней было длинное вечернее платье сапфирового цвета с глубоким вырезом в форме буквы «V», за которым открывался чудесный ландшафт с двумя холмами. Шею украшало бриллиантовое кольцо. Из всего этого можно было сделать вывод, что сегодняшний вечер она провела не в кино.

— Расскажите мне все, что вы знаете, — попросил я.

— Людвиг сказал мне, что ему нужно съездить по делам в Лос-Анджелес. Он уехал в понедельник вечером и, собственно, должен был вернуться только завтра. А наши знакомые устроили сегодня вечеринку и пригласили меня. Там у меня ужасно разболелась голова, и вскоре мне пришлось уйти с вечера. Около полуночи я уже была дома. В гараже стояла машина Людвига, а в библиотеке горел свет. Удивившись, я поспешила к нему. Он сидел в кресле... мертвый. Ужасно! У меня дрожали пальцы, пока я набирала номер полиции. Потом приехали вы.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы желать его смерти?

— Наверное, все или почти все из тех, кто его знал, — ответила она довольно спокойно. — Людвиг был одним из самых подлых людей, с которыми мне доводилось встречаться, и я уверена, что все, кто сталкивался с ним, придерживались такого же мнения.

— Значит, и вы тоже желали его смерти?

Она кивнула.

— По меньшей мере раз в день. Но у меня никогда бы не хватило мужества убить его.

— А вы не считаете, что в таких случаях гораздо проще развестись?

— Считаю... Но вы ведь не знали Людвига. Его все боялись. Кроме того, он был ярко выраженным собственником, лейтенант. И если он что-нибудь покупал, то считал, что это уже всецело принадлежит ему. Это относилось и к людям... Он делил их на две категории: на тех, которых он уже купил, и на тех, кого он собирался купить.

— Теперь я понимаю, почему у вас был не особенно горестный вид. Вы не очень-то скорбите о нем...

— Скорблю? — Она откинула голову назад и коротко рассмеялась. — Если бы не эта кровь, я бы сразу отпраздновала такое событие. Дело в том, что я не выношу вида крови.

— Где происходила вечеринка?

— У супругов Шепли. Их дом находится приблизительно в полутора милях отсюда. Внизу, в долине. Мы здесь все очень общительны, дружны и... богаты. На одну квадратную милю приходится не больше двух владений.

— А кем был ваш супруг по профессии?

— Меня это никогда не интересовало. — Она пожала плечами. — У него была фирма, которая очень скромно называлась «Джанос ГМВХ».

— Вы давно замужем?

— Очень давно. — Она снова пожала плечами. — Около полутора лет. Я была его третьей женой. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Я вышла замуж за него только ради его денег.

— Теперь они у вас есть, — только и мог ответить я.

Полчаса спустя доктор Мэрфи смыл последние остатки грима с лица покойника и снял картонный нос. Теперь стало видно, что убитому было пятьдесят. Он оказался совершенно лысым, с довольно неприятной внешностью. Крючковатый нос был похож на клюв хищной птицы. Возможно, что у мертвецов вообще неприглядный вид, но все-таки я был уверен, что и в жизни Джанос выглядел не очень привлекательно.

— Ну, вот, — сказал Мэрфи. — Грима больше нет. Но мне почему-то кажется, что я совершил ошибку, сняв его. Может, его снова загримировать?

В это время в комнату развязной походкой вошел вундеркинд из технической лаборатории Эд Сэнджер.

У него был такой вид, будто он только что обнаружил, что из его кармана исчез крокодил, и он совершенно не может понять, где же он его оставил.

— В гараже две машины,— сказал он.— Возможно, одна из них принадлежит женщине, а одна — ему. Вы же наверняка здесь все проверили, лейтенант?

— Хм... все это кажется мне подозрительным,— ответил я.— Его супруга только что сообщила мне, что он всегда ездил на трехногом жеребце...

— Оружия вы, конечно, не нашли,— продолжал он с довольным видом.— А на кресле только отпечатки пальцев самой жертвы.

— Уверен,— сказал я, обращаясь к Мэрфи,— что все снимки будут сделаны с недостаточной выдержкой. Хотите пари, доктор?

— Не отказывайтесь, док, гарантирую отличные фото,— отпарировал Сэнджер без всякой враждебности.— Мне остается только пожалеть, Эл, что вы недооцениваете действенность наших научно-технических методов. Вся ваша энергия, как мне кажется, направлена на то, чтобы принизить роль науки при раскрытии того или иного преступления.

— Что он сказал? — спросил я у Мэрфи.

— Он сказал, что если вы хотите получить от него помощь, вам придется поклониться ему в ножки,— терпеливо объяснил мне Мэрфи.

— Я бы сформулировал это несколько иначе,— сказал Сэнджер,— тем не менее док Мэрфи прав. Но не буду вас обижать, Эл, и завтра же пришлю вам парочку роскошных снимков, чтобы хоть немного поднять вам настроение.

— Очень мило,— процедил я.— Тысяча благодарностей!

Он махнул мне на прощание рукой и такой же развязной походкой вышел из комнаты. Мэрфи с криком выпрямился и потер свою занемевшую спину.

— Совершенно не понимаю, зачем вам понадобилось тащить меня сюда,— буркнул он.— Да еще посреди ночи. Моя жена постепенно приходит к убеждению, что я становлюсь маньяком и не могу жить без мертвецов.

— И, тем не менее, вы должны сказать, сколько же времени этот клоун лежит здесь с перерезанным горлом?

— Недолго... Часа три, наверное.

— Значит, это случилось где-то около одиннадцати?

Он взглянул на часы.

— Да, приблизительно... Надо позвать санитаров.

Пусть заберут его. А я покачу домой. Моя жена уже, наверное, спит глубоким сном.

«И наверняка страдает от комплексов Мэрфи,— подумал я.— Первые симптомы этой болезни — страшная скука и одиночество в постели».

— Меня кое-что беспокоит в вас, Уиллер,— заметил Мэрфи, закрывая свой черный чемоданчик.— Вид трупа действует на вас так же, как инъекция адреналина.

— Что ж, значит, я не ошибся в выборе профессии,— хмыкнул я.— Когда произведете вскрытие?

— Завтра во второй половине дня. Ну, я пошел. Оставляю вас наедине с этой сногшибательной молодой вдовой. Кстати, она, по-моему, отнюдь не убита горем!

— Она уже созналась мне, что сама с радостью убила бы его, но у нее никогда не хватило бы на это мужества,— заявил я.— Вышла за него замуж из-за денег. Вполне возможно, что она теперь получит их.

— Может быть, вам удастся заключить с ней сделку? Вы ей подарите свои мужские достоинства, а она вам — пятьдесят процентов наследства.

Я проводил его до двери, и мы подождали там, пока его дружки в белых халатах не отнесли труп в санитарную машину. Вслед за ними исчез в ночи и доктор Мэрфи. Я вернулся в гостиную. Судя по всему, новоиспеченная вдова уже нашла свое утешение в алкоголе. Стакан чуть не вывалился из ее рук, и драгоценный коньяк тихо лился на ковер. Голубые глаза были подернуты пьяной дымкой.

— Ну, теперь все? — спросила она заплетающимся языком. Было видно, что говорить ей трудно.

— У меня еще будет к вам несколько вопросов,— ответил я.

— У меня отличное алиби,— заявила она.— Да и вечеринка была отличная. Можете спросить Дэвида, если хотите. И Марту тоже.

— Это супруги Шепли?

Она кивнула.

— Да, Марта и Дэвид. Мои хорошие друзья. Они тоже не могли терпеть Людвига. Никто его не любил, потому что он был очень противным. И он не любил их. Как, впрочем, и всех остальных. Я бы не отважилась пойти к ним на вечеринку, если бы он не уехал в Лос-Анджелес. Он всегда требовал, чтобы я сидела дома и терпеливо ждала его возвращения. А что мне делать дома одной? Как убить время? — Все ее тело вдруг затряслось от беззвучного

смеха.— С вожделением думать о нем и ждать, когда он вернется?

— Вы ушли с вечеринки довольно рано?

— Да, из-за этой проклятой головной боли... Ушла до того, как там началось настоящее веселье.

— Значит, вы думаете, что вечеринка еще не закончилась?

— Конечно, нет! Если Марта и Дэвид устраивают вечеринку, то устраивают на славу. Часть гостей наверняка останется до завтрака.

— Вы говорили, что вашего супруга мог ненавидеть практически любой человек?

— Знать Людвига Джаноса означает ненавидеть Людвига Джаноса! — Она посмотрела на меня, прищурив глаза.— А почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что я должен выяснить, кто его убил,— буркнул я в ответ.— Вы не можете сказать... может быть, кто-нибудь особенно ненавидел его?

— Конечно, могу! — Она очень мило улыбнулась.— Больше всех на свете ненавидела его я.

— Может быть, еще кто-нибудь?

— Сомневаюсь. Впрочем, я не знаю.

— А как обстоят дела с его первыми женами?

— Одна из них вот уже пять лет живет в Европе,— ответила она.— Другая умерла. Упала с двенадцатого этажа отеля, когда отдыхала на курорте. Вернее сказать, не упала, а сама выбросилась... И все отлично понимали, почему она это сделала. Наверняка Людвиг довел ее до сумасшествия. Но когда его вызвали в суд, он привел с собой какого-то выдрессированного психиатра, который заявил суду, что его жена страдала манией преследования... Нет, лейтенант.— Нина Джанос покачала головой.— Если говорить о его женах, то убить его могла только я. Но, с другой стороны, я тоже не могла этого сделать, поскольку у меня имеется бесспорное алиби.

— Как зовут его адвоката?

— Джил Хиланд,— ответила она.— Ужасно противный человек.

— А кто возьмет бразды правления в его фирме теперь, когда он умер? — спросил я.

— Я знаю только одного из его служащих,— со скучающим видом ответила она.— Этого человека зовут Элтон Чейз. Тоже ужасно противный субъект. Людвига окружали подонки. Нормальные люди не хотели у него работать.

Она одним махом опустошила свой стакан, вяло бросила его на ковер и зябко повела плечами.

— А вы уверены, что он мертв, лейтенант? Я спрашиваю об этом только потому, что Людвиг способен на любую шутку, даже самую безвкусную, лишь бы только вдоволь посмеяться... Сперва притворится мертвым, а потом вдруг окажется у меня в кровати, живой и невредимый.

— Смею вас заверить, что он мертв,— ответил я.— И труп его сейчас находится по дороге в морг.

— Только тщательно запирайте там все двери на замки,— неразборчиво пробормотала она.— От моего муженька можно ожидать всего, чего угодно. Я ему не доверяю.

— А вы не боитесь остаться здесь ночью совсем одна? — поинтересовался я.— Может быть, позвоните какой-нибудь приятельнице и попросите ее приехать к вам?

— Нет, нет! Мне никого не нужно, лейтенант. Не хочу разыгрывать безутешную вдову и выслушивать слова соболезнования и утешения. Еще две-три порции коньяка,— и я блаженно усну прямо здесь, посреди гостиной.

— А почему бы вам не переспать ночь в кровати, как обычно?

— На что вы, собственно, намекаете, лейтенант? — Она хихикнула, но потом лицо ее снова стало серьезным.— В кровати?... В его кровати?... Идти в его кровать, где я провела с ним эти ужасные полтора года?... Вы, должно быть, совсем сошли с ума, мой дорогой лейтенант!

— Может быть, вы и правы,— заметил я.— Ну, ладно, всего хорошего! Если вспомните вдруг что-нибудь, что может помочь в нашем расследовании, позвоните мне, пожалуйста.

— Этого вы вряд ли дождетесь,— сказала она без обиняков.— Дело в том, лейтенант, что я целиком и полностью на стороне убийцы, и очень надеюсь, что вы его никогда не поймаете. Я даже искренне считаю, что он заслужил орден.

— Скажите, а зачем вашему супругу понадобилось надевать этот клоунский наряд? — спросил я.— Он что, очень любил переодеваться?

— Возможно,— сухо заметила она.— Но со мной он не делился по этому поводу... Как бы то ни было, он и без грима выглядел, как клоун...— Она внезапно к чему-то прислушалась.— Вы слышите, лейтенант?

— Конечно,— ответил я.— К дому приближается ма-

шина. Может быть, это кто-нибудь из Шепли едет сюда, чтобы осведомиться о вашем самочувствии?

— Нет, это не Шепли. Это, наверное, еще какой-нибудь наряд полиции,— со вздохом сказала она.— О чем мы говорили?.. Ах, да! Я уже ответила на ваш вопрос: о его пристрастии переодеваться я не имела представления... Из всех его слабостей, касающихся его внешности, я знала только одну: он часто подкрашивал себе виски, чтобы скрыть седину.

— Что скрыть? — переспросил я, занятый своими мыслями.

— Седину! — раздраженно повторила она.

Шум машины внезапно стих перед самым домом, и я непроизвольно ждал, что сейчас раздастся звонок в дверь.

— Седину на парике? — переспросил я озадаченно.— Зачем же ему это надо было?

— Вы, наверное, немного не того, лейтенант? — Она как-то неуверенно посмотрела на меня.— А может, вам просто нужно еще выпить? Я бы тоже немного выпила... Принесите же чего-нибудь!

— Но он же был совершенно лысый! — воскликнул я.— У него не было на голове ни единого волоска! И на висках тоже! Что же он подкрашивал?

— Она нервно замигала глазами.

— Что?... Кто был лысым?

Дверь в комнату с шумом распахнулась, и в нее ворвался плотный высокий человек. Лет сорока, с густыми темными волосами и пышными усами. Глаза у него были холодные и серые, брови густые и черные. На нем был костюм, который не по карману ни одному честному полицейскому служаке, а лицо у него было таким самоуверенным и даже наглым, что создавалось впечатление, что он купил себе всю эту роскошь за очень большие деньги.

— Так, так! — громогласно протрубил он.— Вы кто, собственно, такой?

Вдова издала какой-то непонятный звук. В следующий момент ноги у нее подкосились, и она тяжело упала на ковер.

— Я лейтенант Уиллер,— ответил я с достоинством.— Из бюро шерифа. А вы кто такой?

— А я — Людвиг Джанос,— ответил он.— И мне очень интересно знать, что вам понадобилось в моем доме среди ночи? Да еще в обществе моей жены?

Ему понадобилось какое-то время, чтобы переварить присутствие кровавых пятен на светлом ковре библиотеки, потом он медленно покачал головой.

— Это еще хуже, чем в театре, — сказал он своим раскатистым голосом. — Прихожу домой и узнаю, что моя жена уже считает себя вдовой, а в гостиной расположился полицейский чиновник, строя всякие предположения на тему о том, кто же меня, собственно, мог убить... — Он снова покачал головой. — Просто с ума сойти можно! Как же она могла спутать меня с тем человеком?

— Все дело, наверное, в костюме клоуна, — сказал я. — На лице его был густой слой румян, у него был приклеен картонный нос... Мне кажется, что она приняла мертвеца за вас чисто автоматически.

— Могла бы приглядеться повнимательнее, — недовольно буркнул он.

— Ему кто-то перерезал шею, — ответил я на это. — Вы же видите, здесь все забрызгано кровью... А она вошла в библиотеку, ничего не подозревая. Неужели вы думаете, что женщина, находясь в доме одна, сохранит спокойствие при таких обстоятельствах и начнет рассматривать труп?

— Нет, я этого не думаю, — неохотно сознался он. — Но если этот зарезанный, этот мертвец не я, то кто же это в таком случае?

— Я вам его опишу, — сказал я. — Это человек лет пятидесяти. Совершенно лысый, с орлиным носом и толстыми губами. Лицо довольно неприятное, надо сказать.

— Я не знаю никого, кто бы подходил под это описание. — Он быстро поднял голову. — Вы сказали, что моя жена вошла в библиотеку, ничего не подозревая?... Она что, уходила куда-нибудь из дома?

— Она была на вечеринке у ваших соседей и друзей Шепли, — пояснил я. — Потом у нее там разболелась голова, и она уехала оттуда довольно рано. Дома она была еще до полуночи. Увидев, что ваша машина стоит в гараже, она предположила, что вы уже вернулись домой. В библиотеке горел свет и... Минутку! Как же я сразу не догадался об этом? Наверное, просто от переутомления... Объясните мне, как же могло так случиться? Ведь когда ваша супруга уезжала на вечеринку, вашего автомобиля в гараже не было. А вот когда она вернулась, он уже был на месте. В чем дело?

— Понятия не имею, — ответил он. — Я поехал на машине в аэропорт и поручил Чейзу отогнать машину в контору, пока я буду находиться в Лос-Анджелесе. Собственно говоря, я хотел вернуться в Пайн-сити только завтра вечером... Вернулся раньше, как видите, и на аэродроме нанял машину.

«Этот ответ — один из тех неудовлетворительных ответов, — сказал я себе, — которые на проверку оказываются совершенно правильными. Во всяком случае, так бывает, как правило».

— Именно поэтому вполне допустимо, — сказал я, — что ваша жена и сочла, что это вы пали жертвой...

— Вероятно.

Он повернулся и вышел из библиотеки. Я последовал за ним в гостиную.

— Мне нужно что-нибудь выпить! — провозгласил он точно так же, как немного раньше это сделала его жена. — Как вы на это смотрите, лейтенант?

— Не откажусь от виски со льдом и содовой.

Джанос подошел к бару и начал там орудовать.

— А вы знаете, — неожиданно сказал он, — этот убийца действовал довольно бесстыдно! Какая наглость — воспользоваться моим домом и моей машиной! А эти пятна на ковре... Они, наверное, уже не отмоются?

— Да, наверное! Остается только сожалеть обо всем этом, — вежливо ответил я. — Я был бы вам очень благодарен, мистер Джанос, если бы вы завтра утром подъехали в морг, чтобы взглянуть на мертвеца.

— Это очень неприятная процедура. — Он придвинул ко мне стакан. — Но ведь у меня, видимо, нет выбора? Если бы только Нина оставалась дома, как я ей наказывал, ничего бы этого не случилось...

— Почему вы так решили?

— Ну... — Он нетерпеливо пожал плечами. — Ведь она была бы дома, когда они появились, и они не смогли бы при ней все это проделать.

— Можно предположить и другое, — ответил я. — Можно ведь предположить, что в таком случае убийца заодно убил бы и вашу жену.

— Об этом я как-то не подумал... — Он поспешно отпил из своего стакана. — Нина была совершенно пьяна, когда я ее укладывал в постель. Теперь она будет спать всю ночь, как сурок. Она что, уже успела так напиться еще до вашего прихода, лейтенант?

Я покачал головой.

— Увы, это было уже при мне. Но на нее все это так сильно подействовало...

— Вот и нашла повод накачаться вдрызг, — ответил он на это. — Вы, случайно, не знаете, ее кто-нибудь провожал, когда она возвращалась с вечеринки у Шепли?

— Она ни о ком не упоминала, — ответил я совершенно искренне.

— Конечно, не упоминала, — буркнул он. — Головная боль... Готов держать пари, что она поймала там первого попавшегося жеребца и затащила его к себе в машину. Наверняка! Вы женаты, лейтенант?

— Нет, — ответил я. — С такой профессией, как моя, тяга к женитбе быстро пропадает.

— Вы умница. А я уже три раза испытывал судьбу и все три раза попадал впросак. Вот эта, последняя, оказалась нимфоманкой... Первая была настоящим нйтиком, а у второй не хватало винтиков. Не успеет появиться в каком-нибудь отеле, как сразу же старается спрятать в шкаф какого-нибудь парня. Дежурного, официанта — все равно кого... Так, на всякий случай. Про запас... — Он выпил стакан до конца и поставил его на стол. — А почему, собственно, на этом человеке был костюм клоуна?

— Неплохой вопрос, — заметил я.

— Возможно, я найду и ответ, — самодовольно ответил он. — Все дело, наверное, в этой вечеринке у Шепли. Уж если они что-нибудь устраивают, то делают это обязательно на широкую ногу. Может быть, на этот раз у них был костюмированный вечер?

— Но ведь на вашей жене не было маскарадного костюма, — возразил я ему.

— Так не обязательно же все должны быть выражены. Некоторые гости, возможно, приехали туда в маскарадных костюмах. Почему бы вам не проехать туда, лейтенант, и не порасспрашивать их там?

— Спасибо за совет, — ответил я. — Но надеюсь, вы позволите мне допить виски?

— Разумеется! — Он внезапно ухмыльнулся. — Я уверен, что вечер там еще в полном разгаре. Шепли редко заканчивает оргии до рассвета.

Я допил виски, а он тем временем уже смешивал себе очередную порцию.

— Завтра утром, после нашего свидания в морге, я хотел бы поговорить с Элтоном Чейзом, — сказал я. — Меня все-таки интересует история с вашей машиной.

— С Элтоном? — Он поднял голову. — Вы его знаете?

— Нет. Но о нем упоминала ваша жена,— ответил я.

— Почему она вдруг заговорила о нем? — удивился он.— Ведь за все время она встречалась с ним всего раза два-три, не больше.

— Мы оба были уверены, что убиты-то вы,— напомнил я ему.

Его лицо омрачилось.

— И она подумала, что меня мог убить Чейз?

— Нет. Просто я спросил ее, кто будет теперь вести дела вашей фирмы, и она ответила, что, вероятно, Элтон Чейз.

— Я вижу, лейтенант, что вы успели задать очень много вопросов моей жене обо мне и о моих партнерах? — тихо спросил он.

— Добрую сотню,— со злорадством ответил я.— И она искренне ответила на все. Но сейчас, я думаю, нет смысла говорить на эту тему.

— Независимо от того, служите ли вы в полиции или же нет, но в конечном итоге вы не что иное, как расфуфыренный петух!

— Благодарю за виски,— ответил я.— И за комплимент тоже. Но мне уже пора уехать. Будем надеяться, что вечеринка еще не кончилась.

— Вам достаточно лишь спуститься по дороге вниз в долину. Первый дом, который вы увидите, и будет домом супругов Шепли.

— Спасибо, ваша жена мне об этом уже говорила.

Я дошел было до двери, когда Людвиг Джанос окликнул меня:

— Лейтенант!

— Да? — повернулся я.

— У меня только один вопрос к вам,— медленно сказал он.— Вы вели себя сегодня деликатно по отношению к моей жене? Вы не проявляли никакой ненужной настойчивости?

— Возможно, я и расфуфыренный петух,— сухо ответил я,— но наглцом я себя не считаю.

— Вы в этом уверены?

Его руки сжались в кулаки, которыми он и начал тихонько постукивать по поверхности бара.

— И она тоже не проявляла настойчивости?

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, я сперва задам свой...

— Какой? — гаркнул он.

— Кому первому пришло в голову, что ваша вторая

жена по своей доброй воле бросилась с двадцатого этажа? — спросил я. — Судя по всему, это была ваша мысль, не так ли?

— Убирайтесь вон! — прорычал он. — И побыстрее! Иначе я могу забыть, что вы — лицо официальное!

Я неторопливо направился к своему «остину», который стоял у дороги, и сел за руль. На моих часах была уже половина третьего ночи, и я подумал, что вряд ли мне удастся вообще поспать сегодня ночью.

Через несколько минут я уже мог увериться в том, что вечер у Шепли в полном разгаре. Ритмы музыки, доносившиеся из дома, были столь оглушительны, что перекрывали шум мотора моей спортивной машины, хотя я был еще в полумиле от этого дома. Когда я наконец остановил машину у подъезда с колоннами, какофония была уже настолько оглушительной, что я начал серьезно подумывать о том, чтобы заткнуть чем-нибудь уши.

Дверь дома была распахнута настежь, поэтому я безо всяких помех сразу вошел в холл.

Навстречу мне, плавно покачиваясь, шла девушка с иссиня-черными блестящими волосами и с любопытством во взоре. На ней была надета белая туника с разрезом, который почти достигал талии, и было явно заметно, что тонкий светлый шелк не в состоянии справиться с тем избытком жизни и энергии, который проявлялся в ее полных и сочных грудях. Туника заканчивалась там, где берут свое начало ноги, а открытые сандалии со шнуровкой до самых колен завершали греческий наряд.

— Вы слишком поздно пришли, — сказала она мне. — И, кроме того, вы почему-то совершенно не посчитались с тем, что идете на маскарад. Как вы могли появиться здесь в этом мятом и поношенном костюме?

— Я ишу кого-нибудь из Шепли, — сказал я.

— Говорите громче! — прокричала она. — При такой идиотски громкой музыке нельзя разобрать даже своих собственных слов.

— Ишу Шепли! — прокричал я.

— Что-о?

Она наклонилась ко мне, чтобы лучше услышать мои слова, и нежный шелк подался... На меня своими глазами уставилась дынеобразная красавица, называемая женской грудью.

— Простите, — сказала девушка как ни в чем не бывало и тут же засунула свое хозяйство туда, где оно и должно было пребывать. — Вы, кажется, что-то сказали?

— Я ищу Шепли,— закричал я изо всех сил.

И как раз в тот момент, когда я был на середине этой короткой фразы, какой-то идиот выключил стереопроигрыватель.

— Чего вы так разорались? — холодно посмотрела на меня брюнетка.— Дэвид и Марта должны быть где-то здесь. Будет лучше всего, если вы сами постараетесь их отыскать.

— С таким лицом и фигурой, как у вас,— сказал я на прощание,— вы можете потопить сразу сотню кораблей вместе с экипажем.

Войдя в гостиную, я сразу же столкнулся с какой-то огромной гориллой, которая заигрывала с миловидной девушкой в матросском костюме. В помещении находилось около десятка людей. Некоторые были в масках, другие в вечерних туалетах, а одна парочка в углу практически вообще не была одета. Все свое время они, казалось, поделили между поглощением напитков и сюсюканьем. Была здесь и индивидуалистка — златокудрая красавица, которая, стоя на столе, медленно скидывала с себя одежду. Видимо, она начала свой стриптиз под музыку и теперь по инерции продолжала раздеваться. Когда она нагнулась для того, чтобы скинуть с себя штанишки, какой-то старый пират укусил ее в ягодицу. Златоглавка громко вскрикнула и, сделав огромный прыжок, приземлилась на ковре из искусственной леопардовой шкуры. Я успел схватить за руку пирата как раз в тот момент, когда он хотел последовать за ней через стол.

— Я ищу Шепли,— сказал я.— Или его, или ее — мне совершенно безразлично.

— Ого! Значит, вам совершенно безразлично, с кем иметь дело: с мужчиной или женщиной? — еле проговорил он заплетаящимся языком.— А я все-таки предпочитаю женщин, приятель! И особенно рыжих... Вон та стройная рыжуха, запомни, она моя!

Он оттолкнул меня, издал какой-то победный дикарский клич и, перелетев через стол, приземлился со страшным грохотом на златокудрую красотку. Тогда я обратил внимание на парочку, лежавшую на диване, может быть, они мне помогут. Но приглядевшись к ним повнимательнее, я решил, что в этот момент их беспокоить не стоит.

Снова в поле моего зрения попала черноволосая гречанка. Она наплывала на меня — медленно, но вполне целеустремленно. Я понял, что неизбежного не миновать, и покорился судьбе, не двигаясь с места. Подойдя ко мне

вплотную, она остановилась и перевела дыхание. Нежная шелковая туника опять не выдержала и подалась.

— Прошу прощения! — Она автоматическим движением положила свою правую грудь на место, под нежную материю. — Я вас правильно поняла: вы ищете Шепли, не так ли?

— Совершенно верно. — Я обрадованно закивал.

— Я только сейчас вспомнила, что я как раз и есть Шепли, — сказала она с очаровательной улыбкой.

— А где ваш супруг? — осведомился я.

— В кабинете, — ответила она. — Он не любит веселья и вечеринок. Не вообще, а только и именно сегодняшнюю, потому что он сегодня приблизился к малютке Меллор ближе, чем нужно, и за этот маневр получил от ее мужа в нос. А Дэвид очень не любит, когда его бьют в нос. Особенно же в тех случаях, когда бьют до крови.

— Спасибо за сведения, — поблагодарил я. — Где его кабинет?

— В задней части дома... — Ее пьяные глаза все время тщетно пытались сфокусироваться на мне. — Отсюда вы не попадете к нему. Вам нужно вернуться обратно в холл, а оттуда уже идти в его кабинет.

Из-за ее плеча возникло сладострастное лицо гориллы. Лапами она схватила ее за груди.

— Это моя девушка, — раздался хриплый голос из-под маски. — Ты — Джейн, а я — горилла. Гориллы намного лучше Тарзана. Горилла это все равно, что два Тарзана вместе.

— Извините, — брюнетка вежливо улыбнулась мне. — У вас не найдется огонька?

— Конечно, найдется.

— Я протянул ей коробку спичек.

— Благодарю! Я сейчас освобожусь!

Она зажгла спичку и поднесла ее к лапе гориллы. Синтетический мех вспыхнул с необыкновенной легкостью. Из-под маски гориллы вырвался громкий крик ужаса. А в следующее мгновение горилла, вся обьятая клубами дыма, уже мчалась к двери.

— Он знает, где здесь бассейн, — совершенно спокойно ответила на мой взгляд брюнетка. — Поверьте мне, холодная ванна не принесет ему ничего, кроме пользы.

— Только что он охотился за какой-то девушкой в матросской куртке, — сказал я. — И она, казалось, не очень спешила от него избавиться. Он бы ее обязательно поймал, если бы проявил хоть немножко больше ловкости.

— Он, наверное, ее все-таки поймал,— не согласилась она.— Только такой близорукий болван, как Пол, может додуматься до того, чтобы натянуть на себя узкую маску, которая не оставляет места для очков. Возможно, что он мог натолкнуться и на свою собственную жену. А кто вас пригласил на вечер?

— Никто,— ответил я.— Но мне крайне необходимо поговорить с вашим супругом.

— Я вас провожу к нему.

Плавнo покачивая бедрами, она направилась к двери, а потом вдруг легко перепрыгнула через пирата и златокудрую красавицу, которые катались на полу. Мы вошли в холл, и я направился вслед за Мартой Шепли по коридору к кабинету ее супруга.

Человеку, который вяло сидел в кресле, держа в руках стакан, было, на мой взгляд, где-то около тридцати. Из-за залысин лоб его казался высоким, и сочетание этого лба с жидкими волосами придавало ему вид интеллигента. Водянисто-голубые глаза были посажены близко друг от друга, а маленький рот на узком лице был презрительно искривлен. Нос у него был красный и толстый, и поскольку он все время им шмыгал, можно было предположить, что у него насморк.

— Дэвид,— сказала его жена,— я привела к тебе человека, которого я совершенно не знаю, но который хочет поговорить с тобой.

— Скажи ему, чтобы он уматывал отсюда,— раздраженно ответил Дэвид Шепли.— Сегодня я больше не буду ни с кем говорить. И это ты очень хорошо знаешь. Вполне возможно, что я вообще никогда не буду больше ни с кем говорить, не исключая и тебя.

Брюнетка повернула голову и посмотрела на меня.

— Он не всегда такой,— сказала она.— В большинстве случаев он бывает гораздо хуже.

— Я лейтенант Уиллер,— представился я и, вынув свой служебный значок, вручил его Марте.— Из бюро шерифа.

— Из Ноттингемского леса,— прокричал Шепли.— В таком случае, разрешите представиться: я — Робин Гуд. Что это за тип, Марта? У него что, нет денег, чтобы приобрести себе подходящую одежду?

— Мне кажется, что он говорит правду,— сказала она, внимательно поглядев на значок и вернув его мне.— Во всяком случае, на этой штуковине написано слово «лейтенант».

— На вашем сегодняшнем празднике была Нина Джанос? — спросил я ее.

— Возможно, — ответила она. — Но сейчас ее больше нет.

— Она исчезла незадолго до того, как этот взбесившийся идиот набросился на меня с кулаками, — добавил Шепли. — Кажется, у нее разболелась голова или что-то в этом роде.

— В котором часу это было? — спросил я.

— Около полуночи, — ответил он, нетерпеливо пожав плечами. — Но, возможно, что я и ошибаюсь.

Я посмотрел на брюнетку.

— Может быть, вы помните?

Она покачала головой.

— Как вы понимаете, в настоящий момент мне было трудно вспомнить даже собственное имя. Вы уже имели возможность убедиться в этом!

— Скажите, — продолжал я, ничем не показывая своего недовольства такими неудовлетворительными ответами супругов, — кто был на вашем вечере в костюме клоуна?

— Клоуна? — удивленно переспросила она. — А разве здесь был кто-нибудь в костюме клоуна?

— Именно это я и хотел бы знать, — ответил я уже с некоторым раздражением.

— Конечно, клоун был! — категорически заявил Шепли.

— И кто же это был? — продолжал настаивать я.

— Откуда, черт возьми, я могу это знать? — Он опять пожал плечами. — На любом маскараде появляется, как минимум, один человек в костюме клоуна! Есть же люди, у которых нет ни капли фантазии! И как поступают такие люди обычно? Они наряжаются клоуном — и все.

— Я могу описать, как он выглядит, — заметил я.

— Кто? Клоун? — спросила Марта и хихикнула.

— Ему приблизительно лет пятьдесят, — продолжал я, не обращая на нее внимания, — у него толстые губы и лицо довольно отталкивающее.

— Так, наверное, выглядел мой дорогой Дэвид, когда ему было лет двадцать, — вставила Марта.

— Если ты повторишь это, будучи в трезвом состоянии, я выбью тебе все зубы, — прогремел Шепли. — А кто, собственно, пригласил этого самого клоуна на вечеринку?

— Только не я, — запальчиво ответила Марта. — Друзья Людвига Джаноса — не наши друзья. И ты это отлично знаешь.

— Но ведь Нина — твоя подруга, — ответил Дэвид.

— Конечно, бедная Нина действительно моя подруга, — ответила Марта в еще большей запальчивости. — И мы оба прекрасно знаем, как подло обращается с ней Людвиг. У бедняжки совершенно не стало личной жизни. — Она бросила на своего мужа ядовитый взгляд. — Возможно, только ты ее иногда утешаешь, когда меня нет под боком.

— Мне действительно жаль бедную Нину, — очень медленно сказал Шепли. — И если у нас с ней есть что-то общее, то только с духовной точки зрения.

— С духовной точки! — тут же передразнила его Марта. — Неужели ты всерьез пытаешься меня уверить в том, что тебя привлекает в ней благородная душа, а не ее великолепная фигура и сочные груди?

— Если уж мы заговорили о сочных женских грудях, — набросился на нее Шепли, — то ты весь вечер напролет выставляешь свои сочные груди на всеобщее обозрение!

— Хватит об этом! — воскликнул я. — Как звали клоуна?

— Если он действительно выглядит так, как вы его описали, — очень осторожно и медленно ответил Шепли, — лет пятьдесят, лысый, орлиный нос, отталкивающая внешность — я правильно вас понял? Если все это так, то это, видимо, Элтон Чейз.

— И сегодня вечером он был у вас на вечеринке?

— Сегодня вечером здесь был человек в костюме клоуна, — осторожно ответил Шепли. — Был ли этот клоун Элтоном Чейзом, этого я не знаю. Я могу судить только исходя из вашего описания.

— Теперь я начинаю понимать, почему вы сегодня заработали удар по носу, — раздраженно сказал я.

— Может быть, — задумчиво проговорила Марта, — это действительно был Элтон Чейз?

— Может быть, — небрежно ответил Шепли. — Может быть, Элтон, а, может быть, кто-то другой. Какое это, собственно, имеет для вас значение?

— А я видела, как они уходили, — вдруг вмешалась Марта. — Оба, этот клоун и Изабель Мерман.

— А это еще кто такая? — хмуро буркнул я.

— Изабель — подруга Нины. И еще вот что я думаю. Для Нины было бы не совсем удобно встретить здесь Элтона Чейза, потому что он работает у Людвига и наверняка может рассказать тому, что Нина была у нас и как она себя вела. Все это Людвигу наверняка не понравилось бы! — Она перевела дыхание и немного помолчала. —

Мне кажется,— продолжала она,— что теперь все ясно, не так ли? Ясно, как Божий день...

— Ясно, как Божий день, сейчас только одно, что твоя грудь снова выскочит наружу,— отрезал Шепли.— Может быть, ты ее все-таки положишь на место? К чему понапрасну отвлекать лейтенанта от работы?

— Прошу прощения! — Брюнетка привычным движением поправила тунику, заправив в нее грудь, и одарила меня милой улыбкой.— Теперь вы, наверное, уже знаете ответы на все ваши вопросы, лейтенант.— И она начала загибать на левой руке пальцы: — Во-первых, на нашей вечеринке почти наверняка был клоун. Во-вторых, этот клоун ушел с праздника очень рано вместе с Изабель Мерман, которая является подружкой Элтона Чейза. В-третьих, по тому описанию внешности, которое вы нам дали, это вполне мог быть и Элтон Чейз... Отталкивающая внешность... Это вы очень хорошо сказали, лейтенант. Такой эпитет вполне относится к Элтону Чейзу. Если, конечно, не считать Дэвида.— Она очень мило улыбнулась.— Правда, для Дэвида нужно было бы выбрать эпитеты посочнее.

— Мне придется поставить вас перед альтернативой, лейтенант,— сказал Шепли.— Или вы немедленно отсюда уберетесь, или же вы станете свидетелем того, как я сейчас разделаюсь со своей женой!

Дэвид буквально задыхался от гнева.

— Где бы я мог найти Изабель Мерман? — поспешно спросил я.

— Она живет где-то в городе,— ответила брюнетка.— Ее адрес имеется в телефонной книге.

— Благодарю вас, миссис Шепли,— сказал я.

— Всего хорошего, лейтенант.— Шепли даже не пытался скрыть свою зевоту.— И, прошу вас, займитесь этим вопросом по-серьезному — это избавит вас от повторных визитов к нам.

— Я провожу вас,— сказала Марта.

— Трусиха!

Шепли удовлетворенно ухмыльнулся и снова обратил все свое внимание на стакан с виски.

Мы подошли к входной двери, и она вышла со мной на улицу.

— Я была пьяна,— сказала она.— Чертовски пьяна. Но как только увидела ваш служебный значок, сразу же протрезвела.

— Скажите,— спросил я ее с искренним любопытством,— ваш муж всегда такой?

Она тихо рассмеялась.

— Мне очень хотелось бы ответить, что вы познакомились с ним в одну из самых лучших минут его жизни. Но это было бы нечестно. Все дело в том, что Дэвид считает себя не только гением, но и одним из самых жестких мужчин на земле. И вот, представьте, сегодня его гордость была смертельно оскорблена: кто-то залепил ему в нос, да так, что он свалился.

— Да, такое унижение перенести довольно трудно,— вежливо согласился я.— Это вполне понятно.

— А теперь скажите мне, лейтенант,— сказала она,— почему вы вдруг так заинтересовались этой личностью, Элтоном Чейзом? И в такой неурочный час?

— Потому что человек, на котором был одет костюм клоуна, отдал Богу душу,— ответил я.— Он был убит сегодня вечером в доме Людвиг Джаноса. Когда я прибыл туда, он сидел в кресле в библиотеке с перерезанным горлом.

— О, Боже ты мой! — Я услышал, как она тяжело задышала.— И кто же это сделал, лейтенант?

— Именно это я и пытаюсь узнать,— угрюмо ответил я.— Завтра утром Джанос придет в морг. Вполне возможно, что он опознает мертвеца. Но мне бы очень хотелось, чтобы и вы со своим супругом приехали туда.

— Обязательно? — с дрожью в голосе спросила она.— Я имею в виду, обязательно ли нам двоим?

— Ну как вам сказать... Может быть, и одного вашего мужа окажется вполне достаточно,— ответил я.— Если и он, и Джанос с уверенностью опознают убитого.

— В таком случае, наверное, будет лучше, если приеду все-таки одна я,— задумчиво ответила она.— Дело все в том, что они недолюбливают друг друга. Дэвид в свое время очень хотел жениться на Нине, но Людвиг увел ее из-под самого его носа. Несколько месяцев спустя Дэвид женился на мне.

— Вы опасаетесь, что между ними может возникнуть стычка?

— Да, как вам сказать... Во всяком случае, дружеской беседой это не назовешь,— ответила она.— Особенно, если Людвиг к этому времени уже будет знать, что Нина была у нас на вечеринке. Он сразу же заподозрит самое худшее. Он всегда такой и иным быть просто не способен.

— Что вы знаете об Элтоне Чейзе?

— Он работал у Людвиг, — медленно ответила она. — Как все говорят, был его правой рукой. Мне почему-то все время казалось, что у него с Ниной... что они встречались друг с другом, когда Людвиг отсутствовал. Но это только мое предположение. Нина очень осторожна и умна, чтобы чем-нибудь себя выдать. Может быть, она и сегодня приезжала к нам только для того, чтобы встретиться у нас с Элтоном. Вполне возможно, что и Элтон привез с собой Изабель Мерман только для отвода глаз. Понимаете?

— Все это звучит довольно запутанно, — откровенно сознался я. — Вы, случайно, не знаете, кто мог желать смерти Элтона?

— Людвиг, — сразу же ответила она. — Конечно, только в том случае, если между Ниной и Элтоном что-то действительно было, а Людвиг как-то узнал об этом.

— А какого рода делами занимается Джанос?

— Понятия не имею, — ответила она. — Знаю только, что он известен своей беспринципностью. Действует по правилу: цель оправдывает средства. Вполне возможно, что это в какой-то степени передалось и Элтону.

— Ну, что ж, всего хорошего, — сказал я. — Желаю вам приятного времяпрепровождения!

— Сейчас я больше всего хотела бы улечься спать и проснуться не раньше завтрашнего полудня. Вы все еще настаиваете, чтобы в морг мы явились оба?

— Думаю, что одного из вас будет вполне достаточно, — ответил я. — Кто из вас придет туда, решайте сами. Я буду ждать вас в одиннадцать, и уж, пожалуйста, не опаздывайте.

— В таком случае, туда все-таки приеду я, — решительно заявила Марта. — Но мужу я сначала скажу, что вы категорически настаивали именно на его присутствии. Это скорее его протрезвит. — Она тихонько хихикнула. — Может быть, он тогда даже забудет о своем распухшем носе.

3

Пайн-сити гордился своим моргом. Это было солидное новое здание из кирпича, богато освещенное, с полированными стенами и полом. На холодильные установки были выданы письменные гарантии, что они не откажут в работе даже при тропическом зное. Я заметил, что на мистера Джаноса и миссис Шепли стерильная атмосфера морга, когда они переступили его порог, произвела глубокое впечатление. Из глубины помещения появился дежурный.

— Добрый день, лейтенант! — Его водянистые глаза осмотрели меня с ног до головы, как будто он уже снимал с меня мерку. — Чем могу служить?

— Ничем, — ответил я. — Но хочу надеяться, что в дальнейшем мне понадобится ваша помощь.

— Как, как?

Он непонимающе заморгал глазами.

— Меня интересует человек, которого доставили сегодня ночью.

— Это тот, у которого перерезана глотка? — в его глазах появился некоторый интерес. — Такого я уже давно не видел, лейтенант!

— Скажите, этот предлог для разговора является совершенно необходимым? — слабым голосом спросила вдруг Марта.

— Откройте свою каморку! — коротко приказал я.

— О'кей, лейтенант! — Дежурный пожал плечами. — Сделаем все, что вам будет угодно.

Через несколько секунд он уже открывал одно из отделений холодильной камеры, в котором, вытянувшись во всю длину, лежал ночной гость Джаноса.

— Да, это Элтон Чейз! — Марта Шепли испуганно посмотрела на меня. — А теперь я могу идти, лейтенант? Иначе, боюсь, мне будет плохо...

— Разумеется, — ответил я. — Мне вас проводить?

Она покачала головой.

— Сейчас мне нужно только одно: свежий воздух.

— О'кей, — сказал я. — Благодарю за помощь.

— Что за нелепые церемонии в такой обстановке!

С ее лица исчезли последние остатки живых красок, и она опрометью бросилась к выходу. Я сделал вид, что не заметил выражения полного удовлетворения, которое появилось на лице дежурного, и повернулся к Джаносу.

— Да, это Элтон Чейз, — немедленно подтвердил он своим хриплым голосом. — Но я не понимаю очень многого. Во-первых, кому могло понадобиться убивать его? И, во-вторых, почему это сделали в моем доме?

— Этого я тоже не знаю, — ответил я, делая знак дежурному, что он может закрывать холодильник. — Давайте где-нибудь поговорим на эту тему.

— Наверное, будет самым лучшим, если мы поедем в ваше бюро? — заметил он с кривой усмешкой.

— Откровенно говоря, я предпочел бы поехать в ваше, — вполне искренне ответил я.

Фирма Джаноса располагалась в современном здании, в самом центре города. Обстановка в бюро была роскошной. То же самое можно сказать и о секретарше, которая нас встретила.

Мы расположились в кабинете Джаноса, не уступавшем по величине всей моей квартире. Джанос опустился в кресло за огромным письменным столом и милостиво кивнул мне на кресло гораздо меньших размеров, которое было предназначено для посетителей.

— Должен честно признаться, что я совершенно выбит из равновесия, лейтенант, — сказал он. — Я ведь сначала подумал, что вы просто забавляетесь за моей спиной с моей женой, а вся эта история с трупом в библиотеке — самая чистая выдумка. А теперь я...

— Как бы вы описали Элтона Чейза, если бы вас об этом попросили? — перебил я его. — Я имею в виду черты его лица.

Холодные серые глаза Джаноса выдавали, что он сейчас находится все время настороже.

— Мне кажется, что я не совсем вас понимаю, лейтенант.

— Хорошо, возьмем для примера вас, мистер Джанос, — пояснил я. — Если бы кто-нибудь потребовал от меня, чтобы я описал вашу внешность, я бы сказал, что вам около сорока лет, что у вас густые черные волосы, усики и серые глаза... Вы понимаете теперь, о чем я вас прошу?

— Да, ваше описание вполне подходит, — ответил он. — Но, тем не менее, я не вижу...

— Может быть, мне самому попытаться сейчас описать внешность Элтона Чейза? — заметил я великодушно. — А вы внимательно слушайте. Ему около пятидесяти лет, он совершенно лысый, с орлиным носом и толстыми губами. Как вы думаете, в общем и целом такое описание совпадает с его внешним видом?

— Да, — он медленно кивнул.

— Тогда давайте вспомним: вчера вечером я дал вам точно такое же описание человека, который был убит в вашей библиотеке, — заявил я. — И вы уверили меня, что не знаете его вообще, не знаете такого человека, к которому могло относиться такое описание.

— Я был немного не в себе вчера, — ответил он чересчур поспешно. — Я ведь подозревал, что вы — любовник моей жены, а всю эту историю придумали просто для отвода глаз. Учитывая эти обстоятельства, я, возможно, не очень внимательно вслушивался в ваши слова.

— Возможно, — буркнул я.

Он плотно сжал губы.

— Я не люблю, когда начинают сомневаться в моих словах.

— Видимо, вам не так уж часто приходилось лгать, — спокойно ответил я. — Кстати, чем занимается ваша фирма?

— Всем понемногу, что приносит прибыль, — ответил он. — Если я чувствую, что на чем-нибудь можно сделать бизнес, я сразу же включаюсь в это дело. В любом деле, в любой отрасли, начиная с рынка и кончая производством новых предметов самого разного плана.

— Какую работу в фирме выполнял Чейз?

— Он, собственно, был моим заместителем. — Джанос насмешливо поднял густые брови. — Можно назвать его вице-президентом фирмы, моей правой рукой. У Элтона не было нюха на поиски новых выгодных капиталовложений, но это был чрезвычайно надежный и трудолюбивый человек. Я обычно теряю интерес к делу, как только первые трудности остаются позади. Но я всегда могу полагаться на него: он не бросит дела на полдороге и доведет его до конца.

— Видимо, одно из таких дел и заставило вас поехать в понедельник в Лос-Анджелес?

— Да. Некто Эндерсон изобрел электронный прибор, который должен произвести настоящую революцию при записи звука в кино и на телевидении. О патентах он не имеет никакого понятия, а дело по целому ряду причин имеет некоторые трудности. А у меня здесь, в Пайн-сити, один из лучших юристов в стране по вопросам о патентах. — Он широко улыбнулся. — На местах проводить подобные операции тоже иногда полезно, лейтенант! Конкуренты из крупных городов в целом ряде случаев пренебрежительно относятся к нам, провинциалам, и это часто приносит нам выгоду.

— Значит, вы поехали в понедельник в Лос-Анджелес, покончили там с делами раньше, чем предполагали, и уже в среду вернулись обратно, — сказал я. — Свою машину вы оставили в понедельник на попечение Чейза и поэтому добрались домой на наемной машине?

— Совершенно верно.

— Во время вашего отсутствия Чейз не должен был выполнять какого-либо рода серьезных поручений?

— Нет, никаких серьезных и срочных дел в настоящее время не было.

— У вас не было подозрений, что он за вашей спиной занимается какими-нибудь другими делами, которые могли бы вам просто не понравиться?

В серых глазах снова появилось недоверие.

— Какими, например? — резко спросил он.

Я пожал плечами.

— Откуда я могу знать, каким образом можно вас обманывать?

— Обманывать? Меня? — Он на какое-то время задумался, а потом решительно покачал головой. — Нет, это исключено, лейтенант. Здесь внизу, в бухгалтерии, сидит превосходный молодой бухгалтер, который проверяет все месячные документы фирмы с такой скрупулезностью, что он просто не может пропустить ни одной фальшивки.

— Может быть, он вас обманывал вне фирмы?

— Вы намекаете на какие-то наши личные отношения? — вскипел он. — Что вы этим хотите сказать, черт вас возьми?

— Ничего определенного, — спокойно ответил я, — просто я задаю вопросы. Ведь Чейза кто-то убил. И этот самый «кто-то», вероятно, имел для этого весьма веские основания.

— Элтон был холостяк, — медленно сказал Джанос. — Я слышал, что в отношении женщин он вел довольно разгульный образ жизни, но я всегда считал, что это меня не касается, поскольку работа от этого не страдала.

— Вы знаете Изабель Мерман?

Густые брови быстро вскинулись.

— Вы что, смеетесь надо мной?

— Нет, — терпеливо ответил я.

— Только что я упомянул о нашем юристе, — ухмыльнулся он. — Это и есть Изабель Мерман. А какое отношение она имеет ко всей этой истории?

— Вполне возможно, что вообще никакого, — ответил я. — Кто-то вчера упомянул ее имя. Она ведь тоже была вчера у Шепли.

— Наверняка об этом вам нашептала эта мегера, Марта Шепли, — буркнул он. — Этой бабе я верю меньше, чем тому парню, за которого она вышла замуж.

— И где же можно найти вашего знаменитого юриста?

— Этажом выше, — ответил он. — Да, Пайн-сити — настоящая деревня. Но вы, лейтенант, знали об этом и раньше?

Небольшой кабинет Изабель Мерман был похож на какую-то лавку. Через все помещение тянулся прилавок со множеством кнопок. Я нажал на одну из них и принялся ждать. Через минуту появился молодой человек. Судя по его виду, можно было сразу сказать, что он не страдает от избытка скромности. У него было такое важное лицо, как будто он считал себя, по меньшей мере, новым президентом Соединенных Штатов.

— Да-а? — Его брови вопросительно вскинулись вверх.

Он еще и нахмурился, но этого оказалось недостаточно, чтобы заставить задрожать сильного мужчину.

— Что вы хотите?

Я на мгновение задумался.

— А что вы можете мне предложить?

— Послушайте... — Он сделал нетерпеливый жест рукой. — У меня совершенно нет времени стоять с вами и заниматься идиотской игрой в вопросы и ответы. Если вам что-нибудь нужно, то скажите четко и ясно.

— Тогда вот, пожалуйста, взгляните. — Я сделал страшное лицо и сунул ему под нос свой служебный значок. — И еще у меня есть с собой описание человека, который разыскивается полицией за изнасилование несовершеннолетней девицы и пяти продавщиц. Это описание удивительно подходит к вашей внешности!

— Вы из полиции?

Какое-то время он так и стоял с открытым ртом.

— Во всяком случае, не из Армии Спасения, — жестко ответил я. — А все зло и несчастье сексуальных преступников — таких, как вы — заключается в том, что они забывают надеть на свое лицо маску добропорядочности и тем самым сразу выдают себя с головой.

— Это какая-то ужасная ошибка. — Он отчаянно заморгал. — Смею вас уверить...

— Не будьте к нему слишком жестоки, лейтенант, — раздался чей-то насмешливый голос.

Я обернулся. В дверях стояла черноволосая девушка с широкой улыбкой на губах. Гладкие волосы были аккуратно обрезаны и сложены на голове в виде шапочки, а короткие волосы спереди образовывали челочку, как у пони. Над насмешливо поблескивающими глазами с зеленоватым отливом вскинулись широкие брови, а маленький курносый носик, казалось, был переходным мостиком от зеленых глаз к большому чувственному рту с алыми губами. Короче говоря, у нее было лицо, как у интеллигентной, но очень дикой кошечки.

На ней был светло-зеленый пуловер с широким воротом, который вызывающе подчеркивал ее высокую грудь, судя по всему, упругую и вызывающую, и узкие брюки, обтягивающие узкую талию, округлые бедра и длинные ноги.

— Джордж временами забывает, что вежливость быстрее приводит к цели,— заметила она насмешливо.— Вы хотели поговорить со мной? Я — Изабель Мерман.

— Да, я хотел поговорить с вами,— ответил я.

— В таком случае заходите в мою тихую келью, которая громко именуется бюро,— пригласила она.— А Джорджу пора отправляться в универсальный магазин.

— Тоже верно,— быстро согласился я.— Там всегда найдется парочка продавщиц, лишенных в данный момент мужской привязанности.

— Вы считаете, что это очень остроумно?

Джордж засопел и с оскорбленным видом исчез за дверью.

Я проследовал за черноволосой молодой женщиной в ее бюро. На письменном столе высились груды книг и всяких бумаг. Стул, стоявший за письменным столом, был старым и потрескавшимся.

— Вот здесь я и работаю,— сказала она.— Но с клиентами стараюсь встречаться и разговаривать в другом месте, чтобы не лишать их иллюзий.

— Иллюзий вы меня не лишили, даже принимая меня здесь,— сказал я вполне искренне.— В этом могу вас вполне уверить. Честно говоря, я скорее очарован. Никогда бы не подумал, что юристы вашего профиля могут выглядеть так привлекательно.

— Что бы ни крылось за вашими словами, лейтенант,— проворковала она,— я не думаю, что у вас может появиться хоть искорка надежды на то, что вы можете получить от меня какой-нибудь патент. Кстати, как я должна вас величать?

— Уиллер,— ответил я.— Значит, вы — та самая Изабель Мерман, которая занимается вопросами патентов и тому подобными юридическими делами. Людвиг Джанос утверждает, что в вопросах патентования вы разбираетесь великолепно.

— Пусть будет так,— без излишней скромности согласилась она и не спеша посмотрела на меня своими зелеными глазами.— Но сейчас, откровенно говоря, я в полной растерянности. Вы совсем не похожи на тех полицейских, которых я вижу по телевидению.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я, сразу переходя к делу,— Элтон Чейз — ваш друг?

— Да.

— И вы были вчера вечером вместе с ним на вечеринке у Шепли?

— Я была на вечеринке у Шепли. И он тоже там был.— Говоря это, она криво усмехнулась.— Вы должны простить меня, лейтенант, что я отвечаю на ваш вопрос именно такой формулировкой. Но в этом виновата моя профессия.

— Вы хотите сказать, что были там с кем-то другим?

— Я была одна.

— В маскарадном костюме?

Она снова улыбнулась.

— Сначала сама идея пойти на вечеринку в маскарадном костюме показалась мне очень милой. Я не знала, что Шепли соберут на этой вечеринке чуть ли не всех любителей повеселиться из Пайн-сити. Я это заметила только тогда, когда было слишком поздно. В следующий раз я надену костюм, который закроет меня с ног до головы. Появиться в костюме кинозвезды из порнографического фильма при таком скоплении народа — идея была не из блестящих, можете мне поверить.

— А какой наряд был на Чейзе?

— На нем был костюм клоуна. Ну, вы знаете: широкие штаны, картонный нос картошкой, белые румяна и так далее. А почему вы об этом спрашиваете?

— Он убит,— коротко ответил я и рассказал ей все в подробностях.

— Какой ужас! — Она прикусила нижнюю губу.— Я никогда не была особенно дружна с Элтоном Чейзом. Но у меня тесные деловые контакты с фирмой Джаноса, и мне довольно часто приходилось иметь с ним дело. Людвиг Джанос вечно где-то разъезжает, и бразды правления в это время находились у Чейза... Но вы, наверное, уже об этом знаете?

— Да, Джанос мне говорил,— ответил я.— Вы не припомните, когда Чейз ушел с вечеринки?

Она покачала головой.

— К сожалению, нет. Я ушла оттуда около часа и перед уходом его не видела. Но это, разумеется, еще не значит, что он ушел раньше меня.

— Вы приезжали к Шепли на своей машине?

— Да. А что?

— Кое-кто мне сказал, что вы уехали вместе с Чейзом.

— Какая чепуха! Я не...— Ее глаза внезапно сверкнули.— Ах, вот оно что! Все понятно! Дело в том, что когда я уезжала, кто-то еще уходил с вечеринки... Да, да... Кто-то, одетый в костюм клоуна. Мы почти одновременно направились к входной двери.

— И этот человек в костюме клоуна был не Чейз? Вы это хотели сказать? — Я почувствовал какие-то неприятные ощущения в области желудка.— Вы хотите сказать, что на вечеринке были два человека в костюме клоуна?

— Ну да, конечно! Я как-то забыла сразу об этом сказать! Я совершенно не знаю, кто был тот, другой клоун, поскольку не разговаривала с ним, а у Шепли гостей не представляют друг другу. Они сами знакомятся, если сочтут это нужным или интересным.

— О, Боже, мне кажется, что я потеряю рассудок! — простонал я.— Два клоуна! Мне хватало и одного... От этого можно действительно сойти с ума! Кстати, вы не могли бы мне сказать, где жил Чейз?

— У него квартира на Морган-стрит,— ответила она.— Дом пятьдесят какой-то, если я не ошибаюсь. Это современный высотный дом. Он сразу бросается в глаза, так что мимо не пройдешь.

— От меня сейчас можно ждать всего, что угодно,— признался я.— Как вы думаете, кому могло понадобиться так рассправиться с Чейзом?

— Не знаю! — решительно ответила она.

— А как случилось, что вас пригласили к Шепли? Вы что, дружите с ними?

— Правильнее сказать, я являюсь деловой партнершей Дэвида,— ответила она.— Он и Джанос часто вместе работали еще до того, как Людвиг увел у него из-под носа девушку, на которой Дэвид хотел жениться. Я и сейчас работаю на них, только, разумеется, на каждого в отдельности.

— Какого рода деятельностью вы занимаетесь для Шепли?

— Он изобретатель,— ответила она.— И временами у него бывают действительно хорошие находки. Главным образом, речь идет о разного характера электронных приборах. О технической стороне дела я ничего не знаю, но мне это не нужно.

— Вы уже слышали о некоем Эндерсоне, который недавно изобрел какой-то электронный аппарат? — спросил я.

— Конечно,— ответила она.— Людвиг очень загорелся

этим делом. Он даже провел несколько дней где-то в дикой глуши наедине с Эндерсоном в его домике с одной только целью: как можно скорее довести дело до конца.

— Только никогда не говорите таких слов уроженцу Лос-Анджелеса,— сказал я.— Иначе не миновать вам скорородки, которой пользуются черти в аду.

— Не понимаю,— в растерянности сказала она. По всему ее виду было заметно, что она действительно ничего не поняла из моих слов.

— Никогда не говорите жителю Лос-Анджелеса, что его родной город — дикая глушь.

Ее глаза округлились от неподдельного удивления.

— Мы, кажется, совершенно не понимаем друг друга! Я вообще ни слова не сказала про Лос-Анджелес! Я имела в виду место по ту сторону Бад-Маунтин. Ведь Эндерсон живет там, как отшельник, в каком-то деревянном срубе и категорически отказывается показаться в городе. Он даже в Пайн-сити не приезжал ни разу!

— Вы его знаете?

Она покачала головой.

— Элтон рассказал мне о нем лишь недавно, по-моему, в пятницу. Его очень забавлял тот факт, что Людвиг вынужден будет провести несколько дней на лоне природы, лишенный всяких удобств и комфорта, без которых он сам не свой.

— Обо всем этом мне хотелось бы узнать поподробнее,— сказал я.— Но сейчас я очень спешу. Мне нужно немедленно найти какую-нибудь звуконепроницаемую камеру, где я мог бы дать выход своему гневу, но так, чтобы никто меня не услышал. Как вы смотрите на то, чтобы нам сегодня вместе поужинать?

— Где? — В ее зеленых глазах сверкнула насмешливая искорка.— В бюро шерифа?

— Вы угадали,— ответил я.— Только сейчас его переименовали, и оно стало называться «Чиз Луиджи», потому что итальянец с материнской стороны женился на фантастической французской поварихе. Оно находится на углу Четвертой Авеню и Эли-стрит. Если вы появитесь там вечером, около восьми, то мы наверняка уговорим шерифа похвастаться своими яствами.

— Очень мило,— заметила она.— Может, мне действительно имеет смысл согласиться?

— А что вас смущает?

— Когда я вошла в приемную, вы уставились на меня такими глазами, что я была рада, что поблизости не

оказалось кровати,— ответила она.— Но ваше приглашение на ужин прозвучало уже совсем в другой тональности. Мне кажется, что вам действительно необходимо поговорить со мной об этом убийстве.

— Иногда все-таки доктор Джекиль берет во мне верх,— признался я.— Но ненадолго...

— И тогда от мистера Хайда ничего не остается? — спросила она.— Мне было бы приятнее, если бы в вас всегда имелось что-то и от того, и от другого. Женщин такой вариант устраивает больше всего.

4

Хозяин доходного дома моментально сообразил, что появление в доме полицейского офицера сулит ему одни неприятности, и остается лишь надеяться на то, что жильцы ничего об этом не узнают. Поэтому он сразу же посадил меня в лифт и повез на девятый этаж. Все это произошло так быстро, что я даже начал тяжело дышать, когда мы, наконец, добрались до места.

— Когда вы покончите со всеми своими делами, лейтенант, то просто бросьте ключ в мой ящик.

— Хорошо,— согласился я.

— Откровенно говоря, этот мистер Чейз производил на меня хорошее впечатление,— добавил он.

— Вот как?

— Да. Мне казалось, что у него были деньги и очень скромные связи с женщинами. А, собственно говоря, почему он не мог себе этого позволить?

— Действительно, почему? — словно эхо, отозвался я.

— У него какие-то неприятности?

— Нет,— ответил я.— Теперь у него нет никаких неприятностей.

— Вчера вечером у него испортился кондиционер, и он позвонил мне,— продолжал хозяин, не желая уходить и оставлять меня одного.— Когда я зашел к нему, меня чуть удар не хватил! Представляете, он был в костюме клоуна! Но потом он мне объяснил, что собирается на маскарад.

— Угу...— промычал я.

— Не знаю, выпил он уже или нет, но настроение у него было превосходное. Он даже настаивал, чтобы я выпил с ним рюмочку. Все время, пока я был у него, он отпускал шуточки и при этом сам хохотал так, что стены дрожали.

— Значит, он уже в какой-то степени был пьян? — спросил я, проявляя, наконец, интерес к его болтовне.

— Нет. — Он решительно покачал головой. — Он не был пьян, но был чем-то сильно взбудоражен... Вздвинчен, точнее сказать. Да и шутки у него были какие-то бессмысленные.

— Например?

— Хм... Он говорил, например...

Хозяин дома наморщил лоб, стараясь вспомнить шутки Элтона Чейза.

— Ага, вот! Он, например, говорил: «Скажите, что может быть лучше клоуна?» А когда я ответил ему, что не знаю, он сказал: «Два клоуна!» и расхохотался так, словно сказал Бог вещь что смешное.

— Ну, а что он еще говорил?

— Он говорил так быстро, что я немного и понимал из этой болтовни. Но одно его замечание я помню хорошо, поскольку оно было продолжением той шутки, о которой я вам уже говорил, про двух клоунов. Он спросил меня, что может быть лучше хозяина, и ответ его опять звучал похоже: «два хозяина». Потом он спросил, как же им лучше всего ладить друг с другом, и тут же ответил сам, что им лучше всего ничего не знать друг о друге.

— И вы не смеялись? — спросил я его с серьезным видом.

— Нет. — Он несколько смутился. — А вы считаете, что все это очень смешно?

— Смешно? Наоборот! Над такими шутками плакать надо, — ответил я и вымученно улыбнулся. — А порой такие шутки вызывают даже животное рычание.

— Как это так? — удивленно спросил он.

— Вы знаете легенду о голодном тигре и одноногой дрессировщице?

— Нет, никогда не слышал, — ответил он.

— Жаль. Тогда вам никогда не понять, что он хотел сказать своей шуткой о двух хозяевах, которым лучше ничего не знать друг о друге.

— А, может быть, вы мне расскажете ее? — жалобно попросил он.

— Я бы с радостью это сделал, — ответил я. — Но, к сожалению, забыл, в чем там соль.

Уходя, он в сердцах сильно хлопнул дверью, и я остался один в квартире. Через десять минут я понял, что Чейз жил неплохо, любил выпивать и тратил много денег на гардероб: в шкафу висела, по меньшей мере, дюжина костюмов.

Я методично просмотрел все карманы, пока, наконец, в одном из костюмов не обнаружил бумажник с кредитными карточками, правами водителя и пятьюдесятью долларами наличными. Там же лежала и квитанция о выдаче напрокат маскарадного костюма.

Я вернул хозяину дома ключи от квартиры Чейза, и он сухо распрощался со мной.

Пообедав, я направился в магазин, где выдавались вещи напрокат. Человеку, стоявшему за прилавком, было около шестидесяти. Он был плотным, высоким и в известной степени обрюзгшим.

— Добрый день, сэр! — Стены затряслись, когда прогремел его голос. — Вы хотите взять напрокат какой-нибудь костюм?

— Не совсем, — ответил я и положил на прилавок служебный значок.

Он осторожно взял его кончиками пальцев и критически начал его рассматривать.

— Какое бы начало не было, но это все-таки начало. — Сказав это, он положил значок обратно на прилавок. — Но это не оригинальное начало, скажу вам откровенно, сэр. — Он неодобрительно хмыкнул. — Я имею в виду «или — или».

— Что «или — или»?

— Или это маскарад, или это не маскарад. — Его карие глаза с презрением посмотрели на меня. — Я имею в виду, что это противоречит смыслу, не так ли? Где же тут шутка, где же здесь фантазия? — Он покачал головой. — Вы только представьте себе, как все будет, сэр. Пришли вы на этот прекрасный маскарад. Окружили вас прекрасные маски. Справа — озлобленное лицо пирата, слева — сияющее личико мадам Помпадур. Перед вами — элегантный кавалер. А потом вас кто-нибудь спрашивает, кого вы, собственно, здесь представляете? — Он презрительно скривил губы. — «Кто я? — Его голос поднялся чуть ли не до фальцета. — Я из полиции! А вот и мой служебный значок!»

— Может быть, вы и правы, — малодушно признался я. — Значит, по-вашему, мне лучше нарядиться в костюм придворной дамы?

— На это я могу вам ответить двояко: либо у вас вообще не хватает винтиков, либо вы просто шутите. На педераста вы не похожи, но с возрастом я все больше и больше убеждаюсь, что их бывает очень трудно распознать.

— Я действительно из полиции.— Я вынул из кармана квитанцию и протянул ему.— Вы не вспомните человека, который взял у вас этот костюм?

— Костюм клоуна?

Он закрыл глаза и застыл. Стоял он так довольно долго. Мне уже стало казаться, что он заснул, но он внезапно открыл глаза и сказал:

— Нет. Дело в том, что в последнее время у нас часто берут костюмы клоунов. И мужчины, и женщины.

— Его звали Чейз,— сказал я.— Он взял костюм вчера. Неужели вы действительно его не помните?

— Толстяк в очках?

— Нет.

— Тогда не помню.— Он с сожалением пожал плечами.— Меня не особенно интересуют люди, желающие нарядиться клоунами. Большинство из них боятся проявить свой комплекс неполноценности. Вот они и надевают на себя наряд клоуна, чтобы их вообще никто не мог узнать.

— А вообще кто-нибудь брал такой костюм за последние два дня?

— Сейчас посмотрим.

Он вытащил на свет Божий старую потрепанную и замусоленную книгу, открыл ее и начал медленно водить пальцем по страницам.

— В понедельник никто не брал,— наконец сказал он.

— А вчера?

— О, вот и ваш мистер Чейз! — Его палец заскользил дальше.— А вот еще один. Некто Смит.

— Адрес?

— Я адреса не записываю,— ответил он.— Ведь я беру задаток, который вдвое больше стоимости костюма. Поэтому меня мало интересует, вернут мне костюм или нет.

— Могу дать вам гарантии, что Чейз вам костюм не вернет,— сказал я.— Вы не можете вспомнить, как выглядел мистер Смит?

— Да, я хорошо его помню. Такой легко возбудимый молодой отпрыск. И очень много мнящий о себе. А я, знаете ли, ненавижу зазнаек, особенно молодых.

— Большое спасибо,— сказал я.— Хотя, честно говоря, благодарить мне вас не за что. Никакой существенной помощи вы мне не оказали. Что в таких случаях люди говорят друг другу?

— Давайте скажем друг другу «адье»,— предложил он.— Французы всегда так поступают.

Я не имел ничего против.

«Пришло время,— подумал я,— хоть ненадолго заглянуть в свое бюро и выкурить с шерифом Лоэрсом трубку мира».

Его секретарша усердно колотила по клавишам пишущей машинки, когда я вошел. Солнечные лучи, пробивавшиеся через жалюзи, играли в ее волосах свежего меда. С моего места ее блузка, к сожалению, совсем не просвечивала, так что я не смог определить, последовала ли она моде не носить бюстгальтера.

— Когда вы появляетесь в бюро,— сказала она, не отрываясь от работы,— у меня всегда появляется такое чувство, будто кто-то одним рывком хочет сорвать с меня всю одежду. И когда мной внезапно овладевает такое чувство, я уже точно знаю, что лейтенант Эл Уиллер где-то поблизости.

— А когда я вижу вас,— сладострастным тоном ответил я,— мной овладевает чувство романтической меланхолии. Я сразу слышу аромат магнолий, вижу перед собой серебристый месяц, кругом ни души, и только мы с вами рука об руку идем вдоль берега реки, мерцающей в серебристом лунном свете... я еще не так сильно захвачен сексуальной волной, как вы.

— Еще в школе я знала одного мальчика, который вел приблизительно такие же речи, как и вы,— ответила она, не переставая барабанить по клавишам машинки.— Вел себя удивительно романтично. Но когда мы с ним в первый раз пошли гулять вдвоем, то даже не успели дойти до речки. Едва зашли за первое же дерево, он бросился на меня и повалил на землю.

— Ну, и что же было дальше? — поинтересовался я.

— Дала ему разок по губам,— ответила она кротко.— После этого он навсегда оставил меня в покое.

— Одного удара оказалось для него достаточно?

— Ударов было два. Но куда именно я нанесла второй удар, навсегда останется моей тайной. Вполне возможно, что я когда-нибудь могу снова попасть в подобную ситуацию, Эл Уиллер, я не хочу давать вам возможности подготовиться к неожиданностям.

— Боже мой, никто меня не понимает! — вздохнул я.

— Вы пришли по какому-нибудь делу, лейтенант, или только затем, чтобы отрывать меня от работы? — спросила она.

— Ах да, я хотел поговорить с шерифом.

— В четверг, во второй половине дня?

— Что вас так тревожит?

— По четвергам он играет в гольф, как вам хорошо известно.

— О, Боже мой! Какую тяжелую жизнь приходится вести этому человеку! — пробормотал я. — Доктор Мэрфи уже принес результаты вскрытия?

— Они лежат на вашем письменном столе, — ответила Анабель и внезапно передернула плечами. — От одного только взгляда на эти бумаги становится страшно.

Я взял со стола данные вскрытия и пробежал их глазами. Все было так, как и предполагал Мэрфи накануне вечером. Смерть наступила где-то около одиннадцати часов. Причина смерти: разрез шейной артерии. В крови не было обнаружено признаков алкоголя. Вот, собственно, и все. Я бросил заключение обратно на стол и задумчиво посмотрел на Анабель. Но и это не помогло — ее блузка оставалась непроницаемой.

— Да, чуть не забыла. — Она подняла глаза и поймала направление моего взгляда. — Все время хотела вас спросить: моя блузка не просвечивает?

— Нет, — с сожалением ответил я.

— В таком случае мне не нужно ее менять, — сказала она с облегчением. — Меня так и уверяли, что этот материал не садится и к тому же не просвечивает.

— А вы больше ничего не забыли? — спросил я.

— А что я должна была бы помнить?

— Да, нет! Ничего! Просто спросил на всякий случай.

— Ах, да! Час назад сюда звонила какая-то миссис Джанос. Она утверждала, что ей нужно срочно поговорить с вами.

— Приятно сознавать, что ты все-таки кому-то нужен, — заметил я.

— Да, вам впервые выпала такая возможность, — слащаво проворковала она. — Я передам шерифу, что вы были здесь, Эл. Только не забудьте известить нас в письменном виде, если надолго застрянете у этой дамы.

Была уже половина шестого, когда я остановил свою машину перед импозантным домом Людвига Джаноса. Я позвонил, и миссис Джанос открыла мне дверь буквально через пять секунд. Ее голубые глаза мягко блеснули, когда она пригласила меня войти в дом. На ней была черная куртка из джерси с глубоким круглым вырезом и длинная бежевая юбка. На одно мгновение у меня

появилось такое чувство, будто я заявился раньше всех гостей на званый ужин.

— Очень мило, что вы пришли, лейтенант,— сказала она своим грудным голосом.

— Мне передали, что вы хотели меня видеть.

— Я просто не знаю, что мне делать...— Она кисло улыбнулась.— Совершенно не знаю... Но прошу вас, входите же. Сейчас я попытаюсь вам все объяснить.

Я последовал за ней в гостиную. Она опустилась в глубокое кресло и сразу же взяла стакан, стоявший на столике. Я невольно спросил себя, действительно ли она собирается мне поведать о чем-то или пригласила к себе, чтобы не пить в одиночестве.

— Людвиг сказал мне, что убитый в нашем доме человек — Элтон Чейз, это правда?

— Да, его опознали и ваш муж, и Марта Шепли. Сегодня утром.

— Бедняга Элтон! — Она зябко передернула плечами.— Вы вчера вечером были у Шепли?

— Да.

— Людвиг наверняка наговорил вам целый ворох всякой лжи.— Она плотно сжала губы.— Да и Марта Шепли... Эта злобная бестия тоже, наверное, немало вам наболтала.

— Ваш супруг придерживается мнения, что вы — нимфоманка,— заметил я таким тоном, каким обычно ведут непринужденную светскую беседу.— А Марта Шепли рассказала мне, что ее муж собирался жениться на вас, но тут внезапно всплыл Людвиг Джанос и отбил вас у него.

— И знаете, мне кажется, что я не прогадала,— спокойно ответила она.— Особенно теперь, когда я вижу, каким стал Дэвид. Но, может быть, в этом виновата Марта? А что касается недепного обвинения в том, что я — нимфоманка, то это лишь плод больного воображения моего дорогого супруга и его чрезмерной ревности.— Ее глаза заблестели, и она бросила взгляд на меня.— Что еще он вам наговорил?

— Ничего особенного. О чем вы хотели со мной срочно поговорить?

— Срочно? — Она на какое-то время задумалась, а потом извиняюще улыбнулась.— Если говорить откровенно, срочного ничего не было. Просто мне захотелось побеседовать с вами, лейтенант.

— Странно, что вы вчера не узнали Элтона Чейза,— заметил я.

— Вот мы и добрались до сути дела, — ответила она. — Вчера вечером я вам солгала.

— Значит вы узнали его?

Она кивнула.

— На вечеринке он предложил мне встретиться у нас. Мы не рассчитывали, что Людвиг может вернуться раньше срока. Элтон ушел первым. Минут через пятнадцать я сказала, что у меня разболелась голова, и под этим предлогом тоже ушла.

— А когда приехали домой, обнаружили, что он уже мертв?

— Я увидела, что машина Людвига стоит в гараже, и поняла, что может произойти нечто ужасное. Но я никогда бы не могла и подумать, что он решится убить Элтона.

— Значит, вы полагаете, что Чейза убил ваш муж?

— А кто же еще? — удивленно спросила она, посмотрев на меня своими большими глазами.

— Почему вы не сказали мне сразу, что это Чейз?

— Я испугалась... — выдавила она. — Я ведь подумала, что Людвиг прячется где-нибудь поблизости и может появиться в самый неожиданный момент. — Она закусилла нижнюю губу. — Я понимаю, что мои слова звучат не очень вразумительно, но вчера вечером я действительно сходила с ума от страха. И подсознательно чувствовала, что для меня будет лучше, если я сделаю вид, что не узнала Элтона. Я думала, что так будет безопаснее. К тому же и сделать это было нетрудно, ведь его лицо было загримировано. И моя ложь удалась. Ведь мне казалось, что если я не узнаю Элтона, Людвигу не сможет придти в голову мысль, что это я назначила Элтому свидание у нас в доме.

— А как объяснить ваш обморок при появлении мужа? Что это? Тоже часть комедии, которую вы решили разыграть?

— Не совсем. При виде Людвиг я вполне уверилась в том, что именно он убил Элтона, — очень тихо сказала она. — Согласитесь, этого вполне достаточно, чтобы потерять сознание.

— Почему вы решили, что Чейза убил ваш муж?

— Так это же совершенно ясно! — Она сделала рукой какой-то неопределенный жест. — Он, видимо, подозревал, что у меня с Элтоном связь, и именно поэтому сказал, что уезжает на несколько дней. Понимаете, он давал нам возможность встретиться. А когда его подозрения подтвердились, он убил Элтона.

— Сколько машин стояло в гараже, когда вы вчера вечером вернулись домой с вечеринки?

— Только одна... Людвига. Почему вы об этом спрашиваете?

— Каким же образом, черт возьми, до вашего дома добрался Чейз? — набросился я на нее. — Он что, пешком пришел?

— Ну, я думаю, что это-то вполне ясно, — быстро ответила она. — Он убил Элтона и сразу же уехал на его машине.

— А почему же не на своей собственной?

— О, вы его плохо знаете! Он слишком умен и хитер.

Это был один из тех ответов, которые всегда лишены всякой логики. Но она с самоуверенным видом смотрела на меня, словно хотела сказать, что только последний дурак не понимает таких простых вещей.

— В каком костюме Чейз был на вечеринке?

— В том самом, что и был на нем, когда вы его видели, лейтенант. — Ее брови приподнялись, изображая недоумение. — Или вы уже забыли, как выглядел труп?

— Значит, на нем был костюм клоуна? — подытожил я. — Вы видели кого-нибудь еще в костюме клоуна там?

— Кажется, нет.

— А мне вот сказали, что на вечеринке два человека были в одинаковых костюмах клоунов.

— Ну, конечно же! — Она скривила лицо. — Какая превосходная мысль! Ничего более остроумного он, разумеется, и не в состоянии был придумать!

— Да, да, превосходная мысль... А теперь уточните, о ком, собственно, идет речь?

— О Людвиге, разумеется!

— Почему о Людвиге? — спросил я.

— Потому что его не узнали бы на вечеринке только в том случае, если бы он надел на себя наряд клоуна. Или вы другого мнения? А мне так кажется, что все, кто его там видел, считали, что это Элтон. Правильно я рассуждаю?

— Если, конечно, не учитывать такой возможности, что с ним могли заговорить, — отрезал я.

— Людвиг никогда не совершит такой глупости, — сказала она таким тоном, каким разговаривают с маленьким глупым ребенком, когда он чего-то не понимает. — Я считаю, что вам сейчас не остается ничего другого, как арестовать Людвига по подозрению в убийстве Элтона Чейза.

В моей квартире все было подготовлено к приему. Освещение сведено до минимума, долгоиграющие пластинки — на проигрывателе. Достаточно нажать на клавишу, и из репродукторов польются чарующие звуки томной испанской музыки. Но поскольку еще не изобрели самонаполняющихся бокалов, я был вынужден оставить Изабель Мерман одну в гостиной, чтобы приготовить на кухне коктейли.

Когда я вернулся, она стояла посреди гостиной, склонив немного голову набок. На ней было черное вечернее платье с оранжевой отделкой и без рукавов. Верхняя часть платья состояла из двух половинок, которые красиво ниспадали с шеи до талии, закрывая ее маленькие, но упругие груди. Стройная талия подчеркивалась широким лакированным поясом, а юбка была просторной и волнистой. Это даже нельзя было назвать платьем. Это было нечто, что должно было постоянно напоминать мужчине, что женщина создана для того, чтобы ее соблазняли.

Я поставил бокалы на маленький столик перед моей огромной кушеткой.

— Интересная у вас квартира, — заметила она деловым тоном.

— Интересная? — переспросил я.

— Вы даже не сказали, что не считаете работу в полиции своим основным занятием.

— Ну-ка, повторите, пожалуйста, еще раз. С первого раза это звучит как-то не совсем понятно, — сказал я.

Действительно, я совершенно не понял, что она имела в виду.

— Судя по убранству вашей квартиры, вы отнюдь не полицейский, а профессиональный соблазнитель.

— О, пусть вас это не тревожит, — ответил я. — Я никогда не действую прямолинейно, только косвенными методами. Например, я могу сказать так: «Почему бы вам не раздеться, милая? Ведь иначе вы помнете свое платье!»

— Сперва я все-таки присяду и немного выпью, — сказала она, опускаясь на кушетку и показывая мне на кресло, стоящее напротив. — А вы сядете вон туда. И мы будем очень мило беседовать.

— А вы не считаете, мадам адвокат, что немного нервничаете?

— Возможно. — Она посмотрела на меня с легкой улыбкой. — Ведь здесь нет ни судьи, ни присяжных. По

этой причине я начинаю подозревать, что вы не дадите мне слова.

— Ваши мысли текут все по одному и тому же руслу. Я никогда не соблазняю женщин, которые не хотят, чтобы их соблазняли,— скромно ответил я.— И в первую очередь, наверное, потому что они бегают быстрее, чем я. Мне за ними попросту не угнаться.

— Может быть, поговорим для начала о чем-нибудь другом? — сказала она, взяв бокал.

— Мы могли бы поговорить о Джордже,— предложил я.— Его поход в магазин закончился удачно?

— Это не остроумно,— ответила она.

— Кстати, чем он занимается?

— Джордж Риверс? Он работает у Людвига Джаноса чем-то вроде бухгалтера.

— Вчера он тоже был у Шепли?

— Кто, Джордж? — Она улыбнулась.— Может быть, ему было бы и интересно танцевать, но только с компьютером.

— Элтон Чейз был вашим хорошим другом?

— Нет, этого сказать нельзя.

— Он вам не поверял свои тайны?

— Какого плана тайны?

— Ну, например, относительно своих перспектив на будущее, о своих сокровенных надеждах, желаниях. Или, например, о том, как он в действительности относился к своему шефу — Людвигу Джаносу.

Она покачала головой.

— Нет. К тому же я считаю, что вы слишком быстро переключились. Из профессионального соблазнителя сразу превратились в профессионального полицейского. Моя дружба с Элтоном Чейзом носила чисто приятельский, совершенно платонический характер. Вот и все. Он был холостяком, я тоже незамужем. Поэтому мы часто помогали друг другу, когда один из нас получал приглашение на какой-нибудь вечер, куда надо было являться вдвоем. На этом, собственно, все и кончалось.

— Но на этот вечер к Шепли вы отправились отдельно?

— Да. Потому что каждый из нас получил отдельное приглашение.— Она вздохнула.— Поверьте мне, если бы я могла вам хоть чем-то помочь, я бы сделала это. Но я совершенно не имею никакого понятия, кто мог бы быть заинтересован в смерти Чейза.

— А Эндерсон,— продолжал спрашивать я,— этот генеральный отшельник,— что вы можете сказать о нем?

— Только то, что мне рассказал о нем Элтон. Он отказывался приехать в город, и поэтому Джанос был вынужден отправиться к нему.

— Его точного адреса вы не знаете?

Она пожала плечами.

— Где-то за горами Бад-Маунтин, в самом что ни на есть необитаемом месте. Мне кажется, что его нетрудно найти. Достаточно спросить первого крота, который встречается вам на пути.

— А что вы скажете о Дэвиде Шепли? — допытывался я. — Раньше он работал с Джаносом. А что он делает сейчас?

— Видимо, работает над своими проектами. — Она снова пожала плечами. — Откуда мне об этом знать? К моим услугам он уже давно не прибегал.

— Знаете, моя дорогая, — недовольно сказал я, — вы просто выглядите этаким сверхчудом неосведомленности. Кстати, так же, как и все другие, хоть как-то замешанные в этой истории. Послушаешь вас всех и поневоле решишь, что Чейз сам перерезал себе глотку. Так, шутки ради. Или от безделья.

— Не смейтесь, пожалуйста, — отрезала она. — Во всем этом нет ничего смешного.

— Джаноса можно назвать лжецом? — спросил я. — Как вы думаете?

— Людвиг? — Она покачала головой. — Он действительно очень скользкий и хитрый, но без особой надобности лгать не будет.

— Значит, всю ту корзину разнообразной лжи, которую он постарался наворотить мне сегодня, он считал необходимой, — сказал я, словно раздумывая над своими словами.

— А вы уверены, что он вам лгал? — холодно спросила она. — Или это пока только ваши собственные предположения? — Ее рот немного скривился в иронической улыбке. — Разве полиция сегодняшнего дня уже не оперирует такими терминами, как «улика» и «доказательство»?

— Видите ли, и он, и его жена либо прирожденные лжецы, либо считают, что в данном деле ложь необходима.

— От Нины можно ожидать всего, что угодно, — ответила она. — Но Людвиг — другое дело.

— Он заботился о ваших высоких гонорах?

Ее лицо сразу залилось краской.

— С вашей стороны подлю говорить такие вещи! — почти крикнула она.

— Но, тем не менее, это правда, не так ли?

— Черт вас возьми! Конечно, правда! Но я не подохла бы с голоду, если бы Людвиг подыскал себе другого юриста.

— Вам нравится Джанос?

— В известной степени. Вы должны понять: он не относится к тем людям, которые могут нравиться во всех отношениях. Он — трудный человек и агрессивный. Только большая часть его агрессивности — это лишь маска, которую он надел на себя.

— И под маской скрывается простой и честный человек, который старается скрыть свою простоту и скромность?

— Самая его неприятная черта заключается в том, что он слишком большой эгоист и старается заполучить все, что только лежит в пределах его возможностей, а заполучив, сразу теряет интерес к предмету своих вожделений.

— К людям он тоже так относится? — спросил я. — К своей жене, например?

— Кто его знает!

Она поднесла бокал к губам и медленно, словно опасаясь чего-то, выпила его.

— И он ревниво охраняет свою собственность?

— Думаю, что да.

— Если бы он узнал, что у его жены связь с Элтоном Чейзом, он мог бы его убить, чтобы защитить свою собственность?

Она поставила бокал на столик.

— Вы снова подтверждаете, что у полиции появились другие методы работы. Вместо того, чтобы искать доказательства, улики, вы — полицейские — пытаетесь работать, как психологи-самоучки.

— Мы делаем только то, что в наших силах, — скромно ответил я. — Тем более, что нам на расследование отводят слишком мало времени. Все думают, что мы заняты только тем, что берем взятки от торговцев наркотиками, мафии и рэкетиоров.

— Что ж. Я не считаю, что это звучит так уж неправдоподобно, — раздраженно сказала она.

— Вы хотите меня соблазнить?

— Что??? — Она снова вспыхнула и залилась краской. — Вы что, с ума сошли?

— Да нет, я спросил просто так. Почему-то эта мысль мне внезапно пришла в голову, — успокоил я ее. — На какое-то мгновение я было подумал, что иногда женщины

пользуются другой техникой, но теперь, после вашего ди-кого возгласа, я отбросил эту мысль.

— Вы просто невозможны!

— А вы просто невероятны! — ответил я. — Что вас ожидает завтра? У вас много работы?

— Не очень. — Она наморщила лобик. — А что?

— Может быть, помогите мне в моем расследовании? — предложил я. — Мы бы прокатились с вами в пустыню и посмотрели бы, не повстречается ли нам какой-нибудь крот.

— Вы это серьезно?

— Конечно! — ответил я. — И наверняка хоть частично помогите мне, если Эндерсон начнет бросаться незнакомыми техническими терминами.

— О'кей! — сказала она после небольшой паузы. — Когда мы поедem?

— Я заеду за вами в десять утра.

— Хорошо, время меня устраивает, но только не заезжайте за мной, — решительно заявила она. — Я не хочу, чтобы соседи стали судачить о том, что я близко знакома с полицейским.

— Неплохо сказано, — заметил я.

Мы еще какое-то время сидели и молча смотрели друг на друга, пока не прикончили коктейли. После этого я отправился на кухню, чтобы приготовить новую порцию, и возвратился с полными бокалами. Изабель взяла у меня свой бокал, внимательно посмотрела на него, потом бросила на меня испытующий взгляд и медленно поставила бокал на столик.

— Не очень оригинально, — сказала она.

— Что вы имеете в виду? — не понял я.

— Ваша стратегия, — пояснила она. — Пытаетесь напоить меня, чтобы потом соблазнить.

— Почему вы вдруг решили, что я собираюсь вас соблазнить? — Мой голос был полон благородного негодования.

— Это же ясно, как Божий день, — она коротко рассмеялась. — Вся эта прелюдия в ресторане... полумрак в вашей гостиной... Отличный ужин и много-много вина. Ко всему этому нужно было бы добавить приглушенные звуки чарующей музыки, кушетку, на которой легко могли бы разместиться человек шесть, и опять вино, вино, вино...

— Соблазнение — это такая игра, в которую играть можно только вдвоем, — начал я втолковывать ей непреложные истины. — А вы, судя по всему, играть в эту игру

не хотите. Поэтому мне и приходится сидеть тихонько, как пай-мальчику, и старательно взвешивать все «за» и «против», касающиеся другой возможности.

— Какой же?

— Возможности изнасилования, — сказал я с ухмылкой.

— Изнасилования?!

Она вскрикнула и вскочила с кушетки, задев коленом стоявший перед ней столик, при этом она потеряла равновесие. Я с величайшим удовольствием раскинул руки, чтобы поймать ее в свои объятия. Стараясь лишить меня такой возможности, Изабель инстинктивно дернула ногой, каблук тотчас же запутался в складках ее широкой юбки, верхняя часть платья с треском распалась на два лоскута, и она, перелетев через столик, рухнула на меня. Кресло, в котором я сидел, опрокинулось назад. Я сделал отчаянную попытку удержать Изабель от окончательного падения, но она развила такую скорость, что в руках у меня осталась только нижняя часть ее платья. Я быстро выкатился из кресла и вскочил на ноги. То, что я увидел, ошеломило меня. Согласно закону инерции Изабель прямо-таки въехала по пояс под мой любимый ковер. Это был черный ковер из овечьей шерсти, который я купил несколько недель тому назад и сладострастно предвкушал, как он будет прекрасно гармонировать с обнаженным бело-розовым женским телом. Сейчас я убедился в этом, правда, ситуация несколько отличалась от той, какая рисовалась в моем воображении.

Изабель, должно быть, сделала сальто-мортале, иначе невозможно было бы объяснить, почему она оказалась на спине. Сквозь ковер угадывались контуры ее головы и маленьких грудей, возвышавшихся, словно два холмика. Она колотила пятками об пол и что-то яростно вопила, впрочем, нетрудно было догадаться, что именно.

Сперва я хотел извлечь ее на свет Божий, но быстро передумал и решил не рисковать. Я думаю, что в подобной ситуации ни один мужчина не отважился бы это сделать. Я был не лучше и не хуже других, поэтому поспешно ретировался на кухню. Едва я успел приготовить себе коктейль и, не смакуя, выпить его, как дверь в кухню широко распахнулась, и появилась почти совершенно обнаженная Изабель. На шее у нее болтался обрывок бывшего великолепия.

— Как вы могли додуматься до такого? — вперив в меня свои сверкающие зеленые глаза, глухо спросила она.

— До чего «такого», — осторожно осведомился я.

— Убить меня вместо того, чтобы изнасиловать?

— У меня и в мыслях этого не было! — поспешно начал оправдываться я. — Вы стали падать и...

— Я прекрасно помню, как все было. Только зачем вы сорвали с меня платье, а потом выпшвырнули из кресла?

— Оно опрокинулось само, — робко сказал я. — Я имею в виду кресло, а не платье. Я хотел вас удержать, но, как видите, сумел поймать только ваше платье, а не вас.

— И вы думаете, я этому поверю?

— Нет, не думаю, — огорченно сказал я. — Но, тем не менее, клянусь вам, что это правда!

— Ха-ха! — Этот смех прозвучал приблизительно так, как самое скверное ругательство. — Вы только взгляните на меня! Платье разорвано, я стою перед вами почти голая и...

Я решил не спорить и сунул ей в руку бокал с виски. Она выпила содержимое бокала двумя большими глотками.

— У вас есть ванная комната? Приготовьте мне что-нибудь выпить, а я тем временем схожу в ванную и подумаю, покончить ли мне только с собой или с нами обоими.

— Можете не очень торопиться.

— Знаете, что я вам скажу? За это платье я заплатила девяносто долларов, и надела его только сегодня.

— Но у вас остался воротничок, — ответил я успокаивающе. — И в нем вы выглядите довольно симпатично, напоминает древнеегипетскую рабыню.

Изабель показала мне спину и исчезла в спальне. Сзади она выглядела еще более соблазнительной, чем спереди. Я занялся приготовлением напитков. Затем вернулся в гостиную, поставил мебель на место и стал ждать.

Через какое-то время за моей спиной кто-то тихонько кашлянул. Обернувшись, я увидел перед собой Изабель. Она как-то неуверенно улыбалась мне. Волосы ее были еще немного влажными. Зеленые глаза поблескивали, рот был слегка приоткрыт, и я видел, что она кончиком языка проводит то по одной, то по другой губе.

— Прежде чем принять душ, я долго рассматривала себя в зеркало, — сказала она. — Смотрела, нет ли синяков.

— Угу...

— Вы были правы. — Она слегка наклонила голову. — Я действительно похожа на рабыню из Древнего Египта. Только вот никогда не слышала, что они носили черное трико... — Она поиграла ленточкой на шее. — Поэтому я оставила их в ванной. Так я выгляжу более естественно, не правда ли?

— Конечно... Конечно...— хриплым голосом подтвердил я.

Я не мог оторвать глаз от ее бело-розового прекрасного тела, белоснежных холмиков с ярко-красными кораллами, маленького треугольника под пупком, и почувствовал, что меня начинает колотить дрожь. Я был готов щелкнуть пальцами, чтобы призвать своих рабов, которые с нетерпением ожидали моих распоряжений... Что желает моя любимая рабыня? Пирамиду? Пожалуйста! Почему бы нет? Можно сразу две! А может быть, она хочет стать царицей одного из подвластных мне государств? Нет? Что ж, тогда мы отправимся в новый поход, чтобы завоевать для нее другое государство...

— Я вижу, что вы не забыли приготовить напитки.— Она подошла поближе и взяла бокал со столика.— Надеюсь, ты не будешь возражать, если я буду называть тебя просто Эл? Правда, у тебя почему-то такой вид, как будто ты находишься под гипнозом.

— Вы... вы внезапно переменили свое решение? — только и мог проговорить я.

— Можно сказать, что и так.— Она неторопливо села напротив меня на кушетку и изящным движением закинула ногу на ногу.— Когда я стояла под душем, у меня было достаточно времени все обдумать и проанализировать. Когда я сегодня вечером пошла с тобой в ресторан, я думала, что уж на этот-то раз меня ждет что-то другое... Точнее говоря, любовь с полицейским. Поэтому я так и вела себя. А что мне это принесло? Да ничего, кроме синяков...

— По-моему, никаких синяков не видно,— удалось выдать мне из себя.

— Всею свое время.— Она горько усмехнулась.— Ну, и поскольку мы упомянули о времени, то разреши мне задать тебе вопрос: сколько времени тебе нужно...

Я издал в ответ лишь какой-то совершенно нечленораздельный звук.

— Ты сидишь, словно парализованный, так что я даже побаиваюсь приближаться к тебе, как бы не напугать.

— Я все еще не могу прийти в себя,— пытался я объяснить свое состояние.

Я допил бокал и не спеша поставил его на столик. Благодаря этому разумному поступку я развязал себе руки в буквальном смысле слова. Я поднялся с кресла и направился к кушетке. Изабель внимательно смотрела на меня своими зелеными глазами. Я взял ее на руки и понес

в спальню. Когда я бросил ее на кровать, она слабо вскрикнула.

— Прости меня, дорогая,— сказал я, снимая с себя куртку,— я совсем забыл, что твоя голова не выносит сотрясений.

— А ты не тратишь слишком много слов на женщину, Эл,— сказала она.— Но зато ты, наверное, силен в другом?

Минут через сорок она сладко зевнула и стала поудобнее устраиваться на кровати.

— Знаешь, что я хочу сказать тебе, Эл? — спросила она.

— Мои силы в настоящий момент полностью иссякли,— быстро сказал я в ответ.— Но «иссякший» любовник все-таки намного лучше слюнявого романтика,— добавил я.— И любая женщина во всех случаях предпочтет первого. Правильно?

— Правильно.— Она слегка опять зевнула.— Именно это я и хотела тебе сказать.

6

— Ведь вечером мы договорились выехать в десять. К этому самому Эндерсону...— Она недоуменно пожала плечами.— Уже пять минут двенадцатого, а мы все еще торчим здесь.

— Но ведь ты должна была съездить домой, чтобы переодеться,— напомнил я.

— Конечно! А что же мне оставалось делать? — запальчиво ответила она.— Или ты серьезно полагаешь, что я могла отправиться в пустыню с одной ленточкой не шее?

— Но ведь ты проторчала у себя дома ровно полчаса,— заметил я.— Потратить столько времени только на то, чтобы надеть этот идиотский брючный костюм.

— Во-первых, он не идиотский,— ответила она.— А во-вторых, разве настоящий джентльмен ждет свою даму с секундомером в руках?

— Иногда приходится,— сказал я.— Кстати, если ты способна логически мыслить, сообщая: вчера мне понадобилось работать над тобой семнадцать минут и двадцать восемь секунд.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, я выплесну на тебя свой кофе,— пообещала она.

— Ты же сама начала этот разговор. Да, кстати! А кто

из нас вдобавок ко всему все утро трезвонил без устали по телефону?

— Семнадцать минут и двадцать восемь секунд,— повторила она задумчиво.— Это хорошо или плохо?

Она выжидательно и в то же время серьезно посмотрела на меня.

— Если ориентироваться на «Шкалу вождельний Эла Уиллера», то твоя степень возбудимости находится где-то между нулем и единицей,— с удовольствием сказал я.

— Спасибо за галантный комплимент,— сухо ответила она.— А согласно шкале Изабель Мерман, твой потенциал вообще можно охарактеризовать только с минусовым знаком. И вообще телефонные звонки были твоей идеей! Я так до сих пор и не понимаю, зачем мне нужно было звонить всем этим людям и сообщать им, что я отправляюсь с тобой в гости к Эндерсону?

— Я думал, что кое-кого это может серьезно заинтересовать,— ответил я.— Но ты мне даже еще и не сказала, как они все отреагировали на это? Давай, выкладывай!

— Джанос отнесся к этому очень недоверчиво. Нина сразу повесила трубку, никак не прокомментировав мое сообщение. Дэвид Шепли заметил, что я, наверное, совсем опустилась, а бедняга Джордж Риверс был так смущен, что издал в ответ лишь какое-то хрюканье.

— Этого Шепли, по-моему, никак нельзя отнести к категории джентльменов,— сказал я.

— Но ты мне так и не объяснил, зачем это было нужно.

— Простая мера предосторожности. Ведь мы можем заблудиться. Или потерпеть аварию, например.

— Все-таки у тебя не все дома,— сказала она ласково.— Да и мне не мешало бы провериться у психиатра. На всякий случай. Ведь нормальный человек вряд ли бы решился ехать в пустыню вместе с сумасшедшим. А я почему-то согласилась.

— Придержи-ка лучше язычок и допивай свой кофе,— буркнул я.— Иначе мы действительно провозимся до вечера.

От развилки, находившейся по ту сторону Бад-Маунтин, начинаются две дороги. Одна дорога ведет к зеленой долине с густыми апельсиновыми рощами, другая — непосредственно к пустыне. Вначале она выглядит вполне прилично — гладкая и бетонированная. Но уже через три мили постепенно превращается в проселочную дорогу, которая

извивается, словно змея, петляет и сама, наверное, не знает, куда она ведет.

Проехав около часа по этой милой дорожке, я почувствовал, что устал смертельно. Солнце жгло немилосердно, приходилось постоянно вытирать пот со лба. Ко всему прочему, местность была такая, что остановить взгляд было не на чем. Изабель смиренненько сидела рядом со мной. В своем белом льняном костюме она выглядела удивительно свежей. Может быть, весь фокус заключался в широкополой шляпе, которая была на ней?

— По-моему, до сих пор мы так и не встретили ни одного крота, — заметил я с ехидством.

— Нет зверей — найдем людей, — спокойно ответила она.

— Нужно быть действительно сумасшедшим, чтобы добровольно жить в такой душегубке.

— А что будет, если мы его так и не найдем? — Она повернулась в мою сторону. — Или не встретим по дороге ни одного человека? Так и будем все ехать, пока не кончится бензин? А потом что? Сядем среди пустыни и будем ждать чьей-то помощи или...

— И, в конце концов, какое-нибудь забытое племя индейцев, совсем дикое племя, снимет с нас скальпы, — закончил я ее мысль. — Есть у нас, правда, и другой выход. Если не встретим здесь ни одной живой души, постараемся добраться до Окриджа.

— До... Окриджа?

— Да, это такая маленькая железнодорожная станция. Она находится приблизительно в трехстах милях отсюда. Там, конечно, не отдохнешь, как следует, после такой дороги, но есть какая-то гостиница и ресторанчик, так что мы будем спасены.

— Чудесно! — раздраженно сказала она. — Блестящая перспектива! Во всяком случае, я теперь знаю, что умру не от жажды и голода, а от скуки. Зачахну посреди пустыни в твоём обществе.

Минут через двадцать на горизонте появился какой-то барак. Покрытая гофрированным железом крыша сверкала на солнце. Когда мы подъехали ближе, я увидел вывеску, которая предлагала купить бензин и холодные напитки.

Я остановил машину возле барака, и мы вошли внутрь. Распив с Изабель две бутылки лимонада, я спросил у хозяина, не знает ли он, где тут живет Эндерсон.

— Разумеется, знаю, — охотно ответил он. — Приблизительно в тридцати милях отсюда. Сначала вы должны

ехать дальше по этой дороге, но будьте очень внимательны, чтобы не проглядеть маленькое ответвление направо. Там нет никаких указателей, потому что Эндерсон... — Он флегматично пожал плечами. — ...Понимаете, он не любит, когда нарушают его одиночество.

Хижина Эндерсона находилась от узкой боковой дороги приблизительно в полутора милях. Кое-как мы добрались до нее на машине. Я выключил мотор и вышел, чтобы размять ноги. Звонящая жара и мертвая тишина — больше ничего.

— Подожди меня, — сказал я Изабель, — пойду проверю, дома он или нет.

— Я пойду с тобой, — решительно заявила Изабель. — В крышу вмонтирован водяной охладитель. Внутри, похоже, намного прохладнее, чем здесь, на солнце.

Три деревянные ступеньки вели на широкую веранду. Я постучал в дверь. Никакого ответа.

— Наверное, отправился за покупками, — насмешливо сказала Изабель. — Если нам очень повезет, то дня через два он вернется.

— Что ж, и подождем, не зря же мы проделали такой длинный путь, — ответил я. — Судя по всему, охладитель не выключен, так что обойду дом вокруг и посмотрю, нельзя ли как-нибудь проникнуть в него.

— Разве так можно? — спросила она с невинной физиономией. — Или полиции все можно?

Я обошел дом вокруг и увидел черный ход. Чуть коснувшись дверной ручки, я понял, что дверь не заперта на замок. Кухонька оказалась удивительно чистой, но в ней было так же душно, как и на улице. Значит, кондиционер все-таки не работал. Я недовольно поморщился, почувствовав в душном воздухе какие-то зловонные запахи...

Труп лежал прямо посреди гостиной. Убитому было лет пятьдесят, несмотря на густую седую бороду и пышные усы. Кто-то перерезал ему глотку, и довольно давно. Оглушительное жужжание сытых жирных мух и сладковато-тошнотворный запах тления, царившие в непрветриваемом воздухе, делали атмосферу в доме невыносимой. Я прикрыл нос платком и быстро осмотрел помещение. Ничего не обнаружив, перешел в спальню. Но и здесь нашел только одежду и личные вещи покойного. Ванная комната была пуста. Я с чистой совестью мог предоставить поле деятельности Эду Сэнджеру и доктору Мэрфи.

Единственным фактом, который я отметил про себя во

время этого беглого обыска, было то, что я не обнаружил ни малейших признаков деятельности Эндерсона как изобретателя: ни бумаг, ни чертежей, ни аппаратуры.

«Ну и заварил же я кашу! — подумал я с горечью. — Какой леший дернул меня попросить Изабель, чтобы она обзвонила всю эту четверку и сообщила им, что мы собираемся в гости в Эндерсону! Великолепно, нечего сказать! Виновному-то осталось лишь посмеяться в кулачок, когда он узнал об этом. Ведь он-то уж точно знал, что Эндерсон мертв!»

Когда я вернулся к главному входу, Изабель все еще стояла на террасе.

— Ты даже не в состоянии взломать дверь?! — Она драматически закатила глаза. — Какой же ты все-таки бесполезный для полиции субъект!

— Кондиционер не работает, — сказал я. — И внутри еще более душно, чем на воздухе.

Я бросил беглый взгляд на крышу — ни проводов, ни телефонного кабеля, и тут же сообщил об этом Изабель.

— Какая наблюдательность! — Она гневно посмотрела на меня. — И что будем делать дальше? Греться на солнышке?

— Вернемся обратно к гостеприимному торговцу лимонадом, — заявил я. — Может быть, у него найдется телефон.

— Что это на тебя вдруг нашло, Эл? Захотелось позвонить своей милой матушке и сообщить ей, что ты пребываешь в добром здравии?

Я схватил ее за руку и потащил к машине.

— Мне нужно позвонить шерифу и попросить его, чтобы он прислал сюда парочку людей.

— Ты что, внезапно почувствовал одиночество?

— В известной степени, да, — согласился я.

К моему счастью, у владельца лимонада и бензина оказался и телефон. Я позвонил в полицию, и дежурный полицейский обещал мне, что все будет в порядке. Выпив на прощание еще пару бутылок лимонада, мы сели в машину и покатали обратно. Изабель хранила упорное молчание до тех пор, пока мы не переехали горную грядку Бад-Маунтин.

— Знаешь, мой милый, — наконец заявила она ледяным тоном, — это была самая бессмысленная автомобильная поездка за всю мою жизнь!

— А для меня, Изабель, она была одной из самых удивительных! Прокатиться в прекрасный летний день с

одной из очаровательнейших женщин на свете — таинственной и недоступной. И в то же время хорошо знать, что под ее твердым панцирем неприступности скрывается...

— А-а, замолчи уж лучше! — фыркнула она.

— Элтон Чейз, кажется, говорил, что Джанос собирается к Эндерсону на два-три дня, не так ли?

— Так, — буркнула она.

— А Нина утверждала, что он собирался вернуться только вчера. На самом же деле он вернулся уже в среду, в полночь.

— Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Не знаю еще, — ответил я. — А что ты знаешь об этой самой электронной штуковине, над которой работал Эндерсон?

— Очень немного. — Она на какое-то время задумалась. — Элтон Чейз говорил, что она стоит целое состояние и что ее надо запатентовать так, чтобы к патенту никто не смог подкопаться.

— Мне Джанос говорил, что Эндерсон работает над прибором, который способен совершить революцию в технике звукозаписи, — заметил я. — Но ведь для проведения таких сложных работ человек должен иметь под рукой целый ряд приборов, аппаратов и еще не знаю что...

— Совсем не обязательно. Ведь он мог делать только проектную часть работы, а всю техническую часть поручить другому.

— Но я не нашел даже чертежей, — сказал я.

— Может быть, он взял их с собой, — равнодушно заметила она.

— Вряд ли, — не согласился я.

— Меня совершенно не интересует, что он там делал со своими чертежами, — разозлилась она. — Мне жарко, я ужасно устала и очень хочу пить. Ты можешь отвезти меня домой, Эл Уиллер? И не звони мне, пожалуйста. Я сама тебе позвоню. Может быть.

Когда я высадил ее возле дома, она даже не попрощалась со мной. Я нажал на газ и поехал на другой конец города, в бюро Джаноса.

Дама в приемной сообщила мне, что мистер Джанос, к сожалению, уже уехал домой.

— Может быть, я смогу поговорить тогда с мистером Риверсом? — поинтересовался я.

Дама ответила, что мистер Риверс у себя в бюро, но она хотела бы знать, кто его хочет видеть. Я тут же сообщил ей свое имя и звание, она позвонила Риверсу, и тот

сразу же сказал ей, что лейтенант Уиллер может пройти в его кабинет.

Кабинет Риверса, намного меньше кабинета Джаноса, был обставлен с той же претенциозностью. Это была наша вторая встреча, и сейчас я разглядел, что он не так уж и молод. Просто он, как говорят, хорошо сохранился. Его густые черные волосы были коротко подстрижены, на лице сохранился налет молодости и юношеского обаяния. Я бы даже сказал, и чистоты, которая, правда, сейчас не в моде. На нем был добротный костюм, вероятно, сшитый на заказ, рубашка цвета хаки и галстук.

— Чем могу вам служить, лейтенант Уиллер? — В голосе его слышалась изрядная доля самоуверенности, на губах играла едва заметная улыбка.

Не дожидаясь приглашения, я плюхнулся в кресло для посетителей и неторопливо закурил сигарету. Он убрал улыбку, сел за письменный стол, огромный и величественный, и с неодобрением посмотрел на меня.

— Я, собственно, пришел только для того, чтобы узнать, хорошо ли вы повеселились на вечеринке у Шепли,— холодно сказал я.

— У Шепли? — растерянно переспросил он.— Но вы ошиблись, лейтенант. Я не был ни на какой вечеринке.

— Значит, вы утверждаете, что на вечеринке не были?

— Да, не был.

— В таком случае прошу вас объяснить, зачем вы брали напрокат костюм.

— Костюм?! — Он снова непонимающе посмотрел на меня, но тут же облегченно вздохнул и заулыбался.— А-а! Понятно! Ведь вы имеете в виду костюм клоуна?

— Вот именно,— подтвердил я.

— Меня об этом попросил Элтон Чейз! Он сказал, что собирается пойти на какой-то костюмированный бал.

— Где вы взяли костюм?

— Да тут есть небольшой магазин на Третьей авеню.— Он презрительно скривил лицо.— Я только не понимаю, как они находят себе клиентов? Хозяин-старикашка ведет себя просто бесстыдно.

— Вы взяли костюм на имя Чейза?

— Нет.— Он слегка побледнел.— Этот бессовестный старик вел себя настолько невежливо, что я испытывал только одно желание — поскорее убраться отсюда. Поэтому сказал, что меня зовут Смит.— Он пожал плечами.— Возможно, вы сочтете все это ребячеством.

— Вы действовали подсознательно,— ответил я с ви-

дом человека, хорошо разбирающегося в таких вещах.— Временами человек, сам того совершенно не понимая, действует подсознательно.

— Я очень рад, что вы меня понимаете, лейтенант.— На его лице снова появилась улыбка.— Мистер Джанос уже рассказал мне, что беднягу Элтона нашли мертвым в костюме клоуна. Когда я это услышал, я сразу понял, что вы, рано или поздно, узнаете, откуда он взялся. Мне очень жаль, поверьте, что я по своей трусости доставил вам лишние хлопоты.

— Пустяки! — великодушно заявил я.— Но вот теперь, когда все выяснилось с костюмом, вы действительно можете помочь мне.

— Охотно, лейтенант, охотно!

Я почувствовал, что говорит он вполне искренне.

— Фирма Джаноса в первую очередь, насколько я понял, занимается посреднической и маклерской работой, не так ли?

— Можно, конечно, сформулировать и так. Да, мистер Джанос хорошо чувствует, где и на чем можно прилично заработать. Он дает задание, и фирма сразу же начинает работать над ним. Я лично отвечаю за бухгалтерию. В большинстве случаев именно от нашего отдела можно в первую очередь получить точные сведения, выгодна или нет та или иная сделка.

— Согласен! — поддакнул я.— А кем был Чейз? Делопроизводителем?

— Нет. Он был человеком, который претворял в жизнь замыслы и идеи мистера Джаноса.— При этих словах Риверс развел руками.— Мистер Джанос, когда дело уже запущено и идет полным ходом, часто теряет к нему интерес. Вот Элтон и доводил начатое дело до конца. Этим он давал возможность мистеру Джаносу заниматься другими полезными идеями.

— Они ладили между собой? Или все-таки между ними случались какие-нибудь трения?

— Нет, они ладили,— ответил он решительно и покачал головой.— Если что-то между ними и было, то я об этом ничего не знаю.

— Что вы можете сказать о Дэвиде Шепли?

— О Шепли? — он наморщил лоб и снова покачал головой.— С фирмой Джаноса он не имеет ничего общего. Кажется, я слышал, что раньше он и мистер Джанос работали вместе, но это было еще до того, как здесь появился я.

— А вы давно служите в фирме?
— Дайте подсчитать...— Он на мгновение задумался.— Уже полтора года.
— Вы знаете человека по имени Эндерсон?
— Лично нет. Но, разумеется, слышал о нем. В настоящее время у мистера Джаноса с ним дела.
— Вы не знаете подробностей?
— Только в общих чертах. Насколько мне известно, Эндерсон — изобретатель. И он сделал открытие, которое может сделать большой скачок вперед в технике записи звука. Вот и все, что я знаю об этом, лейтенант. Я ведь бухгалтер. И в технике разбираюсь очень слабо.
— Так, так, понятно. А вы не могли бы мне сказать, кому мог помешать Чейз, что его убили?
— Вот тут уж я ничем не могу вам помочь, лейтенант! О его личной жизни я вообще ничего не знаю.
— Вы знаете миссис Джанос?
— Очень плохо.— Я заметил, что он насторожился.— Мое представление о ней целиком основано на слухах. А я им не очень-то доверяю. И кроме того,— он широко улыбнулся,— я твердо верю в крепость брачных уз. Дело в том, что и я в скором времени собираюсь решиться на такой смелый шаг.

— Что же, желаю вам счастливой семейной жизни! — сказал я безо всяких эмоций.— Кого же вы собираетесь осчастливить своим вниманием?

— Вы уже познакомились с этой дамой, лейтенант, когда были здесь в прошлый раз.— Его улыбка стала еще шире.— Она занимается у нас юридическими вопросами. Ее зовут Изабель Мерман. Поверьте мне, лейтенант, эта женщина стоит того, чтобы взять ее в жены!

7

Я зашел в ресторан и заказал бифштекс. Он был настолько сырым, что я подумал, что его просто отрезали от живого тельца и подали на стол.

Вернувшись домой, я разделся, принял холодный освежающий душ, выпил такой же холодный коктейль и почувствовал себя намного лучше.

Когда я вливал в себя вторую порцию, внезапно зазвонил телефон.

— Уиллер? — произнес голос и добавил: — Нельзя так жестоко шутить, Эл! В таких случаях обычно предупреждают. Это было ужасно!

— Да, тамошнюю атмосферу назвать освежающей никак нельзя,— согласился я.

— У меня сразу же свело желудок,— продолжал жаловаться Мэрфи.— Его убили тем же способом, что и Чейза. Но вы сами это уже видели?

— Конечно,— ответил я.

— При данных обстоятельствах время смерти определить очень трудно, тем более, что температурные перепады между днем и ночью были очень большие. Могу сказать только, что он мертв уже минимум двое суток, а, может быть, даже и трое.

— А точнее определить это невозможно?

— Нет,— решительно ответил он.— Эд Сэнджер передает вам привет и просит сообщить, что он добросовестно проделал свою часть работы, но, как и всегда, ничего не нашел. Он просит также передать, что на него внезапно, как он выразился, «снизошло озарение», и он собирается поделиться с вами своими мыслями, которые сразу же помогут вам продвинуться в этом деле.

— Как же, жди от него чего-нибудь путного! — бросил я.

— Он считает, что вы должны искать человека, который одет во все черное, у которого большие острые зубы и который умеет летать.

— Графа Дракулу? — спросил я.

— Угадали,— разочарованно сказал Мэрфи и повесил трубку.

«Эду Сэнджеру совершенно безразлично, где работать,— с горечью подумал я.— Он может работать и экспертом по обнаружению и снятию отпечатков пальцев, но с таким же успехом и клоуном в цирке. Его шутки так же бездарны, как и работа в качестве эксперта».

Я вздохнул и начал набирать номер Джаноса. После пятого или шестого гудка в трубке раздался низкий женский голос:

— Алло!

— Миссис Джанос? — спросил я.— С вами говорит лейтенант Уиллер.

— Слушаю вас,— флегматично ответила она.

— Я бы с радостью повидался с вашим мужем. Он дома?

— Да.

— Приблизительно через полчаса я буду у вас,— сказал я. Едва прозвучало мое последнее слово, как я услышал щелчок. Трубку повесили.

Низко на небе висел красноватый месяц, и прохладный ветерок обвеивал мне лицо, когда я спускался на машине по дороге, ведущей в долину. «Прекрасный вечер,— подумал я.— В такой вечер приятно заниматься всем чем угодно, но только не тем, чем собираюсь заниматься я».

Особняк Джаноса светился, словно рождественская елка. Я подъехал к дому, остановил машину и вылез из нее. Поднявшись по ступенькам лестницы, ведущей на веранду, я хотел было позвонить, но в последнюю минуту заметил, что дверь не заперта. Значит, меня все-таки ждали? Я открыл дверь и вошел в холл. На какое-то время я остановился и прислушался. В доме царила какая-то неестественная тишина. «Одной насильственной смерти в день вполне достаточно»,— подумал я, а в следующий момент со стороны гостиной раздалась какие-то пронзительно-визгливые звуки, и мне стало легче.

Когда я входил в гостиную, Нина Джанос как раз тяжело поднималась с пола. Пряди длинных волос свисали в беспорядке, закрывая большую часть лица. Только большие голубые глаза, выражавшие страх, оставались открытыми. На ней не было ничего, кроме трико, а на ее спине четко отпечатались широкие багровые полосы, с которых даже местами сочилась кровь, скользя вниз по гладкой коже. В нескольких футах от нее стоял Людвиг Джанос в рубашке с расстегнутым воротником и светлых брюках. В руках Джанос держал длинный хлыст, который как-то не вписывался в этот мирный домашний ансамбль.

— Стерва! — шипел он.— Проклятая изолгавшаяся стерва!

Его жена смотрела по сторонам, словно выискивала себе путь к спасению. В следующее мгновение она увидела меня и издала какой-то неопределенный радостный звук. Спина ее напряглась, но в этот самый момент Джанос сильно взмахнул хлыстом. И тут я подумал, что Элу Уиллеру пора вмешаться в эту семейную сцену.

— Бросьте хлыст! — резко приказал я.

Особой реакции мои слова не произвели. Он лишь приподнял немного брови и посмотрел на меня своими холодными серыми глазами.

— Это мое личное дело,— сказал он наконец, тщательно выговаривая каждое слово,— вас сюда никто не приглашал, лейтенант, и я прошу вас покинуть мой дом.

— Бросьте хлыст! — повторил я еще более резко.

— Да поймите вы, что это еще очень мягкое наказание за все то, что она мне сделала,— сказал он.— Если бы

я был мстительным человеком, лейтенант, я бы просто-напросто вырвал бы у нее сердце.

Он вдруг как-то странно обмяк и передернул лопатками, словно к нему за шиворот забралось какое-то омерзительное насекомое, которое я не мог видеть.

— Мы ведь можем не торопясь обсудить этот вопрос,— сказал я, неторопливо приближаясь к нему.— Отложите свою плетку в сторону и давайте побеседуем.

— Уже поздно беседовать,— вяло ответил он.— Вы бы мне никогда не поверили, лейтенант. Они заманили меня в ловушку...— Он кивнул в сторону своей полуголой жены, которая все еще сидела на полу.— С ее помощью они буквально прикончили меня.

— Ну, побеседовать никогда не поздно,— сказал я.— Положите же куда-нибудь свою плетку.

Он бросил плетку и провел руками по своим густым темным волосам.

— Прошу вас, не подходите ко мне близко, лейтенант,— сказал он почти нормальным тоном.— Иначе я начну нервничать.

— О'кей!

Я помог Нине Джанос подняться с пола.

— Ведь он сумасшедший! — прошипела она с пеной у рта.— Настоящий сумасшедший! Вы уже знаете, что он убил Элтона...— Когда она переводила дыхание, груди ее вызывающе поднялись.— Он и меня хотел избить до смерти. Только за то, что я сказала вам правду.

— Оставьте ее ко всем чертям! — вскипел Джанос.

— Сейчас мы с вами обо всем поговорим,— сказал я как можно спокойнее.— Только в настоящий момент ваша жена нуждается...

— Убейтесь от нее! — грубо отрезал он.— Иначе я могу всадить в вас пулю!

Я обернулся и увидел, что у него в руке поблескивает револьвер. Сантименты уже стоили жизни не одному полицейскому. Нельзя сказать, что я вспомнил об этом с большим удовольствием. Если бы мое внимание не было бы занято его кровоточащей женой, я бы имел возможность пристрелить его, как только он достал свой револьвер. Но этот момент я уже упустил.

Я отошел от полунагой блондинки, внешне пытаюсь сохранить спокойствие.

— Убейте его! — прошипела Нина совсем некстати.— Убейте его! Он же убийца! И вы это знаете. Он ведь

только что угрожал вам оружием. Вы имеете полное право пристрелить его в целях самообороны.

— Ну и стервятника же ты! — Джанос сказал это, словно плюнул. — Змея подколотая! Немедленно ложись на пол, подлое пресмыкающееся! Твое дело только пресмыкаться, падала ты вонючая!

Она издала в ответ какие-то всхлипывающие звуки, но повиновалась. Он подошел к ней и быстрым неумовимым движением ударил рукояткой револьвера по голове. Она безвольно опустилась на ковер.

Свободной рукой Людвиг Джанос пригладил густые усы, украшавшие его верхнюю губу.

— Я с самого начала должен был понять, — начал он, — что ее интересовали только деньги, деньги и еще раз деньги. Но меня ведь часто не бывало рядом. Поэтому она сумела уговорить Чейза помочь ей. Он всегда питал слабость к крупным и пышным блондинкам. Но он, вероятно, понял слишком поздно, что ей нужен был только его труп и ничего больше. Да и труп-то был ей нужен только для того, чтобы обвинить меня в убийстве и тем самым убраться со своего пути.

— Почему бы вам не отложить револьвер куда-нибудь в сторону? — очень вежливо предложил я. — Тогда и беседа наша потечет поспокойнее.

— Если я положу револьвер, вы сразу же меня арестуете, и со мной будет покончено, — сказал он. — Сейчас мне уже нечего терять. Поэтому, если вы приблизитесь ко мне хоть на шаг, лейтенант, я вас пристрелю. Мне почему-то кажется, что я напрасно трачу время на разговоры с вами. Наверное, проще было бы нажать на курок.

— О'кей, — сказал я. — Держите свой револьвер. Но мы, тем не менее, должны поговорить.

— Нина лгала вам с самого начала, — заявил он. — Она отлично знала, что в кресле сидел не я, а Элтон Чейз, но она последовательно продолжала нагромождать одну ложь на другую. Она хочет добраться до моих денег, лейтенант! Но она получит их, только перешагнув через мой труп!

— Вы говорили мне, что ездили в Лос-Анджелес, чтобы встретиться там с Эндерсоном, — сказал я. — Но это тоже была ложь! На самом деле вы ездили к нему по ту сторону горной гряды Бад-Маунтин.

— Вы там были?

— Да, сегодня, — ответил я. — И нашли убитого Эндерсона.

— И никаких следов изобретения, не так ли? — Он

сердито ухмыльнулся.— Ни приборов, ни документации, ни чертежей... Правильно?

— Его убили тем же самым способом, что и Чейза,— сказал я в ответ.— Вы хотите сказать, что не вы его убили?

— Я даже не знаю, стоит ли дело того, чтобы говорить о нем.— Он снова как-то нехорошо улыбнулся.— Я совершил непоправимую ошибку, когда поверил этому двуличному пресмыкающемуся, Элтону Чейзу. Утром в понедельник, до того, как выехать к Эндерсону, я ненадолго заехал в контору фирмы. Чейз сообщил мне, что буквально несколько минут тому назад мне как будто бы позвонил Эндерсон, который был в страшном волнении. У него, якобы, появилось подозрение, что кто-то собирается похитить его изобретение, и что поэтому он вообще перестал доверять кому бы то ни было. Эндерсон, по словам Чейза, явно был не в себе, и прошло добрых пять минут, прежде чем он, Чейз, уловил в их разговоре первую связную мысль. Далее Эндерсон, по словам Чейза, сообщил ему, что он в настоящее время не может мне доверять, что встреча наша не состоится, потому что она не может происходить в его доме, который находится в таком пустынном месте. Поэтому, если я хочу его видеть, я должен отправиться в Лос-Анджелес, остановиться там в отеле «Фламинго» и записаться под именем Симпсона. После всего этого мне нужно было только ждать. Эндерсон сам будто бы свяжется со мной. Элтон сказал, что он долго уговаривал Эндерсона образумиться, но тот словно с цепи сорвался.

В итоге мне выбирать не приходилось. Элтон отвез меня в аэропорт, где я оставил ему свою машину. Прибыв в Лос-Анджелес, а снял номер в отеле и стал ждать. Я прождал весь понедельник, весь вторник, но никто так и не явился. В среду около полудня мне позвонил Чейз. Неоднократно извиняясь, он сообщил, что ему опять позвонил Эндерсон и сказал, что встреча в Лос-Анджелесе отменяется. Теперь он, якобы, решил не выезжать из своего домика и будет ждать меня там. Я начал чертыхаться и спросил Элтона, что это за глупые шутки, но он снова начал извиняться и сказал, что сам ничего не понимает, но, видимо, не остается ничего другого, как следовать странным прихотям этого не менее странного изобретателя. Что же касается моей машины, то она на профилактическом осмотре и, к сожалению, не будет готова к моему возвращению. Поэтому он предложил мне взять машину напрокат и отправиться к Эндерсону.

— Я добрался до его дома, когда день уже клонился к вечеру. Что я там нашел, вы уже знаете: Эндерсон лежал на полу с перерезанным горлом. В доме не было никаких следов его изобретения. Сначала я хотел добраться до ближайшего телефона и сообщить о случившемся в полицию. Но потом мной стали овладевать сомнения.— Он заговорил спокойнее.— Я понял, что мне никто не поверит. Ведь я останавливался в западном Голливуде в отеле под чужим именем, провел там два дня в ожидании человека, который так и не появился. Свой номер я покидал ненадолго, чтобы только поесть, но питался не в своем отеле. Администратор наверняка меня и не запомнил! Пока я так рассуждал сам с собой, меня вдруг осенило. Я понял, что не было никаких звонков от Эндерсона, их выдумал Элтон Чейз. Эндерсона кто-то убил, похитил его изобретение, но все было проделано таким образом, что подозрение в убийстве пало на меня. Вот потому-то я и решил ничего не сообщать полиции и побыстрее оттуда сматываться.

— Все в той же машине?

Он коротко кивнул.

— Домой я прибыл в среду около одиннадцати. Моя машина стояла в гараже. Из этого я сделал вывод, что Элтон Чейз находится в моем доме вместе с Ниной, что оба сейчас корчатся от смеха по поводу того, что им удалось так ловко меня провести.

— И вы застали их вместе?

— Если бы это было так! Вот тогда я бы действительно стал убийцей! — ответил он.— Но когда я вошел в библиотеку, Элтон был уже мертв. И тогда я потерял голову! Он был убит тем же способом, что и Эндерсон. Я окончательно лишился возможности снять с себя подозрения, которые неизбежно должны были пасть на меня. Я бросился к машине и умчался прочь. Как бешеный, мотался по всему району, пока немного не успокоился. После этого решил, что возвращение домой будет моим единственным шансом на спасение. А там я должен буду делать вид, что только что прибыл из Лос-Анджелеса и ровно ни о чем не знаю. Я думал, что благодаря этому мне удастся хоть какое-то время держаться подальше от полиции, а там видно будет. Я еще думал, что мне, может быть, удастся узнать, кто убийца.

— В тот вечер я описал внешность Чейза, но вы утверждали, что не знаете никого похожего. Почему вы солгали?

— Да, я солгал, и здесь допустил ошибку,— ответил

он.— Я не знал, что Нина успела рассказать вам обо мне. Я чувствовал, что меня загнали в угол. Я знал совершенно точно, что мне старались «пришить» два убийства, которые я не совершал.

— Итак, вы утверждаете, что вы невиновны,— сказал я,— что вы пали жертвой заговора между вашей женой и Чейзом? Судя по вашему рассказу, Чейзу удалось заставить вас проторчать два дня в Голливуде, а сам он в это время мог поехать в пустыню к Эндерсону и убить его, так вы думаете?

— Правильно.

— Но вашей жене этого было мало. Она убила Чейза и теперь пытается сделать так, чтобы оба убийства приписали вам?

— Тоже правильно, лейтенант.

— Но это противоречит здравому смыслу,— заявил я.— Нина рассказала мне, что она договорилась с Чейзом уехать с вечеринки пораньше и встретиться в вашем доме. Чейз, по ее словам, уйдя первым, поехал на вашей машине. Она ушла позже. Когда приехала домой, увидела Чейза уже мертвым.

— Выходит, что вы верите этой лживой бабе больше, чем мне?

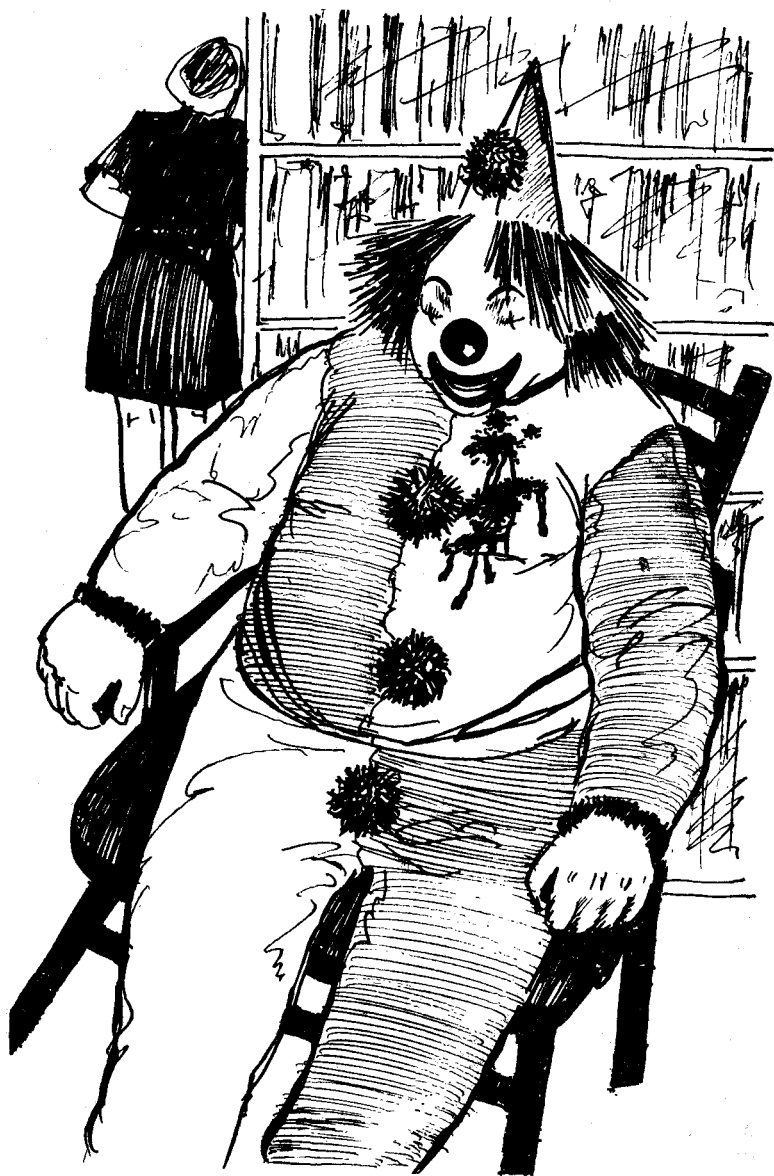
— Поставьте себя на мое место,— предложил я.— Допустим, вы пробыли два дня в Лос-Анджелесе, потом поехали в пустыню и нашли там труп Эндерсона. Но как могла ваша жена быть уверенной в том, что вы не позвоните в полицию? И как она вообще могла предугадать ваши поступки? Ведь вы могли бы сразу махнуть в Мексику. Но если предположить, что она убила Чейза, то, значит, она должна была знать, что вы прямиком направитесь именно домой. В противном случае, все ее хитроумные планы потерпели бы полный крах, не так ли?

— Но Чейз же мне сказал, что он пойдет на вечеринку к Шепли,— резко ответил Джанос,— что уйдет оттуда не раньше десяти и будет ждать меня здесь, чтобы узнать, как прошла моя беседа с Эндерсоном.

— Сейчас уже Чейз ничего не сможет подтвердить,— буркнул я.

— Но каким образом, лейтенант, Нине удалось перетянуть вас на свою сторону? — прошептал он.— Пообещала деньги? Или место рядом с собой в постели?

— Нет,— хмуро ответил я.— Она позвонила мне вчера и сказала, что должна срочно со мной поговорить. Около пяти часов я приехал к ней. Она заявила, что Чейза убили

вы и что теперь очередь за ней. Вчера мне все это показалось не очень убедительным. Но сегодня я прихожу в ваш дом и вижу собственными глазами, как вы истязаете ее плетью. Когда же я попытался помешать этому, вы выхватываете свой револьвер и начинаете угрожать уже мне. Как вы думаете, невиновный человек стал бы так поступать?

— Весь этот разговор — лишь напрасная трата времени, — сказал он. — Я так и думал с самого начала.

Нина Джанос тихо застонала и медленно повернулась на бок. Ее супруг молча наблюдал за ней, но я успел заметить что палец его начинает нажимать на курок.

— Только без глупостей! — предостерег я его.

— Теперь мне все равно, — прошипел он в ярости. — Она разбила мою жизнь. Почему же она должна выйти сухой из воды?

— Ты прав, — сказала Нина, едва шевеля губами. — Кончай все это побыстрей!

Она уже немного приподнялась и смотрела на своего супруга глазами, полными ненависти. Джанос плотно сжал губы. Было видно, что он в любое мгновение может нажать на спуск. Воспрепятствовать убийству было очень трудно, но мизерный шанс у меня все-таки имелся. Даже если он и был действительно убийцей, то все равно еще хоть мгновение поколеблется, прежде чем пустить пулю в лоб своей жены.

Я оттолкнулся носками от пола и стремительно, словно щука, вынырнувшая из воды, бросился вперед. Но он среагировал на мой героический прыжок таким образом, что я из героя превратился в дурака. Он лишь немного отступил в сторону, а я пролетел мимо него и шлепнулся на пол. Прокатившись еще какое-то расстояние по полу, я довольно сильно ударился об стену. В голове раздался колокольный звон, а из глаз посыпались искры. Тем не менее аплодисментов я не услышал! Правда, кое-какое утешение у меня было: я не разбился насмерть. Слишком уж чувствительна была боль, которую я испытывал.

— Может быть, вы и правы, лейтенант, — словно издали донесся до меня его голос. — Она не стоит этого. Пусть она влачит свое жалкое существование в этом аду, который именуется у нас землей. Ведь возможно, что другого ада вообще не существует...

Чтобы уменьшить боль, я лег на спину с закрытыми глазами, ожидая, пока комната перестанет качаться. Лишь спустя какое-то время я осторожно открыл сперва один

глаз, потом другой. Джанос, склонившись, стоял передо мной.

— Буду великодушным,— заявил он.— Предоставляю вам право выбора.

— Что? — Мне удалось наконец-то выпрямиться.— Вы о чем?

— Или вы верите ей,— сказал он,— и тогда мой дух вечно будет вас преследовать, а дело будет закончено. Или верите мне, и тогда должны продолжать расследование.

— Послушайте, Джанос,— медленно сказал я.— В настоящий момент я не верю ни вам, ни ей. Дайте мне время, спрячьте свой револьвер, и тогда мы сможем...

— Через десять секунд я уже буду знать об этом,— сказал он спокойно.

— Что будете знать?

Я оцепенело смотрел на него.

— Что произойдет...— Он снова провел рукой по усам.— Уйду ли я окончательно или где-то там имеется потусторонний мир.

— Только не глупите! — вскричал я.

Внезапно Джанос улыбнулся.

— Другого пути для меня нет. Всего вам хорошего, лейтенант! Кто знает, может быть, мы еще встретимся, когда придет ваш час.

Он не спеша поднял тяжелый револьвер тридцать восьмого калибра, плотно прижал дуло снизу к подбородку и нажал на спуск.

8

Доктор Мэрфи вернулся обратно в гостиную, увидел, что я стою у бара, направился прямо ко мне.

— Дайте мне что-нибудь выпить. Все равно, что,— сказал он.— Но лучше двойную порцию.

Я налил в стакан виски и протянул ему.

— Как себя чувствует миссис Джанос?

— Вы хотите с ней поговорить?

— Да, сейчас.

— Чувствует она себя вполне хорошо. Но я сделал ей укол. Такой дозой снотворного можно усыпить и слона. Так что она сейчас спит.

— У нее серьезные ранения?

— Завтра у нее вырастет шишка на лбу, но ничего серьезного с головой не произошло.

— А спина?

— Спина какое-то время, конечно, поболит, а потом все постепенно подсохнет и пройдет. Вы, как мне кажется, очень беспокоитесь о здоровье этой дамы?

— Не уверен, что «беспокоюсь» — подходящее слово, — сознался я. — Судя по всему, это самая настоящая бестия. Но и ее супруг, видимо, ни в чем ей не уступал.

— Это тот, которого увезли десять минут тому назад?

— Он самый, — подтвердил я.

— Меня, конечно, это совершенно не касается, — заметил он, — но все-таки было бы очень интересно знать, какой метод вы применили на этот раз, Эл?

— Опять вы хотите порекомендовать мне что-нибудь весьма оригинальное, — буркнул я.

— Да, понимаете, Эл, в этой истории полно трупов, — ответил он. — Поэтому последний из оставшихся в живых неизбежно должен оказаться убийцей, не так ли?

— Действительно, очень оригинальная мысль, — ответил я, — и очень смешная. Если бы я не боялся порвать мышечные связки, я бы уже катался от хохота.

— Кстати, сегодня вечером я произвел вскрытие Эндерсона, — сказал Мэрфи. — Все свидетельствует о том, что он уже трое суток мертв, а не двое. Говорю вам на тот случай, если это имеет какое-нибудь значение для вас. А горло его было перерезано точно таким же манером, как и у первого, — справа налево. Со стороны убийцы. Поэтому можно с уверенностью сказать, что убийца не был левшой. Это имеет какое-нибудь значение?

— Возможно, — медленно ответил я. — Да, наверное, все-таки имеет.

— Очень рад, что смог оказаться хоть чем-нибудь полезен, — сказал он, недоверчиво глядя на меня.

— Дело в том, что из троих подозреваемых двое потеряли правые руки в автомобильной катастрофе, — добавил я, — а третий подозреваемый — карлик. Но ведь он мог встать на стул, когда ему понадобилось перерезать этим людям глотки.

— Вы считаете, теперь должен я громко расхохотаться? Нет, Эл, я не буду этого делать. У меня очень грустно на душе. — Он допил свой виски, с сожалением посмотрел на пустой стакан, а потом вдруг сказал: — Ну, мне пора сматываться. Кстати, полицейский, который вызвал меня к вам, сказал, что шериф вот-вот взорвется. Он сказал кому-то, что если бы вы сидели на своем рабочем месте вместо того, чтобы колесить по округе, то трупов было бы меньше.

— Я буду иметь это в виду, — пообещал я. — И большое вам спасибо за все, док!

— Мне всегда доставляет радость хоть немного подбодрить ближнего своего, — ответил он снисходительно. — Думаю, что утречком я еще забегу сюда проведать вдову. И, пожалуйста, окажите мне небольшую любезность, Эл. Не выискивайте очередной труп раньше завтрашнего вечера. Даже у дежурного в морге начинается нервный тик, когда он слышит ваше имя.

Он дружелюбно помахал мне рукой и исчез за дверью. Я снова налил себе виски. Домой идти не хотелось. Что в таком случае остается делать?

Была уже почти половина одиннадцатого, когда я стоял перед дверью ее квартиры и нажимал на кнопку звонка. Я вынужден был позвонить трижды. Наконец с двери сняли предохранительную цепочку, и появилась небольшая щель. Зеленый глаз с недоверием смотрел на меня.

— Я же сказала, что позвоню сама, — резко сказала Изабель.

— Это не личный визит. — Я — официальное лицо, — сказал я. — Может быть, тебе показать мой служебный значок?

— О... о...

Повозившись с цепочкой, она открыла дверь. На ней был короткий шелковый халат. Гладкие черные волосы отливали матовым блеском.

— Проходи в гостиную, — сказала она.

Гостиная была маленькой, но обставлена суперсовременно. Я осторожно присел на какую-то абстрактную штучковину, обтянутую пенопластом. Она присела на что-то очень похожее напротив меня.

— Значит, официальный визит?

Она сердито нахмурила брови, но в ее зеленых глазах я заметил насмешливую искорку.

— Но сначала нечто личное. Я хотел бы высказать тебе одновременно свои поздравления и соболезнования, — сказал я.

Она удивленно подняла брови.

— В связи с чем?

— Поздравления приношу по поводу твоей помолвки, — ответил я. — Правда, я не совсем уверен, можно ли Джорджа Риверса назвать в полном смысле счастливым, но он оказался очень предприимчивым.

— Вот как, ты уже в курсе? — Она закусила нижнюю

губу.— Он обладает своеобразным талантом высказываться в самый неподходящий момент.

— А теперь прими соболезнования по поводу кончины твоего патрона.

— Патрона?

— Людвиг Джаноса,— уточнил я.— Покончил с собой сегодня вечером. Приставил револьвер к подбородку и выстрелил. Всю гостиную обрызгал своими мозгами.

— Он... Что?..— Ее лицо позеленело.— Прости...

Она вскочила и выбежала из гостиной. Я услышал, как хлопнула дверь ванной, и спросил себя, неужели я от природы такой жестокий или только разыгрываю роль человека, которого ничто не берет.

Минут через пять Изабель снова вошла в гостиную с белым, как мел, лицом.

— Мне нужно выпить чего-нибудь покрепче, Эл,— сказала она каким-то тусклым голосом.— Ты мне не готовишь?

— Конечно! — сказал я и направился к бару, продолжая говорить: — Джанос считал, что Чейз и его жена устроили против него заговор и пытались приписать ему оба убийства. А он не имел совершенно никаких доказательств, чтобы опровергнуть эти обвинения, и решил, что у него нет другого выхода...

— Оба убийства? — словно эхо, повторила она.

— Когда мы с тобой ездили к Эндерсону,— сказал я,— мне пришлось кое-что утаить от тебя. Дело в том, что Эндерсон был дома, только мертвый.— Я приготовил напитки и протянул стакан Изабель.— Ему перерезали горло. Как и Чейзу.

Она поднесла стакан к губам и судорожно глотнула коктейль.

— Если я вдруг сейчас начну кричать,— сказала она через несколько секунд,— то виноват в этом будешь ты.

— Убийца выкрал его изобретение,— продолжал я.— Если убийцей был не Джанос, то настоящий преступник здорово потрудился, чтобы бросить на него серьезное подозрение. И, судя по всему, Чейз тоже был замешан в этом деле.

— Никак не могу поверить,— пробормотала Изабель.— Это слишком много для меня. Сперва Элтон, потом Людвиг и Эндерсон.— Она покачала головой.— Просто непостижимо!

— Мне нужна кое-какая информация,— сказал я.— Она касается фирмы Джаноса. Вчера у меня состоялся

милый приятельский разговор с Джорджем, но я не думаю, что он был со мной вполне откровенен. А от тебя он таиться не будет. Ведь вы помолвлены.

— Хочешь, чтобы я пошла на подлость по отношению к нему, так? Или считаешь, что я жадна на мужчин? Я еще даже не решила, сделала ли я правильный выбор. Однажды я предложила ему переспать со мной, чтобы узнать, подходим ли мы друг другу с сексуальной точки зрения. После этого он не разговаривал со мной целых три дня. Когда ты так неожиданно появился у нас в бюро, я подумала, что небольшая интрижка на стороне будет мне очень полезна.

— Чтобы сделать некоторые сравнения?

— В какой-то степени.

— Но если Джордж все-таки не решится на это? Как же ты тогда будешь совершенствовать свою сравнительную сексологию как науку? — спросил я. — Во всяком случае, до брака.

— О, кое-какие планы на этот счет у меня есть, — пробормотала она. — Кроме того, я хотела вовлечь его в такую ситуацию, из которой ему не было бы возможности выбраться. Но теперь все это кажется мне незначительным и совсем не таким уж важным.

— И все-таки, я думаю, что он будет с тобой откровенен.

— Да, наверное, — скучным тоном сказала она. — Что ты хочешь узнать?

— Спроси его, не помнит ли он, разговаривал ли Чейз по телефону с Эндерсоном?

— Что еще?

— Не просил ли его Чейз взять напрокат костюм клоуна для вечеринки, которую устраивали Шепли, и не рассказывал ли ему Чейз вообще об этом вечере.

— Еще?

— Что он вообще знает о сделке с Эндерсоном?

— Узнаю завтра утром, — пообещала она.

— А почему не сегодня вечером?

— Сегодня у меня нет настроения вообще с кем-нибудь разговаривать. Это относится и к тебе, Эл.

— В таком случае позвони мне сразу. Или, может быть, нам лучше завтра пообедать вместе?

— Мне кажется, что я не смогу больше никогда есть с тобой, — ответила она раздраженно. — Мне становится плохо от одного твоего вида.

— Ну, хорошо. Буду ждать звонка.

— Если не забуду,— ответила она.— И если у меня будет время.

Я допил коктейль и поднялся. Когда я был уже в дверях, она окликнула меня.

— Хочу задать тебе один вопрос,— сказала она.

Я повернулся к ней.

— Какой?

— Когда Джордж рассказал тебе о нашей помолвке, ты не почувствовал угрызений совести, что переспал со мной?

— Насколько я помню, это случилось всего один раз, а такие мелочи никаких угрызений совести у меня не вызывают.

— Что же, ты вообще ничего не почувствовал при этом разговоре?

— Почувствовал. Мне стало немного жаль его.

— А если я расторгну помолвку, ты будешь доволен?

— Не знаю,— искренне ответил я.

— Ты уже уходишь? — спросила она, глядя куда-то в сторону.— Почему бы тебе не остаться у меня на ночь?

— Хочешь сравнить сегодняшние данные со вчерашними?

— Ты самый противный человек, которого я когда-либо знала, Эл Уиллер! — сказала она с ударением на моем имени.— Надеюсь, что рано или поздно ты свалишься с лестницы и сломаешь себе шею! Или с тобой случится припадок падучей, и ты грохнешься посреди улицы! Или... или...

— Согласно данным моей таблицы, прибор Уиллера работал вчера с предельной точностью,— перебил я ее.— А стрелка наслаждения показывала все сто процентов. Меня просто удивляет, как ты не начинаешь стонать при одном только прикосновении к мужчине. Джордж — настоящий счастливчик! Правда, после медового месяца от него, возможно, мало что останется, но, как говорится, за счастье надо платить...

— Убирайся вон!

Бокал, пронесшийся над моей головой, ударился о дверь и разлетелся на сотни осколков. Я поспешно ретировался. Дома я включил приемник и попытался успокоиться с помощью прекрасного и все понимающего голоса Лизы Минелли. Потом выпил еще порцию виски и улегся.

Должно быть, я совсем сошел с ума, отказавшись от такого заманчивого предложения. Да и Изабель Мерман не совсем в своем уме, если собирается выйти замуж за такую скучную и бескровную счетную машину, какой является

Джордж Риверс... Не сошел ли с ума и Людвиг Джанос, когда пустил себе пулю в лоб, или же его действительно кто-то загнал в самый угол, и он не видел из него выхода... С этими мыслями я заснул.

Телефонный звонок разбудил меня около восьми. Звонил шериф Лоэрс. Я понял это сразу, потому что после первого звука, раздавшегося в трубке, у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Он кричал, рычал, грохотал и ревел, как зверь, пока не задохнулся от собственного крика. Я не стал ждать, пока он закончит свой концерт, и повесил трубку. Тут я неожиданно вспомнил одно имя, которое упомянула Нина Джанос во время нашей первой встречи, Джил Хиланд, адвокат. Я решил нанести ему визит. Терять мне, кроме своей должности, было нечего, а ее, если бы я решился поехать сейчас в контору шерифа и предстать пред его очи, я мог бы потерять в течение нескольких секунд.

Войдя в контору адвоката, я сразу заметил, что здесь делается все, чтобы создать для клиентов самую благоприятную атмосферу. Мебель была прочной, но не роскошной. Комнаты в меру освещены. Темноволосая секретарша, лет двадцати пяти, встретила меня с предупредительной улыбкой и в то же время вопросительно, словно хотела запечатлеть в своем мозгу мою фигуру на всю жизнь. Она доложила Хиланду о моем визите, и я должен был несколько минут подождать, прежде чем он меня принял.

Хиланду было лет сорок. Голова его успела облысеть, но сам он был пышный и цветущий. Его светло-серые глаза как-то странно помаргивали. Создавалось впечатление, что он вот-вот заснет.

— Я уже слышал о том, что случилось вчера,— сказал он после обычного обмена любезностями.— И все еще не могу этому поверить. Сначала убийство Элтона Чейза, теперь самоубийство Людвига Джаноса...

— Я хорошо понимаю ваше состояние, мистер Хиланд,— вежливо сказал я.— Завещание Джаноса находится у вас?

Он кивнул.

— Да, оно здесь, в письменном столе. Я ведь сразу понял, что ко мне придет кто-нибудь из полиции. Вы хотели бы с ним ознакомиться?

— Может быть, вы мне расскажете в общих чертах, что там содержится?

— В связи со сложившейся ситуацией, это совсем не так просто сделать,— ответил он.— Между Чейзом и Джа-

носом существовало определенное соглашение. Оба они являлись пайщиками фирмы. Людвигу принадлежали шестьдесят процентов всего дела, а вместе с этим, следовательно, и право решающего голоса. Так обычно и бывает в аналогичных случаях. Было между ними заключено и соглашение на тот случай, если один из пайщиков внезапно умрет. Оставшийся в живых пайщик автоматически получает право выкупить оставшуюся часть согласно уже заранее оговоренным условиям. Но теперь, когда оба мертвы, я не совсем представляю себе, как будет решен вопрос. Теоретически, как я полагаю, наследникам Чейза должна быть выплачена соответствующая сумма, специально оговоренная в соглашении, а все дело должно перейти к наследникам Джаноса. Вы следите за ходом моих рассуждений?

— Да, конечно,— ответил я.— Но давайте начнем с другого. Кто наследует Чейзу?

— Судя по всему, близких родственников у него нет,— ответил мне Хиланд.— Наследником будет двоюродный брат, который живет в Нью-Йорке.

— А как обстоит дело с Джаносом?

— Тут единственной наследницей является жена.

— К ней перейдет все состояние?

— До последнего цента.— Казалось, что Хиланд был не совсем рад такой перспективе.— Весь капитал фирмы, дом, земельный участок, ценные бумаги. Все вместе это составляет весьма солидное состояние.

— Нельзя ли поточнее?

— С точностью до цента я, конечно, сказать не могу, но думаю, что около пятисот тысяч.

— Без всяких вычетов?

— За исключением доли Чейза, которая будет составлять приблизительно тысяч пятьдесят.

— Значит, Нина Джанос станет наследницей состояния в четыреста пятьдесят тысяч?

— Да,— ответил он сухо.

— А как вы думаете, Людвиг Джанос мог бы совершить убийство? — спросил я, меняя тему разговора.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы осознать смысл моего вопроса, затем он медленно кивнул головой и сказал:

— Если его вывести из равновесия, мог сделать все, что угодно. Он совершенно терял над собой контроль. Я сам неоднократно был свидетелем этого. Но он никогда бы не смог совершить заранее обдуманного и подготовленного

убийства. Убить он мог только в состоянии аффекта. Вас удовлетворяет мой ответ, лейтенант?

— Угу... А вы знаете некоего Дэвида Шепли?

— Кажется, я встречался с ним, но всего один раз. Правда, я знаю, что он и Людвиг раньше работали вместе... Пока Людвиг не женился на женщине, на которой собирался до этого жениться Шепли.

— Я признаюсь, до сих пор не могу понять, почему Джанос покончил жизнь самоубийством,— сказал я.— Или он действительно был виновником смерти Чейза и Эндерсона? Или понял, что у него нет иного выхода из создавшегося положения?

— В любом случае ему нужно было бы сначала позвонить мне,— вздохнул Хиланд.— Я, правда, не защитник, но в любом случае попытался бы удержать его от этой глупости.

— Я попробовал это сделать,— ответил я.— Но у меня ничего не вышло. Давайте теперь предположим, что Джанос не виновен в смерти Чейза и Эндерсона. В этом случае возникает очень важный вопрос: кому было выгодно так искусно взвалить на него подозрение и этим довести его до самоубийства?

Хиланд пожал плечами.

— Его жене...

— Может быть, кому-нибудь еще?

— Если иметь в виду только финансовую сторону дела, то больше просто некому,— решительно ответил он.— Но ведь не всегда деньги являются важным мотивом для наших поступков, не так ли? Бывают и другие причины. Например, месть.

— Вы знаете кого-нибудь, у кого мог быть иной мотив?

— Возможно, Шепли...— Он невесело улыбнулся.— Вы знаете, у вас очень опасная манера беседовать, лейтенант. Если я не буду начеку, боюсь, что начну рассказывать вам и о своей интимной жизни.

Я тоже улыбнулся в ответ.

— Не могли бы вы мне сообщить что-либо, что помогло бы в моем расследовании, мистер Хиланд? — спросил я без особой надежды.

— Увы, думаю, что нет.— Он забарабанил пальцами по столу.— Хотя минутку... Правда, не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение для вашего расследования. Дело вот в чем. Все считали, что Людвиг должен умереть еще полгода назад. Но потом выяснилось, что ему был поставлен неверный диагноз.

— Может быть, вы расскажете об этом поподробней? — попросил я.

— Врачи сказали ему, что у него карцинома и что жить ему оставалось не более полугода, в крайнем случае год. Но потом выяснилось, что врачи ошибались. Опухоль оказалась не злокачественной, но Людвиг узнал об этом после операции. Врач, который поставил ему неправильный диагноз, сразу после операции уехал из этих мест и поселился где-то на восточном побережье.

— Когда все это было?

— Около двух лет тому назад.

— До его женитьбы на Нине.

— Все это происходило непосредственно перед женитьбой. Но Людвиг, по складу своего характера, верил, что наслаждаться жизнью нужно до последнего мгновения. Именно потому он и женился на ней, что хотел найти блаженство в брачных узах. Наслаждаться телом любимой женщины вместо того, чтобы сидеть с хмурой физиономией и безропотно ожидать, когда пробьет твой последний час. Он сам мне это сказал как-то в личном разговоре.

9

Я решил нанести визит очаровательной миссис Мерман безо всякого предупреждения, не дожидаясь ее звонка дома, тем более, что мне мог позвонить шериф.

Изабель сидела за своими бумагами, почти скрытая ими. Когда она заметила меня, в ее зеленых глазах промелькнуло удивление, но в следующее мгновение она уже нахмурила брови.

— Мы же договорились, что я тебе позвоню, — сухо сказала она.

— Я целую ночь не мог сомкнуть глаз, — ответил я. — Все время думал о тебе, о Джордже...

— Ты считаешь, что мы с ним созданы друг для друга?

— Такая женщина, как ты, не может броситься в объятия робота, — скромно ответил я. — А ведь Джордж именно таков. Неужели ты думаешь, что он достигнет чего-нибудь путного с такой женщиной, которая заставляет подпрыгивать стрелку уиллеровского прибора наслаждений к ста процентам?

— Значит, ты полагаешь, что мне лучше всего не выходить за него замуж?

— Это так же умно, как метать бисер перед свиньями,— ответил я.

— Уж не хочешь ли ты сделать мне предложение, Эл Уиллер?

— Конечно, нет, пока я еще обладаю пятью чувствами,— поспешно ответил я.— Откровенно говоря, я действую всегда гораздо проще, даже примитивнее.

— Ты что, хочешь прямо сейчас? — Она критически осмотрела письменный стол.— Мне кажется, лейтенант, что сейчас тут для этого нет никаких удобств. И к тому же, заниматься проверкой измерительных приборов среди юридической литературы...

— Ты уже говорила с Джорджем?

— Да, говорила. Я смогла убедить его, что ему нужна не женщина, а прислуга, которая готовила бы ему еду, прибирала в квартире и приносила шлепанцы, когда он приходит домой. Он, правда, был не очень-то убежден в этом, но, тем не менее, изменить что-либо уже не мог.

— А мои вопросы ты, значит, так и не выяснила?

— Он не знает, звонил ли Чейзу Эндерсон. Если и звонил, то непосредственно в кабинет Чейза,— деловито сообщила она.— Что же касается костюма клоуна, то Чейз действительно просил его взять такой костюм напрокат и рассказал ему, что собирается идти на маскарад. И третье: о сделке с Эндерсоном он ничего не знает.

— Этот Джордж — не человек, а ходячая информация! — в отчаянии простонал я.

— Раньше ты назвал его более точно,— сказала она.— Джордж — робот. Правда, я до сих пор сама не могу разобраться, что же представляет из себя Эл Уиллер, но со временем разберусь в этом.

— Может быть, пообедаем вместе? Тогда ты сможешь сделать уже сегодня некоторые известные выводы,— предложил я с некоторой надеждой.

— Проваливай отсюда, Эл Уиллер! — ответила она, и голос ее снова стал сухим и каким-то отсутствующим.— Я повторяю тебе уже в третий раз: не звони мне, сама тебе позвоню.

Я пообедал в какой-то забегаловке, где мне подали курицу, которая по ошибке прожила на этом свете, наверное, в три раза больше, чем положено порядочной домашней птице, и салат, который уже успел пустить свежие ростки.

Запив всю эту гадость чуть теплым вонючим кофе, я снова сел в машину и, проехав через весь город, выехал на дорогу, которая вела в долину. Миновав по пути виллу Людвига Джаноса, я отметил, что все жалюзи в ней опущены. Вскоре я достиг большого и внушительного особняка Шепли. На этот раз никаких музыкальных ритмов из дома не доносилось. Особняк, казалось, мирно дремал в лучах полуденного солнца. Я, не торопясь, подошел к передней веранде и позвонил. Дверь открылась.

— На пороге стояла Марта Шепли и с улыбкой смотрела на меня. На ней были оранжевая блузка и шорты. Длинные загорелые ноги показались мне сейчас еще более породистыми, чем в первый раз.

— Вот уж никогда не подумала бы! Лейтенант... Как же вас зовут? Я уже забыла...— Она широко улыбнулась.— Но зато я хорошо помню, как почти сразу же протрезвела, как только увидела вас.

— Как поживаете, миссис Шепли? — вежливо поинтересовался я.

— Поганенько! — Она смешно скривила лицо.— Надеюсь, что и вам не лучше. Я уже слышала, что натворил бедный Людвиг.

— Да... Элтон Чейз, некто по имени Эндерсон, а потом бедный Людвиг...— начал перечислять я.— Кто же следующий?

— И как у вас только язык поворачивается говорить такое?! Давайте я лучше приготовлю вам что-нибудь выпить,— быстро проговорила она.— Или, может быть, вы не употребляете алкоголь до захода солнца?

— Наоборот! Это, наверное, самое лучшее, что вы могли бы предложить мне в данную минуту,— искренне ответил я.

Гостиная, по сравнению с тем вечером, когда здесь устраивался маскарад, выглядела какой-то мрачной и пустынной. Я опустился в глубокое и удобное кресло и успел даже полбоковать пикантными бедрами Марты Шепли, когда она направилась к бару.

— Вы по делам службы, лейтенант? — спросила она, лукаво поглядывая на меня через плечо и старательно приглатывая напитки.

— Да,— ответил я.

— Буду очень рада, если смогу вам чем-нибудь помочь.— Она принесла бокалы и присела рядом со мной на кушетку.— Только не просите меня еще раз навеститься

в морг.— Она зябко передернула плечами.— Даже сейчас вспоминаю об этом зрелище со страхом.

— Нет, нет, все гораздо проще,— уверил я.

— Тем лучше.— Она пила свой коктейль медленно, и ее глаза поблескивали, когда она поглядывала на меня поверх бокала.— Я уже начала опасаться, что вообще не произвела на вас совершенно никакого впечатления, лейтенант. В тех кругах, в которых вращаюсь я, царит смертельная скука, и связь с полицейским рассматривалась бы, как победа.

— Ваш супруг дома?

Она счастливо улыбнулась.

— Соблазнитель всегда задает этот вопрос в первую очередь. Это мне нравится.

— Я никогда не выдаю себя на полную мощь, если супруг скрывается где-то поблизости,— скромно заметил я.

— Вы считаете, что супруг может быть помехой? — Она сочувственно кивнула.— Я, конечно, догадываюсь, что вы подразумеваете, лейтенант, но в данный момент вам беспокоиться не о чем, Дэвида дома нет. Сказал мне, что уехал по делам. Заявление довольно смелое и явно неубедительное. Я, правда, не думаю, что у него хватит энергии, чтобы иметь еще и любовницу, но ведь чего только не бывает на свете, лейтенант, не так ли? И в первую очередь, это, как ни странно, касается анемичных субъектов.

— Вы как-то упоминали, что Дэвид раньше собирался жениться на Нине, но его сумел опередить Людвиг. Через два месяца после замужества Нины он женился на вас.

— Все правильно, лейтенант, так оно и было!

— Мне стало известно, что Джанос перед женитьбой на Нине узнал, что у него раковая опухоль и что жить ему осталось недолго.

— Да, я тоже об этом слышала.— Она плотно сжала губы.— Из этого, видимо, можно сделать вывод, что Нина вышла за него замуж только ради денег... В надежде вскоре унаследовать его состояние.

— Но он не умер. Выяснилось, что врачебный диагноз оказался неверным.

— Да, насколько я знаю, так оно и было...

— А поскольку это так, Джаносу предстояли еще многие годы счастливой жизни.

— Да.

— А теперь разрешите вопрос более частного порядка. Когда Дэвид Шепли женился на вас? До того, как Джанос узнал, что диагноз врачей неверен, или после этого?

— После... — Она спокойно посмотрела на меня. — После... Только лишь после того, как стало ясно, что нет смысла ждать богатую и согбенную горем вдову, которая не отказалась бы и во второй раз причалить в тихую и спокойную заводь супружества.

— Благодарю вас, — сказал я.

— Это все имеет значение, лейтенант?

— Сам точно не знаю, — небрежно ответил я. — Я только что беседовал с Изабель Мерман о вашем маскараде...

— Бедняжка Изабель! Я думаю, что для нее все это очень печально... — и Марта вдруг хихикнула. — Она допустила совершенно непростительную ошибку, явившись на вечер чересчур обнаженной. За ней сразу же началась дикая охота.

— Она сказала мне, что на вашей вечеринке были два человека, одетых в костюмы клоунов.

— Два клоуна? — Она наморщила лоб. — Я помню только одного. Я имею в виду Элтона Чейза, разумеется.

— А может быть, очередность их появления создавала иллюзию того, что на вечеринке был только один клоун? А на самом-то деле их было два.

— Я не совсем вас понимаю.

— Ну, как бы вам это объяснить? В гостиной, например, находится клоун, потом он выходит, а на его место появляется другой. Но все-то думают, что это один и тот же клоун! И все его считают Элтоном Чейзом, разумеется. Да и кто же еще может им быть? Правильно?

— Так вы думаете, что был еще один человек в костюме клоуна, который подменял Элтона, чтобы создавать видимость, что Чейз все время находится здесь, на людях? — Она задумчиво покачала головой, и ее темные длинные волосы зашуршали по плечам. — Но зачем все это было ему нужно?

— Я думаю, что все это не совсем так, — ответил я. — Я думаю, наоборот, Чейзу хотели показать, что все так именно и подумают.

— А теперь я вообще совершенно ничего не понимаю. — Она внезапно улыбнулась. — Может быть, лейтенант, вы мне повторите все еще раз, чтобы я разобралась, что к чему?

— Элтон Чейз покинул вашу вечеринку довольно рано, чтобы не опоздать на встречу, назначенную ему на вилле Людвигу Джаноса,— начал я свои объяснения.— А когда он приехал туда, его убили. Чейз, разумеется, не ожидал ничего подобного. Убийца, видимо, сумел заверить его, что он ему нужен на вилле для чего-то совсем другого и очень важного. Но Чейз должен был обязательно иметь алиби. Поэтому-то на вечере и появился его двойник — еще один клоун.

— Теперь мне уже кое-что становится ясно,— сказала она.— Но еще далеко не все. Что же нужно было Чейзу на вилле Джаноса?

— Мне кажется, что он мог предполагать, что там будет убит кто-то другой,— ответил я.— А когда, наконец, понял, что жестоко ошибся, что именно его и избрали жертвой, было уже слишком поздно... Ему успели перерезать горло.

Она содрогнулась.

— У вас очень милая манера называть вещи своими именами, лейтенант.

— Простите. И давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом. Ваш супруг уже оправился после того удара в нос?

— С Дэвидом не очень-то легко справиться,— рассмеялась она.— Но тут он просто, по-моему, сглупил. Ведь он наверняка знал, как именно будет реагировать Чак Корнелли, если кто-нибудь слишком близко подойдет к его девочке. Здесь каждый знает, что добрый старый Чак — самый ревнивый супруг до самого Чикаго.

— И что было дальше?

— Деталей не помню. Дэвид сразу ушел к себе зализывать рану.

— Вы не помните время?

— Примерно в половине десятого. И сразу потребовал от меня, чтобы его никто не тревожил, и я в том числе.

— Он так и просидел в своей комнате до моего прихода?

— Да.

— Вы говорили, что вместе с Изабель Мерман из дома уходил какой-то клоун...

— А я-то думала, что мы поговорим о чем-то другом.— Она скривила личико.— Я-то надеялась, лейтенант, что вы приехали сюда, чтобы соблазнить меня. Видимо, я здорово ошиблась! Да, вы правы, я говорила, но теперь в этом не очень уверена. Может быть, я сказала тогда чисто автоматически, потому что они оба были на вечере.

— Изабель Мерман говорила мне, что видела двух человек в одинаковых костюмах клоунов.

— Ну да...— Она пожала плечами.— Возможно, что так оно и было на самом деле. Но сама я не видела.— Она помолчала немного, а потом удивленно посмотрела на меня.— Минутку! А ведь я, кажется, тоже видела двух клоунов. Что-то смутное мне все-таки вспомнилось. Да... Я, кажется, шла в кухню или из кухни... Да, конечно, на кухню, чтобы принести еще еды. И прошла мимо одного из клоунов, то есть мимо Элтона Чейза, когда выходила из гостиной. А потом мимо меня прошел еще один человек в костюме клоуна. Мне кажется, что он испугался, когда заметил меня, и тотчас же исчез в одной из комнат для гостей. Я еще тогда, помню, подумала, что вот как можно здорово напиться, в глазах начинает даже двоиться. Правда, почти сразу же я забыла об этой встрече.

— Если на вечеринке присутствовал еще один человек в костюме клоуна, то вся моя теория летит к чертям собачьим,— удрученно заметил я.— Если, конечно, не предположить, что второй клоун не допустил ошибку.

— Чем? Выдав свое присутствие? Но каким образом?

— Хороший вопрос,— похвалил я ее.— Тут могут быть самые разные варианты. Он, может быть, подумал, что первый клоун уже ушел или должен был уйти к этому времени и хотел сам в этом убедиться?

— А когда увидел меня, то поспешил спрятаться, потому что я как раз выходила из гостиной, и он знал, что я только что видела первого клоуна?

— Да, что-нибудь в этом роде,— согласился я.— Ваш супруг много работал вместе с Людвигом Джаносом до того, как тот женился на Нине?

Она кивнула.

— Да, и было чертовски жаль, что они разошлись. Им отлично работалось друг с другом.

— А в одиночку вашему супругу приходилось тяжелее?

— Вы ждете от меня честного ответа, лейтенант?

— Конечно.

— У него вообще ничего не выходило. Откровенно говоря, если бы не наследство моего отца, мы бы уже давно вынуждены были бы продать свой дом и все остальное.

Я допил коктейль и поставил бокал на столик, стоящий неподалеку от кушетки.

— Большое спасибо, миссис Шепли, за то, что уделили мне так много времени. И за угощение.

— Вам нужно идти, лейтенант?

— Мне нельзя задерживаться надолго в одном и том же месте,— объяснил я.— Иначе меня может изловить мой шериф. И если это случится, я буду конченным человеком.

— Как жаль! — Она поднялась с кушетки.— А я-то надеялась, что мы с вами проведем остаток времени до вечера. Может быть, передумаете и останетесь, лейтенант?

— Мне очень хотелось бы остаться,— сказал я, не покрывив при этом душой,— но не могу.

— Что же, в таком случае мне остается лишь проводить вас до двери,— сказала она.

Она вышла со мной на веранду и прищурила глаза на ярком солнечном свете.

— Я довольно много пью,— внезапно сказала она холодно.— Но я не так глупа, лейтенант.

— Я и не сомневаюсь в этом.

— Все ваши вопросы были не такие уж и загадочные,— продолжала она.— И я понимаю, что именно вы имели в виду, задавая их мне. Да, возможно, Дэвид сам напросился, чтобы иметь повод надолго скрыться у себя в комнате. Если бы он захотел вернуться в гостиную, он должен был бы пройти по тому самому коридору... Если это попытаться связать воедино, то не исключено, что именно на нем и был второй костюм клоуна.

— Как вы относитесь к своему супругу, Марта? — перебил я ее.

— Он взял меня в жены только потому, что не мог взять Нину,— ответила она.— Первый месяц нашей семейной жизни я еще пыталась убедить себя, что мы все-таки можем быть счастливы. Потом постепенно поняла, насколько несбыточны эти мечты. Я убеждена, что он никогда не порывал с ней связи... Вы спросили, как я к нему отношусь? — Она слегка задумалась.— Я и сама не знаю. Если бы он вдруг исчез, мне какое-то время, наверное, не хватало бы его так же, как порой не хватает той или иной вещи, которую ты имеешь уже давно и к которой привыкла. Но потом все бы пришло в норму. Вот, собственно, и все. Как вы думаете, лейтенант, он может вдруг исчезнуть? Навсегда?

— Думаю, что да,— коротко ответил я.

Жалюзи на окнах виллы все еще были опущены. Дом словно вымер и производил поэтому гнетущее впечатление. Мне пришлось трижды позвонить, прежде чем дверь, наконец, отворилась.

Передо мной стояла Нина Джанос. Небольшая челка скрывала шишку на лбу. На ней был халат из светлого сатина, суженный в талии, благодаря чему ее крупные груди четко вырисовывались вместе с сосками. Под халатом явно ничего надето не было. Он едва доходил до колен, и я мог полюбоваться красивыми голыми ногами Нины.

— Лейтенант Уиллер? — сказала она своим грудным голосом. — Как мило, что вы зашли проведать меня! Прошу вас, проходите в гостиную.

Мы прошли с ней в гостиную. Она двигалась медленно и плавно, почти не двигая спиной. Когда мы подошли к кушетке, она очень осторожно села на нее.

— Как вы себя чувствуете, миссис Джанос? — спросил я.

— Спасибо, лейтенант, уже лучше. Ваш врач, доктор Мэрфи, сегодня заходил ко мне. Он был очень любезен. Сказал, что ничего серьезного нет. Садитесь же, прошу вас!

— Спасибо!

Я сел в кресло напротив нее.

— О, я же забыла поблагодарить вас за то, что вы спасли мне жизнь, — сказала она неожиданно.

— Пожалуйста, не стоит об этом!

— Не скромничайте, лейтенант! Если бы вы не бросились тогда на Людвига, он убил бы меня, я в этом совершенно уверена. — Она откинулась на спинку кушетки и прикрыла глаза. — Все еще никак не могу поверить, что Людвиг убил и Элтона Чейза, и того, другого человека... Его, кажется, звали Эндерсон? Слава богу, все кончилось благополучно и закономерно.

— Закономерно? — переспросил я.

Она удивленно раскрыла свои большие глаза, сияющие невинным голубым светом.

— Я имела в виду, что Людвиг сам поставил крест на всей этой истории.

— А почему вы решили, что дело на этом кончилось, миссис Джанос? — спросил я беспечно.

— Покончив с собой, Джанос практически признался в том, что это он совершил оба убийства, не так ли?

— Если я хоть немного разбираюсь в человеческой психологии, отнюдь нет, — спокойно ответил я. — Я понял его самоубийство совсем по-другому. У него не было никаких доказательств его невиновности, но это еще далеко не доказательство его виновности.

— Вот как? — В ее голосе появилась неуверенность. — Что-то я не совсем поняла вас, лейтенант? Вы что, считаете, Людвиг был невиновен?

— Я не считаю такой вариант невозможным, — ответил я. — Крупные преступления никогда не совершаются без особых причин, миссис Джанос. По моему глубокому убеждению, ваш супруг, конечно, мог убить Элтона Чейза, но только в состоянии аффекта. Например, если бы он застал его с вами. Но для убийства Эндерсона у него не было даже мало-мальски подходящего мотива.

— Он мог убить этого несчастного, чтобы выкрасть у него изобретение.

— Зачем? — Я пожал плечами. — Эндерсон сделал изобретение, которое могло принести много денег. И ваш супруг готов был запатентовать его, чтобы в дальнейшем наладить серийное производство нового аппарата. Ведь такие сделки и были его бизнесом. Он совершенно не был заинтересован в смерти Эндерсона.

— Может быть, Людвиг нуждался в деньгах?

— Сегодня утром я нанес визит Джилу Хиланду, — ответил я. — Возможно, вам интересно будет узнать, что после смерти супруга вы унаследуете около полумиллиона долларов, миссис Джанос. Приблизительно около пятидесяти тысяч вы должны будете выплатить наследникам Чейза за его долю в фирме. Так что никак нельзя сказать, что ваш супруг испытывал финансовые затруднения и из-за них мог пойти на убийство Эндерсона. Вот так, миссис Джанос!

— Кто же тогда мог убить Эндерсона, если не мой супруг?

— Я очень рад, что вы задали именно этот вопрос, — ответил я. — Поэтому нам лучше всего начать издалека. С тех самых дней, когда вы еще собирались выходить замуж за Дэвида Шепли. В это время на вашем пути внезапно появился Людвиг Джанос. Он был смертельно болен. И жить ему оставалось год — полтора, не больше. Тем не менее, он хотел жениться на вас. И вы вышли за него замуж. Но потом вдруг оказалось, что врачи поставили ошибочный диагноз.

Дэвид Шепли понял, что его надежды на богатую вдову,

готовую вступить во второй брак, никогда не исполнятся. Со злости он женился на Марте, порвав с Джаносом всякие контакты. Таким образом, Дэвид Шепли потерял не только вас, но и своего делового партнера, с которым мог бы зарабатывать большие деньги.

— Все это ваши глупые выдумки, — прошипела она.

— Миссис Джанос, — сказал я с улыбкой, — я был бы вам очень признателен, если бы вы избавили меня от дальнейшей лжи, хотя бы на время, пока я не закончу. Потом я скажу вам, как собираюсь доказать правоту своей версии.

— Вы с ума сошли? — снова прошипела она.

— Лучше помолчите и послушайте, — резко сказал я. — Элтон Чейз, несмотря на свой возраст и довольно неприглядную внешность, был, однако, изрядным ловеласом. Я думаю, что он влюбился в вас сразу, как только увидел. Чтобы не оттолкнуть его от себя, вы, видимо, постарались вселить в него некоторые надежды на будущее.

— С меня достаточно! — Она встала с кушетки, скривив лицо от боли, и показала мне рукой на дверь. — А теперь прошу вас покинуть мой дом, лейтенант!

— А что будет, если я не уйду? — спросил я насмешливо. — Вызовете полицию?

— Уйду в свою комнату, — злобно заявила она.

— Я последую за вами, — мягко сказал я на это.

— Что? Как вы смеете...

Нина резко повернулась, и я понял, что она не так уж сильно страдала от боли, как это хотела показать.

— Чейз рассказал вам об изобретении Эндерсона, не так ли? — сказал я. — И Джанос загорелся этим делом больше, чем другими. Я предполагаю, что Элтон Чейз тоже начал строить свои планы на этот счет. Он, видимо, рассуждал следующим образом: если бы вам с ним удалось бы присвоить это изобретение, вы стали бы богатыми людьми и смогли начать новую жизнь.

— Я... С Элтоном Чейзом? — На этот раз ее смех звучал вполне искренне. — Весьма остроумно!

— Но ведь Чейз не знал вашего истинного отношения к нему, — ответил я. — Наоборот, вы только всячески подогревали его, хорошо понимая, что у вас ничего не получится, пока жив Джанос. Жаль, — сказал я с горечью, — что не поверил вчера Людвигу. Потому что подобное преступление вы могли совершить только вдвоем, а я вначале этого и не понял. Что же вы сделали? Чейз спровадил Людвига в Лос-Анджелес, нагромоздив для этого кучу лжи. Потом

убил Эндерсона и выкрал его изобретение. Другой ваш партнер, Дэвид Шепли, организовал костюмированный бал как раз в среду вечером, когда должен был вернуться домой Людвиг. По вашей просьбе Чейз приобрел два костюма клоуна: один для себя, другой — для Дэвида Шепли. Так вы задумали обеспечить безупречное алиби для Чейза! Элтон Чейз покидает вечеринку, вы следуете за ним в своей машине, чтобы, якобы, дожидаться Людвиг и убить его. Затем Чейз снова возвращается на вечеринку, где его на время подменял Дэвид Шепли. Убийство своего супруга вы собирались выдать за самоубийство, подбросив к его трупу чертежи изобретения Эндерсона. Вы хотели представить дело так, будто ваш муж убил Эндерсона, но потом в припадке угрызений совести покончил с собой. Так думал и Чейз.

Между тем на вечеринке в костюме клоуна появляется Дэвид Шепли, которого все, конечно, принимают за Элтона Чейза. Это было продемонстрировано Чейзу, чтобы он уверился в том, что ему, якобы, обеспечено алиби. На самом деле второй клоун появился на вечеринке лишь на мгновение, чтобы убедиться, что Чейз уехал, а потом снова скрылся в своем кабинете. Ведь убит должен был быть Чейз, а не Джанос. Но Чейз понял это слишком поздно...

— Это же бред! — выкрикнула она. — Настоящий бред!

— Итак, вы с Чейзом направились сюда, чтобы ждать возвращения вашего супруга, — продолжал я как ни в чем не бывало. — И вот, когда Чейз, ничего не подозревая, удобно устроился в кресле в библиотеке, вы перерезали ему горло, а затем спрятались и стали ждать возвращения мужа, чтобы посмотреть, какова же будет его реакция на это ужасное зрелище. Когда вы увидели, что он в панике уехал, вы вызвали полицию, а уж после этого всеми силами старались меня убедить, что ваш муж совершил двойное убийство. — Я вздохнул. — Все было задумано чрезвычайно ловко. Убив Чейза, вы избавились от сообщника и заодно заполучили изобретение Эндерсона. А если, вдобавок ко всему, вашего мужа признают виновным в этих двух убийствах, то и все его состояние перейдет к вам. А, спустя какое-то время, Шепли, как вы и договорились, разведется с Мартой, и вы поженитесь.

— Все это — настоящий бред сумасшедшего, — хрипло сказала она. — Плод вашего больного воображения.

— Может быть, вам будет интересно узнать, как я это все докажу? — спокойно спросил я.

— Вряд ли я смогу вам в этом воспрепятствовать.— Она судорожно рассмеялась.— Ну что же, валяйте, рассказывайте!

— Вы действительно именно такая женщина, какой вас и считал Людвиг Джанос,— медленно сказал я.— Лживая, двуличная и даже жестокая. Я уверен, что вы ездили к Эндерсону вместе с Чейзом, потому что он никогда бы не решился убить человека таким страшным способом. Но вот вам ничего не стоит перерезать человеку горло острым ножом. Я подозреваю, что это вам доставило удовольствие. Вполне возможно, что само убийство и пленяло вас больше всего.

— Если бы вы хоть на мгновение прекратили свои оскорбления,— сказала она,— и дали мне возможность высказаться, мы могли бы перейти к разговору по существу.

— Сейчас я перейду к разговору по существу,— пообещал я.— Вы считаете себя неуязвимой, и уверены, что никто ничего не докажет...

Она слегка улыбнулась, словно хотела сказать, что согласна с моими словами.

— Но вы забыли о Дэвиде Шепли! — При этих словах я развел руками.— Уж его-то сильным никак не назовешь!

— Это вы сейчас почувствуете на собственной шкуре! — раздался сзади знакомый голос, и я почувствовал холодную сталь на затылке.

— Вот это сюрприз! — заметил я.— Прежде чем приехать сюда, я нанес визит вашей супруге и узнал от нее, что вы уехали по делам службы. Правда, она высказала предположение, что за этим скрывается любовница, но потом подумала и пришла к выводу, что у вас для этого недостаточно энергии.

— Значит, вы догадались, что я здесь?

— А где же еще? — спокойно спросил я.

— И даже не попытались найти меня? — В его голосе слышалось недоверие.— Ведь вы очень многим рискуете!

— Послушайте, Дэвид, я уверен, что вы никогда в жизни не отважитесь убить человека. Для этого нужно иметь совершенно другой характер.— Я посмотрел в холодные голубые глаза Нины Джанос.— Если хотите, спросите у нее. Она в этом разбирается.

— У нас нет времени вести праздные разговоры,— раздраженно сказала она,— Дэвид, мы должны быстро решить, что с ним будем делать.

— Он не сможет ничего доказать! — воскликнул Шепли.— Все, что он здесь говорил, пустая болтовня! Какая-то сумасшедшая теория и больше ничего! Кто, черт возьми, ему поверит?

— Возможно, прокурор,— заметила она.— А что касается тебя, то тут он прав. Ты — слабый человек.— Она глубоко вздохнула и перевела на меня взгляд.— Я восхищена, Уиллер! Как вы только смогли составить такую полную картину?

— Игра воображения, и больше ничего,— сказал я.— Вчера вечером я позвонил вам и сказал, что забегу на минутку. Судя по всему, вы ничего не сказали супругу, и сцена избиения, которую я застал здесь, была специально предназначена для меня. Как вам удалось довести его до белого каления? Можно смело утверждать, что вы сами сунули ему в руку хлыст.

— Я просто напомнила ему про хлыст,— сказала она почти весело.— А потом заявила, что если он настоящий мужчина, то должен хорошенько избить меня за все мои грехи. Какое-то время он не решался этого сделать, но я стала издеваться над ним, и тогда...

— И вы, и Людвиг вначале лгали, как по писаному,— сказал я,— но постепенно я стал понимать, что в его словах больше правды, чем лжи.

— Может, принести блокнот? — внезапно спросил Шепли.

— Зачем? — прошипела Нина.

— Если уж мы слушаем его мемуары, то с таким же успехом можем и записать их,— буркнул он.

— Ты прав,— сказала она.— Но в первую очередь нам надо окончательно решить, что же с ним делать.

— Он из полиции,— мрачно напомнил Шепли.— А ты знаешь, что бывает, когда убивают легавого? На его место тут же приходят другие легавые.

— Здесь другой случай,— сказала Нина.— Он обычно работает в одиночку. Не хочет ни с кем делить лавры.

— Хочешь покончить с ним и смыться, так что ли? А что мы выиграем от этого? В лучшем случае, опередим полицию на сутки.

— Думаю, что и раньше, когда вы разрабатывали свой дьявольский план, Шепли давал вам, Нина, дельные советы,— заметил я.

— Придержите лучше свой язык! — набросился на меня Шепли.

— Мы должны его убить,— медленно и четко сказала

Нина.— Но мы никуда не побежим! Разве ты не слышал, что он сказал, Дэвид? Ведь я теперь стала единственной наследницей Людвига! И к тому же у нас изобретение Эндерсона! Все это нельзя бросать!

— Хорошо,— сказал он.— Согласен. А как быть с его трупом? Ты сделаешь из него чучело?

— Неплохо сказано! — заметил я.— В вас погибает большой комический талант.

— Дэвид! — внезапно с жесткой интонацией сказала Нина Джанос.— Иди-ка сюда и встань рядом со мной.

Шепли повиновался, но в его водянисто-голубых глазах появилось беспокойство.

— Отдай мне револьвер,— приказала она.

Он протянул ей оружие. Она направила его мне прямо в грудь.

— В верхнем ящике кухонного стола лежит большой нож. Принеси его!

Он широко раскрыл рот.

— Что?..

— Ты плохо слышишь? — Ее рот презрительно скривился.— Делай то, что я сказала!

— Что ж... хорошо,— послушно сказал он.

Она подождала, пока он не ушел из комнаты, а потом улыбнулась мне. Мне стало зябко от ее улыбки.

— Как бы я хотела, чтобы все было иначе,— сказала она тихо.

— Что-то не верится,— ответил я.

В этот момент появился Шепли с большим ножом в руке.

— Положи нож на кушетку!

Он повиновался.

— Что теперь?

— Теперь ты свяжешь его,— сказала Нина.— Только не волнуйся! Он хорошо понимает, что в случае крайней необходимости моя рука не дрогнет.

— Чем же мне его связать?

— Бывают минуты, когда я спрашиваю себя, а стоило ли вообще мне связываться с тобой,— сухо ответила она.

— Хорошо... хорошо... об этом поговорим позже... Но ты мне так и не ответила на вопрос.

— Да чем хочешь! — в ярости выкрикнула она.— Свяжи ему только руки.

Она сняла с себя пояс, переложив оружие в другую

руку, и кинула ему, при этом халат соскользнул с ее плеча.

При виде ее тела у меня даже дух захватило. Да, ничего не скажешь! Фигурка у нее совершеннейшая — пышная, округлая, груди упругие, с большими темными сосками. Под округлостями живота красовался красноватый треугольник волос.

Заметив мой восхищенный взгляд, она самодовольно заметила:

— Видите, чего вы лишились?

— Он должен повернуться, если ты хочешь, чтобы я связал ему руки за спиной, — сказал Шепли, приближаясь ко мне.

— А теперь пришел момент, Дэвид, — сказал я, — чтобы задать ей вопрос, для чего она все это затеяла?

— Что, что?

— Что она намеревается сделать? — повторил я. — Вы тоже имеете право знать, что здесь замышляется.

— Не слушай его! — вмешалась Нина. — Делай свое дело!

— Вам придется объяснить в суде, откуда здесь взялся мертвый полицейский, — продолжал я. — И тоже с перерезанным горлом.

— Не стой, как истукан! — снова закричала Нина. — Уиллер, если вы сейчас же не заткнетесь...

— Я вам объясню, как все будет, Дэвид, — продолжал я гнуть свое. — Скажут, что я тоже пал жертвой маньяка, как и первые двое. Но чтобы доказать, что это действительно так, нужно будет этого маньяка найти... Только, разумеется, не живого, а мертвого. Живой маньяк может и заговорить.

— Мертвого? — переспросил Шепли. — Мертвого маньяка?

— Вы разве не догадываетесь, кто им будет? — спросил я. — Подумайте хоть немножко, Дэвид! У кого сейчас в руках револьвер?

— Он, конечно, шутит? — Дэвид посмотрел на Нину и побледнел.

— Ладно, теперь мне совершенно безразлично, в какой последовательности это делать, — беспечно сказала она сама себе.

Шепли открыл рот, что-то собираясь сказать, и в этот момент она нажала на спуск. При звуке выстрела я бросился на пол под защиту кушетки и лихорадочно выхватил свой револьвер. Когда прозвучал второй выстрел, я уже держал ее под прицелом.

— Брось, оружие, Нина!

— Сейчас умрешь и ты, поганая ищейка! — в дикой злобе прорычала она и снова нажала на спуск.

Пуля пролетела дюймах в пятнадцати от моей головы и ударила в деревянный подлокотник кресла. На меня посыпались мелкие щепки. Тогда я чуть приподнял свой револьвер и выстрелил два раза подряд. Нина, шатаясь, сделала два шага вперед, судорожно стараясь удержаться на ногах. В следующее мгновение она выронила револьвер и тяжело упала на пол. Мне показалось даже, что дом задрожал при ее падении.

Я медленно поднялся и сунул револьвер в кобуру. Мертвый Шепли лежал рядом с кушеткой. Все лицо его было в крови.

Придется писать объяснительную записку... О том, как к этому отнесется шериф Лоэрс, я и думать боялся. Пять трупов, один за другим! Это было слишком даже для меня.

...Наконец шериф устал бушевать, успокоился немного и приказал мне взять отпуск на два дня. Он сказал, что это минимальный срок, который ему нужен, чтобы привыкнуть к мысли о том, что в будущем ему снова придется видеть мою физиономию. Я поверил ему. Один из молодых полицейских нашел, в конце концов, бумаги, касающиеся изобретения Эндерсона, но меня это уже мало тронуло. Мне хотелось только одного: никого не видеть и ничего не слышать.

Когда кончился первый день моего отпуска, приблизительно часов в восемь раздался звонок в дверь.

Я в известной степени забеспокоился, зная, что от моего шерифа можно ожидать чего угодно, особенно если он в ярости. Но это была она. На ней был светлый брючный костюм с черной отделкой, и выглядела она в нем чрезвычайно аппетитно.

— Я сказала тебе, что позвоню, но потом подумала, что телефонный разговор в какой-то степени обезличивает контакт, и поэтому решила приехать.

— Не обращая на меня никакого внимания, она промаршировала в гостиную, оставив меня стоящим в прихожей с открытым ртом. Наконец, выйдя из состояния временного шока, я последовал за ней. Она уже успела включить стереофон и собиралась отправиться на кухню, чтобы приготовить напитки.

— Нужно ввести кое-какие поправки,— бросила она мне небрежно.

— Поправки? Какие?

— Поправки в «Шкалу наслаждений Изабель». Дело в том, что стрелка моего измерительного прибора уже долгое время стоит на нуле, и я никак не могу примириться с таким положением.

— Может быть, Джордж поможет выправить положение?

— Ха-ха! — презрительно произнесла она. — С Джорджем все покончено. Я тебе уже говорила об этом. — Она сунула мне в руку бутылку. — Ты сделаешь коктейль, не так ли?

— Как пожелаете, милостивая государыня, — только и ответил я.

— Ты, кажется, немного нервничаешь? Вот уж никогда бы не подумала, что такой Казанова как ты, вдруг может испугаться женщины.

— Очень остроумно! — буркнул я, но она уже успела исчезнуть в спальне.

Я приготовил коктейли и принес их в гостиную. Через несколько минут Изабель вышла из спальни и... Мне показалось, что у меня неожиданно подскочила температура, во всяком случае, я почувствовал жар. На ней ничего не было, кроме крохотных голубеньких бикини.

— Я звонила тебе на работу, но там сказали, что ты взял отпуск на несколько дней.

— И тогда ты, не теряя ни минуты, напаялила на себя бикини и отправилась ко мне, чтобы помочь мне скоротать время?

Я хотел вдобавок к этим словам еще и рассмеяться, но кулачок, обрушенный мне на голову, сразу же вывел меня из смешливого состояния.

— Вот так!.. Все, что я делаю, я делаю для того, чтобы ввести некоторые поправки в мою таблицу, — сказала она. — Для тебя, я понимаю, это будет скучной, утомительной, может быть, даже изнуряющей работой, но я почему-то уверена, что, в конце концов, она принесет тебе известное удовлетворение.

— Честно говоря, мне тоже так кажется, — ответил я.

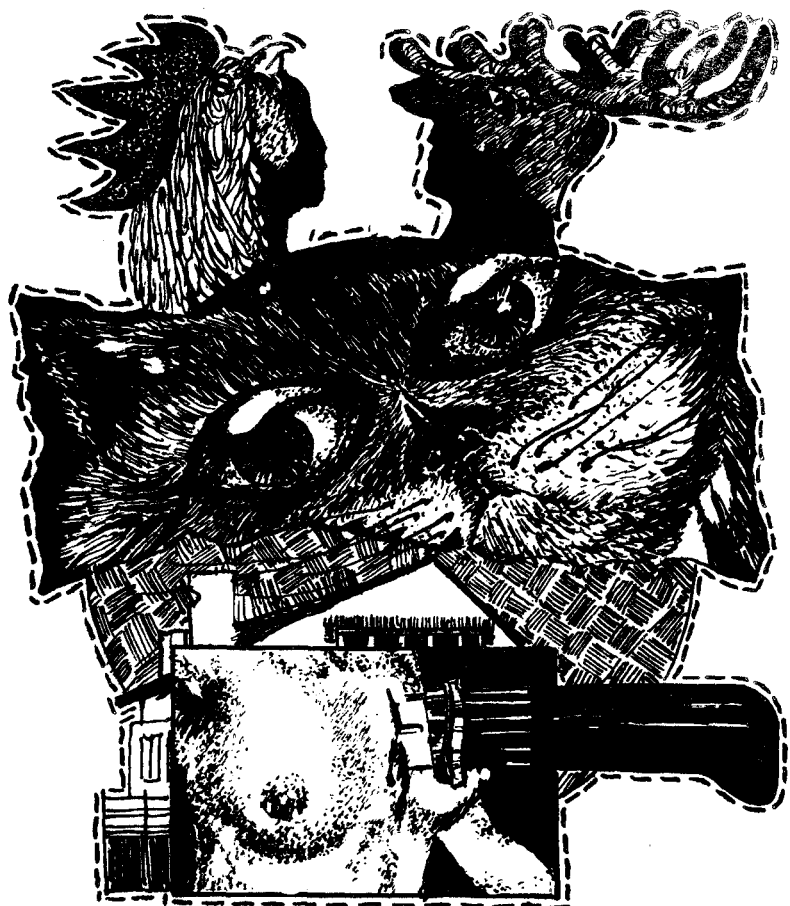
— А твою спальню мы превратим в лабораторию, где и будем производить все эти измерения, — деловито сказала она. — И один из нас будет время от времени вставать

с экспериментального ложа, чтобы как следует пополнить запасы нашей энергии.

— Какой же ты все-таки понятливый! — Она радостно одарила меня милой улыбкой. — У тебя есть какие-нибудь еще вопросы? Задавай их сейчас, пока мы еще не начали.

— У меня только один вопрос... На кой черт мы тратим так много времени на всю эту болтовню?

ОБНАЖЕННАЯ И МЕРТВЕЦ

Я повернул за угол и выехал на Остен Хилл по симпатичной улице, с обеих сторон которой росли деревья.

Улица понравилась сержанту Полнику, и он одобритительно кивнул. Весна подходила к концу, утро было прекрасным, и я опустил верх машины. Свежий ветерок обвеивал нас.

— Вы помните мертвеца, которого обнаружили посреди кладбища, лейтенант? — спросил меня Полник. — Похожее дело было у нас в прошлом году. По-моему, сегодня весьма удачный день для поиска трупа.

С отсутствующим видом он посмотрел на двухметровую стену из красного кирпича, вдоль которой ехала моя машина.

— Возьмите, например, вот этот уголок, — начал сержант. — Самый нормальный, самый обычный. Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать?

Я остановил машину в аллее, приблизительно в метре от железной решетки. Какой-то тип в черной форме и такой же кепке, волоча ноги, приблизился к нам.

— Лейтенант Уиллер, — представился я ему, когда он остановился около мотора, — я на службе у шерифа.

— Доктор Мойберг ждет вас, — ответил он браво. — Сейчас открою ворота.

Тут я заметил, что лицо моего спутника застыло, как бетонный блок. Он показал пальцем на красивую вывеску, прикрепленную на стене. На ней было написано: «БОЛЬНИЦА ХИЛЬСТОУН».

— Мне кажется, вы говорили о каком-то уютном уголке, сержант? — любезно спросил я.

Во взгляде Полника появилась тоска.

— Больница для умалишенных? — жалобно, словно умоляя разуверить его в этом, спросил он.

— Доктор Мойберг будет недоволен, если мы заставим

его ждать, — заметил я. — Клиентура доктора исключительно беспокойна.

Ворота открылись, и мы въехали во двор. Я остановил машину перед большим одноэтажным зданием. Мы пересекли выложенную плитами террасу, поднялись на девять ступенек и вошли в распахнутые настежь двери.

Как это обычно бывает в больницах, внутри слегка тошнотворно пахло антисептиками. За бюро из розового дерева важно восседала сестра приемного покоя — мрачное и угловатое создание.

— Доктор Мойберг ждет вас в кабинете, лейтенант Уиллер, — сухо сказала она, вытянув каким-то колдовским жестом костлявый указательный палец, — следующая дверь налево.

Полник, который был немного не в себе, посмотрел на нее и проворчал:

— Вы уверены, что в коридоре нет психов? Они не гуляют на свободе?

Острый нос старой девы слегка покраснел.

— Конечно, нет! — воскликнула она. — И не употребляйте, пожалуйста, в этом учреждении таких вульгарных выражений!

— Но, — запротестовал Полник. — Псих — это псих, не так ли? — спросил он, повернувшись ко мне.

— Конечно, дурак есть дурак, — поддержал я, подталкивая его к кабинету доктора.

Четыре года я не видел доктора Мойберга, но с тех пор он не изменился. Это был все тот же низенький толстяк с белой и ухоженной кожей, черными волосами, тщательно зачесанными по обе стороны безукоризненного пробора. Его усы не росли, а рот был женственно-мягок.

— О, лейтенант Уиллер! — воскликнул он при моем появлении, вскочил и с таким энтузиазмом пожал мне руку, как будто я был его братом и он не видел меня лет двадцать. Я вежливо улыбнулся, а потом представил ему Полника. Мойберг снова упал в кресло и, поглаживая жидкие усы пальцем с безукоризненным ногтем, доверчиво сказал:

— Я совершенно потрясен этим ужасным случаем, лейтенант. Что будет с моими больными, когда они все узнают?

Несколько секунд он рассеянно изучал свой ноготь на мизинце, потом закусил его и снова заговорил:

— В конце концов, вы, конечно, понимаете мое положение...

— Вы позвонили в бюро шерифа и заявили, что обнаружили труп,— напомнил я ему.— И это все, что мне известно. Я еще не видел труп. Вы тоже должны понимать мое положение, доктор.

— Разумеется! Я забыл, что вы еще не видели... Впрочем, я проследил, чтобы ничего не трогали, лейтенант. Ведь обычно так делают? — спросил он, глядя на меня с беспокойством.

— Именно так.

— Я сказал шерифу по телефону, что буду глубоко признателен, если вы помешаете прессе поднимать шум вокруг этого дела,— он глубоко вздохнул, затем продолжал,— в самом деле, лейтенант, если вы можете, сделайте так, чтобы в газетах не упоминалась моя больница...

— Скажите, хозяин,— прервал его Полник,— где труп?

— Труп? — переспросил Мойберг, скосив глаза.— Верно, я забыл про него. Он на том же месте, в парке, где его сегодня утром нашел один из моих сторожей.

— Можем ли мы взглянуть на него? — спросил я усталю.— О прессе подумаем позже.

Он яростно закусил ноготь на мизинце и без всякой охоты поднялся со своего места.

— Я провожу вас.

Из его кабинета мы прошли в тот уголок парка, где стена из красного кирпича перегородивала часть великолепного газона, протянувшегося вдоль нее, затем оказались в тупике, на фоне которого выделялся силуэт сторожа в черной униформе.

— Вы можете заняться своим делом, Дейверо,— сказал доктор.— Полиция прибыла.

Сторож ловко козырнул ему и удалился в главное здание. Мойберг углубился в пролесок, я последовал за ним, думая, что удачно выбрал день, чтобы обновить костюм. Сзади меня Полник прокладывал себе путь через колючий кустарник и ругался непечатными словами. Вдруг доктор резко остановился, и я чуть не упал на него.

— Это здесь, лейтенант! — заявил он блеющим голосом.

Я опустил голову и увидел у ног Мойберга труп женщины, хорошо сложенной, молодой и совершенно обнаженной. Рукоятка ножа торчала между ее маленьких грудей. И именно тогда я почувствовал страх! Голова женщины была полностью покрыта белой шерстью. Чудовищная голова с дьявольским выражением кошачьей мордочки.казалось, ее глаза мечут адский огонь.

— Черт возьми! — воскликнул Полник. — Кошка? На кого же она похожа? Я ничего не понимаю!

Я, кажется, пришел в себя. На девушке, конечно же, была маска. Очень тонкая! О, лейтенант Уиллер от этого не растеряется! Он видел горы трупов!

Я встал на колени и осторожно снял резиновую маску. Из-под маски показалось лицо двадцатилетней девушки. Ее светлые волосы были коротко подстрижены и образовывали что-то вроде каре. Она, вероятно, была довольно хорошенькой, но выражение ужаса в ее остекленевших глазах было каким-то необычным. Я поднялся, повернулся к Мойбергу и спросил:

— Вы ее знаете?

— Это Нина Росс, — ответил он без всякого удивления.

— Вам это было известно еще до моего прихода, — сказал я. — Мне показалось, доктор, вы говорили, что ни до чего не дотрагивались! У вас дар ясновидения? Вы угадали, чье это лицо даже через маску? Не взглянув на него?

— У меня не было необходимости глядеть на лицо, чтобы узнать, кто это, — ответил он уверенно. — Мне было достаточно вот этого.

Он показал мне пальцем на внутреннюю сторону ляжки девушки. Я снова должен был опуститься на колени. Наконец, я различил сразу же под коленом ряд белых точек, похожих на след укуса. Пока я поднимался, Мойберг ответил на вопрос, который я собирался ему задать.

— Это клеймо, — просто сказал он.

— Простите, что вы хотите сказать? — спросил Полник, выражая этим мою затаенную мысль.

— Если вы не возражаете, лейтенант, я хотел бы рассказать все в хронологическом порядке, — сказал доктор, вытирая лоб белым шелковым платком. — Угодно ли вам пройти в мой кабинет?

— Согласен, — ответил я без особого энтузиазма. — Полник, идите к воротам, с минуты на минуту должен прибыть доктор Мэрфи. Когда он закончит осмотр тела, вы найдете меня в кабинете доктора Мойберга.

— Хорошо, лейтенант, — он сильно сморщил узкую полосу кожи, которая служила ему лбом, и добавил:

— Разве я был неправ? Разве мы в нормальном и обычном месте?

— Коли так, — убежденно сказал я, — то я приглашаю вас поселиться вместе со мной в диснеевском городке.

— Это было бы колоссально! — воскликнул он с грустной усмешкой. — Предоставится возможность пожить в

«Замке Спящей красавицы» и целый день кататься в маленьком электропоезде. Что вы на это скажете?

— Я нахожу это довольно соблазнительным,— уверил я его, старательно избегая взгляда доктора Мойберга.

Пять минут спустя мы вошли в кабинет. Доктор бросился в свое кресло с чувством облегчения и принялся яростно грызть ноготь на мизинце, стараясь, видимо, сосредоточиться. Я спросил его:

— Кто обнаружил труп, доктор?

— Один из садовников. Разумеется, случайно. Уже давно не подстригали эти кусты.

— В котором часу это было?

— Без четверти десять.

— Значит охрана вашего заведения так «надежна», что больной может исчезнуть в десять часов утра и никто этого не заметит!? — воскликнул я.— Это невероятно!

— Нина Росс не была нашей больной,— поспешно уточнил Мойберг.

— Тогда откуда вы ее знаете?

Он закусил мизинец и объяснил мне:

— За ней ухаживали здесь, но она покинула нас уже неделю тому назад.

— Ворота на ночь запираются?

— Само собой разумеется! — воскликнул он с оскорбленным видом,— они охраняются двадцать четыре часа в сутки.

— Жертва не была госпитализирована у вас, значит она проникла в сад не из вашего заведения. Она вошла не в ворота, так как ворота вечером заперты или во всяком случае сторож не заметил, что она вошла, доктор! Что вы думаете по этому поводу? Неужели она пришла с улицы в таком виде, ведь всю ее одежду заменяли маска, изображающая кошку, и кинжал?.. Может, она просто перепрыгнула двухметровую стену, чтобы попасть в ваш парк?

— Я так же, как и вы, лейтенант, не могу этого объяснить,— запротестовал он,— но, может быть, ее убили раньше?

— Как это? — проворчал я.— Кто-то перепрыгнул через стену, держа труп этой девицы в руках? Такого не случалось со времен Ирода.— Я зажег сигарету и минуту наблюдал, как доктор нервно барабанит по столу.

— Расскажите-ка мне все, что вы знаете о Нине Росс.

— Она приехала к нам два месяца тому назад,— поспешно ответил он.— Была у нас семь недель, потом уехала.

— Чем она страдала?

— Не знаю,— признался он.

Видя, что я удивился, он пожал плечами и продолжал:

— За такой короткий срок я не имел возможности поставить диагноз. Я подозревал, что это один из случаев, описанных Крепелином. Разумеется, вы читали Крепелина, лейтенант?

— Исключительно по-японски,— ответил я, сжав зубы.

— Извините, я сказал, не подумав.— Его нежно-женственная нижняя губа начала дрожать. Мне показалось, что он сейчас зарыдает. Однако он взял себя в руки и продолжал: — Синдром Крепелина, если исключить галлюцинации, протекает почти бессимптомно.

— Каковы же были галлюцинации Нины Росс?

— Ей казалось, что она одержима,— уверенно ответил врач.

— Демоном?

— Скорее ведьмой. Она верила, что ее душа и тело находятся во власти колдуньи, которая однажды явилась к ней в виде большой белой кошки...

— Отсюда и маска?

— По-видимому. До этого утра я не видел маски. Нина утверждала, что колдунья овладела ею за несколько месяцев до того, как она приехала в больницу, и заставляла ее делать всякие ужасные вещи, например, участвовать в шабашах или присутствовать на черных мессах, которые потом переходили в оргии, и т. д... Больная думала, что я могу заклинаниями освободить ее от власти ведьмы. Не забывайте,— добавил он,— что если бы не эта одержимость, Нина Росс была бы абсолютно нормальным человеком. Возможно, что на анализ и психотерапию этого случая я потратил времени больше, чем должен был, но это дало возможность составить внушительный документ.

Как-то утром она объявила мне, что мы зря теряем с ней время. Она утверждала, что ведьма приобрела еще большую власть над ней с тех пор, как она находится у нас, и поэтому решила уехать. У меня не было возможности помешать ей, так как она приехала в больницу по своей воле. Кроме того, я знал, что если начну настаивать, она будет отрицать всю историю с ведьмой и ей удастся убедить всех в своем душевном равновесии. Она сделает это лучше меня.

— А после ее отъезда вы ее не видели и ничего не слышали о ней?

— До этого утра нет,— ответил он упавшим голосом.

— А ее семья?

— Родных нет. Никакой семьи. По крайней мере, она так утверждала.

— Если не ошибаюсь, доктор,— простодушно заметил я,— вы вербуете себе клиентуру из высших слоев общества: ваш тариф не должен быть слишком скромным. У Нины Росс не было трудностей с оплатой своего пребывания здесь?

Его лицо приобрело цвет солнца, заходящего за облака.

— Ее работодатель,— объяснил он,— который был ее единственным родственником, платил по ее счетам. Именно он и посоветовал ей обратиться ко мне.

— Как его зовут?

— Джеймс Эриот!

— Что вы о нем знаете?

— Немного. Только то, что мне сказала сама Нина. Это, по-видимому, добрый человек и великодушный патрон. У меня не было случая познакомиться с ним лично. Но на другой день после приезда Нины к нам Эриот позвонил в мою административную службу, чтобы предупредить, что оплатит все время пребывания девушки в больнице.

— Значит, у вас есть его адрес? А адрес Нины Росс?

— Оба адреса, без сомнения, есть в истории болезни,— заверил доктор, поднимая телефонную трубку.— Я попрошу, чтобы их передали сестре в приемном покое, и вы заберете их.

Он положил трубку, а я вспомнил о вопросе, который хотел задать еще раньше.

— Вы говорили о клейме. В чем тут дело?

— А... белые рубцы на ляжке! Они имеют, наверное, какое-нибудь естественное происхождение, но Нина была убеждена, что это дело рук пресловутой ведьмы. Если ее послушать, то выходит, что ведьма приказала черту оставить отпечаток своих зубов на теле жертвы.

— У меня не выходит из головы, что вы называли рубцы «клеймом», доктор,— проворчал я.— И вся эта история все больше кажется невероятной.

— Лейтенант, испокон веков рубцы являются предметом самых различных суеверий,— снисходительно объяснил он.— В случае с Ниной Росс существует логическая связь между рубцами и убеждением, что она одержима нечистой силой.

— Я скоро вернусь,— внезапно сказал я.— Оставляю у вас сержанта Полника, доктор, он примет все необходимые меры.

У меня было такое чувство, что если я задержусь еще немного в кабинете доктора, слушая эту историю, то сам могу свихнуться.

— Лейтенант, я надеюсь, вы не забудете о том, что я вам сказал о прессе,— напомнил он мне, неприменув закусить ноготь на мизинце.

Я прикрыл глаза и в свою очередь напомнил ему:

— В парке больницы обнаруживают труп абсолютно голой и хорошенькой девицы, которая была клиенткой этой больницы и считала себя одержимой нечистой силой. На ней была маска, изображающая мордочку кошки с дьявольским выражением...

Я открыл глаза и со страдальческим выражением заметил:

— Если вы в самом деле думаете, что эта история не прогремит на всю страну, доктор, значит вы сами нуждаетесь в лечении.

2

Я получил адреса, похлопотав перед костлявой особой, сидящей за бюро из розового дерева. Она дала мне их с явной неохотой, бросив на меня такой взгляд, что я подумал о том, что надо изо всех сил беречь свое здоровье. Во всяком случае, до тех пор, пока эта женщина жива. Когда же я почувствую, что теряю рассудок, то должен тут же вспомнить, что попаду в ее руки. И это будет моим спасением.

— Доктор Мойберг освобожден? — спросила она ледяным тоном.

— У меня не было ордера на его арест, если вы это имеете в виду.

Она так сжала рот, что ее губы полностью исчезли.

— Вы всегда так неумно шутите в подобных трагических обстоятельствах, лейтенант?

— Честное слово, нет! — признался я. — Но доктор Мойберг подал мне пример, и я подумал, что это традиция вашего дома для поддержки сотрудников. Ваш патрон сказал мне: «Вы возьмете адреса у застенчивой сестры в приемной».

Пересекая террасу, выложенную плитами, я заметил Полника и доктора Мэрфи, направляющихся в здание.

Когда они приблизились, мне показалось, что я читаю на лице Мэрфи скрытое, но безмерное удивление.

— Лейтенант Уиллер! — напыщенно сказал он, подно-

ся руку к воображаемой фуражке.— Принц черной магии, в то время как вы в одиночку готовитесь вести героический бой с ведьмами и демонами, мы приветствуем вас, пока вы не исчезли в клубах черного дыма.

— Для кладбищенского мародера вы слишком смешны,— холодно ответил я.— Однако справедливости ради я должен признать, что вы — единственный из моих знакомых, кто отправляет своих клиентов на кладбище, даже не пытаясь спасти их.

Он с воодушевлением продолжал:

— Сержант в общих чертах описал жертву в резиновой маске. Что мне понравилось в его рассказе, так это подробный анализ выражения вашего лица в разные моменты. Вы, кажется, пережили все стадии: от ужаса в чистом виде до лихорадочного кретинизма.

Полник съехался под ядовитым взглядом, которым я его одарил, и отвернулся. Он отошел на несколько метров, опустил глаза, разглядывая землю, будто нашел трилистник с четырьмя листьями.

— Ну, хозяин, ваше заключение? — весело спросил я доктора.— Не так, как обычно?

— Мне в голову пришли две идеи,— скромно признался он, пожимая плечами.— Субъект мертв, и он женского рода,— и секунду помолчав, добавил: — Не делайте такого изумленного лица, лейтенант. Немножко восклицаний — и достаточно.

— Благодарю вас, доктор,— ответил я с искренним волнением,— ваш диагноз блистателен с точки зрения идюта, изучающего медицину заочно.

Он улыбнулся, закурил, а потом заметил:

— Она милашка, а?

— По словам Мойберга, она порочна,— объявил я.— Она считала, что одержима нечистой силой. Прежде чем это дело закончится, я наверное, попаду в одну из палат этого санатория.

— Если я не ошибаюсь, смерть наступила шесть-восемь часов назад,— сказал Мэрфи.— Это должно было случиться между тремя и пятью часами утра.

— По-вашему, это не могло быть самоубийством?

— Вы переворачивали труп?

— Нет,— признался я.

— Лезвие ножа вышло из спины на добрый сантиметр,— сказал он без обиняков.— Невозможно, чтобы она сама это сделала. Тот, кто с ней рассчитался, шел на это сознательно. Вы внимательно осмотрели рукоятку кинжала?

— Черт возьми, нет! — вскрикнул я.

Он расплылся в очаровательной улыбке.

— Целиком к вашим услугам! — объявил он. — Всегда приятно пожать руку неудачнику-полицейскому. Так вот, рукоятка очень интересная. Мне показалось, что она инкрустирована золотом с украшениями. Может быть, флорентийский кинжал...

— Как вы все образованны, — мрачно заметил я. — Только что Мойберг цитировал мне какого-то шарлатана по имени Крепелин, а теперь вы изображаете оружейного эксперта. Подумать только, флорентийский кинжал!

— В заочном курсе судебной медицины только двенадцать уроков, но они очень полезны, — с удовлетворением ответил он. — Вы осмотрели маску?

Я метнул на него яростный взгляд и почувствовал, что вот-вот зарычу, как хищник, у которого хотят отнять добычу.

— Я вижу, что вы этого не сделали, — продолжал он. — Во всяком случае вы, конечно, установили, что маска представляет собой голову кошки? И что она плотно закрывает всю голову и шею?

Он на секунду закрыл глаза, чтобы насладиться своим превосходством.

— Да, я это понял, как только снял ее, — пробурчал я.

— Хорошо, очень хорошо, — прокомментировал он одобрительно. — Может быть, вы также заметили расширенные ноздри и острые зубы?

Я глубоко вздохнул.

— Ну и что же?

— Маска была без прорезей!

Прошла секунда, прежде чем я понял, что он имел в виду.

Проще говоря, не было ни одного отверстия, через которое можно было бы дышать?

— Ни малейшего. Маска плотно прилегала к коже, и она была герметична. Какие выводы вы делаете, о проныцательный детектив!

— Девушка была уже мертва, когда на нее надели эту маску, — проворчал я.

— Вы не ошибаетесь, — с сожалением произнес он. — Я думаю, девушка добровольно надела маску, чтобы покончить с собой. Затем появился некто всадивший ей в грудь нож просто так, чтобы повеселиться.

— Доктор, — заметил я, — даже заочный курс должен был научить вас, как выглядит человек, погибший от

удушья. Невозможно спутать задушенного с зарезанным — и вы знаете это так же хорошо, как и я. Так когѳ вы хотите ввести в заблуждение?

Он страдальчески покачал головой и пробормотал:

— Сколько бессонных ночей провел я за изучением всего этого, а Уиллер знает столько же, сколько и я, даже не учившись заочно — когда я думаю об этом, то просто теряю мужество!

— Ха-ха-ха! Никогда так не смеялся! — парировал я. — Теперь возвращайтесь домой, — я показал на больницу, — и поиграйте со своими товарищами.

— Я лучше подожду катафалк, — любезно ответил он. — До скорого! Да! И проконсультируйтесь у окулиста!

— Теперь, сержант, вы можете ему пожаловаться, — дружелюбно посоветовал он, — теперь лейтенант смертельно ненавидит меня, а не вас. — Полник повернулся и угрюмо взглянул на меня.

— Я ничего не говорил о вас, честное слово, лейтенант!

— Я очень хотел бы в это поверить, — сухо ответил я. — С каких пор вы так вежливы?

— Ах, вот в чем дело! — с уважением воскликнул он. — А я даже не понял, что хозяин говорит гадости, — приблизившись ко мне, он прорычал мне в ухо: — Скажите, лейтенант, что значит «фасция»?

— Я охотно объясню, сержант, но мне кажется, что вы слишком молоды... и мне пора ехать...

— Тем хуже, — ответил он с разочарованным видом.

Но вскоре разочарование сменилось полным непониманием.

— Откуда вы знаете, лейтенант, что такое «фасция»? Ведь вы на десять лет моложе меня?

— Это потому, что меня так воспитывали, — объяснил я поспешно и продолжал: — Я оставляю вас, сержант, на месте, допросите сторожей. Спросите, кто всю ночь дежурил у ворот, и постарайтесь узнать, не видели ли они чего-нибудь необычного. Затем попросите дело Нины Росс, запишите число, когда она приехала в больницу, длительность ее пребывания здесь и дату ее отъезда. Постарайтесь найти кого-нибудь из сестер, кто принимал ее, и заставьте разговориться, рассказать, что это была за девушка...

— Слушаюсь, лейтенант, — сказал он. — Но я хочу спросить, кто такая Нина Росс?

— Девушка, которую убили, — ответил я, стараясь сохранить спокойствие, что было довольно трудно, так как мои нервы были натянуты.

— Черт возьми,— с облегчением вздохнул он.— Я уже подумал, что речь идет о приемной сестре, знаете, такая «старая сова», которая думает, что «душевнобольной» — это что-то грязное.

— Во всяком случае,— сказал я,— знаете, чем можно ее убить? Если она к вам привяжется, обзовите ее «фасцией»!

* * *

Утро было все такое же хорошее, и все еще была весна, когда я завернул за угол и выехал на дорогу. «Это просто я сам стал другим,— решил я.— Может быть, у меня поседели волосы? Во всяком случае, у меня поднялось настроение, когда я представил себе, какое лицо будет у шерифа Лоэrsa, когда я расскажу ему историю о девушке в кошачьей маске, которая считала, что одержима нечистой силой, и кончила тем, что ее закололи... А... черт!»

Я вытащил адреса, которые дала мне «старая сова», и для начала решил осмотреть бывшее жилье Нины Росс. Ничто не мешало мне думать, что Джеймс Эриот — симпатичный и совершенно нормальный человек, но вспомнив свой визит в лечебницу доктора Мойберга, я предпочел не рисковать. Теперь, по крайней мере.

Тишина, которая царит сейчас в доме Нины Росс, без сомнения, успокоит мои возбужденные нервы. Кроме того, Нина жила на Ля Пинед, в кварталах, расположенных на маленькой скале в пяти километрах к югу от города. А Эриот жил в Парадиз Плейдж, на три квартала южнее. Я мог посетить оба места, не сворачивая с дороги.

Через 20 минут я остановился на самом верху дороги, которая вела через вершину скалы, огибая обрывы, окружающие дом. В пятидесяти метрах был виден дом с террасами. Он находился в очень ненадежном равновесии, как кандидат в самоубийцы, которому осталось сделать только шаг.

Я еще раз посмотрел на адрес, чтобы убедиться, что не ошибаюсь. Не знаю, почему, но я удивился, что Нина Росс жила здесь. Я представлял, что ее квартира находится в одном из четырехэтажных зданий, которые так примелькались на этом берегу. Дорога, ведущая к дому, пролегла по скале почти вертикально. Я вышел из машины и остальную часть пути прошел пешком.

Я осторожно продвигался по тропинке, подставив лицо свежему морскому ветру. Далеко на горизонте виднелась

нефтяная вышка, она походила на игрушку, забытую в гигантской ванне. С другой стороны дома была пропасть глубиной метров шестьсот. Я спрашивал себя, не на метле ли переправлялась через нее ведьма, которая овладела Ниной.

Бетонный барьер, инкрустированный черепицей, вел к входу, расположенному за стеклянной верандой, окна которой были затянуты плотными шторами. Двери были открыты, и мне вдруг показалось, что, может быть, Нина жила не одна и надо предупредить о своем приходе. Я позвонил, раздался мелодичный звонок, а через две секунды такой же мелодичный голос:

— Дверь открыта!

Я вошел в вестибюль — это была квадратная комната, в которую выходили различные двери. Четыре ступени направо вели в жилую комнату.

— Сюда! — позвал несколько раздраженный голос из ближайшей комнаты. — Мне нужны чьи-нибудь руки!

«Нет, никто никогда не скажет, что Уиллер покинул девушку в беде», — подумал я и решительно повернул ручку двери. Мой нюх тотчас подсказал мне, что комната, в которую я вошел, была спальней, так как в ней находились кровать, комод, внушительных размеров трельяж, — я понял, что это комната какой-нибудь куколки, что и подтвердилось присутствием существа женского рода, стоявшего спиной ко мне посреди белого пушистого ковра.

Вот это была спина! Загорелая, цвета сливы, созревшей на солнце. Она заканчивалась двумя длинными стройными ногами такого же цвета. Голубые трусики плотно облегли округлые бедра. Обе руки делали мне нетерпеливые знаки.

— Не могу застегнуть этот проклятый лифчик! — воскликнула она. — Я поправилась в последнее время. Но поскольку я полнею в нужных местах, то это меня не волнует.

Взяв застешки лифчика, которые она мне протягивала, я не без труда застегнул его.

— Ай! — воскликнула она. — Зачем так сильно тянуть! Что с тобой? Ты опять пьян? Опоздал на полчаса, и я была вынуждена тереть себе спину сама!

— В другой раз я приду вовремя, это уже точно! — ответил я так же страстно, как и чистосердечно.

Ее спина окаменела.

— Боже мой! — пробормотала она. — Это не Джонни?

— Я послан «Бюро добрых услуг» — объяснил я, —

прогуливаю собак, застегиваю лифчики. Короче говоря, стараюсь дарить радость и счастье.

Она медленно повернулась и посмотрела на меня так, будто я был только что прилетевшим марсианином.

Она была брюнетка, ее длинные волосы были собраны в пучок. Глаза черные и очень выразительные. У нее были изящные скулы, а губы прекрасно очерчены и выдавали чувственность. Лифчик, так прекрасно застегнутый мною, был голубой, такого же цвета, что и трусики, и теперь он вздымался двумя круглыми женственными холмами.

— Я уже опоздала покраснеть, — сказала она. — Но что вы делаете в моей комнате?

— Если вы помните, это вы сами крикнули, чтобы я вошел.

— Верно, — призналась она, кивнув головой. — Значит, вина моя.

— Нет! — воскликнул я в порыве великодушия. — Моя! Если бы я пришел на полчаса раньше, я мог бы потереть вам спину!

— Во всяком случае, не раньше, чем представитесь, — объявила она. — Я не хотела бы показаться нелюбезной, но вы... что-нибудь продаете?

В этот момент в вестибюле раздались тяжелые, торопливые и довольно решительные шаги. И прежде чем я успел ответить, дверь распахнулась и появился атлет, кричавший:

— Я в отчаянии, что опоздал, крошка! Я...

И тут он увидел меня. Воцарилось молчание, во время которого я успел заметить, что он добрых метр восемьдесят пять ростом и весом не менее девяноста килограммов. И одни мускулы! Его пепельные выгоревшие волосы были коротко подстрижены и нахально вились. Лицо было тяжелое, голубые глаза скрывались в жирных складках от слишком надутых щек. Тонкие и жесткие губы презрительно сжались, что, впрочем, оказалось его обычным выражением. На нем были спортивная куртка и велюровые брюки. Его ультраплоские часы с толстой цепочкой охватывали волосатую руку и были, по-видимому, из пластика.

— Черт возьми! Что здесь происходит? — прорычал он, как только обрел дар речи.

— Все очень просто, — ответила брюнетка без всякого смущения. — Нет нужды нервничать, Джонни, а то у тебя поднимется давление или случится нервная депрессия. Когда позвонили в дверь, я решила, что это ты, и крикнула, чтобы вошли, и все еще уверенная, что это ты, я попросила этого господина застегнуть мне лифчик. Откуда я могла

знать, что это он, — она сделала жест в мою сторону, — а не ты? Я была уверена, что не ошибаюсь. И вовсе не хотела, чтобы именно он застегнул мне лифчик.

— Да, действительно, откуда было знать? — сказал я с надеждой.

Атлет так посмотрел на меня, что я, не обладая даром ясновидения, смог предугадать свою участь. Диким голосом он спросил:

— Прежде всего, кто этот тип?

— Но, дорогой, это... — она секунду смотрела на меня, а затем с беспричинным смехом сказала:

— Я ничего об этом не знаю! Мне только известно, что его послали из «Бюро добрых услуг»!

Смех сотрясал ее тело. Никакой лифчик не мог бы выдержать такого напряжения.

— Очень весело, — проворчал силач. — Будет еще забавнее, когда я дам ему в морду! — Он направился ко мне с угрожающим видом. — Ну, сволочь! Кто ты?

— Лейтенант Уиллер, я состою на службе у шерифа, — хладнокровно ответил я. — А кто вы?

— Полицейский? — пробормотал он, недоверчиво глядя на меня.

— А что, я похож на скаута?

Вдруг красotka перестала смеяться и заинтересованно посмотрела на меня.

— Может быть, лучше представить вас друг другу? — сказала она. — Лейтенант Уиллер, это Джонни Крейстал, один из моих друзей.

— Каждый может ошибиться, — галантно заметил я. — Я думаю, что этот парень — ваша единственная ошибка. Нет?

— Полицейский вы или нет, — пролаял Крейстал, — но почему, черт возьми, вы застегиваете лифчик моей приятельнице?

— Шериф решил улучшить отношения между полицией и населением и именно мне поручил сделать это... Бросьте изображать сторожевого пса, Крейстал, — мрачно добавил я.

Тут примиряюще вмешалась брюнетка:

— Лейтенант пришел сюда, конечно, не без причины, Джонни. А что если мы дадим ему высказаться?

— Я надеюсь, что у него веская причина, — ответил гигант.

Игнорируя его, я повернулся к девушке и спросил:

— Здесь жила Нина Росс, не так ли?

— Она живет здесь и сейчас,— с улыбкой ответила девушка.

— Увы, нет! Нина Росс убита сегодня на рассвете.

Они переглянулись, и Крейстал загремел снова:

— Это не полицейский! Это сумасшедший! Он, должно быть, убежал из клиники!

— Замолчи, Джонни,— приказала девушка дрожащим голосом. Темные глаза мгновение смотрели на меня.— Мне кажется, лейтенант, здесь ужасное недоразумение.

— В самом деле? — спросил я с интересом.— Что же заставляет вас так думать?

— Нина Росс,— это я,— ответила она.

3

Служащий морга Чарли Кетц был вынужден оставить работу, так как больше не мог выносить компанию своих особых гостей, и впал в депрессию.

Новый служащий Рерих Хольт был коротенький и жирный тип. Он улыбался всем и всегда и был похож на переодетого Керубино. Хольт по-своему был усерднее, чем Чарли Кетц.

Он появился со своей обычной улыбкой на устах, энергично вытирая руки с таким довольным видом, как будто у него была очень приятная работа.

— Счастлив снова видеть вас, лейтенант! — воскликнул он пронзительным голосом.

— Привет, Рерих! — ответил я без особого энтузиазма.— Представляю вам мисс Нину Росс.

— Рерих Хольт,— сказал он, повернувшись к девушке.

— Здравствуйте, господин Хольт,— ответила она серьезно.

Улыбка Рериха стала мало-помалу меркнуть.

— Вы что-то путаете, лейтенант,— снисходительно сказал он.— Я только что устроил Нину Росс в одном из ящиков холодильника.

— А разве вам известно, кого вы положили в ящик? — резко спросил я.

— Надеюсь, что мисс Росс поможет нам выяснить это.

— Вы хотите сказать, что убили не ту девушку, которую надо? — воскликнул он и его глаза стали, как блюдца.

Я услышал, как девушка судорожно икнула и подавила в себе желание немедленно удушить этого челоюека его же подтяжками. Он, должно быть, прочитал это зловещее намерение на ее лице, так как побледнел и на несколько

секунд забыл о своей улыбке. Дрожащим голосом он спросил:

— Я сказал глупость, лейтенант?

— Ты — кусок сала и безмозглый дурак, — прорычал я. — Закрой свою пасть!

Я почувствовал нежное прикосновение прелестной ручки к своему локтю.

— Прошу вас, лейтенант, — вмешалась Нина Росс, — не будем говорить об этом.

— Пойдемте поглядим на ваши ящики, — буркнул я Рериху, который так усердствовал, что чуть не растянулся, показывая дорогу. Несколько минут спустя он осторожно снимал простыню с незнакомки, устремив на меня взгляд, полный уважения.

— Час назад доктор Мэрфи констатировал удушье, — униженно объявил он. — Надо ли предупредить его, что произошла ошибка в опознании личности?

— Уж не знаю, как мне вас благодарить, Рерих. Может быть, я был должен...

— Лейтенант, — настойчиво шепнула Нина.

Я повернулся к ней и заметил, что ее лицо покрылось испариной. Едва слышно она прошептала:

— Я знаю ее... Если можно, выйдем отсюда... Мне кажется, что если я останусь здесь еще минуту, то потеряю сознание.

— Ну, конечно!

Я взял ее под руку и помог ей выбраться наверх, на солнце.

— Теперь лучше, — объявила она. — Возможно, это от неожиданности. Увидеть Диану в таком положении... Я впервые вижу труп, лейтенант. А когда дело касается человека, которого знаешь...

Я прервал ее: «Диана?»

— Да. Диана Эриот, — уточнила она.

— Она была из семьи некоего Джеймса Эриота?

— Я ничего об этом не знаю, — задумчиво сказала она. — Мне кажется, что она как-то говорила о своем дяде Джеймсе. Возможно, этот тот самый человек.

— Она ваша подруга?

Она кивнула.

— Я познакомилась с ней примерно год назад, она позировала мне. Я художница по костюмам, модельер... — ответила она на мой вопросительный взгляд. — Диана была профессиональной моделью. Хорошей моделью. Она часто

позировала мне, и мы подружились. Я не могу поверить, что она умерла,— прибавила она прерывающимся голосом.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Должно быть, месяца два тому назад.— Она нахмурила брови, стараясь сосредоточиться.— Однажды вечером, очень поздно, Диана пришла ко мне и сказала, что у нее серьезные неприятности. Она сказала, что должна немедленно уехать, и попросила у меня кое-что из одежды и два чемодана.

— Вы дали?

— Разумеется. Она же была моей подругой.

— Она не говорила вам, куда она собирается поехать?

— Она считала, что для меня будет лучше не знать этого. Я никогда не видела человека в таком подавленном настроении, в каком Диана была в тот вечер.

Мы возвращались в Хилл вместе с Ниной. Я сел за руль и сказал ей:

— Я провожу вас, иначе ваш добрый друг решит, что вас похитили.

— Не следует воспринимать Джонни слишком серьезно, лейтенант,— ответила Нина с легкой улыбкой.— Он по природе ревнив и вспыскивает мгновенно.

— О, без сомнения, ревнив в отношении своих привилегий. В конце концов, это он трет вам спину,— сказал я несколько игриво.

Она покраснела от гнева и воскликнула:

— Совершенно точно!

— Тогда расскажите немного о Диане и ее друзьях.

— Она никогда ничего мне не говорила,— медленно сказала Нина.— Она была скрытна, и я очень скоро поняла, что она не любит говорить о своей личной жизни, разумеется, я и не настаивала.

— Она никогда не говорила вам о своем клейме? — спросил я с рассеянным видом.

— О своем... чего?

— О маленьких белых шрамах под левым коленом?

— Нет, никогда.

— И она никогда не пользовалась метлой, чтобы прилететь на вашу скалу? — Я почувствовал на себе взгляд темных внимательных глаз.

— Это шутка, лейтенант? — спросила она ледяным тоном.

— Она никогда не говорила о колдунье? Никогда не говорила вам, что она одержима?

— Разумеется, нет! Абсурдный вопрос!

Нас догнала машина дорожной полиции, и агент бросил на меня такой укоризненный взгляд, что я тут же опустил акселератор, так как понял, что превысил дозволенную скорость.

Я покосился на Нину Росс и почувствовал, что она очень рассержена. Возможно, ей было неприятно говорить о своей приятельнице, чей труп она только что опознала, а может быть, еще не переварила намеки на Джонни Крейстала.

— Диану Эриот убили кинжалом, ударив в сердце,— сказал я, наконец, тихим голосом.— Лезвие кинжала вышло из спины на два сантиметра.

Она не могла сдержать слезы, закрыла глаза, потом воскликнула:

— Как можно делать такие вещи?

— Очень острым ножом,— грубо ответил я.

— Замолчите,— прошептала она.

— Я думал, что вы захотите знать детали,— пояснил я.— Диана провела семь недель в больнице, а затем уехала оттуда, потому что думала, что доктор не может ей помочь.

— В больнице? — она медленно повернулась ко мне.— Душевное заболевание?

— Да, но не такое тяжелое, чтобы ее следовало изолировать, как считал врач. Она была убеждена, что ее телом и душой овладела ведьма.

— Бедная Диана!

— Она уехала из больницы неделю назад, сегодня утром она вернулась туда. Во всяком случае, ее труп. Когда ее нашли, она была совершенно голая, голова целиком была покрыта резиновой маской, изображающей кошку, самую противную из всех, каких мне только приходилось видеть...

— Это... это невероятно! — задышавшись, воскликнула Нина.— Она, должно быть, сошла с ума!

— Возможно, она была без ума от кошек,— предположил я.— Она их любила?

— Я не знаю. Она никогда мне об этом не говорила.

Мы выехали на середину автостреды. Я немного помолчал.

— Я не могу вас укорять, крошка, но для подруги вы чертовски мало осведомлены.

— Диана не любила исповедоваться, я уже говорила вам,— сухо сказала Нина,— она никогда не рассказывала о своей личной жизни, а я ее никогда не спрашивала.

— В самом деле, конечно, вы мне об этом говорили. Но

зато я уверен, вам известно все о частной жизни Джонни Крейстала.

— Мне кажется, что это не ваше дело, лейтенант! — ее голос слегка дрожал. — И перестаньте называть меня «крошкой»!

Пять минут спустя я остановил машину на гребне террасы дома. Нина открыла дверцу, высунула из машины свои очаровательные ножки и, поколебавшись с минуту, сказала:

— Лейтенант!

— Мисс Росс? — вежливо откликнулся я.

— Что заставило вас подумать, что убитая была мисс Росс?

— Диана была в больнице под вашим именем, — объяснил я. — И когда труп обнаружили, то опознали его, как тело Нины Росс. Ваш адрес был в ее деле.

— Вот в чем дело! — Она подвинулась к дверце и ее платье задралось выше колен. — Благодарю вас, лейтенант!

Я прошептал:

— Я жду, когда вы решитесь задать еще один вопрос. Она резко повернулась ко мне.

— Что вы хотите сказать?

— Помните сцену, которая произошла в вашей спальне: вашего друга, который изображал оскорбленного самца и хотел узнать, что я делал в вашей комнате? — уточнил я холодным тоном. — Я объяснил вам, что убита Нина Росс, а вы ответили, что это недоразумение, потому что Нина Росс — это вы. Именно в тот момент вы должны были спросить меня, почему я думаю, что убита Нина Росс. Когда я попросил вас сопровождать меня в морг, чтобы установить личность жертвы, это тоже был подходящий момент. В морге вы пропустили последнюю возможность...

Мгновение она смотрела на меня своими темными глазами, закусив нижнюю губу. Лоб ее был влажен.

— Вы хотите запугать меня, лейтенант? На что вы намекаете?

— Я хочу сказать, что несколько секунд назад вы поняли, что должны задать этот вопрос, кошечка, — сухо ответил я. — Это было бы вполне естественно, логично, чтобы вы задали этот вопрос, но вы этого не сделали. Это значит, что вам это было неинтересно. Хотите, я вам объясню, почему это так?

— Давайте, — хрипло сказала она.

— Вы уже были в курсе дела, курочка, и потому вам было уже неинтересно.

— Вот что получается, когда полицейские начинают думать,— процедила она сквозь зубы.— Вас не посетила мысль, что такая работа вам не по плечу? Ведь если вместо мозгов — компот, логично рассуждать нельзя.

Она решительно вылезла из машины и яростно хлопнула дверцей.

— До свидания, лейтенант,— бросила она.— Когда в следующий раз вы пожелаете поговорить со мной, я постараюсь, чтобы при этом присутствовал мой адвокат. Это помешает вам оскорблять меня.

— В следующий раз, когда у нас будет свидание, красотка, постарайтесь говорить правду,— ответил я ласково.— Это вам поможет.

Я смотрел, как она шла по тропинке мелкими неторопливыми шагами, ее круглый зад обольстительно выделялся под тонким шелком. (Если уж иметь дело с лгуньей, то пусть она будет хорошенькой!)

Замок за пальмовой рощей в Парадиз Плейдж резко контрастировал с домом ультрамодерн на краю скалы Ля Пинед. Было три часа дня, когда я приехал в Парадиз Плейдж. Я вышел из машины, и урчание в желудке напомнило мне, что я еще не завтракал.

Вокруг фасада замка располагалась большая веранда, половицы воинственно скрипели под ногами, пока я шел к двери.

Когда я подошел, дверь была полуоткрыта и, прислонившись к притолоке, меня ждал мужчина.

— Мистер Эриот? — спросил я.

— Я,— ответил он приятным и серьезным голосом.— Джеймс Эриот.

На вид ему было лет 45. Он высокого роста. На голове прекрасный ореол седых волос. Лицо с глубокими морщинами, загорелое, цвета полированного красного дерева, что еще больше подчеркивало металлический блеск его глаз, в которых порой вспыхивала искра, как в горстке еще теплого пепла.

— Лейтенант Уиллер,— представился я.— У вас есть племянница Диана Эриот?

— Чтобы избавить вас от неприятных минут, я должен сказать, что я знаю о смерти Дианы.

— Знаете?

— Сегодня утром мне позвонил доктор Мойберг. Я тут же хотел связаться с вами, но доктор сказал мне, что вы

взяли мой адрес и, наверняка, скоро приедете. Я ждал вас, лейтенант, но не думал, что вы опоздаете.

— У доктора Мойберга возникла удачная мысль, — сказал я, изобразив подобие улыбки.

— Входите, лейтенант.

Я прошел по вестибюлю вслед за ним и вошел в комнату, которая привела меня в изумление. Снаружи замок казался небольшим, но это впечатление было обманчиво. На самом деле это был просторный, роскошно обставленный дом. Стены и паркет комнаты были дымчато-серыми, мебель дорогая. Целую стену занимали полки с книгами, над камином висел портрет, написанный маслом в темных тонах, изображавший женщину, одетую по моде семнадцатого века. Женщина была бы красива, если бы не ледяной взгляд змеиных глаз. У меня она вызвала чувство отвращения.

— Садитесь, лейтенант — предложил мне радушный хозяин. — Что вы будете пить?

— Ничего, благодарю вас.

— Разрешите...

— Пожалуйста, — бросил я, опускаясь в удобное кожаное кресло. Он пошел к бару в другой конец комнаты, налил себе в стакан и сел в глубокое кресло напротив меня.

— Думаю, что вы хотите задать мне сто вопросов, — сказал он, обнажив в улыбке совершенно здоровые зубы. — Разрешите мне заранее ответить на некоторые из них. Прежде всего вам следует знать, что хотя Диана и была моей племянницей, между нами не существовало никакой привязанности. Еще двадцать лет тому назад я прервал всякие отношения с сестрой. Диана тогда была маленькой девочкой. Два года назад Диана приехала повидаться со мной, она сказала, что ее родители недавно умерли и я ее единственный родственник.

Он со вкусом отпил и продолжал:

— Я не сентиментален и сообщил об этом Диане в мягкой форме. Она заметила, что это ее устраивает, так как она тоже не сентиментальна. На Востоке она позировала для журналов мод, теперь на Западе решила заняться тем же. Она попросила разрешения пожить у меня до тех пор, пока не встанет на ноги. В благодарность обещала вести дом. Она жила у меня шесть месяцев. Время от времени исчезала, иногда на ночь, иногда и на целую неделю. Я никогда ее ни о чем не спрашивал и сама она тоже ничего не объясняла: настоящий Эриот хладнокровен и не нуждается ни в чьей защите. Движимый честолюбием,

он готов пожертвовать всем и вся для достижения цели. Через шесть месяцев Диана заявила, что не нуждается в комнате, и уехала. Я долго не видел ее и ничего не слышал о ней, затем через три месяца она появилась снова, без предупреждения. Она сказала, что ей представился, может быть, единственный случай составить себе состояние, и она пришла одолжить у меня денег. Разумеется, я ответил ей, что она ненормальная, и у нас вышла гнусная сцена. Я положил конец спору, уложив ее ударом кулака.

Он прервался, чтобы сделать глоток виски, затем продолжал рассказ и, казалось, старался не упустить малейшие детали.

— После ухода Дианы, должен признаться, лейтенант, я испытывал некоторые укоры совести. В конце концов, она была моей племянницей. Позже она пришла еще раз. Она приехала в три часа дня в состоянии неопишемого ужаса, а она не из тех, кто преувеличивает все ради мелодраматического эффекта! В течение первых десяти минут она лепетала неразборчивые слова. Когда, наконец, мне удалось ее успокоить, она сказала, что ее план обернулся катастрофой и что «ОН» ищет ее, чтобы убить.

Эриот медленно покачал головой и вздохнул.

— Больше она ничего не хотела мне рассказывать. Разумеется, я спросил, кто этот «ОН», но ответа не добился. Она говорила, что ей надо найти место, где бы она чувствовала себя в безопасности, что у меня нельзя — здесь ее найдут. Она упала на колени и умоляла меня помочь ей. Сцена была довольно отвратительная, но отчаяние моей племянницы было неподдельным. Тогда мне пришла одна мысль...

— Мистер Эриот, почему... — начал я. Он жестом заставил меня замолчать.

— Прошу вас, лейтенант, дайте мне закончить. Поверьте, так будет быстрее. У меня довольно необычное хобби: я интересуюсь черной магией. В течение шести месяцев пребывания у меня Диана усвоила элементарные сведения по этому предмету: Мойберг, конечно, рассказал вам об этом. Я посоветовал ей устроиться в больницу для душевнобольных, сказав, что она считает себя одержимой нечистой силой. Чтобы обезопасить себя, надо назваться чужим именем. Однако у нее не было денег. Без особого энтузиазма я согласился оплатить ее пребывание в больнице Хильстоун, а она решила назваться именем одной из своих подруг — Ниной Росс. Этим же утром я отвез ее на машине в больницу и оставил в нескольких метрах от

ворот. По возвращении к себе я написал доктору, что Нина Росс — мой секретарь и что я оплачу все расходы. — Он улыбнулся и заключил: — Я думаю, что ответил на большую часть вопросов, которые вы хотели задать мне, лейтенант?

— Диана ушла из больницы уже неделю тому назад, — напомнил я ему.

— Мне сегодня утром сказал об этом доктор Мойберг.

— Вы не знали этого?

— Я должен был ждать этого, — спокойно сказал он. — Она скрывалась в течение семи недель и, наверное, решила, что больше ничем не рискует. Тогда она и покинула это заведение. Ей никогда бы не пришло в голову предупредить меня. Она больше не нуждалась во мне, понятно? Впрочем, на ее месте я поступил бы так же...

— У вас нет ни малейшего представления, что она делала эту неделю? — спросил я. — Куда она могла поехать, с кем могла встречаться?

— Ни малейшего, лейтенант, — ответил он.

Я встал с кресла, подошел к книжной полке и принялся читать заголовки: «Ведьмоведение», «Демонология», «Черные мессы»...

Внезапная боль пронзила мой мозг, я на несколько мгновений закрыл глаза и, к сожалению, должен был отметить, что день становится все хуже и хуже, а я совсем теряю присутствие духа. Я должен был собраться с мыслями и силами, чтобы повернуться к Эриоту, который продолжал потягивать виски со спокойным и довольным видом.

— Сказал ли вам Мойберг, в каком виде он нашел вашу племянницу? — спросил я.

— Конечно, голой и в резиновой маске.

— А как вы это объясните?

— Ее убили, — ответил он спокойным тоном. — Значит, в последнюю нашу встречу она сказала мне правду. Она в самом деле скрывалась от кого-то. Я думаю, что убийца узнал, что она скрывается в лечебнице для душевнобольных, а также о том, какую историю она сочинила. Убийца, может быть, развлекаясь или желая отвести от себя подозрения, надел на нее маску.

— Для девушки, которой известны лишь основы предмета, она слишком удачно обманула Мойберга, — заметил я несколько резко. — Даже не видя ее лица, он узнал ее по шрамам на ноге.

— Ах, да! Шрамы! — повторил он с довольным смехом. — Я рад, что продумал и это, лейтенант.

— Ваша племянница морочила Мойберга в течение семи недель, а я уверяю вас, в психиатрии он не новичок.

— О, в демонологии он искушен значительно меньше, — ласково заметил Эриот. — Он рассматривал случай с моей племянницей совсем с другой точки зрения. Он был недостаточно информирован, чтобы разгадать ее трюки. Диане было совсем нетрудно одурачить его, лейтенант, — заключил он, энергично тряхнув головой. — Прошу вас, не совершайте трагической ошибки, ни минуты не думайте, что Диана действительно была одержимой.

Я зажег сигарету.

— Все приводит нас к этому таинственному «ОН», — сказал я, бросив на собеседника уничтожающий взгляд, — к человеку, который хотел убить вашу племянницу в ту ночь, когда она пришла просить о помощи.

— В самом деле? — сдержанно сказал он. — Я вспомнил еще одну деталь, лейтенант. В тот день, когда я проводил Диану в больницу, мне кто-то позвонил по телефону. Это был мужчина, желавший знать, где она находится. Он очень торопился и говорил, что моя племянница часто позировала ему и что у него есть для нее срочная работа. Я ответил, что не видел Диану, но передам ей все при первой же возможности.

— Вы не спросили его имя?

— Даней Полден, — непринужденно ответил он, — фирма «Трайверс и Полден и К^о». Он сказал, что Диана знает его номер телефона.

— Честное слово, может быть, это первый след, — сказал я мрачно. — Он звонил еще?

— Нет, это был единственный звонок, лейтенант, за два последних месяца.

— Вы больше не можете вспомнить кого-нибудь, кто бы мог помочь? — спросил я с отсутствующим видом.

— Во всяком случае, не сейчас.

— Благодарю. Я в отчаянии, что отнял у вас столько времени. Я буду поддерживать с вами связь.

Я направился к двери. Он вскочил и с удивительной живостью оказался у двери быстрее меня. Я уступил импульсивному движению и, остановившись, бросил последний взгляд на мрачный портрет, висящий над камином. Я испытал почти физический шок, созерцая холодную и чувственную красоту дамы, и на мгновение мне показалось, что в глубине ее змеиных глаз мелькнул огонек.

— О, это была настоящая колдунья! — воскликнул Эриот, бросив на картину взгляд знатока.

— Кто это?

— Мадам де Монтеспан — любовница Людовика XIV, — ответил он с религиозным почтением. — Рассказывают, что она принимала участие в черных мессах совершенно обнаженная, лежа на алтаре, затаянном черным, и окруженная черными зажженными свечами. На ее живот ставили сосуд, затем над ним перерезали горло ребенку. Тело бросали в печь. Ее соучастница позже призналась, что таким образом было принесено в жертву две тысячи детей, в то время как помощница вызывала демонов Астерода и Асмодея.

— У них, наверное, были проблемы с доставкой малышей, — сказал я мрачно.

— Отнюдь. В Париже в 1680 году это было просто, лейтенант, — ответил он ласково. — Говорят, тот, у кого хватало смелости смотреть мадам де Монтеспан в глаза, мог увидеть в них отблеск адского огня.

— Когда я был ребенком, у меня была такая же тетка, — ответил я. — Она была старой девой. В течение пяти лет я пытался подложить ей что-нибудь, чтобы она свалилась с лестницы и сломала себе ноги.

— И что же с ней стало, лейтенант? — весело спросил он.

— Она вышла замуж за кондитера. Муж был импотентом, и все знакомые женщины жалели мою тетку-девственницу. Через две недели после свадьбы с ним произошел несчастный случай. Он свалился с лестницы, спасаясь от изнуряющих объятий своей супруги, и сломал себе ногу.

Эриот проводил меня до конца веранды.

— Буду держать вас в курсе дела, — машинально повторил я.

— Буду вам очень признателен, — ответил он. — И желаю удачи в вашей... охоте на ведьм, лейтенант!

— Благодарю, — ответил я, улыбаясь. — О, еще один вопрос! Чем вы зарабатываете себе на жизнь? Продавая любовные заговоры, магические формулы, приворотное зелье?

Огонек вспыхнул в глубине его глаз с металлическим отливом, и я вдруг заметил, что у него глаза, как у колдуны на портрете, висящем над камином. Вот почему мне показалось, что какой-то блеск был в глазах мадам де Монтеспан.

— Я отказался от черной магии, — прошептал Эриот, — даровать жизнь и смерть мне больше не интересно.

Снова блеснул огонь в его глазах. Он засмеялся:

— Я обеспечен страховкой, лейтенант.

— Моя тетя тоже, — сказал я ему. — Мы долго не знали этого. Со сломаной ногой ее муж так и не смог убежать от нее. Менее чем за год она залюбила его до смерти, потом получила двадцать тысяч страховых. По последним сведениям, она управляет школой тореро где-то на юге, в Тухуане.

4

Вернувшись в город, я не удержался и остановился у бара, где заказал себе кофе и сыр. Принесли сыр, он был высохший. Было десять минут седьмого, когда я прибыл в бюро шерифа. Комнаты были странно пустыми. Потом я заметил чью-то физиономию. И мой несчастный желудок опять начал урчать.

Анабель Джексон, секретарь шерифа, натуральная блондинка и предмет моих безнадежных ухаживаний, появилась в проеме двери патрона. Увидев меня, она замерла на месте.

— Бог простит меня, он вернулся! — воскликнула она с очаровательным южным акцентом.

— Анабель, сокровище мое! Прошу вас, — умолял я ее. — День был длинный и мучительный. Как мне не хватало этой кофты! Вы и эта розовая кофточка — это все для того, чтобы потерять голову. Вы же это хорошо знаете!

Она сочувственно улыбнулась и глубоко вздохнула. Тонкий шелк натянулся, потом опал, потом опять натянулся, готовый лопнуть, но ничего не лопнуло. Можно было услышать стук моего сердца. Анабель умерила дыхание, в то время как я старался прийти в норму. В отчаянии я прошептал:

— Пока вас не испортил воздух Калифорнии, вы мне доверяли. Раньше, если я приглашал вас пообедать, вы с энтузиазмом соглашались, потому что знали, что я — человек чести и мое приглашение ни к чему больше не обязывает.

— Это было только в первый раз, Ал, — напомнила она ангельским голоском. — Это было до того, как я познакомилась с вашей квартирой, с вашим гигантским диваном, в который девицы погружаются до колен каждый раз, когда стараются выскочить, и с вашим проигрывателем, усилители которого заглушают крики о помощи. И именно на другое утро я стала подозрительной и недоброжелательной, когда, стоя под душем, пыталась сосчитать синяки.

— Синяки? — недоверчиво воскликнул я. — Какие синяки?

— У меня их было три, на очень видных местах...

— Вы, конечно, споткнулись, спускаясь по лестнице, — насмешливо сказал я.

— ...и восемнадцать в менее видных местах, — закончила она ехидным тоном.

Я подумал, что лучше отказаться от борьбы! Сегодня у меня несчастливый день. Заплетающимися ногами я подошел к креслу и блаженно опустил в него. Анабель пристроилась на уголке бюро, скрестила ножки и с беспокойством посматривала на меня. Положение было пикантным. Я рассчитал, что если склонить голову на пятнадцать сантиметров влево, то можно увидеть ножки Анабель целиком. Вопрос был только в том, поверит ли она, что у меня вдруг начался нервный тик, который заставил мою голову склониться в определенном направлении.

— Если у вас гипертонический криз, Ал, — сказала она любезным тоном, — постарайтесь, чтобы ваша голова склонялась вправо, или я ударю вас стальной линейкой.

— Вы с ума сошли! — воскликнул я с презрением. — Вы думаете, что у меня нет более важного дела, чем восхищаться вашими ножками?

— Если бы я носила шарф, то вы полдня потратили бы на то, чтобы рассмотреть мою шею.

Я попытался изобразить непонятого страдальца, всем своим видом показывающего, что он ее прощает, уважает и обожает и т. д. Маневр был очень трудным, и посреди этого упражнения я потерял контроль за верхней губой. Судя по взгляду Анабель, я угадал, что похож на типа, оказавшегося в гареме в тот момент, когда пятьдесят новых фавориток, полных желания, растянулись на своих диванах. Бросив всякие поползновения, я зажег сигарету. После трех затяжек я понял причину душевного дискомфорта, овладевшего мной по возвращении сюда.

— Бог мой, почему так тихо? — спросил я жалобно. — Где все остальные?

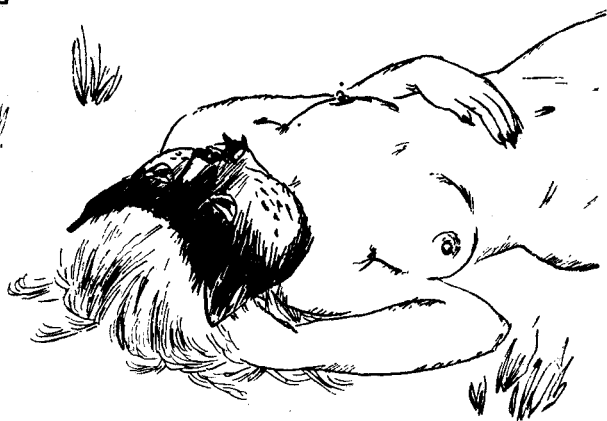
— Да, я забыла, что вас здесь не было в момент взрыва, — развязно сказала Анабель.

Я не из тех мужчин, которые отказывают девушке в реплике, которую она ждет.

— Какого взрыва? — решительно спросил я.

Она удивилась.

— Значит, вы не слышали «Информационный бюллетень» сегодня после обеда, Ал?

Ее голос был полон сладкого сострадания. Я вздрогнул.

— Нет, я не слышал «Информационного бюллетеня». Что произошло?

— Весь город охвачен паникой. Что я говорю — «город»? Все графство, может быть, вся планета!

— Что такое? Русские объявили войну коммунистическому Китаю и попросили нас присмотреть за их атомным оружием? — предположил я.

— Это самое значительное событие года, — сказала она. — Орда журналистов прибыла в город самолетами, поездами, машинами. Сентиментальные молодые люди приехали на лошадях. «Девушка считала, что она одержима колдуньей — это ее труп нашли обнаженным с кинжалом в груди во дворе больницы, из которой она выписалась неделю назад! Девушка в маске, изображающей белую кошку с сатанинским выражением... Кошку — верную спутницу колдуньи...» Телевидение послало три группы репортеров, приехали около двух тысяч корреспондентов радио... Значит, мой милый Ал, вы не слышали об убийстве одной ненормальной, которое произошло сегодня утром?

— Попробуйте еще поговорить таким тоном, цветок Икибуса, и я вас раздену! — заметил я, холодно улыбнувшись. — И посмотрю, нет ли у вас какого-нибудь клейма, как у колдуньи.

— Девушка, способная спасти свою честь на вашем диване, легко защитится в таком большом учреждении, как это, — заверила она. — Вы пришли слишком поздно, Ал, и не застали самого веселья. Я хотела бы, чтобы вы были здесь, когда журналисты, разрушив баррикады, предприняли осаду святая святых! Шериф попробовал спрятаться под своим бюро, но, как вам известно, его объемы не позволяют этого сделать! У него начался нервный приступ, и он был не в состоянии ответить ни на один вопрос, которыми его бомбили. И вдруг сумасшедший звонок доктора Мойберга. Он тоже был в нервной депрессии. Орды журналистов взяли приступом ворота и, обезвредив сторожа, ринулись к главному зданию. Приемная сестра подумала, что эта обезумевшая толпа стремится линчевать всех мужчин и изнасиловать всех женщин. Она изображала беззащитную женщину, которая отдала связку ключей первому попавшемуся журналисту, оказавшемуся у ее дверей в надежде проинтервьюировать какую-нибудь важную персону. По последним сведениям, они уже взяли интервью у одного Чингизхана, трех Теодоров Рузвельтов, восьми Бонапартов. Затем...

— Хорошо,— сказал я, поднимая руки.— Я иду туда!

— Ну,— просияла она,— если вам интересно узнать, где шериф, так он на месте происшествия, так же как и девяносто девять из ста защитников Парадиз-Лейн-Сити. Должна ли я назвать сотого, отсутствующего?

— Мне кажется, что патрон должен был передать что-нибудь мне перед своим отъездом,— пробормотал я.

— Я ждала, что вы меня спросите об этом, лейтенант,— воскликнула она с очаровательной улыбкой, прикрыла глаза, собираясь с мыслями, и прошептала:

— Сейчас, я хочу передать его распоряжение. Он сказал мне... «Вы скажете этому...» Я не думаю, что такая интеллигентная девушка, как я, могла бы позволить себе выражения, которые он употребил. «Вы скажете этому... этому... сыну, Уиллеру, что я выброшу его за дверь!» Это было только начало. Через пять минут он добавил: «Скажите ему, что я отдам его под трибунал за оставление поста! Я арестую его за сдачу территории противнику. Я дал приказ стрелять без предупреждения. Пять тысяч долларов тому, кто доставит шкуру этого Уиллера! Все мои сбережения тому, кто приведет его живым!» И, кажется, еще что-то подобное. В тот момент, когда толпа снова осадила его бюро, он прибавил еще такое, что... она щелкнула пальцами,— вот что! и воскликнула: — Он добавил: «Если мне еще раз в мое бюро позвонят его женщины, я переведу его окружным полицейским на шесть месяцев!».

— Мне звонили женщины? — спросил я, снова обретая вкус к жизни.

— Во всяком случае, одна женщина,— уточнила Анабель безразличным голосом,— если судить по ее тону, она из тех, с кем вы встречаетесь по ночам в том гнусном баре на железной дороге.

— Что она хотела?

— Каждый раз она спрашивала лейтенанта Уиллера и каждый раз говорила, что это срочно. Только лейтенанта Уиллера — и никого другого. Она даже не соглашалась назвать себя. Каждый раз она говорила, что позвонит еще, и периодически звонила.

— Может быть, она позвонит еще раз,— сказал я с надеждой.— Она, наверное, без ума от меня, как вы думаете? Заметьте, что это нормально...

Резкий звонок телефона вырвал меня из кресла. С состраданием смотрела Анабель, как я ринулся к телефону и схватил трубку.

— Служба шерифа,— задохнувшись, сказал я.

— Я должна поговорить с лейтенантом Уиллером,— ответил холодный женский голос.— Он здесь?

— Лейтенант Уиллер у телефона,— ответил я.

— Я стараюсь застать вас все послеобеденное время, лейтенант. Это очень срочно! — теперь голос стал теплее. Хрипловатый и вибрирующий звук ласкал ухо.— Это вы ведете следствие по преступлению, совершенному сегодня утром, лейтенант?

— Да, я.

— Я думаю, что могу сообщить вам некоторые факты, но при некоторых обстоятельствах,— голос превратился в интимный шепот.— Вы принимаете мои условия, лейтенант?

— Ваши условия будут моими,— ответил я с энтузиазмом,— я ни в чем не могу отказать вам... Какие условия?

— Мне трудно представить все ситуации и все детали,— прошептала она.— Я практически пленница в собственном доме, поэтому приехать должны вы, но не говорите им, что это я сама хотела вас видеть и что это по поводу убийства.

— Им? — переспросил я.

— Дом кишит гориллами,— сухо сказала она.— Они не могут помешать полицейскому войти ко мне... лейтенанту полиции... но постараются это сделать. У вас должны быть документы. Возможно, будет лучше, если кто-нибудь будет вас сопровождать, кто-нибудь из ваших людей.

Не знаю почему, но мой энтузиазм упал, когда я вспомнил, что все люди шерифа, за исключением меня, отважно защищают больницу Хильстоун.

— Я хотел бы кое-что узнать,— сказал я.— Если, приехав к вам, я не могу спросить именно вас и не должен намекать на убийство, что я должен сказать?

— Вы будете настаивать на свидании с моим мужем! — ответила она.

— Ну, допустим! — ответил я и с сомнением посмотрел на трубку, потом попытался еще раз: — И что я скажу вашему мужу?

— Ничего. Его не будет дома. Когда гориллы скажут вам это, попросите свидания со мной. Таким образом мы сможем поговорить. Создастся впечатление, что это случайно, понимаете? Только, лейтенант, вам надо употребить все свое влияние, чтобы нас с вами оставили наедине. Я не смогу ничего сказать вам, если они будут присутствовать...

— Они? — повторил я неуверенно.— Это... люди?

— Я уже сказала вам,— крикнула она.— Гориллы!

— Вы и в самом деле сказали это. Хорошо, в котором часу?

— Как только вы сможете!

— Какой адрес?

— 305, Авеню Бесолейн, Ле Вале. И поспешите, лейтенант!

— Договорились. Ждите. Имя вашего мужа?

— Поль Трайверс. Меня зовут Марджи.— По голосу я понял, что она начала жеманиться.— Не кажется ли вам, лейтенант, что у нас будет случай лучше узнать друг друга?

— Поль Трайверс,— рассеянно повторил я. Вдруг трубку положили. Я зарычал: — Эй! Трайверс из фирмы «Трайверс, Полден и К°»?

Но она дала отбой, я сделал то же и понял, что Анабель не сводит с меня глаз.

— Бедная беззащитная женщина потеряла своего пуделя, пока ее муж был по делам в Чикаго? — спросила она оскорбленным тоном.— И просит знаменитого героического лейтенанта Уиллера помочь ей, не так ли?

— Если бы не ее имя, я подумал бы, что имею дело с ненормальной,— ответил я.

— Что особенного в ее имени?

— Ее зовут Марджи Трайверс!

— Ну и что?

— Пока еще не знаю,— признался я.— Надо, чтобы я убедился в этом. Скажи мне без шуток, малышка, как ко мне относится шериф?

— Он вас не любит,— сказала она торжественно.— А после нашествия прессы патрон был в бешенстве из-за того, что вы ему за весь день ни разу не позвонили. Хотя бы для того, чтобы ввести в курс дела. Он бы знал, что отвечать этим репортерам. И это правда, что Мойберг, придя в отчаяние, звонил ему. Он не знал, как будут держаться наиболее буйные его пациенты во всей этой сутолоке. Шериф поехал туда, чтобы все устроить, а это, как вы понимаете не улучшило его настроения.

— Где Полник?

— Когда звонил Мойберг, он сказал, что Полник похож на Горацио, разговаривающего с призраком, но что-то непохоже чтобы сержант Полник любил поэзию.

— Мэрфи прислал заключение экспертизы?

— Я его не видела.

— Честное слово, Лоэрс может удивить меня завтра утром, так что я пойду пока и поиграю в кошки-мышки с Марджи и ее гориллами.

— Простите? — спросила она ледяным тоном.

— Это не то, что вы думаете, милочка, — запротестовал я, послав ей самую чистосердечную и горячую из своих улыбок.

— Рассказывайте это другим! — воскликнула она, поджав губы. — И прекратите так бесчестно улыбаться. Вы похожи на старого развратника.

«Не могу же я соблазнять, их всех», — подумал я. — «Но если бы одна из них вознаграждала меня время от времени...»

5

Ле Вале — роскошный пригород Лейн-Сити. Здесь масса пуделей, метрдотелей и трехместных гаражей. Авеню Бесолейн была в том же духе. Дома стояли в шестидесяти метрах от шоссе, и у каждого был индивидуальный сад не менее пяти гектаров.

Дом № 305 походил на все остальные дома.

Ради предосторожности я два раза прошел мимо двери дома и заметил только, что в гараже стояли три машины: кадиллак, сандербенд и фольксваген, который казался совсем маленьким. Во всех окнах был свет. Вода из фонтана освещала лужайку. Картина, обычная для буржуазных кварталов, где регулярно и без предупреждения добрые люди убивают топорами своих жен.

Я без колебаний направился по аллее, остановив машину как можно ближе к дому, вытащил пистолет из кармана брюк и крепко сжал его в руке, когда из глубины здания слышались отзвуки моего звонка.

Через тридцать секунд дверь медленно приоткрылась. С первого взгляда я понял, что парень, стоящий передо мной, был, без сомнения, гориллой. Рядом с ним сам Полник показался бы простым шимпанзе. Лицо парня было абсолютно плоским, как будто его долго держали под прессом.

Он подозрительно посмотрел на меня и проворчал:

— В чем дело?

— Полиция, — сухо сказал я. — Лейтенант Уиллер.

И сунув ему под нос жетон, прошел вперед. Я произнес три слова, способных заставить трепетать гориллу, и надеялся, что значок, который я показал ему, усилит впечатление. Он инстинктивно отодвинулся, и я прошел в вестибюль. Проходя, я ударом ноги закрыл за собой дверь, положил в карман пистолет. Тип заморгал.

— Вы сказали «лейтенант»? — пробормотал он.

— В самом деле, лейтенант,— сказал я,— и я хочу поговорить с Полем Трайверсом.

— Его нет дома.

— Я так и думал, но хотел сам убедиться в этом,— бросил я, направляясь в комнаты.

Вдруг горилла вышел из себя.

— Эй, лейтенант, не сюда!

Но я уже проник в комнату, и три ошеломленных лица уставились на меня: двое мужчин и одна женщина сидели вокруг карточного стола и играли в карты. Один из двух был гориллой, созданной по тому же образцу, что и тот, который шел за мной по пятам. Другой же был среднего роста и менее массивный. Напряженное лицо и беспокойные глаза делали его похожим на убийцу, более опасного, чем двое его коллег. На женщину я даже не взглянул.

— Каким образом этот тип попал сюда, Гарри? — рывкнул «убийца» пронзительно.

— Это полицейский,— пробормотал Гарри.— Не так ли, лейтенант?

— Полицейский,— прорычал я.— Кто из вас Поль Трайверс?

Неожиданно воцарилось молчание, и «убийца» гневно взглянул на Гарри и, не имея больше сил сдерживаться, тот жалобно сказал:

— Я говорил ему, Пит, еще в вестибюле, что мистера Трайверса нет дома. Ведь правда, лейтенант?

— Да, вы это говорили,— бросил я,— а я вам ответил, что хочу в этом убедиться сам. Именно за этим я и пришел.

— Лейтенант,— начал Пит, взор которого все еще беспокойно блестел, но голос стал медовым,— я думаю, что здесь какое-то недоразумение. Мистер Трайверс в Европе и вернется только через несколько недель.

— Я это слышал, но хочу убедиться сам.

— У вас есть ордер на обыск, лейтенант? — спросил он невинным тоном.

— Нет,— холодно ответил я,— но если хотите усложнить дело, парень, пройдемте за ним в бюро шерифа.

— Вы хотите сказать, что арестовываете меня, лейтенант? — воскликнул он, откровенно посмеиваясь.

— Разумеется,— ответил я таким же тоном.— Я задерживаю вас за содержание игорного дома,— закончил я, указывая на стол для бриджа.

— И вы думаете, что этой клевете поверят?

— Вас и двух ваших товарищей продержат пару часов

в зале допросов комиссариата, — я подарил ему яростную улыбку. — Вы всегда усложняете события? Вам нужен мандат?

В комнате снова воцарилось молчание, теперь оно было продолжительным. Вдруг Гарри заговорил примирительно:

— Слушай, Пит! Может, лейтенант поговорит с мадам Трайверс? В конце концов, она законная жена Трайверса! Если кто-нибудь что-то знает, то это только она.

В первый раз я взглянул на женщину. Она выглядела вульгарно богатой, что всегда говорит о большом состоянии. Ее волосы были уложены в высокую прическу, которая подчеркивала худое и костистое лицо и слегка выпученные глаза базетика. Крупные бриллианты ослепительно сверкали каждый раз, когда она встряхивала головой. Накидка из платиновой норки, декольте на пять сантиметров глубже, чем надо, позволяло различить едва заметную грудь. Она казалась слабой и беззащитной и внушала жалость. Однако это была не та цель, которую она пыталась достичь.

Лицо у нее было оживленное и выразительное, немного большой рот выдавал опыт и жестокую чувственность. Некоторые могли найти ее волнующей. Меня удивило больше всего то, что сделала эта женщина со своей внешностью, чтобы казаться старше на пять лет.

— Я мадам Трайверс, лейтенант, — сказала она вибрирующим голосом, который я сразу узнал. — Сейчас мой муж в Европе, и он действительно вернется через несколько месяцев.

— Очень хорошо, — сказал я, притворяясь недовольным. — Я обязан верить вам на слово. Это освобождает меня от обыска дома.

— Я очень рад, что вы удовлетворены, лейтенант, — бросил Пит с гримасой презрения. — Может быть, вы...

— Кто вам сказал, что я удовлетворен? — обрезал я его, повысив голос. — Трайверс в Европе. Очень хорошо. В таком случае, возможно, его жена даст мне необходимые сведения...

— В самом деле, лейтенант... я... я... я не знаю... я...

Она казалась утомленной, возбужденной и немного испуганной. Должен признать, что это было сделано неплохо.

— Я хочу задать вам, мадам Трайверс, просто несколько формальных вопросов, — сухо сказал я.

Моя речь не отличалась оригинальностью. Однако она была в стиле полицейского, которого я старался изобразить. Теперь взволнованный вид был у Пита.

— Лейтенант,— сказал он неуверенно.— Мадам Трайверс не может помочь вам, она только...

— Мадам Трайверс,— я сделал вид, что не слышу его.— Где бы мы могли поговорить спокойно?

— Честное слово... я...— она растерянно посмотрела на Пита, но не дала ему вмешаться.— Мы могли бы пойти в мою комнату, лейтенант.

— Прекрасно,— проворчал я.— Вы покажете мне дорогу? Итак... джентльменов мы оставим за картами.

Казалось, что она не торопится. Однако через секунду она была на полдороге к двери. Я услышал, как она прошла в вестибюль. Я чувствовал на себе взгляд трех мужчин. Когда я подошел к двери, Пит кашлянул, затем с отчаянной отвагой бросил:

— Лейтенант, я настаиваю, чтобы для безопасности мадам Трайверс хотя бы один из нас присутствовал при вашей беседе...

Я повернулся и презрительно посмотрел на него.

— Теперь, когда дама вышла,— сказал я приглушенным голосом,— я тебе скажу кое-что, мошенник. Если ты еще раз откроешь рот, я вызову дежурную машину и отправлю всех троих в участок. А там вы проведете время, соревнуясь, кто дальше выплюнет свои зубы.

Его рот медленно открылся, но никакого звука не последовало, и он резко закрыл его. Не торопясь, я вышел в вестибюль. Мадам Трайверс ждала меня на первом марше лестницы. Я присоединился к ней.

Как только мы вошли в комнату, она захлопнула дверь, заперла ее и бросилась ко мне.

— Вы были великолепны,— воскликнула она гортанным голосом, призывавшим меня к немедленной победе.

— Вы тоже очень хорошо держались, миссис Трайверс,— ответил я.

— Зовите меня Марджи! — Ее блестящие голубые глаза призывно смотрели на меня.— Когда я слышала ваш голос по телефону, то поняла, что вы именно тот мужчина, который мне нужен!

— Благодарю вас.

Я попытался откинуть голову, но у Марджи Трайверс были слишком сильные руки для такой худенькой мышки, и я не мог двинуть даже пальцем. Ее рот приоткрылся, обнажая великолепные зубы. К несчастью, вблизи она немного походила на акулу.

— Как вас зовут? — прошептала она своим хриплым голосом.

— Уиллер,— пробормотал я,— лейтенант Уиллер.

— Какой глупый,— прошептала она,— я спрашиваю твое имя, плут!

— Ал,— сказал я слабым голосом.

— Ал,— она смаковала мое имя, как знаток шампанское.— Ал — мне нравится!

Ее тонкие пальцы распахнули мою куртку, расстегнули рубашку с невероятной быстротой, затем она принялась за исследование моего торса: похлопала, пощупала и пощипала.

— Да,— заключила она,— это мне нравится, Ал,— и тряхнула головой. Чтобы я лучше понял ее, она еще раз сильно ущипнула меня. Отчаянно подпрыгнув, я напомнил ей: «Мадам, ваш муж...»

— Это подождет, у нас есть время,— оборвала она.— Есть дела поинтереснее, чем разговор о моем муже, Ал!

Она сопровождала эти слова медленным помаргиванием. Вдруг она прошептала:

— Не ошиблась ли я на ваш счет? Я приняла вас за авантюриста, Ал. Вы не стремитесь познакомиться с Марджи?

— Умираю от этого желания,— пробормотал я сквозь зубы.— Но немного попозже.

— Вы хотите поговорить об обезьянах там внизу? — воскликнула она с презрительным смехом.— Через пять минут после вашего прихода они уже дрожали. Они не осмелятся и пальцем пошевелинуть. Впрочем, если это и придет им на ум, вам достаточно крикнуть людей, расставленных вокруг дома.

— Каких людей? — мрачно переспросил я.

— Тех, что ждут вас снаружи,— сказала она, не скрывая нетерпения.

— Я не привел ни одного человека, Марджи, и никто не придет на мой зов.

— Что? — воскликнула она, внезапно разжав объятия.

— Поставим точки над «и» — сказал я решительно,— я нахожу вас сногшибательной и стремлюсь поскорее познакомиться с Марджи. Но при более подходящих обстоятельствах, когда появится надежда выжить, чтобы потом вспоминать это счастливое время.

Ее руки соскользнули с моих плеч и повисли вдоль тела.

— Я же просила вас привести людей,— холодно напомнила она мне.

— Если бы у меня были в распоряжении люди, они сейчас находились бы здесь,— сказал я,— но у меня их

нет. Если мы в самом деле в таком трудном положении, как я думаю, перейдем к деталям. Трое горилл, которых я видел внизу, простые исполнители, ведь так? Пит — это ведь не мозг банды?

— Не заставляйте меня смеяться, — ответила она резко. — Но время от времени ему приходят в голову гениальные мысли: поднять телефонную трубку и позвонить настоящему мозгу банды, чтобы рассказать ему о том, что происходит, — добавила она.

— Я об этом не подумал!

Больше всего она не походила на женщину-вампира. Ее лицо выражало только страх и волнение. Она прошептала: — Что такое?

— Вы сказали мне по телефону, что практически вы пленница в своем доме!

— Это верно. Вы могли это понять сами.

— И что вы решили?

— Что вы хотите сказать? — спросила она неуверенно.

— Зачем помогать вам выбраться отсюда, если вы сами хотите остаться здесь, Марджи? — пояснил я ей в отчаянии. — Вы понимаете?

— Да! — она закусила верхнюю губу. — Видите ли, — внезапно сказала она, — если вернется Поль, то он сам все уладит. Но я не уверена, что он вернется. Ни через несколько месяцев, никогда. Сейчас же я — агнец на тот случай, если кто-нибудь вроде вас будет задавать им неудобоваримые вопросы. Но это будет не вечно...

— Нет, — сказал я убежденно.

— А если я уеду, то куда?

— Кроме денег мужа, у вас есть состояние?

— Конечно, — ответила она. — У меня сейф в банке! Там полно таких штук, как эта!

Она потянула сережку, рассыпающую целый каскад искр, который ослепил меня.

— В таком случае нет проблем. А если эти гориллы воспользуются вами, чтобы скрыть то, что произошло с вашим мужем, кошечка, мне кажется, что вы свободны с того момента, как вошли в эту комнату.

— Как это?

— Мы были одни довольно долго. У вас было время рассказать мне все, что вам известно. Они не могут надеяться, что вы будете молчать?

— Конечно, — сказала она, тряхнув головой, — вы хотите сказать, что выбора у меня нет.

Она повернулась, приблизилась ко мне и несколько секунд молча смотрела в окно.

— Я хочу вам кое-что сказать, Ал,— она невесело рассмеялась,— я не высовывала носа из этого дома вот уже два месяца. И теперь при мысли об этом меня одолевает страх. Правда, смешно?

Вдруг я увидел, как она выпрямилась и наклонилась вперед: — Ал!

Я подошел к ней и посмотрел туда, куда она указывала пальцем.

— Вы были правы, когда говорили о том, что может произойти. Лучше подумаем о том, как нам лучше удрать! Теперь слишком поздно. Это моя вина: они уже здесь.

Черная машина остановилась у тротуара, из нее вышли двое мужчин и, не торопясь, направились по аллее.

— Вы были правы и в другом,— прибавила она с несчастным видом.— Мозг банды прибыл. Пит, конечно, позвонил.

— Кто это?

— Слева. Даней Полден.

Из нашего окна был видел только силуэт Полдена. Он медленно шел по аллее. Я посмотрел на него и его компаньона, следовавшего за ним в двух шагах. Он кого-то напоминал мне, но я никак не мог понять, кого именно.

— Кто это сопровождает Полдена?

— Это его правая рука,— ответила Марджи с презрительной иронией.— Ничтожество. Джонни Крейстал.

6

Я подумал, что они должны были проверить соседние улицы прежде, чем остановиться у ворот. Они не заметили ни одного полицейского, а теперь убедились, что в саду их тоже нет. Судя по скорости, с которой они продвигались, можно было заключить, что до подъезда они дойдут только минут через пять.

— Марджи,— сказал я торопливо,— познакомимся.

Она удивленно уставилась на меня, а я грубо обнял ее и впился губами в ее губы. Она стала вырываться, и я ее отпустил.

— Вы потеряли голову! — воскликнула она.— Слишком поздно для такой забавы.

— Что-то подсказывает мне, что это поможет нам выбраться отсюда,— заметил я,— чуть-чуть доброй воли с вашей стороны!

Я снова обнял ее и яростно поцеловал в губы, стараясь размазать губную помаду. Затем я использовал территорию, которая должна была служить полем для маневров. Я был груб и оставил два-три видных синяка.

Я выпустил ее, и она отлетела, шатаясь, шага на два. Ее глаза, буквально, вылезали из орбит.

— Я думаю, что вы могли бы сделать, если бы хотели,— сказала она,— ой-е-ей!

Но для нежностей не было времени. Я схватил ее за вырез платья и дернул вниз. Она упала на ковер, я заставил ее покататься с одной стороны в другую, затем рывком поставил на ноги. Она принялась раскачиваться взад и вперед, как маятник.

— Это уже лучше,— объявил я с энтузиазмом.

У нее был помятый вид, высокая прическа сбилась набок, а несколько прядей скрывали правый глаз. Корсаж ее жалко висел, декольте доходило до пояса, все было на виду. Я быстро взглянул в окно и увидел, что мужчины прошли половину пути, они двигались немного медленнее, чем я предполагал.

Марджи перестала раскачиваться, дунула на упавшие пряди, чтобы освободить глаз, и посмотрела на меня боязливо.

— Почему вы так ненавидите меня, Ал? — спросила она слабым голосом.— Что я сделала вам плохого?

— Я в отчаянии, малышка,— ответил я,— но это необходимо.

Она призналась:

— Пока я была на ногах, это не было неприятно. Но вы поступили со мной, как с футбольным мячом!

— Могу я улизнуть с черного хода? — спросил я.

— Никак! Если только спуститься в окно.

— А какой это этаж?

— Последний,— она сочувственно посмотрела на меня.— Все двери на первом этаже — это очень удобно.

— Я имел в виду окно,— уточнил я, сжав зубы,— может быть, я могу прыгнуть?

Она вздрогнула и на мгновение закрыла глаза.

— Боже мой, как ужасная смерть!

Я взял ее за локоть и встряхнул.

— Послушайте, у меня появилась идея. Она безумна, но это все, что я мог придумать. Через две минуты вы спуститесь, ничего не меняя в своем туалете.

— На кого же я похожа? — спросила она неуверенно.

— Глядя на вас, можно сказать, что вас нашли на

необитаемом острове, где вы развлекались с сотней моряков. И это впечатление довольно сильное.

— Ну, да?

— Итак, вы сойдете вниз и скажете трем молодцам, чтобы они не волновались. Полицейский стал задавать вам вопросы, но вы быстро переменили его намерения. Они захотят узнать, где я, скажите им, что я одеваюсь. Скажите им, что у полицейского отказали тормоза, когда вы принялись за него, и он еще не пришел в себя. Усекли?

— Усекла,— холодно сказала она неожиданно ясным голосом,— но я не уверена, что это будет мне очень приятно.

— Очень хорошо,— сказал я,— возможно, они нас похоронят вместе, рядом за домом.

Она тут же сказала:

— Это мне не нравится, но я готова.

— Они захотят узнать, какие именно вопросы меня интересовали. Вы скажете им, что я усматриваю прямую связь между убийством Дианы Эриот и фирмой «Трайверс, Полден и К°». Добавьте, что, по-моему, если ваш муж находится в Европе, это его автоматически исключает из дела, следовательно, меня интересует Полден. Я задавал вам кучу вопросов о Полдене. Например, сколько раз вы его видели за последние два месяца. Импровизируйте и смелее! Но чтобы ни одна из этих горилл не поднялась сюда.

— Великолепно! Вы, может быть, принимаете меня за негодяйку!

Я взял ее за руку и увлек к двери.

— Идите,— сказал я ей.— И форсируйте события. Я представляю, какие глаза будут у этих парней, когда они увидят вас. Желая узнать, какими женскими способами вы действовали, чтобы нейтрализовать идиота-полицейского, они даже не догадаются посмотреть, что делается здесь. Как только Полден войдет, передайте ему мои вопросы, он захочет знать их все, без исключения,— я посмотрел на часы — 7.33. Затем сказал: — В крайнем случае, если вам не удастся помешать им сюда подняться, скажите им, что без четверти восемь здесь будут полицейские, чтобы убедиться, что я жив и здоров.

— Очень хорошо,— сказала она печально.— Подумать только, что если бы я не позвонила вам, я бы сейчас спокойно играла в карты!

Я последовал за ней по лестнице на цыпочках, затем бесшумно направился в заднюю комнату. Несколько секунд

я смотрел, как Марджи спускается по лестнице. Глядя на нее, можно было понять, что она входит в образ. Она гордо вскинула голову, что еще больше подчеркивало нелепость ее прически. Вид у нее был вызывающий, и она, нарочито виляя задом, принялась проклинать всех мужчин Вселенной! Вечная женственность еще раз одержала победу!

— Эй, парни! — заревела она громким и немного хриплым голосом, спустившись на последнюю ступеньку. — Взгляните-ка на маленькую Марджи! Она выиграла партию! — ее голос становился менее слышным по мере того, как она приближалась к комнате. — Эй, Пит, Гарри, Эд! Что там с вами? Вы боитесь женщин? Вы...

Полминуты спустя я понял, что поступил бы благоразумнее, если бы не терял столько времени, объясняя Марджи ее роль, а расспросил бы ее подробнее о топографии. Окно комнаты было над пропастью, глубина которой была метров десять, а через окно ванной мог пролезть разве что лилипут.

Я мог выбирать только между комнатой Марджи и лестницей. Когда я пересекал площадку первого этажа, внезапный взрыв смеха заставил меня подпрыгнуть. У меня создалось впечатление, что все собрались в вестибюле у двери в комнату. Это значило, что у меня больше не было выбора.

Вернувшись в комнату Марджи, я подошел к окну. Двое мужчин подошли к площадке. Я вернулся к исходной точке, но Марджи об этом ничего не знала. А я подготовил все так старательно. Я должен был выпрыгнуть через заднее окно на лужайку, затем, обойдя дом, позвонить и войти с револьвером в руке.

И тут меня осенила гениальная идея — ценой сверхчеловеческих усилий я нашел решение проблемы.

В третий раз я, крадучись, прошел по лестнице, но это уже становилось однообразным. Я прошел критическую точку, когда звонок в дверь объявил о прибытии Полдена и Крейстала. Я на несколько секунд остановился и услышал в вестибюле голоса. Громче всех говорила Марджи.

— О, Даней, — воскликнула она голосом, обещающим сладостную уступку, — я изобрела способ или, вернее, трюк, как вылечить дотошных полицейских от любопытства. Способ несколько утомительный, но...

Окна в комнате для гостей были очень широкие. Сильным толчком я распахнул их настежь. В комнате был массивный ореховый комод. С риском нажать грыжу, я поднял его и поставил на подоконник.

Сейчас было 7.42. Если Марджи выполнила все мои указания, то эти типы с минуты на минуту ждут появления полицейской машины или они уже поднимаются по лестнице и вскоре обнаружат, что я их здорово надул. Поддерживая локтем комод в равновесии, я взял в правую руку свой револьвер, а затем сильно толкнул комод. В тот момент, когда комод исчезал в проеме окна, я выбежал из комнаты и достиг верха лестницы прежде, чем комод успел разбиться о цемент.

Можно было поклясться, что началась третья мировая война и артиллерия бьет по дому № 305. Или что под самым домом началось землетрясение. Или что архангел Гавриил выбрал именно эту террасу, чтобы на ней известить о конце света.

Группа, находящаяся в вестибюле, отреагировала очень бурно, но вопль Марджи перекрыл все остальное. Я понял, что она представила, как моя голова разбилась о цементированную площадку.

В вестибюле загрохотали шаги, затем я увидел, как гориллы пробежали в глубь дома.

Сквозь туман я спустился по лестнице быстрее, чем ведьма на помеле, и со скоростью беговой лошади достиг вестибюля.

Я увидел, что на меня уставились два изумленных лица, ближе ко мне был Джонни Крейстал, я ударил его между глаз своей пушкой. Он моментально исчез, как привидение. Осталось только второе изумленное лицо — Марджи. Не замедляя темпа, я схватил ее за руку, она даже вскрикнула от боли, и увлек ее за собой.

К счастью, дверь была приоткрыта. В два прыжка я достиг машины, толкнул Марджи на сидение, не считаясь с ее протестами и жалобами. Сейчас мне некогда было возиться с ее истерическими припадками. Затем я схватился за руль, включил газ и машинально потянулся, чтобы переключить скорость. Марджи пронзительно крикнула:

— А! Он посадил меня на переключатель скоростей. Я же не бабочка!

Я судорожно рылся в ее платье, захватил кусок бедра, оттолкнул его с силой и, наконец, нащупал переключатель скоростей. Когда мы выехали на улицу, машина шла со скоростью 50 миль в час и достигла 90, когда мы подъезжали к первому перекрестку. Пять минут спустя мы были далеко от Ле Вале и я, наконец, отпустил акселератор.

— Ал,— жалобно простонала моя спутница.

— Да?

— Когда вы бросили меня в эту машину, я, должно быть, оставила одну ногу снаружи и она сломалась.

Я принялся действовать левой рукой, как эксперт, что вызвало у нее возмущенное восклицание.

— Все в порядке,— успокоил я ее,— вы просто сидите на ней.

— Вот в чем дело,— радостно сказала она,— я приняла ее за какую-то железную штуку. Ну, я рада, что она на месте, хотя я ее абсолютно не чувствую.

Она захотела узнать, что произошло, и я рассказал ей все подробно. Потом она, в свою очередь, рассказала мне, что произошло в вестибюле. Ее сценарий имел триумфальный успех у трех горилл, которые охотно бы провели остаток ночи, выпрашивая у нее все новые подробности...

По прибытии Полдена и Крейстала атмосфера изменилась. Полден захотел узнать, какие вопросы задавал полицейский. Что касается Джонни Крейстала, то он предложил немедленно подняться наверх, чтобы свести счеты с подлецом. Полден заставил его замолчать, чтобы послушать рассказ Марджи, но вскоре ей стало трудно придумывать новые вопросы, которые я будто задавал ей, и Полден потерял интерес к ее рассказу.

— Тогда Полден,— произнесла она, вздрогнув,— сказал Крейсталу, что он согласен идти с ним за вами, но что он хочет вас живого: «Никаких шуточек — нам они оба нужны живыми». Может быть, вы мне не верите, Ал,— добавила она, снова вздрогнув,— но прошла целая минута прежде чем я поняла, что, когда он сказал «они оба», то второй была я! Мне кажется, что в этот момент я была не в себе. Я сказала им, что без четверти восемь должна приехать полиция, чтобы узнать, как у вас дела и поняла, что Джони взбесился, но Полден только рассмеялся мне в лицо.

Она на мгновение задумалась.

— Я не помню точно, но, кажется, он сказал, что вы слишком хорошо известны в Парадиз-Сити своей манерой работать в одиночку и что вам и в голову не придет вызывать за собой полицейскую машину.

— У меня такое впечатление, что Полден знает меня,— заметил я скромно.

— Именно тогда он употребил выражение, которое я не могу повторить, я забыла... подождите... кажется, он сказал: «Это одинокий волк...»

— Он и в самом деле знает меня очень хорошо,— заметил я, послав ветровому стеклу обворожительную улыбку.

— Вспомнила! — неожиданно воскликнула она, щелкнув пальцами. — Вот что он сказал точно: «Это маниакальный головорез!»

— Подлец, кретин, — пробормотал я, — как можно до такой степени ошибаться в людях!

Было более восьми часов, когда мы приехали ко мне. Я сразу пошел на кухню приготовить какие-нибудь экзотические напитки, например, виски с содовой. В это время Марджи веселилась, как сумасшедшая, рассматривая мою квартиру. Она веселилась до тех пор, пока не столкнулась с зеркалом. За свою беспорядочную жизнь я слышал разного рода звуки, заставляющие шевелиться волосы на голове. Но ни за что на свете я не согласился бы еще раз услышать страдальческие стенания Марджи. Затем хлопнула дверь в ванную, и я не видел свою гостью в течение сорока пяти минут.

Куколка, выпорхнувшая из ванной, показалась мне младшей сестрой Марджи. Хорошо расчесанные волосы локонами спадали на плечи, краска исчезла вместе с неприятным выражением лица. Она освободилась от жалких остатков парчового платья и комбинации, которые я разорвал. Увидев ее в белом лифчике без бретелек и в белых трусиках, я вдруг понял, что красота — только вопрос пропорций. Ее маленькая грудь великолепно гармонировала с тонкой талией. У нее были округлые бедра, тонкие и красивые лодыжки. Почти смущенно она дошла до дивана и села на него.

— Я бы с удовольствием оделась, — нервно сказала она, — но у меня ничего нет.

— Одеться было бы преступлением, — уверил я ее.

— Вы шикарный тип, Ал, — сказала она. — Во всяком случае, иногда. Вы согласны разделить свой диван с гостей?

Я передал ей стакан, сел рядом с ней со своим стаканом в руке. Я дал ей хорошую дозу виски, так как сам уже выпил три порции и ей трудно меня догнать. Поднеся стакан к губам, она очаровательно улыбнулась мне и поставила стакан, наполовину опорожненный.

Я спросил:

— Вы голодны?

— Умираю от истощения, но с этим можно подождать.

— Подождать чего?

— Как я вам уже сказала, Ал, вы шикарный тип, но только иногда. Остальное время вы полицейский.

— В данный момент я не вижу, какое это имеет значение.

— Нам надо все поставить на свои места,— сказала она, вдруг посерьезнев.— Что-то подсказывает мне, что настоящий Ал — полицейский и ничего больше. Сейчас моя судьба зависит во многом от того, кто вы на самом деле, так что я даже не могу смотреть на все без содрогания.

Она поднесла стакан к губам и отпила приличную дозу.

— Надо чтобы вы кое-что узнали,— сказала она.— Я совсем не держалась за Поля Трайверса, даже в начале нашей совместной жизни. Я вышла замуж восемь лет назад, и вот уже два года, как он проводит ночи везде, кроме дома.

— Марджи, ничто не обязывает вас...

— Замолчите,— прервала она.— Когда я позвонила вам, то думала, что расскажу только то, что захочу, и умолчу о компрометирующих деталях. Но я достаточно притворялась три месяца и вылечилась от этого на весь остаток своих дней... Я...— Она схватила стакан и залпом выпила до дна. Когда она поставила его, ее глаза были влажными от слез.— Я сказала вам, что никогда не любила Поля, это правда,— прошептала она.— Но теперь, я уверена, что он мертв, и это моя вина. Если даже не я нажимала курок, предположим, что они застрелили его из револьвера, я так же, как и они, ответственна за его смерть.

— Я принесу вам выпить,— сказал я, протягивая руку за ее стаканом.

— Позже,— отрезала она.— Выслушайте все до конца, лейтенант, со всеми подробностями, даже самыми неприятными.

— Договорились,— пробурчал я.— Но разрешите мне задать вам несколько вопросов, чтобы сориентироваться.

— Полицейский до кончиков пальцев! — сказала она, с отчаянием пожав плечами.

— Прежде всего, что такое фирма «Трайверс, Полден и К°»?

— Предприятие. В основном, машиностроительное. Клиентура, в основном, среди предпринимателей, которые связаны с коммерсантами Сан-Диего.

— Прекрасно. А чем они занимаются на самом деле?

Марджи посмотрела на меня с нескрываемым удивлением.

— Как? Вы не знаете?

— Нет,— честно ответил я.— Я никогда ничего не слы-

шал об этом. До тех пор, пока не обнаружили тело Нины Росс.

— А вы думаете, я много знаю? — сказала она, медленно покачивая головой. На ее губах промелькнула улыбка. — То, что я собираюсь рассказать вам, я знаю наизусть, так как Поль часто повторял это: «Надо жить в ногу с временем, малышка. У нас крупные дела. И первое требование — это расширить их по всем направлениям. Что такое маленькое предприятие? Группа маленьких дел, сосредоточенных в одних руках. Централизация — и ничего больше. Следовательно, кому надо помогать в наши дни в первую очередь? Маленькие предприятия лопаются. Основываются другие. Но если лопнет центральная организация — все пропало. Значит надо организовывать дирекцию среди маленьких предприятий, рискуя провалить их все сразу. Я скажу тебе, что надо делать. Ты выбираешь город, расположенный в ста шестидесяти километрах от центральной организации. Таким образом ты покупаешь ее легальное предприятие; важно, чтобы оно было респектабельное и существовало уже давно. Именно там ты и устраиваешь дирекцию. Придут проверять — у тебя законный бизнес. Ты даже можешь стать уважаемым гражданином. Ты жалуешься жителям своего квартала на полицейских, что они обходят парикмахера, у которого, как всем известно, маленький притончик...» Вы знакомы с такого рода разговорами, Ал? — добавила она с улыбкой.

— Думаю, да. Значит, общество «Трайверс, Полден и К°» на самом деле руководило преступным синдикатом в районе Сан-Диего — и так как она согласно кивнула, я заметил: — Организация не так значительна, чтобы быть независимой... На кого работает ваш муж?

— На Джо Карлоу, так называемого Серенга, в Делтройте. Но не спрашивайте меня, кто партнер Джо, я ничего об этом не знаю. Но он, конечно, тоже имеет патрона. Иногда я задаю себе вопрос, не покрывает ли синдикат своей сетью всю страну, вам ясно, что я имею в виду? Думают, что достигли вершин, и вдруг обнаруживают, что вокруг никого нет или что тип, занимающий какой-то пост, работает для другого парня, а тот для другого... Короче, это бесконечно...

— Именно Поль Трайверс приходит в голову. Я думаю, что это он командует сектором в Сан-Диего.

— Верно. Джо дал ему в помощь Данея Полдена, потому что он хотел, чтобы Дан поучился у кого-нибудь, кто знает дело. Джо хотел, чтобы Дан мог управлять

каким-нибудь сектором. Когда подумаешь об этом, то просто смешно.

— В самом деле?

— Смешно до слез,— уточнила она.— Короче, Даней Полден приехал около полутора лет назад,— это правая рука Поля. Полден привез свою собственную правую руку, эту морду, Джонни Крейстала. Я знаю, что это не нравилось Полю, но Джо настаивал, Поль ничего не мог сделать. Со временем Полден и Крейстал примелькались, часто бывали у меня. Дан держался высокомерно, он не был никогда сердечным. Таких людей я видела каждый день в своем квартале Ле Вале, но те руководили частными предприятиями. Понимаете, что я хочу сказать? Люди, думающие, что они однажды окажутся на вершине, дожидаясь этого, опасаются заводить друзей, потому что они не знают, как отвязаться от них впоследствии.

— Вот почему я люблю работу полицейского,— сказал я рассеянно.— Нет необходимости принадлежать к определенному социальному классу. Имеешь дело со всеми. И все обязаны отвечать тебе.

— Джонни был не такой, как Полден,— продолжала она, будто не слыша меня.— Он всегда казался душевным, полным внимания. Он относился ко мне, как к женщине, а это немало. Два раза Поль и Дан уезжали в Сан-Диего, а Джонни оставался здесь. Он навещал меня, и мы болтали по два-три часа, попивая вино. Вы понимаете — как товарищи. А потом, шесть месяцев тому назад, Поль и Дан уехали, на этот раз на десять дней. Однажды вечером, часов в десять, Джонни пришел ко мне пьяный как никогда. Я усадила его в кресло, заставила выпить кофе. Он в конце концов смог объяснить более или менее членораздельно. Я не поняла всего, что он сказал, но уловила главную мысль. Он сказал, что больше не может, что никто не смеет обращаться с ним по-хамски, даже Поль. Он досадила ему. Дан был в Сан-Диего один, а Поль — с девицей по имени Диана Эриот. От ярости я стала дрожать. Затем Джонни пришел в себя. Вы догадываетесь, чем это кончилось? Джонни ушел от меня через пять дней накануне возвращения Поля. Короче, дело обстояло так. Поль все свое время проводил с крошкой Эриот, а я с Джонни Крейсталом. Самое главное я поняла слишком поздно. Я была так глупа, что Джонни все это время пользовался мной, чтобы шпионить за Полем. Он расспрашивал меня о людях, которых Поль мог встретить в Детройте, не расстроился ли Поль, что в одну ночь закрыли четыре

тайных притона. Если я не могла ответить ему сразу, он старался выведать это у Поля при первой возможности. Поль всегда доверял мне и, конечно, думал, что ничего не изменилось, даже если он все ночи проводил в постели другой женщины. Но через два месяца произошла катастрофа. Поль заявил мне, что едет на неделю в Сан-Диего. Я не знала, обманывает ли он меня — мне было наплевать. Джонни должен был прийти ко мне в восемь. Он не пришел. Я прождала его до полуночи, потом легла. В три часа ночи Джонни приехал с Полденом. С Полденом были три гориллы.

Полден заявил, что не знает, как рассказать мне о случившемся. Оказывается Поль систематически обворовывал кассу. Заметили это только сегодня утром. Исчезли около ста пятидесяти тысяч долларов, а с ними Поль и Диана Эриот. Удалось узнать, что Поль и Диана в Южной Америке. Полден успокоил меня: никто не считает, что я замешана в этом; но что они обязаны принять меры предосторожности. Полден уже позвонил Джо в Детройт и приказал следующее: гориллы останутся у меня некоторое время, а мне запрещено выходить. Никто, конечно, не думает, что Поль такой идиот, чтобы вернуться, но нельзя рисковать, надо на всякий случай быть на месте, если он все-таки допустит такую оплошность. И есть, прибавил Полден с рассеянным видом, еще кое-что: Джо уже нанял убийцу, чтобы свести счеты с Полем. А эти убийцы-мошенники достаточно глупы и могут забыть, что их работа не касается миссис Трайверс.

Первые две недели прошли спокойно, я была слишком угнетена тем, что случилось, чтобы противиться. Я говорила себе, что если кто-нибудь и знал Поля, то это я. Он совершенно не способен взять из кассы деньги. Ни разу за все это время Джонни не навестил меня. Прошел месяц. Мало-помалу он становился для меня рыцарем. Однажды, когда он пришел в очередной раз, я бросилась ему на шею и поцеловала. Он ударил меня по губам. Затем объявил, что между нами все кончено. И если бы я не была шлюхой за сто центов, я давно бы это поняла.

Следующий месяц я провела дома в компании трех горилл. Надо было постоянно наблюдать за Питом! Стоило нам оказаться в одной комнате, как он начинал раздевать меня взглядом. Я старалась все время быть вместе с тремя парнями и в конце концов преуспела в этой игре. А сегодня после обеда я услышала по радио, что обнаружили труп Дианы Эриот.

— Вы именно поэтому позвонили в полицию?

— Отчасти,— ответила она,— только из-за Дианы Эри-от я поверила, что Поль мог украсть деньги... из-за нее. Он ее безумно любил, я знала это. Я думала, возможно, он потерял голову и совершил эту глупость. Но когда я узнала, что она мертва и что нашли ее труп и не нашли труп Поля, я поняла, что вся эта история выдумана. Это кто-то другой украл сто пятьдесят тысяч долларов и свалил все на Поля. Нужно предпринять необходимые меры. Понимаете, какие?

— Две, Марджи,— вежливо заметил я.— Первая хочет убедиться, что ее муж уже не может действовать, вторая — спрятать его так, чтобы никто не мог найти.

— Иначе говоря, он мертв. Он был мертв уже тогда, когда Дан и Джонни приезжали ко мне.

Я посмотрел на нее с некоторым любопытством.

— Но почему вы так хотите узнать кто я — только ли грязный полицейский? С точки зрения закона, вас ни в чем нельзя упрекнуть. Вы не замешаны в дела синдиката, вы только жена парня, управляющего одним сектором. Я могу от вас требовать только одного: чтобы вы выступили свидетельницей на суде.

Она внезапно отвернулась.

— Это не все,— сказала она дрожащим голосом.— Есть еще кое-что и я хочу рассказать вам об этом, но я чувствую, что не в состоянии! Это слишком отвратительно! Это слишком мерзко! Я не могла бы никому этого рассказать...

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Я старался утешить ее, но рыдания только усилились. Тогда я налил полстакана чистого виски и подал ей. Она вырвала стакан у меня из рук и решительно опорожнила его.

— Еще,— сказала она, протягивая мне пустой стакан.

Я снова вышел в кухню. Когда я вернулся, Марджи лежала поперек дивана, положив руку под голову, и тихо посапывала. Я накрыл ее одеялом и, перед тем как уснуть, выпил ее виски.

Утром я проснулся в восемь часов, зашел в комнату и обнаружил, что Марджи исчезла. На столе лежала записка:

«Ал! Спасибо за все. Я взяла вашу куртку. Она на пять сантиметров ниже моих колен, и никто (по крайней мере, я надеюсь) не подумает, что на мне ничего нет. Более того, я опустошила ваш кошелек — взяла ровно 37 долларов. Мои бриллиантовые серьги у вас на комод, будьте любез-

ны, сохраните их. Мне надо обдумать свои проблемы. Потом я вернусь. Целую вас. Марджи.

Р. S. Животное! Я вся покрыта синяками!

Р. Р. S. Почему вы не воспользовались моим вчерашним состоянием, чтобы обесчестить меня! Может быть, попытка была бы не лишена интереса!»

7

Когда пробило 11 часов утра, мы уже 90 минут были в бюро шерифа. Первые 45 минут Лоэрс описывал кошмары, которые он испытал накануне из-за моего отсутствия, следующие 45 минут я описывал ему собственные приключения.

В дверь два раза неторопливо постучали. Вошла Анабель Джексон.

— Пришел доктор Мэрфи, шериф, — объявила она. — Он хотел бы минутку поговорить с вами.

— Почему нет? — крикнул Лоэрс, — приятно поговорить с кем-нибудь знающим свое дело.

— Вы не должны так плохо думать о своих способностях, шериф, — запротестовал я с радостным видом. — Я могу назвать вам, по крайней мере, трех жителей этого города, которые считают вас первоклассным шерифом...

Его круглые щеки порозовели от возмущения. Он воскликнул:

— Ты... Ты... — он чуть не задохнулся и на мгновение замолчал. — Мисс Джексон, зовите доктора Мэрфи.

— Слушаю, шериф, — с энтузиазмом ответила она, бросив на меня убийственный взгляд.

Не знаю, почему она всегда была на стороне Лоэрса. Я любезно улыбнулся ей и очень вежливо спросил:

— Извините, мисс Джексон, это ваши трусики валяются позади вас?

Она яростно фыркнула и выбежала из кабинета. Лоэрс с интересом посмотрел на пол.

— Я не вижу никаких трусиков, — кисло сказал он.

— Должно быть, я стал жертвой оптического обмана.

Вошел доктор Мэрфи. Он как всегда напоминал скелет, который несколько лет пролежал на солнце.

— Садитесь, доктор, — поспешно воскликнул Лоэрс. — Очень приятно иметь дело с умным человеком.

Не обращая внимания на ироническую улыбку Мэрфи, я сделал вид, что зеваю. Через несколько секунд я забарабанил пальцами по столу.

— Перестаньте,— проворчал шериф.

— Извините, патрон,— смиренно ответил я.— Я взволнован слишком интеллектуальным поворотом беседы с доктором Мэрфи.

— Запрещаю вам обращаться со мной, как с идиотом, трепач! — бросил Мэрфи.— Я ненавижу вашу вульгарность. Я зашел отдать акт медицинской экспертизы. Но если это никого не интересует...

— Меня это интересует,— мрачно прервал его шериф,— но боюсь, что только меня одного.

— Скажите мне, шериф,— примирительно заметил я,— мочились ли вы в постель, когда были малышом?

— Что? — зарычал он.

— Мне говорили, что этим можно объяснить отрицательные тенденции в развитии личности... конечно, это только гипотеза,— закончил я, пожав плечами.

— Уиллер! Предупреждаю вас! — прорычал он.— В будущем держите при себе свои дурацкие гипотезы!

Доктор Мэрфи тактично продолжал беседу. Он выпрямился, вынул из кармана какую-то вещь и бросил ее на стол шерифа, объявив мелодичным голосом:

— Господа, оружие убийства!

Я поднялся, чтобы посмотреть. Лоэрс притворился, что не видит, как я взял кинжал и подбросил его на руке.

— Флорентийский кинжал? — спросил я у Мэрфи, нахмутив брови.— Мне кажется, что вы говорили о золотой инкрустации?

— Первый раз за двадцать, даже за двадцать пять лет, я признаю, что попал пальцем в небо,— охотно ответил он.

Я продолжал:

— Это можно купить у барахольщика за доллар и пятьдесят центов, самое большее.

— Пятьдесят центов и конец! — бросил шериф.

— Я обожаю малышей,— внезапно произнес Мэрфи.— У меня их было даже трое. Поверьте мне, сейчас самое время и место для игры.

— Может быть, вы и правы,— обиженно ответил шериф.— В самом деле, на этот раз у нас с Уиллером веские аргументы. Если мы не хотим поражения...

— Может быть, мы поставим следственный эксперимент на докторе, патрон? — предложил я.— Когда он обернется, вы ударите его по голове. А я в это время сниму с него костюм и перережу большую артерию. Затем его отвезут в морг и...

— Может быть, замолчите? — предложил Мэрфи.

— Я думаю, вы правы,— кивнул я.— Ну, так что там в вашем медицинском заключении?

В его глазах мелькнуло сочувствие.

— Я предпочел бы, чтобы вы снова сели,— сказал он мрачно.— Это трудно переварить.

Шериф опустил в свое кресло и запротестовал.

— Что вы такое говорите, доктор?

— Ал,— сказал Мэрфи, повернувшись ко мне.— Вы видели труп раньше меня. Много было крови?

— Немного. Почти что не было.

— Совершенно верно...— он закусил губу.— Я констатировал, что нож вошел в солнечное сплетение и вышел в спине, вы помните?

— Помню?

— Ну, так малютка Эриот была убита не этим ударом,— он глубоко вздохнул. Я очень хорошо знаю, что убийцами часто бывают маньяки, но было бы желательно, чтобы существовали пределы их изобретательности.

— Например? — гаркнул шериф.

— Первый удар перерезал вену,— медленно объяснил Мэрфи,— жертва должна была потерять много крови... Убийца вытер нож, а затем снова погрузил нож в рану. Только теперь нож прошел прежним путем.

— Это важно для установления часа смерти, доктор? — спросил я.

— Смерть наступила на два часа раньше, чем я предполагал. Я еще не совсем уверен в этом. Убийцы порой настолько ненормальны, что от этого сам можешь свихнуться.

— В самом деле? — воскликнул шериф.— Это напомнило мне то, что написано в рапорте по поводу маски и ножа. Отпечатков пальцев на ноже нет. Что касается маски, то это грошовый пустячок, который можно найти в магазинах. Клиент сам проделывает в нем дырки для дыхания. Я думаю, что маску переделал сам убийца. Он приклеил кусочек белого меха, который, возможно, отрезал от старого ковра, и нарисовал глаза,— он повернулся ко мне с заинтересованным видом.— Можно бы сказать, что виновнику было очень трудно скомпрометировать вашего товарища, специалиста по демонологии, Уиллер!

— Возможно,— согласился я.— Я вскоре навещу его и крошку Росс. Они последние, кто видел Диану Эриот в тот знаменательный вечер, когда она, обуреваемая ужасом, решила искать убежища в больнице. Логичен только

один вывод: она присутствовала при убийстве Поля Трайверса. Согласны?

— Согласен, — проворчал шериф, — к сожалению, прежде чем представить этот аргумент, мы должны найти труп Трайверса.

— Великолепно! — сказал я. — Он исчез два месяца тому назад. От него теперь немного осталось, а, доктор?

— Прошу вас, — запротестовал Мэрфи, — я составляю меню своего завтрака...

Шериф передал мне несколько листков.

— Полами принес мне то, что вы вчера просили.

Я быстро пробежал глазами документы. Сторожа у решетки ночью не заметили ничего особенного. В деле Нины Росс были даты, названные доктором Мойбергом: жертва провела в больнице семь недель и уехала оттуда за неделю до убийства. Полами старательно приводил лишенные всякого интереса показания разных сиделок.

— Скажите мне, доктор, — спросил я, — сколько весила Диана Элиот?

— Как ни странно — около пятидесяти килограммов: кости тонкие.

— Что вы хотите этим сказать, Уиллер? — проворчал шериф.

— Я думаю, не придаем ли мы слишком большого значения больничной ограде? Два с половиной метра в высоту. Угол, в котором был найден труп, по крайней мере, в ста метрах от решетки, патрон. Можно остановить в этом месте на улице машину так, чтобы не слышали сторожа. Нормальный парень способен поднять пятьдесят килограммов и перекинуть через стену. Это могут даже две женщины.

— У меня впечатление, что вы правы, — сказал шериф, — если преступник — кто-нибудь из пациентов, то почему он не воспользовался теми семью неделями, которые жертва провела в больнице?

— Вот именно, — сказал я восхищенно. — Если вы не возражаете, патрон, я примусь за дело?

— Вам нужен сегодня Полник?

— Нет, но было бы хорошо, если бы вечером он был со мной.

— Ладно. В таком случае, я скажу, чтобы он шел отдыхать.

— Я честно выслушал вас обоих, — сказал Мэрфи. — Но не впадайте в крайности — это отвратительно.

— Этого не будет, — ответил шериф.

Когда я закрывал дверь бюро, то увидел два блестящих глаза, полных ненависти.

— Я ненавижу вас, Ал Уиллер! — прошептал голос.

Неуклюжие парни попадают на каждом шагу. Я поспешил к двери и как только перешагнул порог, стальная линейка попала точно в то место стены, где должна была находиться моя голова, если бы я был неловок. Почти точно.

* * *

Вместо того, чтобы поехать в Пинод, я решил сначала зайти в синдикат. Я дошел туда меньше, чем за десять минут. На фасаде большими буквами было написано: «Трайферс, Полден и К°». Вход охраняла какая-то странная личность, которая, казалось, только что сошла с экрана, чтобы жить с нормальными людьми, и еще не оправилась от этого.

— Эй,— обратился он ко мне с любезностью, достойной двадцатого века.

— Я хотел бы повидаться с мистером Полденом.

Но парень уже исчез. Молниеносно я покинул реальную действительность, где правил этот цербер, и был доставлен в бюро мистера Полдена, расположенное на втором и последнем этаже здания.

Я впервые видел Полдена близко. Солидный, с широкими плечами. Его загорелое лицо выражало упорство, из-под черных густых бровей на меня холодно и недоверчиво смотрели серые глаза.

— Вы — Уиллер,— сказал он, не вставая.— Я — Даней Полден.

— Вчера в Ле Вале мы, кажется, разминувшись,— очень приветливо сказал я.

— Садитесь, лейтенант,— он указал на кресло.— Я как раз думал о том, во что вы захотите играть сегодня вечером.

— Во что? — спросил я развязно, пожимая плечами.— Неприятности не могут помешать игре. Думаешь, что это вопрос жизни и смерти. Но наутро, когда возвращаешься с работы, об этом уже все забыли.

— Неплохо,— сказал он,— я слышал о вас, лейтенант.

— Я — единственный маниакальный головорез в местной полиции, так ведь?

— Беру свои слова обратно. Но ведь вы пришли не ради удовольствия поболтать со мной, лейтенант?

— Я спрашиваю и, разумеется, официально, какие у вас новости о вашем старом компаньоне Трайверсе? Поле Трайверсе?

— Абсолютно никаких. А у вас, лейтенант?

— Никаких.

Несколько секунд мы молча рассматривали друг друга.

— Поскольку вы здесь, не хотите ли этим воспользоваться и осмотреть предприятие?

— Охотно!

Осмотр занял у меня полчаса, так как Полден не из тех, что делает все наполовину. Мы прошли оба этажа и подвал, и я насмотрелся на всю жизнь.

— Честное слово, лейтенант, вы видели все!

— Если бы у вас был случай вернуть ваши сто пятьдесят тысяч официальным путем, мистер Полден, отдали бы вы дело в руки полиции?

— А как же,— не колеблясь, ответил он.— Происхождение этих денег — самое законное. Налоги уплачены и все такое. Нам не в чем себя упрекать, лейтенант!

— По-видимому. Не хотите ли показать мне место, откуда исчезла эта сумма?

Секунду он поколебался, затем сурово посмотрел на меня и спросил:

— Вы случайно не разыгрываете меня?

Я попытался, чтобы до него дошел голос разума.

— Если вы, как сами утверждаете, расположены предъявить свои права на эти деньги, предполагая, что их найдут, вы имеете право надеяться, что полиция сделает все возможное, чтобы их найти.

Глаза его стали по блюдцу. Но он быстро овладел собой.

— Вернемся в мое бюро...

Соседняя комната, теперь пустая, была кабинетом пропавшего Поля Трайверса. Она была немного больше, но мебель была почти такая же, как и в кабинете Полдена. Там тоже, как мне объяснил Полден, стена против двери выходила на улицу.

Он нажал кнопку, и панно, закрывающее стену, сдвинулось, и под ним оказался сейф.

— Эта машина нам дорого стоила, лейтенант.— Инженеры фирмы, продавшей ее нам, помучились, прежде чем установить ее здесь, а они не идиоты. В ней, черт знает, сколько автоматических систем, и фирма уверяла, что секретная комбинация абсолютно не поддается расшифровке.

— Однако его открыли,— заметил я скептическим тоном.

— Это тоже было предусмотрено. Инженеры хорошо все рассчитали: заряд взрывчатки, достаточный. чтобы разнести сейф, направляется автоматически через эту стену во двор, где у нас мастерская старых машин.

— Очень предусмотрительно.

Полден сухо сказал:

— Не предвидели только то, что один из двух человек, знавших комбинацию, придет однажды вечером и стянет сто пятьдесят тысяч долларов.

— Больше никто не знал комбинацию?

— Никто.

— Даже Джонни Крейстал?

— Даже Джонни,— коротко ответил он.

— Вот какие дела я предполагаю,— совершенно искренне сказал я.— С самого начала все понятно. Виновник уже известен: или вы, или Поль Трайверс.

— Я все время здесь, лейтенант,— заметил он иронически.— Трайверс же исчез и деньги тоже.

— Совершенно верно.

В то время как он ставил панно на место, я подошел к окну, во дворе мастерская работала вовсю, и слышался невыносимый металлический лязг.

— От этого за полчаса можно сойти с ума,— сказал Полден, с яростью захлопнув окно.— Когда они только собирали этот хлам, было еще ничего, но теперь, когда они начали работать — это стало невыносимо.

— Когда это началось?

— Вчера...— он сделал гримасу.— Если так будет продолжаться, то мы съедем еще до конца недели.

Он проводил меня до ограды.

— Счастлив был вас увидеть, лейтенант.

— Я тоже, мистер Полден. Я столько слышал о вас, особенно в последние дни.

Его лицо осталось бесстрастным, это произвело на меня какое-то впечатление.

— Я в курсе всех дел и всего, что мадам Трайверс знает о вас, о своем муже, о Джонни, об этом старике Серенге. Всего! Но, между нами, мистер Полден, это очень немного!

— Это невозможно!

— Это факт. Такой же факт, как доброе здоровье мадам Трайверс. Мне кажется, нет причин, чтобы в бли-

жайшие сорок — пятьдесят лет ее здоровье ухудшилось. А вы как думаете?

— Так же!

— Я счастлив, что вы так говорите, мистер Полден,— закончил я голосом, полным восхищения,— потому что я это запомню.

* * *

Его звали Сэм. От солнца его лицо приобрело цвет красного дерева, и он болтался во дворе, с того самого дня, когда сюда привезли первую разбитую машину.

— Уже два месяца...

Он поднял глаза на стену соседей, закрыв один глаз, чтобы нацелиться на окно, которое я показал ему. Затем задумчиво почесал подбородок.

— С тех пор починили много машин. Вы говорите прошло два месяца?

Вдруг глаза его округлились, и он воскликнул:

— Осмотрите три первые кучи в том углу!

Эти три кучи показались мне похожими на монументы, воздвигнутые в честь двадцатого века, но я не спорил.

— Я пришлю вам двух парней. Они останутся здесь, пока вы будете работать. Вы можете предоставить нам одну из ваших колымаг, чтобы переместить все эти железки?

— Это можно,— сказал он, качнув головой.

— Служба шерифа покроет все расходы.

Я еле-еле удержался от гримасы, представив себе лицо шерифа, когда ему предоставят счет.

— Ну, так мы начнем,— сказал Сэм,— до скорого, лейтенант.

— Рассчитывайте на меня,— ответил я.

— В конце концов, что мог сделать убийца с трупом? — рассуждал я, идя к машине. Мне показалось, что я слышу насмешливый голос. «Нет, ты смеешься?» — прошептал ехидный голос. — «Предприятия им мало?» Я возразил: «Мы только что посетили его. Там ничего нельзя спрятать, все было бы заметно». Ехидный голос продолжал: «Кто тебе сказал, что убийца спрятал труп? Ему было достаточно поместить его в один из ящиков и отправить Бог знает куда. На Гавайи, например, на Аляску или в Китай медленной скоростью?» Я несколько минут обдумывал эту гипотезу. «Иди-ка к черту!» — ответил я без особой уверенности. А насмешливый голос продолжал: «Иди сам туда со своими

кучами лома. Когда парни их разберут, ты очень хорошо знаешь, что будешь обязан сделать, милый мой! Заплатить за то, чтобы они сложили все на старое место!»

8

В послеобеденное время я остановил свою машину на вершине гребня над Ля Пинед и пешком пошел к вилле Нины Росс.

Я перепрыгнул через цементный барьер с тайной надеждой в сердце, но на этот раз дверь была закрыта, и я вынужден был позвонить.

Через мгновение Нина открыла мне. Она не изменилась. Все та же брюнетка с пучком на затылке и локонами на лбу. Но ее карие глаза утратили приветливое выражение.

— А, это вы, лейтенант,— сказала она недобро.

— Да, это я, мисс Росс,— ответил я.— Я думаю, что нет особой разницы между сыщиком и рыночным полисменом. Они оба самое лучшее время проводят в беседе с людьми, которым задают смешные вопросы.

— Извините меня,— сказала она, покраснев.— Войдите же!

— Благодарю вас,— смиренно ответил я, следуя за ней в комнату.

На ней были темно-зеленая рубашечка и чрезвычайно короткие белые шорты, целиком открывающие длинные красивые ноги. Она предложила мне выпить, и я, поблагодарив, согласился. Нина приготовила коктейли, принесла стаканы, и мы сели со стаканами в руках.

— Я не хотела бы показаться невежливой, лейтенант,— чистосердечно сказала она после долгого молчания.— Но я с минуты на минуту жду одного человека. Так не думаете ли вы, что...

— Джонни Крейстала? — предположил я.

— Точно,— подтвердила она, закусив губу.

— Великолепно! Мне как раз надо его увидеть. Это даст мне возможность выиграть время.

— Я счастлива,— сказала она тупо.

— Вы не получили чемоданы, которые брала у вас Диана Эриот?

— Нет,— ответила она, пожав плечами.— И признаюсь, я их немного желаю, это были превосходные чемоданы.

— В самом деле, досадно. Вы не думаете, что она могла оставить их в больнице?

— Маловероятно, по-моему. Она должна была, уезжая, взять их с собой. Впрочем, я справлялась. Старая жаба, с которой я имела дело, уверила меня, что у Дианы был только один чемодан и, по описанию, не мой. Но кто знает? Может быть, обслуживающий персонал там тоже ненормальный?

— Да. Ваши чемоданы, которыми скорее всего воспользовалась Диана, по-видимому, находятся там, где она провела неделю после выхода из клиники. Но это, к сожалению, ничего не проясняет.

Я отпил виски и широко улыбнулся Нине:

— Мисс Росс, я должен извиниться перед вами за вчерашнее.

— В самом деле? — спросила она, нахмурясь.

— Я упрекал вас за то, что вы до последней минуты не спрашивали меня, почему я подумал, что жертвой были вы? Помните?

— Помню, лейтенант, — пролепетала она.

— Так вот, я был неправ. Я слишком многого хотел. Я был прав, задав вам этот вопрос, но я ошибался в причинах.

Она некоторое время смотрела на меня потухшими глазами, а затем довольно искренне воскликнула:

— Но я ничего не понимаю из того, что вы говорите, лейтенант!

— Вы не задали вопрос, который напрашивался, потому что у вас не было никакого желания вмешиваться в это дело, — объяснил я, взвешивая каждое слово, — а не потому, что вы заранее знали ответ, как я думал сначала.

— Это слишком жалкое объяснение, — враждебно бросила она.

— Но вы, как Марджи Трайверс, у вас нечистая совесть. Вас давит стыд. Вот почему мое присутствие вас так нервирует.

Она растерянно посмотрела на меня. Если бы не загар, то было бы видно, как посерело ее лицо.

— Я не понимаю, на что вы намекаете, — пролепетала она. — Вы сумасшедший или кто?

— Могу я задать вам один вопрос, немного интимный, мисс Росс?

— Какой же?

— Вы в самом деле модельер?

— Конечно, почему вы об этом спрашиваете?

— Я подумал, что это просто занавес, дающий возможность Джонни оплачивать дом и ваши счета.

— Вы меня оскорбляете, лейтенант, — в глубине ее глаз вспыхнуло бешенство. — Я вам бесконечно благодарна, но обойдусь своими силами.

— С каких пор вы знаете Джонни Крейстала?

— Это мое дело!

— Мисс Росс, — грозно сказал я, нахмутив брови, — вы думаете, я задаю вам эти вопросы для развлечения? Я расследую дело об убийстве, в котором жертвой оказалась одна из ваших подруг.

— Извините, лейтенант, — прошептала она. — Я знаю Джонни год, может быть, больше.

— Как и чем он зарабатывает на жизнь? Вам это известно?

— Разумеется. Он помощник директора одного из складов в Пойн-Сити.

— «Трайверс, Полден и К°», — вздохнул я. — Я скажу вам правду, мисс Росс, хотя сомневаюсь, чтобы вы были расположены ее выслушать.

— Правду о Джонни? — спросила она, резко вскинув голову.

— Этот склад — симуляция. Трайверс и Полден занимаются всяческими незаконными операциями, проводимыми гангстерами в районе Сан-Диего. Трайверс исчез, и я уверен, что он мертв, убит. Как Диана Эриот. Теперь во главе сектора стоит один Полден, а также его правая рука — Джонни Крейстал!

— Я не верю вам! — воскликнула она, по-детски заткнув ладонями уши. — Я не хочу этому верить!

— Чему ты не хочешь верить, кошечка? — спросил голос из вестибюля.

— Джонни!

Нина вскочила с кресла навстречу Крейсталу, кинулась ему в объятия и стала целовать его, плача и смеясь одновременно.

— Милый! — воскликнула она, тесно прижавшись к нему. — Лейтенант рассказывает ужасные вещи о тебе, я больше не могу! Вбей ему в глотку всю его ложь!

Я с удовольствием отметил, что лоб Джонни Крейстала украшала огромная разноцветная шишка, как раз между глаз. Он все еще держал Нину в объятиях, но его глубоко сидящие голубые глаза сверкали ненавистью. Однако его былая надменность немного отдавала боязнью.

— Вы в великолепной форме, Джонни, — констатировал я. — Конечно, кроме лба. Вы, должно быть, наткнулись на стену или на что-нибудь в этом роде...

От бессильной ярости у него расширились зрачки и он задрожал всем телом.

— Подожди, осел, ты у меня попляшешь,— бросил он хриплым голосом.— Ты попадешься мне, лягавый! Честное слово, я прикончу тебя, даже если мне придется ждать десять лет! Я тебя утроблю!

Вдруг он выпустил девушку, повернулся и в приступе ярости принялся колотить кулаками по стене.

Нина Росс с округлившимися глазами медленно отступила. Ее ноги наткнулись на кресло, с которого она встала. Ошеломленная, она застыла, не отрывая взгляда от Джонни. И ее взгляд пугал своей настойчивостью.

Мало-помалу удары, наносимые по стене, стали терять свою силу. Наконец, они прекратились. Он облокотился о стену, уронил голову на руку и беззвучно заплакал. Нина Росс ласково позвала его.

— Джонни! — она медленно перевела на меня умоляющий взгляд.— Сделайте что-нибудь, лейтенант.

— Попросите его рассказать вам о Марджи, жене Трайверса,— зло посмеиваясь, сказал я.— Марджи составляет в жизни Джонни целую эпоху. Только два месяца назад она перестала быть ему нужной. Спросите его, каким образом он открыл Марджи, что Диана Эриот была любовницей ее мужа. Это подлость — так поступать с женщиной, подобной Марджи, поэтому он ушел от нее точно через пять дней!

— Нет, нет! — воскликнула Нина в отчаянии, а слезы так и текли по ее щекам.— Нет, я не хочу, не хочу!

— Спросите его, каким образом он воспользовался Марджи, заставив ее шпионить за мужем! Спрашивайте! Что же вас останавливает? — процедил я.— А потом муж исчез. Марджи стала не нужна Джонни. Целый месяц женщина была взаперти, а он не соизволил навестить ее. Наконец, он приходит, она бежит ему навстречу, обнимает, целует его. Спросите-ка, что он сделал в этот момент?

Нина плакала, но вдруг замолчала и отрицательно покачала головой. Тогда я взорвался!

— Ну, Джонни, выкладывай! Расскажи, что ты ударил ее по лицу и что этот удар свалил ее с ног.

Плечи Нины вздрагивали, она все время потирала лоб рукой, как будто надеясь, что это придаст ей силы.

— Его нельзя выпускать к людям. Он должен выходить только на привязи...— с отвращением сказал я.

С видимым усилием Джонни Крейстал оторвался от стены и, пошатываясь, направился к двери.

— Нет, Джонни! — простонала Нина, бросаясь к нему. — Не уходи! Ты не можешь так уйти! Не надо...

Она нагнала его, обняла сзади, он не ожидал этого и чуть не упал от толчка. В ярости он грубо вырвался из ее рук.

— Оставь меня в покое, гадина!

Его рука поднялась и опустилась. Обратной стороной ладони он ударил ее по лицу. Звук удара походил на выстрел. Нина упала на пол, а Крейстал, как слепой, вышел из дома и пошел по цементированной площадке.

Нет ничего хуже для девушки, чем любить такого парня, как Джонни Крейстал. Эти парни ничего не могут дать взамен. Я мог бы помешать Джонни, но, как все женщины в подобных обстоятельствах, Нина испытала прилив материнской любви. А чтобы убить материнскую любовь, до сих пор не придумали ничего лучше затрещины. И судя по выражению лица Нины, когда я помогал ей подняться, дело было в шляпе.

Через четверть часа ее лицо все еще было мокрым от слез, а глаза покрасневшими, но она слабо улыбнулась мне. Улыбка получилась несколько кривая, потому что губа распухла от удара Джонни. Дрожащим голосом она прошептала:

— Это называется душераздирающей сценой, лейтенант, не так ли?

— Но есть некоторое утешение, — уверил я ее. — До конца своих дней каждый раз, когда вам будет встречаться плохой человек, один из тех типов, которые разрушают девичьи иллюзии, вы можете говорить: «Но бывают люди еще хуже, есть некий лейтенант Уиллер».

— Я вам очень признательна, лейтенант, — грустно сказала она.

— Это не так, малышка. Мы непременно начинаем ненавидеть человека, который спасает нас от самоубийства, от корсаров и от джонни крейсталов, населяющих мир. А вы будете ненавидеть меня еще больше, потому что я еще не все сказал.

— Вы еще откроете мне то, что у него в Монтане жена и двое детей, — спросила она неуверенным тоном.

— Это было бы слишком просто. Нет, я хочу, чтобы вы объяснили мне, почему у вас и у Марджи Трайверс нечистая совесть? Чего вы обе стыдитесь? Что произошло?

Она покраснела и отвернулась.

— Нет, не могу.

— Нина, если дело в каком-нибудь приключении, кото-

рое вы пережили вместе с Марджи, то расскажите мне об этом, вы, может быть, спасете ей жизнь. Марджи Трайверс ушла сегодня утром, оставив мне письмо. Ей надо решить серьезную личную проблему, если все будет хорошо, она вернется. Если вы и Марджи были в заговоре с Дианой Эриот, вы поможете мне найти убийцу Дианы, рассказав об этом. Если вы чистосердечно признаетесь, что между вашим секретом и убийством Дианы нет ничего общего, не будем больше говорить об этом.

Она медленно повернула голову и посмотрела на меня своими огромными глазами.

— Проклятый тип! — сказала она наконец. — Вы правы во всем!

— Это будет проще, чем вы думаете, — сказал я тоном старшего брата, тоном который мне чертовски не подходил.

— Ну, — сказала она, тяжело вздохнув. — Так вот. Я познакомилась с Дианой в агентстве, которое рекомендовало ее мне как модель. И мы хорошо ладили. Короче, стали видаться регулярно. Однажды, когда Диана была у меня, приехал Джонни, он, оказывается, знал Джеймса Эриота, дядю Дианы. Эриот, как сказал Джонни, был демонологом. Тогда я еще не знала, что это значит. Приблизительно двумя месяцами позже Джонни снова поднял этот вопрос. Вдохновленный мартини, он как раз был не прочь порассуждать на интеллектуальную тему.

Тема приблизительно звучала так: «Человечество представляется нам сборищем карликов, которых мы, конечно, превосходим во всех отношениях...» Джонни спросил меня, не хотела бы я присутствовать на одной оргии. Сначала я подумала, что он шутит, и засмеялась. Он объяснил, что это организует Эриот, тайна личности гарантируется. Будет шесть человек, все в масках. Маски дает Эриот. У меня не было никакого желания идти туда. Мы стали спорить, и спор перешел в ссору. Джонни сказал, что между нами все кончено: он думал, что я выше этого, но понял, что ошибся, как дурак. Короче, я уступила. Я слишком боялась потерять его и не стала упираться.

— Оргия, говорите? Это слово всегда вызывает у меня улыбку. Я представляю толстых римских сенаторов, возлежащих в изнеможении, в то время как прекрасные рабыни топчут им брюхо...

— Это не совсем так... — прошептала она. — Оргия должна была состояться в Парадиз Плейдж у Эриота. Вы были там?

— Вчера.

— Не надо заблуждаться насчет этого замка. Внешне он кажется совсем маленьким. Однако внутри он просторный. Колоссальный погреб. Когда я спускалась по лестнице, у меня по спине бегали мурашки. Маленькая дружеская вечеринка должна была состояться в пятницу и начаться ровно в полночь. Но мы приехали туда к одиннадцати часам, кажется, Эриот хотел, чтобы мы успели приготовитьсь.

В момент отъезда я была настроена до такой степени нервозно, что Джонни настоял, чтобы мы выпили. Мы выпили по три или четыре рюмки. Мне казалось, что в погребе я умру от страха. Я тут же хотела вернуться. Но Джонни помешал мне. Потом приехала Диана, и Эриот приготовил нам выпивку. Была еще одна рыжая дама, как я узнала потом, это была Марджи Трайверс. Еще был какой-то тронувшийся, у него были глаза сумасшедшего. И тогда мы надели маски. Значит, Джонни солгал или ошибся, что инкогнито гарантируется. Эриот объявил, что все собрались. Тогда я поняла, что он тоже будет принимать участие в оргии, значит нас было полдюжины, четное число, что нас вполне устраивало.

Я не знаю, что добавили в вино, которое мы пили, потом я догадалась, что это был какой-нибудь наркотик, так как достаточно было выпить полстакана, и все сдерживающие центры отказывали. Без десяти двенадцать Эриот объявил, что час настал, и мы все поторопились раздеться. Затем Эриот раздал отвратительные маски, но все нашли их очаровательными.— Нина вздрогнула.— Я пришла в себя, когда пыталась убежать от кошмарного создания — абсолютно голого мужчины с головой петуха. Чертовщина! Я начала выть, но никто меня не слышал. Впрочем, если бы они и слышали, ничего бы не изменилось. Эриот следил за тем, чтобы все развлекались.— С несчастным видом она пожалала плечами: — Нам обещали оргию — мы ее получили при свете восковых свечей. Я не могу вам сказать, сколько времени это продолжалось, когда Эриот ударил в ладони, потребовал молчания. Мы собрались вокруг него, думая, что он хочет предложить нам новую игру,— она побледнела,— именно тогда оргия превратилась... в... в...

— В черную мессу? — подсказал я.

Она кивнула.

— Эриот надел что-то вроде длинного черного платья и совершенно ужасную маску рогатого сатира. В пять минут воцарилось молчание. В погребе не было слышно даже дыхания. Он произнес несколько слов, значение

которых я не поняла, затем стал кричать от ужаса и просить Черного принца принять новичков, готовых вступить в ряды поклонников сатаны. Это меня нисколько не смутило: вино уничтожило все барьеры, и мы все были совершенно безвольны.

Потом он сделал знак помешанному, на котором была маска оленя. Они пошли в глубь алтаря. Вокруг него они поставили четыре свечи и зажгли их. Затем Эриот объявил, что новички сейчас принесут жертву сатане, и показал на меня.

— Я не знала, что от меня хотят, а из-за вина совсем не волновалась. Эриот дал приказание помешанному и Джонни, — я даже не расслышала, какое. Вдруг меня подняли за руки и за ноги и положили на черный ялтарь. Руки и ноги мои дрожали, и практически я не могла двинуться.

Маска Эриота склонилась надо мною, и, несмотря на выпитое вино, мне стало страшно. Вдруг из-под платья он достал нож с обоюдоострым лезвием и стал произносить что-то вроде молитвы. Помешанный отпустил мои ноги и пошел на другой конец подвала, потом вернулся с живым цыпленком, которого подал Эриоту. Прежде чем я поняла, что случится, Эриот ударил его ножом, показалась кровь и потекла по мне... — на ее лице появилась гримаса отвращения. — Я стонала, плакала, умоляла Эриота разрешить мне встать, но меня держали до тех пор, пока из цыпленка не вытекла вся кровь.

Диану это совсем не поразило. Джонни тоже. Что же касается помешанного, то мне кажется, что эта сцена доставила ему несказанную радость. Марджи Трайверс Эриот оставил на конец. Она противилась еще яростнее, чем я. Я даже подумала, что она обезумела. Диана помогала мужчинам, но даже они не могли удержать ее в неподвижности. Чем больше она противилась, тем больше Эриот впадал в экстаз. Он не переставал причитать: «Прекрасный новичок! Идеальный новичок!» Когда, наконец, ей дали подняться, она не могла идти. Эриот принес ей стакан вина, который она швырнула ему в лицо. В течение двух секунд казалось, что он не верил своим глазам, а затем решительно направился в глубину своего подвала и вернулся с длинным хлыстом. Именно Джонни уговорил его не сечь Марджи.

— Сомневаюсь, — проворчал я.

— Все кончилось вот таким образом, — закончила Нина. — Это был первый и последний раз, когда я присутство-

вала на черной мессе. Думаю, что и другие тоже, исключая помешанного.

Неожиданно она подняла голову и улыбнулась.

— Знаете, когда это рассказываешь, то получается смешно и нелепо.

— Верно, малышка. По крайней мере, с вашей точки зрения. Я счастлив, что вы мне об этом рассказали.

Она стала зевать и потягиваться.

— Скажите, Нина, вы знаете, какая профессия у Джеймса Эриота?

— У него ее нет,— не колеблясь, ответила она.— Он в отставке.

— А вам не кажется, что он слишком молод для отставки?

— Немного моложе, чем надо, если верить Диане. По ее мнению, он самый грязный из всех, кого она когда-либо знала. «Самое досадное,— говорила она,— что он слишком ленив, чтобы зарабатывать свой хлеб в поте лица. Кажется, он находился в постоянных поисках путей для создания себе состояния. Но все его планы неминуемо рушились». Как говорила Диана, он лежит под фиговым деревом и ждет, когда фиги сами будут падать ему в рот. Даже не протянет руки, чтобы сорвать их.

— Благодарю, Нина,— сказал я, поднимаясь.

— Позвоните мне на следующей неделе, может быть, я буду полезна вам, если окажется, что я смогу жить без Джонни Крейстала. Я провожу вас, лейтенант.

— Зовите меня Ал,— предложил я.

Я оставил ее у дверей, а сам стал спускаться по почти вертикальному откосу, ведущему к дороге. Я уже был внизу, когда меня вдруг окликнула Нина: «Ал!»

— Да?

Я посмотрел через плечо и увидел, что под таким углом зрения в силуэте Нины появилось что-то возбуждающее. Она крикнула мне:

— Может быть, вы не будете ждать следующей недели и позвоните мне раньше? После всего, что вы сегодня сделали, кто же будет застегивать мне лифчик?

— Если у вас будут проблемы, позовите меня, я тут же примчусь к вам с лифчиком в руке.

Она помахала мне, повернулась и вошла в дом. Я прошел метров двести и вдруг сообразил, что прежде не видел, чтобы ее очаровательный задик так кокетливо вихлялся. Возвращаясь домой, она позаботилась о том, чтобы я не пропустил этот интересный спектакль.

«Честное слово, лейтенант Уиллер,— весело сказал я себе,— кажется, перед вами открываются новые возможности».

9

Когда я приехал в замок Парадиз Плейдж, Джеймс Эриот, наклонившись над перилами своей веранды, что-то вырезал перочинным ножом из куска дерева. Сцена была пасторальная, я даже подумал, не играет ли Эриот эту комедию, чтобы доставить удовольствие своим соседям и помешать им жаловаться на шум крыльев демонов и следы раздвоенных копыт, которые они находят на своих лужайках.

Услышав мои шаги, он повернул голову и, казалось, солнце заиграло в его седеющей шевелюре.

— Лейтенант Уиллер! — воскликнул он с широкой улыбкой. — Очень мило, что вы сдержали слово. Когда люди обещают сохранить контакт со мной, я им не верю. В наши дни важны только слова, об их смысле никто не думает, не правда ли?

— Только не полицейские, — ответил я.

— Одной из самых главных обязанностей полицейского является поддержание контактов с людьми.

— Значит, вы думаете, лейтенант, что профессия полицейского — это искусство?

— Нет, не искусство, — откровенно сказал я. — Скажем, скорее ловкость. В самом деле, многие полицейские, которых я знал, сделали на этом карьеру.

— Я в восторге, — ответил он, — но вы пришли не для того, чтобы обсуждать вопросы искусства и специальности, лейтенант?

— А вы устроились на этой веранде только для того, чтобы строгать эту деревяшку? — парировал я, — эта деревяшка не похожа на произведение искусства, а годится на растопку.

— Предлагаю договор: я бросаю деревяшку, а вы — пустую болтовню.

— Договор заключен.

Небрежным жестом он бросил деревяшку через плечо, потом посмотрел мне прямо в глаза, в его стальных зрачках металась искорка. Он сказал:

— Так о чем же вы хотели поговорить со мной, лейтенант?

— О вашем подвале и о мессе, которую там недавно служили,— ответил я.— Только об этих трюках.

— Вы пытаетесь вмешаться в мою личную жизнь? — спросил он ледяным голосом.

— Если бы это было так, мы не болтали бы здесь с вами. А что ваша личная жизнь — запрещенная тема? Я могу снять запрещение официальным путем.

— Угрозы, лейтенант?

— Если хотите,— холодно сказал я.

— Вы быстро отказались от болтовни,— констатировал он.

Он встал и потянулся, а я отметил про себя, что он хорошо сложен.

— Мои занятия довольно специфичны, признаюсь, лейтенант. Но то, что я делаю под своей собственной крышей, касается только меня.

— Оргии, мистер Эриот? — я грустно покачал головой.— Оргии — это касается полиции, под чьей бы крышей они не происходили!

— Я не организую оргий у себя дома,— сухо ответил он.— Источники вашей информации не очень точны, лейтенант.

— Мистер Эриот,— сказал я с недоброй улыбкой.— У полицейских есть некоторые привилегии, в частности, они могут не очень вежливо вести себя, если их это устраивает. Я не слишком часто этим пользуюсь, большинство моих коллег прибегают к этому чаще. Мне было бы достаточно поклясться, что я почти уверен, что в вашем подвале есть самогонный аппарат и что вы тайно гоните самогон, чтобы получить ордер на обыск и перевернуть ваш подвал вверх дном. Ну, как, хотите, чтобы мы поговорили о черной мессе?

Его лицо от бешенства покрылось красными пятнами.

— Отлично,— глухо сказал он.— Что вы хотите знать?

— Кто был этот помешанный?

— Кто-кто?

— Хорошо, я изложу вам это более возвышенно,— насмешливо сказал я.— Кто тот сумасшедший, обладающий атлетической фигурой и глазами стопроцентного идиота?

— Я все-таки не понимаю.

— Были вы, Джонни Крейстал, а кто третий?

— А! — он медленно покачал головой.— Мой молодой друг, который время от времени приезжает в Парадиз-Плейдж,— Томми Шарлоу.

— Кто этот парень? Что-то вроде дьявольского инструмента,— с интересом спросил я.

— Вы можете заставить меня отвечать на ваши вопросы, лейтенант. Но, по крайней мере, избавьте от вашего солдатского юмора.

— А что вы подмешивали в вино?

— Это было обыкновенное вино,— сказал он, пожав плечами.— Калифорнийское вино. У меня нет средств, чтобы угощать дорогими винами.

— Ваше калифорнийское вино быстро блокировало все сдерживающие центры у гостей. Мне нужно повторять свой вопрос?

— Я сказал чистую правду,— ответил он.

Я перешел к другой теме.

— Что вы хотели сказать, объявляя, что Марджи Трайверс превосходный новичок? Как мне рассказывали, она чуть не сошла с ума, пока вы орошали ее куриной кровью. Вы не находите это отвратительным, мистер Эриот? Это у вас часто бывает? — спросил я, вложив весь свой сарказм в вопрос

Казалось, что в его волосах пронесся ветер. В глазах зажегся огонь. Шумно дыша, он сделал шаг ко мне, сжимая и разжимая кулаки.

— Никаких глупостей, мистер Эриот,— сказал я спокойно.— А то я вас, как новичка, отправлю в городскую тюрьму.

Его мощный торс нерешительно покачнулся, он с силой стиснул зубы, а лоб его покрылся крупными каплями пота. Прошло несколько секунд, как вдруг огонь в его глазах погас, зубы и пальцы разжались.

— Никогда не оскорбляйте, лейтенант, убеждений других людей,— сказал он слегка дрожащим голосом.— Не забывайте о возмездии, которое ожидает вас.

— Хорошо. Я думаю, что вы объясните мне, что вы имели в виду, когда говорили «идеальный новичок»?

— Это, как целина,— ответил он более уверенным тоном.— Так же как целина, не знавшая плуга, сильна и богата, так и идеальный новичок силится оттолкнуть лапы сатаны, но как только в него попало семя, он приносит плоды, более зрелые, чем другие.

— Это, конечно, Джонни Крейстал уговорил ее посетить ваш светский прием?

— Точно,— сказал он, неожиданно кивнув.

— И вы, конечно, в последнее время виделись еще раз с вашим помешанным, с Томми Шарлоу?

— Я как раз жду его сегодня вечером. Он проведет у меня несколько дней.

— Вы, он и подвал,— прошептал я, вздрогнув.— Маленькое дружное общество.

Он глубоко вздохнул.

— Вы полностью доказали мне, что полицейские используют свою привилегию держаться по-скотски, и у меня на этот счет нет никаких сомнений, лейтенант. Но почему вы продолжаете так держаться? Чтобы развлечься? Для удовольствия? Или потому, что это возбуждает в вас чувство превосходства?

— Мистер Эриот, я совсем не прижимаю вас,— медленно сказал я.

— Я и не сомневался!

— В ту ночь вы видели еще раз Марджи Трайверс?

Он колебался всего долю секунды:

— Нет.

— Если вы встретите ее, то уйдите с дороги — это вам мой совет. Возможно, у нее будет револьвер. Не то, чтобы я слишком расстроюсь, если вас убьют, но мне кажется, что Марджи предстоят более важные занятия.

— Если я ее встречу, то скажу ей, что вас это волнует,— сказал он слегка саркастически.— Есть новости о ее муже?

— Никаких,— чистосердечно признался я.— Но надеюсь, что завтра мы кое-что узнаем. Я должен спросить вас еще о двух вещах, мистер Эриот, а потом оставлю в покое, и вы можете строгать свою деревяшку или катиться к черту — как вам будет угодно.

— Слушаю,— вежливо сказал он.

— Накануне того дня, когда ваша племянница приехала в больницу, Нина Росс одолжила ей два чемодана. Мисс Росс справлялась в больнице, этих чемоданов там никто не видел. Я обещал ей поговорить об этом с вами. Если Диана ими пользовалась, они должны быть у вас?

— Чемоданы? — казалось, он задумался, потом тряхнул головой.— Нет, я совсем их не помню. Вы уверены, что малышка Росс не ошибается?

— Кто знает? — пожал я плечами.

— Вас еще что-нибудь интересует, лейтенант? Понимаете, мне хочется скорее покончить с этим.

— Не позволите ли вы мне взглянуть на ваш подвал, мистер Эриот?

— Я с радостью покажу вам дорогу туда.

Я вошел за ним в комнату и не мог удержаться, чтобы не взглянуть на портрет, висевший над камином.

— Я вас приветствую, мадам де Монтеспан,— сказал я, галантно кланяясь. Холодные зеленые глаза пронзили меня. Они не признавали даже моего существования.

— Сюда, лейтенант...

Эриот направился по коридору, ведущему в глубь дома. Он остановился перед массивной деревянной дверью и повернул ключ.

— У меня в подвале нет электричества,— сказал он,— вам достаточно свечи?

— Можно зажечь черные свечи?

— Если хотите.

Деревянные ступени были неодинаковые по высоте. На полдороге Эриот зажег свечу. Бледное танцующее пламя еле освещало лестницу. Когда мы спустились, он удалился, растворившись в темноте. Я услышал, как он зажигает свечи. В подвале пахло сыростью и плесенью, это дало мне возможность лучше понять, что должна была испытать Нина Росс, когда ее заставили лечь на черный алтарь.

— Угодно ли вам следовать за гидом, лейтенант?

— Нет, благодарю, я видел достаточно.

Мы поднялись. Он проводил меня до двери.

— До свидания, лейтенант. Вы меня кое-чему научили.

— Чему?

— До сегодняшнего дня я не знал, что значит поддерживать контакты.

Он тихо закрыл дверь перед моим носом.

Когда я вернулся в город и поставил свою машину перед конторой шерифа, было шесть часов. Когда я входил туда, у меня по спине побежали мурашки.

Прием, оказанный мне Анабель Джексон, еще больше утвердил мои предчувствия. С лучезарной улыбкой она грациозным жестом указала мне на дверь шерифа.

— Патрон ждет вас, лейтенант,— объявила она медоточивым голосом.— Будьте любезны войти.

— Бесконечно вам благодарен, мисс Джексон,— пробормотал я.

Из осторожности, проходя мимо нее, я повернулся боком на случай, если стальная линейка окажется у нее под рукой.

Когда я вошел, шериф поднял голову и улыбнулся мне. Я застыл на месте, силясь понять, что же произошло.— Я уже начал думать, что кто-то заменил мою башку на свою и забыл предупредить меня об этом.

— Хорошая работа, Уиллер! — воскликнул он голосом, полным симпатии. — Вот это я называю отличным делом!

— Благодарю, — прошептал я.

— Пожалуйста, вы заслужили эти комплименты!

— Простите, — я закашлялся, — о какой работе вы говорите, патрон?

Он поднял на меня удивленный взгляд.

— Как, вы не знаете?

— Честное слово, шериф, у меня бывает столько отличных дел, что мне трудно их все запомнить.

— Я забыл, что все послеобеденное время вас не было в городе, Уиллер, — великодушно признался он. — Действительно, как же вы можете быть в курсе дела?

— Верно!

Я сгорал от любопытства. Но он вернулся к своим занятиям. Может быть, я стал жертвой повторяющихся кошмаров и никогда не узнаю, что же я сделал, чтобы заслужить столько комплиментов. Я только открыл рот, чтобы зарычать, как шериф заговорил:

— Во второй трети первой кучи, — объявил он, — в чепе тридцать они нашли его.

— Труп Трайверса, — прошептал я.

— Разумеется. — Он посмотрел на меня краем глаза. — Я только об этом и твержу вам, а вы все говорите о чем-то другом.

— Конечно, нет, — уверенно сказал я.

Он топнул ногой.

— Честное слово, лейтенант, теперь, когда труп у нас, напоминаю, что нужен еще и убийца. Значит нечего околачиваться у меня.

— Конечно, шериф.

Я повернулся и вышел, думая о том, что мой триумф был хорош, но недолог.

Анабель заявила мне:

— Вам звонил доктор Мэрфи, Ал. Он просил вас позвонить ему. Я соединяю?

— Пожалуйста, — ответил я с совершенно ошарашенным видом.

Через две секунды она протянула мне трубку.

— Я вас ненавижу, — объявил доктор Мэрфи слабым голосом. — Вы у меня в печенках сидите, Ал Уиллер!

— Я его не убивал и не прятал, доктор, — запротестовал я. — Я только нашел его.

— Вы не могли сделать ничего хуже, — заметил он. —

Этот труп спокойно гнил бы, если бы вы не были так прилежны. Мой желудок никогда от этого не оправится.

— Вам удалось точно установить его личность? Это именно Трайверс?

— У меня есть только его челюсть, но этого мне достаточно, — сказал он. — Он получил пулю в затылок. Я отправил череп в лабораторию. Это вас устраивает?

— Прекрасно, — ответил я с уважением. — Вы отлично делаете дело.

— Чем больше я медлю, тем... Простите!

Он бросил трубку. Я поднял голову и заметил, что Анабель внимательно смотрит на меня, нежно улыбаясь.

— Ал, голубчик, что сделать для вас? — спросила она ласково. — Хотите, я принесу вам чашку кофе? Может быть, бутерброд? Или еще что-нибудь?

— Я знаю, что буду сожалеть об этом до конца дней, но мне нечего попросить у вас, Анабель.

— Это неверно, дорогой!

— Абсолютно. Впрочем, почему это вы до такого позднего часа задержались в конторе?

— Я подумала, что, может быть, буду нужна вам, когда вы вернетесь. А потом...

— Квартирная плата, — закончил я вместе с ней. — Сколько вам нужно? — спросил я.

— Ну!.. — она хитро посмотрела на меня — просто идеальная супруга. — Пятнадцать долларов достаточно для квартирной платы, но если бы было двадцать, то я...

— Вот вам пятнадцать долларов, мисс Джексон, — твердо сказал я, вынимая бумажник.

Вдруг задрожал пол и вошел сержант Полник.

— Вот и я, лейтенант! — проревел он. — Я никогда в жизни так хорошо не спал и теперь спешу взяться за дело. Где труп?

— Там, — сказал я, указывая на дверь шерифа.

— Прекрасно!

Он стрелой влетел к шерифу, и я не успел его остановить. Через минуту до нас донеслось ужасное рычание. Почти тут же появился Полник, он жалко улыбался, на цыпочках пересек комнату и подошел к нам. Он прошептал мне таким голосом, который можно было услышать за двадцать метров:

— Действительно, там кто-то есть, но он еще живой!

Анабель с довольным видом попрощалась, а я поздравил себя с тем, что последовал совету Марджи Трайверс и запер ее бриллиантовые серьги. Запер в то же утро.

— Я жду ваших приказаний, лейтенант,— с энтузиазмом напомнил мне Полник.

— У меня такое впечатление, что я поступлю правильно, если отправлю вас к вашей мешаночке,— ответил я.— Жалко тратить такие запасы энергии на службу полиции.

— Моя мешаночка в Силехоке у родителей, лейтенант. Именно поэтому у меня столько энергии,— серьезно объяснил он.

— Тогда найдите номер телефона складов «Трайверс, Полден и К°».

Через две минуты я говорил по телефону с Данеем Полденом. Он уже собирался прийти. Я приказал ему не двигаться и ждать меня.

— Я сейчас вернусь, сержант,— объявил я Полнику,— тогда мы посмотрим, на что похожи сто пятьдесят тысяч билетиков при лунном свете...

— Сто пятьдесят тысяч билетиков? О чем это вы рассказываете, лейтенант?

Но я уже был в дверях конторы.

10

Я вошел в контору Полдена, он жестом пригласил меня сесть, с любопытством посмотрел на меня, медленно провел рукой по волосам и нахмурил брови. Он казался мрачным.

— По вашей вине, лейтенант, я уже не знаю, где нахожусь,— наконец, сказал он.— Когда полицейский лезет ко мне, я чувствую себя плохо.

— С чего бы это, мистер Полден?

Он с досадой закусил губу.

— Ну, вам известно, кто я, что я делаю, чем занимаюсь, чем занимаются на моем предприятии, которым я руковожу! Вам известно абсолютно все! С того вечера, когда вы смылись из дома Марджи Трайверс, я ждал, что придет полк лягавых. А что произошло? Ничего! — Он красноречивым движением протянул руку.— Существуют правила игры, какие-то традиции, лейтенант! А когда полицейский ими пренебрегает, это меня нервирует. Значит, это заведение принадлежит синдикату и обслуживает сектор Сан-Диего, а вам на это наплевать!

— Да,— честно ответил я,— потому что это меня не касается. Пусть это не мешает вам спать, мистер Полден. В один из ближайших дней, раньше, чем вы думаете, займутся и сектором Сан-Диего. Меня же интересует

убийца, двое убийц, если быть точным. И мне необходима ваша помощь совершенно легально и официально.

— Я, должно быть, сошел с ума,— прошептал он с несчастным видом.— Это невозможно, вы шутите!

— Хотите узнать, где был Поль Трайверс?

Он наклонился вперед.

— Я бы ничего так не хотел, лейтенант!

— В таком случае, пойдите в его кабинет.

Я увлек его к окну в комнате Трайверса и показал на склад лома во дворе.

— Вот где он был.

— Что?

— Если вы убьете кого-нибудь в этой комнате и захотите, чтобы никто не нашел труп, то этот тайник окажется самым лучшим! Это произошло, если вы помните, два месяца тому назад, тогда здесь еще не чинили машины. Вы открываете окно, выталкиваете тело, потом спускаетесь, копаетесь в ломе и прячете труп в самую старую машину, какую только можно найти.

— Еще одна ваша гипотеза, лейтенант?

— Гипотеза, подтвержденная фактами сегодня в четыре тридцать. Когда я уходил из конторы, полицейский врач подписал акт медицинской экспертизы: Поль Трайверс умер в результате выстрела в затылок. Это позволяет с уверенностью заключить, что он был убит.

— И подумать только,— прошептал он,— что все это время, Серенга в Чикаго, а я здесь, втаптывали его в грязь и по-всякому обзывали, а он был в трех шагах отсюда.

— Кроме ста пятидесяти тысяч, которые исчезли, у вас все на месте? До этого вечера вы не замечали, что исчезают небольшие суммы денег?

— Во всяком случае, не я. Может быть, Поль замечал что-нибудь. В тот вечер, о котором я говорю вам, исчезла пачка в две тысячи, но кроме ста пятидесяти тысяч никто ничего не заметил.

— Риск, присущий вашей профессии, довольно оригинален,— спокойно заметил я.— В девяти случаях из десяти ваш заместитель, ваша правая рука и ваш возможный последователь обирает вас и одновременно помогает вести ваши дела! Я думаю, что именно так и было. Этот, в некотором роде наследный принц, возвращается тайно ночью сюда, прибирая денежки там и сям, стараясь, конечно, подделать в конторских книгах подписи и замести следы. Я думаю, что Поль Трайверс заметил, но не мог вам этого сказать, потому что этот наследный принц и был

вашей правой рукой. Он хотел захватить его с поличным, и ему был необходим свидетель. В тот вечер, о котором мы говорим, Поль Трайверс всем объявил, что идет развлекаться с Дианой Эриот. Но вместо того, чтобы сидеть с ней в ночном клубе, он привел ее сюда и, спрятавшись, они ждали, чтобы появился Джонни Крейстал и принялся за дело. Как это произошло — кто знает? Может быть, Джонни потерял голову, а, может быть, он убил Трайверса хладнокровно. Но в любом случае результат однозначен — Поль мертв.

Был еще один факт. Джонни Крейсталу было очень трудно соблазнить Марджи Трайверс и, чтобы добиться своей цели, он использовал ее ревность. Джонни из тех парней, которые все делают основательно и ничего не оставляют на волю случая. Он не только соблазнил Марджи, но и заставил ее шпионить за своим мужем. Держу пари, что это от Марджи он узнал секретную комбинацию стенового сейфа.

— Скот!.. — проворчал Полден. — Дерьмо!..

— Минутку, — прервал я его. — У нас есть дела поважнее. Вы представляете себе эту сцену? Джонни только что убил Трайверса, девица, вероятно, в истерике. Боже мой, что делать? Он бросает взгляд в окно, о чудо! Если они спрячут убитого в кучу лома, задохнут его в одну из машин, никто не заметит труп, даже запаха не будет, так как это на открытом воздухе, и Трайверса никогда не найдут. Какое же объяснение можно придумать для исчезновения Трайверса? Он удрал с девицей и со всеми деньгами, которые только смог унести. Кроме того, Джонни была известна секретная комбинация сейфа. Как вы думаете, какое выражение лица было у него, когда он открыл сейф и обнаружил там сто пятьдесят тысяч долларов?

— Простите, лейтенант, — ответил он мрачно. — Мне надо позвонить.

— Не может быть никаких разговоров! Подождите до конца истории. Он еще интереснее, чем начало.

— Хорошо, — сказал он, пожав плечами. — Подожду.

— По-моему, Джонни доверил все деньги девице и приказал ей спрятаться в каком-нибудь надежном месте и позвонить ему денька через два. Диана ушла, а Джонни освободился от трупа. Только вот дальше все произошло не так, и Джонни не увидел этих денег.

— Подумать только! Он отдает сто пятьдесят тысяч долларов куколке и просит ее позвонить ему через два дня, чтобы вернуть деньги. Вы понимаете, что говорите?

— Некоторые люди получают состояние при рождении, мистер Полден,— заметил я, улыбаясь,— другие получают его, как добычу, неожиданно, в один прекрасный день. Именно это и случилось с Джонни, когда он открыл сейф.

— Насколько я знаю, около ее трупa не было даже следа денег. Куда же они делись?

— У Дианы был дядя, Джеймс Эриот... Он живет в Парадиз Плейдж, и я могу вас уверить, что он очень любопытный тип, поклонник сатаны, вам ясно? По-моему, после смерти Поля Трайверса Диана поехала к дяде, и именно ему пришла идея поместить ее в больницу. Он, наверное, сказал ей, что будет заботиться о деньгах до тех пор, пока не исчезнет опасность и она не выйдет из больницы. Что бы все казалось более естественным, он посоветовал ей пойти к Нине Росс, одной из ее подруг, и рассказать, что у нее серьезные неприятности и она должна на время уехать и кроме того, попросить у Нины два чемодана.

— Ну? — спросил Полден, пылающий нетерпением.

— Чемоданы сыграли свою роль,— едко сказал я.— Поэтому они исчезли. У девушки не было их, когда она приехала в клинику. Дядя, должно быть, спрятал их в доме. И деньги, вероятно, находятся в этих чемоданах. Теперь, мистер Полден, я вам кое-что скажу. Надо вывести на чистую воду этого Эриота во что бы то ни стало. Если я хочу доказать, что он убил свою племянницу, надо найти у него деньги. Я сейчас же могу получить ордер на обыск, но если я не найду деньги, исчезнет мой единственный шанс. Вы согласны со мной?

— Согласен. Что же вы собираетесь делать, лейтенант?

— Поставим точки над «и»,— сказал я.— Я хочу захватить Джонни Крейстала живым, так как он принадлежит правосудию, а не вам. Согласны?

По-видимому, перспектива предоставить правосудию свести счеты с Джонни Крейсталом не очень-то его соблазняла. Но в конце концов он уступил.

— Хорошо, лейтенант,— проворчал он,— обстоятельства несколько необычны.

— Мне нужны деньги как вещественное доказательство. Но вы сказали мне вчера, что вас это не смущает.

— Это не составляет никакой проблемы. После процесса мы получим деньги. Это все?

— Сегодня вечером у Эриота будет один тип, как мне говорили, он атлет. Советую вам захватить с собой двух

ваших геркулесов — Гарри и Эда, так кажется? И еще одного силача, некоего Джонни Крейстала.

Полден снова с беспокойством посмотрел на меня.

— У вас нет никакой задней мысли, лейтенант?

— Нет, я играю с открытыми картами, — чистосердечно ответил я. — Этот Эриот очень сильный, его сегодняшний посетитель тоже, но моложе. Я думаю, что вам придется долго трясти его, но мы все-таки узнаем, куда он дел чемоданы. Если я пригрожу упрятать его за участие в убийстве Трайверса, как, по-вашему, он будет реагировать? Да еще когда узнает, что Эриот присвоил деньги?

— Я приведу Джонни, — коротко сказал Полден.

— Ни слова ему из того, что я говорил вам.

— Я не хотел бы портить себе вечер, выпуская слишком рано стрелу, лейтенант. Что вы хотите сделать? Прибыть через час после нас?

— Я буду ждать вас на перекрестке. Если вы приедете раньше, подождите меня. Я пойду вместе с вами.

— У вас для этого какие-нибудь веские причины?

— Если кому-нибудь захочется убить парня, чтобы спасти свою шкуру, пусть уж лучше это будет полицейский.

Полден тихо засмеялся.

— Правильно! Это все?

— Нет. Мне пришла в голову одна коварная мысль. Когда имеешь дело с такими ненормальными, как Эриот и его друг, нельзя предугадать, что может произойти. Если они уже спустятся в подземелье, когда мы придем, это будет очень плохо. Вот что я хочу предложить вам, мистер Полден: если в какой-то момент вы почувствуете, что ситуация требует присутствия героя, то предоставьте эту роль Джонни.

— Джонни?

— Давайте смотреть на вещи трезво, мистер Полден: меньше всего из нас троих будут жалеть Джонни.

* * *

Я остановил машину у перекрестка, и мы должны были пройти немного пешком до нее.

— Я ничего не понимаю, — запротестовал сержант Полник плачущим голосом. — Неожиданно входят в логово Эриота и ищут там исчезнувшие деньги. Так?

— Точно, — ободряюще сказал я.

— А эти четверо из синдиката приехали, чтобы пожать нам руки?

— Совершенно верно.

— Это не переодетые агенты ФБР или что-то в этом роде? — спросил он, — или вы надеетесь, что завтра утром они заключат договор и станут поставными?

— Нет.

— Ну, лейтенант... — показалось, что он в затруднении, — я не знаю, как относиться к этому и как это воспримет моя мешаночка.

— К чему?

— Ну, что я вступаю в синдикат, не спросив ее мнения на этот счет! — с несчастным видом сказал он. — У меня уже были неприятности, когда я вышел из членов клуба «Пингвин», не посоветовавшись с ней.

— Я уверен, что дело уладится до ее возвращения, сержант. Если же нет, то я устрою, чтобы ее избрали почетным членом синдиката. Что вы на это скажете?

— Это было бы очень мило, — с благодарностью воскликнул он. — Спасибо, лейтенант!

Когда мы подходили к машине, Полден вышел навстречу с Джонни Крейсталом и двумя геркулесами.

— Мне кажется, лейтенант, что вы знаете всех, — сказал Полден.

— Знать-то он меня знает, — прохрипел Джонни. — Я берегу для него хорошенькую штучку...

— Э, Джонни, — сказал Гарри и захохотал, — уж не знаю, что ты там бережешь для него, но он тебе сделал хороший подарочек, стоит только посмотреть на тебя.

— Скотина... — зарычал Джонни, — я...

Вдруг он завыл от боли и согнулся пополам.

— Я предупреждал тебя, Джонни, — сказал Полден незнакомым мне голосом. — Здесь не место для игры в солдатики. Повторяю тебе в последний раз: ты будешь делать то, что тебе скажут. Если нет, то я попрошу Гарри уложить тебя. Ты проведешь ночь на пляже. Утром можешь пешком вернуться домой, если, конечно, проснешься.

— Представляю вам сержанта Полника, — учтиво вмешался я. — Сержант, вот мистер Полден, Гарри, Эд и Джонни Крейстал.

— Привет, — сказал Полник, и уставился на двух геркулесов с таким видом, будто он не верил своим глазам.

Я повернулся к Полдену.

— Я думаю, что сержант, Эд и Гарри войдут в заднюю дверь. Вы, Джонни и я войдем в переднюю. Таким образом, мы окажемся в подвале первыми.

Когда мы приехали, окна в комнате были освещены. Но

ни звука не было слышно и ни одного человека не было видно. Оба силача вместе с Полником исчезли за домом, в то время как Полден, Крейстал и я приближались к входной двери.

— Пол на веранде скрипит, но бояться нечего. Если наши молодцы в подвале, они ничего не услышат, если они в доме — шум заставит их выйти, чего мы и добиваемся!

— Подождите! — воскликнул Джонни, бросаясь вперед с видом Дон-Кихота, — я не очень-то боюсь вашего Эриота! — он вытащил из кармана револьвер. — Вместе с этим компаньоном я приведу его в чувство.

Я толкнул Полдена локтем. Он повернулся ко мне, я кивком показал ему на оружие в руках Крейстала.

— Новая пушка, Джонни? — ласково спросил Полден.

— Нет, — ответил Джонни удовлетворенным тоном, — это мой старичок, калибр 32.

Пробираясь по веранде, я думал, что надо же быть таким идиотом, как Джонни Крейстал, чтобы потрясать оружием, которым он два месяца назад убил человека.

Дверь была закрыта. Прежде чем я успел помешать, Джонни всадил две пули в замок. Все остальные предосторожности уже были бы напрасны. Джонни ударом ноги открыл дверь, и мы вошли в помещение. В комнате никого не было. Джонни направился к двери в подвал, она не была заперта, и он почувствовал разочарование. Он хотел открыть ее, но вдруг заколебался и посмотрел на Полдена.

— А если Эриот со своим дружкой ждут нас внизу, то первый, кто покажется им, будет убит, Дан.

Бравада исчезла из его голоса, и теперь он даже дрожал от страха.

— Ну так что? — холодно спросил Полден.

— Пусть первым идет Полник! — визгливым голосом выкрикнул Джонни.

Мы не успели ответить ему, как из подвала послышался стон, от которого стыла кровь. Это был вопль страдания и ужаса. Джонни испуганно вскрикнул и, оттолкнув меня, бросился обратно в дом. Я услышал позади себя звук пощечины и презрительный голос Полдена, приказывающего Джонни вернуться. Я открыл дверь. Подвал был освещен так, что я различал конец деревянной лестницы. Я вынул револьвер и, глубоко вздохнув, прыгнул.

Хотя лестница была не больше трех метров, я прыгнул неудачно, потерял равновесие и покатился по полу. А в том месте, где я упал, почва вдруг начала свистеть и кипеть, поднялось облако пара с едким запахом. Я встал на колени

и увидел кошмарное чудовище — черная голова ведьмы на совершенно голом теле женщины, готовой выплеснуть на меня содержимое сосуда, который она держала.

Я поднял револьвер и прицелился в бедро женщины. Когда я уже намеревался спустить курок, с лестницы послышался безумный голос:

— Не стреляйте, лейтенант, не стреляйте, это...

Услышав голос Крейстала, женщина инстинктивно обернулась и выплеснула кислоту в лицо Джонни Крейстала. Голова и плечи Джонни исчезли в облаке пара, раздался душераздирающий крик. Полден, стоящий сзади него, выстрелил в женщину. Мне показалось, что он целился в плечо, но так как ничего не было видно, то кровь брызнула из груди незнакомки. Она упала и выронила сосуд. В течение нескольких секунд ее пальцы бессильно цеплялись за землю, затем она умерла. Тут же Полден выстрелил в голову Джонни, чтобы прекратить его страдания.

Все произошло очень быстро, едва ли прошло полминуты с тех пор, как я упал. Я посмотрел в глубину подвала. То, что я увидел там, напоминало восковые фигуры из музея ужасов. Или же средневековую камеру пыток.

Другая женщина, также совершенно голая, лежала на черном алтаре, ее руки и ноги были связаны, она не могла пошевелиться. Около нее стоял на коленях человек в маске и обеими руками держал серебряный сосуд. Рядом с женщиной был сатир в длинном черном одеянии, его глаза под маской блестели, как два озера из огненной лавы. Он потрясал длинным кинжалом с блестящим лезвием.

Я, не торопясь, направился к алтарю. Краем глаза я видел, что Полден следует за мной, едва касаясь противоположной стены. Шум на лестнице известил о прибытии Полника и двух геркулесов. Оказавшись, приблизительно, в четырех метрах от Эриота, я приказал:

— Мистер Эриот, немедленно бросьте кинжал!

— Я могу бросить его, но могу и вонзить его в живот вот этой женщины! — сказал он ликующим голосом. — Вонзить по самую рукоятку. Вы именно этого хотите? Вы хотите, чтобы вас затопила кровь этой девицы и до конца ваших дней это оставалось на вашей совести?

— У вас нет ни малейшего шанса выпутаться, — сказал я, — бросьте кинжал!

— Если вы убьете меня, — сказал он беззаботно, — мой брат, стоящий около меня на коленях, выльет на грудь этой девицы кислоту, которая находится в его сосуде. Я ду-

маю,— продолжал он со вздохом, наполнившим весь подвал,— что в данном случае кинжал — менее жестокое средство.

На какое-то мгновение мне показалось, что я уже присутствовал при подобной сцене, и я вдруг вспомнил: Эриот подробно описывал мне черные мессы, в которых когда-то принимала участие мадам де Монтеспан.

— Сосуд пуст, Эриот, он предназначен для сбора крови жертвы. Я думаю, у вашего друга есть некоторый опыт.

Эриот замер в неподвижности с ножом в руке, напоминая старинную статую за языческим обрядом. Уже другим тоном, в котором сомнение, страх сменили высокомерие, он ответил: «Не понимаю!»

— Я говорю о вашей племяннице Диане,— объяснил я.— Вы посоветовали ей покинуть больницу, встретили ее на машине и привезли сюда. Она вам мешала. Если бы она увиделась с Джонни Крейсталом, она рассказала бы ему, кому она отдала эти деньги, и ваши сто пятьдесят тысяч долларов улетучились бы.

— Это ерунда,— с насмешкой сказал он.

— Тогда вы заперли Диану в этом подвале на целую неделю. Вы искали решение. Медицинская экспертиза показала, что нож входил в грудь дважды. Первым ударом была перерезана легочная вена. Однако же следов крови не было. Вы убили ее именно таким способом, Эриот. Вы привязали ее к алтарю, а ваш ученик держал сосуд, готовый собрать кровь жертвы, как только вы ее заколите!

— Астерод и Асмодей, защитите меня! — захлебнулся он в экзальтации.

— Я уже сказал, что я о вас думаю, Эриот,— сдержанно сказал я.— И это произошло только сегодня после обеда. Мои чувства по отношению к вам не изменились, только я ненавижу вас еще в десять раз сильнее. Я даю вам три секунды на то, чтобы бросить нож. Если через три секунды он будет у вас в руках, я не откажу себе в удовольствии убить вас! А если ваш друг хотя бы моргнет, его убьет мистер Полден.

— С радостью,— подтвердил Полден своим скрипучим голосом.

— Раз! — начал считать я.

Казалось, Эриот заколебался. Я продолжал:

— Два!

— Нет! — торжественно завопил он.— Меня защитят эмиссары сатаны! Жертва должна быть принесена! Я призываю...

С оглушительным шумом раздался выстрел. Эриот не двигался, в его маске появился третий глаз, из которого текла кровь, в двух других быстро мерк свет жизни. Вдруг он наклонился в сторону и упал на пол. Сзади меня раздался голос сержанта Полника:

— Черт возьми, лейтенант! Кажется, мой палец нажал на курок!

Полден в один прыжок оказался около парня в маске барана, все еще стоявшего на коленях, и сорвал ее. Мы увидели длинное лицо юноши лет двадцати, его левый глаз дергался в тике. Он поднял на нас взгляд, полный животного ужаса.

— Его давно надо было изолировать, — сказал Полден.

Я наклонился над алтарем и стал развязывать руки женщины, темные глаза которой мне показались огромными.

— Вы не думали найти меня в таком положении, Ал Уиллер? — прошептала Нина Росс.

Она потеряла сознание.

Перед тем как покинуть подвал, я освободил другую женщину от маски ведьмы. Впервые я увидел лицо Марджи Трайверс безжизненным. Ко мне присоединился Полден.

— Это очень интересно, — сказал он, подавив дрожь, и добавил, — во всяком случае, она взяла на себя труд избавить вас от Джони Крейстала.

— Узнав его голос, она обернулась, и было уже слишком поздно...

— Вы смеетесь? — прервал он меня. — Марджи Трайверс определенно ждала, чтобы вы оказались на середине подвала, если бы она хотела вылить кислоту на вас, она бы вылила, когда вы были на полу. Зато, узнав голос Джонни Крейстала, она не постеснялась выплеснуть все ему в лицо!

— Вы думаете? Но я, во всяком случае, доволен, что вы прикончили этого несчастного. Это был милосердный поступок.

— Вы тут ни при чем, лейтенант, я рассчитался с ним.

Час спустя дом напоминал утро после боя. Скорая помощь увезла Нину Росс. Убрали трупы, лежащие на полу подвала. А я потерял двадцать минут, стараясь объяснить шерифу смысл происходящих событий, но мне это так и не удалось.

Снова появился Полден.

— Скажите-ка, — сказал он хриплым голосом, — ваш сержант — оригинал? Должно быть, таких, как он, немного, лейтенант?

— Совершенно верно!

— Он хорошо стреляет. Пуля прошла между глаз. Никогда еще выстрел не стоил так дорого.

— Как это?

— Я хочу сказать, что он мне стоил сто пятьдесят тысяч долларов,— уточнил он со злобещим видом.

— Мы обязательно найдем деньги,— оптимистически заверил я его.— Может быть, Эриот закопал их в саду.

— Если, конечно, он не отдал их своей престарелой тетушке в благодарность за связанный шарф. Но во всяком случае Серенга будет доволен, что Поль Трайверс не виновен и что настоящий виновник получил пулю. Вот так!

Он удалился, но тут же вернулся.

— Это самая гнусная картина, которую я когда-либо видел,— заявил он с отвращением, показывая на злобещий портрет над камином.— Следует убивать тех, кто вешает такие картины.

— Кажется, это и сделали,— ответил я.— Это особа — мадам де Монтеспан, по мнению Эриота, была идеальной женщиной. Все ужасы, свидетелями которых мы сегодня оказались,— отрывка очаровательного времени этой дамы. В жалкой жизни Эриота мадам де Монтеспан была всем. Я вам кое-что расскажу. Оба раза, когда я приходил к Эриоту, я смотрел на этот портрет, и у меня сложилось впечатление, что это возбуждало Эриота...

Вдруг я глубоко вздохнул и бросился к камину, встал на четвереньки и вполз в него: оба чемодана стояли рядом на каминном выступе.

Я вытащил их, выпрямился и посмотрел на Полдена с торжествующим видом.

Он от удивления открыл рот.

— Вы неожиданно решили уехать на каникулы, лейтенант? — спросил он, ничего не понимая.

— О, да! Все необходимое всегда со мной,— весело ответил я.

И положив один из чемоданов на пол, я открыл его. Медленно поднялась крышка, и куча банковских билетов предстала нашим глазам. Я никогда не видел столько денег.

— Диана Эриот всегда считала, что ее дядя — наипервейший из самых противных существ,— объяснил я.— Она говорила, что он ждет момента, чтобы фиги сами падали ему в рот и что у него не хватает мужества протянуть руку, чтобы их подобрать...

— Что? Ах, да! — сказал Полден, совершенно заворо-

женный всей массой денег, лежащих у его ног. Я продолжал:

— Именно это он и сделал в очень подходящих обстоятельствах. Он осуществил свой давний план. Он совершил убийство, чтобы получить эти деньги, а когда он их получил, то удовлетворился тем, что спрятал их в камине.

— В конце концов... — Полден мгновение радовался, а потом с подавляющей слушателя логикой сказал, — в конце концов, чего же еще можно ожидать от такого типа? Ведь он ненормальный, это ясно. Не так ли, лейтенант?

Наутро оживание спало. В довершение всех неприятностей, это был день переоценки ценностей, когда снова взвешиваются все действия и все мотивы их, и все, что накануне представлялось гениальным, кажется несостоятельным.

Шериф не понял логики некоторых моих поступков. Он стучал кулаком по столу. Шума от этого слышно не было, так как при этом он орал во все горло.

— Можете вы мне объяснить это, лейтенант Уиллер? Уж все остальное ладно! Но объясните мне хотя бы это, большего я не требую: почему вы отправились арестовывать Эриота за убийство племянницы и взяли с собой сержанта, другого убийцу, которого вы не сочли нужным арестовать вовремя, и трех членов шайки гангстеров?

— Потому что... — старался я объяснить, уже исчерпав все аргументы и совсем отчаявшись, — потому что мне казалось, патрон, что у них у всех общие интересы.

Жена Полника, не предупредив, вернулась раньше положенного срока. Всю ответственность за это Полник возложил на меня, будучи совершенно уверенным в том, что она там в Оклахоме узнала обо всех его приключениях.

К четырем часам дня Анабель Джексон нагнулась, чтобы поднять ластик, упавший, по крайней мере, в метре от того места, где я завязывал шнурок своего ботинка. Я клялся и буду клясться до самой смерти, что я не кусал Анабель, а только посмеялся, когда ее очаровательный задик очутился у меня перед носом...

Короче, к семи часам вечера я вздохнул с облегчением, добравшись до своей квартиры. Я включил свои пять громкоговорителей, чтобы вознаградить себя за жестокость окружающего мира.

Десять минут я блаженствовал, и вдруг в дверь позвонили. Я пошел открывать, полный недоумения, так как не мог вспомнить, кому я задолжал в этом месяце.

У дверей стояла загорелая брюнетка, до самого подбородка укутанная в плащ. Ее темные глаза блестели.

— Нина Росс! — воскликнул я. — Вам лучше? Вас выпустили из больницы? Когда?

— Сегодня утром... Так вы живете здесь, Ал Уиллер?

— Войдите. Посмотрите на это помещение поближе, — с энтузиазмом предложил я.

Я ввел ее в комнату. Она остановилась посередине и тщательно осмотрелась.

— Для одинокого парня, — сказала она, задумчиво глядя на меня, — это не так уж плохо. Во всяком случае, время от времени...

— Благодарю вас. Хотите что-нибудь выпить?

— Бурбон! — только и сказала она, опускаясь на диван.

— Можно помочь вам снять плащ?

— Нет.

Я приготовил два бурбона, поставил их около дивана и сел рядом с Ниной.

— Какой счастливый случай привел вас сюда? — спросил я с рассеянным видом.

— Сегодня утром я вернулась домой, — объяснила она, слегка поеживаясь. — Но этот барак, висящий над океаном, я больше не могу выносить, я поняла, что он нервирует меня. Тогда я решила провести несколько дней в городе.

— Гениальная мысль, Нина! — сказал я в экстазе. — У вас есть где жить?

— Да, благодарю вас.

— А где же?

— Здесь, — просто сказала она, — мне это подходит...

Она несколько секунд с безразличием смотрела на меня, потом сказала:

— Осторожно! Ваши глаза сейчас вылезут из орбит! Осторожно же, Ал! — заботливо прибавила она.

Я отхлебнул из стакана и постарался поскорее сориентироваться в создавшейся ситуации.

— У меня только одна постель, Нина, — объяснил я. — Это вас не беспокоит?

— Нет, — сказала она, с любопытством глядя на меня, — несколько. Мне всегда хватало одной постели, Ал. Каковы же ваши сердечные дела, если вам нужны две постели?

— У меня нет сердечных дел... Я хочу сказать, что у меня нет двух... нет... я...

— Хватит лепетать, Ал, — холодно прервала она меня. — Я боюсь лепечущих мужчин.

— А я боюсь девиц, которые приезжают к тебе без предупреждения на неделю и при этом отказываются снять плащ.

Она встала, показала на дверь и спросила:

— Это спальня?

— В двухкомнатной квартире, что еще может быть, как вы думаете? — холодно спросил я, — сокровищница?

Она скрывалась в комнате, а я подумал, не свели ли ее с ума испытания, выпавшие на ее долю.

Вдруг она властно позвала: Ал!

— Да?

— Вы мне нужны, подите-ка сюда.

Я вошел в комнату. Я старался деликатно найти способ убедить ее уехать завтра утром, а не жить здесь неделю. Она мне приказала:

— Подержите-ка!

Я машинально взял вещь, которую она мне подала, и вдруг понял, что у меня в руках лифчик Нины.

— Но! — воскликнул я. — Что?..

Тоскливое выражение появилось в глазах Нины.

— Вы говорили, что я могу обращаться к вам при малейшем затруднении, не так ли, Ал? — спросила она.

Она повернулась ко мне спиной, сняла плащ и бросила его на пол. Я созерцал незабываемый спектакль. Голая загорелая спинка Нины Росс, стройные длинные ноги, трусики, на сей раз белые, плотно облегли великолепные бедра.

— Через две недели я, может быть, выполню свое обещание, — прошептал я.

С лифчиком в руках я приблизился еще на шаг. Я хотел помочь ей надеть его, но она вдруг оттолкнула меня.

— Я поняла, Ал, — объявила она, — сейчас дело не в лифчике, а в чем-то другом.

— Я могу быть вам полезен? — спросил я с пылкостью бойскаута.

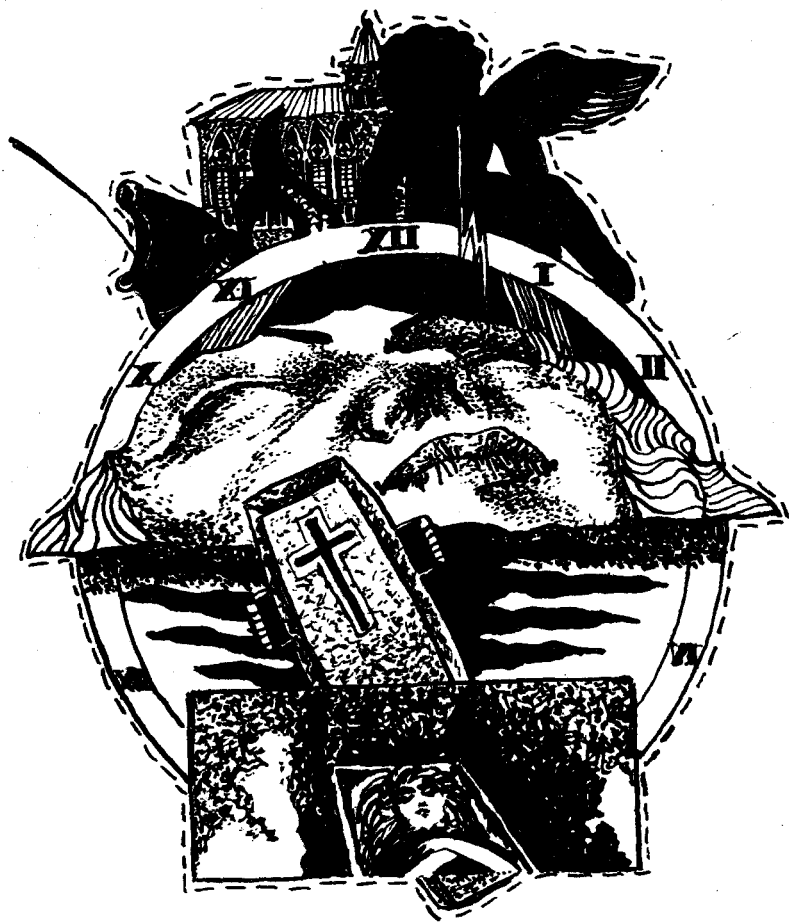
— Надеюсь.

Она обернулась ко мне, и ее круглые упругие груди уперлись в мое солнечное сплетение. Она потянулась ко мне губами. Я подарил ей свои, положил руки ей на бедра и притянул к себе.

Через полчаса она открыла глаза и с очаровательной улыбкой прошептала:

— Ты ничего не знаешь! Мне кажется, что теперь не осталось ни одной проблемы, которую бы нам нужно было решать!

ТИГРИЦА

Глава I

Я остановил свой «остин» недалеко от вычурных бронзовых ворот кладбища, такого символического идола на границе жизни и смерти... Мы вышли из машины. Сержант Полник подержал свой увесистый кулак на кнопке звонка несколько секунд, потом его вдруг передернуло:

— Кладбища всегда наводят на меня тоску, даже когда они такие светские, как это! — сказал он наивно.

— А вы суеверны? — спросил я, крайне удивленный. — Трупы ведь — это ваш бизнес, сержант.

Его лоб покрылся сеточкой морщин.

— Против трупов я ничего не имею, — прорычал он, — морги меня тоже несколько не волнуют, — его снова передернуло, — но кладбища — это другое дело, они беспокоят меня, лейтенант.

Кто-то вдруг внезапно материализовался по другую сторону ворот. Этот тип был достаточно стар, его седые волосы были так бестелесны, как будто кровь, некогда бежавшая в его венах, давно высохла и испарилась, как пыль.

Тяжело ступая, он пристально смотрел на нас, затем заговорил прокуренным голосом, от которого мне захотелось почему-то сначала выпить кофе, прежде чем входить...

— Что вам угодно? — потребовал он ответа раздраженным голосом.

— Я — лейтенант Уиллер, от шерифа, — произнес я громко и ясно, втайне надеясь, что это звучит также значительно, как, например, Дж. Эдгар Гувер, — а это сержант Полник. Нам позвонили час назад и сказали, что вы только что обнаружили труп. Надеюсь, что это не было шуткой.

— Вам лучше пройти в контору, — мягко сказал старик. — Мистер Уильямс ждет вас.

Он отпер ворота большим ключом, затем показал нам

вниз на бетонную дорожку, по обеим сторонам которой ярко зеленела трава.

— Идите по этой дорожке, и вы подойдете к большому зданию. Я позвоню мистеру Уильямсу, дам ему знать, что вы приехали.

— Скажите ему, кто мы, — сказал я, — мы вовсе не намерены заниматься выяснением его доходов в такое утро, понятно? — Даже если он слышал мои слова, по его лицу этого нельзя было понять...

Полник почесал свой лысый затылок, скользнул в машину, я устроился рядом с ним, затем въехал в открытые ворота и поехал по бетонной дорожке. Через минуту мы остановились у впечатляющего бетонного здания с готическими арками, обрамляющими две массивные бронзовые двери. Сержант изумленно уставился на них, когда мы выходили из машины:

— Ничего себе!

Я смотрел на огромные бронзовые буквы над аркой и кивал сочувствующе...

— Но все здесь так гигиенично, не правда ли, вам нравится?

Полник снова затрясся.

— Я представил, как моя старуха когда-нибудь будет здесь плакать, что совершенно невероятно, — они ее вышвырнут за нарушение порядка.

Маленький человечек в аккуратном костюме торопливо спускался к нам с главной лестницы.

— Меня зовут Уильямс, — сказал он взволнованно. — Я здесь главный распорядитель. Это ужасное происшествие, лейтенант, просто ужасное! Никогда прежде ничего подобного у нас не случалось.

— Уж не хотите ли вы сказать, что это первый труп у вас, — подозрительно спросил Полник. — У вас же не мороженница, к чему этот пафос?

Лицо главного распорядителя сразу же вытянулось, рука его скользнула за левый борт пиджака и нервно заелозила. Затем на лице снова появилось счастливое выражение.

— Но это же совершенно не предусмотренный случай, — запротестовал он. — Я, должен признаться, едва мог поверить в это, когда Джорджан доложил мне об этом.

— Кто это — Джорджан? — спросил я.

— Человек, который открыл вам ворота, — объяснил он. — Он пришел на работу сегодня рано — закончить приготовления. У нас на одиннадцать назначена церемония

погребения, — он смиренно потупил глаза. — Это жена одного из наших горожан. Не знаю, как вам объяснить...

— Так что же случилось? — терпеливо спросил я.

— Я думаю, вам лучше взглянуть самому, лейтенант, э-э... Уиллер? — Его рука потянулась к голове, как будто кто-то заставил его отдать честь, затем скользнула к шее и заскребла ее с хрустящим звуком. — Джорджан вызвал меня сразу же, как обнаружил. Я просил его ничего не трогать, пока не появится полиция. Это не так уж далеко отсюда, я буду вас сопровождать.

Он пошел впереди в сторону здания через лужайку, такую ровную, что трудно было представить, какими средствами достигнута вся эта безупречность. Мы миновали фонтан с дугами кристаллической воды. Струи вылетали из ртов бронзовых херувимов, затем соединялись в виде дерева, омывая мраморные головы со всех сторон.

Здесь на смерти хорошо зарабатывали, вся неприятная сторона мягко затушевана. Как будто за то, что невозможно гарантировать вечность, они возмещали ее элегантностью, которая могла подменить страдальческую гримасу возвышенной философии безвременья.

— Вот здесь, лейтенант. — Уильямс остановился и трагически указал пальцем.

Между тяжелым гранитным монолитом с одной стороны и скульптурой ангела с опущенными мраморными крыльями — с другой, было пустое пространство. Яма была аккуратно выкопана точно в центре, земля аккуратной кучкой высилась рядом. Я взял несколько комочков, шагнул ближе и заглянул в шестифутовую яму...

— Его, — Полник сказал сзади меня странным чужим голосом. — Это нереально... лейтенант, этого не может быть!

На дне ямы лежал саркофаг с ручками, которые казались золотыми. Крышку отодвинули. Внутри на мягком бархате лежало тело девушки: брюнетки с длинными выходящими волосами.

Она была одета в вечернее платье из черного мерцающего шелка, которое было очень элегантно, и выгодно подчеркивало сверкающую белизну ее плеч.

Ее руки были аккуратно сложены крестом на груди, глаза закрыты, на лице застыла мечтательная улыбка. На правой руке блестел золотой браслет с рубинами, мерцающими в солнечных лучах.

— Я не могу понять, как это могло оказаться здесь, — сказал Уильямс дрогнувшим голосом. Его длинные пальцы

потерли лоб в мучительном недоумении.— Я просто не могу представить себе, как это оказалось возможным. Ворота были заперты и всегда запираются в семь часов вечера, лейтенант!

Я неуклюже спустился вниз к самому саркофагу, затем слегка прикоснулся к обнаженной руке чуть выше браслета. Она была ледяной...

— Она мертва, лейтенант? — спросил Полник над моей головой.— Я имею в виду, не в трансе ли она или что-то в этом роде?

— Если это транс, кому-то очень повезло. Вы бы лучше вызвали дока Мурфи из конторы шерифа.

Несколько секунд не было слышно ни звука сверху, только тяжелое дыхание Полника.

— Телефон, лейтенант? — наконец крикнул он.— Есть ли он в здании?

— Вы найдете боковую дверь на обратном пути, сержант,— вызвался Уильямс,— она выходит в контору управляющего. Там есть телефон.

— Так далеко, а поближе нет? — пробормотал Полник и заковылял прочь, словно цирковой слон, безуспешно балансирующий на большом резиновом мяче.

Я начал тщательный осмотр девушки в бархатном саркофаге, ее рук, лежащих нарочито крестом. Кто-то очень старался уложить их, чтобы достичь такой симметрии...

Маленькая красноватая черточка бросилась мне в глаза между первым и вторым пальцами ее правой руки.

Когда я взял запястье и приподнял слегка ее руку, под ней оказалась маленькая дырочка от пули в ткани платья, окруженная колечком засохшей крови.

Итак, никакой это не транс, на который надеялся Полник,— и док Мурфи нам не был нужен, чтобы установить ее смерть, единственно для того, чтобы установить, когда и как она умерла...

Откуда-то сверху донеслось почти рыдание...

— Лейтенант,— голос Уильямса сорвался от отчаянья,— это не след от выстрела, что это за рана?

Я снова вскарабкался наверх, стал рядом с ним на свежей зеленой траве. Его руки находились в постоянном движении — одна скребла шею сзади, другая, казалось, искала себе пристанища где-то внутри пиджака на гладком белом жилете...

— Проклятое общественное мнение! — Его глаза округлились при этой мысли.— Газетчикам повезло сегодня,

лейтенант! Я не знаю, что скажет начальство — ничего подобного не случилось с нами прежде.

— Вы удивляете меня, мистер Уильямс,— сказал я мрачно,— вы имеете в виду вот этот саркофаг? Он что же, первый у вас?

Скребущие пальцы оставили в покое шею и с бешенством схватились за мочку уха:

— Сейчас не время для плохих шуток, лейтенант! — Его лицо побагровело. — Вы, кажется, не отдаете себе отчета, какая это для нас трагедия!

— И для девушки в саркофаге,— подхватил я. — Она была убита.

— Да, да, конечно,— его пальцы снова затихли,— любовью мог потерять голову в такой момент, вы уж простите меня.

— Вы когда-нибудь встречали ее прежде? — спросил я без всякой надежды на ответ.

— О да,— кивнул он. — Много раз, лейтенант.

— Вы хотите сказать, что знаете ее? — я вытаращился на него, и теперь уже я начал чесать затылок. — Кто она была?

— Мисс Кэйнс,— он сплюнул,— это именно она занималась всеми приготовлениями.

— Приготовлениями? Какими?

— Она была личным секретарем доктора Торро,— сказал он. Как будто это объясняло все.

— Какие приготовления?

— Для церемонии погребения его жены сегодня утром — болезненно морщась, сказал Уильямс. — Я же говорил вам раньше, вы не помните, лейтенант? Церемония назначена на одиннадцать — готовилось все необходимое для погребения миссис Торро.

Шериф Лаверс сидел за своим столом и смотрел на меня с негодованием, как будто он хотел сорвать на ком-то дурное настроение, а я оказался ближе всех.

— Который теперь час? — проревел он. Я сверил по своим часам.

— Пять минут одиннадцатого.

— Итак, пять минут назад миссис Торро похоронена в той же могиле, где вы нашли труп докторской секретарши? — Он передернулся при этих словах, и я его понимал. — Кажется, придется оставить все остальные дела на ближайшие две недели, понимаете, Уиллер? Слишком много разных разговоров об этом. Даже если вдруг разразится третья мировая война, они даже не заметят этого!

— Да, сэр,— сказал я, потому что больше нечего было сказать, а что-то надо было сказать...

— Торро, как сказал этот главный распорядитель,— один из наших самых известных граждан.— Лаверс загасил кончик сигары и, немного помедлив, бросил ее в металлический ящичек позади себя.— Он ведущий психиатр в городе, состоит членом семи или восьми различных комитетов по самым важнейшим из важнейших причин. Боже мой! Они сотрут нас в порошок, если мы не сможем разобраться в этом деле!

— У вас есть какие-нибудь соображения, шериф?

Он смерил меня жестким, почти враждебным взглядом.

— У меня есть одно, но именно сейчас вы мне нужны, Уиллер, как это мне не неприятно! Я хочу, чтобы вы сконцентрировались на этом деле и исключили все остальное, включая женщин. У вас будет все необходимое, только назовите и получите. Может, вызвать и Хоумсейда по этому случаю?

— Этот крематорий в вашем ведении, шериф,— сказал я как можно мягче.— Я не представляю, как мы будем использовать эту огромную площадь, прыгая по ней все время!

— Так что же, одинокий волк — непревзойденный сыщик? — Он ехидно осклабился.— Вы бы лучше помнили о своей репутации на этот раз или с вами будет все ясно, Уиллер!

— Да, сэр,— сказал я терпеливо,— вы, должно быть, помните, я спросил, есть ли у вас какие-либо соображения, но не для того, чтобы услышать нотацию и порцию правил хорошего тона, или как быть хорошим лейтенантом и есть мой пшеничный пудинг каждое утро. Соображения, например, как приблизиться к этому лекарю-врачевателю горячих голов, вот что меня интересует. Немного о его жене и его секретарше — кое-что из того, что знают в городе и чего не знают! Я уверен, что если здесь есть какая-то грязь, то вы как раз тот, кто это знает! — необдуманно закончил я.

Наступила тягучая пауза, что-то мелькнуло в глазах шерифа только на мгновение, но три затяжки сигары и мысль о том, что сказал ему доктор в последнее свидание, сделали его голос мягким:

— Я послал Полника рассказать ему о его секретаре,— сказал он, игнорируя мои вопросы.— Итак, к тому времени, как его жена свела счеты с жизнью, он привыкает к этой мысли, это уже не будет так его шокировать. Вам

уже будет легче его допрашивать, когда вы пойдете к нему, не так ли?

— Может быть, мне его встречать в пробуждении, — извил я. — Сожалею о вашей утрате, доктор, такое несчастье, выпейте еще и расскажите мне обо всем этом, а?

Голова Лаверса совсем утонула в клубах сигарного дыма.

— Вы можете преподносить это как вам угодно, лейтенант! — сказал он, и голос его дрогнул, — но либо вы это сделаете, либо вмешается Хоумсейд — на ваш выбор!

— О'кей, — сказал я безнадежно. — А что касается того, что у меня будет все необходимое, догадываюсь, что трехнедельный отпуск сюда не относится?..

Глава 2

Доктор Джейнсон Торро был высокий тощий малый, что-то около сорока, с аскетическим лицом и коротко стриженными волосами.

На нем был прекрасно сшитый темный костюм, который мог стоить ему около трехсот долларов, все аксессуары прекрасно гармонировали со всем его обликом. Сильные руки с длинными чувствительными пальцами постоянно двигались по полированной доске стола перед ним, все время, пока он говорил:

— Я сознаю ваше положение, лейтенант, — сказал он скорбно. — Бог знает, кому понадобилось убивать бедную Бернис Кэйнс, но кто-то это сделал, и допрос должен быть произведен, — он беспомощно пожал плечами, — я не должен говорить вам, как неожиданно было это для меня, когда ваш сержант рассказал мне обо всем этом, за полчаса до погребения. И они оставили ее тело в могиле Марты!

Он поднялся со стула резко и прошел к окну, встав спиной ко мне.

— Это не могло быть совпадением, не так ли, лейтенант? — Его голос звучал глухо.

— Не похоже на то, — сказал я вежливо. — У вас есть враги, доктор?

— Боже мой, — он пожал плечами, — я надеюсь, что у меня нет врагов, которые бы настолько меня ненавидели!

— А как насчет девушки — вашей секретарши? У нее были враги? — спросил я.

— Об этом я не знаю, — сказал он недоуменно. — Бер-

нис была моим личным секретарем, как вы знаете, лейтенант. Очаровательная девушка, великолепный секретарь. Что она делала до и после работы, мне не было известно.

— Это были строго деловые отношения, ничего личного, совсем, между вами и вашим секретарем?

Он обернулся, чтобы взглянуть мне в лицо.

— Я не имею ничего против вашей настойчивости,— сказал он резко,— но ведь я вам уже сказал, что она была только моим секретарем.

— Конечно, конечно,— сказал я мягко,— и как же долго?

— Год, может быть, больше, я могу сверить мои записи, если угодно?

— Может быть, позднее,— сказал я.— Как вы пришли к решению принять ее к себе на работу?

— Моя последняя секретарша оставила работу, она собиралась выйти замуж,— сказал он жестко.— Одно из бюро по найму прислало пять или шесть человек. Бернис оказалась лучше всех их, и я ее нанял.

— Она не была замужем?

— Это мне неизвестно.

— Был ли у нее постоянный знакомый?

— Как долго я еще буду повторять, лейтенант,— он почти шипел,— я сказал вам раньше, я ничего не знаю о ее личной жизни!

— Если я не задам вам этих вопросов,— сказал я терпеливо,— множество других зададут, в том числе и газетчики. Тело вашей секретарши, оставленное в могиле вашей жены, логически не может быть совпадением. Итак, это выглядит так, как если бы кто-то имел достаточно оснований ненавидеть не только вас, но и вашу жену, не так ли?

Его лицо снова побелело.

— Я не должен мучиться над этими гнусными предположениями, лейтенант, и не собираюсь. Если вы будете продолжать задавать вопросы в том же духе, я сейчас же вызову моих адвокатов!

— Это ваше право, доктор,— согласился я.— Но тот факт, что тело девушки положено именно в могилу вашей жены, имеет какое-то значение, вы согласны?

Он сел, и опять его пальцы задвигались по крышке стола:

— Я догадываюсь, что...— его голос упал почти до шепота,— простите, ваши вопросы, конечно, вполне умест-

ны, но именно сейчас они мне кажутся особенно неприятными, почти невыносимыми.

— Конечно, я могу это понять, — сказал я. — Но я вынужден их задавать.

Торро зажег сигарету, чтобы дать рукам какое-то занятие, затем потушил ее нервозно. Руки его сильно дрожали.

— Моя женитьба была неудачной, лейтенант, — сказал он, быстро выговаривая слова, — это было ошибкой. Мы оба поняли это после, через год, но как-то мы ничего не предпринимали, ничего не делали. — Горькая улыбка скривила уголки его губ. — Я думаю, что мое профессиональное и социальное положение сыграло достаточную роль в этом, а Марта радовалась роскоши и социальному престижу, который она, как моя жена, имела. В последние пять лет мы совершенно не имели ничего общего. Мы только мучили друг друга и больше ничего.

Он раскрошил сигарету, выбросил ее в стеклянную пепельницу на столе и потер руками лоб.

— Зачем? — спросил он сам себя в отчаянии. — Хотите знать правду, лейтенант? Мы были любовниками, я и Бернис, были в течение последних шести месяцев.

— И вы все-таки не знаете никого, кто мог иметь мотивы для убийства, из ревности, например?

— Нет, — сказал он решительно и затряс головой. — Ни одного человека. Она приехала из Денвера. У нее нет ни друзей, ни родственников здесь, в Пейн Сити.

— А как насчет вашей жены, — предположил я, — возможно был кто-то, кто сказал ей о вас и Бернис Кейс, надеясь, что она пойдет на убийство из-за мести?

— Я не знаю, догадывалась ли Марта о нас или нет, — устало произнес Торро, — даже если бы она знала, сомневаюсь, что это хоть сколько-нибудь могло ее обеспокоить. Марта была женщиной очень практичной — и если бы в ее жизни был другой мужчина, я никогда бы не узнал об этом, лейтенант. — Он вздрогнул. — Но когда я начинаю думать об этом, мне кажется, что я совсем не знаю, как жила Марта, что она делала, когда мы были на людях.

Я вытащил свою сигарету.

— От вас мало толку, — сказал я мрачно и зажег спичку.

— Извините, — механически ответил он, — именно сейчас я не могу думать логически. Может быть, вам следует поговорить с Таней Строуд, она могла бы рассказать вам больше.

— Таня Строуд? — спросил я.

— Она была ближайшей подругой Марты и знала о ней все.— Его рот дернулся в гримасе отвращения.— Они всегда были вместе — ленчи, коктейли, демонстрация моделей, салон красоты — иногда мне казалось, что она и обо мне знает больше, чем даже сама Марта! У нее квартира на Лейксайде. Она вдова и все время ее уходит на собственные развлечения, а денег для этого у нее достаточно. Ее покойный муж сделал миллион и, возможно, его избавили от удовольствия тратить эти деньги, а коронарная недостаточность помогла ему.

Он нацарапал адрес на листке из блокнота и протянул его мне.

— Таня была очень взволнована на церемонии сегодня утром,— сказал он сухо.— Она громко кричала и была почти в истерике, ну, прямо-таки профессиональная плакальщица.

— Бьюсь об заклад, мистер Уильямс не был доволен такой сценой,— сказал я.

— Уильямс? — внезапный интерес в глазах.— Главный распорядитель оттуда, вы его имеете в виду? Интересно, очень интересно. Довольно запущенная вернофобия, я думаю. Боязнь червей — любопытная мания, лейтенант. Вы заметили, как он постоянно скребет себя?

— Я обратил внимание,— сказал я.

— Подозрительный комплекс, я подразумеваю.— В голосе Торро звучало нечто большее, чем просто профессиональное любопытство.— Я бы очень хотел им заняться. У меня есть теория о людях его профессии: они имеют дело только с мертвецами и теми, кто их хоронит, всю свою жизнь. Я думаю, что все это может очень легко вызвать определенный комплекс, довольно сильный. Вы понимаете, они еще живут и через какое-то время это начинает их удивлять — ведь посудите сами, вокруг них все умирают, кроме них!..

— Это интересная теория, доктор,— сказал я заинтересованно,— но, думаю, что у него просто экзема!

— Неужели,— изумился он,— я в этом очень сомневаюсь!

— Вы думаете, что у него вот эта самая «Пляска червей»? — меня передернуло при этой мысли.

— Ему кажется, что его разъедает изнутри, и это ощущение его не покидает,— сказал Торро, с энтузиазмом кивая головой,— это своего рода компенсация, расплата за то, что он жив и живет среди мертвых...— Первый раз за все время лицо его оживилось.— «Ол райт — говорит ему

подсознание, я виновен в том, что я жив среди мертвецов, но за это я умираю заживо». — Не смейтесь, лейтенант, логики нет места в уме такого индивидуума.

— Какой уж тут смех? — возразил я нервно. — Вы как раз вернули меня к жизни!

По дороге к дому Тани Строуд, я собрался где-нибудь перекусить. Но воспоминаний о теории Торро было вполне достаточно, чтобы отбить всякий аппетит.

Лейксайд Драйв располагалась как раз напротив озера. Спокойная, гладь ярко-синей воды, освещенной лучами раннего утреннего солнца, невольно навевала мысли о том, что люди, живущие у этого озера, также безмятежны и спокойны, как и дикие утки, лениво путешествующие вдоль берегов.

Я поставил машину недалеко от дома, вошел внутрь, поднялся в лифте на двенадцатый этаж, подошел к двери и нажал кнопку звонка...

Видение явилось мне все в ярких цветах. Оно стояло и смотрело на меня, а мне пришлось немного времени потратить на то, чтобы наконец сориентироваться и увидеть все в правильной перспективе: ковер — цвета красного фламинго, волосы и губы — того же цвета, глаза — ярко-синие, свитер — ярко-желтый и такое же трико.

Она была, что называется, хорошо сложена, хотя и это не то слово! Ее бедра были поистине великолепным сооружением, суперструктурой, монументом женственности — а выпуклости ее груди, подобно песочным часам, были чудесно разделены и поднимались в такт дыханию ее полураскрытых губ. И так напряжены были эти капризно изогнутые губы, что у меня в горле тоже что-то напряглось...

Ее лицо — я наконец перейду к нему — было слегка припухшим, как после слез, и поэтому совсем детским. Холодность в ее глазах исчезала по мере того, как она рассматривала меня...

— Я рада, что вы пришли, — сказала она хрипловатым голосом, — я как раз думала о вас — входите!

Она повернулась и пошла в комнату, я последовал за ней, созерцая округлости ее ярко-желтых бедер. Мы вошли в гостиную с видом из окна на озеро, с роскошной восточной мебелью, которая была таким дефицитом пару лет назад...

— Садитесь, — скомандовала она, указав на длинную низкую кушетку, которая тянулась вдоль всей стены.

Я повиновался. Она подошла к окну и дернула за шнур,

шторы сошлись вместе, словно отрезав солнечный свет и вид на озеро. В интимном полумраке она подошла обратно к кушетке.

— Вы верите в телепатию? — Ее голос слегка дрожал, когда она скользнула на кушетку рядом со мной, прижав свое бедро к моему.

— Торро сказал, что я еду к вам? — спросил я, так как это было первое, что пришло мне в голову.

— Торро? — Ее рот скривился в гримасе отвращения. — Пожалуйста, не портите все упоминанием этого дьявольского имени!

— Но если это не он сказал вам, что я еду к вам, как еще могли вы узнать?..

— Ты не поймешь, — выдохнула она. — Я чувствовала, что кто-то мне очень нужен, когда вдруг прозвучал звонок. Я открыла дверь, и там был ты! Ты понимаешь, дело не в имени и не в цели твоего прихода — подписка на журналы или проверка водопровода... Минута забвения, полчаса счастья, и я забуду, что ты когда-то существовал! — Она прижалась ко мне плотнее, и я ощутил тяжесть ее груди.

Глаза у нее закрылись и она пробормотала: «Поцелуй меня!..»

— Возможно, что ты уже в забвении, — сказал я хмуро, — но сомневаюсь, что ты так быстро забудешь полисмена!

Ее глаза широко открылись;

— Кого?

— Лейтенант Эл Уиллер, из конторы шерифа. А вы — мисс Строуд, одно из моих видений, мой идеал, обретший плоть и кровь, — я схватил один из ее локонов не очень почтительно, — так восхитительно оживший!

Она дернулась прочь от меня — настоящий памятник, безупречная статуэтка в ярко-желтых колготках.

— Черт! — сказала она негодуя. — Почему же ты сразу не сказал, что ты из полиции!

— Ну, — сказал я с кроткой, грустной улыбкой, — полисмены тоже люди, говорят, а то, что ты собиралась предпринять, случается не так уж часто в нашей скучной серой жизни.

— Вы бы лучше перешли к делу, лейтенант! У меня сегодня дел по горло.

— Я заметил это, как только вошел, — согласился я. — Я расследую убийство Бернис Кэйс.

Таня Строуд выдавила две слезинки из уголков глаз

и предоставила мне проследить, как они медленно скатывались по ее щекам.

— Это как раз то, что я старалась забыть! — сказала она дрогнувшим голосом. — Моя лучшая подруга Марта — самый дорогой мне человек в мире — похоронена сегодня утром и даже была осквернена этой ужасной женщиной!

— Бернис Кэйс? — уточнил я, пытаюсь не отвлекаться от хода мыслей.

— Женщина, которая превратила жизнь Марты в настоящий ад! — прошипела она мне в лицо. — Но также, как и ее, я обвиняю Джейнсона Торро — этого дьявола! Он виноват во всем — в том, что Марта умерла такой молодой, и что она была убита! Это его вина!

— Как вы это объясните?

— Вы не поймете, — усмехнулась она, — вы такой же мужчина, как все.

— Это не то, что вы искали пять минут назад? — спросил я невинно.

Она раздраженно передернула плечами:

— Вы прекрасно понимаете разницу, лейтенант. Одно дело чисто физическое влечение, и совсем другое — вопрос понимания.

— Попробуйте все же, — предложил я, — я сочувствующий тип.

— Знаете ли вы, как умерла Марта? — спросила она дрожащим голосом.

— Нет, — признался я, — у меня еще не было времени выяснить это.

— Тогда найдите время, — приказала она. — Это стоит того. Она думала о нем, она потеряла голову из-за этого «соблазнителя», ее мужа! Это из-за него она постоянно пребывала в таком состоянии, что не знала, какой конец лучше!

— Вы думаете, что она покончила с собой?

— О нет, — сказала она и мягко улыбнулась. — Торро был слишком умным, чтобы допустить что-нибудь подобное. Это был несчастный случай. Бедная крошка, она все время была в таком смятении, а водить эти спортивные машины нужно со спокойной душой. Рано или поздно это должно было случиться! И этот монстр знал это!

— Вы имеете в виду, что она была убита в автомобильной катастрофе? — спросил я.

— Так они это разрекламировали. — Таня Строуд выговорила это очень странно и мрачно. — Но я знаю больше! Он запланировал это!

— Это интересная история,— пробормотал я,— я займусь этим.

— Вы не верите мне, не так ли? — Рыжие волосы рассыпались роскошными волнами, когда она встряхнула головой.

— Немного есть. Не очень-то все это правдоподобно,— сказал я честно.— У меня уже есть одно убийство, и я не согласен покупать еще одно, это не рынок, миссис Строуд.

— О, мужчины! — почти прорыдала она.— Если вы не верите мне, спросите Фрэнка Корбана — он вам расскажет!..

— Фрэнк Корбан?

— Он был хорошим другом Марты,— отчаянно выпалила она.

— Конечно, я опрошусь его,— сказал я.— Где я могу его найти?

Крепкими белыми зубами она закусила нижнюю губу.

— Возможно, это ему совсем не понравится. Вы не говорите ему, что это я назвала его имя вам, хорошо?

— Честное слово полисмена!

— Он живет на том берегу озера,— сказала она,— место называется Ретрит, вы сразу найдете.

— Я пойду сейчас же к нему,— сказал я.

— Он вам понравится. У него есть чувство юмора, и он постоянно шутит.— Она улыбнулась, округлая рука легла на мое бедро. Внезапно длинные ногти вонзились в тело.— Но, пожалуйста, будьте осмотрительны, лейтенант,— прошептала она.— Фрэнк очень веселый малый, но иногда с ним опасно шутить. Не надоедайте ему кучей вопросов и прочим, хорошо?

— Я постараюсь не нервировать его,— пообещал я.— Будьте добры, вытащите ваши ногти из моей ноги, а?

Она в ярости вскочила с кушетки, но вдруг потянулась и сладко зевнула. Тонкий желтый свитер обтянул все изгибы ее тела. Затем она также медленно выпрямилась...

— О, боже,— почти застенчивое выражение появилось на ее лице,— вы так спешите, лейтенант, вы не даете возможности бедной девушке опомниться.

Когда я вставал с кушетки, она спросила:

— Вы не хотите выпить чего-нибудь? И почему бы вам не остаться еще немного?

— Я воспользовался бы, Таня,— сказал я, вставая,— этим приглашением, но не сейчас. Может быть, в другой раз?

— Не думаю,— равнодушно ответила она.— Теперь

или никогда, это мой лозунг. Забавно, что так много парней, которые выглядят вроде бы мужчинами, в конце концов оказываются кроликами!

— Недавно в Голливуде, — печально объяснил я ей, — я раздобыл автограф Роджера Кролика, и это в какой-то мере изменило все мое мировоззрение...

Глава 3

Местечко, которое называлось «Ретрит» (убежище), вполне соответствовало своему названию. То тут, то там я видел в тенистых уголках парочки, причем совершенно невозможно было определить, где он, а где она... Прически были абсолютно одинаковыми, так что приходилось смотреть ниже: если рубашка, то парень, если что-то другое, то, наверное, девица... Иногда до меня доносился запах хорошего шотландского табака. Начать, что ли, курить трубку, такую старинную, изогнутую...

Дом был построен в псевдо-тюдорианском стиле, но это было всего лишь бедной имитацией этого стиля, который так хорошо смотрелся в Англии... Я когда-то бывал там и знаю, что это такое...

Я дернул за шнур на солидной дубовой двери. Старинный бронзовый звонок яростно звякнул, оповещая тех, кто внутри, что кто-то снаружи ждет...

Прежде, чем звук звонка затих, дверь распахнулась, однако горничная мне не улыбнулась. На шапке пышных волос лежала благочестивая белоснежная шапочка, которую можно было увидеть только во франко-голливудском фильме довоенных лет.

Даже если бы она и изобразила улыбку с помощью губ и зубов, она была бы лишней, потому что всем своим изящным телом, которое четко вырисовывалось под черной униформой, говорила: «Входи, незнакомец, ты дома».

Прошла почти минута, но не было сказано ни слова, мы только смотрели друг на друга. Я считал, что она должна спросить первой, к примеру: «Да, сэр?» Еще минута молчания, и я почувствовал, что больше не выдержу.

— Если вы ничего не имеете против, — сказал я доверительно, — я был бы счастлив составить вам с пылесосом компанию?

— Что бы вы не продавали, — сказала она спокойно, — мы либо купим, либо не купим это.

— Лосьон для лица, который я продаю, смывает все. Он

смот того парня, который надоедал вам на прошлой неделе. Он составлен на лучших маслах, и вы можете...

— Кто вы? — ее вздернутый носик пренебрежительно сморщился, — повар или кто-то еще?

— Полисмен. Лейтенант Уиллер из управления шерифа, но вы можете называть меня просто Эл...

— Мне не хочется вас так называть. — Такое разочарование было на ее личике. — Если вы сыщик, то я...

— Не говорите так! — опередил я ее, показав ей мой значок. — Мне нужно поговорить с Фрэнком Корбаном.

— Так вы в самом деле сыщик? — Она уставилась на значок, потом подняла голову и снова взглянула на меня без интереса. — Подождите здесь, я узнаю, примет ли он вас.

В ожидании я зажег сигарету и задумался. Коли это новый тип горничных, то не лучше ли мне забросить закон и порядок и позвонить в бюро услуг...

Дверь открылась. Горничная посмотрела на меня снисходительно, будто удивляясь, как это я не исчез...

— Мистер Корбан примет вас, лейтенант.

Я вошел в широкий холл, подождал, пока она закроет входную дверь, затем пошел следом за ней, вернее, за ее платьем из черного сатина, дальше. Мы подошли к другой двери, она постучала и встала сбоку:

— Мистер Корбан ждет вас, — сказала она резко, — бьюсь об заклад, он тоже примет вас за повара.

У меня не было времени для возражений. Я вошел в комнату, которую вы сразу бы назвали кабинетом. Она была отделана дубовыми панелями, на которых висели охотничьи трофеи и огнестрельное оружие в стеклянных колпаках. Четыре кожаных кресла стояли аккуратным полукругом вокруг массивного камина, и в одном из них сидел тип и курил трубку с длинным мундштуком и чрезмерно большим чубуком.

Увидев меня, он поднялся, улыбаясь. Кожа на его лице была туго натянута на кости, словно скальп, застывший в подобострастном оскале.

— Лейтенант Уиллер, не так ли? — он протянул холерную руку и холодными пальцами на мгновение сжал мою кисть. — Я заинтересован, лейтенант, мне не так часто наносят визиты из полиции. — Он издал горлом странные звуки, и я сообразил, что это смех, которому предшествовала шутка, которую я не понял.

— Я расследую убийство девушки по имени Бернис

Кэйс,— сказал я официальным тоном,— миссис Строуд сказала мне, что вы можете быть мне полезны...

— Таня так сказала? — Он вынул трубку из бескровных губ и изобразил на лице изумление.— Что же заставило ее так сказать?

— Может быть, она приняла меня за повара, как ваша горничная? — предположил я холодно.

— О, боже! — Он стукнул концом трубки по верхним зубам и этот звук отозвался у меня на нервах.— Бетти опять была груба?

— Если Бетти — ваша горничная, то вы правы,— сказал я.— Догадываюсь, что она своего рода уникам в бюро по домашним услугам.

— Вот всегда она такая,— он побулькала немножко. Это была небольшая разрядка, можно было подумать, как себя вести.— Но по дому она не имеет себе равных, вы знаете. Вот почему я не обращаю внимания на ее странности... Пожалуйста, примите мои извинения, лейтенант.

— Когда есть на что посмотреть, кто будет слушать, что она говорит,— галантно произнес я.

Корбан с понимающим видом попыхтел своей замысловатой трубкой и кивнул, улыбаясь:

— О да, она довольно привлекательна, не так ли? Я знал, кого подобрать на это место.

— Униформу тоже вы подобрали? — сказал я.

Его густые пушистые брови насупились, темно-карие глаза потемнели.

— Я не думаю, что это хорошая шутка, лейтенант, поэтому проигнорирую сказанное.

— Убийство Бернис Кэйс я не могу игнорировать,— сказал я.— Как сказал доктор Торро, они были близкими друзьями, и он не может поверить, что у него есть враг, способный на то, чтобы убить девушку и положить ее в могилу, ожидавшую его жену... Таня Строуд так говорит об этом: доктор не кто иной, как дьявол, который свел свою жену в могилу, и она нисколько не была бы удивлена, если он убил бы и девушку. А как вы считаете?

Мышцы его черепа организовались так, что лицо приняло негодующее выражение:

— Что считаю, лейтенант?

— Вы были хорошими друзьями с миссис Торро — вам должно быть известно кое-что о ее личной жизни.

— Ах, вот что.— Он изящно пожал костлявыми плечами.— Я знал ее довольно хорошо, и доктор не был осведомлен об этом. Бедная Марта временами была очень

эмоциональной. Признаюсь, она постоянно надоедала мне своими домашними неурядицами. Но я никогда не видел ее мужа и, скорей всего — и эту девушку. Как вы ее назвали, Кэйнс?

Он зубами передвинул во рту трубку и хрипло откашлялся.

— К сожалению, как вы сами видите, лейтенант, я ничем не могу быть вам полезен...

— А Таня Строуд? — настаивал я. — Что вы знаете о ней?

— Тигрица, постоянно ищущая себе пару на всю жизнь, — сказал он, — подходящую пару, конечно. Впрочем, кое-кто мог бы назвать ее иначе — например, черная вдова-паучиха! Она, конечно, была близким другом покойной Марты, и я не уверен, что именно доктор — одна из ее целей. Но кто знает, что у нее может быть на уме!

— Так, — сказал я без малейшей надежды. — Ну, простите, мистер Корбан, за то, что отнял у вас время.

— Не стоит, лейтенант. Я прикажу Бетти проводить вас. — Он нажал кнопку звонка рядом с камином и встал рядом, посасывая свою трубку.

Через несколько секунд дверь открылась. Блондинка-горничная сделала пару шажков по комнате, остановилась и посмотрела на Корбана.

— Вы что-то хотели? — резко спросила она.

— Лейтенант Уиллер уходит, Бетти, — ровно сказал Корбан, — пожалуйста, проводите его.

— Вы хотите сказать, что только для этого меня и вызвали? — Ее рот даже открылся от возмущения.

— Конечно! — выпалил он. — Это ведь одна из ваших обязанностей, если вы помните?

— А что он сам? — спросила она. — Он забыл, как вошел сюда?

— Бетти, — Корбан сжал свою трубку. — Мне не нужны ваши аргументы. Проводите лейтенанта.

— Хотите, поддержитесь за мою руку, — сказала она, смерив меня презрительным взглядом, — а то еще потеряетесь!

— Охотно, — сказал я с энтузиазмом.

Я последовал за ней в холл. Она открыла дверь и с преувеличенной заботой на личике спросила:

— Вы уверены, что дойдете до своей машины, лейтенант, или, может, доставить для вас собаку-поводыря?

— Вы меня поражаете, Бетти, — сказал я, — горничная

из вас никудышняя, Корбан тоже не похож на любовника, но может быть, я ошибаюсь...

— У вас большое воображение, лейтенант,— сказала она.— Пусть Корбану не нравятся мои манеры, и все же он прекрасно знает, что без меня этот дом давно развалился бы, поэтому я, что называется, привилегированная горничная...

Шум подъезжающей машины заставил меня обернуться, и я увидел, что рядом с моей машиной резко затормозил белый, как снег, мерседес.

Водитель вышел из машины, быстро направился к дому, неся на кончиках пальцев ног атлетически сложенное тело.

Он был молод, лет, может быть, двадцати пяти, чуть больше шести футов роста, около восьмидесяти килограммов весу. Его блестящие черные волосы были зачесаны со смуглого тяжелого лица назад, а живые темные глаза мерцали, когда он взглянул на горничную.

— А, Бетти,— сказал он радостным басом,— ты прекрасна, как сегодняшний день. Ты все возишься на кухне с кастрюлями, готовя для несносного Корбана?

Лицо блондинки прояснилось, холодное выражение, однако, еще оставалось на лице. Он внимательно взглянул на меня, затем на нее с извиняющимся выражением.

— Я знаю, я буду следить за своими манерами. Ну, представь же меня, моя крошка! Это новый член клуба?

— Это лейтенант Уиллер из управления шерифа,— деревянным голосом произнесла Бетти.— Лейтенант, разрешите представить вам Хола Бейкера.

На лбу у Бейкера появилась морщина недоумения, улыбка поползла с его лица, и он уставился на меня:

— Лейтенант? — поперхнулся он.— Рад познакомиться.

— А что, Бейкер, Корбан действительно играет в пятнашки на кухонном столе? Не думаю, чтобы он был очень силен, но картина, конечно, из веселеньких!

— Я, конечно, пошутил,— сказал он, неопределенно улыбаясь,— мне всегда удается спороть какую-нибудь чушь именно тогда, когда это совершенно неуместно!

— Но если вы члены клуба, все шутки сходят с рук? Не так ли, а? — Я сказал это обвиняющим тоном.

Улыбка совсем сползла с его лица.

— Это была как раз одна из моих шуток, лейтенант.— Он объяснил мне ее слишком старательно.— Это дом Фрэнка. Он такой огромный, я всегда называю его дере-

венским клубом, понимаете? А потом, как вы помните, я назвал Бетти хозяйкой, а не горничной.

— Конечно,— сказал я, сделав вид, что ничего не понял,— но почему-то эта шуточка повергла в такое смущение Бетти!

— Единственное, чего лишены девушки, так это чувства юмора,— заявил он.— Ну, если позволите, лейтенант...

— Ступайте, Бейкер, я уже уходил,— сказал я вежливо.

Он метнулся мимо Бетти в дом и направился прямо к кабинету Корбана. Я прошел немного вперед, затем вернулся и покосился на девушку.

— Спасибо, что проводили меня, куколка. Это было истинным удовольствием.

— В следующий раз, когда соберетесь сюда, выберите четверг. Я в этот день выходная и меня здесь не будет.

Я услышал, как хлопнула дверь, как раз тогда, когда подошел к машине. Прежде, чем скользнуть на сиденье, я записал номер мерседеса. Затем проехал немного вперед и выехал на дорогу.

Мои часы показывали половину четвертого. Большая часть дня была впереди и, направляясь по следующему адресу, я думал, что, вполне вероятно, ярко-желтый цвет мог стать моим любимым цветом...

Глава 4

Когда лифт доставил меня на двенадцатый этаж, мне вдруг пришло в голову, что я просто сексуальный экземплярчик, и шериф был бы абсолютно прав, вышвырнув меня через неделю с работы. И если ты любишь свою работу, какого же черта... Но мысли эти мелькали и спадали, а тем временем я нажимал кнопку звонка у двери Тани Строуд.

Через пять секунд я так смутился, что забыл всю свою философию. Я ожидал лицезреть яркое видение лимонного цвета, а увидел рослого парня с темным мрачным лицом, в рубашке, через распахнутый ворот которой торчала черная шерсть.

Парень тяжело сглотнул, словно только что проглотил большой кусок, и посмотрел на меня, как на образец хорошего мяса в бакалейной лавке...

— Я думал, что ты не осмелишься появиться, пока я здесь,— сказал он с чувством удовлетворения,— она лга-

ла мне, что никакого парня не было вовсе! К тому времени, как она вернется, это станет правдой...

Он не дал мне возразить. Его левая рука сгребла добрую половину моего пиджака, а правая сложились в огромный кулак и приготовилась опуститься на мою голову...

Я успел среагировать, так как мне было очень жаль моих зубов, и постарался аккуратно прыгнуть на его ногу. Он приготовился было взречься. Шум был вовсе ни к чему и я всадил руку в его солнечное сплетение, а ребро ладони — в горло.

Мне понадобилось много времени, чтобы отцепить его руку от моего пиджака, пока он просто с широко открытым ртом и, вытаращив глаза, глотал воздух. Щеки его медленно бледнели, постепенно приобретая синеватый оттенок. В общем, у него уже было достаточно хлопот, чтобы обращать на меня внимание, когда я двинулся мимо него в комнату...

Таня Строуд сидела на кушетке в гостиной. Тяжелые шторы были по-прежнему задернуты, а комната погружена в интимный полумрак.

Это был как раз тот самый случай, когда нужно было смутиться и спросить, не помешал ли я?

— Что с Бенни? — спросила она упавшим голосом.

— Вы имеете в виду того, у которого столько шерсти на груди?

— Кого же еще? — прорычала она.

— У него что-то случилось с дыханием. Либо это астма, либо он слишком много занимается спортом в помещении. С ним будет все в порядке, я уверен!

Звук тяжелых шагов подтвердил мои слова, и огромный парень ворвался в гостиную. В его глазах я прочел желание изувечить меня. Он начал приближаться ко мне.

— Скажите ему, кто я, миссис Строуд, — сказал я, когда между нами осталось пять шагов, — скажите ему, что ему обеспечено девяносто девять лет за предумышленное убийство, даже если я выстрелю ему два раза в желудок в качестве самообороны.

— Бенни! — сказала Таня дрожащим голосом. — Он из полиции!

— Мне плевать, кто он, — хрипло сказал Бенни, но когда с ним покончу, он будет... — Вдруг он остановился и замер. — Полисмен!

— Лейтенант Уиллер из управления шерифа, — представила меня Таня. — Я тебе говорила, что больше никого

не было, почему бы тебе не прижать свои толстые уши и не послушать меня раз в жизни?

— Сыщик! — Лицо Бенни сменило несколько выражений, и, наконец, восстановило имитацию улыбки...

— Ну, — сказал он, — прошу прощения. Надеюсь, вы понимаете, лейтенант, я просто ошибся, вернее, принял вас за...

— Конечно, — сказал я, — давайте забудем это, ведь вы мне не повредили ничего, так что я приму ваши извинения.

— Спасибо! — Он закрыл глаза, а тело его немного тряслось. — Премного благодарен!

— Мне нужно поговорить с миссис Строуд, — перешел я на официальный тон. — Почему бы вам не одеть ваш пиджак и не улетучиться?

— Поговорить? — Он отвел глаза, похожие на маленькие горящие угольки, и уставился в пространство. — Как долго вы собираетесь здесь оставаться?

Я пожал плечами:

— Кто знает? Возможно, час, а возможно, пару дней. Может, вы позвоните миссис Строуд на будущей неделе и узнаете?

— Послушайте, — с бешенством выпалил он, — вы не смеете... — Потом он понял, что такой мерзавец, как я, конечно, посмеет, и спросил:

— Я позвоню тебе, Таня?

— Да, Бенни, — сказала она, стараясь не смотреть ему в глаза, пока он не собрал, наконец, свои пожитки и вылетел из комнаты. Передняя дверь грохнула, и в комнате воцарилась тишина. Я закурил и стал созерцать выпуклости на свитере Тани, затем схватил ее за прядь рыжих волос, пока она старалась привести их в прежний оригинальный порядок.

— Вы все-таки приходите не вовремя, лейтенант, — сказала она внезапно. — У вас что-то есть ко мне или нет?

— Этот Бенни — буйный парень, — сказал я небрежно. — На что он живет?

— Он водит грузовик, — сказала она смущенно. — Я не обращаю внимания на такие его выходки, позднее он очень раскаивается в них...

— Где вы его откопали? В клубе?

— Однажды ночью в баре за городом, — ответила она равнодушно, — мне было скучно, и... Клуб? Какой?

— Загородный клуб. У Корбана.

Потерев щеку нервно вздрагивающей рукой, она уставилась на меня:

— Фрэнк рассказал вам о клубе?

— Конечно,— кивнул я,— между нами не было никаких секретов. Я даже познакомился с хозяйкой клуба — Бетти.

— Эта шлюха! — прошипела она.

— Я этого не заметил,— признался я,— но возможно, вы правы...

— Я должна выпить чего-нибудь.— Она вопросительно посмотрела на меня, затем встала, задумчиво теребя верхнюю губу.— Как вы, лейтенант?

— Шотландский с содовой,— потребовал я мрачно.

Она взяла два пустых стакана и вынесла их на кухню. Я потушил сигарету в хрупкой пепельнице из китайского фарфора, сел на кушетку. Через несколько секунд Таня вошла в гостиную. Я взял у нее свой стакан, и она села рядом со мной.

— Я не совсем поняла, зачем Фрэнку нужно было рассказывать вам о клубе.— Она подняла свой стакан к глазам, медленно созерцая его содержимое.— Он рассказывал вам обо всем, лейтенант?

— Все,— немедленно согласился я с ней.— Почему вы не называете меня Элом?

— А почему бы и нет,— она равнодушно пожала своими роскошными плечами.— Он что же, рассказывал вам, что Марта была членом клуба?

— Конечно,— опять кивнул я.— Я даже имел честь быть представленным Холу Бейкеру.

— Я выскажу свое мнение Корбану при нашей встрече,— сказала она.— Он с ума сошел, надо же додуматься — рассказать вам такие вещи!

— Он не все рассказал, просто большую часть, подробностей я не знаю,— поправил я ее.— Он не сказал, был ли Торро членом клуба?

— Вы шутите, муж и жена — члены клуба?! — засмеялась она.

— Пожалуй, это действительно глупо с моей стороны, теперь это уже понятно!

— Представляете: Марта и Холл, и Торро с Бетти? — Теперь уже она хохотала.— Как вы думаете, они договорились бы насчет завтрака, а?

Я допил виски и поставил стакан на маленький столик. Таня приблизилась ко мне еще больше, теперь она сидела

совсем рядом... Холодок в ее глазах растаял, теперь они смотрели на меня даже приветливо.

— Вы давно член клуба? — спросил я.

Она повторила пальцем линию моего подбородка, размышляя, что же ответить.

— Где-то около года. Одна моя подруга была членом клуба и представила меня Фрэнку. Я была вдовой уже шесть месяцев, мне было ужасно скучно, знаете, что это такое?

— Могу себе представить, — сочувственно отозвался я. — Корбан ничего не сказал об оплате. Такие клубы, наверное, дорого стоят?

— Естественно, — кивнула она. — И это только деньги, а ведь клуб очень изысканный, Эл!

— Само собой. У вас есть представление о количестве членов клуба?

— Я думаю, только Фрэнк может сказать что-то определенное, — сказала она, — я видела не больше шести-семи человек одновременно.

— Не совсем удобно, если соберется слишком много людей в таком клубе? — предположил я.

Таня кивнула, затем придвинулась ко мне ближе, теплый огонек в ее глазах разгорался все ярче.

— Одного я не могу понять, — озабоченно проговорила она, — как это Фрэнку пришло в голову рассказать вам все это. Неужели он был уверен, что дальше это не пойдет?

— Я думаю, что он был слишком обеспокоен убийством и тем, что его имя связывалось с именем Марты Торро, — пояснил я. — А что этот Холл Бейкер, он действительно член клуба или его хозяин, как Бетти?

— Я никогда этим не интересовалась, — с нетерпением в голосе ответила она. — Неужели мы все время будем говорить только о клубе, Эл? Тебе не хочется отвлечься ненадолго?

Ее губы встретились с моими, заткнув мне рот на полуслове. Мы слились в долгий бесконечный поцелуй. Тело ее затрепетало. Она с возрастающим возбуждением все сильнее прижималась ко мне. После невыносимо долгой паузы она отвернулась от меня, издав звук, очень похожий на рычание тигра, когда он чувствует, что рядом охотник.

Я поднялся с кушетки и вежливо ей улыбнулся, как непьющий гость в компании заядлых алкоголиков:

— К сожалению, мне нужно идти...

Нужно было видеть, какое изумление отразилось в ее глазах, даже рот ее приоткрылся.

— Ты шутишь? — прошептала она.

— Вот что записано в книге правил поведения служащих управления шерифа, — продекламировал я с глубоким сожалением, — страница пятая, параграф четвертый, подпункт Е, читаю:

«Ни один офицер не должен вступать в компромиссные связи с подозреваемым во время работы». — Я посмотрел на часы. — Сейчас пять минут пятого, а я на работе до шести...

— Ты собираешься уйти именно сейчас, когда...

Огненно-желтый свитер взлетел и упал с пугающей скоростью, и я сразу же стал размышлять над проблемами конструкторов женского белья...

— Но я же вернусь, Таня, куколка, — пообещал я, направляясь к двери, — я вернусь.

— Позвони дважды, — сказала она, — чтобы я знала, что это ты, и не трудилась открывать парадную дверь.

— Это я уже слышал сегодня днем, — сказал я мрачно. — Все женщины, которых я встречаю, почему-то выставляют мне когти. Надо выяснить, почему это так? Может быть, они находят меня отвратительным, но ведь это не так?

— Выметайся вон, ты, жлоб! — сказала она с такой яростью, что голос ее сорвался почти на визг. — Мне тошно от одного твоего голоса!

Глава 5

Солнце уже клонилось на запад, когда я возвращался в город, испытывая такое же ощущение в желудке, что и Таня в других своих органах. Поэтому я остановился, чтобы перехватить сэндвич по пути. Контора доктора Торро не отвечала, когда я позвонил туда из столовой, поэтому я набрал его домашний номер...

Голос его звучал без особой радости, когда я сказал ему, что хочу поговорить с ним еще немного, но он все же согласился подождать, пока я приду.

Когда я вошел в дом, мне показалось, что это подходящее жилье для такого человека, как доктор Торро. Большое, светлое здание с украшенным орнаментом фасадом, слегка даже вычурным, как будто архитектор в последний

момент решил, что дом все же должен говорить за свою цену... и перестарался.

Шторы были опущены на всех окнах, придавая дому почти нежилой вид. Я нажал кнопку звонка и услышал, как что-то звякнуло едва слышно внутри. Немного погодя доктор сам открыл мне дверь. Складки на его лице прорезались еще глубже, а может быть, это были их тени, а может быть, разыгралось мое воображение.

Он с минуту смотрел на меня, как на нечто страшно неприятное, затем пожал костлявыми плечами под пре-красно сшитым синим пиджаком.

— Входите, лейтенант, никого больше нет дома.

Я последовал за ним сквозь пустынную гостиную на заднюю террасу, которая была слегка округленной и напоминала бар. На стойке стояли напитки. Доктор указал мне на поднос с бутылками разнообразной формы и спросил:

— Налить вам чего-нибудь, лейтенант?

— Шотландское и немного соды.

Я сел на один из стульев перед баром, пока он готовил выпивку. Когда он закончил и поставил передо мной стакан, а из своего пригубил, взгляд его остановился на мне.

— Вы хотели еще о чем-то спросить меня, лейтенант?

— Да.— Я попробовал виски.— Вы знаете человека по имени Корбан?

— Слышал о нем,— сказал он.— А что?

— Этот малый был хорошим приятелем вашей жены — так говорит Струуд. Так вот, этот Корбан содержит у себя в доме интересное заведение — почти уникальное в своем роде «убежище» — так он его называет.

— Ах, вот как,— произнес Торро. Его пальцы начали постукивать о стойку бара.— Вы думаете, здесь какая-то связь с убийством Бернис, лейтенант?

— Пока не знаю,— признался я.— А как вы познакомились с Корбаном?

— Как вы должны понимать, он был моим пациентом,— сказал он холодно.

— Удивительно. Я бы сказал, что это крепкий орешек,— возразил я.

— Лейтенант! Если вы уж ничего не знаете, то не стоит закидывать удочки подобным образом. У него было простое психическое расстройство.

— Конечно,— сказал я извиняющимся тоном.— Насколько я понял, он содержит что-то вроде частного клуба, очень интимного...

— Я не состою членом этого клуба, если вы на это намекаете, — огрызнулся он.

— Меня интересовало, была ли ваша жена его членом. Например, Таня Строуд — член этого клуба...

Торро устало потер лоб.

— Вполне возможно, что Марта и была членом клуба, я ведь уже утром сказал вам, что мы жили совершенно разной жизнью.

— Уж это точно, — согласился я. — А известно ли вам, что Таня Строуд считает, что смерть вашей жены вовсе не была несчастным случаем?

— Я не удивлюсь ничему, что бы она ни сказала. — Он коротко рассмеялся. — Не думаю, что вам удастся составить ваш отчет, если вы будете верить тому, что говорит Таня...

— Я не склонен верить кому бы то ни было сейчас, и это относится к вам в равной степени, доктор, — сказал я как можно мягче, — я просто пытаюсь найти убийцу.

— Отлично! — Он допил до конца, затем резко поставил стакан на стойку бара. — Я только не в силах понять, каким образом эта куча бессмысленных вопросов и ответов может вам помочь, лейтенант!

Я вздохнул.

— Рано или поздно мне всегда задают подобные вопросы, доктор. А теперь, почему бы вам не присесть на кушетку и не рассказать мне все, что вы знаете. Возьмем, к примеру, Корбана. Расскажите мне о нем, как о пациенте, разумеется.

— Это невозможно, — отказался он, — речь идет о врачебной этике — вы должны знать, что это такое.

— Речь идет об убийстве, и что это такое, вы тоже должны знать, — возразил я. — Либо врачебная этика, либо отказ от дачи свидетельских показаний, выбирайте.

— Хорошо! — Он устало затряс головой. — Что вы хотите знать о Корбане?

— Все с самого начала, — предложил я. — Как он впервые появился у вас, что за заболевание было у него, что-нибудь из того, что он вам рассказывал. Это может помочь следствию.

Торро улыбнулся:

— Вам проще взглянуть на историю его болезни, лейтенант. Есть у вас время прочитать три густо исписанных тетради?

— Надеюсь, что вы сможете сделать это быстрее.

Он зажег сигарету, и пальцы его, оставив спичку, пробе-

жались по костюму, перескочили на стойку бара, снова вернулись к выемке в стойке.

— Корбан был представлен мне другим пациентом, — сказал он быстро, — и если ваше подозрение, что Марта была членом этого заведения — правда, лейтенант, вы признаете иронию этой ситуации. Пациентом, который представлял мне Корбана, была Таня Строуд.

Я закурил сигарету, чтобы составить ему компанию, и отпил еще немного виски.

— Очень сложный человек, — сказал Торро скорее самому себе. — Человек, обладающий множеством недостатков, прежде всего — стремлением к самоуничтожению. Он похож на мотылька, летящего на огонь. Летит, сломя голову, долетел и — вы понимаете, уже поздно... Если он попадает в эмоциональные драматические конфликты, то он просто-напросто сам их создает. В такие дни его стремление унижить, растоптать себя достигает предела. Подобные случаи не так уж просты, в моей практике они считанные, а основаны практически на одном — страстном стремлении к самоуничтожению. Корбан склонен к бешенству, если так можно выразиться...

— И поэтому он содержит этот свой клуб? — покачал я головой сомнительно.

Торро равнодушно пожал плечами:

— Конечно. Кроме того, он очень сексуален, но с оттенком самоуничтожения. Правда, сейчас он может пользоваться только заменяющей стимуляцией...

— Как насчет того, чтобы объяснить это проще? — взмолился я. — Я ведь только простой сыщик...

— Он не получает удовлетворения от простого контакта с женщиной, — сказал он терпеливо, — но вот если он организует это через клуб или частное заведение — для других — то это уже доставит ему большую часть удовольствия...

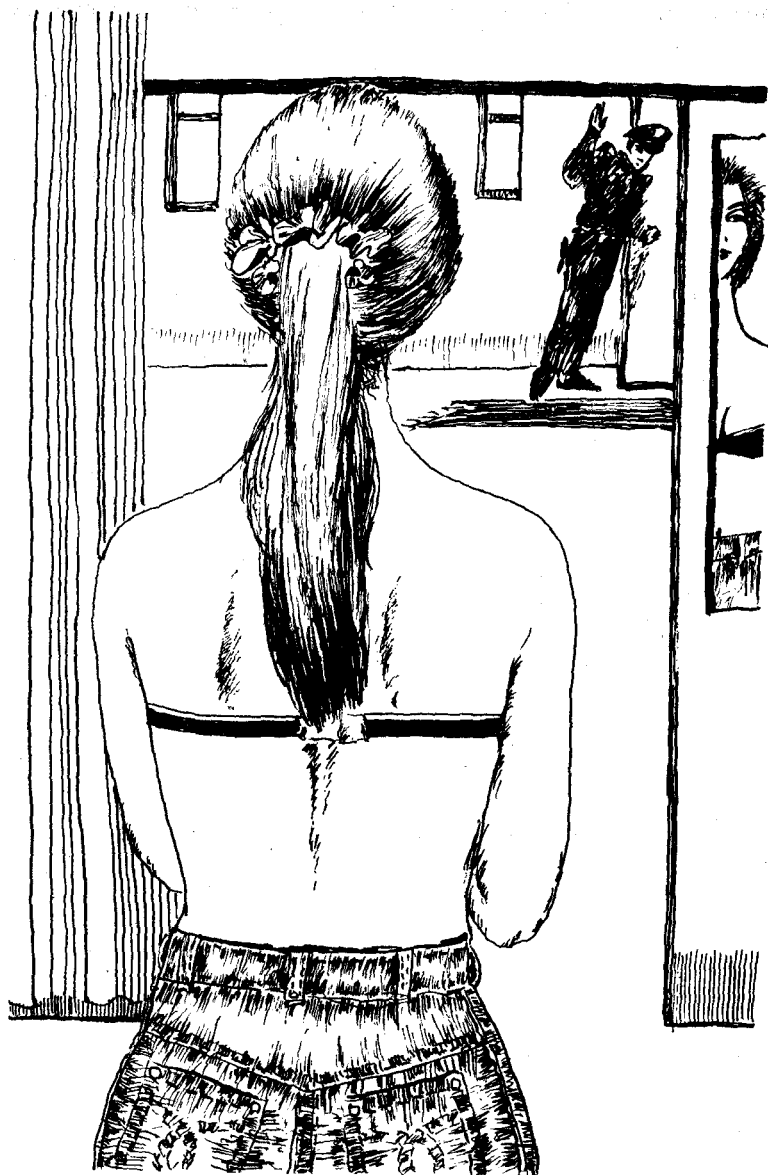
— А Таня Строуд? Что с ней, доктор?

— Вы уже познакомились с ней, лейтенант, — усмешка появилась на его лице, — и все же вам нужно мое мнение?

— Нет, — сказал я. — Давайте вернемся к самым точным фактам. Меня удивляет, что ей понадобилось лечение.

— Я не совсем уверен, что ей действительно оно понадобилось. Нимфомания — случай довольно редкий в медицинской практике. Я скорее склонен считать, что Таня хотела больше поговорить о своих отклонениях, чем лечить их.

— Скорее всего, — сказал я. — Ну, так вернемся к на-

шим твердым фактам. Когда в последний раз вы видели мисс Кэйнс в живых?

Прежде чем ответить, он снова налил себе виски и отпил немного.

— Смерть моей жены застигла меня врасплох, лейтенант,— сказал он тихо.— Я не лицемер, мы не были близки, как я вам рассказывал, но внезапная смерть, эта автомобильная катастрофа...

— Конечно,— сказал я,— понимаю.

Он держал стакан обеими руками, не отводя взгляда от светящегося виски, а пальцы его сквозь жидкость казались вдвое больше.

— Меня спрашивали в полиции. Я просил Бернис организовать все необходимое для похорон, что она и сделала с Уильямсом. Последний раз я видел ее днем в конторе около четырех. Она отчиталась передо мной и ушла.

— Это был последний раз, когда вы ее видели?

— Это был последний раз,— пробормотал он.

— Она не сказала, куда идет?

Он потряс головой:

— Я полагаю, она направлялась домой. Со времени происшествия нами обоими владело какое-то напряжение, вы понимаете?

— Да,— сказал я вежливо.— И еще один вопрос, доктор. Знаете ли вы кого-нибудь по имени Холл Бейкер?

— Бейкер? — повторил он, брови его нахмурились.— Сейчас я вспомню. Это очень важно?

— Лет двадцати пяти,— сказал я,— он очень приятной наружности, черные волосы, смуглое лицо, ростом около шести футов и весь очень мускулистый.

— Да,— сказал он, щелкнув пальцами.— Теперь я вспомнил! Я действительно встретил его однажды около трех месяцев назад. Он пришел в контору встретить Корбана и сидел в комнате для ожидающих, когда мы вышли, и Корбан познакомил нас. Он имеет что-то общее с убийством Бернис?..

— Пока не знаю. Но он член клуба.

Рот Торро презрительно передернулся.

— Могу себе представить! Было похоже на что-то подобное...

Я опустил свой стакан и придвинул стул к бару.

— Спасибо за то, что уделили мне время, доктор. Вы очень помогли мне.

— Хочу надеяться,— сказал он горько.— Мы бы обя-

зательно поженились, конечно, через приличный промежуток времени. Но теперь... — Его пальцы конвульсивно сжались, и хрупкий стакан внезапно лопнул в его руках.

Он смотрел то на разбитый стакан, то на кровь, выступившую из порезов. Затем отрывисто рассмеялся.

— Это довольно забавно, лейтенант, разве нет? Я винил себя за то, что Бернис убита — так сказать, комплекс вины. Я попытался и наказал себя, разве не так? Как вы думаете, лейтенант, стоит проанализировать?

Солнце уже давно село, когда я добрался до своей квартиры. От дома Торро я поехал в контору шерифа и дал Лаверсу обстоятельный отчет о том, что мною было сделано. Мы немного поорали друг на друга, затем перенесли все на завтра.

Я приготовил себе выпить, поставил пластинку Пегги Ли. К тому времени, как пластинка закончилась, я уже совсем заснул под убаюкивающий скрежет иглы, как вдруг раздался звонок. Пришлось вылезти из кресла, где я так удобно устроился...

Должно быть, кто-то из конторы шерифа, думал я по дороге к двери, либо этот скребущийся Уильямс пришел продать мне что-нибудь свеженькое по сходной цене.

Но природное мужество Уиллеров взыграло во мне с совершенно дикой надеждой, что это может быть звонок дамы. Итак, с гостеприимной улыбкой на лице я распахнул дверь.

Дикая надежда оправдалась. За дверью стояла Бетти, которая и раньше не напоминала горничную, а теперь и одета была, не как горничная.

Легкомысленная шляпка исчезла, а черный сатин заменило креповое пальто и отделанная белоснежным шифоном блузка.

— Вы удивлены! — сказала она певучим голосом. — Пари, что вы меня не ждали, лейтенант!

— Как вы считаете, я должен потрогать вас, чтобы убедиться, что вы не призрак? — спросил я нервно. — Не помню, чтобы я давал вам свой адрес, но, возможно, вы были притянуты сюда силой моей индивидуальности?

— Почему вы не приглашаете меня войти? Или ваша жена дома? — спросила она извиняющимся тоном.

— Я не женат, так что вы можете смело войти в мои апартаменты, — пригласил я ее широким жестом, — не считая гарема, конечно.

Мы вошли в гостиную, и Бетти уселась в кресло, скрестив ноги со свистящим звуком трущегося капрона.

— Налить вам чего-нибудь? — спросил я.

— Конечно, можете, ведь у вас две руки, — сказала она дружески. — Я выпью все, что вы нальете.

— Это может привести к интересной ситуации, — сказал я глубокомысленно.

Я налил два стакана, дал ей один, затем сел напротив нее на кушетку.

— Это было бы забавно — поверить, что вас привело ко мне мое магнетическое обаяние, Бетти, — начал я. — И все же я не могу поверить...

Она улыбнулась.

— Этот Холл Бейкер, что за тупица, мешок из мускулов!

— Неужели? — наивно спросил я.

— Так развесить язык, как он, прежде, чем я успела сказать ему, что вы сыщик! — сказала она. — К тому времени, когда он закончил трепаться, вы уже все поняли, не так ли, лейтенант?

— Возможно. А вы что же, пришли сказать мне, что я ошибаюсь?

Она попробовала напиток и понимающе сморщила носик.

— Это хороший виски, — оживилась она, — мне не часто приходилось его пробовать. Так вот, Фрэнк Корбан — это человек, не обращающий внимания на мелочи, а ведь чаще всего именно мелочи приобретают огромное значение! — Улыбка ее несколько угасла, когда она встретилась с моим взглядом. — Кажется, вы уверены, что вам все абсолютно известно, лейтенант?

— Вы полны желанием отстоять интересы общественности, Бетти! — сказал я с восторгом. — Как похвально, придти сюда и так беспокоиться о том, подозреваю я что-нибудь или нет, и подкреплять мои подозрения таким очаровательным способом! Вот уж я не думал, что альтруизм — одна из ваших сильнейших черт!

— Такое впечатление, как будто ком грязи полетел откуда-то, — сказала она недоверчиво.

— Это значит, что вы не очень-то верите мне, крошка. Ну, вы должны составить треугольник, и я жду последней линии.

Она отпила еще немного виски, обдумывая мои слова, затем поменяла ноги местами так, что ткань платья при-

поднялась чуть выше округлых колен с маленькими ямками на них, и тяжело вздохнула.

— Я не хочу никаких беспокойств, лейтенант.— У вас есть имя?

— Эл,— сказал я.— Пожалуйста, называйте меня Эл. В таком случае я смогу смотреть на ваши колени, не сомневаясь, что имею на это право. Ведь тогда мы уже хорошие друзья, не так ли?

— О'кей,— Бетти передернула плечами, и вырез на платье стал гораздо больше.— Мне кажется, что мы могли бы договориться...

— О чем?

— Я расскажу вам все, что вы хотите знать о клубе, а вы оставляете меня в стороне, чтобы ни случилось.

— Я расследую убийство,— сказал я,— и клуб меня интересует только с этой точки зрения. Мы договоримся с вами таким образом: вы расскажете мне все, что мне нужно знать, и если расследование убийства коснется клуба в большей степени, я сделаю все возможное, чтобы вы остались в стороне от этого дела.

— Так уже лучше,— сказала она.— Так что вы хотите знать? Там есть входная плата, не знаю, сколько, но судя по всему, не так уж мало! Она дает право члену клуба использовать дом, когда ему заблагорассудится — ночью, в выходной. Он получает отдельную комнату с соблюдением всех предосторожностей, и никто не задает никаких вопросов.

— Все точно,— сказал я мягко,— но еще кое-что...

— Да, конечно,— она засмеялась, но радости в голосе не было.— Если член клуба ищет компании, он всегда должен ее найти, то есть, если, допустим, вы член клуба, и вы нужны, вы обязаны подчиниться.

— А если члену мужского пола необходимо найти члена женского пола, а никого в клубе нет, хозяйка клуба должна постараться заменить ее...

— Да, да.— Щеки ее медленно начали розоветь. Она вскинула голову и посмотрела на меня вызывающе.— Думаю, что слово «хозяйка» как нельзя лучше подходит для этого, а?

— Меня это несколько не волнует,— сказал я честно.— Как насчет Корбана? Он присоединяется к забавам и играм? Или он слишком занят, управляя клубом?

— Он — и вдруг присоединяется? — Она снова засмеялась, на этот раз с удивлением.— Это слизняк! Ему достаточно и того, что он подглядывает в замочные скважины.

— А как насчет Бейкера? Или он хозяин в том роде, что вы — хозяйка?

— Он простой член клуба,— сказала она равнодушно.— Он слишком богат и не может придумать себе лучшего занятия. Там еще с полдюжины таких же парней, как он.

— А как насчет женщин? Таня Строуд?

Она вздрогнула.

— Окажите мне услугу, Эл? Не упоминайте эту ведьму в моем присутствии! Клянусь, она с радостью выполняла бы мою работу бесплатно — просто так!

— Марта Торро была членом клуба?

— Конечно, была. Хотя не такой энтузиасткой, как ее верная подруга, Таня Строуд.

— А ее муж — доктор Торро?

— Нет, он не был, во всяком случае, не видела его ни разу в клубе и не слышала, чтобы он был его членом.

— Общее число членов?

— Около пятнадцати, могу назвать имена, хотите?

— Не сейчас, во всяком случае. Спасибо, Бетти, вы мне очень помогли.

Она выглядела очень разочарованной.

— И это все? Вы не хотите услышать что-нибудь еще? В клубе случаются такие вещи, что вы не поверите! Была одна история, когда Таня Строуд заявила после полуночи с двумя парнями по бокам и одним сзади — он нес ее чемодан. И никто из них не был членом клуба! Можете себе представить, как взбесился Корбан! Он...

Внезапно зазвонил телефон, и Бетти замолчала с раздосадованным выражением на личике. Я вскочил с кушетки и пошел отвечать.

— Уиллер? — произнес давно знакомый голос.

— Да, шериф, — ответил я, затаив дыхание.

— Кто-то позвонил из похоронного бюро, похоже, какой-то маньяк! Я не очень-то верю всему тому, что он сказал, но похоже, что что-то стряслось. Вы бы съездили туда и взглянули.

— Ночью!

— Этот Уильямс оттуда — отъявленный убийца, поджигатель, в общем, само преступление!? — Лаверс начал орать.— Давайте-ка выезжайте прямо сразу же, Уиллер, понимаете или нет?

— Почему бы не послать Полника? Ведь у него стальные нервы,— начал я лгать,— посещение кладбищ ночью — это его идеал летнего отдыха!

— Выезжайте туда немедленно! — взревел он громогласно. — Я буду ждать в конторе вашего звонка. — В трубке щелкнуло.

Бетти посмотрела на меня и улыбнулась сочувственно.

— Что-то стряслось, Эл?

— Зов долга, — сказал я несчастным голосом, — мой служебный гимн: не ходи на кладбище, папочка, лучше оставаться над могилой, чем в ней, — вот что-то вроде этого, в ритме джаза...

— Эл! — Она выглядела озабоченной. — У тебя все в порядке?

— Никогда не было хуже, — заверил я ее. — Спасибо за визит, крошка, это было очень любопытно, даже забавно. Скоро увидимся, а?

— Ты надолго?

— Кто знает! — Я беспомощно пожал плечами. — Час, может, целая жизнь. Этот кладбищенский двор — какое удовольствие посещать его, когда стемнеет...

— Я слушаю тебя, но не все понимаю, — сказала она, — ты чем-то рискуешь? Может, ты плохо себя чувствуешь?

— Конечно, меня тошнит, — простонал я. — Мой желудок не переносит таких потрясений!

— Может, мне подождать, пока ты вернешься? Я хочу быть уверенной, что с тобой все в порядке! — продолжала она.

— Спасибо, — сказал я ей, — но возможно, меня не будет всю ночь.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Это моя единственная свободная ночь в неделе. — Она вытянула руки над головой и сочно зевнула. — Под юбкой мелькнули кружева сорочки. — Ты хочешь, чтобы я ждала тебя, Эл? — спросила она вкрадчиво.

— Почему бы и нет? — сказал я безнадежно. — Мне, наверное, понадобится любое утешение, какое только я смогу раздобыть!

Глава 6

Въезд в кладбищенский двор выглядел, как после нашествия. Огромные ворота были широко распахнуты, так что я въехал без спроса. Ночной воздух был пропитан влагой, клочья тумана спускались над бетонной дорожкой, ведущей к главному зданию.

Я остановил машину у массивной арки, которая обрам-

ляла две двери, отделанные бронзовой лепниной. Одна из них была приоткрыта, и я заметил бледное лицо, выглянувшее из-за нее. Затем появилась темная фигура и стала спускаться по бетонным ступеням прямо ко мне...

— Лейтенант, — спросил дрожащий голос, когда фигура приблизилась, — это вы?

Я узнал Уильямса и мне стало немного легче, по крайней мере, на нем был костюм, а не саван.

— Конечно я, — сказал я и вылез из машины. — Это Уиллер, мистер Уильямс.

— Слава богу, наконец-то вы здесь! — Он почти упал мне на руки, и это получилось так внезапно, что я невольно попятился.

— Вы не представляете, что я пережил, — прорыдал он. — Это было хуже, чем встретиться с привидением. Мне казалось, что весь мир сошел с ума!

— Что случилось? — спросил я сухо.

— Лучше зайдем внутрь, и вы сами посмотрите... — сказал он, болезненно морщась. — В тот момент, когда я его обнаружил, я позвонил шерифу сразу же. Не понимаю, что все-таки случилось?

— Тем более, — сказал я раздраженно. — Откровенно говоря, от вас никакого толку не добьешься. Ведь вы здесь у себя дома, а не в театральной труппе, играющей водевиль с Беном Лагосом в главной роли!

— Пойдемте, я покажу вам! — Он схватил меня за руку и потащил наверх. — Вы должны взглянуть сами, чтобы мне поверить!

— Вы из тех, кто посылает в детскую успокоить детей, когда корабль тонет, — заорал я на него, — вы тронулись!

Мы поднялись по ступенькам в здание, где был мраморный пол и совершенная пустота. Наши шаги гулко отдавались в коридоре, пока мы шли мимо нескольких плотно закрытых дверей. Уильямс остановился перед следующей, яростно скребя свою грудь.

— Там внутри, лейтенант, — сказал он каким-то бесцветным голосом, широко распахивая дверь.

Я зашел в комнату, а главный распорядитель — следом за мной. Она была маленькой, плохо освещенной и почти пустой, только в центре стоял гроб, окруженный сладковато пахнущими цветами.

— Что это здесь? — рявкнул я.

— Гроб, лейтенант! — Уильямс хихикнул почти безумно, одной рукой пытаясь выцарапать себе глаза. — Взгляните сами!

Мне страшно хотелось убежать, как в детстве — сломя голову, но выбора не было. Ноги стали ватными, тем не менее я подошел поближе, чтобы заглянуть в гроб.

Это был уже другой, обитый бархатом, и там был уже другой обитатель, — маленький пожилой человек с гривой седых волос и усохшим, странно заострившимся лицом. Он мирно лежал там, бессмысленно уставившись в потолок. В середине лба краснела безобразная дыра...

— Это тот самый, кто открывал нам ворота утром, — сказал я.

— Джорджан! — согласился Уильямс. Его рука оставила в покое глазное яблоко и вцепилась в мочку уха.

— Как это случилось? — спросил я.

— Он делал последнюю проверку, обходил... две ночи в неделю он обязан обходить все кладбище... — быстро начал Уильямс. — Я был дома. Нужно было заняться отчетностью. Вдруг я обнаружил, что забыл кое-какие бумаги на столе, и вернулся...

Движения его пальцев, манипулирующих с ухом, были похожи на движения ребенка, заводящего игрушку.

— Я подошел к приемной и позвонил два раза, — продолжал он. — Мне послышались в коридоре чьи-то шаги, а когда я поднялся, эта дверь была широко распахнута — а ведь она всегда заперта, как и остальные, на ночь. Я решил посмотреть, что же там происходит. Как только я вошел, кто-то захлопнул дверь позади меня, и побежал по залу. Кто-то прятался в комнате... и вдруг пришел я. Страшно подумать: если бы я обнаружил его, он убил бы меня...

— И тогда вы нашли тело Джорджана в гробу? — уточнил я.

— Ну да, естественно, я заглянул в гроб, чтобы узнать, кого могло интересовать его содержимое...

Теперь пальцы скребли уже шею.

— Когда я увидел тело Джорджана, можете себе представить, что со мной стало, я ведь был совсем один, а убийца, возможно, еще ходил где-то рядом...

— Когда это произошло?

— Я пришел сюда около четверти девятого.

— Вам не удалось взглянуть на этого... убийцу?

— Нет, — Уильямс аж поперхнулся. — Я только слышал его шаги.

— Тогда как же вы определили, что это был он, а не она?

— Я не знаю. — Секунды две он смотрел на меня. — Но

неужели вы думаете, лейтенант, что это могла быть женщина?

— Не хочу я ни о чем думать,— прорычал я.— Я лучше позвоню шерифу и организирую следствие.

Уильямс начал скрести теперь уже затылок.

— Вы можете воспользоваться телефоном в приемной, лейтенант, я пойду с вами...

Внезапно его пробрало красноречие:

— Когда я согласился работать здесь, меня соблазнило, что здесь будет тихо и спокойно — никаких споров и помех — атмосфера гармонии... А за последние двадцать четыре часа весь мир перевернулся. Не знаю, что теперь и думать!

— Я прекрасно вас понимаю, Уильямс,— утешал его я, пока мы шли к телефону в приемный зал,— если бы я работал здесь и вдобавок еще и начал думать, меня бы вынесли в аккуратнейшем саване уже через часик в ближайший морг!

В конторе, как видно, сидели на телефоне, совершенно невозможно было дозвониться. Это секретарша — тепленькая штучка — блондинка Анабель Джексон! Пришлось поехать туда. Лаверс сидел за столом, лицо его горело. Доктор Мурфи прислонился к стене, держа руки в карманах, с выжидательным взглядом на мефистофельском лице.

Я сел в кресло для посетителей, уставился на них обоих, стараясь не обращать особого внимания на Мурфи, удивляясь про себя, почему тот не выбрал себе какую-нибудь другую профессию, а предпочел копаться в моргах и лазить по кладбищам.

— Так,— наконец сказал Лаверс,— вернемся к первому убийству, этой девице Бернис Кэйнс. Перечислите все факты, оставив при себе ваши мотивировки, Уиллер!

— Как прикажете, сэр! — вежливо согласился я.

— Начнем со времени убийства, вернее, момента смерти.— Он выжидательно посмотрел на дока.

— Что-то между десятью и полуночью.— Мурфи, как всегда, был лаконичен.— Она была застрелена из 38-калиберного, пуля вошла в левую...

— Да, да,— перебил Лаверс нетерпеливо.— Мы опустим медицинские подробности. Ее тело подвергалось вскрытию. Кто последний видел девушку живой?

— Торро сказал, что она ушла из конторы около четырех часов,— вызвался я.

— Я приказал сержанту Полнику произвести обыск в ее комнате,— озабоченно сказал шериф.— Она не возвра-

щалась той ночью домой. Во всяком случае, никто из жильцов ее не видел.

— Может быть, она, пай-девочка, пошла на кладбище и села у могилы, чтобы подождать, пока ее пристрелят? — предположил док Мурфи.

— Это очень забавно, доктор, — сказал Лаверс убийственным тоном. — Наверное, этот ваш юмор — печальное следствие ваших бесконечных вскрытий и экспертиз...

— Юмор витает здесь, в этой конторе! Достаточно только послушать, что несут эти парни, расследующие случаи убийства, — сказал Мурфи, четко произнося каждое слово.

— Я мог бы кое-что вам предложить, — сказал шериф, и лицо его стало багровым, а голос задрожал от сдерживаемых эмоций.

— Можете, — сказал Мурфи, снисходительно улыбаясь.

— Убирайтесь вон из конторы! — заорал на него Лаверс.

— Я как раз собирался это сделать, — холодно сказал доктор. — Кстати, не знаю, важно ли это, но старый Джорджан был убит не так уж давно, часа два назад, не больше.

— Значит, где-то около девяти часов вечера, — заключил я. — Так и получается, ведь Уильямс говорил, что он пришел туда в четверть десятого, а убийца был еще там...

— Я скажу вам калибр пули этим утром, — сказал Мурфи, направляясь к дверям, — если вы меня очень вежливо попросите, — только так!

Дверь за ним захлопнулась.

Лаверс ошеломленно смотрел на меня несколько секунд:

— Вернемся к фактам, дорогой лейтенант, если я вам еще не наскучил, — сказал Лаверс.

— Вы уже на грани этого, шериф, — уверил я его. — Мы остановились на том, что первое тело было найдено сегодня утром, а теперь мы обнаружили второй труп, ровно через двадцать четыре часа после первого. У нас не было времени, чтобы собрать достаточно фактов, так или иначе!

— Вредный тип! — заорал вдруг Лаверс с восторгом. — Вот слова, которые я хотел сказать Мурфи. Подумайте, разве они не подходят к нему, Уиллер?

— Шериф, — сказал я заботливо, — сейчас уже поздний час, и у меня был тяжелый день, я не был дома,

искал улики. У нас есть улики. У нас есть кое-какие мотивировки. У нас есть второе убийство. Правильно?

— Правильно! — рявкнул он. — Дальше что?

— Итак, нам нужно отработать факты относительно улик, — сказал я нетерпеливо, — мы можем уточнить алиби, мы можем уточнить кого и в чем подозревает каждый подозреваемый...

— Что? — начал он опять орать, — повторите свои слова еще раз, может быть, там появится больше смысла, чем в первый?

— Мы можем прочесть заметку о происшествии с Мартой Торро и уточнить, был ли это несчастный случай, ибо Таня Строуд так не думает, — я начал повышать голос. — Мы можем проверить, мог ли Корбан взбеситься в тот момент, когда девушка была убита, как полагает доктор Торро. Мы можем проверить миссис Строуд и этого плебея Бейкера. У нас забот по горло, шериф, — я встал из кресла и быстро пошел к двери, — поэтому я и направляюсь домой, чтобы хорошо отдохнуть!

— Эй! — Его окрик остановил меня на выходе. — Я еще не кончил, вернитесь!

— Шериф! — Я взглянул на него через плечо с упреком. — Вы же не хотите сказать, что извлекли из рукава новые факты?

— Я хочу сказать, что теперь самое время позвонить в Хоумсейд, — сказал он и рявкнул: — А теперь можете идти домой и спать, Уиллер!

Я вышел из конторы в темноту, которая окутала все кругом, сел в машину и поехал домой, где я забыл прелестную компанию...

«Компания» удобно расположилась на кушетке, голова ее лежала на подушке, белый шелк платья задран почти до невозможных пределов. Один взгляд на длинные стройные ноги, и я забыл, что очень хотел отдохнуть.

— Ага, — сказала Бетти, садясь на кушетке, зевая и потягиваясь, — который час?

— Четверть второго, — сказал я. — Вот не думал, что застану вас еще здесь...

— Очень мило, очень галантно. — Она подавила зевок. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо. — Я растянулся в кресле, закурил и начал рассматривать ее ноги.

— Что это так срочно потребовало вашего выезда? — спросила она с любопытством.

— Старичок, по имени Джорджан, был найден мерт-

вым. Это тот самый, который обнаружил Бернис Кэйнс утром...

— Мертв! — Она вдруг побелела. — Это ужасно! Кто это сделал?

— Тот же, кто убил девушку, скорее всего, — сказал я. — И не спрашивайте, кто это, я все равно не знаю.

Бетти вздрогнула и натянула платье на ноги.

— У меня мурашки идут по коже, когда я думаю об этом!

— А у меня все болит, — сказал я со стоном. — Поэтому давайте не будем говорить об этом, а? Как насчет того, чтобы выпить?

— Я лично не против, — разрешила она, — можете разбавить содовой, Эл.

Я пошел к столу, налил себе и ей, затем взял стакан и сел на кушетку.

— Смешно смотреть на тебя, Эл, — сказала она и внезапно хихикнула.

— Я бы посмеялся. Как насчет шутки? Ты позволишь?

— Да нет, не стоит, я просто подумала, что это очень забавно — мне никогда в жизни не было так легко с полисменом.

— С полисменом очень часто бывает легко. Как вы думаете, для чего мы носим с собой наручники?

— Угроза? Или обещание? — Она пристально посмотрела на меня, затем мягко вздохнула. — Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Может быть, я слишком понервничал сегодня, — сказал я раздраженно, — но ты так сказала, что всякий бы забыл начисто, что он был когда-то человеком.

Бетти снова вздохнула. Когда она допила свой стакан, я взял его из ее рук, поставил на маленький столик у кушетки... Еще секунда... и она в моих объятиях.

Вдруг она вырвалась и отодвинулась на краешек кушетки. Волосы ее растрепались, а помада на губах стерлась. Она сняла свое черно-белое платье, и обнажила белизну своей кожи, которая резко оттенялась черным бельем.

«Освобождение» — вот как можно было это назвать, но глаза ее оставались холодными и пристальный взгляд не отпускал меня ни на секунду.

— Я что-то не то сказал или сделал? — громко стал я выяснять.

— Все в порядке, Эл, — сказала она мягко, — но давай сразу поставим все на место, прежде чем идти дальше!

— Ты говорила с шерифом?

Она была слишком занята осмотром комнаты, чтобы мне ответить.

— Спальня там, да?

— Да,— ответил я холодно.— Кухню тоже хочешь посмотреть? Может быть, хочешь приготовить что-нибудь горячее?

— Пойдем.— Она направилась к спальне.

— Как хочешь, Бетти,— сказал я покорно.

Она подошла к двери, я следом за ней. Она вошла в комнату, повернула голову и посмотрела на меня с улыбкой сирены.

— Понимаешь, я терпеть не могу кушеток, Эл, у меня ощущение какой-то... ну, что кто-то смотрит, что ли...

— Понимаю,— сказал я сочувственно,— это нередкое явление. У Бернарда Шоу одна актриса так и сказала, почти теми же словами...

— Бернард Шоу? — Она задумалась, затем равнодушно пожала плечами.— Кто это? Какой-нибудь сыщик?

Я почти уже собрался отстоять Шоу, но в этот момент зрелище Бетти без белья парализовало мои голосовые связки. Но думаю, что Бернард Шоу сумел бы меня понять, даже если бы он был монахом.

Глава 7

Я отправился в контору около десяти часов, посадив Бетти на такси часом раньше.

Анабель Джексон презрительно вскинула на меня свои глазницы, когда я направился к ее столу.

— Вижу, что это была одна из тех ночек, лейтенант,— сказала вкрадчиво.— Вы выглядите, как живой труп, а это не так уж прилично!

— Успокой свои материнские чувства,— ответил я ей тоже вкрадчиво.— Это лицо — есть результат ночного бдения по зову долга...

— А как ее зовут? — спросила она, ехидно улыбаясь.

— Ты думаешь, что я тебе лгу, цветущая магнолия?

— Конечно,— сказала она без малейшего колебания.

— Эх, если бы у меня был электрический стульчик, я бы изготовил такого южного цыпленочка! — начал я мечтать вслух, ни к кому не обращаясь.

— Шериф у себя? — перешел я к делу.

— Его нет,— ответила Анабель. Голова ее опять склонилась над машинкой.— Но вас ожидает сержант Полник

с протоколом или еще с чем-то. Он ждет уже с час, думаю, что он очень обрадуется, когда вас увидит. Похоже, что вы не ложились вообще, чтобы поспеть сюда, лейтенант!

— Я мечтал о тебе всю ночь, крошка,— сказал я, созерцая шапку ее пышных волос,— вот почему я никак не мог проснуться, все хотел продолжить этот дивный сон.— Я задышал ей на ухо:— Представляешь, мы только вдвоем, на берегу реки, а над нами полная луна. Но ты не можешь сидеть, потому что у тебя солнечный ожог. Да, я ведь не сказал тебе, что это был лагерь nudистов...

Ее правая рука схватила тяжелую линейку, и я отпрянул на спасительное расстояние, закрыв за собой дверь на случай, если она вздумает швырнуть что-нибудь в меня.

Сержант Полник с выражением муки на лице посмотрел на меня:

— Лейтенант, я тут думал! — начал он.

— Знаю, знаю, это болезненно,— посочувствовал я.

— Может, мне устроиться водителем грузовика?

— Вы устали, или все корабли ушли на дно? — спросил я доверительно.

— Я почти на грани,— пробормотал он грустно,— понимаете, было время, все было просто: кто-то кого-то побил, кто-то кого-то ограбил дома или на улице, но теперь! — Он затряс головой.

— А что теперь? — спросил я.

— Я слышал, что нашли второй труп, точно там же, где и первый,— сказал он дрожащим голосом.— Если это какой-то человекоубийца, я не хочу принимать участия в этом деле!

— Я не думал, что это так взволнует вас, сержант! — сказал я успокаивающе.— Я думаю, мы успеем схватить его прежде, чем он сможет убить еще кого-нибудь. Так или иначе, больше не будет прекрасных дам в этом деле.

— Дам? — Глаза его слегка ожили.— Каких дам, лейтенант?

— Держитесь меня, и мы встретим одну из них сегодня,— сказал я с оптимизмом.— Что, шериф оставил мне распоряжение?

— Конечно, лейтенант.— Он подвинул мне бумагу.— Так вы говорите, дамы?

— Блондинки, брюнетки, рыжие,— сказал я небрежно.— Займитесь чем-нибудь, пока я прочту это.

Я вытащил свои записки о белом мерседесе и протянул ему.

— Выясните все о владельце. Это должен быть парень по имени Холл Бейкер. Мне нужен адрес.

— Будет сделано, лейтенант.— Полник сгреб бумажку и рванулся к двери, затем вдруг остановился.

— А сколько дам, вы говорите? Лейтенант, уточните!

— Я потерял счет после первой дюжины.— Я лгал самым наглым образом.— Но помню, одна блондинка сказала, что она без ума от парней с сильными мускулами!

— Да? — Он напряг автоматически мышцы.— А как насчет моих?

Через пятнадцать минут я закончил чтение протокола автодорожного происшествия со смертельным исходом на Марту Торро, но ясности так и не было. Она вела свой собственный автомобиль ночью, милях в трех от озера, не справилась с управлением на повороте, машина вырвалась через ограничительную полосу и покатила вниз... Катилась около двухсот метров, пока не врезалась в дерево.

Экспертиза показала, что она находилась в состоянии опьянения, но не настолько сильном, чтобы потерять голову. Торро давал показания, что его жена ушла из дома в 7.30 навестить свою подругу Таню Строуд, живущую у озера. Перед уходом она выпила только один martini. Она выглядела совершенно нормальной и нисколько не была расстроена или потрясена.

Таня в своих показаниях превзошла самое себя, описывая эту картину. Намекала на домашние неурядицы с жестоким бессердечным мужем, который постоянно сводил бедную Марту с ума, но ничем не подкрепила своих подозрений. Судя по протоколу, никого особенно не интересовали ее свидетельские показания.

Итак, не было никаких логических оснований считать, что Торро прямо или косвенно виноват в смерти жены.

Дверь со скрипом отворилась, и сержант Полник возопил на всю контору:

— Я нашел, лейтенант! Частный зоопарк Бейкера!

— Сколько зелененьких это вам стоило? — спросил я, уставясь на него.

— Регистрационный номер,— сказал он виновато,— помните, вы просили меня выяснить?

— И что же, этот белый мерседес принадлежит частному зоопарку? Подумайте-ка, может ли этот Бейкер...

— Я все узнал, это у каскада Каньон. Я как-то возил туда мою старуху в воскресенье, но она не очень-то радовалась. Оказалось, что все эти дикие животные слишком дики для нее... Она любит животных, которые сидят и просят

орешки.— Его плечи вздрагивали от сдерживаемого смеха.— Она старалась накормить орешками пуму или что-то вроде этого, а та чуть не отхватила ей руку до локтя!

Гладь озера была такой же серебристой, как и вчера, когда мы подъехали туда часом позже. На Полника это не произвело никакого впечатления, он воспринимал природу просто как чье-то владение.

Но когда дверь открыла Бетти в форме горничной, он так широко разинул рот, что почти потерял челюсть.

— Ну! — усмехнулась Бетти, — если это не лейтенант, то кто же еще может быть. Давненько не виделись, лейтенант.

— Представляю вам сержанта Полника, Бетти, — сказал я официально. — Уделите ему пару минут, чтобы помочь убрать подбородок с его груди, и он будет выглядеть человеком, вы даже удивитесь.

— Ну? — Она глубоко вздохнула, так, что на груди натянулась ткань, и взглянула на сержанта многозначительно.

— Я просто обожаю пещерный тип, где вы были всю мою жизнь, сержант?

Полник начал что-то беспомощно бормотать, а глаза его загорелись.

— Здорово, — Бетти мечтательно закрыла глаза, — он еще даже не умеет говорить, настоящий примитив!

— Ему это ни к чему, — сказал я. — Он просто стоит рядом и слушает меня. А сейчас он должен послушать мой разговор с Корбаном.

— Вам придется очень громко кричать, крошка Эл! Потому что как раз сейчас его нет дома.

— Когда вы его ждете? — спросил я.

— Где-то вечером, я думаю. Он поехал к Холу Бейкеру. Вы можете найти его там, если так он вам нужен.

— Так мы и сделаем. Спасибо, Бетти, — сказал я.

— Можете оставить здесь сержанта, — хихикнула она. — Я вижу, вы не хотите этого. А знаете ли вы, где это находится и как туда добраться?

— Попробуем найти, — сказал я. — Попрощайся с леди, сержант.

Полник опять издал какие-то странные звуки, и голос у него опять пропал.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — Бетти ослепительно улыбнулась ему, заморгала с обожанием, затем повернулась и пошла в дом.

Только когда мы уже почти подъехали к каскаду Коньон, к сержанту вернулась способность говорить.

— Ну и ну! — выпалил он. — Вот это штучка. — Могучая ручища сжала мое плечо на мгновение, и мне показалось, что кости мои хрустнули. — Придется поблагодарить вас, лейтенант. Вы оказали мне неоценимую услугу.

— Да неужели? — спросил я невинно.

— Да. — Он сглотнул. — Если бы я не поехал с вами, я никогда бы не увидел такой куколки!

— Ах, да, — скромно отозвался я. — Вы можете оказать мне услугу в свою очередь — когда-нибудь, если в меня будут стрелять, вы закроете меня своей грудью.

— Вы слышали, как она меня назвала? — хрипло спросил он. — Прimitив! Вот кем я ей показался сначала! А моя старуха так долго прожила со мной! — Он от счастья закрыл глаза, услаждая себя воспоминанием, и оставался в таком положении до тех пор, пока мы не приехали.

Огромный плакат за воротами высотного здания гласил, что частный зоопарк Бейкера открыт для всех по воскресеньям с десяти до пяти. Кроме того, плакат предупреждал об опасности, но это предупреждение было совершенно непонятно.

Я поставил машину у ворот и начал звонить, пока кто-то не появился.

На лице этого малого было ясно написано, что сегодня четверг, а не воскресенье, следовательно, неприемный день. Я вышел из машины и показал ему свой значок. Вблизи он оказался еще более хмурым. Сложен был как борец или бывший борец, под свитером перекачивались тугие узлы мышц. Он был похож на боксера, покинувшего ринг после того, как его лицо основательно обработали.

— Не знаю, — прорычал он неопределенно, — как босс посмотрит на это, он действительно сейчас очень занят...

— Я тоже, — сказал я, — так что не будем терять время. Откройте ворота!

Он поскреб за ухом, затем пожал плечами:

— Все же — закон, раз вам надо войти, войдите!

Я опять сел в машину, подождал, пока откроют ворота, затем въехал.

— Держитесь правой стороны, — прохрипел он мне в левое ухо, — около четверти мили. Потом придется пройти пешком. Потом повернете налево и найдете там хозяина с большими кошками.

Грязная дорога привела к тропке, у которой надо было

выйти, так как дальнейший путь был прегражден. Здесь уже стояли три машины и грузовик. Я поставил машину рядом и вышел из нее.

— Видите, лейтенант, — указал Полник на грузовик.

— Ну и что? — спросил я. — Я видел как-то грузовик в Ритсбурге.

— Да нет, я об этих ограждениях.

— Он, наверное, перевозит здесь своих диких тварей.

Приглядевшись, я увидел, что кузов был настоящей клеткой, подвижной и огромной.

— Похоже, что вы правы, сержант, — согласился я с ним. — Давайте найдем Корбана и Бейкера.

Внезапный страшный рык почти оглушил меня, и я увидел, как кровь медленно отлила от лица сержанта.

— Ого, — прошептал он. — Что это?

— Это зоопарк, разве вы не знаете? — сказал я терпеливо. — Должно быть, одно из диких животных.

— А что за животное может издавать такие звуки? — тупо удивился он.

— Почему бы вам не узнать это? — предложил я и направился направо.

Ярдах в пятидесяти от нас тропка выходила на бетонную дорожку, по сторонам которой стояли огромные клетки со зверями. Когда мы проходили мимо разъяренной львицы, она могуче зевнула. Пума ехидно хихикнула и одним движением отпрыгнула в темноту клетки. Два тигра метались взад и вперед, недоумение было написано на их мордах — ведь теперь весь мир ограничился для них одной клеткой, к этому трудно привыкнуть...

Затем бетонная дорожка повернула направо, и я внезапно наткнулся на две неподвижные фигуры, стоящие у клетки. Они что-то внимательно созерцали в ее глубине. Страшный рев вновь потряс наш слух совсем рядом.

— Лейтенант! — Голос Полника совсем ослаб. — Что это на самом деле, черт побери?

Массивная черная тень внутри клетки пристально смотрела на меня огромными светящимися глазами.

— Черная пантера, — пробормотал я, — по крайней мере, так написано на табличке.

Полник уставился на нее, затем инстинктивно отпрянул от клетки.

— Она смотрит на меня, как будто я ее лентч, — еле выговорил он от страха. — Еще немного, лейтенант, и я начну думать, что кладбище — вещь гораздо более приятная!

Две фигуры были настолько поглощены своими молчаливыми наблюдениями, что даже не повернулись в нашу сторону, когда мы подошли ближе.

Великолепная фигура Тани Строуд была одета в свитер и тонкие дорожные сапоги — на этот раз свитер был ярко-голубым. На Фрэнке был костюм из твида, который выглядел так, как будто его пожевали бешеные собаки. Между зубов торчала незажженная трубка, а яркий солнечный свет освещал его лицо, насквозь просвечивая сквозь туго натянутую кожу все кости черепа.

На лице Тани Строуд было написано такое сосредоточенное любопытство, а в ее глазах горел такой неподдельный интерес, что я просто не выдержал и подошел поближе, чтобы тоже заглянуть в клетку, и точно так же засмотрелся. Сзади слышалось тяжелое дыхание Полника...

Внутри клетки находилось животное с полосами на мускулистом теле, общеизвестное под названием «тигр» весом не менее нескольких сотен фунтов. В компании с ним — несколько сотен фунтов человеческого мяса под именем Хол Бейкер.

Ни один из гладко прилизанных волосиков на его голове не сдвинулся с места, на лице была только холодная сосредоточенность. Он не сводил пристального взгляда с тигра. В одной руке у него был крупный стул из гнутого дерева, в другой — длинная палка с обитым железом концом.

Секунд тридцать они просто стояли, глядя друг на друга — ни человек, ни животное не делали ни одного движения. Затем Бейкер сделал внезапный рывок со стулом, и тигр попятился, так как ножки стула помчарапали ему морду. Он зарычал и приготовился к прыжку на своего мучителя.

— Ну! — противно закричал Бейкер, — прыгай, тупица! Пора показать, на что ты там способен!

Но оказалось, что щелчка кнута было достаточно, чтобы тигр испугался и забился в угол клетки.

— Хол, — голос Тани слегка дрожал от возбуждения, — почему ты не хочешь его немного подразнить?

— Ты хочешь? — Усмешка появилась на лице Бейкера, и он вскинул свой кнут, который со свистом рассек воздух и опустился на спину животного. Тигр взвился, последовал второй удар, еще более жесткий, а палка воткнулась в его мягкое брюхо. Животное глухо зарычало от боли и страха.

— Так, Хол, дай ему хорошенько! — Глаза Тани загорелись хищным огоньком.

Пять или шесть раз бич просвистел в воздухе, прежде чем Бейкер вышел из клетки. Его лицо было залито потом.

— Ты настоящий мужчина, Хол! — Таня обхватила его шею и смачно поцеловала.

— Это было здорово, — сказал Корбан. — Я никогда прежде не видел ничего подобного. Очаровательно!

В дальнем конце клетки, тяжело дыша, лежал тигр на боку, сквозь шерсть его проступала темная кровь, капли которой появились и на пыльном бетонном полу клетки.

Бейкер только сейчас заметил меня. Он сразу же узнал меня и вежливо улыбнулся.

— Лейтенант Уиллер, не так ли? Как вам понравилось зрелище?

— Как и Корбан, я нашел его очаровательным, — сказал я ему. — Первый раз я видел драку двух диких животных в зоопарке.

Глава 8

Воцарилось холодное молчание. Все направились к клетке черной пантеры: здесь он внезапно остановился и взглянул на меня.

— Вы наверняка не поймете, лейтенант, — хрипло сказал он, — и я не буду тратить время на разъяснения.

— Попробуйте все же, — сказал я. — Может быть, я не прав, и это вовсе не садизм. Может быть, это избиение способствует циркуляции крови или чему-нибудь еще?

— Это подарок тигра, а? — спросил Полник с внезапным интересом, глядя на обезображенную шрамом руку Бейкера.

— Она, видите ли, не переносит запаха горелого мяса! — сказал Бейкер презрительно. — Нет, сэр, это подарок ее детеныша! — Он погрозил в сторону клетки с пантерой кулаком, а оттуда послышалось ответное рычание.

— Сатана, так я ее называю! — Бейкер сказал это ласково. — Самая непокорная кошка, каких я когда-либо встречал! Она ненавидит людей, чует их за милю. Но это, наверное, от того, что я ее держу голодной постоянно.

— Почему, Хол? — спросила Таня, тяжело дыша. — Почему ты ее не кормишь?

— Я кормлю ее как раз достаточно, — уверил ее Бейкер, — как раз достаточно для того, чтобы не умереть

с голоду. Я готовлю ее к следующей нашей встрече. Через недельку я зайду к ней в гости, — он погладил шрам на руке, — но на этот раз выйду победителем!

На секунду его взгляд стал отсутствующим, когда он подумал об этом, затем он передернул плечами и снова усмехнулся:

— Догадываюсь, что вы пришли не только для того, чтобы взглянуть на этих кошек, а, лейтенант?

— Я пришел повидать Корбана, — сказал я ему, — но раз я здесь, а вы все тоже здесь, можно сэкономить кучу времени, поговорить сразу со всеми.

— Как угодно, — сказал Бейкер. — Почему бы нам не подняться в дом? Там будет намного удобнее, и я смогу выпить, кроме того.

— Я бы тоже не отказался, — признался я.

— Это минут десять езды, — сказал он, — сядем в машину Корбана, а вы поедете следом в своей, лейтенант.

Дом стоял на холме, и из него прекрасно был виден весь зоопарк. Мы сидели на веранде, пока Бейкер готовил напитки. Звуки из клеток доносились сюда, и все невольно вздрагивали. Обстановка для разговоров, прямо скажем, была неподходящей.

Таня и Корбан сидели на кушетке лицом ко мне, Бейкер тоже сел рядом с ними, когда принес выпивку. Полник сел в кресло рядом со мной и не отводил взгляда от рыжих волос Тани. Каждый раз, когда она вздыхала, я слышал тяжелые ответные вздохи сзади. Сержант был почти неменяем.

Бэйкер, сделав большой глоток из своего хрустального бокала, довольно крякнул:

— Теперь лучше! Ну, слушаю вас, лейтенант!

— Итак, — начал я. — Бернис Кейнс была убита позапрошлой ночью, где-то между десятью и полуночью. Меня интересуют ваши алиби. Начнем с Корбана.

Череп сложил губы, почти как это делают старые девы, затем поднял свои косматые брови в немом удивлении:

— С меня, лейтенант? Вы хотите, чтобы я составил свое алиби?

— Да, да, — начал я напряженно.

— Неужели это так уж необходимо, ведь я даже не знаком с девушкой! — сказал он холодно. — Но если вы настаиваете, пожалуйста: я был дома весь вечер.

— В клубе?

— «Убежище» — так называется мой дом! — сказал он резко. — Я был там с шести и до следующего утра.

— Кто может подтвердить?

— Бетти, горничная! — выпалил он.

— Как насчет вас, Таня? — я взглянул на рыжеволосую голову.

Она в негодовании глубоко вздохнула, и клянусь, я услышал почти рыдание сзади.

— Что вы, с ума сошли? — прошипела она. — Какие у меня могли быть причины для...

— Ваше алиби, крошка, — сказал я устало, — спасайте вашу репутацию.

— Я была дома! — сказала она с ненавистью.

— Одна?

— Нет, там был еще один человек.

— У него есть имя?

Она покраснела:

— Вы его уже встречали у меня, не так ли?

— Этот шутник с грузовиком?

Бэйкер засмеялся от неожиданного изумления.

— Придется пожать твою руку, куколка! — сказал он с обожанием. — У тебя энергии хватит для целого цирка с дикими кошками!

— Заткнись! — заорала она на него. — Ты тоже не белая лилия!

— Ну а вы? — спросил я Бэйкера. — Вы тоже были дома, а?

Его лицо внезапно помрачнело.

— Конечно, мне нужно было встать пораньше, поэтому я воспользовался этим, но придется вам поверить на слово, никого при этом не было.

Я отпил немного виски, затем снова взглянул на Корбана, не говоря ни слова. Через минуту он заерзал на кушетке.

— Что такое, лейтенант? — спросил он величественно.

— Мне просто любопытно, — ответил я. Давайте еще раз все проверим. Торро сказал мне, что не ладил с женой, но зато ладил с секретаршей. Она была его любовницей. И после смерти жены он собирался на ней жениться. Итак, кто бы не убивал ее и не укладывал в могилу его жены, он имел основательные причины ненавидеть его!

— Как вы можете быть в этом уверены? — ехидно спросил Корбан.

— Здесь только я задаю вопросы! — заорал я на него. — Торро не знает, кто же мог его так ненавидеть, он посоветовал мне поговорить с лучшей подругой его жены. Итак, я поговорил с Таней, и она посоветовала мне погово-

рить с вами. У вас я встретил Бетти, и единственное, за кого ее нельзя было принять — так это за горничную! Уходя от вас, я встретил Бэйкера, который принял меня за нового члена клуба — это прозвучало просто очаровательно. Итак, я пошел назад, к Тане, и она познакомила меня со всеми деталями. Так или иначе, у нее сложилось мнение, что вы не все мне рассказали...

Корбан взглянул на Бэйкера, который пожал плечами и виновато усмехнулся. Он повернулся к Тане.

— Ты тупая шлюшка! — сказал он монотонным голосом. — Отлично! Итак, вы все узнали насчет клуба, но это еще не значит, что девушка была убита мною, так как я ее никогда не видел!

— Этого было достаточно, чтобы вернуться к доктору и поговорить с ним еще раз, — сказала я. — Он был очень удивлен, услышав о клубе, то есть, что его покойная жена была членом клуба. Неужели за все ваши долгие визиты туда вы ни словом не обмолвились ему о клубе?

— Я был бы сумасшедшим, если бы рассказал ему об этом! — прошипел он.

— Торро не хотел рассказывать о своих пациентах, — сказал я легко, — но когда речь идет об убийстве, можно отбросить профессиональную этику, и он решился. Вы интересный объект для изучения психоза, знаете ли вы это? Если верить доктору Торро, у вас аффиния с бешенством, вы должны все время подавлять себя. А если нет повода для опасных ситуаций, вы их сами себе создаете.

— Это возмутительно! — сказал он потрясенным голосом, — как вы осмелились устраивать здесь эту инсинуацию? Я вызову своих адвокатов! Я призову вас к ответу!

— Вы должны согласиться, что это невольно намекает на интересные вещи, Фрэнк, — сказал я мягко. — У меня случай с опасной ситуацией, убийство — и вот я натываюсь на психа, который склонен к убийству, и как раз в самом разгаре расследования!

— Да что вы в самом деле хотите сказать? — хрипло спросил он.

— Вы даже не встречали Кейнс, но ведь она секретарша Торро. Она находилась в его конторе. Как же вы могли ее не заметить, если вы несколько раз приходили к доктору?

Кожа на его лице стала почти серой, он тупо уставился на меня.

— Да, действительно, — выдавил он из себя. — Я действительно встречал девушку, лейтенант, но я не был с ней

знаком. Она просто сидела в приемной и выписывала рецепты, насколько я помню.

— Ну, а прошлой ночью? — резко спросил я, — где вы были после девяти?

— Дома!

— Один?

— Не совсем, — трубка опять задвигалась в его губах. — Там была горничная.

— Вы лжете мне в лицо, — сказал я с отвращением. — Я могу абсолютно точно сказать, что горничной дома не было, она была у меня в квартире!

Бейкер снова рассмеялся. Корбан повернулся и взглянул на него с убийственным выражением на лице.

— Не смейтесь слишком громко, Хол, — сказал он свирепо, — или я расскажу лейтенанту кое-что, что смоем ухмылку с вашего лица!

— Вы угрожаете мне, Фрэнк, — констатировал Бейкер. — Так вы не созданы для этого, вы же настоящий шакал, каких мне больше не приходилось видеть, не считая, конечно, настоящих.

— Черт бы вас побрал! — Корбан скрипел не своим голосом. — Я использовал вас, как только мог, позирующее ничтожество!

Он обернулся ко мне, на лице его шла борьба.

— Почему же вы не спрашиваете этого укротителя львов о Бернис Кейнс? Он знал ее очень хорошо. Каждый раз, когда она улепetyвала от Торро, она проводила время с ним. У них была, как вы называете, близкая дружба!

— Ты, грязный сводник! — проревел Бейкер. Он вскочил с кушетки и сгреб за воротник Корбана. — Ты, гадкий, распутный, ты только и можешь, что подглядывать в замочные скважины! — Он встряхнул его. — Когда тебя учили в последний раз не лезть в чужие дела?

— Отойди от меня, — умоляюще взвыл Корбан. — Не смей прикасаться ко мне. Лейтенант, я взываю к вам — пусть он оставит меня!

— Не стал бы ни за что пачкать руки, — прошипел Бейкер презрительно. Он отпустил Корбана, и тот от неожиданности плюхнулся на кушетку, потом все-таки раздумал и, размахнувшись, всадил свой кулак тому в желудок. Корбан согнулся, лицо его скорчилось от боли. Но Бейкер схватил его за волосы и ударил в лицо.

— Правильно, Хол, — завизжала Таня, глаза ее загорелись, — дай ему хорошенько, этому грязному подзамочнику!

— Почему бы тебе не помолчать? — заорал я на нее, стараясь перекрычать вопли Корбана. — Меня всегда раздражает, когда люди кричат, словно на гладиаторской арене.

Полник поднялся на ноги и пошел на Бэйкера тяжелыми шагами. Секунду укротитель стоял, глядя на него со сжатыми кулаками. Мне было почти жаль его, если он собирался противостоять ярости сержанта. Затем он вдруг передумал и сел в ближайшее кресло.

— Черт с ним, — сказал он. В его голосе была скука. — Все это выглядит как комедия из двух актов.

Корбан попытался выпрямиться на кушетке, держа обе руки на солнечном сплетении. На лице его была сплошная ненависть.

— Спросите его о Бернис Кейнс, лейтенант, — трясся он, — ну же, спросите его, сколько ночей она провела с ним за последние два месяца. Спросите его, ну же, вы!

— Вы же не даёте мне говорить, — сказал я раздраженно.

Хол Бэйкер вытащил пачку сигарет из верхнего кармана. С большой осторожностью вынул одну сигарету, затем сжал ее между зубами, ища спички обеими руками.

— О'кей, — сказал я, — итак, как же насчет Бернис Кейнс, Бэйкер?

Он подождал, пока его сигарета прикурится, затем медленно погасил спичку струйкой дыма изо рта.

— Я не знаю, о чем вы говорите! — спокойно сказал он.

— Он же нагло лжет! — вскричал Корбан. — Я сам приводил ее сюда дюжину раз, если не больше! Если не верите мне, спросите его помощника — Козовского!

— Этот врачеватель голов знал, о чем говорил, когда сказал вам, что у него склонность к убийству, лейтенант, — сказал Бэйкер с легкостью, граничащей с нахальством. — Нет, этот докторишко знает, что говорит!

— Вы хотите сказать, что не были знакомы с Кейнс?

— Это именно то, что я хотел сказать. У Фрэнка в голове что-то сломалось, но я тут ни при чем.

— Чем вы занимались прошлую ночь? Около девяти часов и позже?

— Разве мне нужно еще одно алиби? — он выглядел слегка удивленным.

— На два убийства нужно иметь два алиби, — рассудил я. — Кто-то прикончил еще и старика-служителя на клад-

бище. Думается мне, что это тот же, кто прикончил девушку.

— Я был дома весь вечер и всю ночь, с пяти часов вечера.

— Один? — спросил я устало.

— Вы уже слышали, лейтенант.

— Теперь вы видите, — Корбан сказал это злорадно, — у него нет алиби.

Полник смотрел на него холодно с минуту, затем взглянул на меня.

— Может, мне заткнуть ему глотку, лейтенант?

— Только если он захочет сказать еще что-нибудь, — сказал я ему. — Тогда пусть он получит где-то между глаз.

— Вы не посмеете, — но голос его затих, как только Полник кинул один угрожающий взгляд в его сторону.

Я подумал, что на сегодня хватит с меня вопросов и ответов — еще десять минут с этими психами, и мне самому придется обратиться к доктору Торро, поэтому я поднялся и сделал знак Полнику.

— Пойдемте, Полник, — сказал я ему.

— Если хотите поговорить с Козовским, вы найдете его на обратном пути, — спокойно сказал Бэйкер.

— Конечно, — заверил я его.

Мы уже порядочно отошли от дома, как вдруг сзади меня раздалось бряцанье костей, и «череп» оказался рядом с нами.

— Не оставляйте меня здесь одного, — взмолился он испуганно, — этот маньяк меня убьет!

— Думаю, что никто не помешает вернуться вам к вашей машине вместе с нами, — сказал я неприязненно.

— Спасибо! — Вдруг какая-то мысль мелькнула в его мозгу, и он осмелился даже оглянуться на тех двоих. — Как вы, Тania? — спросил он с надеждой. — Подвезти вас в город?

— С вами я не поеду даже на вашу собственную кремацию, — ответила та и повернулась к креслу, в котором сидел Бэйкер. — Я останусь здесь с настоящим мужчиной, который знает, как обращаться с тиграми!

— Да неужели? — Бэйкер встал и повернулся к ней, притянул ее за свитер, оглядел всю с головы до ног, затем оттолкнул от себя так, что она отлетела и, потеряв равновесие, упала на кушетку. Глаза ее сверкнули, когда она взглянула на него.

— Думаю, что я один поеду, — сказал Корбан, безумно

хихикнув. — Не думаю, что для этой тигрицы ему понадобится плетка, как вы считаете, лейтенант?

— Эй, — сказал Бэйкер, резко пересекая комнату по направлению к нам, — подожди-ка минутку, червяк!

— Не позволяйте ему прикасаться ко мне, — взвизгнул Корбан и спрыгнул за сержанта, — я взываю к вам, лейтенант как к представителю закона!

Бэйкер на полпути к нам внезапно нагнулся и поднял что-то с пола.

— Это ведь ваше, — сказал он Корбану, протягивая ему находку с ехидной ухмылкой на лице.

— О... да... мое, — Корбан нервно затоптался, выглядывая из-за плеча сержанта.

— Не хотите ли забрать? — спросил Бэйкер по-дружески.

— Спасибо... — пробормотал Корбан и сделал еще один шаг. Он подошел поближе к укротителю львов и протянул дрожащую руку.

— Я всегда считал, что это слишком крупная вещь для таких людишек как вы, Корбан, — разговорился Бэйкер. С этими словами он аккуратно переломил трубку и высыпал ее кусочки во все еще протянутую руку Корбана.

— Не утруждайте себя исключением меня из клуба, Фрэнк, — сказал он со счастливой улыбкой. — Я уже вышел из него!

Глава 9

Шериф Лаверс посмотрел на меня и затряс головой:

— А вы уверены, что это не ваша фантазия под парами алкоголя, Уиллер?

— Можете спросить Полника — он был со мной все время, — сказал я коротко.

— Если это правда, — пробормотал он, — то Кейнс была, должно быть, сильная штучка.

— Мы говорили с его помощником Козовским, — сказал я, — так вот этот малый говорит, что не знает, кого его хозяин принимает у себя и так далее.

— Вы думаете, Корбан говорит правду? — спросил Лаверс.

— Не знаю, где может быть больше правды, если не в его словах, — сказал я, — но только один человек может это подтвердить — доктор Торро.

— Неужели только он один? Если Бернис обманывала

его с кем-то еще, она была уверена, что он ничего об этом не узнает!

— Но на время, когда она не была с доктором Торро, ей приходилось придумывать множество всяких причин. Если он припомнит что-нибудь из последних ее отговорок, это нам здорово поможет!

— Вы оптимист, Уиллер! — прорычал шериф, — но звучит это так, как будто вы углубляетесь в дело, тревожа тени, которые, возможно, даже не существовали.

— Мне незачем темнить, сэр, — напомнил я ему. — Подождем немного. У меня кое-что неясно с Бэйкером. Если бы вы видели его в клетке с тигром...

— Мне все еще не верится, что вы это видели, — прорычал шериф, — больше похоже, что вам это приснилось в каком-нибудь загородном баре!

— Ваша беда в том, что вы не верите мне, шериф, — сказал я ласково. — То, что меня не признают дамы, я могу понять, но когда мой босс... — Я сделал преувеличенно преданный жест, прижав руку к сердцу. — Тогда это больно, вот здесь...

— Убирайтесь вон!

— Да, сэр.

Вздернутый носик Анабель Джексон взлетел в воздух, задвигался заинтересованно, когда я вышел из кабинета шерифа.

— Мне слышались раздраженные голоса, — сказала она. — Звуки спора, взрывы темперамента? Вы возбуждены, как видно?

— Цыпленочек, — я оперся локтями о ее стол, так как эта поза позволяла мне заглянуть глубже в вырез ее блузки, — мне нужен совет!

— Вам?! — Она захохотала уничтожающе. — Это девушке, подошедшей к вам ближе, чем на тридцать шагов, нужен совет и соболезнования!

— Ну что ж, — сказал я, — если вы не хотите мне помочь...

— Совет в чем? — спросила она, когда я взялся уже за ручку двери. Ведь есть же единственный фактор — женское любопытство, благодаря которому мы всегда оказываемся победителями.

— Предположим, вы не ладите с шерифом...

— Не думаю, что у вас хорошее воображение, — перебила она меня.

— Вы должны попробовать представить это себе, цветущая магнолия, — сказал я настойчиво. — Предположим,

что это очень долгое занятие, отнимающее много времени — я имею в виду быть с шерифом... например, он слишком долго надевает пижаму...

— Лейтенант Уиллер, — сказала она слабым голосом, — вы отвратительны!

— Затем, — взглянул я на нее торжественно, — в вашу жизнь входит новая большая любовь — я, к примеру!

— А теперь вы смешны!

— Есть причины, по которым вы не хотите оставить шерифа и в то же время меня. Шерифу вы вынуждены уделять большую часть своего времени, если не все, но вы хотите часть времени проводить также со мной. Итак, какие отговорки вы будете придумывать для шерифа?

Она подумала немного, наморщив лобик.

— Я должна ухаживать за больной подругой? — Я грустно покачал головой. — Нет? — спросила она и вздохнула. — Ну, хорошо, я учусь ночами и беру у него отгулы...

— Анабель, вы не пытаетесь представить, — сказал я удрученно.

— Вы усугубляете дело, лейтенант, потому что девушка с такими разными вкусами встанет перед настоящей проблемой!

— Проверим!

— Она должна быть великолепной, неподражаемой лгуньей, прежде всего, — твердо сказала Анабель. — Не думаю, что это возможно, даже если бы отношения зашли так далеко, как вы говорите.

— Догадываюсь, что вы правы, — сказал я глубокомысленно, — огромное спасибо!

— За что? — изумленно взглянула она на меня.

— Я еще не уверен, — сказал я честно, — но думаю, что кое-что прояснили. Позвольте поздравить вас, мисс Джексон, вы первая оказали мне несомненную помощь!

— Я думаю, из-за жары, — сказала она медленно, — у вас расстроилось содержимое головки? Что с вами, лейтенант?

— Размягчение мозга, — сказал я злобно. — Скажите мне, я ваш...

— Вон! — сказала она резко, схватив тяжелую стальную линейку.

Я пошел перехватить немного в одну забегаловку поблизости, углубился в меню. Они преимущественно специализировались здесь на подгоревшей пище. Только две вещи я категорически отказывался делать — есть пищу, покры-

тую горелой коркой, и носить шорты, потому что не признавал никогда их за одежду.

Итак, я, конечно, заказал салат и кофе, и лицо официантки вытянулось от разочарования. Готовят здесь отменно грязно. Ну что же, кушать все-таки надо.

Извещение о смерти Бернис Кейнс висело на самом видном месте конторы Торро. Новая секретарша посмотрела на меня, как будто я был не я, а Симон Лэгрэ. Когда я ей представился, серые ее глаза засветились извечным женским любопытством.

— Доктор Торро занят с пациентом, — прошептала она мрачным шепотом. — Думаю, что как очень мужественный человек, он хочет углубиться в работу, чтобы забыть свое горе.

— Вы имеете в виду его жену?

Ее глаза широко раскрылись.

— А кого же еще?

— Это хороший вопрос, — признался я, — будьте любезны, доложите ему обо мне.

Она помедлила немного, затем решительно сжала губы.

— Я понимаю, что это не мое дело, лейтенант, но не кажется ли вам, что вы сейчас его побеспокоите? Сегодня мой первый день здесь, но я уже узнала, как он может сердиться! Не думаете ли вы, что было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы оставили его с работой и горем наедине?

— Голубушка, — постарался я улыбнуться как можно приятнее, — если вы не наберете номер и не скажете ему, что я его жду, этот день будет также и вашим последним днем здесь. Нельзя сказать, что я не разделяю ваши прекрасные чувства, напротив, но думаю, что их нужно всячески оберегать, мало ли что, держите их при себе.

Губы ее побелели, рука потянулась к телефону. Через несколько секунд она повесила трубку и посмотрела на меня:

— Доктор выйдет к вам через несколько минут, лейтенант!

Отойдя от стола, я закурил сигарету.

Через пять минут дверь кабинета открылась, и доктор Торро пропустил впереди себя слишком полную, слишком нарядную и слишком пожилую даму, которая смотрела на него так, как будто он был последней ее каплей воды. Наконец, он избавился от нее, коротко кивнул мне и пригласил в кабинет. Когда я вошел, он закрыл за собой дверь и обошел вокруг стола, направляясь к своему креслу.

Костюм оливкового цвета на этот раз был элегантен как никогда. Он посмотрел на меня и неожиданно почесал рукой короткий остриженный седой ежик...

— Что-нибудь еще лейтенант? — спросил он сорвавшимся голосом.

— Не знаю, — признался я, — надеюсь, что вы мне расскажете.

— Я мог бы, если бы вы прекратили говорить намеками и объяснили мне, в чем дело!

— Вы были близки с мисс Кейнс? — спросил я, усевшись поудобнее в кресло и закулив новую сигарету.

— Я вам уже рассказывал.

— Достаточно близки, чтобы сказать, что она не обманывала вас?

Бледное аскетическое лицо его медленно потемнело, пальцы сжались в кулаки. Глаза его стали холоднее арктического льда, когда он поднял их на меня.

— Вы сошли с ума? — Он почти выплюнул эти слова мне в лицо.

— Возможно, — пожал я плечами. — Сегодня утром Фрэнк Корбан заявил, что мисс Кейнс вела своего рода двойную игру с вами, и с другим парнем в одно и то же время.

— Это абсурд!

— Это вы так говорите, а я бы хотел быть уверенным, — сказал я вежливо.

Он внезапно поднес палец ко рту и прикусил его ровными крепкими зубами.

— Если можете, постарайтесь отнестись к этому бесстрастно, — предложил я. — Вы можете припомнить последние два месяца? Помните ли вы, какие отговорки были у мисс Кейнс, как часто она к ним прибегала и на какой срок?

— Конечно, нет! — рявкнул он. — Это смешно, Бернис никогда... Вы прекрасно знаете, что Корбан — псих со склонностью к убийству. Он может сказать все, что угодно... — Голос его прервался, зубами он продолжал теребить палец, на котором была повязка.

— У нее часто были мигрени, конечно. Иногда мне приходилось отпускать ее домой раньше, чтобы она могла прилечь и отдохнуть. Помню, два выходных подряд, но это нелепость подозревать ее!

— А вы не думаете, что она симулировала мигрени? — спросил я мягко. — Вы могли бы определить это?

— Не в ранней стадии, — ответил он, — а только заста-

релые мигрени, когда человек не может шевелить головой, по цвету лица, затем раздраженное общее состояние — но все это чепуха!

— Не было когда-нибудь так, что она жаловалась на мигрень, а выглядела лучше, чем при обычных приступах?

— Если она лгала! — заорал он. — Но чем вы это объясните, почему она должна была обманывать меня, как вы изволили очаровательно выражаться!

— Откуда мне знать, — сказал я, — я уже сказал вам, что это не моя идея!

— Мы очень любили друг друга, — сказал он спокойно, — мы собирались пожениться.

— Конечно, — кивнул я вежливо. — Я все же должен найти убийцу, как вы считаете?

— Я знаю, но мне ужасно тяжело помнить об этом все время. У вас есть еще вопросы, лейтенант?

— Думаю, что это все, — сказал я.

— А о ком шла речь, я имею ввиду Корбана, кого он имел в виду, когда говорил, что она вела двойную игру?

— Хола Бэйкера.

— Бэйкера?! — он резко засмеялся. — Ничего более нелепого я не мог представить. Она никогда не нашла бы в нем ничего привлекательного...

— Раз вы так считаете, доктор, — сказал я, — то все это шутка.

Он забарабанил пальцами по столу, а вены на его лбу напряглись.

— Может быть, и нет, — прошептал он. — Я так хотел верить этим мигреням, но никогда не был точно уверен, что они были настоящими. — Он уставился на стену, рот его скривился в ужасной гримасе. — Она вела себя несколько странно эти два месяца. Временами была очень удручена, — он пытался улыбнуться, — вот в чем беда у профессоров-психиатров, лейтенант, — они излишне подозрительны. Трудно удержаться, чтобы не начать составлять историю болезни. Эти скачки в ее настроении начали меня беспокоить — налицо была ранняя шизофрения, все симптомы, понимаете?

— Туманно, — сказал я.

— Но эмоциональный конфликт и напряжение, вызванное подобным образом жизни, без сомнения, привели бы к таким же симптомам, ну и легко могли вызывать мигрени, время от времени, так что отговорки ее не были ложью.

— Но вы ведь не знаете это точно, у вас нет никаких доказательств.

Он потрясенно затряс головой.

— Никаких, лейтенант.

— Этот Бэйкер совершенно бешеный, может быть, поэтому Корбан начал психовать?

— Это звучит логично,— сказал он заинтересованно.

— Если мы сможем доказать связь между ним и Бернис Кейнс, тогда мы сможем определить мотивы ее убийства,— продолжал я.

— Вы можете сделать больше, лейтенант,— сказал он иронически,— вы можете определить мои мотивы.

— Я уже думал об этом,— сказал я.— У вас есть алиби на ту ночь, когда Бернис Кейнс была убита?

— Нет. Так мало времени прошло после смерти моей жены. Я ведь говорил вам, что мы с Бетти договорились не видеться какое-то время после смерти Марты, во всяком случае, до ее похорон. Итак, я был дома один, лейтенант.— Внезапно он сжал кулаки.— Боже мой! Теперь мне пришла в голову другая мысль — ведь это она настаивала на том, чтобы мы не виделись это время. Как вы думаете, не хотела ли она тогда повидаться с Бэйкером?

— Возможно,— сказал я,— но думаю, что только Бэйкер может подтвердить это.

— Желаю удачи, лейтенант,— сказал он.— Если вы ничего не имеете против, меня ждет пациент.

— Я ничего не имею против, доктор,— сказал я и поднялся с кресла.— Если все зашло так далеко, едва ли я буду вертеться у вас на кушетке. Не могли бы вы сделать мою голову на четверть меньше? Что-то вроде маленького чучела, чтобы поставить на стол шерифа?

Глава 10

Полуденное солнце светило сквозь высокие окна главного корпуса кладбищенского здания. Мистер Уильямс с отчаянием на лице стоял передо мной и искал совершенно неуловимую блоху у себя за шиворотом.

— Бедный мистер Джорджан,— сказал он, и в голосе его звучало профессиональное соболезнование.

— Вернемся к тому, с чего мы начали,— сказал я.

— Понимаю вас, лейтенант. Мы похоронили его на нашей лучшей аллее, на наши собственные средства, вы слышали, конечно? Я думаю, мистер Джорджан остался бы доволен этим. Начальство считает, что это самое мень-

шее, что они смогли для него сделать, он так много лет проработал здесь.

— Я уверен, он остался доволен, — сказал я нервно. — Теперь я надеюсь, вы в состоянии помочь мне найти убийцу?

Он с сомнением взглянул на меня, каблук его правого ботинка заерзал по ступеньке:

— Конечно, я постараюсь, только какая от меня помощь, одна нервозность, — сказал он, — да и не понимаю, как я могу вам помочь?

— Ведь это Джорджан нашел тело мисс Кейнс в открытой могиле жены доктора Торро, — напомнил я ему. — Единственная логическая причина для его убийства — это то, что он мог видеть убийцу, либо как-то его опознать, и поэтому ему пришлось замолчать навечно.

— Да, да! — с готовностью закивал Уильямс. — Я слежу за вашими рассуждениями, лейтенант!

— Но как раз здесь они заканчиваются, здесь я уже полагаюсь на вас. Джорджан говорил вам что-нибудь об этом? Что-нибудь, что могло бы оказаться ключом к разгадке?

Он сверлящим движением поскреб затылок длинным указательным пальцем.

— Дайте мне еще немного подумать, лейтенант.

— Конечно, — сказал я, — сколько хотите.

Он почесал кончик носа и затряс головой.

— Нет, к сожалению, я не могу вспомнить ничего, что могло бы послужить ключом...

— Подумайте еще, Уильямс, — взмолился я, — вы могли говорить с ним об этой находке. Не было ли чего-нибудь необычного в его словах? Может быть, вы не заметили?

Он поскребся еще немного, подумал и все-таки ответил отрицательно.

— Мне очень жаль, лейтенант, — извинился он, — но мне кажется, Джорджан не заметил ничего значительного. Он был очень стар, вы знаете, и почти слепой...

— Почти слепой? — закричал я.

— Бедный старик, он так быстро стал сдавать. — Уильямс вознес руки в воздух. — Он не различал ничего в нескольких футах — и говорить нужно было с ним очень громко, чтобы он мог услышать.

— Кому же тогда понадобилось убивать его, черт побери?

— Может быть, они не знали о его дефектах, — сказал Уильямс. — Я уверен, если бы Джорджан знал, что он

может пролить свет на тайну этого убийства, он бы заговорил прямо сейчас!

— Да, да,— тут надо поразмыслить,— спасибо за помощь, Уильямс.

— Не за что. Рад был вам помочь, только и всего, лейтенант,— сказал он, запустив пальцы за шиворот.

Тоже неплохо, думал я по дороге от кладбища. Я понял, что мне нужно выпить, и у ближайшего бара я вылез из машины.

С самого начала, когда Джорджан обнаружил тело Бернис в могиле Марты Торро, дело уже начало пахнуть сплетней,— думал я, сидя за стойкой бара и медленно потягивая виски,— и ничего подтверждающего каких-либо подозрений я не нашел.

Все, что я переживал все это время, еще больше запутывало это дело.

Второй стакан виски еще больше испортил мне настроение. Тридцать шесть часов я расследую это проклятое дело, и у меня нет ни одного сколько-нибудь твердого факта, ни одного ключа для того, чтобы обнаружить убийцу. И никакого намека на улучшение.

Третий стакан виски напомнил мне, что кто-то кому-то сказал о ком-то в одном месте когда-то... Если ты хочешь, чтобы чего-то не было на самом деле, а тебе этого очень хочется, сделай это сам! Все, что мне нужно было для старта, так это всего-навсего маленький фактик, ну, а раз его не было, придется его придумать мне самому...

Солнце уже опустилось совсем низко, когда я подъехал к частному зоопарку Бэйкера и остановился перед воротами. Я долго дергал за шнурок, громко и долго звонил звонок, потом подождал немного.

Наконец, дряхлый пикап выехал из глубины зоопарка и остановился, издав серию бесподобных звуков. Помощник Бэйкера, Козовский, вылез и открыл ворота, взглянув на меня без всякого выражения.

— Вы найдете босса с большими кошками. Надеюсь, вы знаете, где это?

— Конечно,— сказал я.

Он начал заводить мотор: снова раздалось чихание, затем пикап вдруг бешено сорвался с места и умчался по дороге.

Когда грязная дорога сменилась тропинкой, я увидел белый «мерседес» Бэйкера, который стоял около огромной передвижной клетки. Третью машину я видел впервые —

«бьюик» последней модели отличного черного цвета. Мой «остин» сразу потускнел рядом с ним.

Я прошел направо метров пятьдесят, по бетонной дорожке, которая привела меня в мир, где смерть мягко ходит на кошачьих лапах. С двух сторон за мной следили глаза разных оттенков и в темноте это было очень страшно. Наконец, я дошел до клетки, в которой утром Бэйкер до полусмерти забивал тигра.

У клетки пантеры стояли двое, по-видимому, ссорясь, так что они не слышали, как я подошел. На Бэйкере была все та же рубашка и джинсы, стертые до блеска, что и утром. Его собеседник, напротив, был одет в элегантный габардиновый костюм оливкового цвета.

— Не знаю, о чем вы тут толкуете,— говорил Бэйкер холодно,— но я чертовски устал от всех этих историй! Здесь частная собственность, так что если вы не уйдете отсюда сию же минуту, я вышвырну вас вон!

— Я не уйду, пока не узнаю правду,— четко произнес доктор Торро.— Я должен знать все о ваших отношениях с Бернис Кейнс.

— Послушайте, я ведь говорил вам и еще раз повторяю, что не знаком с Бернис Кэйнс! Итак, в последний раз спрашиваю: вы уберетесь отсюда?

— Что, доктор нашел нового пациента? — спросил я. Оба подпрыгнули от неожиданности и оглянулись на меня.

— Рад вас видеть, лейтенант,— коротко сказал Бэйкер,— можете вы убрать этого типа отсюда, а то он сам получит консультацию и месяцев шесть не сможет разобратся, в своем ли он рассудке.

— Я рад, что вы здесь, лейтенант,— сказал доктор Торро.— После вашего ухода я не мог забыть наш разговор о Бернис Кэйнс и этом человеке. Чем больше я об этом думал, тем больше убеждался, что эти мигрени были удобным поводом для нее. Я должен узнать правду так или иначе — или мне действительно понадобится консультация или что-то в этом роде! Бэйкер отрицает, но я не верю ему.

— Дьявол! — проревел Бэйкер.— Я не собираюсь стоять здесь и терпеть это более в своем собственном доме! Вы полисмен, Уиллер, или, по крайней мере, похожи на него! Заберите отсюда этого типа, пока он еще может ходить!

Он пошел прочь, давая понять, что разговор окончен. Раздался внезапный шум в клетке, звук прыжка, и желтые глаза оказались совсем рядом с нами. Я вздрогнул и отпрянул.

— Вы что-нибудь знаете, Уиллер? — спросил Бэйкер. — Сатана что-то не любит вас.

— Это чисто интуитивное, — сказал я. — Может, пойдём куда-нибудь, где удобнее поговорить?

— Поговорить? — спросил он сердито. — О чем поговорить? Все, что я хочу, так это, чтобы вы убрали этого типа.

— У меня есть о чем поговорить, — сказал я холодно. — Успокойтесь, Бэйкер, либо мы поговорим здесь, либо в конторе шерифа.

— О'кей, о'кей, — сказал он, пожав плечами, — мы можем подняться в дом. Но посоветуйте этому лекарю самому провериться.

— Я остаюсь, — сказал доктор Торро. — Если это касается смерти Бернис Кэйнс, значит я имею право это слушать!

— Думаю, что это не очень повредит вам, — сказал я.

— Черт побери, — вырвалось у Бэйкера, — а я вот так не думаю.

— Это спорный вопрос, — умерил я его, — но если хотите, можно проверить ваш рассудок в деталях в конторе шерифа. Там уже не будет так удобно, как у вас дома.

— Да, — сказал он с отвращением. — Можем пройти пешком до дома, если вы в силах, ребята!

Мы поднялись на холм, на котором стоял дом, прошли на ярко освещенную веранду. Из комнаты доносились звуки джаза, а на кушетке лениво развалилась рыжеволосая знакомая, чья рука со стаканом свесилась до пола.

Увидев нас, она оживилась, в глазах появился интерес.

— Ну и ну, — промурлыкала она, — а вот и компашка появилась, разве не мило?

— Это не моя идея, — буркнул Бэйкер.

— Никогда не влюбляющийся лейтенант и доктор «внезапная смерть»! — мурлыкала она укротителю тигров.

Она села, и я заметил, что выражение ее глаз не соответствовало словам и тону. Одежда была изрядно помята, на щеках красные пятна. Она привалилась к спинке кушетки спиной, и по ее виду можно было понять, что она не собирается принимать участие в разговоре.

— Итак, мы здесь, — сказал Бэйкер. — Вы, кажется, хотели говорить, начинайте. И давайте закончим это скорее!

— Спешить некуда, — ответил я ему, и, оттягивая время, раскурил сигарету.

Холодное лицо Торро приняло почти деревянное выражение, но в его глазах внезапно опять появился страх.

— Мне нужно услышать ответ только на один вопрос, лейтенант,— сказал он, стараясь говорить спокойнее,— тот ли человек Бэйкер, с которым встречалась Бернис.— Голос его дрогнул от отвращения.— Это человек, с которым она меня обманывала?

— Не принимайте это близко к сердцу, доктор,— сказал я ему.— Может, вы все узнаете.

Таня допила свой стакан и протянула его Бэйкеру жестом приказа.

— Хочешь еще выпить, налей себе,— сказал он равнодушно.

Знакомое ледяное выражение появилось в ее ярко голубых глазах, когда она пристально посмотрела на него, затем надула губы и двинулась к бару. Через минуту она вернулась, неся бутылку виски в руке и сверля Бэйкера взглядом.

— Концерт окончен,— сказала она резко и громко,— ты ведь это хочешь сказать, милый!

— Выматывайся, только быстро,— сказал он презрительно.

— Ты смелый человек, Хол,— губы ее скривились, она хотела улыбнуться.— Смелый и глупый! Ты думаешь, что я такая же, как и твои дикие кошечки — когда не нужны, запираешь в клетку до следующего раза? Я немножко другая, ты убедишься в этом.

— О чем это ты? — заорал он.

— Ты еще узнаешь! — повторила она, выплеснув виски в стакан и наполнив его до краев.— Подожди немного, ты будешь очень удивлен!

Бэйкер взглянул на нее с любопытством; затем нетерпеливо пожал плечами.

— Хватит того, что лейтенант говорит намеками, не хватало, чтобы ты еще этим занималась.

— Для человека, которому есть о чем говорить, вы слишком долго собираетесь,— переключил он на меня внимание.

— Я искал убийцу последние пару дней,— сказал я легко,— кажется, я нашел его. Испытал приятное ощущение, я просто сейчас наслаждался им. Может это чувство похоже на то, что вы испытывали сегодня утром, когда вышли из клетки, забив тигра почти до полусмерти.

— Вы говорите,— рявкнул он,— но я все же не слышал начала.

— О'кей,— сказал я хрипло,— я искал убийцу, человека, склонного к сильной ненависти, иначе нельзя объяснить, зачем ему нужно было укладывать тело Бернис в могилу, приготовленную для другой. Человека очень эгоистичного, почти параноика. Человека, который не переносит соперничества, который требует полного подчинения в любых отношениях с другими существами, неважно, человек это или животное.

— Звучит так, что невольно думается, что вы слишком долго крутились около этого докторишки, Уиллер! — сказал он мягко.— У вас мозги немного размягчились.

— Я искал парня с мотивами для убийства,— продолжал я,— и с достаточно сильными мотивами, а сегодня утром Корбан дал мне один такой. Я имею в виду факт, что вы были в определенных отношениях с Бэрнис Кэйнс!

— Он лгал вам в лицо! — заорал Бэйкер.

— Я искал доказательства,— сказал я,— и пару часов назад я нашел его!

— Доказательство? — Глаза его сузились.— Какое же?

— Джорджан, служитель кладбища, был тоже убит прошлой ночью,— сказал я,— очевидно за то, что он мог видеть или слышать убийцу Кэйнс, когда ее укладывали в открытую могилу. Уильямс — это главный распорядитель, обнаружил тело сразу же после того, как он был убит. Убийца еще прятался в здании, а когда Уильямс нашел тело, он выбежал. Но он не знал, что Уильямс успел его рассмотреть.

— Кто же он, лейтенант? — голос Торро сорвался.

— По описанию этот человек на вид лет двадцати пяти, выше шести футов роста, коренастого сложения, черноволосый, с густым загаром,— лгал я с самым беспечным видом.— Вы знаете кого-нибудь, кто подошел бы под это описание, доктор?

— Он лжет! Это подтасовка,— дико закричал Бэйкер.— Это подтасовка!

— Зачем ему было сочинять? — спросил я холодно.— Он никогда в жизни раньше вас не встречал!

— Не знаю, зачем ему это понадобилось,— рычал Бэйкер,— но уверен, что это «утка». Я был здесь, в этом самом доме, когда убили этого служителя. Я не выходил за дверь!

— Так докажите это! — сказал я.

— Вы знаете, что я не могу. Ведь я говорил вам раньше.— Глаза его остановились на Торро, затем на

мне.— Все это вы оба придумали, вместе с доктором, лейтенант!

— Лейтенант? — протянула Таня с кушетки.

— Да,— повернул я к ней голову.

Она оперлась на бар обеими руками, груди ее были прижаты стойкой.

— Он ведь был вторым в жизни этой крошки,— сказала она с хриплой усмешкой.— Он просто баловался с ней, когда бывал в клубе. Этот парень действительно любит, чтобы все ему были рабами, ну, а девица была практической сметки — она не оставила бы доктора.

Таня взглянула на Торро и улыбнулась.

— Бедный Джейсон! Конечно, он не мог сравниться с Холлом в будуаре, но зато он обещал жениться!

— Почему вы не сказали мне всего сегодня утром? — спросил я.

— Тогда я не думала об этом,— просто сказала она. Она отодвинулась от бара, выпрямила кошачью спину и с торжеством посмотрела на Бэйкера.

— Я ведь говорила тебе, что ты пожалеешь, любимый! — сказала она ласково.

— Это все, что я хотел узнать,— сказал Торро каким-то страшным голосом.— Вы собираетесь арестовать его прямо сейчас, лейтенант?

— Нет,— сказал я медленно.— Завтра нужно будет устроить очную ставку, поставим его в середину десятка. Если Уильямс узнает его, как того парня, которого он видел убежавшим прошлой ночью с кладбища, значит он...

— Мне хотелось бы при этом присутствовать,— сухо сказал Торро.

— Будьте моим гостем,— сказал я ему,— я позвоню вам утром и скажу, на какой час это назначено.

— Благодарю вас.— На скулах у него вспухли желваки.— Так мне нет больше нужды оставаться здесь более. До свидания, лейтенант.— Он повернулся и ушел, направляясь к своему «бьюику».

— Я позвоню своему адвокату немедленно,— свирепо сказал Бэйкер.— Я проучу вас, Уиллер!

— Приостановите этот поток,— взревел я в свою очередь.— Кто собирается вас слушать, кому это нужно? Все, что вас ожидает, так это очная ставка и газовая камера... если все подтвердится!

— Вы возьмете его с собой, Эл? — спросила Таня злорадно.

— Мы захватим его утром. Не пытайтесь удрать, Бэй-

кер, вы не скроетесь.— Я взглянул на Таню.— Хотите, подвезу в город?

— Нет, спасибо,— сказала она, тепло улыбаясь.— Я останусь здесь.

— Останетесь здесь? — с изумлением воззрился я на нее.— Наедине с Бэйкером? Как раз после того, как вы оказали ему такую услугу?

— Думаю, вам не понять, вы же жлоб,— сказала она жалостливо.— Бэйкер сейчас в ярости, он может с голыми руками полезть в клетки. Думаете, я оставлю эту ярость для животных?

Глава 11

Я осторожно начал спускаться по ступенькам, ноги меня не держали. Уже совсем стемнело. Луны не было видно и снаружи ничего нельзя было различить.

Когда я добрался до третьего пролета, то почувствовал, что вспотел. У хорошего полисмена всегда при себе есть фонарик, а вот такой, как я, норовит на ровном месте сломать себе шею.

Чем больше я думал, тем больше у меня оставалось уверенности в жизнеспособности собственной теории изобретения фактов. Состряпанная история об Уильямсе, все же довольно-таки аккуратно состряпанная, поставила меня теперь в тупик. Она помогла пролить свет на Бэйкера. Но его реакция была вполне естественной для одураченного, в фальши я не мог его обвинить.

Доктор Торро пропал в ночи как привидение. Либо он отправился домой проливать слезы о своей утрате, либо возвращается обратно с обрезом, чтобы свернуть Бэйкеру голову. Что бы он ни сделал, виноват в этом буду я.

Таня Строуд не удержалась и сунула нос в это дело, потому что Бэйкер был любовником этой Бэрнис Кэйнс. Но никакой гарантии, что она подтвердит свои показания на суде — особенно после этого спектакля, который она собиралась разыграть после моего ухода. В качестве расплаты, разумеется.

Так или иначе, Уиллер здорово промахнулся на этот раз. Я мог предвидеть, что меня ожидает. И уже видел себя простым регулировщиком, стоящим на посту.

Глаза мои, наконец, привыкли к темноте, я уже мог различать клетки, стоящие по обеим сторонам бетонной

дорожки. Звуки, которые неслись из них, могли начисто убить всякое желание посетить африканские джунгли.

Запах стоял еще хуже, чем днем, страху еще больше. Я шарахался из стороны в сторону от малейшего шороха. По знакомым звукам я узнал эту тварь, но от этого мне не стало легче, черная пантера — это ведь не шутки. Я прибавил шагу и вскоре свернул на тропинку.

Наступила тишина, раздавался только звук моих шагов. Затем послышался металлический щелчок: как будто что-то запирали или, наоборот, открывали.

Я невольно прибавил шагу, прошел еще немного, звук повторился. Теперь я мог поклясться, что он уже был ближе, за моей спиной.

Я уже приготовился идти дальше, как вдруг новый звук — шорох крадущихся по бетону лап. Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди.

Я вспомнил слова Бэйкера, когда он представлял нам свою черную кошку: «Ненавидит людей, не переносит их запаха, на целую милю чувствует человеческий запах...»

Не знаю, как бы мне пришлось удирать, если бы это действительно оказалась пантера. Я прекрасно понимал, что мне убежать не удалось бы.

Мои пальцы сами нащупали револьвер на ремне под мышкой. Я был весь в напряжении, глазами искал глаза пантеры. Они непременно должны были где-то светиться в темноте.

Тишина, вдруг опять непонятный шум, на этот раз дальше и уже в противоположном направлении. Я вытер пот со лба и направился к выходу. Впереди показался мой родной «остин». В висках тяжело стучало, я уже не надеялся до него дойти.

Вдруг звук повторился уже где-то впереди меня. Теперь он был уже между мной и машиной, нужно было как-то преодолеть это расстояние.

Пройти мимо Сатаны было равносильно самоубийству...

Тут мне показалось, что мягкие крадущиеся лапы приближаются прямо ко мне. Я не выдержал и выстрелил наобум. Затем еще раз выстрелил, и послышалось рычание, но уже подальше, в темноте. Воцарилась напряженная тишина. Хуже всего на меня действовала эта проклятая темнота, я ничего не видел, мне было бы в тысячу раз легче, если бы я мог видеть эту тварь. Но ночь, как назло, была непроглядной, и я мог с таким же успехом занять крылья за спиной.

Снова, совсем рядом послышался звук прыжка, и я

опять выстрелил. Нужно было экономить патроны. У меня оставалось всего четыре. Внезапно откуда-то появился свет.

Пантера была в тридцати футах от меня, не больше, глаза ее горели желчным огнем, хвост напряженно покачивался из стороны в сторону. Она готовилась к прыжку, но выжидала удобного момента. Вид этого длинного черного зверя привел меня в ужас, но все же это было лучше, чем в темноте. Я прикинул свои шансы и решил подойти поближе. Сатана заревела, показав пасть, усеянную зубами, которые бы привели любого садиста в экстаз. На меня, естественно, это произвело совершенно противоположный эффект.

Я услышал новый звук, или мне показалось? Слух мой, конечно, был напряжен, но все же сомнения не было, это был звук шагов. Шаги приближались со стороны клеток, кто-то шел по бетонной дорожке. Наконец появился человек. Спешки в его движениях не было, он просто шел быстро. Вот он появился в футах двадцати от меня, а когда он свернул и направился в мою сторону, я узнал Хола Бэйкера. В правой руке у него был длинный хлыст, на конце которого сверкнул металл. Никакого оружия при нем не было.

— Что случилось, Уиллер? — Он пытался изобразить дружескую улыбку. — Заблудилась одна из кошек?

Я едва сдержался, чтобы не пристрелить его на месте. Достаточно того, что он держит пантеру как орудие убийства, но делать это предметом светской беседы было уже слишком.

— Бэйкер, — сказал я, — вы...

Я даже не успел начать свою тираду, потому что позади него с хвостом, задранным почти вертикально, изогнувшись для прыжка, мелькнула пантера. Может, я и слишком сентиментален, но я все же не мог допустить, чтобы что-нибудь случилось с Бэйкером, если я мог его предупредить.

— Сзади! — отчаянно заорал я. — Пантера!

Глаза его на секунду расширились, ухмылка исчезла с лица. Он вытаращился на меня, потом резко обернулся.

— Сатана? — Голос его был почти изумленным. Внезапно он засмеялся, а хлыст щелкнул в его руке.

— Ты хочешь попробовать еще раз, Сатана? — в его голосе зазвучал азарт.

Пантера издала рычание, в котором прозвучала вся ее ненависть, присела, хвост ее забил о землю.

То, что произошло потом, было похоже на кошмар. Человек и зверь бросились друг на друга и, сцепившись, покатались по земле. Я подошел так близко, насколько это было возможно, но чтобы стрелять, нужно было решить убить кого-то наверняка. Они катались в цепком объятии, что трудно было даже различить, где кто.

Внезапно они остановились в футах в двадцати от меня, и я понял, что человек повержен, а пантера торжествует сверху, как бы упиваясь своим триумфом, не доводя игру до конца. Чувствовалось, что Бэйкер едва сдерживает вопль ужаса и боли.

Со стороны могло показаться, что большой черный зверь просто играет, ласково прижавшись к груди хозяина. Но когда пантера подняла черную голову, я увидел кровь на шее Бэйкера. Я выстрелил дважды и пуля попала как раз между огромных мерцающих глаз.

Я подошел, когда она перестала конвульсивно вздрагивать, затем как мог стащил ее за хвост с тела Бэйкера. Смотреть на нее я не мог, так как мне было мерзко и страшно.

Я сделал все, что мог, и, убедившись, что Бэйкер мертв, почувствовал, что больше уже не могу удержать страшную рвоту, которая подкатила к горлу. Потом я пошел прочь, туда, где была стоянка. Нужно было вернуться в дом, но сейчас мне трудно было заставить себя сделать хоть одно движение. Я решил поскорее от всего отвязаться, чтобы никогда больше не возвращаться в этот проклятый зоопарк.

Таня Строуд валялась на кушетке, как и раньше, разница была только в том, что на ней было поменьше одежды. Где-то в глубине комнаты играл все тот же медленный джаз. Комната была слабо освещена настольной лампой, свет ее бросал мягкие тени на ее обнаженное тело.

— Это ты, Хол? — спросила она, даже не поворачивая головы. — Не слишком ли ты долго? Тебе не следовало оставлять меня в таком состоянии, это нечестно! Что это был за шум?

— Хол больше не вернется, мальшка, — сказал я как можно проще. — Черная пантера только что перегрызла ему глотку.

Она вскочила на ноги и в ее глазах, устремленных на меня, появился такой ужас, что я невольно отвернулся.

— Это правда, — сказал я, — я ничего не успел сделать, даже если бы он попросил об этом!

— Он мертв? — Крупные слезы покатались по ее ще-

кам. Она прижала обе руки к груди, потом заткнула уши, чтобы не слышать и не видеть. Она не могла говорить.

— Не заставляй меня плакать,— сказал я.

В баре я увидел большой выбор бутылок. Мне так хотелось выпить, что я не стал разбираться, схватил стакан, залпом осушил его и налил себе другой.

— Бедный Хол! — прошептала Таня. — Он был такой замечательный горячий человек. Трудно поверить, что он мертв. Как ей удалось выскочить из клетки?

— Ты что, шутишь? — спросил я ее. — Он сам выпустил ее, думая, что это лучший способ убрать меня, не пачкая рук. Несчастный случай, и лейтенант Уиллер послужил обеденной закуской для черной пантеры!

— Умоляю! — Она протянула ко мне руки. — Не шути так, ради бога!

— Я не шучу, я десять минут держал ее на мушке в темноте, пока он, наконец, появился... Я даже не мог шевельнуть языком от страха.

— Расскажи, наконец, что произошло,— попросила она.

— Ты прекрасно знаешь! — сказал я нетерпеливо. — Бэйкер был уверен, что прекрасно сможет от меня избавиться. Когда он решил, что все уже в порядке, он зажег свет и пошел смотреть, умер я или еще нет. Ему просто не повезло, он сам влез ей в пасть.

Я допил второй стакан, чувствуя, как виски успокаивает меня, и приятное тепло вытесняет леденящий ужас от всего происшедшего.

— Был выстрел,— сказала она,— даже два.

— Да неужели? — передразнил я ее. — Неужели ты думаешь, что это так просто попасть в темноте, не зная, на каком расстоянии она находится, ориентируясь только по звуку ее шагов?

— Ты что же думаешь, что она уже тогда была на воле?

— Конечно! — я холодно воззрился на нее, — ты думаешь, что я начал стрелять, когда она была в клетке?

— Ну, это уже не имеет значения,— сказала она.

Ее одежда лежала маленькой кучкой на краешке кушетки. Она медленно направилась к ней, затем начала одеваться. Я налил себе еще, затем закурил, задумавшись, не обвинят ли меня, кроме всего прочего, в том, что я пользуюсь выпивкой и куревом своих подозреваемых. Но каждая затяжка казалась мне блаженством после этой прекрасной встречи.

— Эл? — произнесла Таня призывно.

— Да? — Я обернулся, она стояла в одних крошечных трусиках и лифчике, одной ногой она уже вступила в свои синие брюки.

— Здесь что-то не так, — сказала она с сомнением. — Хол Бэйкер был здесь со мной, когда ты выстрелил два раза. Именно это и заставило его подняться и выйти посмотреть.

— Таня, крошка! — сказал я устало. — Ты что, не веришь, что он мертв? Ты ему не поможешь, даже если узнаешь все в деталях! Теперь ему не нужно никакое алиби! Все, что ему нужно, так это хороший морг!

— Я не собираюсь ничего выяснять, — сказала она разъяренно, — я говорю правду, ты, тупица! Когда ты выстрелил два раза, Хол был здесь, со мной. Так как же он мог выпустить ее из клетки? Издалека? Автоматика, что ли?

— Ты напрасно тратишь время! — сказал я. — Если ты не веришь, что он мертв, пойдем, посмотришь сама!

Наконец Таня натянула свои брюки, затем снова взглянула на меня.

— Хорошо, — воинственно сказала она. — Хол, конечно, мертв, в этом нет сомнения. Так какая разница, стоит ли убеждать себя, что это не он открыл клетку, если ты не хочешь верить, что это правда?

— Послушай! — отчаянно забормотал я. — Кто же еще мог...

Голос мой сорвался, я уставился на нее...

— Что случилось, Эл? Ты что, спятил?

— Я сейчас подумал о двух вещах или сразу о шести... Так вот как!.. Это правда, что он все время был здесь с тобой, пока не услышал мои выстрелы?

Она вздохнула.

— Сколько раз еще повторять?

Я допил все, что осталось, поставил пустой стакан на стойку бара и сказал:

— Позвони в контору шерифа, — сказал я быстро, — расскажи им все, что произошло, пусть пошлют машину для покойников, немедленно. Если будешь говорить с шерифом Лаверсом, скажи ему, что мне нужно срочно уйти, но я сразу же позвоню ему, когда вернусь.

— Эй! — крикнула она мне вслед. — Уж не хочешь ли ты оставить меня одну после того, что случилось?

— Тебе нечего бояться, крошка. После того, как позвонишь в контору шерифа, поразмышляй немножко о своем

парне, водителе грузовика. Если тебе станет скучно, ты просто представь себе, как ты будешь выдирать у него волосы на груди и пересчитывать!

Глава 12

Я поставил свой «остин» рядом с «бьюиком» и вылез из машины. Лужайка перед домом была еще ярко освещена. Тот же мелодичный звук раздался внутри дома, когда я позвонил...

Доктор открыл мне сам, и лицо его выразило сильное удивление. Правый глаз у него задергался, как от нервного тика. Можно было предположить, что он действительно проливал слезы по своей неверной любви...

— Мне кажется, что вы хотите узнать, что произошло в доме Бэйкера после вашего ухода,— сказал я,— даже думаю, что вы имеете право узнать это...

— Благодарю вас,— сказал он глухо,— не хотите ли войти?

Я последовал за ним через комнаты и бар на террасу, где он налил мне виски. Он внимательно выслушал все, что я рассказал.

— Ужасная смерть,— сказал он.— Но не могу сказать, что мне жаль его. Единственное, что я могу чувствовать к человеку, который убил Бернис — только радость, что он мертв.

— Я тоже рад,— признался я,— мне было бы очень трудно, если бы все закончилось бы не так.

— Что вы имеете в виду? — он нахмурился с мрачным интересом.

— Эту историю с главным распорядителем, опознавшим убийцу, я выдумал от начала до конца,— объяснил я.

— Значит, это не было правдой?

— Ни одного слова правды. Но мне необходимо было что-то, чтобы оказать на него решающее давление. Если бы это не сработало, Бэйкер, конечно, смог бы обвинить меня кое в чем.

— Вы страшно рисковали, лейтенант,— он слабо улыбнулся.— Мне нравится ваша выдержка, и вы гораздо смысленнее, чем я предполагал.

— Есть еще две вещи, которые я должен осилить,— сказал я осторожно.— Но вы можете не рассказывать, если хотите. Как Бернис удавалось встречаться с вами обоими?

Его лицо потемнело, глаз опять задергался.

— Я сам задаю себе этот вопрос и не могу ответить. Очевидно, ответ один, и он очень неприятен — я слишком завидная партия, чтобы меня упустить, достаточно богат, обещал жениться, когда останусь свободным. — Уголки его рта поникли. — Но Бернис была девушка темпераментная, так сказать, сильных страстей. Конечно, садизм Бэйкера был для нее неотразимым обаянием, против него она не могла устоять...

— Да, — сказал я сочувственно.

Он вздрогнул.

— Но это ничего не значит. С этим покончено. Я просто успокоил себя, мне нужно было знать точно. Но, боюсь, что это долго не даст мне покоя.

Я допил свой стакан, взглянув на него восхищенно.

— У вас в самом деле талант, доктор, — сказал я с уважением. — Вы почти довели меня до слез.

Его лицо внезапно побледнело, он начал барабанить пальцами.

— Простите, не понял, — сказал он холодно.

— Дадите мне консультацию, доктор? Я расскажу вам о своих проблемах, а вы объясните мне, в чем я не прав?

— Это ваша манера шутить, лейтенант? — спросил он.

— Нет, сэр! — возмутился я. — Это мой долг вам в виде расплаты за то, что случилось с Бэйкером.

— Хорошо, — сказал он насмешливо, — я пощучу вместе с вами, Уиллер, если вы настаиваете.

— Премного благодарен. Начнем прямо со смерти Бернис, когда ее тело было обнаружено в могиле вашей жены.

— Я помню! — глаза его вспыхнули.

— Мы разговаривали тем утром у вас в кабинете. У вас не было ни малейшего намека, вы никого не могли мне назвать, но вы посоветовали мне обратиться к Тане Строуд. Так? Итак, я поговорил с ней — она послала меня к Фрэнку Корбану, там я встретил Бетти — горничную Хола Бэйкера, ныне покойного. Я узнал все о клубе, и то, что ваша жена была членом клуба, как она погибла в автомобильной катастрофе, которую Таня считает ловко подстроенной.

— Это часть вашей проблемы? — спросил он с каменным выражением лица.

— Помогите, доктор, — взмолился я, — мне становится все хуже и хуже. Позднее, в тот день я опять пришел к вам и рассказал о клубе. Вы упомянули Корбана, сказав, что он был вашим пациентом, как и Таня Строуд. Вы не могли

отбросить профессиональную этику, а потом все же отбросили ее и рассказали мне историю болезни Корбана.— Я восхищенно затряс головой.— Какой портрет вы нарисовали бедному Фрэнку! Афиния с буйством, подглядывание в замочную скважину. Вы из него сделали такого типа, которого нельзя было не подозревать.

— Не вижу смысла копаться во всем этом,— сказал он устало.— Есть еще что-нибудь?

— Я спрашиваю о Бэйкере,— продолжал я, игнорируя вопрос.— Вы никогда с ним не встречались, оказывается. Тогда я вам его описал, и вы сразу же вспомнили, что он у вас бывал и встречал Корбана около трех месяцев назад.— Я застыл в немом обожании.— У вас колоссальная память на лица и имена, доктор!

— Вы или пьяны, или в истерике! — сказал он.— Я думаю, что вам нужно пройти прямо домой и отдохнуть, как следует!

— Когда мы в последний раз говорили у вас в кабинете,— упорно продолжал я,— я спросил, возможно ли, что Бернис могла вас обманывать с кем-то, помните? Вы сказали, что это совершенно невозможно, но потом намекнули мне про эти мигрени и дали мне понять, что все могло быть.

Он поставил пустой стакан рядом с моим, аккуратно налил в оба стакана, стараясь, чтобы было поровну.

— В общем, доктор, я просто без ума от вас. Вы вертели мной как хотели, и мне понадобилось очень много времени, чтобы разгадать вашу игру.

На его лице не было никакого выражения, когда он поставил стакан передо мной.

— Никак не могу понять, что вы имеете в виду, лейтенант?

— Конечно, вы великолепный специалист в своем роде, и в любой момент можете сказать, что я псих. Но посмотрим с другой стороны, док,— ведь это не я, а вы вели расследование. Это вы и никто другой дали мне в руки все нити, зная заранее, что я за них ухвачусь. Вы выписали мне билетик на поезд, путь которого начинается с Бэрнис Кэйнс и заканчивается у Хола Бэйкера!

— Пейте, лейтенант,— сказал он резко.— И убирайтесь, или я вышвырну вас сам!

— Док! — сказал я умоляюще.— У меня есть еще проблема, вроде этой: как вам удалось организовать эту автомобильную катастрофу?

Мне показалось, что он сейчас бросится на меня, но нет, он сдержался.

— Этот слугитель на кладбище, доктор, вы знали, что он был слепой?

— Хорошо, лейтенант,— он сложил руки,— признаю, что ваша тактика направлена на то, чтобы ошеломить и сбить с толку собеседника. Теперь вы думаете, что это я убийца, а не Бэйкер, не так ли?

— Именно так,— ответил я.

— Тогда зачем же Бэйкер выпустил из клетки пантеру? За что ему нужно было вас убивать? — Он улыбнулся.— Я удивлен, что вы все так быстро забыли, лейтенант, это ведь был не очень приятный эксперимент?

— Это не Бэйкер открыл клетку,— сказал я,— он был в доме до тех пор, пока не услышал мои выстрелы, и Таня Стрөуд тому свидетель!

— Кто же поверит этой шлюхе? — заорал он.

— Я,— сказал я ему.— Вы первый оставили дом, но я догадываюсь, вы недалеко ушли. Вы остались послушать разговор и получили нужную вам информацию. Вы были обуреваемы одной идеей: выпустить пантеру, которая меня растерзает, а когда скажете в полиции, что я собирался арестовать Бэйкера, там несомненно подумают на него, а вы бы сразу убили двух зайцев.

Он пил маленькими глотками, а глаза его изучали мое лицо.

— Вы не можете доказать ни одного слова, лейтенант! — сказал он наконец.

— Все это очень просто доказывается,— сказал я бодро,— способом исключения, доктор. Мы можем доказать, что дверь клетки была открыта намеренно, и ни Бэйкер, ни Таня не могли этого сделать, они слишком были заняты. Тогда кто же мог это сделать, кроме вас? Затем есть мотив. Бэйкер тот человек, с которым ваша любовница вас обманывала. Вы хотели отомстить им обоим, поэтому вы убили девушку и подтасовали все так, будто бы Бэйкер был убийцей.

Торро медленно поставил стакан, затем начал перебирать длинными сухими пальцами свои седые волосы.

Мрачное выражение застыло в его глазах, затем он внезапно улыбнулся.

— Думаю, что вы правы, лейтенант. Все это косвенные улики, но ваш метод исключения трудно парировать.

— Итак, раз мы доказали, что вы убили Бэйкера,— воз-

ликовал я,— мы уже можем не доказывать, что вы убили обоих.

— Я не совсем понимаю,— нахмурился он.

— Вы только один раз попадете в газовую камеру, док,— пояснил я.— Конечно, одного раза вполне достаточно.

Он допил до дна, затем раскрутил круглый стол у стойки бара и ловко остановил его...

— Какое это сейчас имеет значение, лейтенант? — спросил он.— Я убил Бернис Кэйнс, лейтенант. Как только я понял, что она меня обманывает с Бэйкером, я решил убить ее. Первое, что подтолкнуло меня к этому, была смерть моей жены.

— Смерть или убийство? — спросил я.

— Уверю вас, это был несчастный случай,— сказал он.— Конечно, в тот вечер я довел ее до страшного отчаяния. Она очень разнервничалась и была уверена, что опаздывает, поэтому она гнала машину изо всех сил. К тому же, она достаточно много выпила. Но и прежде так часто происходило, но ничего не случалось.

— Вы думали, что вам так и будет везти постоянно? — спросил я заинтересованно.

— Лучше сказать, мне нравилось испытывать судьбу время от времени,— кивнул он.— Мне жаль только вот этого старика-служителя. Вы говорите, что он был почти слепой?

— Да, это правда,— ответил я.

— Я как раз уже уложил Бернис в могилу Марты, когда услышал, что он подходит,— начал он рассказывать.— Я вскочил и помчался к деревьям, что окружают кладбище. Когда я оглянулся, он стоял и смотрел мне вслед. Я не был уверен, видел он меня или нет, и не мог позволить себе допустить единственный шанс, который был против меня!

— Зачем вы положили его в этот гроб?

— Я не думал об этом,— сказал он с жалкой гримасой,— просто это было ближайшее удобное место, вот и все. Я верю, что надо использовать возможность до конца, лейтенант... Когда вы прошли мимо клетки, я выпустил пантеру и, естественно, она выпрыгнула наружу. Но когда она увидела, что я заперся в ее клетке и стал для нее недосягаем, то не смогла излить на меня свою ярость и пошла за вами следом, как я и предполагал.

— О'кей,— сказал я со скукой в голосе.— Пойдем-ка к шерифу.

— Я в ваших руках, лейтенант,— вежливо сказал он.

— Пошли,— сказал я, комедия начинала надоедать. Он быстро направился вслед за мной и вдруг я почувствовал, что к моей спине приставлено дуло револьвера.

— Думаю, что это психологически очень верно,— пробормотал он.— Признаться, потом раскаяться, потом снова приступ безумия. Потом, кто же предполагал, что он вытащит из пальто револьвер?

— Конечно,— признался я отчаянно,— вы гений. Что же теперь?

— Мы пойдем к вашей машине,— сказал он холодно,— вы поведете ее, а я буду сидеть позади вас. Мне в доме трупы ни к чему.

— Куда вы собираетесь ехать, в Нью-Йорк? — ехидно спросил я.— Как далеко мы уедем, прежде чем вы меня убьете?

— Я подумаю об этом позже,— ответил он.— Сначала сядем в машину.— Резкий толчок дулом в спину подтвердил его намерение.

Мы вышли и пошли по тропинке к машинам. Когда мы были уже в нескольких футах от них, внезапно из-за кустов выросла фигура с револьвером в руке.

— Отлично, доктор! — произнес Лаверс.— Бросьте-ка оружие.

Торро страшно выругался, и на мою голову обрушился страшный удар рукояткой. Я упал на руки и колени, а когда поднял голову, Торро нажал на курок, но пуля shriкнула о «бьюик».

Затем прозвучало еще два выстрела. В голове моей начало понемногу проясняться, все перестало мерцать перед глазами, но Торро уже был готов. Он выронил револьвер, сделал два шага и упал на колени лицом в землю.

Я с трудом поднялся на ноги. Затылок ныл, но все было на месте, а это уже было хорошо. Громадная фигура материализовалась из-за розовых кустов на свет божий и направилась ко мне, размахивая своим револьвером.

— Все в порядке, лейтенант? — заорал встревоженно сержант Полник.

На минуту Полник остановился рядом с доктором и с отвращением уставился на него.

— За кого он нас принимал? За банду идиотов, что ли?

Только после полуночи я наконец добрался до своей квартиры и сунул ключ в дверь. Прежде, чем я смог

повернуть его, дверь широко распахнулась и гостеприимный голос сказал:

— Добрый вечер, лейтенант! Входите же!

Я столкнулся лицом к лицу с великолепной блондинкой в ярко-голубой пижаме. На голове ее был чепчик горничной. Она не выглядела слегка кокетливой, она в самом деле была кокетлива...

— Бетти? — спросил я. — Как вы здесь очутились?

— Я сказала, что я ваша сестра, — сказала она и счастливо захихикала. — Он был очень мил, этот управляющий, сказал мне, как он любит всяких родственников. Он считает, что они всегда очень решительные люди и редко поддаются разочарованию. Говорит, что я уже девятнадцатая твоя сестра. Он просто хотел уточнить, как нас много, но я сказала, что у меня нет времени нас всех перечислять!

Я проплелся мимо нее в комнату и плюхнулся в ближайшее кресло. Через секунду передо мной стоял стаканчик виски.

— Наша обязанность — личное обслуживание, — сказала Бетти мягко.

— Прости, если я задам интимный вопрос: какого черта тебе здесь надо?

— Я просто бездомная! — сказала она трагически насупившись. — Одна из тех бездомных сирот, которых вышвырнули из дома на снег и...

— Конечно, конечно, — перебил я ее. — Что случилось?

— Корбан пришел домой от Бэйкера, ревел, как маньяк... Вы рассказали ему что-то из того, что я говорила?

— Я? — Я попытался выглядеть невинно.

— Он почти лез на стену! — В ее голосе была тоска. — Никогда не думала, что можно так беситься. Дескать, разыграла я его этим лейтенантишкой, сделала из него обезьяну! — Голос ее дрогнул от негодования. — Потом он подошел и ударил меня!

— Корбан? — Я даже подпрыгнул.

— Да, прямо в глаз, смотри!

Она подошла поближе, и я смог увидеть, что эта мышка Корбан сделал с ее глазом, но когда пижама распахнулась, кто станет смотреть на глаз?

— Ну, почему же ты не смотришь? — спросила она нетерпеливо. — Ага, поняла! — Она выпрямилась.

— Ну и что же ты сделала, когда он тебя ударил? — спросил я.

— Я ударила его в ответ, — произнесла она. — Прямо в зубы. Они, конечно, оказались искусственными.

— Чем же ты его ударила?

— Ножкой стула,— сказала она равнодушно,— и вот я здесь!

Она уселась ко мне на колени и прижалась ко мне:

— Ты ведь не против, если я здесь останусь, Эл? — спросила она кокетливо.

— Как долго? — спросил я.

— Может с недельку, потом я подыщу себе работу, но сейчас мне нужно отдохнуть.

— Да, да,— сказал я бессмысленно.

— Да? — Она подергала меня за ухо.— Я не очень устала, конечно!

— Нет? — сказал я.— Тогда, крошка, почему бы нам?..

Ее губы встретились с моими. Все, что я помню, так это волнующую дрожь ее тела.

Наконец, она отвернула голову и сонно вздохнула.

— Как прикажете, лейтенант, почему бы нам не...?

Я снова притянул ее к себе, но она выставила локти мне в грудь.

— Ты так быстро передумала?

— Помнишь, что я тебе говорила насчет кушетки,— она показала пальцем на спальню.

...Когда я закрыл за собой дверь спальни, она вдруг спросила:

— Эл, помнишь, ты назвал того сыщика, как его звали? Джордж и как там дальше, это который с актрисой, которая тоже не любила кушетки...

— Ах, этот.— Я бросил ее на кровать, и она удобно свернулась на ней.— Ты когда-нибудь видела «Мою прекрасную леди»?

— А ты? — Пальцы ее были заняты расстегиванием всех застежек.

Ну, скажу я вам, это было лучшее представление, какое я когда-нибудь видел. Маленькая труппа исполняла пьесу с таким совершенством! Стремительная вещь с таким же великолепным финалом — и лирикам не было места в этом мире!

БЛОНДИНКА

Глава I

— «Клуб одиноких сердец Уиллера», — возвестил я. — Позвоните нам, и мы найдем для вас родственную душу!

— Лейтенант Уиллер! — Шериф Лаверс, видимо, совершенно обалдел. — Вы не вполне соображаете, а сейчас половина десятого утра! Не сидит ли у вас какая-нибудь блондинка? Головокружение после ночи или еще что-нибудь в этом роде?

— Нет, шеф, — ответил я. — Здесь никаких следов блондинок.

Я сделал прощальный жест рукой по адресу уходящей от меня рыженькой. На ее лице выражалась досада. Ну, в конце концов, сама виновата. Я ей предлагал позавтракать, а она уверяла, что не голодна.

Я снова сконцентрировал внимание на своем собеседнике:

— Я собираюсь преподнести вам сюрприз, шериф. Вы дали мне выходной, помните? Так вот, он пришелся на сегодня.

— Не волнуйтесь! Я все улажу, приезжайте немедленно в бюро. Мне надо с вами поговорить. Это очень важно.

Он повесил трубку прежде, чем я мог возразить.

Я, конечно, мог бы пренебречь его приказом, но, поскольку он взял меня из Криминальной бригады на свою службу, он был моим хозяином. Как сказал кто-то, второй надежный способ дать себя выставить — это грубить патрону; первый же — грубить его жене.

Я повесил трубку, нацепил кое-какие шмотки, сел за руль своего «остина хелея», доехал до центра и через двадцать минут был в приемной шерифа графства. Существовал великолепный магнит, притягивающий к приемной

Лаверса. Этот магнит звали Аннабел Джексон. Блондинка — секретарша Лаверса.

— Добрый день, райская птичка, — зашептал я, — вы с каждым днем становитесь все восхи...

— Хам! — оборвала она. — Я вам дважды звонила — и без всякого результата. Спорю, вы притворялись мертвым!

— Если я однажды умру, мой арбузный цветок, то это случится на конце вашего провода. Вы всегда будете для меня королевой девушек...

— Исчезните из моей жизни, пока я не совершила преступления!

— Вы не доложите обо мне?

— Шериф велел мне прямо пропустить вас.

Я прошел в кабинет Лаверса, и он указал мне на кресло для посетителей. Я сел не раздумывая, и тут же с криком взвился в воздух.

— Что с вами? — строго спросил Лаверс.

— Проклятая пружина, — сказал я. — Вы должны приказать починить ее. В один прекрасный день я выйду отсюда с голосом евнуха.

Я осторожно выбрал другое кресло, сел и закурил.

— Вы когда-нибудь смотрите телевизор? — спросил он упрямо.

— В воскресенье. В свой выходной.

— Вы видели передачу, которая называется «Без пощады», поставленную некой Полой Рей?

Я кивнул.

— Один раз. Это что-то вроде псевдонаучного интервью через замочную скважину, нет? Она задает совершенно безличные вопросы, вроде «Сколько раз в неделю вы развратничаете?». И каков бы ни был ответ, она хочет знать, почему.

— Что-то в этом роде, да. Она таскает свой номер по всей стране и допрашивает знаменитостей даже в их собственных домах. Она приехала сегодня утром в Пайн-Сити, и ее передача пойдет в субботу вечером с местной станции.

— Меня там не будет, — сказал я.

— Ошибаетесь.

Тон Лаверса не допускал возражений.

— Она должна интервьюировать Джорджию Браун.

— Сюита «Джорджия Браун?» Я думал, что это название песни.

— Почему-то я иногда забываю, — устало сказал он, —

что вы беспамятный! Ну постарайтесь вернуться мысленно на три-четыре года назад, Уиллер.

— Была перламутровая блондинка, чертовская блондинка, между нами говоря. Сложена, как банковский подвал, в смысле наполненности. Она продержалась три недели, если не ошибаюсь...

Лаверс закурил трубку, обращаясь с ней осторожно, как с бомбой замедленного действия.

— Вы помните Ли Меннинга?

— Да будет свет!.. Кинопленочный Ромео, который писал свои собственные реплики для своего решительного финала в этом подлом мире. И Джорджия Браун была первопричиной этой истории.

— По крайней мере, так говорили, — согласился Лаверс, — но никто не мог это доказать. Газетам и скандальным журналам заплатили, будьте уверены! Классическая история: алкоголь, оргии, вся вереница...

— Ах, Голливуд! — вскричал я с ностальгией.

— Джорджия Браун сама была звездой телевидения и кино, — продолжал он. — Она исчезла сразу после самоубийства Меннинга. Больше никто о ней не слышал.

— Вы хотите сказать, что она перешла на радио?

— Я хочу сказать, что она исчезла! — рявкнул Лаверс. — Не прекратите ли вы свои дурацкие шуточки, Уиллер? Пола Рей полагает, что нашла ее. Она говорит, что в своей программе в субботу будет интервьюировать Джорджию Браун. Она уверяет, что Джорджия Браун — невинная жертва в скандале с Меннингом, и теперь она хочет разорвать трехлетнее молчание и рассказать правду... Это я цитирую мисс Рей.

— Правду о чем?

— О причинах, толкнувших Меннинга на самоубийство, об оргиях и прочем. Имена всех действующих лиц.

— Может быть, надо в субботу вечером вывихнуть мои привычки. Зрелище стоит того.

— Есть основания считать, что жизнь мисс Рей и мисс Браун в опасности. Ей сказали, что ее передача в субботу не состоится.

— Она хочет, чтобы ей помогли?

— Нет, она считает, что все это создает ей неожиданную рекламу. В течение двух недель она оккупирует все первые страницы. Разве вы не читаете газет, Уиллер?

— Если бы у меня было время читать газеты, я стал бы ученым, — возразил я.

Он покачал головой.

— Это слишком умственная работа, да? — поддел он меня и продолжал: — Короче, реальны ли эти угрозы или это только хитрая реклама, но я не хочу рисковать, пока эта женщина находится в Пайн-Сити. Передача в субботу должна состояться!

— Имеется какая-нибудь подспудная комбинация? — подозрительно спросил я.

— Никаких комбинаций нет. Эта телепрограмма собирает по всей стране исключительное количество зрителей. Если с одной из этих женщин что-нибудь случится прежде, чем они выйдут в эфир, это пойдет под крупными заголовками от одного побережья до другого...

— «Храмы Монтесумы на берегах Триполи», — услужливо добавил я.

Лаверс испепелил меня взглядом.

— Я думал, что вы были на секретной армейской службе, а не в ансамбле!

— Правильно, но, ей-Богу, один ансамбль собирается поговорить со мной, когда у них будет для этого подходящее настроение.

— Будьте же серьезным, черт возьми! — сказал он хрипло. — Телестудия находится в моем секторе, стало быть, я несу ответственность. Я уже вижу заголовки в прессе: «Шериф графства остался глух к отчаянным призывам знаменитой красавицы, которую убили...»

— Шериф, — сказал я, — вы, видимо, читаете романы-фельетоны! Во-первых, я думаю, что этой девчушке Рей нравится реклама.

— Ей, — да, но не ее секретарше, Дженис Юргенс. Это она обращается к нам за помощью, неофициально, конечно. И она даст вам все необходимые детали о вышеуказанных угрозах.

— Я вижу, — сказал я разочарованным тоном, — миссия самая что ни на есть простая... вроде второй мировой войны.

— Во всяком случае она падает на вас, — сказал он сухо. — Я хочу, чтобы эта телепередача состоялась в субботу вечером, не забывайте. Иначе говоря, мисс Рей и мисс Браун должны быть живы до этого момента. Мне плевать на то, что с ними случится после понедельника, когда мисс Рей уедет из Пайн-Сити.

— Хорошо, шеф, — покорно сказал я.

Он с наслаждением затянулся табачным дымом.

— Ладно, это все, Уиллер. Держите меня в курсе.

— Если я найду трупы, шериф, я вышлю их вам наложенным платежом.

— И постарайтесь не прижиматься к моей секретарше, когда будете выходить,— буркнул он.

— Вы думаете, я помню ее величественные округлости? — раздраженно сказал я. — Вы теряете разум, шериф!

Я отбыл и вскоре установил, что мисс Рей, ее секретарша и прочие члены экипажа остановились в Стерлинг-отеле.

Я пришел туда около половины двенадцатого, спросил у портье о мисс Юргенс, поднялся в лифте на восьмой этаж, прошел по коридору до двери и постучал.

Через десять секунд дверь открылась, и возникла рыже-волосая. На ней было платье из мерцающего белого шелка с золотыми колесами. Шапка огненных локонов окружала ее голову. Голубые глаза смотрели внимательно. Губы ее напоминали мне несыгранную музыку. Ее платье так же скрывало ее пышные формы, как я — свое восхищение, каковое я, впрочем, и не пытался скрыть.

— Ну,— сказала она наконец,— если вы кончили глазеть, я пойду принимать душ.

— Если я не буду так смотреть на вас, вы начнете беспокоиться. Меня зовут Уиллер. Я пришел от имени шерифа Лаверса.

— А, хорошо! В таком случае входите.

Я последовал за ней в гостиную. В центре стоял стол, заваленный бумагами до такой степени, что пишущая машинка еле-еле отвоевала себе уголок. В апартаментах за сорок долларов в день это выглядело по меньшей мере неуместным.

— Вы принадлежите к Службе шерифа, мистер Уиллер? — спросила мисс Юргенс.

— Если угодно, я также принадлежу и к Криминальной бригаде, когда я не у шерифа. Я лейтенант обеих этих служб, но платят мне только за одну.

— Понимаю,— сказала она миролюбиво.— Что вы хотите знать?

— Шериф мне сказал, что вы требовали защиты полиции. Не лично для себя, а для мисс Рей и мисс Браун. Кроме того, вы не хотите, чтобы мисс Рей об этом знала.

— Совершенно верно,— сказала она.— У меня будут большие неприятности, если Пола узнает о моих действиях. Она способна выкинуть меня за дверь!

— Я буду помнить об этом. Что вы ждете от меня?

— Меня тревожат эти угрозы,— сказала она,— но Пола отказывается принять их всерьез. Я хотела бы, чтобы вы последили за тем, чтобы с ней ничего не случилось, так же как и с Джорджией Браун.

— Не может быть ничего легче,— ответил я,— я буду проводить дни и ночи с Полой и Джорджией. Вы смеетесь, нет?

— За ту зарплату, которую вы получаете,— задумчиво сказала она,— мы могли бы нанять четверть сценариста. И даже четверть сценариста может, не надрываясь, выдать речь более забавную, чем ваша.

— Может быть, Джорджия Браун будет расположена принять официальные меры защиты,— намекнул я.— Если бы я мог в этом убедиться, мы стали бы наблюдать за ней до самой телепередачи. Тогда осталось бы беспокоиться только о Поле.

Мисс Юргенс слегка прикусила нижнюю губу своими восхитительными зубками.

— Я не уверена,— сказала она.— Если Джорджия заговорит об этом с Полой...

— Вы могли бы найти на ТВ работу, более соответствующую вашим способностям,— сказал я.— Например, встать перед камерой и делать дыхательные упражнения.

— Если как следует подумать, то и одной восьмой сценариста вполне достаточно,— небрежно сказала она.— Адрес Джорджии Браун в настоящее время содержится в строгой тайне. Его знают только двое: Пола и я.

— И Пола его не выдаст?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Лейтенант, если я сообщу вам этот адрес, вы будете действовать тактично, не так ли?

— В том, что касается такта, я непобедим. Если вы хотите в этом убедиться, пригласите меня вечером, и я вам продемонстрирую.

— К чему вы были пригодны до того, как вам поручили эту работу? — спросила она.— Разбирать почту?

— Дайте мне только адрес, и ваши заботы наполовину уменьшатся.

— Хорошо,— сказала она решительно, закурила и некоторое время постукивала ногтями по столу.

— Хорошо,— со вздохом повторила она.— У меня такое впечатление, что я буду раскаиваться в этом до конца своих дней. Она занимает квартиру А-4 в доме 1105 по Лайк-стрит под именем Мириам Джонс. Скажете, что вы пришли от моего имени, иначе она не откроет.

— Я приду от имени Юргенс. Постучать трижды и спросить Мириам?

— Вы можете...— она глубоко вздохнула, и ее платье из простой упаковки вдруг превратилось в выставочную витрину.— Вы уверены, что не можете послать кого-нибудь другого, лейтенант? Вам обязательно нужно самому?

— Они выбрали самого квалифицированного из имеющихся,— скромно ответил я.— Мы в Пайн-Сити, а не в столице.

— Обращайтесь с ней ласково,— сказала она.— Джорджия Браун полностью терроризирована.

— Я всегда ласков с женщинами. Это — знак качества Уиллера. После того, как я с ней увижусь, я вернусь сюда и расскажу вам все в деталях. Можно вместе пообедать...— Я окинул комнату одобряющим взглядом,— даже здесь.

— Об этом можно поговорить за десять минут,— сказала она.— Вечером я занята. У нас осталось всего семьдесят два часа до выступления.

Внезапно открылась дверь, и вошла женщина.

— Дженис, по поводу...— она резко остановилась, увидев меня.— Извините,— сказала она другим тоном,— я не знала, что у вас гость.

— Неважно, Пола,— смущенно ответила мисс Юргенс,— позвольте представить вам мистера Уиллера; он.. он...

— Фараон,— сказал я, мило улыбаясь рыженькой, в глазах которой внезапно блеснула ненависть.

Пола Рей слегка прикоснулась к своим дымчато-голубым волосам и обратила ко мне ледяной взгляд голубых глаз.

— Инспектор полиции?

— Лейтенант,— объяснил я.— Я хотел увидеть вас, но ваша секретарша пыталась меня отговорить. Она сказала, что вы слишком заняты, чтобы вам надоедала полиция.

В глазах мисс Юргенс появилось выражение облегчения.

— Да? — сказала Пола безразлично.— А зачем вы хотели меня видеть?

— Вы были объектом угроз по поводу вашей телепередачи. По совести говоря, нас беспокоит не то, что вас могут убить, а то, что ваше убийство вызовет скандал.

— Вы откровенны, по крайней мере,— сказала она.— Я могу уделить вам пять минут, хотя не думаю, что это чему-нибудь послужит. Пройдите ко мне.

Она повернулась к двери, и я пошел за ней.

— Лейтенант! — бросила Дженис Юргенс настойчивым тоном.

— Да?

Я повернулся и посмотрел на нее.

— Не... Не задерживайте мисс Рей слишком долго, пожалуйста.

Ее взгляд, казалось, спрашивал.

— Это будет зависеть от мисс Рей,— ответил я и нежно улыбнулся ей, закрывая дверь.

Мы прошли в соседнюю комнату.

— Садитесь, пожалуйста, лейтенант,— сказала Пола Рей.

Я опустился в удобное кресло, она села напротив. На ней был орлоновый костюм в голубую полоску. Ткань прижималась к ней с таким тайным наслаждением, что я желал последовать ее примеру.

— Итак, лейтенант?

— Так вот, эти угрозы...

— В самом деле, мне неоднократно звонили и... Не слишком приятно. Но я привыкла к таким вещам. Я их всерьез не принимаю.

— А как мисс Браун? Принимает всерьез?

— Нет, она скрывается и в полной безопасности. Ее никто не найдет.

— Категорическое утверждение.

— Это правда.

— Вы не думаете, что полиции стоит охранять вас — во всяком случае до окончания телепередачи?

— Нет, это лишнее.

— Вы знаете что-нибудь об источнике этих угроз?

Она покачала головой:

— Особа, которая звонила, не называла себя, конечно. Всегда один и тот же хриплый голос, женский, мне кажется, но я не уверена. Не думаю, что стоит беспокоиться. Рекламный трюк, вот и все.

— Вы не очень мне помогаете, мисс Рей.

— Разве я просила вашей помощи?

Я был вынужден согласиться:

— В самом деле — нет. Что, в сущности, вам собирается сказать Джорджия Браун в субботу вечером?

Она слегка улыбнулась:

— Посмотрите передачу и узнаете.

— Она назовет имена?

— Не знаю,— ответила она легким тоном.— Мы не работаем по заранее подготовленному сценарию, передача повторяться не будет, во всяком случае само интервью. Оно будет подлинным. Зрители это любят.

— Но у вас должно быть достаточно точное представление о том, что вы будете спрашивать?

— Конечно. Я хочу узнать от нее правду о смерти Ли Меннинга и о том, кто был с ним в тот момент. Я думаю, что она скажет правду.

— Хорошо, — сказал я. — Я отступаюсь.

Я встал и посмотрел на нее.

— Вы разумны, лейтенант, — сказала она. — До свидания.

— До свидания, мисс Рей. Если вы проснетесь мертвой в один из этих трех дней, я надеюсь, вы не будете ругать службу шерифа.

Я остановился внизу, показал свой значок портье и назвал себя. Это почти не произвело впечатления. Он немного смутился, видимо, думая, что если я задержусь надолго, ему придется скинуть по пять долларов с цены своих номеров.

— Сколько человек с мисс Рей? — спросил я.

Он заглянул в свою книгу.

— У нее отдельный номер, так же как у ее секретарши и ее продюсера, — ответил он. — Кроме них, еще три человека, у каждого по комнате. Всего шесть, лейтенант.

Он шумно захлопнул книгу и взглянул на меня с надеждой, но я не шевелился.

— Был у них кто-нибудь до меня?

— Были репортеры на приеме. Больше никого. Извините... — Он повернулся к мужчине, приблизившемуся к конторке и вставшему рядом со мной. — Да, сэр? Вы заказывали комнату?

Человек был высокого роста, одет в безупречный костюм цвета морской волны с белой гвоздикой в петлице. Аскетическое лицо, заботливо уложенные седые волосы, недавно прополосканные в синьке.

— Нет, — ответил он с английским акцентом. — Я ничего не заказывал. Я хочу видеть мисс Рей.

— Мне очень жаль, сэр, — ответил портье, — но у нас строгое предписание не беспокоить мисс Рей ни под каким предлогом.

— Но мне совершенно необходимо ее увидеть! — Кончиками пальцев он коснулся виска, чтобы удостовериться, что его прическа в порядке. — Позвоните ей и скажите, что Норман Котс...

— Сожалею, сэр, — прервал портье, — я получил строжайший приказ.

— Вы не понимаете! — настаивал Котс. — Это очень важно и...

— Совершенно невозможно! — повторил портье и решительно повернулся к нему спиной.

Котс, казалось, растерялся. Даже его безупречный костюм потерял свое великолепие. В конце концов он повернулся и неохотно вышел.

Портье беглым взглядом проводил его и повернулся ко мне:

— Ну и тип...

— Содержатель борделя должен привыкнуть ко всему, — сказал я и вышел, оставив его в оцепенении.

Я сел в «остин хелей», стоящий у тротуара, и поехал на Лайк-стрит. Притормозил у дома 1105 и вышел. Поднялся на второй этаж, прошел по длинному коридору до дверей в глубине и тихонько постучал три раза.

Ничего. Я постучал снова и негромко сказал:

— Мисс Джонс! Я от мисс Юргенс. Мисс Джонс!

Не надевает ли она фальшивую бороду, прежде чем открыть дверь?

Прошло секунд двадцать. Мне казалось, что я слышу какие-то звуки за дверью, но я не был в этом уверен. Может быть, она боится стука? Можно попробовать воспользоваться звонком, чтобы сменить технику.

Я положил палец на кнопку и нажал.

Дверь соскочила с петель и приземлилась на моей голове. Я отлетел метра на четыре по коридору, уши мои были забиты грохотом. Я медленно сел и потряс головой.

— Забавная манера принимать гостей, — сказал я в пространство.

Голубой дым выходил из зияющей двери. Я увидел осыпавшуюся с потолка штукатурку и кучу деревянных обломков, которые, по-видимому, были раньше стулом. Язык пламени лизал середину ковра. Дверь валялась в шаге от меня. Я машинально осмотрел ее и понял, что вижу внутреннюю сторону, которой особенно крепко досталось. Но ручка была цела. В нее вцепилась рука. Рука с длинными ногтями, окрашенными ярко-розовым лаком.

Глава 2

Доктор Мурфи вышел, потирая руки, из разоренной комнаты.

— У вас есть спички? — спросил он.

Я вынул коробок и подал ему.
— Вы знаете, что я не курю,— сказал он.— Не имею этой грязной привычки.

— Тогда зачем вы просите у меня спички?

— Чтобы сэкономить.

— Вампир! Взглянуть на вас — и представляешь ритуальную пляску каннибалов!

Он пожал плечами.

— Она была блондинкой. Это, по крайней мере, я могу сказать. На стене найдено несколько волосков.

— Спасибо.

— Во всяком случае это нас избавляет от вскрытия,— сказал он и ушел, посвистывая.

Макдональд, эксперт по взрывам, вышел из комнаты с сержантом Полником.

— Вы нажали кнопку звонка, и все взлетело? — спросил он.— Так, лейтенант?

— Так.

— Вам чертовски повезло! Бомба была устроена так, что взрыв произошел внутри; иначе вас не было бы в живых.

— Как — внутри?

— Тот, кто ее устраивал, понимал в этом толк. Ее присоединили к цепи звонка. Вы нажимаете кнопку, замыкаете цепь — и — трах!

— Она большая, эта бомба?

— Не очень. Весь пакет примерно десять квадратных сантиметров, может быть, меньше. Она не нуждалась в часовом механизме, который, в сущности, и дает объем.

— А кроме этого?

— Я взял несколько фрагментов для лаборатории,— сказал Макдональд,— и пришлю вам свой рапорт, как только смогу, лейтенант.

— Спасибо.

— Здорово сморщило девчонку,— продолжал он. Он был заметно бледнее обычного.— Не хотел бы я часто видеть такое зрелище... У меня впечатление, что мне это будет сниться...

Он пошел по коридору, и он не свистел. Надо сказать, что Макдональд — человек, и это отличает его от Мурфи, врача.

Полник вопросительно посмотрел на меня.

— Что теперь делать, лейтенант?

— Орать и биться головой об стенку.

— А?

— Шериф специально велел мне заняться той особой, что жила там,— объяснил я.

Полник слотнул:

— Значит, это вы наработали?

Я деликатно закурил.

— Остальные все еще там заняты?

— Да, лейтенант.

— Оставайтесь там, пока они не кончат. Сразу видно, что я чересчур занялся этой крошкой. Лаверс преподнес мне сюрприз: отныне он виноват в этом преступлении, так же как и Криминальная бригада.

— Вы сами будете производить дознание, лейтенант?

— Я подумаю. Когда парни там закончат, обойдите все комнаты в доме. Постарайтесь узнать, знал ли кто-нибудь эту девочку, видели ли ее, посещал ли ее кто,— ну как обычно.

— Слушаюсь, лейтенант.

— Я буду в Стерлинг-отеле. Когда вы здесь закончите, приходите туда. Спросите меня.

— Есть, лейтенант.— Он моргнул.— Это вы для смеха сказали, что шериф велел вам заняться этой особой, да?

— Кто знает, может, у него были основания? — ответил я.— Я здорово грохнул, а?

Я удалился, слыша за спиной что-то вроде царапанья. Это Полник чесал в затылке. Я спустился, пересек холл и вышел, прокладывая себе путь среди зевак, заполнивших тротуар, сел в «остин хелей» и отбыл.

Через пятнадцать минут я стучал в дверь Полы Рей. Она тотчас открыла. Теперь она сменила свой костюм на бледно-голубую шелковую блузку и темно-голубые брюки. Похоже, она не была в восторге, увидев меня.

— Послушайте, лейтенант,— сказала она,— у меня нет времени болтать с вами. Мне надо работать над своей передачей и...

— Передачи не будет,— сказал я,— значит, у вас теперь времени сколько угодно. Пожалуйста, позовите мисс Юргенс. Это избавит меня от повторений.

Я прошел перед ней в комнату и констатировал, что мисс Юргенс уже там. Ее глаза округлились.

— Добрый вечер, лейтенант,— нервно сказала она.— Что вас привело сюда? Надеюсь, ничего серьезного?

— Ничего такого, что суд не мог бы уладить,— ответил я.

Пола Рей с силой захлопнула дверь и ожесточенно посмотрела на меня:

— Если это образец поведения полиции в Пайн-Сити, то я буду жаловаться.

Я закурил:

— Мисс Юргенс была обеспокоена угрозами по вашему адресу. Она официально просила нашей защиты.

— Ах, ты...

Дженис Юргенс остановилась, подыскивая подходящее ругательство.

— Я пришел к ней,— продолжал я,— и она дала мне адрес, где вы спрятали Джорджию Браун.

— Дженис! — Пола бросила ледяной взгляд на свою секретаршу. — По какому праву вы...

Я перебил ее:

— Об этом позже. Она мне сказала, что только двое знают этот адрес — она и вы. Это точно?

— Это было точно! Теперь, я полагаю, вы постарались предупредить журналистов и прочих идиотов...

— Когда вы в последний раз видели Джорджию?

— При чем это?..

Я на минуту закрыл глаза.

— День мой будет долгим и трудным. Не затрудняйте его еще больше.

— Три дня тому назад,— ответила она,— я приехала сюда тайно, экспрессом, чтобы увидеться с ней.

— Экспресс лучше, чем самолет?

— Вы серьезно спрашиваете?

— Абсолютно! Значит, три дня назад. С тех пор вы ее не видели?

— У меня не было времени. Мы приехали только сегодня утром, если вы помните.

Я повернулся к Дженис:

— А вы?

— Я ее видела сегодня утром,— ответила она. — Пола хотела, чтобы я удостоверилась, что с Джорджией все в порядке.

— Так и было?

— Естественно,— ответила Дженис, заинтригованная. — Она была дома, когда вы туда пришли?

— Да, дома.

— Так что вы с ней сделали? — сухо спросила Пола. — Если все знают, где она находится, эта квартира отныне для нее слишком опасна. Надеюсь, вы ее там не оставили?

— В каком-то смысле, да.

— Перестаньте говорить загадками!

— Я постучал,— сказал я,— но никто не ответил. Тог-

да я позвонил. В результате я замкнул цепь, и взорвалась бомба, установленная внутри квартиры.

Обе смотрели на меня, разинув рты.

— Джорджия, — сказала наконец Пола дрожащим голосом. — Она...

— Врач сказал, что она была блондинкой, — ласково продолжал я. — Он заключил это по нескольким волоскам, которые он нашел на стене.

Пола Рей внезапно разрыдалась.

— Ох! — сказала она умирающим голосом и упала в кресло.

— Дайте ей стакан воды, — сказал я Дженис и как бы случайно добавил: — Мне тоже, по тому же поводу. Виски с капелькой содовой.

Дженис наполнила три стакана, что доказывало, что она умнее, чем я думал. Когда Пола наполовину опустошила свой стакан, ей как будто стало лучше.

Она осторожно промокнула глаза:

— Если бы я не извещала, что она выступит в передаче...

— Если она решила говорить, она сделала бы это любым способом. Ваша передача не более чем совпадение, — сказал я. — Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста, — она наклонила голову, — я сделаю все, что могу, чтобы помочь вам, лейтенант.

— Почему она хотела участвовать в вашей передаче?

— Чтобы обелить себя, — пробормотала она. — Она устала жить в забвении. У нее не осталось денег, и она хотела возобновить свою карьеру в кино.

— Вы должны были оплатить ее выступление?

— Пять тысяч долларов.

— Не стоило делаться фараоном! — воскликнул я удрученно. — Как вы ее нашли?

— Она меня нашла. Наша телепередача шла в Сан-Франциско полтора месяца назад. Она приехала ко мне в отель, вечером, и сказала мне, кто она...

— Что она сообщила вам о самоубийстве Меннинга?

— Немногое. Она, видимо... ну, что-то умалчивала. Я решила, что она не полностью мне доверяет. Она думала, что если расскажет мне слишком много, я, может быть, обойдусь в своей передаче без нее, и она не получит денег.

— Но все-таки что-то она должна была вам сказать?

— Прошу вас, лейтенант! — раздраженным тоном вмешалась Дженис. — В такой момент! Неужели вы обязаны

продолжать этот допрос? Разве вы не видите, что мисс Рей совершенно...

— В настоящее время она в лучшем состоянии, чем Джорджия Браун,— миролюбиво заметил я.— Знаете, чем вы могли бы быть действительно полезной? Дать нам выпить, например.

Она взяла у меня из рук стакан, чуть не отхватив с ним вместе мои пальцы.

— Лейтенант прав, Дженис,— сказала ей Пола.— Джорджия убита, надо найти убийцу, и мой долг — помочь в этом.

— Она должна была вам кое-что сказать,— повторил я.— Имена, например. Упоминала она их?

— Она уверяла, что готова раскрыть истинные обстоятельства смерти Ли Меннинга и что ее разоблачения заденут некоторых видных людей. Она также заявила, что, если нужно, она даст доказательства тому, что скажет, и, кроме того, возьмет на себя ответственность за все обвинения, которые сделает в течение телепрограммы.

— Отлично,— сказал я, набравшись терпения.— И каковы же были имена?

— Их четыре. Хиллари Блейн, Кей Стейнвей, Норман Котс, Кент Фарго.

— Фарго? Я знаю, он замешан во множестве рэкетов, но не думал, что это касается кино.

— Он финансировал некоторые фильмы в то время,— сказала Пола.— Но это держалось в секрете. Фильмы, которые он финансировал, выпускал Котс.

— Отсюда я заключаю, что Котс был продюсером?

— Гениально, лейтенант! — вскричала Дженис.

— Кей Стейнвей — девочка, которая не умеет петь, но люди обожают смотреть, как она старается это делать,— сказал я.— Я видел ее в последней оперетте. А Блейн — это Большой Блейн, финансист?

— Именно,— согласилась Пола.

— Только эти четверо?

— Все, о ком она упомянула. Но все это известные имена, лейтенант. Во всяком случае достаточно известные для того, чтобы еще больше вздуть мой рейтинг.

Я бросил взгляд на ее шелковые брюки, весьма хорошо заполненные.

— Глядя отсюда,— сказал я восхищенно,— мне кажется, что и так уже неплохо.

— Рейтинг,— вмешалась, видимо, задетая Дженис,—

это служба статистики, которая научно измеряет популярность телепрограммы.

— Вы разбили мои иллюзии,— признался я.

— То же самое могу сказать и о вас,— добавила Пола.

Дженис протянула мне наполненный стакан, и я его принял с благодарностью.

— Начало положено,— сказал я Поле.— Теперь мне нужно знать, где я могу встретиться с этими людьми.

— Это я могу вам сказать,— ответила она.— Джорджия была в ужасе при мысли, что ее могут убить, чтобы помешать ей выступить по ТВ, и, между нами говоря, она не ошиблась. Несколько дней назад я точно установила адреса этих людей.

— Ну вот, вы становитесь по-настоящему полезной,— сказал я.

— Дайте лейтенанту список, Дженис.

Дженис вышла и через полминуты вернулась с отпечатанным списком, который и протянула мне. Я поблагодарил ее и сунул лист в карман.

— Вы ничего больше не можете добавить? — спросил я Полу.— Любая незначительная деталь может мне помочь.

Она покачала головой.

— Сожалею, но в настоящий момент это все.

Зазвонил телефон, Дженис сняла трубку и подняла глаза на меня:

— Вас, лейтенант.

Я взял трубку:

— Уиллер слушает.

— Это Полник, лейтенант. Я внизу.

— Подождите меня. Сейчас спущусь.

Я повесил трубку.

— Спасибо за сведения,— сказал я Поле.— Буду держать вас в курсе событий.

— Благодарю вас, лейтенант,— ответила она мрачно.— Ужасно трагичная история.

— Постарайтесь не думать о ней. Попытайтесь забыть на какое-то время, что Джорджия Браун вообще существовала.

— Джорджия Браун! — воскликнула она.— Мне в общем-то плевать на Джорджию... Но что я буду делать с программой в субботу?

Полник улыбнулся, когда я спустился к нему.

— Привет, лейтенант! Что нового?

— Я хочу выпить. Пойдем, хлопнем по стаканчику в баре.

Я заказал виски со льдом и слезинкой содовой. Полник от душевного расстройства спросил полпорции.

— Что вы узнали? — спросил я.

— Я повидал всех других жильцов, как вы приказали, и швейцара. Он видел ее всего один раз, когда помогал внести багаж. Он сказал, что она была блондинкой, красивой девушкой, но неразговорчивой.

— А другие жильцы?

— Они ее не видели. Она не выходила.

— Бывали у нее посетители?

— Двое. Две женщины, обе классные. Одна рыженькая — она приходила сегодня утром, а другая... — Он заколебался. — Ну, я клянусь, лейтенант, что мне так сказали...

— У нее голубые волосы, и она одета в голубое?

— Вы знаете? — озадаченно спросил Полник. — Больше никого не было, лейтенант.

— К тому же только у них были уважительные причины посетить ее, — сказал я. — Вы уверены, что никого другого не было?

— Старуха, живущая напротив, уверена, что никто больше не приходил. Швейцар сказал, что другой такой проныры, как эта старая крыса, не сыскать. Она сорок лет следит за соседями. Уж если она сказала, что блондинка никого больше не принимала, — значит, не принимала.

— Плоско, как доска, — сказал я.

Бармен подал выпивку, и Полник выглядел обеспокоенным, пока я не расплатился.

— В общем, ей надоело сидеть без дела, — задумчиво произнес я, — тогда она изготовила бомбу, пристроила ее к звонку и стала ждать, пока кто-нибудь надавит на кнопку.

— Самоубийство! — вскричал пораженный Полник. — Значит, вы уже раскрыли это дело, лейтенант?

Глава 3

Это был стиль испанского модерна, со штукатуркой под мрамор. «Моя саманная хижина» — пели когда-то о жилищах такого сорта. Патио — внутренний дворик — окружен

высокими стенами и обсажен для красоты шестью пальмами, но ни одна из них не принесла ни одного финика.

Я позвонил у входной двери, но ответа не получил и пошел по аллее к «остину хелею», когда услышал всплеск, донесшийся из патио. Я остановился и услышал, как хриплый голос тихонько напевает. Пели фальшиво. Дверь в патио была закрыта, но не заперта. Я толкнул ее и очутился перед бассейном. На другом его конце я заметил что-то белое, потом услышал всплеск. Я закурил и стал терпеливо ждать.

Она проплыла кролем три четверти бассейна, прежде чем обнаружила мое присутствие.

— Вы в частном владении, — сказала она своим сильным голосом. — Вы этого не заметили?

— Вы — Кей Стейнвей?

— Убирайтесь!

— Я — лейтенант Уиллер из Службы шерифа. Я хотел бы поговорить с вами.

— Ах! — сказала она. — Но сначала я должна вылезти отсюда.

— Я вас жду.

— Но на мне нет купальника!

— Несчастье одних составляет счастье других, — любезно сказал я.

Она от души рассмеялась.

— Мой халат на стуле, позади вас. Не будете ли вы столь галантны, чтобы дать его мне?

— Вы злоупотребляете моим рыцарским характером, — сказал я неохотно, взял белый халат со стула и подошел к бассейну. Она подплыла к краю и положила на него руки.

— Положите его сюда и отвернитесь.

— Я дальнотзорный. Я вас даже не вижу, — сказал я наугад.

— Отвернитесь, или я останусь в воде.

— Хорошо. Но вы убили во мне юного натуралиста.

Я отвернулся и затянулся сигаретой.

Десять секунд молчания, потом она объявила:

— Теперь можете повернуться. Я в порядке.

— Досадно!

Я повернулся. Она завязывала пояс халата.

— Идемте в дом, — сказала она. — Мне необходимо выпить.

Мы прошли вдоль бассейна, пересекли патио, вымощенный белыми плитами, и перешагнули французское окно, распахнутое настежь.

Гостиная была в стиле модерн, с баром в одном конце. Кей зашла за стойку и посмотрела на меня.

— Что вам дать?

— Виски, кусочек льда и капельку содовой.

Я смотрел на нее, пока она наполняла стаканы. Она была так же красива в натуре, как и на большом экране, с трехметровой головой.

Она была брюнетка, с шелковистыми волосами до плеч. Изящное лицо и серо-зеленые глаза, которые она, наверное, уродовала днем какой-нибудь замазкой. Губы полные. Купальный халат мягко облегал пышные формы.

Она протянула мне стакан и подняла свой.

— За здоровье полиции,— сказала она.— Я сегодня вечером начала уже скучать в своей собственной компании.

— Вы могли бы сделать карьеру в плавании,— сказал я.— Вы заработали бы состояние, просто выступая публично.

— Вы как будто дальнозоркий?

— Не забудьте, что я видел, как вы плыли с другого конца бассейна.

— О, лейтенант,— замурлыкала она,— от вас ничто не скроется!

— Если бы я не был здесь по делу, мне было бы это очень приятно.

— Нужно сочетать дело с удовольствием,— небрежно сказала она.— Необходимые издержки, как я это называю. Но, может быть, вы не имеете права?

— Я могу тратить сколько угодно, но при условии, что это не превысит полдоллара в месяц. Вы знали Джорджию Браун?

— Я знала ее очень давно и очень мало. Она должна стать новой звездой телевидения с этой субботы?

— Теперь ее рейтинг повысится еще больше. Когда вы ее видели в последний раз?

— Пожалуй, три года назад,— ответила она с гримасой.— В тот день слушалось дело о самоубийстве Ли Менинга. Она была в суде. С тех пор я ее не видела. И не думаю, что ее вообще кто-нибудь видел с тех пор, кроме Пола Рей.

— Я видел ее сегодня утром,— сказал я.— Кто-то взорвал у нее бомбу, и ее разнесло в куски.

Она допила свой стакан, налила снова виски и выпила одним глотком. Ее замечательно гладкое лицо не дрогнуло.

— Это низко! — сказала она.

— Именно тогда, когда она собиралась рассказать

правду о причинах, толкнувших Меннинга на самоубийство,— сказал я.— Она собиралась доказать свою непричастность и назвать имена.

Кей Стейнвей задохнулась от смеха.

— Вы бесподобны!

— Я сказал что-нибудь смешное?

— Невинность Джорджии! Она так же невинна, как французская звездочка, которая выклянчивает у продюсера главную роль.

— Среди имен было и ваше.

— Это безумие,— возразила она ровным тоном.— Я знала Меннинга, но как все! В те времена я была никто. Я снималась в говорящей роли — одно слово! Оркестр умолкал, и камера снимала меня крупным планом. «Шикарно!» — говорила я, и камера возвращалась к оркестру.

— Расскажите мне о Джорджии Браун.

Она налила себе третий стакан, но уже не торопилась его выпить.

— Вы советуете мне повидать моего адвоката, лейтенант?

— Я просто собираю сведения. Она назвала три других имени, владельцев которых я еще не видел. Первой я выбрал вас.

— Почему?

— Мои причины оказались оправданными, как только я увидел вас ныряющей в этот бассейн. Скажем, я действовал инстинктивно, и к тому же ваше имя было единственным женским в списке.

— Кто другие?

— Все-таки я должен иметь кое-какие секреты.

— Зачем же? У меня от вас теперь их нет. Вы почти не пьете, лейтенант... Должна ли я продолжать звать вас лейтенантом? Когда я готова открыть вам свою душу так же, как я открыла остальное. Не могли бы мы стать друзьями?

— Зовите меня Аль,— сказал я.

— Это уменьшительное от какого?

— Просто Аль.

— Это абсурд.— Она нахмурилась.— Такого имени при крещении не бывает.

— Неважно,— твердо сказал я.— Вернемся к Джорджии Браун.

— Она была подругой Меннинга. Я полагаю, что вы никогда не были знакомы с Меннингом?

— Нет.

— Он был из сволочей сволочь, один Бог знает, мог ли кто-нибудь в Голливуде с ним соперничать.

— И что же?

— Он был ужасным бабником. Девушек у него было навалом... Но все они имели нечто общее: юные, невинные, честолюбивые, не имеющие контрактов. Его слова «Я вас устрою в кино» срабатывали почти всегда, потому что он действительно работал в кино, и все это знали.

— В этом нет ничего оригинального.

— Но это действовало. Он устраивал у себя уик-энды, где бывало до полудюжины будущих звездочек, и он чувствовал себя султаном в гареме. Я даже удивлялась, как он помнит имена их всех. Проще было бы давать им номера.

— Вас приглашали на уик-энды?

— Она покачала головой:

— Я была слишком стара для него. Когда я с ним познакомилась, мне было девятнадцать лет.

— Да, он действительно любил юных...

— И невинных. Я не обладала ни той, ни другой из этих добродетелей.

— Для кого-нибудь это оказалось кстати...

— И главное, он плохо обращался с ними! Он был самым извращенным существом, которое можно себе представить. Не больной, не сексуальный маньяк, нет. Просто извращенец.

— И такой тип мог пойти на самоубийство! — сказал я недоверчиво. — Бросьте! Ему достаточно было принять несколько витаминных пилюль.

— Дело немного сложнее. Норман Котс был его продюсером в то время. Он снимал фильмы за свой счет. Деньги шли от Хиллари Блейна. Вы знаете — финансист?

— Я слышал о нем.

— Ли Меннинг в конце концов погорел на одной из своих малышек. Девочка из Арканзаса или из Теннесси, не знаю точно. Шестнадцать лет и все прочие требуемые качества. Он пригласил ее на один из своих знаменитых уик-эндов. Может, у нее было слабое сердце, может, он был чересчур силен, но факт тот, что она умерла у него в доме.

Я опустошил свой стакан, и она мне его машинально наполнила.

— Сначала скандала не было, — продолжала она, — решили, что это несчастный случай. Но полиция стала разносить и открывала, какого сорта был вечер. Затем установили точный возраст крошки. И они навалили на него кучу обвинений.

Досадно, что Котс, как независимый, не обладал достаточно влиятельной организацией, чтобы затушить дело. Но, думаете, газетам не заплатили? Ли захватил первые полосы для себя одного. Он всегда был смышлен насчет присоединения к звездам!

Я предложил ей сигарету и закурил сам.

— А какова была роль Джорджии во всем этом?

— Это она представила девчонку Меннингу. Кстати, не впервые. Такая деятельность имеет название, нет?

— Сводня?

— Что-то в этом роде. Во всяком случае, премию Оскара за это не дают.

Я согласился.

— Я помню заголовки газет о самоубийстве Меннинга, а также намеки на оргии, но насчет разоблачений там было скудно. Не было ни слова о шестнадцатилетней девушке.

— После смерти Ли дело замяли.

— Каким образом?

— Ну, так или иначе, Ли умер, и его нельзя было преследовать. Я думаю, этот аргумент превалировал. К тому же семью малышки вовсе не устраивало видеть свое имя, вываленное в грязи.

— Спасибо,— сказал я.— Больше ничего?

— Нет, Аль, больше ничего. Останьтесь еще ненадолго, отдохните.

— Очень хотел бы, но я на работе. Вы знаете, что это значит?

Она покачала головой.

— Нет, объясните.

— С удовольствием, но в другой раз,— сказал я совершенно искренне.

Я допил свой стакан и не спеша направился к окну-двери. В патио она меня догнала.

— Вы правда не хотите остаться ненадолго, Аль?

— Не сейчас,— ответил я,— но я скоро вернусь.

— Ладно, возвращайтесь сегодня вечером, например. Я даю раут. Вы можете встретить интересных людей. Будет и Пола Рей.

— Она не придет после того, что случилось.

— Придет,— уверила Кей.— Неудобно говорить, но... Я — Кей Стейнвей, не забывайте. Самая крупная звезда музкомедии после Джинджер Роджерс. Пола не посмеет отказать от моего приглашения!

— Если у меня будет время, я охотно вернусь,— сказал я.— Еще раз спасибо.

— Это будет очень интимный вечер. Я надеюсь, вы сумеете прийти, Аль.

Мы направились к двери патио.

— Как случилось, что вы так хорошо знали, что происходило у Меннинга во время его знаменитых уик-эндов? — спросил я ее.

— Я была там, — ответила она. — Джорджия меня привезла, но Ли на меня только взглянул, и этого было для него достаточно. Я была слишком стара и слишком опытна для него, да к тому же не имела класса!

— А Джорджия? Что она там делала?

— Она присутствовала на всех его вечерах. Надо думать, это ее интересовало в личном плане. Она поставляла девушек. Я думаю, ей это нравилось. Она обожала бегать по поручениям.

— Она сама была веселой?

— Почти как тарантул.

Я открыл дверь.

— Еще раз спасибо, Кей. Я в самом деле постараюсь прийти на ваш вечер. Я хотел бы увидеть вас поскорее.

— Увидите даже раньше, чем вы думаете, — сказала она. — Я умираю от жары. Если бы у меня не было этого бассейна, я спятила бы летом.

Она развязала пояс халата, отвернулась и освободила плечи. Халат упал на белые плиты, а она повернулась ко мне, выпятив нижнюю губу:

— Как по-вашему, гожусь я для синерамы?

Я созерцал ее с минуту. Округлые, расцветшие груди, крепкие бедра, длинные стройные ноги.

— Надеюсь, что вы не сгорите, — сказал я. — Это, наверное, будет больно.

Она хрипло и воркующе засмеялась, побежала к бассейну и нырнула.

Я проводил ее глазами, вышел из патио и закрыл дверь.

Я успел дойти до «остин хелея» к тому моменту, когда горн долга из последних сил просипел несколько приглушенных нот, и они еле-еле отыскивали дорогу до моих ушей.

Глава 4

Норман Котс открыл дверь своего номера в отеле с улыбкой, которая исчезла, как только он увидел меня.

— Что вы желаете? — спросил он колко.

Я назвался и сказал, что мне нужно поговорить с ним.

— Может быть, вы войдете, — сказал он не слишком убежденно. Он постоял еще несколько секунд, потом глубоко вздохнул и пропустил меня в комнату.

Я закрыл за собой дверь.

На нем был шелковый халат цвета голубя мира, страдающего морской болезнью. Шарф лавандового цвета заботливо окружил его шею.

— Я вас уже где-то встречал, лейтенант, — сказал он. Улыбка, похожая на нервный тик, вспышкой осветила его лицо. — Кажется, сегодня утром, в отеле?

— Вы не оценили моих талантов, мистер Котс, — сказал я. — Я сенсационен в роли бесстрастного наблюдателя. Меня специально приглашают на вечера и рауты.

— Я не остался, — продолжал он. Руки его трепетали перед ним, как бы готовясь улететь. — Я нашел, что ситуация абсурдна. Я хотел видеть мисс Рей только для того, чтобы узнать адрес мисс Браун. А портье... Ну, он разозлил меня. Вы понимаете мою реакцию, не так ли, лейтенант?

— Какое это имеет значение? — возразил я. — Зачем вы хотели видеть Джорджию Браун?

— Ну... — Он осторожно потрогал укладку на висках. — Я хотел узнать, хочет ли она действительно вытащить на свет Божий эту старую историю о Ли Меннинге в телепередаче Пола Рей, и надеялся уговорить ее не делать этого. Это никому не принесет пользы, знаете. Только она могла выбрать подобный сюжет! Я ничего не имею против интервью по телевидению, но право же, эта Пола Рей действительно невозможна! Вы не находите, лейтенант Уиллер?

— Я могу сообщить вам хорошую новость, мистер Котс. Передача в субботу не состоится.

— Правда? — Он, кажется, немного успокоился. — Вы в этом уверены, лейтенант?

— Совершенно уверен. Джорджия Браун умерла.

— Умерла? — Улыбка сбежала с его лица, унеся в своем бегстве два года массажа. — Я... извините, я сяду.

Он ощупью нашел кресло и осторожно сел.

— Извините, — повторил он, — это шок... Смерть страшно потрясает, лейтенант.

— Джорджию она тоже здорово потрясла. Ее буквально распылило по квартире. От нее осталось только...

— Прошу вас! — Он вздрогнул и закрыл глаза. — Я не могу перенести мысли об этом!

Я безжалостно продолжал:

— Она была убита. И, по-моему, ее уничтожил кто-то,

кто хотел любой ценой помешать ей участвовать в этой телепередаче, кто-то вроде вас, не так ли?

Он вытирает глаза:

— Не думаете ли вы, что я... Это бессмысленно!

— Она собиралась выплюнуть кусок этого дерьма, Ли Меннинга. Рассказать всю историю знаменитых уик-эндс и девочки шестнадцати лет, у которой, говорят, было слабое сердце, и обо всем, что вы предприняли для того, чтобы замять дело. Именно так, нет?

Он промокнул губы шелковым платком.

— Я знал, что если она обо всем этом расскажет, это будет стеснительно для меня. Стеснительно, лейтенант, но не больше. Я хотел ее видеть, чтобы постараться убедить ее не делать ничего этого. Но убить ее! Это совершенно абсурдно, лейтенант! Я и мухе не причиню зла.

— Однако кто-то пристроил бомбу в ее квартире. У вас был великолепный предлог ее убить. Кто мог иметь лучший?

— Какого дьявола я могу это знать? — вскричал он с гневом. — Ваше дело искать виноватого, а не мое!

Так как у меня от природы голова игрока в покер, я сделал загадочное лицо и внимательно уставился на Котса. Он смущенно заерзал в кресле под моим взглядом и быстро отвел глаза.

— Я не знаю, кто мог хотеть ее убить, — сказал он наконец.

— А Хиллари Блейн?

— Блейн? — он покачал головой. — У него нет для этого никаких причин.

— А Фарго?

— Какой Фарго? — спросил он ошеломленно.

— Кент Фарго. Не говорите, что никогда о нем не слышали. Его имя должно было проникнуть даже в те круги, в которых вы вращаетесь.

— Вы говорите о Фарго, гангстере?

— Конечно, не об Уэллс Фарго!

— Если у него были причины убить Джорджию, то, уверяю вас, я их не знаю!

— Разве не Фарго финансировал ваши фильмы в те времена, когда вы были независимым продюсером? Точнее — фильмы, в которых снимался Меннинг?

— Нет, меня финансировал Хиллари. — Он снова машинально поправил волосы. — Хиллари всегда был исключительно мил... в денежных вопросах. Я никогда не смог бы работать с гангстером!

Его даже передернуло.

— Хорошо,— сказал я,— в настоящее время я вынужден этим удовольствоваться. Вы долго собираетесь пробыть в Пайн-Сити, мистер Котс?

— Несколько дней.

— Отлично. Мне не обязательно просить вас остаться, не так ли? — Я достал из кармана карточку и написал на ней номер телефона. — Если вы что-нибудь вспомните, что может быть нам полезным, мистер Котс, я прошу вас позвонить мне. Если меня на работе не будет, я написал тут и номер моего домашнего телефона. Не стесняйтесь звонить, даже если то, что вы сможете сообщить, покажется вам мелочью.

Он взял карточку.

— Договорились, лейтенант. Я к вашим услугам.

Я открыл дверь и вышел в коридор. Меня провожали до самой машины волны розового аромата.

Через полчаса я добрался до Хиллари Блейна. Мне открыл камердинер и посмотрел на меня вопросительно-вежливо.

— Я лейтенант Уиллер,— сказал я.— Служба шерифа. Я хотел бы видеть мистера Блейна.

— Здравствуйте, лейтенант,— серьезно ответил он.— Мистер Блейн у себя. Я сейчас доложу ему о вас.

— Я чувствую, что это будет сделано на высшем уровне,— сказал я столь же серьезно.— Однако остерегайтесь, я могу быть грабителем!

— Конечно, сэр,— ответил он сухо и оставил меня ждать.

Он вернулся и ловко взял мою шляпу, пока я осматривался.

— Мистер Блейн примет вас в библиотеке, сэр,— сказал он.— Прошу вас следовать за мной.

Я прошел за ним в библиотеку, и Хиллари Блейн встал из-за своего рабочего стола.

Это был маленький тонкий человек, совершенно лысый, за исключением нескольких случайно уцелевших волосков на верхушке черепа, в очках в золотой оправе, громоздящихся на его носовом придатке. У него был озабоченный вид, и глубокие морщины, бороздящие его лицо, указывали, что он озабочен со дня рождения, когда он оказался вынужденным доверяться другим.

— Садитесь, лейтенант,— сказал он резко.— Чем могу служить?

Я уселся в удобное кожаное кресло и закурил. Он с предосторожностями сел в свое кресло и холодно посмотрел на меня.

Так как я не нашел оригинальной формулы, я просто сказал об именах, которые собиралась назвать Джорджия, и уточнил, что его имя входит в их число.

— Я знаю, лейтенант,— сказал он.

Он снял очки, заботливо протер их платочком и снова водрузил на нос. Свет, отражавшийся в них, когда он поднимал на меня глаза, придавал его физиономии странно пустое выражение.

— Конечно, я был знаком с ней когда-то.— Он задумался на мгновение.— Точнее, мы были в контакте одно время, но в чисто деловом, конечно.

— Вы финансировали Котса, когда он делал фильмы с участием Меннинга как звезды,— сказал я.— Джорджия также играла в некоторых из них, не так ли?

— В самом деле,— сказал он,— в самом деле. Но я, право, не знаю, почему она упомянула мое имя в связи с делом Меннинга. Мне нечего скрывать.

— Я знаю историю умершей девушки,— сказал я,— и не знаю, как замяли это дело после самоубийства Меннинга.

— Досадно! — вскричал он.— Исключительно досадно! В то время, если бы сделали рекламу вокруг смерти этой девушки, это было бы...

— Досадно?

— Конечно! Но теперь? — он пожал худыми плечами.— Я больше не помещаю деньги в фильмы производства Котса. Вообще не помещаю денег в кино. Так зачем мне беспокоиться, что мое имя произнесено в связи с...

— Я понял, что, в сущности, речь шла не о ваших деньгах, мистер Блейн. По моим сведениям, вы были только ширмой. Деньги давал Кент Фарго.

Он заколебался.

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть этого заявления, лейтенант.

— Допустим на минуту, что Джорджия Браун сказала правду; если она упомянет об этом в своем телеинтервью, вас это не побеспокоит?

— Не понимаю, почему бы это меня обеспокоило,— ответил он надменно.

— Это может обеспокоить Фарго.

Он резко снял очки и посмотрел их на свет; потом с торжествующим ворчаньем повторил протирку.

— Почему вы не спросите об этом мистера Фарго? — подозрительно спросил он.

— Я его спрошу, — сказал я. — Мистер Блейн, мы должны быть реалистами, я думаю. Убита женщина. Перед смертью она назвала имена людей, о которых хотела говорить в телепередаче Полы Рей. Четыре имени, в их числе ваше и Фарго. Это ставит вас обоих, так же как и двух других, в положение главных подозреваемых. Я вас просил помочь мне, а вы знать ничего не хотите.

Он несколько секунд пристально глядел на меня.

— Честно, лейтенант, — сказал он наконец, — я ничем не могу быть вам полезным. Я сожалею об этом. Если вы хотите знать мое мнение, совершенно личное, Джорджия Браун срочно нуждалась в деньгах; она пошла к этой... гм... телевизионной интервьюерше и уверила ее, что она в состоянии поднять завесу над скандалом с Меннингом. Все это, разумеется, за звонкую монету. Если бы интервью состоялось, я уверен, что оно потерпело бы фиаско. Публичные разоблачения, касающиеся смерти Ли, нанесли бы ущерб только одной особе.

— И кто эта особа?

Он ухмыльнулся.

— Самой Джорджии Браун. Я не знаю, насколько вы в курсе данных событий, лейтенант, но из того, что вы мне сказали, ясно, что вы должны знать достаточно много. Вы знаете истинную роль, которую играла Джорджия?

— Я предпочел бы услышать вашу версию, — сказал я вежливо.

— Она была обыкновенной сводницей! Она подбирала девушек, девочек, которые были слабостью Меннинга. Она убеждала их, что он их выдвинет, и приглашала их на уик-энд. Это она нашла ту крошку. Она прекрасно знала ее возраст, но не думайте, что это ее смущало!

— Эта Джорджия совершенно очаровательна!

— Лейтенант, — сказал он убежденно, — Джорджия Браун была развращенным существом, полностью развращенным, и мир будет чище без нее!

Он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

— Теперь, я полагаю, вы меня арестуете?

— Думаю, что вы выразили мнение большинства о Джорджии Браун, — откликнулся я. — И я не считаю это преступлением. Вы можете еще что-нибудь сказать, мистер Блейн?

— Нет. Я, вероятно, и так сказал лишнее.

— Я вам очень признателен.

Я встал и направился к двери.

— Лейтенант!

Я обернулся:

— Да, мистер Блейн?

— Не ошибитесь: Джорджия Браун была не дура. По-моему, она выбрала четыре имени, которые заботливо передала мисс Рей, основываясь на их общественной ценности, чтобы запросить подороже. Если бы Джорджия знала, что ее разоблачения могут угрожать ее жизни, она бы этого не сделала. Она слишком дорожила своей шкурой, чтобы рисковать ею.

— Значит, вы думаете, что эти четыре имени абсолютно ничего не значат?

— Абсолютно ничего, — убежденно подтвердил он.

Я закрыл глаза и мысленно сосчитал до четырех... роскошных блондинок.

— И зачем только я к вам пришел! — посетовал я и вышел.

Камердинер меня ждал и слегка поклонился:

— Вот ваша шляпа, сэр.

— Спасибо, — ответил я надменно и вырвал шляпу из его рук. — Я вижу, что подкладка пока на месте.

— Если позволите мне замечание, сэр, то ваш головной убор отлично сохранился, — сказал он сладко. — Он, вероятно, принадлежал еще вашему отцу?

Глава 5

Ночь была светлой, идеальной для ночного раута. Полумесяц в безоблачном небе, и приятно жаркая погода без духоты. Я чувствовал себя в полной форме, когда стучал в дверь Кей Стейнвей.

Дверь открылась, выпустив волну музыки и шум голосов.

— Проходил мимо, и, так как крюк составил всего двадцать километров...

— Входите же, — сказала она.

На ней было облегающее платье из розового муслина с вшивным поясом и расклешенной юбкой.

— Пойдемте, я представлю вас другим гостям, и вы мне скажете, порадует ли ваше сердце это зрелище.

Я последовал за ней в гостиную, где волны голубого дыма скрывали лица. Оглушительная суетолака, хотя всего

десяток гостей. Кей представила меня. Я не запомнил имен. Неважно. Они тоже не запомнили моего. Затем появились знакомые лица.

— Это ваш выходной вечер, лейтенант? — спросила Пола Рей. — Или вас привела сюда работа?

— Да, — ответил я, — я не хочу, чтобы мои мозги лопнули раньше времени.

Я с интересом выпялился на нее. На ней было голубое бархатное платье с декольте ниже груди, которое, по-видимому, держалось на одном энтузиазме. Рядом с ней Дженис Юргенс выглядела строгой, почти суровой в футляре из черного джерси, закрывающем горло.

— Я вам приготовлю стаканчик, Аль, — сказала Кей. — Виски со льдом?

— И чуть-чуть содовой.

Мы составили трио с Полой и Дженис, но ненадолго. К нам подошел Норман Котс с неистово окрашенным коктейлем в изящной руке.

— Счастлив снова видеть вас, лейтенант, — сказал он с улыбкой.

Кей Стейнвей подошла и протянула мне стакан.

Я поблагодарил ее.

— Смерть Джорджии должна страшно осложнить вам существование, — любезно сказал Котс Поле. — Что вы будете делать с вашей субботней передачей?

— Я выпутаюсь, — сухо ответила Пола. — Можете не радоваться, Норман.

— Радоваться? — он принял приличествующий случаю огорченный вид. — Я огорчен за вас, дорогая, право, огорчен.

— Воображаю!

— Я считаю, что для вас, милочка, это единственный случай, — промурлыкала Кей, обращаясь к Поле. — Не смогли бы вы интервьюировать себя?

Пола восхитительно улыбнулась.

— Может быть, следовало интервьюировать вас, мой ангел, — ответила она, — но моя программа еще никогда не подвергалась запрету, и я не хотела бы рисковать своим положением.

— Нет, я предпочитаю свою идею, — настаивала Кей. — Это позволило бы вам еще более расшевелить грязь. Ведь в этом как раз цель вашей программы, не так ли, милочка? Раскапывать грязь как можно глубже.

— Может быть, уйдем? — шепнула Поле Дженис.

— Смешно! — яростно возразила Пола. — Мне только-

только становится весело. Скажите, лейтенант, вы допрашивали Кей? Говорят, она была близка с Ли Меннингом как с мужем, хотя брака как раз и не было!

— Мы говорили об этом, — ответил я. — Кей сказала мне, что она была старовата для Меннинга.

— Вы не убедите меня в этом! — фыркнув, сказала Пола.

— В то время мне было девятнадцать лет, — вмешалась Кей. — Если бы вы находились в тех краях, он назвал бы вас мамашей!

Какой профессиональный юмор! — вскричала Пола. — Настоящая клоунада! Вы уже слышали, как она поет, лейтенант?

— Поле очень идет голубое, — с улыбкой сказала Кей, — и если вы услышите, что ее волосы были до окраски серые, то не верьте: они были седыми.

Пола бросилась на нее:

— Ах, ты...

Но Дженис схватила ее за руку и оттянула назад.

— Немного выдержки, милочка, — сказала Кей. — Вы здесь не на телевидении. Большинство гостей работают в кино. Это имена!

Она удалилась, слегка покачивая бедрами.

Пола глубоко вздохнула, и этого было достаточно, чтобы отделить голубой бархат от того, что он покрывал. Я увидел все.

Котс издал лихорадочный смешок:

— Нет ничего более веселого, чем дружеский разговор двух больших звезд, — сказал он радостно.

— В один прекрасный день я... — начала Пола и резко повернулась: — Принесите мне выпить, Дженис.

— Вы не думаете, что уже достаточно выпили? — обеспокоенно спросила Дженис.

— Я плачу вам — и много — за то, чтобы вы были моей секретаршей, а не нянькой! — рявкнула Пола.

Они обе направились к бару, оставив меня одного с Котсом. Он достал платок из нагрудного кармана и вытер пот со лба.

— Становится жарко, когда две эти дамы встречаются, — сказал он.

Скажите лучше — горячо, — добавил я. — Кей говорила мне сегодня о Меннинге.

— Ли? — он откашлялся. — Это был виртуоз.

— Парень знал, чего хотел, — сказал я, — и у него

насчет воспитания молоденьких девочек были идеи столь же точные, сколь и оригинальные.

— Тот еще парень,— согласился Котс.— Не то чтобы я одобрял его... развлечения, лейтенант, поймите меня правильно...

Я внимательно посмотрел на него.

— Охотно верю,— сказал я наконец.

— Очень досадно,— сказал он,— но что поделаешь? В то время он был звездой экрана, большой звездой, понимаете, лейтенант? Он делал деньги.

— Иначе говоря, он мог позволить себе все, включая убийство?

— В этом никто не был уверен,— быстро возразил он.— Я хочу сказать, что у малютки было слабое сердце или, по крайней мере... могло быть слабое сердце, ну, я хочу сказать...

— Мне-то ладно,— сказал я,— а Фарго не забеспокоился, узнав о случившемся?

— Право, не знаю. Извините меня, лейтенант, я пойду возьму себе еще одну «Блондинку».

— Пожалуйста,— сказал я, оглядывая зал,— у вас есть выбор.

— Я, разумеется, имел в виду коктейль.

— Конечно,— согласился я, но он уже направился к бару.

Я кончил свое виски и некоторое время созерцал пустой стакан. У меня оставалось мало времени: нужно сегодня же увидеть Фарго. Я в свою очередь направился к бару, но Котс уже исчез. Там оставалась только Пола Рей.

— Веселитесь, лейтенант? — спросила она.

— Мне кажется, здесь немало интересных людей.

— Интересных? — она слегка улыбнулась.— Да, без сомнения, особенно для того, кто знает их так, как я.

Она повернулась спиной к бару, чтобы оглядеть присутствующих.

— Вот действительно интересный для вас тип, там, в углу. Вы ее знаете, я полагаю?

— Джекки Слейд? Да, конечно. Увидев ее спецовку, не ошибешься.

— Настоящий тип молодой бунтовщицы. Она против всего... кроме денег, которые ей платит ее студия. Увядшая блондинка рядом с ней — не ее мать.

— Нет?

— Нет; но она сообщила ей все, что знала, особенно о женщинах. Поэтому она имеет такой утомленный вид,

что даже институты красоты считают ее неисправимой. Джекки, я думаю, предпочла бы кого-нибудь более соответствующего ее возрасту, но эта женщина вытащила Джекки из сточной канавы и имеет половинную долю во всех ее контрактах. Легче стать настоящей актрисой, чем освободиться от нее. Но Джекки никогда не будет актрисой.

— Бедная Джекки!

— Она молода, но тряпка, надо прямо сказать. Одним словом, она всегда будет молодой тряпкой. Вы видите там Кэрол Харт?

Я посмотрел на брюнетку, очень стройную, с короткими волосами и большими выразительными глазами.

— Она стоит того, чтобы на нее посмотреть, — сказал я восхищенно.

— У вас никаких шансов, лейтенант, — сказала Пола. — В настоящее время она делает брачную разведку. Подойдет любой, имеющий миллион долларов, желательно больше. Сейчас она разыгрывает пренебрежение — пока миллион не представился. Как только он появится перед ней, она станет таять так быстро, что ее придется собирать черпаком. Я вижу, она снова начала выпивать.

— Это для нее необычно?

— Она держала сухой режим с тех пор, как вылетела из гнезда третьего мужа, но у меня такое впечатление, что сегодня она не удержится. После четырех стаканов она покажет стриптиз. Я думаю, что все знают эту ее привычку.

— Только не я. Интересно, сколько стаканов она уже...

— Не угадаете, лейтенант. Но это неотвратимо, как смерть и налог.

Я заметил, что снова опустошил стакан, и налил третий.

— Вы как будто весьма хорошо осведомлены, — сказал я.

— Это естественно, — бесстрастно бросила она, — я шевелю грязь, как с редкой деликатностью выразилась Кей, больше двух лет. Покажите мне знаменитость, и я покажу вам грязь.

— В таком случае, познакомьте меня с Полой Рей, — сказал я.

Легкая улыбка тронула ее губы.

— Я ее узнала! Нет, позвольте мне представить вам кого-нибудь другого, лейтенант. Лысый человечек в углу — это Эмиль Брокалес.

— Продюсер?

— Самый эклектический из всех. Рядом с ним, направо, его теперешняя подружка, а налево — его нынешний дружок.

— И у него есть время делать фильмы?

— Он вынужден! Иначе как он будет платить шантажистам? Видите блондинку с невозможной грудью?

— Вы хотите сказать — невероятной?

— Невозможной! — повторила она агрессивно. — Поверьте, я знаю! Я вошла в ее душевую кабину только для того, чтобы убедиться. Она вышла напрямик из дома в Мексико-Сити, чтобы сниматься в кино. Понадобился год, чтобы ее вылечить.

— Она принимала наркотики?

Пола покачала головой.

— Каждый раз, когда мужчина говорил ей «до свидания», она протягивала руку ладонью вверх.

Я закурил.

— Должны же быть в этом ремесле обычные люди, нормальные, не лучше и не хуже других?

— Кэрл начинает свой номер, — сказала Пола.

Гибкое создание с потерянным взглядом медленно двигалось к середине комнаты. Кто-то начал насвистывать «Я вся целиком», там и сям раздались смешки.

Кэрл, казалось, ничего не слышала. Она мягко изгибалась с закрытыми глазами, потом сняла платье. Мало-помалу она сняла с себя все, кроме чулок и голубых лодочек с белой прострочкой. Наклонившись, чтобы снять чулки, она мягко рухнула на паркет. Разговоры тотчас же возобновились, так как номер закончился, а остальное никого не интересовало.

Кэрл оставалась лежать там, где упала. Рыженькая девушка, спешившая к кому-то, осторожно перешагнула через нее.

— Так что вы говорили? — спросила Пола.

— Неужели в этом ремесле нет ни одного нормального человека?

— Есть. Например, я. И вы, лейтенант.

— А Кей Стейнвей?

Та же улыбка снова мелькнула на ее губах:

— Ну, по правде говоря, я не включила бы Кей в число нормальных. Она слишком полна жизни, мне кажется. Это единственная девушка, которая должна бегать за продюсером вокруг дивана, прежде чем сможет его уложить. Кей живет только для мужчин, лейтенант. Остается узнать, сколько времени мужчины потом проживут.

— Ох! Может быть, хватит сыпать яд в каждое блюдо, не отдавая себе отчета...

— Она мне всегда напоминает «Черную Вдову», — перебила Пола. — Ведь именно эта паучиха съедает самца после...

— Не опрокиньте купорос на мою мебель, милочка, — вмешался ледяной голос, — она мне дорого стоила.

Кей Стейнвей стояла позади Пола, бледная от ярости.

— Здравствуйте, мой ангел, — ответила, ничуть не смущаясь, Пола. — Я как раз говорила лейтенанту о мужчинах, которые занимают вашу жизнь и из которых вы высасываете всю суть. — Она повернулась ко мне и улыбнулась. — Дело не в том, что Кей так уж красива, а в том, что она всегда готова.

Кей Стейнвей встала между нами.

— Мне нужен стакан, — сказала она нежно. — Этот годится. — Она взяла стакан у меня из рук и выплеснула виски в лицо Поле. — Старая шкура грязной шлюхи! — заорала она.

Я услышал сигнал рожка к отправлению и тут же пересек комнату, чтобы выйти на свежий воздух. Сделал несколько шагов по внутреннему дворику вдоль бассейна и увидел перед собой силуэт.

Я сказал:

— Могу ли я принести вам стаканчик? Хочу надеяться, что нет.

Дженис Юргенс медленно повернулась и взглянула на меня.

— Это вы, лейтенант? Нет, спасибо, стаканчика не надо. Я много не пью.

— Ваше черное платье здесь кажется голубым.

— Голубое — специальность Пола, — возразила она.

— Во всяком случае, — добавил я, — она весьма обольстительная молодая женщина.

— Молодая — как сказать. — Презрительная гримаса растянула уголки ее губ. — Вы не заметили маленьких шрамов за ее ушами?

— Ее кто-нибудь кусал?

— Хирург-косметолог.

— Я вспоминаю историю одной дамочки, которая так часто подтягивала лицо, что...

— Я бы с удовольствием выпила чего-нибудь, — поспешно перебила она.

— Иду.

— Это ваш «остин хелей» перед домом?

— Да, а что?

— Я слышала, как вы подъехали. Он требует ремонта, карбюратор разболтался.

— Откуда вы знаете? — ошеломленно спросил я. — Единственное, что я знаю об этой колымаге, — что у нее есть сзади дыра, в которую наливают бензин.

— У меня талант к механике, — сказала она беззаботно. — И я люблю машины. Вы должны его осмотреть, иначе не стоит труда иметь машину.

— Спасибо за совет. В обмен я принесу вам выпить.

Не успел я сделать и трех шагов к гостинной, как обе створки двери распахнулись, и на плитах оказались две тени, сплетенные в страстном объятии.

Мне понадобилось две секунды, чтобы понять, что Кей и Пола не обнимаются, а дерутся. Слепо борясь, шатаясь, оступаясь и толкаясь, они прошли мимо меня и незаметно приблизились к бассейну. Пола вцепилась в Кей, в то время как Кей безнадежно старалась ударить противницу по лицу.

Они достигли края бассейна, и Кей внезапно изменила тактику. Она схватилась за вырез голубого бархатного платья и резко дернула книзу. Платье отделилось от Пола, оставив ее голой до пояса. Белые остроконечные груди, неожиданно выставленные напоказ, не смутили ее противницу. Кей схватила ее за левую руку, повернула, пригнулась и подбросила Полу в воздух. Пола взвыла и звучно шлепнулась в бассейн.

— Такое зрелище не часто увидишь! — сказал я.

Но Дженис не слушала. Со стоном ужаса она бросилась к бассейну, готовая выловить свою хозяйку, когда та появится на поверхности.

Я подошел к Кей, взял ее за руку и тихонько отвел от бассейна. Ее платье было разорвано по боку сверху до низу, волосы падали на глаза.

— Я думаю, глоток водки вам не повредит, — сказал я ей.

— Сволочь! — сказала она убежденно. — Я ее научу... — она вдруг успокоилась и оперлась на меня. — Вы правы, Аль, мне действительно необходимо выпить глоток. Но не там! Отведите меня в заднюю часть дома.

Мы обогнули стену, и Кей открыла боковую дверь. Я ввел Кей в комнату, которая явно была ее спальней. Она упала на кровать, ее плечи еще вздрагивали.

— Зажгите мне сигарету, — тихо попросила она.

Я зажег две и одну дал ей. Она сильно затянулась и медленно выпустила дым.

— Спасибо,— пробормотала она.— В стенном шкафу, внизу, есть виски. Тем хуже для льда...

Я нашел виски и два стакана, которые и наполнил. Один протянул ей, и она его мгновенно высосала.

— Еще,— сказала она.— Я, вероятно, ужасно выгляжу?

— Вы очаровательны. Иной вы быть не можете, как бы ни старались.

Она отвела волосы от глаз и посмотрела на меня.

— Вы говорите правду, Аль?

— А что еще я могу сказать?

— Нет, кроме шуток. Вы знаете, я чувствую себя полностью окрепшей. Эта шлюха Рей получила по заслугам! Киношники настолько трусили перед ее омерзительными передачами, что лизут ей пятки. А я ей показала!

— Это уж точно! — одобрил я и протянул ей второй стакан. Она его выпила медленнее, чем первый, и бросила пустой на пол. Он упал на толстый ковер и не разбился. Она медленно выпрямилась.

— Мне лучше,— сказала она,— много лучше. Вернее, я в полной форме!

— Тем лучше,— сказал я и посмотрел на часы. Половина десятого.— Мне нужно идти. У меня еще есть дело.

— О нет, не спешите,— протестовала она.— Побудьте еще немного.

— Мне нужно идти.

— Я ничем не могу удержать вас?

— Ничем, волчишка. Вечер был замечательный. На таком не заскучаешь!

Она медленно встала и оглядела себя.

— Это платье стоило триста долларов,— сказала она.— Я его надела в первый раз.

Она отстегнула блестящую застежку, и платье упало на ковер. Под платьем на ней был бюстгальтер и маленькие белые трусики. Она расстегнула бюстгальтер, бросила его на кровать и лениво потянулась. Ее круглые груди напрыглись.

Я шагнул к ней, она отступила с хриплым смехом:

— Я думала, вы куда-то спешите, Аль.

— Я спешил и спешу, но я сменил место назначения.

Она сняла трусики и отшвырнула их ногой через всю комнату.

— А ваши гости? — спросил я, тоже внезапно охрипнув.

— Они не заметят моего отсутствия, — ответила она. — Гости — гостями, а мне лучше здесь.

Она приблизилась ко мне и неожиданно выдала мне хороший удар в солнечное сплетение.

— Ударь меня! — бормотала она приглушенно. — Ударь меня... Чего ты ждешь?

Этот удар причинил мне сильную боль. Я толкнул Кей, и она упала на спину поперек кровати.

Она поглядела на меня и улыбнулась:

— Это уже лучше, Аль. Теперь обними меня.

— Я должен был догадаться, что на твой вечер не надо одеваться, — сказал я. — Погасить свет?

— Зачем? — Она, казалось, была искренне озадачена. — Ты стыдлив или как?

Глава 6

Конторы заведений Фарго были расположены на двенадцатом этаже дома в центре города. Квартира Фарго находилась на последнем этаже.

Было чуть больше половины двенадцатого, когда я поднялся в лифте. Немного поздновато для визита, но посетить гангстера, даже отставного, никогда не поздно. Я позвонил, закурил и стал ждать. Я чуть не проглотил сигарету, когда дверь наконец открылась.

Передо мной выросла платиновая блондинка и оглядела меня с вялым любопытством, не больше. Густые черные брови были выгнуты дугой с выражением постоянного удивления. Рот был полуоткрыт, что делало девушку очаровательной или наносило вам удар в живот — все зависит от точки зрения. В ушах у нее были золотые подвески в виде обнаженных женщин с длинными волосами. Бикини на девушке было тоже золотое. С того места, где я стоял, были отлично видны нити в восемнадцать карат, вытканые в материале.

Она заметила, что мой взгляд остекленел.

— Жарко, — сказала она.

— Вероятно, вы — курочка, несущая золотые яйца, — сказал я, поскольку никогда не промахивался в таком вранье. — Яйцо — это не слишком возбуждает, вы не находите?

— Вы что-нибудь продаете? — спросила она недоверчиво. — Курсы по почте?

— Я хотел бы видеть мистера Фарго.

— Он никого не принимает во внеслужебное время. Даже в конторе он почти никого не принимает.

Я показал свой значок.

Лейтенант Уиллер.

— Шпик? — Ее брови выразили еще большее удивление. — Они совсем чокнулись, — добавила она, повернулась и крикнула:

— Эй, Кент, тут тебя фараон спрашивает. Ни много, ни мало — лейтенант! — она повернулась ко мне и слегка пожала плечами. — Я должна знать, желает ли он видеть вас, понимаете? Может, он хочет разговаривать только с капитанами?

— Впусти его! — замычал откуда-то из квартиры голос. — Ты там простудишься!

Блондинка ободряюще мне улыбнулась:

— Кент приглашает вас. Не смущайтесь. Он всегда орет на людей, когда разыгрывается его язва.

— У него язва?

— Ну да... Он президент общества!

Я прошел вдоль вестибюля за небрежно покачивающимися бедрами блондинки и вошел в гостиную.

Вдоль стены стояли ярко освещенные аквариумы, в которых плавали экзотические рыбки, еще более яркие. Фарго стоял у большого окна, откуда была видна панорама города.

Он повернулся и посмотрел на меня.

Что вы хотите? — спросил он высокомерно.

Задать вам несколько вопросов, — ответил я.

— Ладно. Но побыстрее, пожалуйста. — Он взглянул на блондинку. — Иди, детка. Ты будешь отвлекать нас.

— Хорошо, мое сокровище, как ты хочешь.

Она послала ему воздушный поцелуй и пошла танцующим шагом, раскачивая своими прелестями во всех направлениях.

— Выпьете чего-нибудь? — спросил меня Фарго.

Охотно. Виски и чуть-чуть содовой.

Пожалуйста.

Он подошел к бару и включил подсветку. Я отвернулся, ослепленный блеском хромированного металла.

Я рассматривал Фарго, пока он готовил выпивку. Он был маленького роста, широкоплечий и длиннорукий. Черные волосы, подстриженные щеткой, на висках поседели.

Нос узкий, губы тонкие. Когда он подал мне мою смесь, я увидел, что глаза у него бледно-голубые, ясные.

— Спасибо, — сказал я, взяв стакан.

Он указал мне на кресло и сел сам. Я сел и отхлебнул: виски было отборное.

— Что за вопросы? — спросил он.

— О Джорджии Браун.

— Что с ней случилось?

— Она была убита сегодня утром.

Я ему коротко рассказал.

— Зачем было приходиться и сообщать мне? Я прочел бы это в вечерних газетах.

Я упомянул о самоубийстве Меннинга, об участии Джорджии в телепередаче Полы Рей, угрожающих письмах. Это на него не произвело впечатления.

— Не мое дело, — сказал он и шумно зевнул.

— Я думаю, и ваше, по некоторым данным, — осмотрительно сказал я. — Она собиралась в передаче назвать имена, и одно из них — ваше.

— Вы спятили, — сказал он, — или кто-нибудь, во всяком случае. При чем я?

— Именно это я и хотел просить вас объяснить.

— Опять та же история! Слушайте, лейтенант, я живу тихо-мирно! Я уже много лет как отошел от рэкета. Я управляю законным предприятием. Вы это знаете, и все шпики страны знают. Но как только что-нибудь случится, начинают трепать мое имя.

— Но вы были связаны с Меннингом в то время, когда он покончил жизнь самоубийством.

— Я?

— Вы финансировали его фильмы через посредство Хиллари Блейна.

Он выпрямился в кресле.

— Кто вам это сказал? — глухо спросил он.

— Я слышал.

— Я очень хотел бы знать от кого. Желаете еще виски, лейтенант?

— Я предпочел бы несколько ответов. До сих пор вы задавали вопросы, а это не входит в программу.

Я услышал, как входная дверь открылась и закрылась.

Через минуту открылась дверь гостиной, и вошел тип.

— Кент! — вскричал он. — Я видел Джо, и он уверяет, что Стив уехал... Извини, я не знал, что у тебя гость.

— Познакомься с лейтенантом Уиллером, — холодно сказал Фарго. — Чарли Дун, работает на меня.

Дун был высокий, худой молодой человек с невыразительным лицом.

— Добрый вечер, лейтенант, — сказал он.

— Добрый вечер.

— Мне прийти позднее или подождать? — спросил Чарли.

— Подожди минутку, — ответил Фарго. — Тони смотрит телевизор. Иди, посмотри с ней вместе, но не слишком близко.

— Мои доходы не позволяют этого, — сказал Чарли и пошел к блондинке.

«Зачем ему еще телевизор?» — подумал я.

Фарго устроился поудобнее в кресле.

— Хорошо, я финансировал фильмы — это было законно. Нет?

— Конечно. Только убийство Джорджии Браун пока что незаконно.

— Вы хотите, чтобы я добыл алиби?

— У вас есть шесть ребят, которые поклянутся, что вы в жизни не делали бомб? — ласково спросил я.

Он уставился на меня недобрым взглядом, потом горько улыбнулся:

— Ладно, если вам не нужно мое алиби, то что вам нужно?

— Джорджия хотела обнародовать правду о смерти Меннинга, — сказал я. — Она...

— Как это — правду о смерти Меннинга? — холодно прервал он. — Это же было самоубийство, нет?

— Обстоятельства, приведшие его к самоубийству, — поправил я. — Девчонка шестнадцати лет с больным сердцем... я знаю эту историю. Вы часто встречались с Меннингом в те времена. Может быть, вы могли бы сказать, у кого были веские причины помешать Джорджии говорить?

Он задумался.

— В то время было немало людей, которые предпочли бы, конечно, чтобы обо всем этом больше никогда не говорили, но из-за этого совершить убийство! — Он покачал головой. — Нет, не знаю, кто мог дойти до такого!

— Очень жаль, — сказал я обескураженно. — Ни вы, ни Котс, ни Кей Стейнвей, ни Блейн — никто не знает. Я сам мог бы поверить, что все это мне приснилось... если бы Джорджия Браун не умерла.

Я следил за его реакцией, наобум бросая эти имена. Если они что-нибудь для него и значили, он не показал вида.

— Сожалею, что не могу быть вам полезным, лейтенант. Вы больше ни о чем не хотите спросить?

Я допил свой стакан и встал.

— Не думаю. Спасибо, что уделили мне время, мистер Фарго.

Он проводил меня до входной двери.

— Джорджия была красивой девушкой, когда я видел ее в последний раз,— сказал он задумчиво.— Это было года три назад. Красивая блондинка с потрясающим шасси. Может, у меня нездоровое любопытство, лейтенант, но как она выглядела?

— Я, как вы, вынужден только предполагать. То, что можно было соскрести со стен, было нефотогенично.

Он сунул в рот сигарету и закурил. Пальцы, держащие спички, слегка дрожали.

— Сволочь! — бросил он вполголоса.

Итак, интервью закончилось на этой убедительной ноте. Я вышел и дошел до «остина». Я медленно сошел с тротуара, думая о том, что, если мне не предложат отдать концы, я-таки наделаю хлопот.

В кабинете шерифа был свет, когда я подъехал. Я прошел мимо пустого стола Аннабель Джексон и пожалел, что ее южная лень мешает ей работать двадцать четыре часа в сутки, как ее патрон.

Лаверс поднял глаза, когда я вошел, и заворчал.

— Приветствую вас,— сказал я вежливо и уселся в кресло.

— Это уже лучше, чем ваши обычные гадости,— ответил он.— Вы открыли что-нибудь?

Я сделал краткий рапорт о людях, которых я видел, и о том, что произошло. Он мало чего содержал, я понимал это, но, конечно, я еще не рассказал ему самого захватывающего.

— Фарго? — спросил он.— Это интересно. Хотел бы я припаять ему.

— Было бы преступлением погубить эту платиновую блондинку,— сказал я.— Как она заработает на жизнь, если Фарго не будет?

— Смеетесь? — проворчал Лаверс.

— Ну, конечно.

Он закурил свою трубку.

— Новость циркулирует по всем телетайпам. Завтра газеты страны заговорят об убийстве.

— Да, шеф.

— Это нужно закончить быстро. Я говорил с инспекто-

ром Мартином. Сказал ему, что, по-моему, у вас должны быть развязаны руки, и он ответил, что у вас иначе не бывает. У них этим делом занят капитан Паркер. Если он что-то найдет, он даст нам знать. А если найдем мы... — Он остановился и посмотрел на меня. — Ах, я напрасно трачу время. Каковы ваши намерения?

— Я предполагал завтра с утра махнуть в Лагуна Бич.

— Лагуна Бич! — он побагровел. — Вы находите, что сейчас подходящее время для отпуска?

— Для отпуска время всегда подходящее, а с другой стороны — там Меннинг наложил на себя руки.

— Три года назад! — загремел Лаверс. — Вы воображаете, что сможете сейчас найти улики, которых полиция не нашла тогда, по горячим следам?

— Я хотел бы иметь представление об атмосфере. Кстати, это напомнило мне историю одного актера и дочери фермера, у которого он покупал яйца. Он ее увел...

— Убирайтесь! — оборвал он меня. — Вы мне не нужны... с меня хватит и язвы желудка.

— Хорошо, шеф!

Я вернулся в свою машину и поехал домой. Приехал я около половины двенадцатого, поставил на проигрыватель пластинку Джонни Холлидея и налил себе стакан.

«Затопаи меня слезами», — задыхаясь, умолял Джонни, и в тот момент это не представляло никаких затруднений. Впрочем, я всегда согласен с Джонни.

Зазвонил телефон. Я снял трубку и держал ее до тех пор, пока Джонни кончил, после чего сказал в микрофон:

— Это морг. Как, вы сказали, звали вашего мужа?

Короткое молчание, потом подозрительный голос спросил:

— Это лейтенант Уиллер?

— Дважды я! — Когда я слышу женский голос, я не могу не острить.

— Это Дженис Юргенс. Криминальная бригада дала мне ваш домашний телефон. Я надеюсь, что не очень потревожила вас своим звонком.

— Я надеюсь, что могу себя поздравить, — сказал я. — Вы чувствуете себя одинокой, вам опротивела жизнь? Вы жаждете любви? Призовите Уиллера, и все земные радости, все наслаждения...

— Лейтенант, прошу вас! — оборвала она сухим тоном. — Уже поздно, и я устала. Пола в ужасном нервном состоянии после этого отвратительного...

— Если речь только о делах, — сказал я так же сухо, —

у вас осталось ровно десять секунд, чтобы объяснить мне, с какой стати вы звоните среди ночи!

— Извините меня. Я не в своей тарелке, поверьте. Просто я подумала, продвигается ли ваше расследование, и если вы узнали что-нибудь насчет убийцы, это немного успокоило бы Полу.

— Пока ничего, но завтра, Бог даст, узнаю!

— Вы меня удивляете, лейтенант.

— Завтра утром я поеду в Лагуна Бич, может случиться, что там блеснет что-нибудь важное. Возможно, я найду недостающее мне доказательство, — сказал я с легкостью, которая появляется от долгой привычки ко лжи. — Главное доказательство, которое позволит мне поставить последнюю точку во всем деле.

— Потрясающе! — сказала она, слегка смягчившись.

— Слушайте-ка! — вскричал я, как будто внезапно пораженный мыслью, — если у вас завтра нет важных дел, поедem со мной! Прогуляйтесь.

— Нет, спасибо, — твердо ответила она. — Я вижу, о какого сорта прогулке вы думаете.

— Нет, вовсе нет... Ну, может быть, но...

— Спокойной ночи, лейтенант, — прервала она и повесила трубку.

Я взял свой стакан. «Я сегодня влюблен», — пел Джонни.

— Я тоже, мой ангел, — согласился я. — К несчастью, уже слишком поздно, чтобы вернуться к Кей Стейнвей.

Я поднял стакан и произнес молчаливый тост. Теперь в кровати!

Глава 7

Первым делом я поехал в полицейский комиссариат Лагуна Бич. Нарень, который занимался делом Меннинга три года назад, был как раз на работе. Это был лейтенант Монро, маленький, седоватый, с лицом, как бы вытесанным из камня.

— Конечно, лейтенант, — сказал он после того, как я более или менее объяснил ему цель моего визита, — буду счастлив оказать вам услугу, но не знаю, как.

— Как именно он покончил с собой?

— Он бросился с прибрежной скалы. Шестьдесят метров свободного падения, прежде чем разбиться. От него

мало чего осталось.— Он задумался.— А что вы, собственно, ищете?

— Сам не знаю. Убийство Джорджии Браун явно связано с этим самоубийством, но я не могу сказать, каким образом.

— Я вас отвезу туда, если это может оказаться вам полезным.

— Отличная идея,— сказал я.— Спасибо.

Мы поехали на «остине хелее». Прибыв на место, оставили машину на обочине и пошли по желтеющей траве до края скал. Я осторожно наклонился и увидел, как мне и говорил Монро, головокружительный отвесный спуск. Я посмотрел на волны, разбивающиеся о раздробленные скалы, и повернулся к Монро:

— Он не мог выбрать лучшего места.

— Да уж,— согласился Монро.

Мы снова сели в машину и проехали к обветшалому дому с облупившейся краской. За домом шел пологий спуск к пляжу.

— Вот здесь он жил,— объяснил Монро.— Хотите взглянуть?

— О, не думаю. Он вышел из дома, поднялся на вершину скалы и спрыгнул?

Монро кивнул:

— Да. Они хватились его только через два часа. У него был раут в это время.

— Кто «они»?

— Гости. Это, может быть, не совсем раут, но, во всяком случае, они всерьез клюкнули. Один из них видел, что Меннинг вышел через заднюю дверь около полуночи, но подумал, что тот просто вышел проветриться. Только к двум часам утра они забеспокоились, что он не возвращается.

— Ничего себе был вечерок!

— Воображаю. Меннинг славился сенсационными вечерами,— сказал Монро ядовито.

— Вы помните, кто у него был?

— Всего несколько человек. Это было вскоре после того, как девушка...

Я резко перебил:

— Я тоже знаю об этой истории. Малышка шестнадцати лет, у которой, возможно, было слабое сердце.

Он некоторое время смотрел на меня.

— По-видимому, вы хорошо осведомлены, лейтенант.

— Да, лейтенант,— ответил я.— Кто присутствовал на этом вечере?

Он минуту подумал:

— Давно это было, знаете. Я помню некоего продюсера, от вида которого мне становилось не по себе. Он был там.

— Котс?

— Да-да, Котс. Еще финансист Хиллари Блейн.

— И Кент Фарго?

— А, да, теперь вспомнил! Он тоже был. И даже та дама, которой вы занимаетесь, Джорджия Браун.

А Кей Стейнвей?

— Эта хваленая певица...

— Отличная, простите! — поправил я.

— Которая не умеет петь, во всяком случае.

— С этим я согласен. Она присутствовала?

— Нет. Было только пятеро, включая Меннинга.

— Больше никого?

— Я в этом уверен, лейтенант,— коротко ответил он.

Я взглянул в последний раз на дом, и мы поехали.

Монро закурил и слегка расслабился.

— Больше ничего, лейтенант?

— Девушка,— сказал я.— Расскажите о ней.

— Это дело деликатное,— сказал он осторожно.—

Я ведь только фараон, вы знаете, что это значит...

— Конечно. Я знаю, что дело замяли после того, как Меннинг бросился с этой скалы. Я задаю вам этот вопрос не для своего удовольствия, лейтенант.

— Тут неподалеку есть бар. Может быть, мы там остановимся?

— Я как раз подумал, что меня что-то беспокоит. Оказывается, просто у меня жажда.

Мы доехали до бара и устроились в боксе. Монро взял ром, а я — виски.

— Ее звали Джеральдина Морган,— начал Монро.— Она приехала из Луисвилля, Кентукки. Она выглядела гораздо старше своего возраста. После несчастного случая стало известно, что она сбежала из дому. Классическая история маленькой провинциалки, привлеченной блеском большого города и решившей туда приехать. Ничего оригинального.

Он отпил глоток рома.

— У меня есть дочь,— продолжал он.— Ей девятнадцать лет, и она собирается стать медсестрой. Когда произошла эта драма, ей было столько же, сколько маленькой

Морган. Мороз по коже, как подумаешь, что может случиться с красивой и совершенно беззащитной девчонкой.

— Думаю!

— Ее мать умерла. Старик работал в ночную смену. Была еще старшая сестра, лет двадцати, которая не часто бывала дома. Крошка приходила из школы в большинстве случаев в пустой дом. Денег не хватало, к тому же старик закладывал. В один прекрасный день девочке все это надоело, и она уехала.

Он допил свой стакан.

— Итак, она прибыла в солнечную Калифорнию и собиралась сниматься в кино, а пока что осталась без гроша и устроилась работать официанткой. Тут ее и встретил Меннинг.

Монро нерадостно засмеялся:

— История настолько избитая, что ее не стоит и слушать. Знаменитый актер и девчонка, верящая в Деда Мороза. Меннинг быстренько прибрал ее к рукам и каждый уик-энд увозил к себе в Лагуна Бич. По его настоянию она бросила свою работу официантки и перешла к нему экономкой. Она даже написала обо всем этом — или почти обо всем — своей сестре.

Она была уверена, что Меннинг даст ей шанс — устроит ей пробу и, если она подойдет, даст ей роль в своем будущем фильме. Она говорила всем и каждому, что если ее семья вздумает вмешаться, она покончит с собой. Это был для нее единственный, неожиданный случай, который она не собиралась упускать.

— Значит, ее семья ничего не сделала?

Он взглянул на меня:

— Не успели. Через четыре дня она умерла. Я был на дежурстве, когда нас известили. Я поехал на место и нашел Меннинга в халате, вдрызг пьяного. Малютка лежала на постели — он даже не догадался накинуть на нее простыню. Ему было наплевать на нее — он хотел только избежать скандала.

— У нее что-то было с сердцем?

— Возможно, — согласился он. — Врач что-то говорил о сердечном приступе. Хотя она была вся в синяках. Может быть, у Меннинга была несколько жестокая манера развлекаться, и может быть, ее сердцу это надоело, и оно забастовало. Я говорил об этом с врачом, наедине, конечно. «Вы знаете, почему умирают люди? — спросил он меня. — Потому что останавливается сердце. От этого она и умерла». Вы знаете, как я это назвал?

— Догадываюсь, убийством.

— Но я,— продолжал Монро,— только шпик, а не политик. Когда речь идет об обвинительном акте, меня не спрашивают. К тому же — как преследовать мертвого?

— Вам не нравился Меннинг? — спросил я.

— Меня от него рвало,— глухо сказал он.— Я познакомился с ним только в тот вечер. Представляете, каково было тем, кто его хорошо знал!

— А Джорджия Браун служила ему сводней? Мне говорили, что она подбирала ему молодых и невинных девушек, а потом держала свечку?

— Я не в курсе,— сказал он.— Я знаю только то, что видел в тот вечер.

— Лейтенант,— сказал я,— вы никогда не думали, что случилось бы с вами, если бы вы имели столько денег, что все было бы вам доступно, и если бы все окружающие только и думали об удовлетворении ваших капризов?

— Вы хотите сказать, что он был не хуже всякого другого, а все дело в условиях? — холодно спросил он.— Но вы не видели, как я, труп этой девчушки. Шестнадцать лет! Когда я подумаю, что моя дочь могла бы лежать на этой кровати!..

— Да, я понимаю вас. Но я все-таки рад, что именно я нажал на тот звонок.

— Какой звонок?

— На тот, который распылил Джорджию Браун,— ответил я.— Пошли, лейтенант?

В Пайн-Сити я вернулся уже за полдень. Я затормозил перед комиссариатом и поднялся в кабинет капитана Паркера.

— Великий Уиллер собственной персоной! — весело воскликнул Паркер, когда я вошел.— Спорю, что вы уже осветили все дело, Аль. Блесните, скажите мне, кто нанес удар.

— Хотел бы сказать...— ответил я.— Вчера я добился некоторых результатов, сегодня я почти или даже полностью вернулся к исходной точке. Если кто-нибудь снова взорвет бомбу, можно дойти до нуля.

— Вы меня разочаровали,— насмешливо сказал он.— Вы, сыщик-конформист, любимчик шерифа! Я поспешу рассказать об этом лейтенанту Хаммонду.

— Только не употребляйте слов длиннее, чем в один слог, а то он не поймет.

Я присел на край его стола и закурил.

— А что у вас?

— Мало чего,— ответил он.— Эта проклятая бомба задала нам работы. По мнению Макдональда, это очень простой механизм, который можно зажать в кулаке,— кубик. Его можно изготовить дома. На этот счет есть его рапорт.

Он указал на лист, отпечатанный на машинке.

— Вижу. Что-нибудь вроде «отличная маленькая коробочка с динамитом». Да, это заставит нас побегать!

— Я велел Полнику прекратить опросы жильцов и швейцара,— продолжал Паркер.— Это ничего не дало: они держатся прежних показаний. Лаверс сказал, что вы поехали в Лагуна Бич, чтобы разнюхать что-либо о самоубийстве Меннинга. Вы напали на что-нибудь интересное?

— Нет.

Я повторил вкратце, что говорил мне Монро, и передал суть моих интервью четырех особ, которых назвала Джорджия Браун.

— Симпатяга этот Меннинг! — сказал Паркер.

— Удивительно, что он жил так долго. Но, по словам Блейна, Джорджия Браун была еще лучшей штучкой.

— Н-да... — Паркер перестал улыбаться.— Эта история начинает меня всерьез раздражать, Аль. Начать с мотком нитей в руках и прийти буквально ни к чему!

— Ну, не совсем так. Ладно, я пошел. Увидимся по ходу событий.

Я вышел из комиссариата и вернулся домой. Было ровно шесть часов. Я чувствовал, что должен активно действовать, подвергнуть себя опасности, но не знал, с чего начать. Требовалось принять меры, но никто мне не уточнил, какие.

Я поставил пластинку Поля и позволил его многочисленным гитарным переборам поработать на моем позвоночнике. Это лучше всякого массажа, но тем не менее оно не дало мне того вдохновения, в котором я нуждался. Внезапно зазвонил телефон.

Это наверняка Лаверс, а я не чувствовал в себе юмора, позволявшего переносить Лаверса. Я снял трубку и произнес:

— Мы сожалеем, сэр, но мы не понимаем, как он мог сесть! Он лежал нормально, когда мы клали его в гроб...

— Мне надо поговорить с лейтенантом Уиллером! — вскричал резкий голос.— Скажите ему, что мне обязательно нужно. Это... ужасно срочно.

Я закрыл глаза и увидел подсиненные волны волос, нежно передвигаемые на место.

— Лейтенант Уиллер слушает,— сказал я.— Мистер Котс?

— Да. Я так рад, что нашел вас! Вы просили меня позвонить, если что-нибудь произойдет.

— С вами что-нибудь случилось?

— Мне нужна защита,— ответил он прерывающимся голосом.— Мне нужна полицейская защита, я ее требую! — В нем, казалось, поднимался ужас.— Мне угрожают смертью! Они сейчас придут! Приезжайте сейчас же, лейтенант! Немедленно! Вы понимаете?

— Спокойно,— сказал я.— В чем дело? Кто вам угрожал и кто должен прийти к вам?

— Я не могу сказать по телефону,— его голос понизился до шепота,— но вы должны приехать сейчас же. Я требую защиты полиции, вы меня слышите?

— Я должен отойти от трубки на триста метров, чтобы не слышать вас! Барабанные перепонки, знаете, не так-то легко заменить!

Он повесил трубку.

— Фигляр! — бросил я в аппарат, прежде чем положить трубку в свою очередь.

Я налил себе выпить и подумал минутку. Раз мне все равно нечего делать, поеду к нему, посмотрю, что с ним. Может, он пьян, или... Предположений может быть навалом... Есть одно простое средство удостовериться...

Я опустошил стакан, вышел и сел в машину.

Мне понадобилось пять минут, чтобы припарковаться. До его отеля оставалось сто метров. Я пошел пешком, думая, что самое меньшее, что может сделать Котс, когда я приду,— это предложить мне стаканчик.

Я пересек холл и поднялся в лифте. Дошел по коридору до его комнаты и постучал. Молчание. Я постучал снова. Подождал. Опять ничего. Я возрадовался, что тут нет звонка, на который я мог нажать. Для человека хватит одной бомбы в жизни. Потом меня осенило, и я повернул ручку. Дверь открылась самым обычным образом.

Я вошел, ощупью нашел выключатель и нажал. Комната ожила. За одним исключением.

Норман Котс...

Он лежал поперек кровати с широко раскрытыми глазами, но они не видели потолка. Я осторожно приблизился и осмотрел его. Он отведал две пули в грудь, и его шелковый халат уже никогда не будет прежним.

Я направился к телефону и взял трубку через платок. Вызвал Криминальную и спросил, не там ли еще Паркер.

Он был там. Пока меня соединяли с ним, я машинально подумал, как это дело отразится на моей совести.

— Паркер! — сказал радостный голос мне в ухо.

— Аль Уиллер, — сказал я. — Я в номере отеля Котса. Его ухлопали.

Я дал номер телефона комнаты и адрес отеля.

— Когда это случилось?

Я посмотрел на часы:

— Никак не больше получаса тому назад. Он мне звонил в шесть пятнадцать.

— Чего он хотел?

— Защиты полиции. Ему угрожали. Его хотели убить. Поэтому я и приехал.

В трубке я слышал только слабое жужжание.

— Вы слушаете? — спросил я.

— Я просто спрашиваю себя, Аль, почему вы не позволили мне тотчас же. Мы могли бы послать ему одного или двух парней в течение десяти минут.

— Он казался пьяным, — ответил я, — и я не принял его слова всерьез.

— Очень досадно, Аль, — сказал он серьезно.

— Полагаю, что да, — холодно ответил я. — Вы пошлете кого-нибудь, а?

— Немедленно. Вы подождите там, чтобы взять расследование в свои руки.

— Меня здесь не будет, — сказал я.

— Но...

Я поспешно прервал:

— Кто-то убил Джорджию Браун, чтобы помешать ей говорить. Полагаю, что Котса убили по тем же причинам. Кто знает, не собираются ли совершить еще два убийства? Если я не ошибся и буду действовать быстро, я помешаю им хотя бы в одном случае.

— Аль! — рыкнул он. — Что вы болтаете, господа? Для чего, по-вашему, существует Криминальная бригада? За кого вы нас прини...

Я повесил трубку, не дослушав, и быстро огляделся вокруг. Ящики стола были опустошены, и их содержимое валялось на полу. Шкаф раскрыт настежь; костюмы, висевшие там, были полностью разодраны. Три чемодана пусты и разломаны. Интересно, нашел ли убийца то, что искал?

Я бросил последний взгляд на Котса. Он смотрел на меня, не видя. Его подсиненная завивка была теперь непоправимо испорчена.

На этот раз я не стал стучать у входной двери, а прошел прямо к portalу патио и прислушался. Я услышал плеск. Портал не был заперт.

Я вошел, закрыл за собой дверь и повернул ключ, потом направился к бассейну.

Я опоздал на три секунды: она уже вышла из воды и завязывала пояс своего купального халата.

— А, наш дальнотзоркий полисмен! — сказала она, широко улыбаясь. — Я чувствовала, что вы придете, Аль.

— И что вы делали? — спросил я. — Надеюсь, что вы хандрили.

— Я просто плавала. Пойдемте, я дам вам выпить.

Мы прошли в дверь-окно и подошли к бару.

— Виски, насколько я помню?

— С капелькой содовой. Скажите, вы никогда ничего не носите под этим халатом?

Она сделала гримасу, наливая стаканы.

— Не знаю, зачем бы мне об этом говорить. Ну, ладно... но с условием: я хочу знать, от какого имени уменьшительное Аль.

— Какая важность? Как вы провели время? Весь день, вчерашний вечер...

Она обогнула бар и стала передо мной, слегка надув губы:

— Я начала думать, что вы больше не интересуетесь мной.

Ее пальцы стали развязывать пояс. Зазвонил телефон.

— Черт возьми! — сказала она и взяла трубку.

Я прислонился к бару и взял стакан.

— Да? — сказала она басом. — Да, это Кей Стейнвей. Кто? О! Как поживаете? Что вы сказали? Я вам не звонила... Но... Клянусь, что нет! Я никогда не сделала бы такой глупости... я абсолютно ничего не знаю о... Послушайте... Алло!

Она подула в трубку, но безрезультатно, и вернулась ко мне с озабоченным лицом.

— Он повесил трубку, — утрюмо сказала она.

— Кто?

— Ошибка, я думаю, — ответила она. — Мне надо выпить.

Она подняла свой стакан.

— На чем мы остановились?

— Что я больше вами не интересуюсь.

Ее лицо осветилось:

— Ах, да, вспомнила! Я собиралась подвергнуть вас «тесту Стейнвей». Безошибочно, знаете! Смотрите!

Театральным жестом она распахнула халат. Под ним был полосатый купальник, облегающий ее, как перчатка. Кому интересны перчатки?

— Это купальник,— сказал я,— чтобы купаться при людях.

— Вы шутник, Аль. Но подождите, это не все.

Она положила халат на стойку бара, подошла ко мне, прижалась спиной и стала ритмично поводить плечами, ласково мурлыкая. Мурлыканье стало настойчивее, и я заглянул ей в глаза. Теперь глаза были зеленые, с намеком на серое, покорные, слегка потерянные.

Она хрипло пробормотала:

— Не стойте столбом; делайте что-нибудь!

— Я не допил свой стакан,— любезно ответил я.

Она отошла, сузила глаза:

— Вы сегодня сильно сопротивляетесь, Аль. Но вы еще не прошли финальный тест.

Быстрым движением она спустила купальник, осторожно вышагнула из него, положила руки на бедра и посмотрела на меня, откинув голову.

Где-то я уже видел такое.

И я вспомнил. Это была поза номер два в непристойных журналах, этих дрянных отдушинах в одинокие юношеские ночи.

— Вы, кажется, ослабели, лейтенант,— сказала она вполголоса.

Я схватил ее одной рукой за плечи, другой — под коленки и поднял. Она обняла меня за шею, и ее мурлыканье выражало на этот раз безграничное одобрение.

Я перешагнул с ней на руках дверь-окно, подошел к краю бассейна и бросил. Она приводнилась на свою корму и исчезла, подняв целый сноп брызг.

Через пять секунд ее голова показалась на поверхности. Глаза сверкали ненавистью.

— Я знал, что вы хорошо плаваете,— сказал я спокойно,— но этот нырок!.. Это было что-то особенное!

Она подтянулась за край, выложенный плиткой, одним гибким движением очутилась на ногах и медленно направилась ко мне, скрючив пальцы.

— Я убью вас...— начала она.

— Внимание! Я возвращаю удары. Даже женщинам!

Она резко повернулась и бросилась в дом. Я последовал

за ней и нагнал ее в гостиную. Она взяла с бара халат, надела и туго завязала пояс, потом зашла за стойку и налила себе.

— Влюбленная,— сказала она саркастически.— Хорошо же я выгляжу!

— Нужно признать, что этот стаканчик вам необходим! Кей опустошила его и налила снова.

— Мне нужен не один стаканчик, Аль, а по крайней мере дюжина.

— Так кто вам звонил? Так называемый ошибочный?

— Кто-то. В справочнике моего номера нет, но его все-таки находят. Вот что значит показывать свои прелести на большом экране.

— Нормана Котса убили сегодня вечером,— сказал я.— Не более часа тому назад.

Стакан ее резко качнулся, и отличное виски пролилось на стойку.

— Вы шутите,— выдохнула она.

— Нет,— сухо ответил я.— Я думаю, ему позвонили как раз перед этим. Затем он позвонил мне, требуя защиты полиции, но я приехал слишком поздно. «Они сейчас приедут,— сказал он,— они меня убьют».

Она поднесла руку к горлу.

— Я вам не верю. Вы меня разыгрываете.

Она увидела что-то за моим плечом, ее зрачки расширились, как у Котса, когда он устремил их в потолок у себя в комнате.

— Он прав, куколка,— вмешался жесткий голос.— Это ты начала своим чертовым звонком.

Мой 38-й в кобуре под пиджаком внезапно показался мне тяжелым и бесполезным. Я медленно повернулся, держа руки на стойке бара.

Кент Фарго держал в руке пушку. Рядом стоял тонкий молодой человек, Чарли Дун, тоже с револьвером.

— Я звонил с той стороны улицы,— объяснил Фарго.— Думаю, ты не ждала меня так быстро.— Он посмотрел на меня.— Я вижу, у тебя гость.

— Кент,— нервно сказала Кей,— я никогда вам не звонила, я не знаю, что вы хотите этим сказать.

— Не болтай вздора,— возразил он раздраженно.— Я не люблю, когда из меня пытаются сделать дурака. У тебя еще есть шанс. Где ЭТО?

— Я вам сказала, что не знаю.

Фарго пожал плечами.

— Хорошо, если ты хочешь неприятностей, то мне все равно. Ты видела близко пальцы Чарли?

Дун протянул пальцы правой руки. Его глаза заблестели. Пальцы были длинные, тонкие, почти изящные.

— Чарли — артист, — продолжал Фарго. — Парень что надо, чтобы сыграть арию на «Стейнвее»¹.

Дун сунул свое оружие в карман и небрежно двинулся к Кей. Она отступала, пока ее не остановила стена в глубине бара.

— Спектакль бесплатный, Уиллер, — сказал Кент, — но не забывайте, что вы только публика. Если вы вздумаете войти в труппу, я вас отправлю в морг.

— Вы увидите, что я могу играть второстепенных героев, — сказал я, — с двумя страховыми премиями!

— Bravo, — согласился Фарго с улыбкой. — Ведите себя разумно, и у вас будет шанс выжить.

— Вы позволите мне выпить? Я нервничаю, когда слышу крики.

— Почему нет? — сказал он добродушно.

Дун приблизился к стойке и посмотрел на Кей.

— Я хочу запомнить твое лицо, милочка, — сказал он ласково, — потому что ты никогда уже не будешь такой.

Кей застонала от ужаса; ее глаза стали стеклянными.

— Почему вы не хотите мне верить? — шептала она. — Я вам сказала правду.

— То же самое говорил и Котс, — сказал Фарго с презрительным смешком. — Гляди, что с ним случилось, — а он говорил правду! Ты более везучая, чем Котс, — у тебя еще остается шанс.

Дун обогнул бар и приблизился к Кей. Он повернулся ко мне спиной, когда я держал в руке бутылку виски. Его пальцы вцепились в отвороты халата Кей и одним движением разорвали его сверху донизу. Он посмотрел на нее с нескрываемым восхищением:

— И подумать только, что Кент мне еще заплатит за это! — сказал он.

Его пальцы начали действовать, и Кей дико закричала от боли.

Мои пальцы сжались на горлышке бутылки, и я бросил ее в голову. Фарго, одновременно опрокинув свой табурет.

Падая, я дважды перекрутился вокруг себя, извлекая свой 38-й из кобуры, и услышал грохот пистолета Фарго.

---

¹ «Стейнвей» — марка пианино. — *Примеч. перев.*

Пуля вонзилась в пол в тридцати сантиметрах от моей головы. Отлетевшая щепка оцарапала мне щеку. Я встал на колени, прижал руку к солнечному сплетению, чтобы дать опору пистолету, и выстрелил.

Фарго уронил свою пушку и откинулся назад, схватившись правой рукой за плечо. Я услышал, как опять закричала Кей, и повернулся в ту сторону.

Дун отбросил ее к стене и повернулся ко мне с оружием в руке. Мы выстрелили одновременно. Что-то врезалось мне в верхушку черепа, и все лампы погасли.

Я поднял веки и увидел угрюмые серые глаза, из которых исчез всякий след зелени.

— Я уж думала, что вы умерли, — сказала она дрожащим голосом.

— Я тоже, — пробормотал я.

Я с трудом сел и осторожно потрогал затылок. Пальцы стали липкими.

— Я думаю, пуля только скользнула вам по вершинке, — сказала Кей. — Я вам сделала компресс, кровоточит не очень сильно, но доктор вот-вот подойдет.

— Мне заняться тем типом? — спросил я.

— Этим? — она вздрогнула. — По-моему, он мертв. Вы угодили ему прямо между глаз, Аль. Вы так и хотели?

— Я не слишком целился. Я всегда считал, что нужна чертовская удача, чтобы сделать что-то с 38-м. А Фарго?

— Он удрал. Вы попали в него своим первым выстрелом, и он не стал дожидаться второго, — ее губы слегка вздрогнули. — Я не думала, что он такой трус.

— Вас, во всяком случае, в этом не обвинишь!

Она помогла мне подняться. Комната закружилась, потом стабилизировалась.

— Я вызвала полицию, — сказала Кей. — Они приедут.

— Сколько времени я валялся?

— Пять минут самое большое.

— Бутылка виски разбилась?

— Есть другая. Хотите выпить глоток?

— Аминь.

Она подошла к бару, но постаралась не оглядывать его. Я прошел за стойку и понял, почему.

Чарли Дун лежал не совсем удобно. Он упал на колени, а его голова уперлась во внутреннюю стенку бара. Я осторожно потянул его за ворот пиджака. Он опрокинулся назад и вытянулся во всю длину с немного удивленным видом. Кей была права. Я попал ему между глаз.

Я вернулся на другую сторону стойки и взял приготовленный Кей стакан. Я заглотил две трети, когда явились парни, ведомые сержантом Полником. Позади шел Мурфи, врач, который схватил меня за уши, чтобы заставить наклонить голову.

— Ха! — сказал он. — Это лучше, чем я думал, закаленная сталь! Пуля отскочила!

— Там, за баром, покойник, — сказал я, освободившись от его тяжких объятий, — идите, нападайте на него: он не может ответить.

Мурфи сделал несколько шагов, потом резко остановился и указал на стакан:

— Это виски? — Он вытянул содержимое одним глотком и ответил сам себе: — Оно самое.

— Я рад, что вы живы, лейтенант, — сказал Полник. — Капитан еще в отеле по поводу Котса. Он сказал, что приедет, как только сможет.

— Достаньте ордер на арест Кента Фарго, — сказал я ему. — За убийство Котса и попытку убийства Кей Стейнвей.

Полник сглотнул:

— Вы уверены, лейтенант? Я хочу сказать, эта царапина на голове... может быть...

— Я столь же в здравом уме, сколь и вы, — ответил я, — и эта царапина не имеет никакого значения. Действуйте.

Он направился к телефону. В это время голова Мурфи неожиданно вынырнула из-за стойки.

— Впервые вижу подвижный труп, — сказал я ему.

— Я еще не настолько мертв, чтобы отказаться от стаканчика, — хихикнул он и потянулся за бутылкой.

Я закурил и стал ждать, пока Полник кончит разговор по телефону.

— Поеду к Фарго, — сказал я, — он, возможно, вернулся домой. Когда капитан Паркер прибудет, скажите ему, где я, и пусть он поставит здесь охрану на случай, если Фарго вернется.

— Слушаюсь, лейтенант.

Я направился к двери-окну, но меня ухватила Кей.

— Я должна поблагодарить вас, вы спасли мне жизнь, — взволнованно сказала она.

— В следующий раз, когда вы будете звать фараона, — сказал я, — зовите любого, кроме меня.

— Вернитесь, когда найдете Фарго, — сказала она, —

тогда я смогу поблагодарить вас как следует... если вы опять не бросите меня в бассейн.

Ее глаза опять отливали зеленью. Когда она больше не будет сниматься в кино, она всегда сможет работать сигнальным огнем — только чуть неправильным.

— Моя мама всегда предостерегала меня против девушек вашего сорта, — ответил я. — А я целыми ночами томился, думая, что никогда с ними не встречу!

Глава 9

Я услышал трезвон и отошел от двери, сжимая в руке П-38. Наконец дверь открылась, и появилась серебряная блондинка. В этот раз я назвал бы ее так: серебряная. Температура немного упала, и она накинула пестрый пуловер, резко контрастирующий с золотым бикини, но теперь не более четырнадцати карат.

Она взглянула на меня, увидела пистолет, и ее глаза чуть заметно расширились.

— Вы хотите напугать меня?

— Фарго там?

— Он уехал три часа назад. Вы хотите его видеть, или как?

— Или как, — сказал я. — Я буду его ждать.

Она заколебалась:

— Я не уверена, что Кенту это понравится.

— А я уверен. — Я небрежно двинул рукой так, чтобы 38-й был направлен на ее незащищенный пупок. — Вы будете умницей, да?

Она проглотила слюну.

— Это не в моем жанре, — возразила она, — но и спорить со шпиком с пушкой тоже не мой жанр!

Она оказалась достаточно разумной и попятилась. Я вошел за ней и заботливо закрыл дверь. Затем я осмотрел всю квартиру: гигантскую гостиную, столовую с телевизором, вделанным в стену, полностью автоматизированную кухню, ванную, которая заставила бы самого Нерона пиликать на виоле целый день, две спальни и комнату, служившую Фарго кабинетом.

Фарго в квартире не было.

Я вернулся в гостиную и нашел серебряную блондинку у бара.

— Я вам сказала, что его нет, — торжествовала она. — Хотите выпить? Хотите еще чего-нибудь?

— Я охотно выпью стаканчик и буду ждать Кента.

— Он будет недоволен. Выпьете чинзано?

Она налила стаканы. Потом посмотрела на меня поверх своего стакана:

— Что он сделал? — спросила она.

— Кто? Фарго?

— Не прикидывайтесь! Вы всегда приносите неприятные вести и отлично это знаете. Значит, он что-то сделал. Он был вне себя от ярости, когда поехал отсюда и взял с собой Чарли. — Она вздрогнула. — А этот парень не больно сговорчивый.

— Теперь его уже никто не уговорит.

— Как это?

— Он умер.

Она поперхнулась своим чинзано.

— Умер?

— Да, небольшая дискуссия... Фарго драпанул, обвиняемый в убийстве. Не оставайтесь в его лагере, милочка, не советую.

— Проклятие! — сказала она холодно. — Что мне теперь делать?

— Не знаю. Боюсь, что вы мне не по средствам, крошка.

— Меня зовут Тони, — машинально сказала она.

— У вас случайно нет сестры-двойняшки?

— Нет, почему вы спрашиваете?

— Просто так. Если Фарго вернется сюда, вы пойдете ему открывать, а я стану позади вас со своей хлопушкой.

— У него свой ключ.

— Можно наложить цепочку. Он будет вынужден позвонить. Я сейчас сам сделаю.

Я направился к двери и наложил цепочку, потом вернулся и стал рассматривать тропических рыбок. Они умнее людей — никуда не уходят и никуда не спешат.

— Ну и Фарго! — сказала Тони. — Он уверял, что все устроит, и я поверила.

— Видимо, он не смог, — заметил я. — Может, ему помешало что-нибудь. Или кто-нибудь.

— Он чокнутый, ей-Богу, — сказала она. — Не злой, как Чарли, но все равно чокнутый. Вы представляете, волочить-ся за этой ханжой столько времени!

— За какой ханжой?

— Когда эта дерьмовая актриса его бросила, он так и не оправился. Это невероятно! Он чуть не ревел вчера после вашего ухода, когда вы ему рассказали эту историю.

Я отвернулся от рыбок и взглянул на нее.

— Вы говорите о Джорджии Браун?

— Конечно, не о папе римском.

Она снова налила себе чинзано.

— Я не знал, что он был в нее влюблен.

— Он долгое время и сам не знал. Он то ругал ее по-всякому, то сидел и смотрел на ее фотографию, не обращая внимания, что я тут. Я ему говорила, чтобы он решил раз и навсегда, кто она: то она девка, шлюха, которая ему изменяла, а через минуту — единственная краля, которую он по-настоящему любил. Меня тошнило от этого!

Я взял свой стакан и ликвидировал жидкость.

— Пойду загляну в его кабинет, — сказал я.

Она пожала плечами:

— Будьте как дома.

— Вам лучше пойти со мной.

— Зачем?

— Мне одному будет скучно — и вы можете снять цепочку.

— Я? — Она покачала головой. — Для Кента Фарго? Вы принимаете меня за его собачку?

— Пойдем держась за руки.

— Ладно.

Она взяла в одну руку стакан, в другую — бутылку. Я пропустил ее вперед. Второй раз я видел, как действовали ее четырнадцатикаратные бедра. В первый раз я их не переоценил.

Мы прошли в кабинет Фарго, и я сел за его стол. Тони устроилась в кресле напротив меня, скрестив длинные ноги. Она отвлекала меня от работы, за что я был ей признателен.

Я начал с первого ящика стола, затем осмотрел второй и третий, но ничего интересного не нашел. Я открыл последний, когда в дверь позвонили.

Стакан Тони приземлился на толстый ковер, на котором стало расплываться большое пятно.

— А если у него пушка? — сказала она хрипло.

Я успокоил ее:

— Не волнуйтесь, девочка. Я буду позади вас...

— Иначе говоря, он должен будет пристрелить меня, чтобы добраться до вас! — захныкала она.

— Идите, откройте. Вы же не хотите, чтобы он потерял терпение и озлился?

Она встала и пошла передо мной неровным шагом.

Около двери я встал сбоку и дулом моего 38-го сделал знак, чтобы она открыла.

Тони сняла цепочку, когда снова раздался настойчивый трезвон. Она зажмурилась и открыла дверь.

— Я хотел бы видеть лейтенанта... — Фраза, начатая четко и ясно, вытянулась и закончилась молчанием. — Это вы? — каркнул тот же голос.

— Входите, Полник, — сказал я, убирая оружие.

Сержант вошел в холл. Тони поспешно закрыла дверь и водворила цепочку на место.

Полник поглядел на нее еще раз, потом повернулся ко мне:

— Хотел бы я одеть мою хозяйку в такой костюм и провести вокруг квартала.

— Чтобы все восхищались?

— Может быть, она бы не вернулась, — просто ответил он. — У меня для вас поручение от капитана, лейтенант.

— Хорошо, но не сейчас, я занят. Оставайтесь здесь и не спускайте глаз с Тони.

— Это она — Тони? — спросил он, указывая большим пальцем на серебряную блондинку.

— Она.

— Не спешите, лейтенант, — сказал он. — Занимайтесь хоть всю ночь, если нужно.

Я вернулся в кабинет Фарго атаковать четвертый ящик. Я выгреб содержимое, разложил перед собой, закурил и открыл первую папку. Видимо, я попал в точку; во всяком случае я нашел кое-что интересное.

Папка содержала вырезки из газет трехлетней давности, касавшиеся самоубийства Меннинга. Я их внимательно прочел. Все они содержали почти одни и те же факты. Ничего нового я из них не узнал.

Я докурил сигарету и собирался прикурить от нее другую, как услышал покашливание. Я поднял глаза и увидел на пороге смущенного Полника.

— Извиняюсь, лейтенант, но я вспомнил, что говорил капитан. Он сказал, что это очень важно.

— Что же?

— Он сказал, что вернется в кабинет шерифа и что вы должны сейчас же идти туда же. Он сказал, что это приказ Лаверса и что вам лучше его не раздражать.

— Спасибо.

Он заколебался.

— Эта блондинка, Тони, спросила, не хочу ли я выпить стаканчик.

— А вы хотите?

— Ну.— Он облизал губы.— Но я сказал, что сначала спрошу вас.

— Я не возражаю. Принесите заодно и мне.

— Спасибо, лейтенант.

Через минуту он снова появился и поставил передо мной стакан.

— Вы думаете, что Фарго придет сюда? — спросил он.

— Не обязательно; но лучше оставаться здесь, чтобы быть уверенным.

— Вы совершенно правы, лейтенант! — с энтузиазмом одобрил он.— Вы знаете, что Тони раньше работала в бурлеске?

— Ничего об этом не знал,— ответил я как мог серьезнее.

— Ну, да. Она собиралась мне обо всем рассказать.

— Ладно, возвращайтесь туда. Вы не хотите ни крошки упустить, я полагаю?

— Нет, лейтенант,— горячо воскликнул он.— Вы знаете, лейтенант, мне очень нравится работать с вами. Кто, кроме вас, мог бы достать мне такую шикарную девочку? У меня внутри щемит, когда я думаю, что вы должны отсюда смотаться.

— Спасибо,— сказал я машинально и тут же спохватился: — Что-что?

— Ну, так сказал капитан.— Он посмотрел на меня с несчастным видом.— Я ведь не мог заткнуть себе уши!

— Что именно сказал капитан?

— Он сказал, что если бы вы делали все, как надо,— извините за выражение, лейтенант,— то упомянутый Котс не был бы прихлопнут. И еще сказал, что если бы вы сказали, куда идете, он бы велел наблюдать за домом той девчурки Стейнвей, и Фарго взяли бы, как миленького.

— Возможно, капитан прав,— должен был согласиться я.— Почему бы вам не попросить Тони станцевать для вас танец живота, смешанный с ча-ча-ча?

Его глаза заблестели.

— Идет! Я пошел, лейтенант.

— Если она на это способна, я бы на вашем месте потихоньку удрал, пока она не продемонстрировала,— добавил я.

Но Полник уже исчез. Я просмотрел последние вырезки.

Минуты через две я наконец напал на одну вещь. Статья

о смерти Джеральдины Морган, девочки шестнадцати лет, у которой, возможно, было слабое сердце.

Заметка была опубликована за неделю до самоубийства Меннинга. Там не было никакого намека ни на Меннинга, ни на то, что она умерла в его доме. Это была одна колонка на пятой странице. Автор — вероятно, женщина — играла на сентиментальных струнах, и очень сильно. Она описывала надежды и стремления маленькой провинциалки, приехавшей в город Фабрикантов Иллюзий, чтобы найти там свой путь. И очень скоро Смерть оборвала ее мечты... Далее шли два отрывка из писем, которые она писала своей старшей сестре, где говорила, какой чудесной ей кажется жизнь в Голливуде. Письма были как раз такие, каких можно ожидать от шестнадцатилетней девочки, которую ничего не стоило поразить: достаточно проехать по модным местам. Было упомянуто, что она провела уик-энд в Лагуна Бич, но не уточнялось, с кем.

Я дочитал статью и взял свой стакан. У меня сжало горло, когда я сделал глоток. Я понял, что это моя вина: надо было уточнить, что я хотел выпить. Полник принес мне чистого джина.

Я взял другую вырезку из того же номера газеты, что и статья о Джеральдине Морган. Это были два мутных фото, вырезанных из шестой страницы под рубрикой «События недели».

Заголовок: «Смерть оборвала мечты». Подпись под первой фотографией: «Молодая умершая, Джеральдина Морган, 16 лет. См. стр. 5, пятую колонку». Подпись под второй фотографией: «Мэнди Морган, старшая сестра Джеральдины».

Я внимательно разглядывал второе клише. Чем больше я смотрел на это лицо, тем больше оно казалось мне знакомым. Я сложил обе вырезки и сунул в карман. Потом вернулся в гостиную.

Полник удобно устроился в кресле с громадным стаканом джина в одной руке и еще более громадной сигарой в другой. На лице его было написано блаженство.

Тони тихонько покачивалась перед ним на собственном фундаменте.

— Понимаете, — говорила она, чуть ворочая языком, — на этой набедренной повязке было нечто вроде бахромы, и когда я танцевала танец живота...

— Мне жаль, что я прерываю вас, — сказал я наполовину искренне.

Полник посмотрел на меня, поморгал и поспешно встал:

— Что прикажете, лейтенант?

— Я сейчас уеду,— сказал я,— а вы оставайтесь здесь в засаде и ждите.

— Слушаюсь, лейтенант! — ответил он с энтузиазмом.— Вы сейчас едете в бюро шерифа?

— Не думаю.

— Но что же я скажу, если капитан позвонит? — обеспокоенно спросил он.

— Скажите ему... что я, возможно, не приеду.

Я взглянул на аквариумы. Мне показалось, что что-то изменилось, когда я вернулся в гостиную. Теперь я осознал: тропические рыбки больше не плавали.

— Что случилось с рыбками? — спросил я.

Тони громко закудаhtала.

— Я их усыпила,— сказала она, указывая на пустую бутылку из-под джина.— У меня из-за них кружилась голова, когда они плавали по кругу.— Ее взгляд стал ледяным.— Фарго взбесится,— добавила она зловеще.

Глава 10

В половине одиннадцатого я припарковался у Стерлинг-отеля. Я дошел до апартаментов Дженис Юргенс и постучал. Она открыла не сразу и, открыв, не выразила удовольствия при виде меня.

— Вы никогда не отвяжетесь? — раздраженно вскричала она.— Как нам от вас избавиться? Просить защиты у полиции?

— Вы скрытничали,— с упреком сказал я,— не правда ли... Мэнди?

Она плотнее запахнула халат, и ее глаза внезапно застыли.

— Я не знаю, о чем вы говорите,— сказала она.

— Разрешите войти, и я объясню,— ответил я.

Она посторонилась и пропустила меня в комнату. Остановившись у письменного стола, она повернулась ко мне:

— Вы, должно быть, не в ударе, лейтенант. Вы меня больше не забавляете.

Я вынул из кармана газетные вырезки и показал ей фотографии. Она смотрела на них несколько секунд, потом медленно подняла голову.

— Мэнди Морган, Дженис Юргенс — имена разные, но не настолько.

Она подошла к окну и раскрыла его настежь, как будто

ей не хватало воздуха. Она стояла неподвижно, спиной ко мне.

— Когда вы сменили имя? — спросил я. — Сразу после смерти вашей сестры?

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — ответила она, задыхаясь.

— Даже на скверном газетном фото трехлетней давности я узнал в вас Мэнди Морган, — устало сказал я. — Если вы предпочитаете молчать, я не против. Нетрудно найти в Луисвилле кого-нибудь, кто вас узнает. Например, ваш отец.

— Он умер, — угрюмо объявила она, — он умер два года назад, попав под машину. Пьян был, конечно.

— Это уже лучше. Вы — Мэнди Морган.

— Да. — Она отошла от окна и приблизилась к столу. — Я Мэнди Морган.

— Зачем вы трудились менять имя?

— Мне все опротивело. Опротивело жить в Луисвилле, осточертело видеть вечно пьяного отца... Да еще Джеральдину убили! Я хотела начать все с нуля, не иметь ничего общего с прошлым, даже со своим именем. Я уехала в Нью-Йорк и стала Дженис Юргенс.

Я сел в ближайшее кресло и слегка дотронулся до лба. Он был какой-то липкий у корней волос.

— Рассказывайте дальше, — попросил я.

Она села за стол и закурила.

— Что я вам могу еще сказать?

— Все что угодно, даже если это вам кажется несущественным.

Она машинально трогала клавиши пишущей машинки.

— Я кончила курсы секретарей и некоторое время работала в агентстве. В этом агентстве Пола отыскала продюсера для своей телепередачи. Я часто виделась с ней тогда. Она вечно торчала в бюро или звонила туда. Когда ее программа наконец подошла к концу, она предложила мне стать ее секретаршей. Она платила больше, чем агентству, и работа была интересней. И я приняла ее предложение.

Я снова взглянул на вырезки:

— Как случилось, что одна газета Лос-Анджелеса опубликовала письма, написанные вам Джеральдиной?

— Один из инспекторов, занятых расследованием, приехал в Луисвилль и допросил меня. Видимо, он и рассказал о них газете.

— Вы помните его имя?

Она задумалась:

— Лейтенант, очень милый... Кажется, Монро.

Я мягко спросил:

— Он вам сказал, как умерла ваша сестра?

— Он сказал, что она была убита,— бесстрастно ответила она.— Он рассказал мне о Ли Меннинге и его уик-эндах в Лагуна Бич. Это явилось для меня дополнительной причиной для перемены имени. Я чувствовала себя замаранной.

— В конце концов Меннинг поплатился,— сказал я.— Он покончил с собой через неделю после смерти вашей сестры.

— Я знаю.

— Но кое-кто не поплатился. Джорджия Браун.

— Что вы хотите сказать?

Я встал, подошел к столу и посмотрел ей в глаза:

— Вы знали, кто была Джорджия Браун, не так ли?

— Звезда кино,— ответила Дженис, отводя взгляд.— Все это знали.

— Но не все знали, что существовала сводня между Меннингом и вашей сестрой. И не все знали, что этой сводней была Джорджия Браун. Она была во всех отношениях гораздо хуже Меннинга. Она хладнокровно торговала девушками типа вашей сестры, и даже не ради денег, а из порочности. Монро это знал и, если он говорил вам о Меннинге, он говорил и о Джорджии.

— Куда вы клоните, лейтенант? — спросила она терпко.

Что бы я дал за то, чтобы хлебнуть глоточек...

— Я разговаривал с лейтенантом Монро сегодня утром. Ему можно позвонить, и он вспомнит, говорил ли он вам о Джорджии Браун.

— Ладно! — бросила она.— Он действительно говорил о Джорджии Браун. Ну и что из того?

— В руководстве по составлению настоящего детектива перечислены некоторые основные правила: например, в преступлении сначала надо искать мотивы и возможности. Джорджия назвала Поле имена четырех особ, которых она предполагала разоблачить и у которых были причины ее устранить; я пошел по следам четырех подозреваемых, имеющих мотивы. Но я пренебрег рассмотрением вопроса о возможностях.

— Вы собираетесь наказать меня лекцией? — спросила она устало.

— Она не будет длинной, не беспокойтесь. Если бы я своевременно подумал о возможностях, я был бы избав-

лен от разочарований. Я должен был помнить, что вы и Пола порознь уверяли меня, что только вы с ней знали, где находится Джорджия Браун.

— Вы стараетесь что-то доказать?

— Я думаю, что уже доказал. Я должен был подумать о том, что вы обе имели возможность убить Джорджию Браун. Теперь поговорим о мотивах. Какую причину могла иметь Пола? Она рассчитывала на участие Джорджии в телепрограмме, чтобы увеличить число своих телезрителей и свой престиж; значит, она никак не могла желать смерти Джорджии. Но вот у вас — наилучший мотив, какой только может быть. Джорджия была косвенно, или даже прямо, ответственна за смерть вашей сестры.

Дженис закурила вторую сигарету.

— Вы спятили, лейтенант.

— Вы не любите мужчин. Это понятно после того, что случилось с вашей сестрой. У вас способности, дар к механике — вы мне сказали, я помню, что моя машина нуждается в техническом осмотре. Убийца явно был человеком, которому Джорджия доверяла. Человеком, которого она спокойно впустила к себе. Человеком, который мог оставаться у нее достаточно долго, чтобы прикрепить эту бомбу к звонку. Я должен был подумать, что она никогда не впустила бы к себе ни одного из этих четверых.

Дженис оттолкнула кресло и снова подошла к окну.

— Теория ваша интересна, лейтенант, но у вас нет никаких доказательств.

— Пока нет, но они будут. Даже если вы соорудили бомбу из старой консервной банки, взрывчатку вы все-таки должны были купить. Джорджия подписала контракт с Полой в Сан-Франциско; затем вы приехали сюда. Значит, вы достали взрывчатку либо во Фриско, либо в Пайн-Сити. Это не совсем обычный товар; так что мы легко узнаем, где вы его купили. Добавьте это к мотиву и к возможности — и суд будет иметь прекрасную партию.

Дверь открылась. Появилась Пола в серо-голубом халатике. В ее глазах выразилось изумление, когда она увидела меня.

— Извините, — сказала она, — я не знала, что вы здесь, лейтенант. Надеюсь, я не помешала.

— Входите, — сказал я. Кстати, приглашение было излишним. — Раз уж вы здесь, я хотел бы, чтобы вы мне помогли проверить одну-две детали. Сколько человек знало, где скрывалась Джорджия?

— Только мы двое, — ответила она. — Дженис и я, на-

сколько мне известно. Хотя, ясное дело, убийца должен был знать. Откуда — не знаю.

Она нерешительно посмотрела сначала на Дженис, потом на меня.

— Что-нибудь не ладится? — спросила она.

— Нет, все хорошо, — ответила Дженис, слабо улыбувшись. — Я поздравляю вас, лейтенант, с вашей ловкостью и техникой! Я заблуждалась на ваш счет, думала, что вы интересуетесь только женщинами.

— В сущности, вы не ошиблись, — ответил я.

— Лейтенант Монро действительно говорил мне о Джорджии Браун, — продолжала она. — После самоубийства Меннинга я узнала из газет, что она неожиданно исчезла, и я читала все газетные статьи, которые ее касались. Затем дело заглохло, и я почти забыла о Джорджии. Но я никогда не могла забыть Джеральдину.

— Джеральдину? — спросила Пола безразлично. — Кто это?

— Сестра Дженис, — ответил я. — Она умерла в Лагуна Бич, у Меннинга за неделю до того, как он бросился со скалы... Это длинная история.

— Да? — спросила Пола еще более безразлично. Дженис не обращала на нее внимания.

— Потом Пола мне сказала, что к ней пришла Джорджия и уверила ее, что может раскрыть правду обо всем, что произошло во время смерти Меннинга. Пола сказала, что Джорджия считает себя невиновной, из этого я заключила, что она отнюдь не собирается говорить правду. Она хотела только замарать других и сделать себе рекламу.

— И тогда вы ее убили?

— Не за это, а за то, что она сделала Джеральдине и куче других девчонок. Это было чрезвычайно просто, уверяю вас. Я купила взрывчатку, набила ею маленькую коробочку и обмотала проводом. Как только мы сюда приехали, я отправилась к Джорджии. Она знала, что я секретарша Пола, и открыла мне, а затем вернулась в ванную.

— И вы воспользовались ее отсутствием, чтобы прикрепить бомбу к звонку?

Она согласилась:

— На это понадобилось две минуты. Джорджия была еще в ванной, когда я ушла.

— Затем вы обратились к Лаверсу и просили защиты полиции для Джорджии Браун и Пола?

— Именно,— спокойно ответила она.— Я подумала, что это снимет возможные подозрения.

— Когда вы давали мне адрес, вы знали, что, как только я нажму на кнопку, я тем самым превращу Джорджию в фарш?

— Признаюсь, что такая мысль у меня была, лейтенант.

— Это вы! — внезапно крикнула Пола.— Это вы ее убили!

— Это уже давно стало очевидным — даже вам! — холодно сказала Дженис.

— Я... я не могу этому поверить! — сказала Пола. Она сделала шаг, пошатнулась и внезапно упала.

Дженис презрительно взглянула на нее:

— Ей обязательно нужно, чтобы на нее обратили внимание. Тут годится любой номер, лишь бы она была звездой.

— Вы бы оделись. Я вас подожду.

— Не желаю. Прощайте, лейтенант. Не могу сказать, что была в восторге от знакомства с вами.

Она ступила на подоконник и шагнула в пустоту.

Я подскочил к окну как раз тогда, когда она ударилась о козырек над входом в отель. Ее тело подскочило и упало на тротуар. До меня долетел слабый вскрик двух женщин, оказавшихся поблизости. Я вернулся к столу и позвонил куда следует.

Когда я закончил, Пола Рей пришла в себя. Я помог ей сесть в кресло, она слабо улыбнулась мне.

— Меня потрясло, когда я узнала, что Дженис убила Джорджию. Глупо, конечно, падать, закатив глаза, но...

— Не беспокойтесь,— сказал я.— Сейчас я приготовлю выпивку. Мы оба в ней нуждаемся.

Я взял в буфете два стакана.

— Лейтенант... где она?

— Она прошла через окно,— сказал я, наливая на четыре пальца виски в каждый стакан.

— Она... выбросилась?

— Скажем — вышла... но результат одинаковый.

— Какой ужас! — вздохнула она.— Она работала со мной с тех пор, как я пустилась в эту телепрограмму, лейтенант... Я... я все еще не могу поверить... Ох! — вдруг вскрикнула она.

Я повернулся и вопрошающе посмотрел на нее.

— Я чуть не забыла,— сказала она.— Дженис дала мне

вчера кое-что и попросила спрятать. Я полагаю, что должна вам это показать.

— Что это было?

— Не знаю. Это был запечатанный конверт; она сказала, что эта вещь большой ценности и она боится ее потерять. Я предложила ей запереть это в сейф.

— Вы хорошо сделаете, если дадите это мне.

— Сейчас принесу.

Я выпил свое виски и налил еще. Я собирался добавить несколько кубиков льда в оба стакана, когда вернулась Пола и подала мне тщательно запечатанный конверт.

Она поспешно выпила виски, которое я ей протянул, и снова упала в кресло.

— Невероятно! — бормотала она. — Дженис!

Я вскрыл конверт и вытряхнул содержимое в ладонь. Это был негатив формата 2,5 на 3. Я посмотрел его на свет, различил три силуэта, переносящих груз, и все. Негатив был слишком мал, чтобы можно было ясно разглядеть детали. Я снова положил его в конверт и спрятал в карман.

Я поднял голову и констатировал, что Пола дрожит от любопытства.

— Интересно, лейтенант? — спросила она, стараясь казаться равнодушной.

— Не знаю еще, — ответил я. — Увидим.

Глава 11

В одиннадцать сорок пять я вошел в комиссариат и столкнулся с выходящим Полником.

— Лейтенант! — сказал он хрипло. — Где вы были?

— В чем дело? Что-нибудь случилось?

— Они ждали вас в бюро до одиннадцати часов. Потом пришли сюда. Они у Паркера. Еще немного — и они подписали бы ордер на ваш арест!

— Может, мне лучше пойти поздороваться с ними?

Он вздрогнул.

— Я думаю, что вы должны сказать им больше, чем «здравствуйте», лейтенант. Много больше.

Я прошел в лабораторию к Каплану. Он с улыбкой взглянул на меня поверх стальной оправы своих очков.

Я протянул ему негатив.

— Окажи мне услугу, Кап. Увеличь это и принеси

отпечаток в кабинет Паркера, как только сделаешь, пусть даже мокрый.

— Послушай, — сказал он, — предлагаю сделку: одолжи мне свой «остин хелей» на будущей неделе, и я тебе сейчас же сделаю. У меня новая подружка, которая без ума от этой марки машины. Может быть, она будет без ума и от парня, который ее покатает?

— Может быть, она вообще без ума? — намекнул я. — Что касается тебя, то ты подлый шантажист. Ладно, договорились, но сделай быстро, а?

— Раз — и готово!

Я вышел из лаборатории, дошел до кабинета Паркера, приоткрыл дверь и сунул голову.

— Ку-ку! — сказал я жизнерадостно. — Вы искали вашего блудного сына? Успокойтесь, вот он! Пусть заколют жирного тельца и...

— Войдите и закройте дверь, Уиллер, — оборвал меня Лаверс, которого чуть не хватил удар. — Совсем не обязательно, чтобы молодые полицейские слышали, что произойдет!

Я вошел и тихонько закрыл за собой дверь. Паркер выглядел статуей Командора. Лаверс готов был разгрызть свою сигару.

— Вы уволены! — сказал он наконец. — Последний раз, Уиллер, вы...

— Не хотите ли вы, чтобы я продиктовал признания Дженис Юргенс, шериф? — ответил я. — Или мне подождать конца вашей речи?

Его рот задвигался, но он не издал ни звука.

Признания Дженис Юр... — выдавил он наконец. — Боже мой! Что это означает?

Она сделала полное признание, прежде чем выброситься из окна отеля. Сейчас я введу вас в курс.

— Как я мог... — Нечеловеческим усилием он овладел собой: — Хорошо, Уиллер, мы вас слушаем.

— Она сделала признания и покончила с собой? — скептически спросил Паркер.

— Именно так, — согласился я.

— Вам одному? Больше никто не слышал?

В его голосе, если не в лице, сквозила ирония.

— Пола Рей тоже присутствовала, — ответил я. — Она слышала достаточно, чтобы подтвердить.

— Ах! — сказал он якобы разочарованно.

Лаверс сжал рукой отвисшие щеки.

— Давайте! — взорвался он. — Рассказывайте!

Я точно сообщил обо всем происшедшем. Вытащил из кармана газетные вырезки. Пораженные Паркер и Лаверс их просмотрели. Я кончил свой доклад и закурил.

Лаверс и Паркер обменялись долгим взглядом, потом посмотрели укоризненно на меня:

— Тем не менее остается куча темных пятен,— проворчал Лаверс.— Зачем Фарго убил Котса и угрожал Кей Стейнвей?

— Надо помнить, конечно,— сладко добавил Паркер,— о том, что если бы Уиллер действовал, как положено, Котс был бы, без сомнения, жив, и мы захватили бы Фарго до того, как он проник к Кей.

— Я об этом не забываю ни на минуту,— проворчал Лаверс,— и инспектор Мартин тоже.

— Вы наложили когти на Фарго? — спросил я.

— Нет еще,— мрачно ответил Паркер.— Это не так просто. Он знает слишком многих в этом краю. Он найдет десяток людей, которые в лепешку разобьются, чтобы его спрятать.

В дверь постучали, и вошел Каплан.

— Вот, Аль,— сказал он, кладя передо мной на стол Паркера отпечаток 18 на 24, еще влажный.— Все в порядке?

— Спасибо, Кап,— сказал я.

— Не за что. Но держи свою колымагу наготове, когда я за ней приду, ладно?

И он вышел.

Я внимательно рассмотрел снимок.

— Что это? — спросил Лаверс.

Я объяснил:

— Дженис Юргенс вчера отдала Поле Рей запечатанный конверт, чтобы та его спрятала. Пола отдала его мне. Там был негатив, вот его отпечаток.

Они подвинулись ко мне, чтобы посмотреть на фото. Оно было не очень хорошее, но достаточно светлое. На нем были изображены три человека, несущие тело. Котс и Хиллари держали его за руки, а Кент Фарго за ноги.

— Что это означает? — спросил Лаверс.— Во что они играют?

— В убийство, шериф,— сказал я.— Вы не узнаете парня, которого они несут? Это Ли Меннинг.

— Меннинг? — Он ближе наклонился к фотографии.— Ну да... Это Меннинг.

— Я узнал место, откуда снимали,— сказал я,— это

вершина скалы, которая возвышается над виллой Меннинга в Лагуна Бич.

— Но как раз оттуда он... — начал Паркер и замолчал.

— Вы совершенно правы, капитан, — сказал я, — теперь мы имеем новую версию... э... э... несчастного случая! Он не спрыгнул, его не столкнули, а просто бросили сверху!

Лаверс тяжело выпрямился.

— Иначе говоря, все трое равно виновны в смерти Меннинга.

— Именно это меня и грызло, — сказал я. — Я имею в виду историю о самоубийстве. Это очень удобно, не так ли? Смерть Джеральдины Морган грозила вызвать скандал, и все пропали бы, не только Меннинг, но также Фарго, Котс, Блейн и Джорджия Браун. И вот Меннинг великодушно пожертвовал собой и бросился со скалы, чтобы остальные могли жить спокойно и счастливо.

— Хотел бы я знать, кто снял это фото, — заявил Лаверс с задумчивым видом.

— Сама Джорджия, — ответил я. — Кто же еще? Иначе откуда взяла его Дженис? Она, видимо, нашла его, когда устанавливала бомбу. Это самое фото искал Фарго и из-за него убил Котса.

— Но откуда он мог знать, что негатив в руках Котса?

— Кто-то ему сказал. Возможно, Дженис Юргенс позвонила ему, естественно, так, чтобы он ее не узнал... — Внезапно меня озарило: — Она выдала себя за Кей Стейнвей! Котс был продюсером ее фильмов в последнее время. Фарго знал, что они в контакте.

— Зачем Дженис Юргенс выдавать себя за Кей? — недоверчиво спросил Паркер.

— Кей и Пола однажды разодрались на вечере у Кей. У меня есть причины предполагать, что Дженис очень не любила Кей. Возможно, это была месть. Так как Фарго, убив Котса, не нашел негатива, он решил, что Кей обманула, и позвонил ей. Я в это время был у нее. Когда Фарго явился к Кей, он первым делом заявил ей, что она наврала с три короба, когда звонила ему.

— Фарго слегка вспыхив, будем так говорить? — ласково спросил Паркер.

— Мы знаем, что такое Фарго, — ответил я. — Он всегда имел слабость к Джорджии Браун. Он вообразил, что тот, у кого негатив, убил Джорджию, чтобы завладеть им. Вот он и прихлопнул Котса, чтобы затем убедиться, что Котс не виноват; тогда он подумал на Кей Стейнвей,

потому что решил, что она навела его на ложный след, назвав Котса.

— Это похоже на правду,— сказал надменно Лаверс.

— Ну и штучка эта Дженис! — сказал я.— Какая была очаровательная малютка! — Я вежливо улыбнулся Паркеру.— Надеюсь, что смерть Котса теперь вас меньше волнует, капитан. Она, в конце концов, избавила государство от расходов!

Паркер испепелил меня взглядом.

— Я начинаю понимать, какие чувства испытывает к вам Хэммонд,— сказал он решительно.

Губы Лаверса задвигались.

— Мы еще не закончили,— сказал он.— Нужно арестовать Блейна и предъявить ему обвинение в убийстве Меннинга.— Он постучал по отпечатку.— У нас есть вполне достаточное доказательство.

— Я хотел бы попросить вас, шеф,— сказал я,— нельзя ли мне взять Полника и пойти арестовать Блейна?

— Не делайте этого, Аль,— сказал Паркер.— Ваше фото появится во всех газетах.

— Ладно, Уиллер,— сказал шериф.— Но если вы его упустите...

— Спасибо, шеф,— сказал я,— вы позволите мне взять это? — Я взял со стола фото.— Негатив в лаборатории, так что не важно, что будет с этим отпечатком.

— Не тяните.— Лаверс взглянул на часы.— Дело может еще попасть в утренние газеты, а я хочу видеть Блейна здесь прежде, чем говорить с журналистами.

— Я поспешу,— заверил я.

Я вышел из кабинета и нашел Полника.

— Руки вверх! — сказал я ему.— Вы поедете со мной.

— Вы по-прежнему лейтенант, лейтенант?

— Я им был и остался. Иногда у меня бывает впечатление, Полник, что вы в меня не верите.

— Это не так, лейтенант,— с жаром запротестовал он.— Но я иногда думаю, что все это слишком хорошо, чтобы долго продлиться. В один прекрасный день вы исчезнете — вот так! — он щелкнул пальцами,— и унесете с собой все свои шуточки!

— С этого времени я больше не буду шутить,— ответил я.— Вы меня напугали.

И мы поехали на патрульной машине к Блейну. В половине второго мы остановились на аллее перед домом. Полник поднялся со мной по ступеням крыльца.

— Что теперь будем делать, лейтенант? — Глаза у него

блестели.— Тут живет девочка, да? Одна из тех, которым весь день нечего делать и которые всю ночь об этом думают, да, лейтенант?

— У меня такое впечатление, сержант,— сказал я, нажимая на звонок,— что когда вы вернетесь домой, ваша половина будет чертовски удивлена!

Я продолжал звонить, пока в холле не зажегся свет. Через несколько секунд дверь открылась и появился камердинер, моргая глазами. На нем был полинявший фланелевый халат, обтрепанный по бортам.

Я смерил его глазами.

— Интересная реликвия. Он, вероятно, принадлежал еще вашему деду?

Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул и сказал:

— Мистер Блейн отошел ко сну... сэр. Уже давно!

— Так скажите ему, чтобы он вернулся обратно. Мы подождем его в библиотеке.

— Библиотека, смотри пожалуйста! — вполголоса заметил Полник.

Камердинер покорно впустил нас и запер дверь. Я посмотрел, как он тяжело поднимается по лестнице, вошел в библиотеку и включил свет.

Я уселся в кресло, а Полник оглядывался вокруг.

— Лейтенант,— сказал он,— зачем люди покупают книги?

— Чтобы их читать, я полагаю.

— Разве у них нет телевизора?

— Я задам хозяину этот вопрос.

Он ошалело потряс головой.

— Если бы я был богат, уж не стал бы транжирить свою монету на такую дрянь.

— Нет?

— Конечно, нет! — он облизал губы.— Эти штанишки, которые носит Тони, они из чистого золота, девять карат, да?

— Четырнадцать.

— Ну вот. А этот тип тратит деньги на книги!

Вошел Блейн. Он был полностью одет, и вид у него был недовольный.

— Право, лейтенант,— начал он холодно,— я надеюсь, вы сможете оправдать свое вторжение в такое неподходящее время?

— Я думаю, да. Я ненадолго, мистер Блейн. Я только хочу спросить, узнаете ли вы людей, изображенных на этой фотографии?

Я положил отпечаток на его стол. Блейн подошел посмотреть, медленно выпрямился, снял очки и тщательно протер стекла.

— Вам придется сопровождать нас, мистер Блейн,— сказал я.

— В чем меня обвиняют?

— В убийстве.

— Я хочу увидеть своего адвоката!

— Вы можете позвонить ему, если хотите, чтобы он приехал в комиссариат.

Его пальцы дрожали, когда он водворял очки на место. Рука протянулась к телефону, задержалась на миг и упала.

— Это была идея Фарго,— зашептал он,— запутать нас и вынудить помогать ему.

— Почему бы вам не рассказать все? — предложил я.— Котс умер, Джорджия Браун тоже, Фарго в бегах, разыскиваемый за другое убийство. Остались только вы, мистер Блейн. Уверю вас, вы выиграете, если расскажете.

Одеревеневшей походкой он обогнул стол и сел в кресло.

— Я бы хотел что-нибудь выпить,— сказал он.

— Сержант,— сказал я Полнику,— налейте стаканчик мистеру Блейну,— и быстро поправился,— налейте всем.

— Слушаюсь, лейтенант!

Безошибочный нюх привел Полника прямо к бару.

Блейн угрюмо созерцал доску своего стола.

— Меннинг пригласил нас четверых к себе на уик-энд,— начал он тихим голосом.— Я пошел, потому что мне нечего было делать. И, кроме того, я беспокоился, как все. Смерть этой девушки грозила вызвать скандал, который мог погубить нас всех.

— Я в курсе всего, что касается девушки и скандала.— Я наклонился и постучал пальцем по фото: — Я хочу узнать детали этого убийства.

— Это было в субботу вечером,— произнес он.— Мы сидели, выпивали, ни о чем особенном не говорили. Да и что можно было сказать? Мы знали, что в следующую среду судья объявит свой приговор, и это будет конец всему...

Полник поставил стакан перед Блейном и подал второй мне. Я заметил, что уровень третьего стакана был выше, чем у первых двух. Блейн отпил глоток виски и поставил стакан на стол.

— Ли подошел к бару, и Фарго ему налил,— продолжал он.— Они поболтали, пока Меннинг пил, и вдруг он

унал. Фарго сказал, что подсыпал ему «Мики»¹ и что Меннинг еще часа три будет без памяти. И тут он предложил нам кое-что.

— Убить Меннинга?

— Он уверял, что это наш единственный выход. Если Меннинг исчезнет, у нас будут все шансы избежать скандала из-за смерти девочки. Фарго утверждал, что если Меннинг умрет, некого будет ругать, и дело будет замято — ради репутации девушки и ее семьи. С этим аргументом нельзя было не согласиться.

— Значит, вы договорились помочь ему убить Меннинга?

Его лицо исказилось:

— Не все, лейтенант. Джорджия очень увлеклась этой идеей, но Котс и я не были согласны. Однако другого решения не было.

— Вы обязательно должны были участвовать все четверо в самом акте?

— На этом настаивал Фарго. Он считал, что если мы все будем участниками и все будем одинаково виновны, никто из нас не осмелится обратиться в полицию.

— В сущности, символический акт?

Блейн согласился:

— Нечто в этом роде. В конце концов Котс и я согласились. Вот как это случилось.

— А Джорджия Браун?

— Она самым энергичным образом поддерживала Фарго, как я уже сказал, лейтенант. Но она вывихнула лодыжку, выходя из машины. Номер был выполнен очень убедительно. — Он невесело засмеялся. — Во всяком случае нас она прилично разыграла, Котса и меня. Она лежала на земле, рыдая от боли, пока мы трое несли Меннинга до края скалы, чтобы сбросить его вниз.

— Стало быть, снимала Джорджия Браун? И вы не обратили внимания на вспышку?

— Она не пользовалась лампой-вспышкой. Она снимала в инфракрасном излучении — так это, кажется, называется.

— Как... она тащила всю аппаратуру на себе?

Блейн опустошил стакан и поднял глаза:

— Если позволите, я бы выпил еще.

— Полник! — позвал я и протянул ему свой стакан, также пустой, боясь, чтобы он его не забыл.

---

¹ Наркотик, сильное снотворное.

— Вы не вполне логичны,— сказал я Блейну.— Вы говорите, что Фарго сделал вам это предложение совершенно неожиданно, а часом позже вы уже несли Меннинга на вершину скалы. Однако за такой короткий отрезок времени у Джорджии появился аппарат с инфракрасной установкой.

Он устало покачал головой.

— Мы узнали о существовании этого снимка только тогда, когда начался шантаж.

Я вырвал у Полника стакан, который он мне принес.

— Мне это необходимо,— сказал я.

Блейн засмеялся, на этот раз почти весело.

— Вы понимаете,— сказал он,— это был направленный удар, скомбинированный Фарго и Джорджией. Фотоаппарат был спрятан в ее машине. Фарго должен был помогать нам сбросить Меннинга, чтобы не вызвать у нас подозрений. Но зачем нам было сомневаться в лодыжке Джорджии?

— Значит, потом она стала шантажировать вас и Котса?

— Мы платили три года,— согласился он.— У меня сердце обливалось кровью все это время.

— Тогда почему Джорджия исчезла сразу после вердикта судьи?

— Она неспособна быть хоть сколько-нибудь честной с кем бы то ни было. Это не в ее натуре. Она обманула Фарго. Она сохранила и припрятала негатив. Значит, вы еще не поняли, лейтенант? Ведь Фарго тоже фигурирует на этом снимке. Она вынудила и его раскошелиться.

На лице Полника выразилось безграничное восхищение.

— Вот так комбинаторша! — воскликнул он.— Она достойна того, чтобы перед ней сняли шляпу, перед этой Джорджией Браун!

— Несмотря на то, что она превратилась в фарш,— заключил я.

Блейн выпил второй стакан и встал.

— Думаю, что мне больше нечего добавить, лейтенант. Я в вашем распоряжении.

Мы вышли из библиотеки и пошли через холл к входной двери. Камердинер открыл нам, и я пропустил Полника и Блейна вперед. Пока Полник усаживал Блейна в машину и садился сам, я услышал вежливое покашливание за своей спиной.

— Извините, сэр,— сказал камердинер,— но когда я могу надеяться снова увидеть моего хозяина?

— Не при вашей жизни,— совершенно искренне ответил я.

Когда мы приехали в комиссариат, Полник занялся формальностями, а я пошел в кабинет Паркера. Лаверс был еще там. У него был почти довольный вид. Я рассказал ему версию Блейна об убийстве Меннинга.

Когда я кончил, он заворчал.

— Я пригласил сюда мисс Рей,— сказал он.— Сейчас она придет. Ее показания полностью совпадают с признанием Дженис Юргенс. Значит, с этим кончено. Вам осталось только завтра утром продиктовать ваш официальный рапорт и отыскать Фарго, тогда все, включая и меня, будут удовлетворены.

— Хорошо, шеф,— сказал я.— Разрешите теперь уйти? День был тяжелый, и этот начинается не легче.

— Всего двадцать четыре часа работы в день — и он уже ноги не таскает! — презрительно вскричал он.

— Выгоднее быть шерифом,— ответил я,— не надо самому лезть в кашню или заниматься мелочами вроде преследования преступников.

— Убирайтесь, или я вас самого выставлю на посмешище! — весело вскричал он.

— Ну и язык! Сразу видно, что вы смотрите вестерны... Кстати, хорошо ли вы себя чувствуете, шериф? — спросил я с тревогой.— Вы вдруг стали человечным!

У двери я остановился.

— Идите, идите, Уиллер,— раздраженно бросил Лаверс.— Вы уже дали свою финальную реплику!

— Все-таки кое-что до меня не дошло,— сказал я.— Джорджия Браун имела в руках средство шантажа, которое принесло ей состояние. Однако она кинулась к Поле Рей с предложением публичного разоблачения истинных обстоятельств смерти Меннинга. Зачем бы ей отказываться от своего трюка?

— Может, она свихнулась! — твякнул Лаверс.— Как бы то ни было, дело закончено, Уиллер, и я считаю, что вы вправе отдохнуть.

Я сел за руль «остина хелея» и поехал домой. Занималась заря, и глухие удары молотка в моем черепе извещали о неминуемой мигрени.

Усталым жестом я повернул ключ в двери, открыл ее и вошел в квартиру. Гостиная была освещена. Я споткнулся о чей-то чемодан и растянулся во весь рост. Осторожно поднял голову и увидел еще шесть чемоданов, сваленных у входа и тоже не моих. Поднялся на ноги и увидел на

диване норковую шубу. У меня отвисла челюсть, когда я увидел серебряную блондинку, медленно вынырывающую из меха.

— Вы очень поздно возвращаетесь! — заявила она тоном упрека.

Я грозно посмотрел на нее.

— Меня впустил сюда сторож, — продолжала она агрессивно. — Он сказал, что одной больше, одной меньше, какая разница.

— Что вам тут надо?

— Я боюсь репортеров и еще больше Кента. У меня нет другого места, где я была бы в безопасности.

— Почему вы думаете, что со мной вы в безопасности? Это оскорбление для моей репутации!

— Я не об этом, — возразила она. — Я хотела сказать о настоящей безопасности.

Голова у меня разламывалась.

— Ладно, — сказал я. — Вы умеете готовить?

Она недоверчиво уставилась на меня.

— Что вы хотите сказать?

— Можете вы хоть кофе сварить?

— Я могу приготовить martini, — простодушно ответила она.

— Попробуйте сварить кофе. Это очень просто, уверяю вас.

— Если вы так говорите...

Она встала и сняла свою норку. На ней был все тот же пестрый свитер и золоченые плавки. Но я желал только одного — чтобы она принесла мне чашку кофе.

Я прошел в спальню, взял пижаму и халат и отправился в ванную, где минут десять стоял под горячим душем. Ледяной душ хорош для людей с остроконечным черепом. Я вытерся, надел пижаму и халат и вернулся в гостиную.

Тони приготовила кофе и поставила на стол. Я взял полную чашку и осторожно тянул по глотку.

— Неплохо, — вынужден был я признать.

— Если мне можно здесь переночевать... — начала она. — Я заказала билет на самолет в Лас Вегас на утро, на 9.30. Я не помешаю вам.

— Ладно, — сказал я, — но я лягу на кровати!

Ее постоянно удивленный взгляд стал еще более удивленным.

— Конечно! Я не какая-нибудь недотрога, лейтенант. Я и не думала даже, что вы будете спать на полу.

Возможно, подействовал кофе, но моя мигрень мигом прошла.

Глава 12

— Милая, — сказал я, тяжело ворочая языком, — что-то должно случиться, — звонят колокола.

Я немного стряхнул с себя сон и понял, что звонит телефон. Я вылез из кровати, ошупью добрался до гостинной и взял трубку.

— Мадам, — сказал я, — у нас семьдесят тысяч последних резиденций, расположенных на пяти гектарах в «Мирных пастбищах». Если бы мы положили вашего мужа в такое место, которое ему не подходит, я был бы в отчаянии. Вы хотите, чтобы его выкопали?

На другом конце провода раздался серебристый смех.

— Лейтенант, — сказал сладостный женский голос, — ваши шутки дурного вкуса!

— Я чувствую себя дурно, выгляжу дурно и знаю это, — сказал я. — Кто у телефона?

— Я думала, что вы узнаете меня по голосу. — Она, видимо, была слегка разочарована. — Это Пола Рей. Могу ли я увидеться с вами в течение дня? Это очень важно.

— Это можно осуществить. С утра я должен быть в комиссариате — писать мои показания. Не можем ли мы встретиться после обеда?

— Чудесно. Здесь это в настоящее время нереально. Может быть, где-то в другом месте?

— Приезжайте ко мне, — сказал я надеясь, что она перестанет, наконец, ходить вокруг да около.

— Прекрасная идея, — с жаром ответила она. — Когда вам удобно, лейтенант?

— Если в четыре часа?

— Идет, сегодня в четыре. До свидания.

Я услышал легкий щелчок. Она повесила трубку.

— Что она хочет у меня выклянчить? — спросил я громко, ощупывая небритый подбородок, повесил трубку и пошел в ванную.

Видимо, я должен был смотреть, куда ставлю ногу: через секунду я опять оказался на брюхе. Я тяжело поднялся и сосчитал: семь чемоданов; они валялись на полу, как и вчера.

Дверь в ванной слегка скрипнула, и оттуда вынырнула Тони. На ней было одеяние, модное в этом году в турецких банях: полотенце. Полотенце было маленькое, а Тони большая.

— Привет! — бросила она мне, лучезарно улыбаясь.

Я взглянул на часы: одиннадцать.

— В принципе, вы должны были уже быть в Лас Вегасе, — холодно сказал я.

— Я прозевала свой самолет. Но будет другой. Я приготовила кофе, он в кухне.

— Да, но у меня здесь свидание в четыре часа.

— Правда? — сказала она, подмигивая. — Вы, можно сказать, очень занятой человек.

— Будьте ко мне добры и улетайте до четырех часов.

— Ну конечно! Не думаете ли вы случайно, что я навязываюсь вам?

— Я сказал бы — нет, если бы был уверен, что вы нормальны, — сказал я с сомнением в голосе.

— Вы будете принимать душ? — спросила она.

— Я всегда принимаю душ, — раздраженно ответил я.

— Сейчас, я хочу сказать?

— Да.

— Тогда возьмите это, — сказала она небрежно и бросила мне полотенце. — Ловите!

Я поймал полотенце на лету и замер на мгновение. У Тони была самая тонкая талия, которую я когда-либо видел у девушки. Может быть, она казалась такой по контрасту. Вероятно, я должен был сказать, что у нее самые большие... Я закрыл глаза.

— Сначала надо выпить кофе, — сказал я умирающим голосом и кое-как потащился в кухню.

Через полчаса я был готов к выходу. Тони поставила на проигрыватель пластинку «Фрэнки». Она была одета в белую полотняную юбку и ярко-красный шелковый корсаж. У двери я обернулся.

— Вы не знаете, где может прятаться Фарго?

— Бедняга Кент! Ему лучше стать покойником. Без него его заведение никогда не будут такими, какими были. Он, знаете, очень опытный директор!

— Не нужно было мне задавать этот вопрос. Во всяком случае, я не увижу вас здесь в четыре часа.

— Аль!

— Что еще?

— Это прощание любовника?

— Не совсем. Не хватает роз.

Я поехал в комиссариат диктовать свои показания, касающиеся Дженис Юргенс — Мэнди Морган. Я ждал, пока они будут отпечатаны, чтобы подписать. Я узнал, что Фарго все еще в бегах. К полудню я вышел из комиссариата и поехал в бюро шерифа.

Когда я появился там, Аннабел Джексон подняла голову и посмотрела на меня поверх машинки:

— Ну-ну! — произнесла она нараспев. — Наша хитрая ищейка с заспанными глазами! Вы пришли за своей косточкой, лейтенант, или собираетесь опять капать шерифу на мозги?

— Я просто войду, — ответил я тоже нараспев, — ни у кого ничего не спрашивая, даже не говоря ни слова...

— И за это ему платят! Звезды телевидения, звезды Голливуда, подружки бандитов в золотых бикини...

— Берегитесь, как бы не вскочил ячмень! Замочные скважины — это вредно!

— Шериф в кабинете, лейтенант, — сказала она, внешне заледенев. — И если вы вывихнете ногу, входя, я обещаю вам, что буду ржать до упаду.

Я постучал в дверь Лаверса и вошел.

— Рад вас видеть, Уиллер, — сказал шериф. — Садитесь и возьмите сигару.

— Такой прием отдает поцелуем смерти, — сказал я недоверчиво. — Вы знаете, что я не курю сигары.

— Вы думаете, что я предложил бы вам сигару, если бы вы их курили? — возразил он.

Я немного успокоился. Я снова видел подлинного Лаверса.

— Вы читали утренние газеты?

— Я только что встал, шеф. Вы слишком многого от меня хотите.

— Все прошло очень здорово, действительно здорово, — сказал он с удовлетворенным видом. — Мы поровну разделим славу с Криминальной бригадой.

— Поздравляю, шеф, — вежливо сказал я.

— Вскользь отметили, что некий лейтенант Уиллер, временно прикомандированный к Службе шерифа, участвовал в расследовании. По крайней мере, в первом выпуске...

— К счастью, они его затем ликвидировали, потому что если я буду продолжать получать газетные вырезки, мне придется снять другую квартиру. Мне негде будет спать.

— Когда схватят Фарго, все дело закроется, — сказал он. — Он, может быть, сейчас уже во Флориде.

— Возможно. Не могу ли я вернуться в Криминальную

бригаду, шеф? Мне там больше нравится. Я вздыхаю по делам действительно сложным, вроде богатых пьяниц или дамочки, которая сообщает по телефону, что она пришила своего мужа, и просит забрать их обоих...

— Я использовал свое влияние в вашу пользу, — сказал любезно Лаверс. — Вы можете уехать на уик-энд. Можете не появляться в этом кабинете до понедельника.

— Спасибо, — сказал я, ошеломленный.

— Во всяком случае, — ухмыльнулся он, — вам нужно немного времени до завтрашнего вечера, чтобы прорепетировать.

— Репетировать?

— А может, и не надо, — скалился он, — вы природный скоморох.

— Не могу ли я задать нескромный вопрос, шеф, — о чем вы, в сущности, говорите?

— Вы не в курсе?

— Я искрутил все мозги, чтобы понять, — сказал я, — но до меня так и не дошло.

Он откинулся на спинку стула и загоготал. Он хохотал не переставая, и так стукнул кулаком по столу, что календарь изобразил летающее блюдце.

— Я сохраняю для вас сюрприз, Уиллер! — лепетал он прерывающимся голосом. — Я совсем не хочу испортить эффект сюрприза! Проведите спокойно уик-энд!

— Единственное, что меня утешает, — это то, что вас с минуты на минуту хватит инфаркт! — сказал я едко, затем встал и вышел, провожаемый взрывами его смеха.

Проходя, я остановился перед столом Аннабел.

— Вы сказали ему что-то смешное, лейтенант? — холодно спросила она. — Или просто взгляд на вас дал такой эффект?

— Что я сделал, чтобы заслужить такое обращение? — возразил я недовольно. — Может, я случайно поджег вашу юбку и не заметил?

— Вам незачем останавливаться для разговора со мной, — сказала она, — я не вхожу в число ваших поклонниц!

Ее пишущая машинка яростно застрекотала. Я пожал плечами и покорно вышел.

Я угостил себя завтраком, превышающим мои возможности, и думал о том, что сегодня пятница и я свободен до понедельника.

В три часа с небольшим я вернулся домой и испустил вздох облегчения, не увидев в гостиной ни одного чемода-

на. На всякий случай я обошел все комнаты, но серебряной блондинки не обнаружил.

Это было мое первое свидание со специалисткой по голубому цвету — даже если она хотела только посоветоваться, где найти секретаршу подешевле, — и я решил сделать приготовления.

Я прибрал квартиру, положил на проигрыватель тщательно подобранные пластинки, достал лед из морозильника и протер несколько стаканов — два во всяком случае.

Звонок прозвенел ровно в четыре, и квартира Уиллера была готова к любым поворотам судьбы.

Я открыл дверь, и Пола Рей приветствовала меня теплой улыбкой.

— Добрый день, лейтенант. Как мило, что вы пригласили меня сюда.

— Входите, пожалуйста, — сказал я, придерживая дверь.

Она прошла в гостиную. Я закрыл дверь и пошел следом.

— У вас прелестно, — сказала она. — Очень интимно.

— Я к этому стремился, — скромно ответил я.

— Вы позволите называть вас Аль? Мы слишком хорошо знакомы, чтобы продолжать церемонии. Вы не находите?

— Ну, конечно, Пола. Садитесь.

Я подвел ее к дивану.

— Спасибо, — сказала она и села, скрестив ноги.

Я почтительно выпялился на них. Она была одета в сапфирового цвета платье из шелкового фуляра, которое кружилось вокруг ее плеч и спускалось между грудями дерзким вырезом.

— Сейчас я вам подам стаканчик вашего любимого напитка, — сказал я.

— Откуда вы знаете, какой мой любимый напиток?

— Им должен быть джин-тоник, — ответил я. — Гармонирующие цвета.

— Я принимаю это как комплимент, — сказала она.

Я стал готовить выпивку, а она тем временем подошла посмотреть проигрыватель. Едва я закончил, как она уже вернулась и села на диван.

— Вы любите музыку? — спросила она.

— Да! Хотите послушать?

— С удовольствием.

Я подошел к окну и опустил штору, объяснив:

— Солнце бьет в глаза.

Затем включил радиолу.

— Музыка для вас, Пола.

— Моя любимая?

— Естественно. Что же, как не блюз?

Я сел рядом с ней и возрадовался, что у нее немнущееся платье, так что она ничем не рисковала.

— Аль,— начала Пола настойчивым тоном,— я пришла просить вас об услуге, очень важной услуге.

Я посмотрел на нее и глубоко вздохнул.

— Я уверен, что мы договоримся, милочка,— сказал я.

— Вы знаете, что убийство Джорджии Браун сорвало мою завтрашнюю передачу?

— Знаю,— ответил я сочувственно.

— Так вот, Кей Стейнвей согласилась в ней участвовать как главная звезда. Хотя она мне страшно не нравится, она сделает сбор теперь, когда Фарго хотел ее убить. Но мне кажется, ее одной недостаточно. Нужен кто-то еще, чтобы интервью было интересным.

Я бесплодно размышлял несколько секунд.

— Очень жаль, крошка,— искренне сказал я,— но я никого не знаю, кто мог бы...

— А я знаю!

— Кто же?

— Вы!

Я закрыл глаза. Я должен был это предвидеть. Грубый смех Лаверса снова зазвучал в моих ушах, и я начал понимать свое положение.

Я уже открыл было рот, чтобы сказать ей, что она чокнулась, если думает уговорить меня встать перед ее камерой и рисковать тем, что пять миллионов телезрителей втопчут в грязь меня и виновников моего появления на свет. Но я не произнес ни слова и поспешно закрыл рот.

Я вспомнил, что она должна была заплатить Джорджии Браун пять тысяч долларов за ее выступление. За пять секунд мысленного расчета я истратил этот гонорар. Ремонт «остина», проигрыватели в каждой комнате с дистанционным управлением. И еще должно было остаться достаточно на отпуск.

— Вы согласны, Аль? — с тревогой настаивала она.

— Ну, конечно, малышка.— Я протянул руку позади ее шеи и слегка похлопал ее по плечу.— Могу ли я в чем-нибудь вам отказать?

— Вы очаровательны! Я знала, что вы согласитесь. Если я скажу вам секрет, вы обещаете не сердиться?

— Обещаю.

— Так вот, я подумала, что надо сначала обойти препятствия, а потом уже просить вас. Инспектор Мартин и шериф Лаверс не видят ничего неудобного в том, что вы оудете участвовать в телепередаче.

— Отлично,— сказал я без особого энтузиазма.

— Они сказали, что вы, естественно, не можете принять никакого вознаграждения; поэтому я отдала тысячу долларов для вдов и сирот полицейских.

— Как?

— Аль, вы обещали не сердиться.

— Но я не вдова и не сирота!

Она рассмеялась:

— Вы всегда видите смешную сторону вещей, да, Аль?

— Ну да,— сказал я с горечью,— это из меня так и брызжет. Смейся, паяц!

Она повернулась ко мне, блестя глазами:

— Вы не понимаете, что это значит для меня! Я не знаю, как вас благодарить!

— Старый добрый способ лучше всего.

— Я думаю, вы правы, Аль,— нежно сказала она.— Почему я об этом не подумала?

Она встала, сняла через голову платье и посмотрела на меня:

— Вы знаете, что женщины двуличны, Аль?

— Если их лицо так же очаровательно, как ваше, то это — козырь,— ответил я.

Она насмешливо улыбнулась.

— Вы не только мужественны, но и галантны! Ну, теперь шутки в сторону, я буду рада с вами расплатиться.

Я как околдованный смотрел на воздушную кучку на ковре. Бледно-голубая комбинация лежала на платье. За ней последовали такие же трусики и бюстгальтер. Пояс для чулок, сокращенный до минимума, был темнее, почти синий.

Она растянулась на диване, закинув руки за голову. Ее волосы и ногти были голубыми, но все остальное — ослепительной белизны. Она протянула ко мне руки, сцепила пальцы на моем затылке и прижала меня к себе с неожиданной силой.

— Вы правы, Аль,— зашептала она,— старые способы всегда лучшие.

Около шести часов я налил два стакана и принес их на диван. Она лениво выпрямилась:

— Скажите-ка, Аль, что у вас под подушкой? На ошупь — металл.

— Да? — машинально ответил я.

Я сел рядом, держа стаканы. Она сунула обе руки под подушку, достала что-то и потрясла перед собой. Я закрыл глаза, пока она рассматривала трусики от бикини.

— Ну-ну! — сказала она со смешком. — Кто-то что-то забыл, как видно. Главное, похоже, что нить из настоящего золота!

— Четырнадцать карат, — выдавил я.

Она вскочила и оделась быстрее, чем скупщица краденного, которая видит приближающийся десант полиции.

— Еще раз спасибо, Аль, — сказала она, оправляя голубое платье. — Вы можете быть в студии завтра в четыре? Мы проведем небольшую репетицию, чтобы вы привыкли к камерам и прожекторам. Я никогда не делаю сценария, так что вам не придется ничего учить.

Она была уже у двери.

— Не могу вам сказать, как это для меня важно! Я вам бесконечно признательна... Не провожайте, я знаю дорогу. До завтра, до четырех...

Дверь закрылась.

— Ну, Тони, — сказал я с отвращением, — ты шлюха и больше ничего! Желаю тебе получить триппер!

Глава 13

На следующее утро я прибыл в комиссариат чуть позже десяти и поднялся в кабинет Мурфи, врача. Увидев меня, он нахмурился.

— А, Уиллер! Я слышал, вы собираетесь стать звездой вестерна для взрослых сегодня вечером, и сказал, что этого не может быть. У вас не хватит ума!

— Ужасно, что есть на свете комики, упустившие свое призвание! — ответил я. — Но с лошадьми еще хуже. Всегда можно найти другого актера, но нужны годы, чтобы выдрессировать лошадь.

— Я не должен был дразнить вас, — сказал он. — Вы друг. Благодаря вам можно совершенно упразднить анатомирование. Никаких трупов, одни крошки!

— Вы никогда не думали управлять похоронным бюро? Вы принесли бы туда несчастье!

— Не стоит труда, — возразил он. — Этим занимается мой брат. Я его лучший представитель.

— Поставщик, по-моему, правильнее.

Он закудахтал, как колдунья в «Макбете».

— Я хочу спросить именно по поводу этого труп...— сказал я.— Провели официальное опознание?

— Если вы знаете того, кто был в близких отношениях с левой большой берцовой костью и правой малой берцовой костью Джорджии Браун, чтобы опознать их, то приведите его ко мне. Я бы очень хотел с ним познакомиться.

— Я просто спрашиваю...

— Вы далеко пойдете, Уиллер,— холодно сказал он.— Вы достаточно глупы, чтобы стать главным инспектором или шерифом графства.

— Когда это произойдет, здесь будет новый доктор,— ответил я, направляясь к двери.— Пользуйтесь, Мур, пока не поздно!

Я вышел из его кабинета и пошел к капитану Парсонсу, ведущему службу розыска в интересах семей.

Увидев меня, Парсонс почесал лысый череп и улыбнулся.

— А, наш национальный герой! Чего вам тут надо?

— Я ищу блондинку.

— Разве они здесь бывают? Самая молоденькая девочка, которая была в моем кабинете, имела от роду сорок пять лет.

— Ерунда,— сказал я.— Нет ли в ваших списках пропавшей блондинки?

— У меня есть кто угодно, и мужского, и женского рода,— ответил он.— Это какой-то город-призрак, столько народу здесь пропадает. Кого вы, в сущности, ищете?

— Сам не знаю. Она должна быть блондинкой. От 25 до 35 лет. Исчезла, вероятно, недели две назад, может, чуть меньше.

— Сейчас я пушу механику в ход,— сказал он жизнерадостно и снял телефонную трубку.

Минут через десять нам принесли список. Мы начали с шести имен и уменьшили до двух.

— Эта,— сказал Парсонс, отметив карандашом имя,— Элла Скотт. Об ее исчезновении заявила мать. Она думает, что Элла сбежала в Сан-Диего с моряком. Похоже, эта девочка вечно убегает с моряками, но никогда не отсутствует столь долго. На этот раз, видимо, она поехала дальше.

— До Сан-Диего?

— Вполне возможно!

Я закурил. Он буркнул что-то и снова надел очки.

— Остается Рита Танго,— сказал он.

— Рита — кто?

— Во всяком случае, ее так зовут. О ее исчезновении

заявила квартирная хозяйка через три дня. С тех пор прошло десять дней, она так и не вернулась. Возраст — 28 лет, вес... вам нужно точное описание?

— Не думаю, чтобы это было необходимо. Я, может быть, заскочу к этой хозяйке. Как ее зовут?

— О'Шеа.

— Спасибо, капитан.

— Если хотите знать мое мнение, — сказал он со смехом, — вы чертовски осложняете свою жизнь, чтобы таким способом найти блондинку.

Когда я приехал в мебелирашки, миссис О'Шеа не было. Парнишка лет тринадцати, усыпанный веснушками, торчавший на крыльце, сказал, что хозяйки не будет до вечера. Она пошла к брату и раньше шести часов никогда от него не возвращается.

Я сказал, что это не важно.

Мальчик сунул руки в карманы блузона и не спеша оглядел меня.

— Во-первых, кто вы такой? — спросил он.

— Меня зовут Уиллер.

— Вы ловите неплательщиков?

— Если угодно. По правде говоря, мне нужна не миссис О'Шеа, а Рита Танго.

— Промазали, старина. Она уже смылась.

Я закурил.

— Да, я действительно промахнулся. Ты ее знал?

— А то нет? Я ее все время тут видел. Она мало работала.

— А где она работала, когда такое случилось?

— Она говорила — в кино! — Он презрительно пожал плечами. — Я никогда не видел ее ни в одном фильме. Хороша актриса!

— Ты не знаешь, у нее был импресарио?

— Конечно, был; она ходила к нему почти каждую неделю. Я ее однажды спросил, как это может быть, что этот тип не в Голливуде, если он такой важный импресарио? Она сказала, что здесь у него филиал.

— Ты не помнишь названия этого филиала?

Он хитро посмотрел на меня:

— Скажите, дружище, сколько она должна вашей фирме?

— Десять долларов.

— Ну да! Станете вы терять время из-за несчастных десяти долларов!

— Я думаю, что ты слишком хитер для меня. Сколько ты хочешь?

Он глубоко вздохнул.

— Пять долларов? — нерешительно сказал он.

— Идет.

Я сел рядом с ним на крыльцо и уставился на него непреклонным взглядом, потом отогнул полу пиджака, чтобы был виден пистолет. У него округлились глаза.

— Ты уже слышал о Кенте Фарго, парень? — спросил я вполголоса и почти не разжимая рта.

— Да, к-конечно, — пробормотал он.

— Ее ищет Фарго. Ты сделал оплошность, нацелившись на мою кассу, а малыш? Ты слишком молод, чтобы умереть.

— Я не навру вам, клянусь! Того типа зовут Чук Финлей, его агентство где-то на Морлик-стрит.

— О'кей.

Он нервно сглотнул.

— Вы не думайте насчет пяти долларов, это так, для смеха.

Я вытащил из кармана пятерку и протянул ему.

— Что сказано, то сказано, мальчуган, — промолвил я на прощанье и вернулся к «остину хелею».

В половине третьего я был в агентстве Финлея. Меня встретила бесцветная приемщица, имеющая такой вид, будто она умерла два года назад и до сих пор не похоронена.

— Как зовут? — спросила она.

— Уиллер. Я...

— Не трудитесь. Сейчас ничего не надо. Прямо идите.

Я открыл дверь в личный кабинет Финлея и вошел. Он сидел за столом, усыпанным фотографиями и остатками еды. Он был жирен, лыс и отвратителен.

— Меня зовут Уиллер, — сказал я. — Я...

Он поднял руку:

— Не говорите ничего, дружище! Я сам вам скажу. —

Он внимательно оглядел меня и покачал головой: — Нет, я вынужден сказать вам, что у вас нет того, что нужно. Во-первых, у вас не то телосложение, которое нужно для успеха. Роли в композициях? — Он снова покачал головой. — У вас нет нужной индивидуальности, я уже вижу. А что касается фигурантов, их хватает на месте, в Голливуде. Когда будете выходить, заплатите приемщице.

— За что?

— Пять долларов за консультацию. Вы хотите знать,

пригодны ли вы для кино, нет? Для этого вы и пришли сюда, так? Вы отнимаете мое время, вы обращаетесь к моим знаниям эксперта, а стать экспертом стоит денег.

— Экспертом чего?

— Что вы...— он сузил глаза.— Кто вы, в сущности?

Я показал ему значок, и его лицо как будто сразу похудело.

— У меня совершенно законное предприятие, лейтенант,— сказал он.— Я извиняюсь, что намудрил, когда вы вошли, я...

— Заткнитесь!

— Я что-нибудь не так сказал? — обеспокоенно спросил он.

— В ваших списках есть некая Рита Танго? Мне нужны сведения о ней.

— Я к вашим услугам, лейтенант.

Он встал и открыл первый ящик конторки.

— Рита Танго,— говорил он, перебирая папки.— Они все Риты после Хейворт. К несчастью, у них нет таланта!

Он достал одну папку, положил на стол и опустился в кресло.

— Расскажите о ней,— сказал я.

— Она у меня записана,— начал он,— на маленькие роли. Я нахожу ей заработок то тут, то там.

— У вас есть ее фото?

— К сожалению, нет, лейтенант.

Я взял папку со стола. Финлей сделал было какой-то жест, чтобы помешать мне, но я приложил руку к его лицу и толкнул его обратно в кресло.

Я открыл папку. В ней был всего один листок, на котором были указаны имя, адрес, номер телефона, а также с десяток фотографий.

— Она фотогенична,— сказал я, кладя папку на стол.— Как она одевалась?

Его руки неопределенно задвигались.

— Вы знаете их, лейтенант, они готовы на все, лишь бы сниматься в кино. Она думала, что если продюсер увидит эти фото, он заинтересуется и даст ей роль.

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Дней десять назад. Может, две недели — не помню точно.

— Кто предложил ей эту работу?

Он подскочил:

— Какую работу? Я ничего не знаю о...

— Она умерла,— бесстрастно сказал я.— Вы к этому тоже приложили руку?

Он сунул пальцы за несвежий воротник и оттянул его.

— Умерла? — хрипло переспросил он.

— Кто дал ей эту работу?

— Мне позвонили,— сказал он,— просили на уик-энд или чуть подольше. Я решил, что речь идет о сборище знаменитостей, и они хотят, чтобы не было недостатка в девочках. Рита — как раз то, что нужно: комната в городе, ни родных, ни привязанностей... Умерла, вы говорите?

— Кто звонил?

— Дамочка.

— Женщина? Хорошо. Как она назвалась?

— У меня будут чертовские неприятности, если я скажу.

— У вас их будет еще больше, если вы не скажете.

— Ладно! Ладно! Кей Стейнвей.

— Вы уже работали с ней?

Он покачал головой.

— Нет, но она сказала, что Кент Фарго посоветовал ей позвонить мне. Этого было достаточно для рекомендации.

— Как она вам заплатила? Приехала сюда или вы ездили к ней?

— Она послала мне пятьдесят долларов по почте.

— Очень хорошо.

Я снял телефонную трубку, вызвал Джонсона, шефа Бригады нравов, и дал ему имя и адрес.

— Что-нибудь захватывающее, Аль? — спросил он.

— Вы хотите сниматься в кино? — ответил я.— Не лучше ли вам увлечься раутами и интимными приемами? У нас есть клиенты, которые платят по пятидесяти долларов за вечер... и выпивка бесплатно.

— А! Один из этих? — сказал Джонсон.— Я обожаю индивидуумов этого сорта. Посылаю двух парней, они будут через десять минут. Спасибо.

— Рад сделать вам приятное,— сказал я и повесил трубку.

Я встал у окна и стал созерцать улицу. Вскоре я увидел, как подъехала машина, вышли двое и пересекли тротуар.

— Ваши последние клиенты сейчас войдут,— сказал я Финлею.— Вы больше не будете нуждаться в клиентуре.

Я взял со стола папку, вышел и закрыл за собой дверь.

— Мистер Уиллер, — обратилась ко мне приемщица. — Вот вам квитанция. С вас пять долларов.

Я печально качнул головой.

— Вы их не стоите, красавица.

Глава 14

— Все в порядке, Аль? — спросила Пола, взглянув на часы. — У нас осталось только пятнадцать минут. Вы не трусите, я надеюсь?

— Я хочу выпить, только и всего.

— Этим займутся. Я пошлю вам Лонни Хуга, пока я переодеваюсь. Вы уверены, что все поняли?

Я посмотрел на батарею прожекторов, камер и кабелей на полу студии.

— Думаю, что да, милочка.

— Это будет очень просто, — сказала она уверенно. — Только мы трое — Кей, вы и я, сидим за столом и болтаем. Вы помните сигналы?

— Да. Ускорить, замедлить, еще две минуты передачи... Отлично помню.

— Прекрасно. Так вот, сейчас я пришлю Лонни, пусть он займется вами, а я пока надену что-нибудь более женственное. — Она оглядела свои темно-голубые брюки: — Я придерживаюсь этого, потому что коллектив считает, что в этой передаче на мне должны быть короткие штанишки.

— Очень забавно, — сказал я, чтобы показаться вежливым.

— Верно? — Она улыбнулась. — Я вставлю это в свои мемуары. — Эй, Лонни!

К нам подошел тип с седыми, щеткой, волосами, который казался куда более уместным в меняльной конторе, чем в студии ТВ.

— Займись Алем, пока я переодеваюсь, — сказала ему Пола. — Я думаю, ему надо выпить.

— Ладно, — сказал Хуг. — Будет сделано. Пойдемте, лейтенант.

Мы зашли в какой-то личный кабинет. Хуг открыл вделанный в стену морозильник и принялся готовить выпивку.

— Чего желаете, лейтенант?

Я машинально ответил:

— Виски, лед кусочками и капельку содовой.

— Вот это я называю мужчиной! — сказал он с улыбкой.

Через несколько секунд он подал мне стакан.

— Выпьем за нашу передачу! — сказал он. — Она принесет кому-то несчастье! Знаете, лейтенант, вы везучий. Вам будет оказано такое внимание, какого никто не имел в этой передаче.

— В смысле? — спросил я.

Его улыбка стала еще шире.

— Ну, когда спор повисает в воздухе — например, если кто-то что-то скрывает, — у Пола целая серия трюков, чтобы вывернуть человека наизнанку.

— Не улавливаю.

— Она хитрюга, эта Пола, — продолжал он. — Эта штука с симфонией в голубых тонах произвела бум. Все голубое, и музыкальное сопровождение — только блюзы. — Он затряс головой и улыбнулся. — Но я говорил о ее манере заставить людей раскрыться. Или нет?

— Думаю, да, — сказал я подозрительно.

— Пола всегда болтает с ними до передачи. Она спрашивает у них, нет ли какого-либо специального сюжета, которого они хотели бы избежать, потому что если они скажут заранее, она не станет упоминать об этом в передаче. — Хуг одобрительно хохотнул. — Вы легко можете себе представить, каков будет первый ее вопрос.

— Самый щекотливый, да?

— Вы знаете, что это за работа! Один жрет другого. Истинные собаки! Сегодня это будут кошки, с Кей Стейнвей. — Он стал серьезным. — Это безумие — видеть Кей Стейнвей замешанной во все эти убийства! И Фарго пытался ее укокошить!

— Вы знакомы с Кей Стейнвей?

— Конечно. Я знал ее по сцене в Эксельсиоре. В те времена я был там постановщиком. Фирмой управлял Норман Котс.

— Понятно.

— Подумать только, что тогда было! Меннинг был суперзвездой. Они, надо думать, сделали состояние на его фильмах. После его смерти сборы еще более повысились. Люди испытывают извращенный интерес, когда смотрят на умершего актера.

— Вероятно, Фарго думал об этом?

— Это меня не трогает. Единственно, кого мне жаль — это маленькую Морган, старшую, я хочу сказать. Ну, Дженис! Легче всего назвать ее так, если знал ее два года

под этим именем. Если бы вы, лейтенант, знали Джорджию Браун, вы согласились бы со мной: Дженис надо было дать орден за ее убийство.

— Да?

— Она поставляла девочек Меннингу, и только за то, чтобы быть зрительницей. Было бы не так омерзительно, если бы она делала это за деньги.

— Еще бы!

— Еще стаканчик, лейтенант?

— Нет, спасибо.

Он посмотрел на часы:

— Ну, пора заняться вашим гримом.

— Гримом?

— Естественно. Но вы не пугайтесь: вам не будут приклеивать фальшивые усы или что-нибудь в этом роде. Просто немного тона, чтобы смягчить морщины.

— Морщины?!

— Ну, вы уже реагируете, как настоящая звезда, лейтенант!

Время шло быстро. Через несколько минут начнется передача. Хуг подвел меня к столу, где уже сидели двое.

Пола была ослепительна в щедро декольтированном голубом фуляре. Сапфиры вокруг шеи были подобраны в цвет платья.

Кей Стейнвей демонстрировала платье стального цвета, казавшееся на первый взгляд обманчиво простым, но вдвойне выделявшееся элегантностью и утонченностью. Ее декольте спускалось еще ниже, чем у Пола.

Я сел между ними, и Кей пожертвовала мне ленивую улыбку.

— Я мало вижу вас, Аль, эти дни, — сказала она своим хриплым голосом. — Видимо, вы были очень заняты.

— Он, действительно, очень занят, — заявила развязно Пола. — Я должна была умолять его принять участие в сегодняшней передаче, — она хихикнула. — Торговец!

— Торговец? — повторила Кей.

— Прямо как в старинной мелодраме, — объяснила Пола, — я должна была заключить с ним соглашение, старое как мир, по правде говоря. — Она снова хихикнула. — Он исключительный, этот Уиллер, правда?

— Исключительный! — холодно согласилась Кей.

— Я кое-что доверю, вам, дорогая, — конфиденциальным тоном продолжала Пола. — Если попадешь к нему домой — нельзя и думать отказать ему в чем бы то ни было!

— Алы! — воскликнула Кей. — Разве вы оставили за собой квартиру? В сущности, это ни к чему, раз вы практически живете у меня.

— Я уверена, что вы преувеличиваете, милочка, — сказала Пола. — Я знаю, что у Аля слишком хороший вкус для этого.

— А я знаю, что он не слепой, — ответила Кей, — и видит вас насквозь.

— Да, ему это нетрудно было, когда я была у него, — сказала Пола, — потому что в эту минуту на мне было мало чего надето...

— Пять минут, добрые люди, — сказал подошедший Хуг. — Живем?

— Очень хорошо, — сквозь зубы сказала Кей. — Самая что ни на есть семейная атмосфера. Лонни, — она грациозно указала на Полу, — вы знакомы с мамой?

Хуг поспешно отошел от стола. Я пожалел, что не мог сделать то же.

Воцарилось тяжелое молчание и длилось до начала передачи. За секунду до включения камер обе девушки натянули на лица сверкающие улыбки. Мне достаточно было сконцентрировать внимание на Поле и постараться забыть о камерах и слепящем освещении. Пола владела собой изумительно.

— Начинаем передачу непосредственно из Пайн-Сити, — объявила она зрителям. — Весь город возбужден за последние три дня двумя дикими убийствами, самоубийством, разоблачением, что Ли Меннинг был просто-напросто убит три года назад, и, наконец, тем, что убийца, Кент Фарго, все еще на свободе.

Это была отличная работа. После блестящей обрисовки ситуации Пола представила публике Кей и допросила ее относительно той ночи, когда к ней явились Фарго и Дун.

Кей показала себя достойной обстоятельств. Она с блеском описала сцену, и в ее глазах все видели ужас, когда она говорила о Чарли Дуне. Она сделала из меня чуть ли не героя, ловко пользуясь мной, чтобы подчеркнуть свою собственную роль в этой истории.

Я взглянул на часы и увидел, что двадцать минут уже истекли. На секунду программа прервалась для рекламного объявления, а потом Пола повернулась ко мне.

Я рассказал свою историю как мог быстрее. Когда я дошел до ареста Блейна и до деталей, которые он сообщил мне — о знаменитом фотоорудии шантажа, — Пола улыбнулась мне в знак благодарности.

— Это ужасно, лейтенант,— сказала она,— но увлекательно. Вы можете добавить еще что-нибудь?

— Сегодня произошли еще два события, которые, возможно, вас интересуют.

— Ну, конечно, лейтенант,— сказала Пола.— Прошу вас, расскажите.

Я коротко рассказал, что произошло, начиная с моего разговора с Мурфи и кончая моментом, когда дела Чука Финлея так резко прервались.

Когда я закончил, Пола некоторое время глядела на меня. Потом с заинтересованным видом спросила:

— Извините, лейтенант, но я не совсем поняла значение того, что вы нам только что рассказали. Не могли бы вы объяснить?

— Это очень просто. Блондинка, пропавшая из дома и разнесенная на кусочки бомбой, была Ритой Танго, а не Джорджией Браун. Настоящая Джорджия Браун наняла Риту, чтобы заменить себя. Она, без сомнения, сама собиралась убить Риту, но ее опередила Дженис Юргенс.

— Минутку, лейтенант,— вмешалась Кей натянутым голосом.— Вы сказали, что тот человек — Финлей, кажется,— уверял, что я звонила ему, чтобы нанять эту девушку? Это ложь!

— Да? Видите ли, после разговора с Блейном меня беспокоило то, что я не понимаю, почему Джорджия Браун отказалась от своего шантажа, который так хорошо действовал. У нее должна была быть причина. Допустим, что она заработала достаточно не только шантажом, но и другими способами и хотела на этом остановиться; к тому же она рисковала — в один прекрасный день Фарго мог взять ее за шкирку.

— Понятно, лейтенант,— вскричала, задыхаясь, Пола,— если Джорджия Браун умрет, никто ее больше не будет искать. Вот она и пригласила Риту Танго, чтобы та сошла за нее,— с намерением убить!

— Именно так.

— Так что вы собирались сказать, лейтенант...— Пола помедлила,— что... Кей Стейнвей и есть Джорджия Браун?

— Это неправда! — в бешенстве зарычала Кей.

Я согласился, не обращая внимания на протест Кей:

— Очень похоже. Фарго сказал, что Кей Стейнвей звонила ему, пытаясь убедить его, что негатив у Котса. Финлей уверял, что Риту Танго нанимала Кей Стейнвей...

— Это ложь! — Кей залилась слезами.— Это полнейшая ложь!

— Если помните,— продолжал я, обращаясь к Поле,— вы с самого начала сказали мне, что Джорджия Браун собиралась назвать в телепередаче четыре имени: Фарго, Блейн, Котс... и Кей Стейнвей.

— Отлично помню, лейтенант! — с воодушевлением сказала Пола. — Четыре имени, которые она...

Голос ее прервался.

Внезапное, тяжелое молчание. Кей перестала рыдать и подняла голову. Полные слез глаза ее округлились от изумления.

— Точно,— сказал я.— Но эти имена назвала вам не Джорджия Браун, а Рита Танго, чего не могло быть — она не могла знать заинтересованных лиц. Их могла назвать только настоящая Джорджия Браун.

Пола слабо качнула головой.

— Я... я ничего не понимаю,— сказала она.— Все эти события... переживания... есть от чего потерять голову.

— Вы чудесно состряпали свой удар,— сказал я.— Вы сменили не только внешность, но и всю вашу личность. Черты лица вам изменила пластическая операция, вы создали себя заново вокруг этих телепередач и сделали акцент на голубой цвет. Все, что вас окружало, было голубым — неудивительно, что и ваши волосы окрашены в тот же цвет. Они гармонируют с остальным.

— Вы с ума сошли!

— Вы достаточно хорошая актриса, чтобы имитировать голос Кей Стейнвей по телефону, когда вы приглашали Риту и когда сообщали Фарго, что негатив у Котса. Но Дженис Юргенс подвела вас, убив Риту. Она думала, что мстит за смерть своей сестры.

Пола прикусила нижнюю губу.

— Когда Дженис выбросилась в окно,— продолжал я,— вам пришлось играть осторожно. Вы рассказали мне, что Дженис дала вам на хранение запечатанный конверт, и предложили отдать его мне. Вы вошли в свою комнату, сунули негатив в конверт, запечатали и принесли мне.

— Я не буду слушать! — сказала она.— Я отказываюсь...

— Вы не обратили внимания, как я брал негатив? — сладко спросил я.— Осторожно, за уголок, кончиками пальцев! Мы сняли с него отпечатки пальцев. Там были только ваши отпечатки, Пола. Ваши!

Она сгорбилась на стуле и устало посмотрела на меня.

— Ладно,— сказала она глухо.— Я — Джорджия Браун.

Глава 15

— Ну, артист! — с горечью вскричал Лаверс. — Эта история с отпечатками, обнаруженными на негативе... Это вранье, а?

— Да, — признался я, — но мне это казалось решающим аргументом. Кстати, я не принял предосторожностей, когда смотрел негатив, хотя должен был их принять.

— А если бы она продолжала отрицать? — сказал он. — Что вы стали бы делать?

Я улыбнулся.

— Никакого риска! Как я уже ей сказал, Рита Танго не могла назвать эти четыре имени. Их знала только Джорджия. Как она могла бы вывернуться из этого тупика?

— Во всяком случае я рад, что она не пыталась, — проворчал Лаверс. — Нам осталось только взять ее и посадить в камеру.

— Что-то я не так блестящ, каким должен быть, — скромно сказал я. — Я только что вспомнил о том, что мне сказала одна блондинка. Блондинка, которая, пожалуй, не так глупа, как кажется.

— Ну, опять начинается треп!

— Позвольте мне верить моей интуиции, шериф, — настаивал я. — Я хочу привезти Полу к Фарго. Час, не больше. Сейчас это уже ничего не изменит.

— Вы воображаете, что я разрешу вам попировать напоследок с этой дамочкой? Да пропади она совсем! — протестовал побагровевший Лаверс.

— Я хочу воспользоваться ею как приманкой. А что касается того, чтобы ей пропасть, так она может выкинуться в окно, как Дженис Юргенс, если это ей светит! Мне она нужна только для того, чтобы найти

Лаверс презрительно усмехнулся:

— Не думаете ли вы, что он будет настолько глуп, что подойдет к своему дому? За домом наблюдают с того вечера как погиб Котс!

Я терпеливо настаивал:

— Я вам говорю, что у меня только интуиция, шериф. Если я ошибся — что вы теряете? Час, не больше.

Он заколебался и, наконец, сказал:

— Ладно, идет. Мне часто кажется, что я такой же псих, как и вы. Час. Не больше, не меньше.

— Спасибо, Шерлок, — сказал я. — Поехали.

Шериф сел рядом с шофером, Пола — на заднее си-

день, между Полником и мной. На протяжении всего пути она не разжимала рта.

Мы остановились перед домом, и Лаверс повернулся ко мне:

— Ваша игра, Уиллер. В вашем распоряжении час. Сержант и я будем ждать в машине.

— Спасибо.

Я взял Полу под руку и провел ее по тротуару к входной двери. Один из дежуривших тут наших людей подошел, чтобы открыть нам. Он дал мне ключи от квартиры, мы вошли в дом и поднялись в лифте на последний этаж. Я открыл ключом дверь и посторонился, пропуская Полу. Затем я вошел и запер за собой дверь.

— Ну,— спросила она,— зачем вы привезли меня сюда?

— Есть идея,— сказал я,— может быть, она и неудачна. Посмотрим.

— Как жаль, что та бомба не ликвидировала и вас тоже! — яростно заметила Пола.

— Располагайтесь. Мы останемся здесь по крайней мере на час.

Я внимательно осмотрел остальные комнаты. Ничто не изменилось со времени моего последнего посещения. Я вернулся в гостиную. Пола открыла бар и стала готовить себе выпивку.

— Вы можете налить и мне,— сказал я.

— Убирайтесь к дьяволу! — ответила она, взяла стакан и села в кресло.

Я прошел за стойку. Пола отвернулась к окну. Я достал свой П-38 и положил его на полочку под стойкой, а потом налил себе виски.

Время текло медленно. Я выпил свою порцию и налил вторую.

— Не хотите еще? — спросил я.

— Убирайтесь к дьяволу!

— Вы повторяетесь.

Она снова отвернулась. Я выцедил свой стакан и машинально взглянул на мертвых рыбок, плавающих на поверхности воды в аквариумах. Они выглядели символом. Внезапно я заморгал: один из аквариумов стал сам собой двигаться.

Он быстро повернулся на 90°, и вся часть стены за ним сделала то же.

Секундой позднее в комнате появился Фарго.

— Не двигайся, ищейка! — сказал он. — Если бы я

тогда послушался своего инстинкта, я бы тебя там же уложил!

— Я статуя,— сказал я.— Но держите собак на поводке.

Неподвижная Пола с такой силой вцепилась в подлокотники кресла, что пальцы ее побелели.

— Добрый день, Джорджия,— ласково сказал Фарго.— Ты действительно изменилась. Я бы тебя никогда не узнал.

— Куда ведет эта дыра в стене? — спросил я.— В вашу контору внизу?

— Я велел сделать лестницу, когда купил этот дом, предполагая, что она может мне когда-нибудь пригодиться. Ее видно в стене, как раз позади аквариума.

— Значит, вы все это время были там? Внизу, в конторе?

— Конечно,— ответил он.— Время от времени я поднимался сюда выпить. Если бы вы и ваши шпики не были такими раззявами, вы бы заметили, что предприятия Фарго закрылись на другой день после того, как вы меня царапнули в квартире Кей Стейнвей. Единственный, кто входил и выходил из этого барака, был мой управляющий, он же мой друг.

— Куда я вам попал? — спросил я с интересом.

— В плечо. Вы разиня и не умеете стрелять. Хирург позаботился обо мне той же ночью. У меня есть связи!

— Не сомневаюсь. Вы видели сегодняшнюю передачу Пола?

— Да, отсюда,— сказал он и резко добавил: — Ну, хватит!

Он полуобернулся к Поле, которая съежилась в кресле.

— Поговорим, кукла! — сказал он сквозь зубы.— Ты меня доила три года, а потом надула. Ты сказала, что это Котс, и я его убил раньше, чем стал искать негатив. Я бы уничтожил и эту девчонку Стейнвей, если бы этот дурак не вмешался! А это все ты состряпала!

— Кент! — тихо сказала она.— Кент! Ты знаешь, что ты единственный, кого я по-настоящему...

— Да, конечно! — Он хохотнул.— Ты была без ума от меня, и я тебе плачу тем же, куколка! Вот доказательство!

Он нажал курок, и звук выстрела отразился от стен оглушающим эхом. Тело Пола выгнулось и снова упало в кресло. Фарго продолжал стрелять, пока заряды не кончились.

Воцарилась тишина. Пола скорчилась в кресле, разодранная и окровавленная.

Фарго повернул ко мне голову и криво улыбнулся.

— Я всегда советовал Чарли, — сказал он, — никогда не приходи в ярость, если не хочешь надеть глупостей. — Он взглянул на пустой пистолет. — Так вот, я и сделал глупость!

— Похоже на то.

Он бросил оружие на ковер и медленно двинулся ко мне.

— Вот и все. Можешь меня забирать.

— Не совсем так, Фарго, — сказал я, взял из-под стойки свой 38-й, тщательно прицелившись, послал Фарго две пули в грудь. Он перевернулся вокруг своей оси и упал поперек кресла на труп Пола.

Я как раз успел допить свой стакан, когда они прибежали.

Лаверс остановился среди комнаты и уставился на трупы. Позади него встали Полник и все остальные.

Я указал пальцем на отверстие в стене.

— Он появился отсюда, он прятался с того дня в своей конторе, этажом ниже. Мы были здесь, Пола и я, и вдруг возник Фарго.

— Ну?

— Все произошло очень быстро. Фарго был вооружен. Как только он ее увидел, сразу принялся стрелять. Она умерла прежде, чем я успел достать свою пушку. Как только я ее достал, то, естественно, ухлопал Фарго.

— Это все, что произошло?

— Лично я думаю, что этого достаточно.

— Если это произошло так быстро, то откуда, к черту, вы могли узнать, что лестница ведет в его бюро?

— Мы на верхнем этаже. Куда же ей еще вести? На Марс?

— Ладно, — проворчал Лаверс. Он наклонился, поднял пистолет Фарго и осмотрел его.

— Его машинка пуста!

— Да? — подозрительно спросил я. — Вы хотите сказать, что он не мог ухлопать меня, даже если бы хотел?

— Я не должен был позволять следовать вашей так называемой интуиции!

Я пожал плечами.

— Во всяком случае, это избавило государство от расходов!

Лаверс некоторое время задумчиво рассматривал меня.

— Вы не перестаете говорить это, Уиллер. Но, как я погляжу, получается чертовски интересная серия! — он начал загибать пальцы. — Блондинка была распылена, потому что вы надавили на звонок; Котса убили, потому что вы вовремя не приехали к нему; вы убили наемного убийцу Фарго и самого Фарго; вы уличили Дженис Юргенс в убийстве блондинки, и она покончила с собой; вы доказали, что Пола Рей не кто иной, как Джорджия Браун, и она в свою очередь была убита Фарго!

Он бросил на меня не слишком снисходительный взгляд.

— Вас надо называть Уиллер-могильщик!

— Я постараюсь держаться вне вашего сектора, шериф, обещаю вам.

Он снова оглядел комнату.

— Здесь чем-то воняет!

— Красные рыбки. Они подошли два дня тому назад.

— Надо думать, мне пора в отставку, — устало произнес Лаверс. — Ладно, допустим, что это рыбки.

— Я могу теперь вернуться домой? — спросил я. — Предполагается, что я на уик-энде, помните?

Только после полуночи я вернулся, наконец, домой. Я открыл дверь и обнаружил, что свет горит, услышал музыку, сделал шаг и растянулся на животе.

Я поднялся и сосчитал: семь чемоданов валялись на полу.

Тони, свернувшаяся клубком на диване, смотрела на меня почти без интереса.

— Вы всегда это делаете? — спросила она. — Вы не думаете, что это у вас условный рефлекс?

— Сколько самолетов вы прозевали? — со злобой спросил я.

Она улыбнулась.

— Я даже не знаю. Я узнала, что вы сегодня выступаете по телевидению. Не могла же я это пропустить?

— Вас опять пустил сторож?

— Мы с ним теперь старые друзья. Я ему показывала свои фото в бурлеске.

— По-моему, мне надо выпить, — сказал я, — и я сейчас приготовлю себе.

- Вы нашли Фарго? — спросила она.
- Да. Мне понадобилось 24 часа, чтобы понять ваш намек на его любовь к конторе предприятия. Вы знали, что у него есть потайная лестница?
- Знала. Что с Фарго?
- Я привез к нему в дом Полу Рей. Фарго поднялся по вышеупомянутой лестнице и уколошил Полу.
- А сам Фарго?
- Его тоже уколошили.
- Кто?
- Я.
- Логично, — безразлично сказала она.
- Я повернулся и посмотрел на нее, держа стаканы.
- Как это — логично?
- У вас комплекс Дэви Крокетт, Аль, — сказала она. — Вы этого не знали?
- Отказываюсь допустить.
- Я протянул ей стакан и сел рядом.
- Для девушки, которая еще позавчера была игрушкой Фарго, вы сразу стали чересчур проницательны.
- Я дипломированный психолог, — сказала она. — Вы знаете, что это мне давало?
- Скажите.
- Кабинет, набитый психопатами, — ответила она очень серьезно. — И я тотчас же решила воспользоваться преимуществами, которыми меня одарила мать-Природа.
- Она встала и сладострастно потянулась. На ней всего только и было надето, что нейлоновая пижамная куртка абрикосового цвета.
- Я знала, что мать-Природа не поскупилась для меня, — сказала она с удовольствием. — К тому же, кто видел женщину-психолога в норке?
- Я никогда не видел, чтобы вы вообще были одеты. Зачем вы вернулись сюда?
- Я забыла плавки от бикини и подумала, что у меня будет идиотский вид в Лас Вегасе, если я буду купаться в бассейне отеля в одном бюстгальтере.
- Идиотский — не то слово.
- Она села ко мне на колени и устроилась поудобнее.
- Есть самолет завтра в девять утра. Я могу лететь на нем.
- Я свободен до понедельника, представьте. Конечно, если не случится непредвиденного.
- Телефон зазвонил скрипуче, пронзительно. Тони встала, взяла трубку и резко сказала:

— Личный секретарь мистера Уиллера. Боюсь, что бесполезно тревожить его в этот уик-энд, он будет очень занят. Если вам нужен адрес похоронного бюро, посмотрите в справочнике.

И она положила трубку.

— Вот это да! — сказал я с восхищением. — Похоже, что вы станете мне необходимой!

Она погасила свет и вернулась на диван.

— Доканчивай стакан, Аль. Ты не можешь одинаково надежно держать стакан и женщину!

ТРУП

Глава 1

— Ты можешь думать о чем-нибудь еще, кроме секса? — сурово спросила она.

— Я не знаю, — признался я. — Никогда не пробовал.

— В следующий раз, когда мы будем ехать в машине вместе, Эл Уиллер, — приглушенным голосом сказала Анабель Джексон, — я одену на себя доспехи!

Я взглянул на огромные неоновые буквы, которые должны были складываться в слова «Золотая подкова», если бы они, конечно, все горели.

— Это то самое место? — спросил я.

Она взяла меня за руку и провела к двери. Мы спустились по ступенькам в небольшой погребок.

— Это то самое место, — сказала Анабель. — Тебе здесь понравится.

Мы нашли столик у стены и уселись. Этот погребок оказался не таким уж маленьким, но все же в нем явно ощущалось отсутствие свежего воздуха.

Неизменный официант возник у столика, уставившись на Анабель.

— Вам что? — спросил он.

— Шотландское, — сказал я. — И окажите нам любезность, вымойте сначала стаканы.

— Хотите переплатить? — спросил он и куда-то улетучился.

Я взглянул на Анабель.

— Я часто гадал, где находится преступный мир Пэйнсити, теперь я знаю.

— Если ты внимательно посмотришь вокруг, — сказала она, — то увидишь, что у всех преступных элементов высокие лбы и очки в роговой оправе. Это — интеллектуальный притон!

— С какой стати они сюда ходят?

— Джаз — вот и все, — сказала она. — Здесь играет

трио, и такое трио стоит послушать. Кларенс Несбитт играет на контрабасе, Куба Картер — на барабане и Уэсли Стюарт — на трубе. Впервые их заметили всего месяца два тому назад, но сейчас все в городе только и говорят об их успехе.

— Только не я,— сказал я.

— Есть еще одна причина, по которой это место может тебя заинтересовать,— сказала она.— Ее имя — О'Хара. Она начинает петь ровно в полночь.

Анабель взглянула на часы.

— Осталось всего пятнадцать минут.

— В моей квартире,— сказал я,— тебя ожидают лучшие пластинки мира. Мой проигрыватель — один из...

— Ты ни о чем не забыл, Эл? — холодно спросила она.— Я обидчива!

Прибыло виски, и официант долго смотрел на Анабель, прежде чем поставить перед ней стакан.

— О! — сказал он восхищенно.— Вот это женщина!

— Она девушка,— сообщил я ему,— что также обозначается словом из семи букв. Слово из семи букв можно подобрать и к вам, правда, оно будет произноситься абсолютно иначе. Хотите, чтобы я выразился яснее?

Он отплыл от стола, с упреком махая в мою сторону своей белой салфеткой.

— Подожди, сейчас ты их услышишь! — твердо сказала Анабель.— Эти ребята — настоящие новоорлеанцы, может быть, с уклоном в чикагский стиль. Ты увлечешься их ритмом и...

Смилостивившись надо мной, судьба заглушила ее голос этим самым трио, начавшим свое выступление с исполнения «Я нашел себе новую детку». Я осторожно отхлебнул шотландского, и худшие мои опасения подтвердились.

— Что ты об этом думаешь? — весело спросила Анабель, когда номер закончился.

— Шумно,— сказал я.— А вот на моем проигрывателе есть ручка громкости, которую ты можешь поворачивать в любую сторону. Могу еще добавить, что виски в моей квартире находится в настоящей шотландской бутылке, и я могу показать тебе этикетку и замечательную пробку, прежде чем...

Мой голос затерялся в буре аплодисментов, когда кто-то объявил: «Миднайт О'Хара». Я сконцентрировал свое внимание на прожекторе, неуверенно мотающемся из стороны в сторону, затем увидел выход Миднайт.

Эта Миднайт О'Хара была женщиной до кончиков ногтей.

Полную фигуру высокой блондинки с темными глазами украшал лифчик без лямок, определенно вырисовывающий нужные формы. В лучах прожектора сверкали поддельные бриллианты. Она была приятно выглядевшей дамой в мире приятно выглядевших дам, но только до тех пор, пока не протянула руку в перчатке к микрофону.

И запела.

Когда она пела, она была всеми женщинами, которых ты когда-либо знал, и только одной, которую ты когда-либо хотел бы знать.

Можно было сказать, что у нее есть свой стиль, своеобразие, глубина... ее пение было великолепно. Можно было подыскивать любые слова, чтобы описать его, объяснить его, анализировать его — и все же, ее голос проникал к тебе в самое нутро и таял там.

Она спела «Беспокойный блюз», затем — «Усталые, обеспокоенные и возмущенные». Вершиной была «Девушка-бродяга».

Когда стихли аплодисменты и трио заиграло «Китайского мальчика», Анабель с ожиданием взглянула на меня.

— Как она тебе понравилась?

— Если бы она, пока пела, расстегнула хоть одну застежку на лифчике, — сказал я, — я бы дал ей на чай.

К нашему столику подошел какой-то тип, который наклонился и принялся восхищенно разглядывать Анабель. Ему было около тридцати лет, и у него уже был животик. Спортивная куртка его была достаточно широка, чтобы спрятать под ней любое музыкальное трио вместе с инструментами, а не брился он уже несколько дней.

— Мужик! — сказал он восхищенно. — Скажи, где водятся такие сумасшедшие курочки, а?

— Дуй, — коротко ответил я.

Он не обратил на меня никакого внимания.

— Я сегодня под мухой, голубка, почему бы нам не поиграться вместе?

— Что? — недоуменно спросила Анабель.

— Подклеенная цыпка, а? — сказал он, с трудом выпрямляясь. — Уже ухожу.

Я наблюдал, как он неуверенно пробирается между столиками, направляясь к двери за сценой.

— На каком это языке он говорил? — спросила Анабель.

— Жаргон, детка,— объяснил я,— «дикер» или какой-нибудь еще.

— Я совсем ничего не поняла. В том, что он говорил — никакого смысла.

— Это зависит от того, насколько ты под мухой,— сказал я.— Тебе все еще здесь нравится?

— Ничего страшного,— сказала она, немного вздергивая свой подбородок.— Зато где еще можно услышать такой джаз?

— На этот вопрос я тебе уже ответил. В моей...

— Эта музыка меня трогает! — перебила она.— Не могу понять, почему она не трогает тебя, Эл? Никогда не думала, что ты такой неотесанный!

Я уставился на нее и медленно обвел взглядом линии ее тела.

— Тебя я так никогда не назову, детка,— сказал я.

— Я говорила в переносном смысле.

— Я тоже,— согласился я.

— И ты еще удивляешься, почему девушка боится пойти в твою квартиру? — спросила она.— Ты единственный мужчина, чей взгляд я прямо кожей ощущаю.

— В моей квартире есть прекрасная музыка и хорошее шотландское,— в отчаянии сказал я.

— И случается та же старая история, происходящая со всеми девушками, о которых читаешь в душеспасительных журналах,— сказала она.— Нет, спасибо, Эл. Я предпочитаю слушать джаз на людях.

Неизменный официант возник где-то у моего локтя.

— Вы так и собираетесь просидеть всю ночь с одной порцией виски? — спросил он.

— Можете принести нам еще,— сказал я.

Он взял со столика стаканы и скрылся.

— Ты хоть понимаешь, что это уже второй доллар, который я потратил на тебя за сегодняшнюю ночь, Анабель Джексон? — сказал я.

— Ты не забыл плату за такси? — нежно спросила она.— Или, может быть, шофер заплатил тебе за то зрелище, которое он мог наблюдать на заднем сиденье?

Я попытался было отрицать это, но опять заиграло трио. На сей раз они играли «Парад на Рэмпарт-стрит», что делало беседу абсолютно невозможной.

Я закурил сигарету и стал раздумывать, вдохновит ли Анабель на что-нибудь песня Джули Лондон «Я сдаюсь», когда она окажется в моей квартире.

Мой мир мечтаний внезапно был разрушен стоном, за которым последовал выстрел.

Через несколько секунд тот самый парень под мухой, который нашептывал сладкие слова оболения в ухо Анабель, внезапно появился перед трио.

Он ничуть не изменился с тех пор, как я в первый раз его увидел, разве что вся его небесно-голубая рубашка на груди была в крови. Он стоял, покачиваясь, несколько секунд, глаза его были мутными, и он никак не мог сосредоточить своего взгляда.

— Сумасшедший! — сказал он, ухмыляясь.

Затем он упал лицом на пол и так остался лежать.

С того места, на котором я сидел, он выглядел мертвым.

Глава 2

Прежде чем я добрался до трупа, любителей, пришедших послушать трио, стало меньше ровно вдвое. Вторая половина их убегала по ступенькам.

Я опустился перед молодым человеком на колени и убедился, что он навсегда расстался со своей брэнной жизнью. Я удивился, как это ему удалось с таким ранением дать нам дослушать финал «Парада на Рэмпарт-стрит».

Трио безучастно смотрело, как я вновь поднялся на ноги и стряхнул пыль со своих коленей.

Неизменный официант подошел ко мне.

— Вы врач? — промямлил он.

— Просто полицейский, — сказал я, показывая ему свой значок.

— Это хорошо, — сказал он. — А то я не знал, кого звать сначала: доктора или полицейского.

— Кто владелец погребка? — спросил я его.

— Я, — ответил сухой голос позади меня. — Что здесь происходит?

Я повернулся и увидел за спиной Миднайт О'Хара. Я глубоко вздохнул и на секунду закрыл глаза.

— Эти духи, — сказал я хрипло, — они как-нибудь называются?

— Я спросила, что здесь происходит?

— Убийство, — ответил я. — Если только он не застрелил себя сам, а пистолет потом проглотил. Это бы меня не удивило.

Она взглянула на мертвого молодого человека с выражением отвращения на лице.

— Кто он?

— Не мой друг, — ответил я.

Затем я с надеждой взглянул на официанта.

— Может быть, ваш брат?

— Я никогда его здесь раньше не видел, — быстро сказал он. — Я вообще понятия не имею, кто он такой.

— И теперь вам уже не представится возможности узнать его поближе, — сказал я. — Это уж точно.

— Если вы из полиции, почему вы ничего не предпринимаете? — требовательно спросила О'Хара. — Вы мешаете моей торговле.

Я огляделся вокруг и увидел, его в погребке осталось не более полудюжины людей. Похоже было, что для того, чтобы встать и уйти, им требовалась посторонняя помощь. Было также похоже, что они очень хотят, чтобы эта помощь пришла как можно скорее.

— Где здесь телефон? — спросил я.

— В моем кабинете, — сказала Миднайт. — Я вас провожу.

— Оставайтесь здесь, — сказал я официанту. — И проследите, чтобы его никто не трогал.

Он задрожал всем телом.

— Кому это придет в голову?

Я прошел за ней через сцену, на которой, уставившись в пространство, задумчиво сидело трио. Было похоже на то, что им очень хотелось сыграть «О, разве он убит?» как надгробную эпитафию покойному.

В кабинете Миднайт стоял обычный стол, стул в одном углу и небольшой столик — в другом. На полу лежала большая тигровая шкура. В стеклянных глазах тигра застыло довольное выражение, и я подумал, что это вполне понятно. Большинству тигров никогда не приходилось лежать в кабинете плюс туалетной женщины дни и ночи напролет.

Я поднял трубку стоявшего на столе телефона и набрал номер. Дежурил Хаммонд, и я рассказал ему, что произошло.

— Сейчас пришлю туда сержанта Полника и еще несколько ребят, — кратко сказал Хаммонд. — Сам приду попозже. Получил новые сведения по убийству Хэрст. Я арестовал супруга и похоже, что он может расколоться в любую минуту. Мне придется подождать здесь, так что побудь там немного, Уиллер.

— лейтенант Хаммонд, — мягко сказал я, — так получилось, что я сейчас не на дежурстве. И в мои намерения

не входит оставаться здесь, пока ты будешь издеваться над безобидным супругом, который совершил вполне оправданное убийство.

— Ну, конечно, Уиллер, можешь идти прямо домой. Правда, это будет не очень хорошо отражено в моем письменном отчете, но...

— Ну, хорошо, — угрюмо сказал я. — Я останусь, но мне это не нравится.

— Теперь я буду спать всю ночь! — сказал он. — И постарайся не пройти мимо всех улик, которые там будут, ладно?

— С каких это пор ты знаешь, что такое улика?

Я поднял трубку примерно дюймов на двенадцать над рычагом, затем опустил ее. Она опустилась точно на место, и если мне повезло, барабанным перепонкам Хаммонда не поздоровилось.

Миднайт нетерпеливо смотрела на меня.

— Ну, не собираетесь ли вы чем-нибудь заняться?

— Чем?

— Расследованием или чем-нибудь в этом роде. И долго этот труп будет оставаться на месте и мешать моей торговле?

— Некоторое время, — сказал я. — Пока доктор его не осмотрит, и не будет сделано несколько фотографий. Это обычные формальности, требующиеся от любого работника полицейского управления. Не помню, кто изобрел их.

Я закурил сигарету.

— Если учесть, что ваш официант занят, могу я налить себе сам?

— Почти все марки вин вон в том баре, — сказала она. — Вы всегда пьете при исполнении служебных обязанностей?

— Только когда мне это удастся.

Я открыл бар.

— Вам налить что-нибудь?

— Водку с джином. Мне требуется что-нибудь покрепче для нервов.

— Но не для фигуры, — сказал я. — Она и так великолепна.

— Типично полицейский комплимент, — фыркнула она. — Плоско и глупо.

— Со временем научусь, — пообещал я.

Я наполнил стаканы: для нее — водкой, для себя — шотландским, на сей раз настоящим.

В ее глазах было какое-то отдаленное выражение, когда она протягивала руку за стаканом.

— Вас что-нибудь беспокоит? — спросил я.

— Я просто думала, — с горечью сказала она, — если вам нужен этот труп, то, может, я его хоть чем-нибудь прикрою?

Через пять минут в комнату вошла небольшая процессия во главе с сержантом Полником, за которым следовал доктор Мурфи.

Доктор внимательно осмотрел меня.

— В один из дней, когда я со своим скальпелем смогу подобраться к вам поближе, то обязательно вскрыю вашу черепную коробку и посмотрю, что удерживает ваши уши на месте.

— Ничто, док, — сказал я. — У меня стопроцентный слух.

— Не обманывайте меня! — проворчал он. — Если ничто не держит ваши уши, то как вам удастся сохранить вакуум в своей голове?

— Это доктор Мурфи, — сказал я Миднайт. — Неофициально известен, как «Убийство Инкорпоретид». В его распоряжении уже два кладбища с пациентами.

— Она не труп, — сказал Мурфи, оценивающе окидывая Миднайт взглядом. — Она дышит.

Он глубоко вздохнул.

— Но я бы не отказался от такого пациента!

— Что за негодный человечиска! — Миднайт нахмурилась. — Он почти такой же отвратительный, как и вы!

Полник деликатно откашлялся.

— Лейтенант?

— Сержант?

— Мои ребята ждут снаружи. Можно нам начинать?

— По-моему, да, — сказал я.

Мы вышли из кабинета и прошли обратно на сцену. Мурфи склонился над телом.

— Мне придется его передвигать, — сказал он. — Вам надо сначала все сфотографировать.

— Да, — сказал я. — Прежде всего.

Фотограф сделал несколько снимков, а затем за труп принялся Мурфи.

Через некоторое время он встал, отряхивая руки.

— Пуля прошла через левое легкое, — сказал он. — Возможно, задела сердце. Смерть должна была наступить мгновенно.

— Сумасшедший! — сказал я.

Мурфи нахмурился.

— Что вы сказали?

— Это сказал не я. Это он.— Я указал на труп.— Он застонал, вышел на сцену, сказал «сумасшедший» и свалился.

Мурфи раздраженно что-то прошептал.

— Сколько времени прошло с того момента, как вы услышали стон до того, как он упал?

— Может быть, секунд пять,— сказал я,— может, меньше.

— А как вы считаете, что такое мгновенная смерть?

— Это вы, док,— вежливо отозвался я.

— Я проведу вскрытие, как только мне доставят его на стол,— сказал он.— Вам еще что-нибудь нужно?

— То, что лежит у него в карманах. Вы не возражаете?

— Сколь угодно. Мой запрет мало что изменит.

Я вывернул все карманы и попросил Полника отнести их содержимое в кабинет Миднайт.

Прибыла карета скорой помощи, и Мурфи величаво удалился. Двое санитаров несли за ним труп.

Затем вернулся Полник.

— Этой даме не очень нравится, что мы занимаем ее кабинет, лейтенант.

— Мы попросим мэра прислать ей официальное извинение. А пока этой даме придется удовлетвориться моим. Пойду извиняться прямо сейчас.

— Да, лейтенант,— смутно сказал Полник.

— Мне надо с ней поговорить,— сказал я.— А когда я закончу, я хочу расспросить, вернее, повидать этих трех ребят.

Я кивнул на музыкантов.

— По одному?

— Для начала всех вместе,— сказал я.— А потом официанта.

— Какого официанта?

— Он тут один такой. Вряд ли ты его с кем-нибудь спутаешь.

Я пошел в кабинет Миднайт.

— Вам, наверное, никто не говорил, что вежливые люди обычно стучат,— холодно сказала она, когда я вошел.

— Я сделаю этот кабинет моим временным главным штабом, если вы не возражаете.

— Возражаю,— сказала она.— Но не думаю, что это что-нибудь изменит.

В ее руке был стакан, по-моему, с водкой и джином.

Я подошел к бару и налил себе шотландского, бросив туда несколько кубиков льда. Затем уселся за стол.

Все изъятые из карманов труп Полник сложил на столе аккуратной стопкой. Я начал осмотр: полупустая пачка сигарет, коробок спичек, на одной стороне которого было написано «Золотая подкова», смятый носовой платок, несколько десятидолларовых бумажек общей суммой в сто шестьдесят долларов, расческа и пилочка для ногтей. Последней вещью в стопке оказался мятый и грязный конверт, на задней стороне которого было написано карандашом: «Лучше займись своим делом, старина».

Я отхлебнул виски, открыл ящик стола, как выяснилось, пустой, и смел туда все вещи, включая и полупустую пачку сигарет, от которой пахло марихуаной. Затем вновь закрыл ящик.

— Чувствуйте себя как дома, лейтенант, — сказала Миднайт. — Не подложить ли вам подушку?

— Это бы не мешало, — признался я. — Но мне сейчас придется забыть о комфорте и заняться делом. Мне надо задать несколько вопросов и выслушать такое же количество ответов. Не возражаете, если я начну с вас?

— Только побыстрее, лейтенант, — сказала она. — Я должна организовать уборку помещения, пока все не ушли домой.

— Я буду быстр. Прежде всего — самое главное: вы работаете каждую ночь?

— Мы закрыты по воскресеньям и понедельникам.

— Это прекрасно. Что вы делаете в понедельник вечером?

Глава 3

Трио в одну линию расположилось по другую сторону стола, и впервые я смотрел на них, как на индивидуумов.

Слева сидел Кларенс Несбитт, который без своего контрабаса выглядел растерянным. Он был полным до грузности, и на нем все еще была шляпа «дерби», в котсрой он играл на сцене.

В центре этой троицы сидел Уэсли Стюарт, трубач, высокий и тощий, как скелет, с большими голубыми мечтательными глазами и длинным носом, не соответствующим пропорциям лица. Последним был Куба Картер — низенький и темноволосый человечек — обладатель длинных черных усов и сверкающих белых зубов.

Я зажег сигарету и посмотрел на них.

Куба нервно задвигал ногами, пальцы Кларенса трогали невидимые струны, и мне показалось, что сейчас зазвучит его контрабас, который стоял у стены напротив. Только Уэсли Стюарт сидел неподвижно, и, казалось, что он находится за миллион миль от кабинета Миднайт О'Хара.

Я тихо откашлялся.

— Вы должны были видеть, как это случилось. Расскажите мне все подробнее.

Они недоуменно уставились друг на друга.

— Мне кажется, мы ничего не видели, лейтенант, — сказал наконец Кларенс высоким голосом. — Мы играли, и нам некогда было на что-нибудь обращать внимание. Я только услышал, как какой-то парень застонал, но решил, что наша музыка ему понравилась. А потом прозвучал этот выстрел, и этот парень появился перед нами. Я решил, что он пытается помешать нам, обозлился и уже собирался выкинуть его со сцены, когда он упал. О боже! Я опоздал со следующим тактом!

— Он говорит правду, лейтенант, — Куба быстро кивнул головой и послал мне свою ослепительную улыбку. — Он говорит правду: мы ничего не видели, пока этот парень не свалился прямо перед нами.

Я взглянул на Уэсли Стюарта.

— А вы что скажете?

Он медленно перевел на меня свой взгляд.

— Что, лейтенант?

Голос у него был спокойный и приятный.

— Я спросил, считаете ли вы так же, как и ваши приятели?

— Простите, — он смущенно улыбнулся. — Я не слушал. Я пытался решить, можно ли в «Спокойном блюзе» использовать вместо...

— Мне очень жаль прерывать ваши музыкальные упражнения, — сказал я, — но всего полчаса назад здесь произошло убийство. Мне бы хотелось узнать ваше мнение на этот счет. Например, видели ли вы, кто его убил, и все такое прочее.

— Ну, конечно, лейтенант... — Он опять улыбнулся своей спокойной улыбкой. — Мне очень жаль, но я ничего не видел, пока он не свалился прямо перед нами. Когда я играю, я ни на что не обращаю внимания. Я не слышал ни стоны, ни выстрелов. Я видел только, как перед нами остановился какой-то мужчина, который затем упал.

— Кто-нибудь из вас знал его? — спросил я, и все трое

отрицательно повертели головами. — Вы когда-нибудь видели его здесь раньше? — Они вновь повертели головами. — Ни один из вас ничего не видел? И вы не видели никого с пистолетом в руке? Никого сзади, справа или слева от вас, кто мог бы вытащить пистолет и выстрелить?

— Простите, лейтенант, — после некоторого молчания сказал, наконец, Стюарт. — Мы были слишком заняты.

— Ну, хорошо, — отступился я. — Спасибо за помощь.

Они поднялись на ноги одновременно и в ногу пошли к двери.

Когда они вышли, в кабинет вошел Полник.

— Как дела, лейтенант? — спросил он с надеждой.

— Женщина говорит, что ничего не знает, — сказал я. — Эта троица говорит, что ничего не знает. Попробуем теперь официанта.

Через полминуты неизменный официант сидел напротив меня. Я пригляделся к нему внимательнее. Он был высок и крепко сложен. У него были густые и черные волосы, которые надо было постричь и помыть недель шесть тому назад. Он сидел в кресле с решительным выражением, а что-то подсказывало мне, что полицейский допрос ему не в новинку.

— Где вы были, когда все это произошло? — спросил я.

— На кухне, — сказал он. — У меня заказ был на четыре персоны за столиком, рядом с вашим. Мне помогал Джо, а затем я услышал крик и выстрел и вбежал как раз тогда, когда он уже падал.

— Вы никого не видели за сценой?

— За сценой никого не было, — твердо сказал он. — Кроме этих трех шумливых музыкантов, на сцене никого не было.

— Вы не любите джаза?

— Да, лейтенант, — сказал он. — Я предпочитаю тишину.

— И того самого человека, которого, как вы говорите, никто не застрелил, вы никогда не видели раньше?

— Да, лейтенант, — он кивнул.

— Может быть, он просто решил, что сегодня День независимости, — сказал я, — что-то уж слишком много он израсходовал ваших фирменных спичек за те десять минут в жизни, что был здесь.

— Может быть, он был здесь и раньше, — нервно сказал официант, — может быть, я просто не замечал его...

— Может быть, вам надо носить очки? — сказал я. — Или вам надо проехать со мной в управление, где мы

быстро освежим вашу память и улучшим ее настолько, чтобы вы уже никогда ничего не забывали?

— Не надо так говорить, лейтенант,— сказал он.— Может быть, я действительно забыл о нем. Я был взволнован и все такое.

— Как часто он бывал здесь раньше?

— Четыре или пять раз. Всегда курил эти сигареты с марихуаной. От них несет минимум за пять столов.

— Как вас зовут?

— Буфф,— сказал он.— Эдди Буфф.

— Что заставило вас забыть, что он бывал здесь несколько раз до этого?

— Я был взволнован... я...

— Может быть, работа вам здесь нравится,— сказал я.— Может быть, вам даже нужны деньги. Поэтому, когда ваша хозяйка стояла рядом, чуть позади меня, вы решили обеспечить себе полную безопасность и отрицать, что видели его раньше?

Он тяжело сглотнул.

— Вы жестоко обращаетесь со мной, лейтенант!

— И не пытаюсь,— сказал я.— Видели бы вы меня в деле!

— Миднайт не хочет никаких неприятностей,— сказал он,— а от этого парня можно было ждать чего угодно с тех пор, как он здесь появился в первый раз.

— Марихуана? — спросил я.

— Да, он курил не переставая. Эти сигареты, которые они называют риферами. Когда смотришь на некоторых людей, то иногда чувствуешь, что ничего хорошего от них не жди. Я почувствовал это сразу же, как увидел его.

— Как его звали?

— Я не знаю, лейтенант.

— Вы в этом уверены?

— Уверен!

— Продолжайте.

— Он много говорил с Миднайт,— прошептал он.— И я видел, что ей этого совсем не хочется, но по какой-то одной ей известной причине она не может ничего с этим поделать.

— Он знал о ней что-нибудь?

— Понятия не имею, да и не мое это дело, лейтенант. Я просто работаю здесь. Может быть, да, а может быть, нет.

— Он говорил с ней здесь, в кабинете, или в зале за одним из столиков?

— Он приходил примерно один раз в неделю. Первый раз — около пяти недель тому назад. Сначала он посидел в погребке, потом спросил Миднайт. Последние несколько раз он проходил прямо в кабинет, оставался в нем минут на двадцать, затем уходил.

— Она когда-нибудь уходила с ним вместе?

— Миднайт никогда не уходит, пока мы не закроемся, то есть не раньше трех часов ночи. Она обычно уходит одной из последних.

— Вы знаете, где он жил?

— Я уже сказал вам, лейтенант, что я даже не знаю его имени.

— Ну, хорошо, Эдди,— сказал я.— Что-нибудь еще?

— Вроде бы нет, лейтенант.

— Можете идти,— сказал я.

Он секунду колебался.

— Вы будете говорить с Миднайт?

— А как вы думаете?

— Если она узнает о том, что я вам рассказал, это ей может не понравиться.

— Я сделаю все, что смогу для вас, Эдди,— сказал я.— Так же, как и вы сделали для меня.

Он обдумывал с минуту мои слова, и не было заметно, чтобы он пришел от них в восторг.

— Ну, что же, хорошо, лейтенант,— сказал он и пошел к двери.

Я вызвал Джо, мальчика на побегушках, и он подтвердил мне, что рассказал Буфф.

Затем я снова вышел из кабинета. Трио опять сидело на сцене. Кларенс почти неслышно перебирал струны, Куба тихо бил в барабан, а Уэсли просто сидел с закрытыми глазами. Миднайт наблюдала за двумя мужчинами, отскребывающими кровь с пола. Посетители, не успевшие уйти до прихода Полника и его ребят, сидели за своими столиками. Выглядели они несчастными и трезвыми.

— Я записал их имена и адреса,— сказал Полник.— Хотите их допросить сейчас или пусть ждут?

— Пусть ждут,— сказал я.

Я прошел обратно на сцену и остановился, просто оглядываясь вокруг. Через несколько секунд подошел Полник и встал рядом.

— Что-нибудь еще, лейтенант? — спросил он.— Что мне делать?

— Присоединиться ко мне в разрешении тайны убий-

ства,— сказал я.— Вот мы с тобой стоим на сцене, правильно?

— Правильно! — сказал он с энтузиазмом.

— Сзади нас, до стены, пустое пространство, примерно в шесть футов, правильно?

— Правильно!

— Слева — две двери. Одна из них — в кабинет мисс О'Хара, другая — на кухню. Других дверей нет, правильно?

— Правильно!

— Труп, прежде чем стать трупом, должен был стоять позади сцены, прежде чем кто-то выстрелил в него... Затем он ступил на сцену, обошел трех музыкантов, остановился перед ними, упал и умер. Правильно?

— Правильно!

— Музыканты не видели его. Они смотрели в сторону. Да и в любом случае, они в это время играли. Мисс О'Хара была в своем кабинете. Буфф был на кухне. Никто не мог стрелять через головы музыкантов и заставить пулю лететь по кривой так, чтобы она опустилась футов на пять — шесть и попала ему в грудь. Правильно?

— Правильно!

— Итак, кто убил его?

— Пра...

Полник несколько раз моргнул.

— Раз ты тоже ничего не понимаешь,— радостно сказал я,— я чувствую себя спокойнее.

— Пистолета на полу нигде не было,— сказал Полник.— Значит, он не мог покончить с собой.

— У меня была теория, что он проглотил свой пистолет,— сказал я.— Аутопсия покажет, справедлива эта теория или нет.

Полник все еще обдумывал теорию самоубийства. Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Вы шутите, лейтенант!

Позади нас раздался рыкающий звук, как будто кто-то прочищал себе горло.

— Лейтенант всегда шутит,— сказал Хаммонд Полнику.— И то, что он считает себя полицейским,— самая удачная шутка из всех.

— Давно вы здесь, человек-невидимка? — спросил я его.

— Давно,— сказал он.— И можете не беспокоиться, с этой дамой я поговорю сам.

— Отлично. Пройдемте в кабинет, и я расскажу вам все.

Мы прошли в кабинет. Хаммонд подошел к столу, уселся в кресло и подозрительно посмотрел на меня.

— Ну, Уиллер,— сказал он резко,— в чем тут дело?

— Вы хотите, чтобы я назвал вам убийцу? — заинтересованно спросил я.

— Умник! — сказал он. — Вы слишком долго работали по этому делу. Просто расскажите мне все, что знаете, и можете убираться отсюда. Я думаю, это займет у вас не больше минуты.

— Или меньше,— согласился я.

Я рассказал ему все, что произошло после того, как убитый последний раз вздохнул. Я видел, что Хаммонд не очень верит всему, и не мог упрекать его за это.

— Так что, передаю все в ваши руки, лейтенант,— закончил я.— И желаю вам удачи, потому что она вам понадобится... Она бы понадобилась даже хорошему полицейскому!

Я повернулся и пошел к двери.

— Мне это вовсе не кажется таким сложным, Уиллер! — крикнул он мне вслед. — Насколько я понимаю, это сделала хозяйка погребка!

— Миднайт? — спросил я. — Это мысль. Может быть, она засунула пистолет себе в трусики после того, как убила его? Если вам потребуется помощь, я могу остаться и помочь вам отыскать его.

— Убирайтесь отсюда! — прорычал он.

— Уже иду,— я укоризненно покачал головой. — Вы утонченная натура, Хаммонд! А когда вы меня спросили сначала «В чем дело?», я было этого не понял.

Я вышел из кабинета и подошел к столику, за которым сидела Анабель Джексон. В ней бурлили самые разнообразные чувства.

— Я готов.

— По крайней мере, не для меня! — напряженно ответила она.

— Я имею в виду, что окончил свои служебные обязанности, что же касается личных, то я не вижу причины, почему бы нам...

— Я сейчас расплачусь от умиления!

— ...не убираться отсюда, пока Хаммонд не совершил второго убийства, пытаясь распутать первое,— закончил я.

Мы забрались в машину, и Анабель не переставала говорить, пока мы не очутились у ее дома.

— ...оставить меня одну, а самому уйти в кабинет с...

этой женщиной! — сказала она напоследок, захлопывая дверцу.

— Зато какая женщина! — тепло сказал я. — Хотел бы я пойти на свидание с такой, а ее пение здесь вовсе ни при чем.

— Ты!.. — она даже стала заикаться. — Волк в овечьей шкуре!

— Я не понимаю, почему ты так разволновалась? — сказал я. — Я в восторге от Миднайт, ты — от джаза. Не вижу здесь большой разницы.

Затем я понял, что говорю сам с собой.

Я поехал домой, по дороге думая, как мог бы у меня сложиться вечер. Позвонив в гараж, попросил, чтобы мой «остен-хейлей» был готов к завтрашнему утру.

Телефонный звонок застал меня со стаканом в одной руке, рюмкой — в другой.

Я поднял трубку и сказал:

— Все в порядке, детка. Я не сержусь, цыпочка!

— Уиллер! — холодно сказал мужской голос.

Я бы узнал этот лай даже на собачьей выставке.

— Он вышел, — с надеждой ответил я.

— Это шериф Лаверс, — проревел он.

— Как поживаете? — весело поинтересовался я.

На другом конце провода раздался удушенный вскрик.

— Сейчас не время валять дурака! Приезжайте немедленно ко мне в управление.

— Приду утром раньше всех, — преданно пообещал я.

— Я сказал немедленно — и это значит сейчас! — сказал он. — И к вашему сведению, Уиллер, утро уже наступило.

Когда он повесил трубку, в ухе у меня щелкнуло.

Глава 4

Когда я вошел в приемную управления, то почувствовал себя человеком, страдающим бессонницей, который никак не может заснуть, потому что ему все время мерещатся блондинки.

Я прошел через приемную и только собирался открыть дверь кабинета Лаверса, когда услышал за этой дверью голоса. Я уселся в глубокое кресло, закурил сигарету и начал думать про всякие непечатные вещи про нашего шерифа. Пятью минутами позже дверь отворилась, и оттуда вышел высокий худой мужчина. У него были седые

волосы, длинный нос и очень тонкие губы. На лице можно было прочесть выражение уверенности. Оно хорошо сочеталось с дорогим костюмом, сшитой на заказ рубашкой и итальянским шелковым галстуком.

Он прошел через приемную, не обратив на меня никакого внимания. Возможно, всю мою незначительность и подчиненность можно было ощутить, даже не глядя на меня.

Лаверс подождал, пока посетитель не ушел, затем кивнул мне головой.

— А вы не торопитесь, Уиллер,— проворчал он.

Я уселся в одно из кресел для посетителей, осторожно обходя то, в котором были сломанные пружины,— именно оно покусилось на мое мужское достоинство, когда я последний раз был в управлении.

— Этот труп, который вы обнаружили сегодня ночью,— сказал Лаверс.— Хотел бы я, чтобы его не было.

— Я тоже,— согласился я,— если вы из-за него меня вызвали.

— Имя Ландис вам что-нибудь говорит? — спросил он.

— Конечно,— я кивнул головой.— Владелец «Трибьюн».

— И человек, который только что вышел из моего кабинета,— сказал шериф.— Это был труп Джонни Ландиса — его сына!

— Этот, курящий риферы...

— Бездельник — то слово, которое вам нужно,— продолжал Лаверс,— и вы правы. Но он не перестает от этого быть сыном Ландиса, и старик мечет гром и молнии. Он жаждет мести, требует, чтобы убийца был пойман и понес заслуженное наказание. Все остальное вы сможете прочесть завтра в его газете крупными заголовками.

— Мистер Ландис — большой человек,— сказал я.

— Мистер Ландис — отец города, а также крупный государственный политический деятель,— внушительно сказал Лаверс.— Мистер Ландис — владелец самой крупной здесь газеты. Мистер Ландис может сделать вакантным это место!

Его большой палец указал вниз, на то кресло, в котором он сидел.

— Я думаю, вы меня поняли достаточно ясно, Уиллер?

— Ну, конечно, шериф,— сказал я.— У меня даже возникло ужасное подозрение, по какой причине я здесь нахожусь.

— Официально — это дело лейтенанта Хаммонда,— сказал он.— Но у меня есть в нем свой интерес — моя

шея! Если тот, кто убил Джонни Ландиса, не будет арестован в течение недели, мне придется искать работу в городском управлении, вероятно, уборщиком!

— Так что же мне надо делать? — уныло спросил я.

— Блюдайте мои интересы, Уиллер! — сказал он. — И свои собственные. Если Ландис в состоянии сменить шерифа, то мне нет нужды говорить вам, что он в состоянии сделать с полицейским лейтенантом.

— Я хочу услышать от вас определенно, — сказал я, — работать мне с Хаммондом или...

— Официально это дело Хаммонда, — сказал он. — Официально — вы просто выполняете для меня кое-какую работу, вот и все. Неофициально — если Хаммонд не поймает убийцу, то лучше это сделать вам, и побыстрее.

— Хаммонд будет в восторге! — сказал я.

— С каких это пор вам не наплевать, что скажет или подумает Хаммонд?

— Мне просто хочется точно знать, каково мое положение, — сказал я. — Как вы узнали, что это был Джонни Ландис?

— Ему сказала эта женщина с таким странным именем — Стаднайт.

— Миднайт.

— Вот-вот.

— Что она сказала Хаммонду?

— Что Ландис надоел ей, я имею в виду сына. Она знала, что его отец — Даниэл Ландис, и боялась отвадить его от погребка. Она сказала, что он просто околачивался там и больше ничего не делал.

— Она не упоминала, имел ли кто-нибудь мотивы для его убийства?

Лаверс пожал плечами.

— Судя по ее словам, любой, кто когда-нибудь имел с ним дело, мог желать его смерти.

— Это все, что Хаммонду удалось от нее узнать?

— Почти. Хаммонд убежден, что она его убила. Он велел женщине-сержанту обыскать ее, но ничего не нашли.

— У женщины с такими формами? — спросил я. — Я просто поражен, шериф...

— Я имею в виду, что он... она не нашла пистолета, — сказал Лаверс. — Я надеюсь, что вы не собираетесь играть словами все утро?

— Я только что собирался поиграть с блондинкой, когда вы мне позвонили, — солгал я. — Вы считаете, что я буду тратить свои шутки и игры на вас?

Он зажег сигару и начал рыться в каких-то бумагах на столе.

— Вот отчет об аутопсии,— проворчал он.— Пуля двадцать второго калибра. Никаких следов наркотиков, он еще не стал аддиктом, по крайней мере, дальше марихуаны он не зашел.

— Это должно быть утешением для его дорогого старого папочки! — сказал я.

Он запыхтел сигаретой.

— Давайте не валять дурака хоть сейчас, Уиллер! Всем нам придется туго. Вам, мне, управлению — всем, кто имеет хоть какое-либо отношение к этому делу.

— Ландис так сильно тронут смертью своего сына? — спросил я.

— Ему наплевать на смерть своего сына,— мрачно сказал Лаверс.— Его беспокоит только собственный престиж. Имя Ландиса должно быть отомщено. Вы меня понимаете?

— Начинаю,— сказал я.

Лаверс поморщился.

— У Ландиса в венах кровь? У него в венах лед. Он признал в трупe своего сына с большим хладнокровием, чем он дает разрешение на печатание передовицы в своей газете. Он объявил, что ожидал, что его сын так и кончит. Он выглядел почти удовлетворенным, что его ожидание сбылось!

Лаверс помолчал.

— Три месяца назад Ландис выгнал своего сына из дома, когда обнаружил, что тот курит марихуану.

— Какой прекрасный отец! — воскликнул я.

— Он понятия не имел о делах своего сына и даже о том, где он находился все эти три последних месяца,— твердо сказал Лаверс.— Он платил триста долларов в месяц по его счету в банке — и все. Он верит, что за это время его сын окончательно деменировал, и даже говорит, что его могли убить за то, что он не платил за марихуану!

— Что думает по этому поводу миссис Ландис? — спросил я.

— Она умерла.

— Тогда понятно.

— Но у него есть еще и дочь,— продолжал Лаверс.— Примерно на пять лет моложе сына. Она живет с отцом. Он сейчас пошел домой рассказать ей о том, что произошло, сразу же из управления.

— Если он — отец города, я рад, что я не надзиратель этого города,— сказал я.

— С дочерью вы можете поговорить позже,— сказал Лаверс.— Она может знать, чем занимался ее брат эти три месяца.

— Хорошо,— сказал я.— А Хаммонд тоже это делает?

— Меня не интересует, что сделает или делает Хаммонд! — взревел он.— Сейчас на меня работаете вы, Уиллер! И вы будете делать то, что я вам скажу!

— Да, сэр,— покорно сказал я.— Но предположим, что я встречу Хаммонда, когда он будет выходить оттуда? Я буду чувствовать себя несколько глупо.

— Не беспокойтесь, этого не произойдет!

— У меня тоже есть ужасное чувство, что этого не произойдет,— сказал я.— Хаммонд не будет допрашивать ее, потому что ему так приказали, не правда ли?

— Мы..., то есть полиция, будем держать Ландиса в курсе всех дел расследования,— неуверенно сказал Лаверс.— Ландиса поставят в известность, когда его дочь будет официально допрошена.

— Но его не поставят в известность, когда его дочь будет допрошена неофициально? И конечно, вы долго будете извиняться перед ним и скажете, что это был дурак Уиллер, который никогда не знает, что делает, и понизите меня до сержанта?

— Ну, до этого не дойдет,— неуверенно сказал Лаверс.— Официально вы получите выговор, но это ровным счетом ничего не будет значить.

— Теперь я знаю, как чувствует себя жертвенный козел,— с горечью сказал я.— Надеюсь, вы уже приготовили блюдо, чтобы не пролить ни капли крови после того, как мне будет перерезано горло?

— Имейте в виду только одно,— Лаверс уставился на меня.— Это дело мы должны закрыть и закрыть быстро. И мне совершенно безразлично, сколько лейтенантов при этом свернут себе шеи!

— Вот за это я и люблю работать с вами, шериф,— с чувством сказал я.— Чувствуешь себя в полной безопасности на такой работе.

Лаверс дружелюбно мне улыбнулся.

— В управлении вас называют «необычным полицейским». Теперь вам как раз предоставляется шанс доказать это.

Глава 5

Я остановил свой «хейлей» у дома Ландиса без четверти одиннадцать.

Двухэтажный дом был выстроен в старом английском духе. Он стоял посредине небольшого земельного участка в пять акров, на котором было создано небольшое искусственное озеро, где плавали семь лебедей.

Когда я нажал на кнопку звонка, расположенную на дубовой панели двери, то почувствовал разочарование. Это был обычный звонок, а я, по меньшей мере, ожидал услышать хор из «Джон Пила» или звук охотничьего рожка. Дверь открыл дворецкий, который разговаривал так, как будто порезал свой рот острой бутылкой.

— Доброе утро, сэр, — холодно сказал он. — Если вы что-нибудь продаете, боюсь...

— Мы только что изготовили великолепный автомат, смешивающий коктейли, — сказал я. — Профессия дворецкого после этого станет абсолютно ненужной. Я хочу видеть мисс Ландис.

— Боюсь, что это невозможно, — твердо сказал он. — Только что семья пережила большое горе и...

— Я видел, как это произошло, — перебил я. — Я лейтенант Уиллер из полиции.

Я показал ему свое удостоверение, которое доказывало, что я полицейский, или что я только что убил и ограбил полицейского.

— Я все-таки хочу повидать мисс Ландис. И даже настаиваю на этом.

— Очень хорошо, сэр, — сказал он. — Не пройдет ли вы за мною?

Я прошел за ним через холл, отделанный дубом, мимо рыцарских доспехов, стоявших у подножия широкой лестницы, в другой большой холл, тоже отделанный дубом.

— Если вы подождете здесь, сэр, — сказал он, — я доложу о вас.

Он вышел, закрыв за собой дверь с поразительной мягкостью. Я закурил сигарету и стал ждать. Во мне росло и крепло подозрение, что этот холл служит им местом для раздевалки, куда вешают всю верхнюю одежду.

Примерно через пять минут вернулся дворецкий.

— Мисс Ландис будет ждать вас в гостиной, сэр, — сказал он.

Я прошел за ним. Гостиная была отделана кедром — вопиющее нарушение традиций. На одной стене висел

мушкет семнадцатого века, на другой — картина с очень невеселым рыцарем. Я мог понять его чувства. Смех в этом доме был просто неприличен.

В центре комнаты лежал толстый, весь в цветах, ковер. Вокруг него располагались кушетка и четыре кресла, обитые ситцем, выглядевшие достаточно неудобными для того, чтобы быть настоящим антиквариатом.

Я ожидал увидеть молодую хозяйку дома с тугим узлом волос, стянутых на затылке, одетую в платье минимум восемнадцатого века, которая бы тихо плакала в кружевной платочек.

— Мисс Ландис примет вас через минуту, сэр, — сказал дворецкий и исчез, что и должны делать все приличные дворецкие.

Я подошел к кушетке и уселся. Пружины не поддались даже на одну восьмую дюйма. Я задумался: была ли расписная вазочка, стоявшая на небольшом столике у кушетки, пепельницей или старинной унаследованной вещью. Эти старинные вещи хороши тем, что их всегда можно с чем-нибудь спутать. Я загасил в этой вазочке свой окурок и закурил новую сигарету. Прежде чем дверь отворилась и вышла предполагаемая хозяйка дома, я успел стряхнуть в эту вазочку еще дюйм табачного пепла. Затем она вошла. Я взглянул на нее только раз и уронил сигарету на ковер.

Она была примерно среднего роста, но это было единственное среднее в ней. Богатейшие блестящие черные волосы свисали сзади конским хвостом. Лицо эльфа украшали полные красные губы: нижняя была чуть выпячена, можно сказать, провокационно.

Темно-серый шелк ее платья сверкал и переливался. Оно обтягивало ее плотнее, чем перчатка руку, а сбоку был сделан разрез, чтобы она вообще могла ходить. И когда она шла, можно было видеть ее прекрасные загорелые ноги.

Ее синие глаза выглядели огромными за стеклами очков в сверкающей оправе. Серьги — два золотых дракона — источали огонь и пламя.

— Я Рена Ландис, — сказала она высоким голосом.

Подняв с бесценного ковра свою сигарету, я поднялся на ноги.

— Я лейтенант Уиллер, из...

— Знаю. Тальбот мне рассказал.

— Дворецкий?

— Это то, чем он должен быть, — сказала она. — Он изумительный объект для изучения репрессии. Если бы

у него была жена, он бы ее каждый день бил, я уверена в этом!

— Мне почему-то кажется, что все было бы наоборот,— возразил я.— Есть предел выносливости для каждой женщины.

— Как ваше христианское имя?

Я моргнул.

— Эл,— сказал я несколько хриплым голосом.

— Зовите меня Рена,— сказала она.— Я думаю, люди просто неспособны хорошо узнать друг друга, если они все время придерживаются формальностей. Вы согласны, Эл?

Она уселась рядом со мной на кушетку. Разрез ее платья разошелся, и я чувствовал бы себя легче, если бы она носила под ним хотя бы шорты. Тогда мне легче было бы говорить о делах.

— Вы хотели поговорить о Джоне? — спросила она.— Отец рассказал мне обо всем сегодня утром. Вы знаете, что он курил марихуану?

— В его кармане была пачка с этими сигаретами,— тихо пролепетал я.

— Я пробовала их,— серьезно заявила она,— но бросила.

— Рад слышать.

— Ребячество. Но Джонни и был ребенком. Кроме того, риферы — это только начало. Через некоторое время ты начинаешь принимать героин или курить опиум и, прежде чем ты успеешь опомниться, уже становишься рабом привычки. А вы, Эл? Я рада чувствовать себя свободной от любого насилия и люблю делать то, что мне нравится. А вы не любите делать того, что вам нравится, Эл? Вы выглядите очень молодо для полицейского офицера. Я думала, все они — высушенные воблы и абсолютно не возбуждают эмоционально. Но я нахожу вас вполне эмоционально возбуждающим, Эл. А вы находите меня эмоционально возбуждающей?

— Я...

— Можете не говорить мне,— она ослепительно улыбнулась.— Я вижу, что да, потому что вы все время ерзаете. И вы уже в четвертый раз взглянули на мои ноги с тех пор, как я села на кушетку. Я называю это свое платье «удар». Хочешь поцеловать меня, Эл?

Я поперхнулся дымом и затушил сигарету в вазочке.

— Отец бы пришел в полный восторг, если бы увидел это,— сказала она.— Эта вазочка — Уэденвуд восемнадца-

того века. Вы первый человек, который хоть для чего-нибудь ее приспособил.

— Ваш брат,— попытался я вновь,— вы не можете мне сказать, почему он...

— Можешь не беспокоиться о Тальботе,— сказала она.— В его обязанности не входит тревожить своих хозяев, сюда он не войдет. Другие слуги на кухне, как раз в другом конце дома. Ты можешь меня взять, Эл, если хочешь. Я никогда раньше не жила ни с одним полицейским офицером. Это довольно возбуждающая мысль. Конечно, сначала ты должен быть осторожен. Ты можешь поцеловать меня и помять немножко — и больше ничего. Только тогда я могу твердо сказать, хочу я тебя или нет.

Я быстро встал с кушетки и уселся в кресло, которое стояло напротив. Здесь я чувствовал себя в большей безопасности, но ненамного.

— Пожалуйста,— взмолился я.— Все, что я хочу, это задать несколько вопросов.

— И ты не хочешь меня взять? — ее синие глаза стали еще больше,— разве ты не считаешь меня привлекательной? Может, ты предпочитаешь, чтобы я обняла и поцеловала тебя первой?

— Я предпочитаю, чтобы ты сидела там, где сидишь, и заткнулась,— прорычал я.

Ее нижняя губа выпятилась еще немного.

— Сейчас ты грубишь и кричишь на меня, Эл. Тебе не нравятся брюнетки?

— Я думаю, что ты очень красива,— сказал я.— Я люблю таких красивых брюнеток, как ты. Я бы очень хотел обнять и поцеловать тебя, но я здесь нахожусь официально и по официальному делу. Я полицейский, и мне платят за то, что я полицейский. Вопросы есть?

— Я вижу, что у тебя есть чувство долга, Эл,— сказала она.— Я бы не хотела как-то влиять на те идеалы и ценности, которые ты имеешь, чтобы не вызвать у тебя комплекс неполноценности и ограниченный невроз. Задавай сперва свои вопросы, а когда ты кончишь, мы сможем потом побыть вместе.

Она прислонилась к подушкам кушетки и скрестила ноги.

— Давай! — сказала она.

— Можете ли вы назвать хотя бы одну причину, по которой ваш брат мог быть убит? — медленно спросил я, переводя дыхание.— Я знаю, что вам больно слушать все эти вопросы, но я надеюсь, что вы понимаете...

— Больно? — она вежливо рассмеялась. — Я думаю, что ты ничего не понимаешь, Эл. Я ненавидела своего брата с тех пор, как начала разговаривать. Он был жестоким и отвратительным. Знаешь, как некоторые маленькие мальчики отрывают крылья мухам?

— Да, — сказал я, — но...

— Джон принадлежал к людям, которые ломали руки тем мальчикам, — сказала она. — И наслаждался этим.

— Что ж, если вы не так сильно переживаете смерть своего брата, мне легче будет задавать свои вопросы.

— Я не переживаю, я праздную, — сказала она. — Я бы сейчас с удовольствием напилась, если бы я не бросила употреблять все алкогольные напитки, Эл. Алкоголь — это слабая форма наркотика. Формируется привычка, а я хочу быть абсолютно свободной от любых привычек.

— Это хорошо, — промямлил я.

— Я не курю по той же самой причине, — сказала она.

— Но вы не возражаете против того, чтобы переспать — только осторожно?

— Это не имеет ничего общего с привычкой, — медленно улыбнулась она. — Это имеет отношение к биологии. Опасно подавлять в себе биологические реакции, Эл. Это...

Я закрипел зубами.

— Я понимаю, — сказал я. — Это вызывает депрессию и ограниченный невроз.

— Точно. Вопросы?

Я говорил чуть ли не шепотом.

— Не знаете ли вы, кто мог убить вашего брата, и по какой причине?

— Ну, конечно, знаю, — твердо сказала она. — Любой, кто знал его, мог бы иметь мотив для убийства.

— Но в частности?

— Ну, — сказала она нерешительно, — например, я или отец, или Тальбот. Затем повар и Элси, наша служанка, и Дженгинс, садовник. Затем почтальон и...

— Это очень смешно, — холодно остановил я ее.

— Да?

Я мог бы поклясться, что в ее глазах сквозило истинное изумление, когда она взглянула на меня.

— Я не хотела шутить.

— Кроме вашей семьи и слуг, — сказал я, — можете ли вы припомнить кого-нибудь еще?

— Не думаю, — сказала она. — Джонни не жил с нами последние три месяца. До этого я старалась видеть его как можно реже. Так было безопаснее.

— Безопаснее?

— Он пытался доставлять себе небольшие удовольствия, когда мы встречались, — в ее голосе проскользнули металлические нотки. — Он выкручивал мне руку за спиной, щипал меня за голень... и все в таком духе.

— Очаровательно, — сказал я.

— Он был абсолютно инфантилен, — сказала она скупающим голосом. — Мания все портить... Как одевался, как разговаривал — какая-то ахиня, которую я никак не могла разобрать... Даже эта музыка, которую он любил — джаз!..

Я поморщился.

— Так что я думаю, ты можешь выбирать из любого, Эл, — сказала она весело. — Я бы не отказалась убить его. Это было бы новое для меня ощущение.

— Так же, как и газовая камера, — сказал я. — Последнее ощущение.

— Возможно, это меня и остановило, — сказала она.

Она закинула ноги на кушетку, согнула их, затем закинула руки за голову. Разрез на ее платье полностью распахнулся, обнажая округлое бедро как раз в том месте, где кончался загар.

— У тебя есть еще вопросы, Эл? — спросила она. — Или ты, наконец, можешь взять меня?

Многие могут не поверить в это, но я все-таки человек. Я знал, что если откажусь, то потом не буду спать ночами, переживая это. Я медленно поднялся и сел на кушетку рядом с ней.

— Нам никто не мешает, — мягко сказала она, — так что не нервничай, Эл.

— Я впервые слышу такое от женщины с тех самых пор, как у меня сформировался голос, — сказал я.

Я придвинулся ближе.

— Может быть, моя техника неудовлетворительна?

— Она, возможно, несколько старомодна, — спокойно ответила она.

С живостью и изяществом она поднялась с кушетки и сняла очки, аккуратно положив их на столик.

Когда она взглянула на меня, глаза ее были туманны и вовсе не от близорукости.

— У тебя совсем нет практики, Эл, — сказала она. — Тебе нужна помощь.

Она взяла мои руки в свои и положила их на небольшие, твердые груди. При этом она слегка повернула голову.

Сквозь ткань платья я ощутил что-то мягкое и теплое.

Она на минуту крепко прижала мои руки, затем пальцы ее правой руки стали направлять пальцы моей левой руки.

— Это называется застежка,— прошептала она.— Тебе надо всего лишь слегка дернуть.

Я дернул.

Платье из шелка мягким мячиком упало к ее ногам. Она не носила рубашки. На ней были только лифчик без лямок и белые трусики. При взгляде на нее у меня пересохло горло.

Затем она нырнула в мои объятия, и я почувствовал тепло ее тела, прижимающегося к моему. Ее острые белые зубы на мгновение впились в мою нижнюю губу.

— Обычно такие сделки заключаются пятьдесят на пятьдесят, Эл,— хрипло сказала она,— ты не должен вести себя как чурбан!

Именно в этот момент я услышал, как дверь позади меня открывается, и кто-то входит в комнату.

Я подумал, что это дворецкий, который, можно считать, потерял свою работу, но зазвучавший голос дворецкому явно не принадлежал.

— Рена,— холодно сказал кто-то.— Иди к себе в комнату!

Она наклонилась и подняла с пола свое платье, затем медленно выпрямилась, прижимая его к себе.

— Папа! — сказала она надтреснутым голосом.— Я... Я не знала, что ты...

— Иди к себе в комнату,— повторил он, делая паузы после каждого слова.

Она кинулась к двери. Она не взглянула на меня, и я почувствовал к ней такую же жалость, какую чувствовал сейчас и по отношению к себе.

— А вы, сэр? — спросил холодный голос.— Могу я узнать имя человека, который пытался соблазнить мою дочь под крышей моего собственного дома?

— Смит? — неуверенно предложил я.

Со столика мне укоризненно подмигивала расписная вазочка.

Глава 6

Ландис стоял перед своим бюро у телефона.

— Итак,— сказал он,— вы пришли сюда допросить мою дочь об убийстве ее брата через несколько часов после того, как она узнала об этой трагедии. Вы абсолютно

игнорировали тот факт, что такой допрос может тяжело сказаться на хрупкой, чувствительной девушке.

— Я...

Это было все, что мне удалось из себя выдать.

— Вы не захотели сначала повидаться со мной! Хотя бы из вежливости, чтобы спросить у меня разрешения на такой допрос. Что ж, — он глубоко вздохнул, — разрешите сказать вам вот что, лейтенант. Вы сделали большую ошибку.

— Это мне еще ни о чем не говорит, — уверил я его.

— На этот раз вы имеете дело не с какими-нибудь жалкими эмигрантами! — взорвался он. — Вы имеете дело с самым могущественным рупором общественного мнения, который только есть в нашем городе, и я прослежу за тем, чтобы общественность познакомилась с теми методами допроса, с насилием, которым пользуются стражи правосудия этого города!

Он набрал номер, затем пристально на меня взглянул.

— Говорит Даниэл Ландис, — сказал он в трубку. — Мне нужен шериф, немедленно!

Прошло четыре секунды — я считал.

— Лаверс? — спросил он. — Даниэл Ландис. Я только что пришел домой и застал одного вашего молодого человека, терроризирующего мою дочь... Терроризирующего, именно это я хотел сказать. Бедная девочка и так вне себя от горя после того, как узнала об убийстве. Этот ужасный допрос еще более ухудшил ее нервное состояние. Я настаиваю, чтобы этот человек, который силой вошел в дом, был сурово наказан — и немедленно!

Небольшие красные пятна появились на его щеках, пока он несколько минут слушал.

— Шериф! — резко сказал он. — Я не собираюсь учить вас, как командовать в вашем собственном управлении, но этот допрос с насилием — за границей того, что можно вынести... В любом случае, я намереваюсь посвятить этому вопросу завтрашнюю страницу «Трибьюн». И честно вас сейчас предупреждаю — если хоть один из ваших людей опять приблизится к моему дому, я просто вышвырну его прочь!

Он резко бросил трубку.

— Я надеюсь, что вы запомните этот урок, Уиллер, — сказал он. — Я думаю, шериф обратит внимание на мои слова еще до тех пор, пока он прочтет завтрашнюю страницу моей газеты!

— Вы думаете, что я буду регулировать уличное движение уже сегодня? — спросил я.

— Могу ли я знать, в каком направлении находятся ваши таланты? — сказал он. — И думаю, что шериф позаботится об их правильном использовании в ближайшем будущем.

Я зажег сигарету и бросил горелую спичку в Уэденвудскую вазочку. Он взглянул на нее, увидел там пепел и окурки, потом перевел взгляд на меня. Красные пятна на его скулах стали разрастаться и приобрели размер серебряного доллара каждое.

— Эта вазочка... — начал он приглушенным голосом.

— Настоящий восемнадцатый век, — закончил я за него.

— Убирайтесь! — сказал он. — Убирайтесь прежде, чем я велел бы выкинуть вас отсюда!

Я повернулся к нему спиной и пошел к двери. Я уже положил пальцы на дверную ручку, когда он снова заговорил.

— И не думайте, что мне не удастся сломать вас, Уиллер, — мягко сказал он. — Прежде чем я покончу с вами, вас уже выгонят из полицейского управления и занесут во все черные списки города. Вы окончите свою карьеру, Уиллер, там, где вам самое место — в придорожной канаве!

— Скажите, — вежливо спросил я, — кроме газеты, вы случайно не издаете комический журнал?

Я открыл дверь и вышел в холл. У входной двери дворецкий оказался раньше меня. Он открыл дверь и слегка поклонился, в его глазах сквозила ирония.

— До свиданья, сэр, — сказал он. — Или, может быть, прощайте?

— Тальбот, — спросил я, — в чем заключаются обязанности дворецкого?

— Сэр? — Он слегка приподнял брови.

— Я просто предположил, что в этом доме они должны быть очень разнообразными, — сказал я. — Может быть, я не прав. Но после моей встречи с мисс Ландис я почему-то так не думаю.

— Боюсь, что не понимаю вас, сэр, — холодно сказал он.

— Я думаю, что вы меня прекрасно понимаете, Тальбот, — сказал я. — И я думаю, что из этого может получиться великолепный рассказ для газеты, соперничающей, скажем, с «Трибьюн».

— Что...

— Давайте не будем спорить,— вежливо сказал я.— Ваш господин желает, чтобы я оставил этот дом как можно скорее.

Я вынул свою карточку из бумажника и протянул ему.

— По этому номеру телефона меня можно застать или рано утром, или поздно вечером,— сказал я.— Я бы хотел повидаться с вами еще раз, Тальбот, и побыстрее, но не здесь. Где-нибудь в другом месте, в баре, например. Я бы хотел спокойно поговорить с вами об этом доме и его обитателях.

— Я не могу не оправдать доверия, мне оказанного,— деревянно сказал он.

— Вы человек свободный,— согласился я.— Я не собираюсь заставлять вас выдавать чужие секреты. Я просто надеюсь, что у вас возникнет желание, чтобы убийца понес заслуженное наказание. Если это случится, позвоните мне.

— Невозможно! — сказал он.

— Все эти старые шутки о дворецких, которые слишком много видят,— мягко сказал я.— Над ними разве больше никто не смеется?

— Я действительно не понимаю, о чем вы говорите, лейтенант,— сказал он бесстрастно.

Я пошел по дорожке и уселся в свой «хейлей». Завел мотор, и из-под колес во все стороны полетел гравий.

Когда я вывел свой «хейлей» на улицу, то успокоился, вспомнив, что мне особенно торопиться некуда. Кроме того, мне зверски хотелось есть.

Четырьмя кварталами вниз по улице я остановился, купил себе сэндвич и забрался обратно в машину. Ел и думал о Тальботе.

Может быть, я ошибался. Может быть, Тальбот был дворецким и никем более. Если нет, после нашего разговора он мог бы открыть мне свое сердце. С другой стороны, может быть, его сердце ничего интересного и не содержало. Я бы хотел перенять немного техники у Хаммонда — арестовывать первого встречного, и пусть тот беспокоится.

Позади я услышал мученический скрежет резины по асфальту. Кто-то на бешеной скорости огибал угол. В следующую секунду мимо меня промчался новый кадиллак. Я успел разглядеть водителя, напряженное выражение лица, хвост волос, болтающийся сзади. Похоже было, что Рена Ландис куда-то очень торопится.

Я нажал на стартер и вывел «хейлей» на улицу. Кадиллак был уже в трех кварталах впереди и шел, не сбавляя

скорости. Я включил вторую скорость, и стрелка спидометра поползла к пятидесяти.

Еще три квартала — и расстояние между нами сократилось. Я стал держать эту дистанцию — мне совсем не хотелось быть замеченным: она могла передумать куда-то ехать.

Игра в полицейских и разбойников немного подзатянулась. Кадиллак все время ехал на север. Мы проехали черту города и повернули к Хилстоуну.

Я ехал за ней на расстоянии, достаточно большом, чтобы не выпускать кадиллак из виду. Вряд ли Рена посмотрит в заднее зеркало — разве что ей надо будет поправить прическу.

Наконец, «кадиллак» снизил скорость, резко повернул влево и остановился. Я проехал немного дальше, быстро оглядев все по дороге.

Она остановилась у восьмифунтовой кирпичной стены, окружающей здание. Рена вышла из машины и у тяжелых железных ворот заговорила с женщиной в черной куртке.

Я остановил свой «хейлей» у следующего поворота, когда кирпичная стена скрылась за поворотом, и пришел назад пешком.

По обеим сторонам дороги росли деревья. Прислонившись к одному из них, я закурил сигарету и стал ждать. «Кадиллак» появился примерно минут через двадцать, и с той же бешеной скоростью направился в обратном направлении — шум стоял в воздухе еще несколько секунд после того, как машина исчезла из виду.

Я выбросил окурочек второй сигареты и пошел к воротам. На стене рядом с ними была прибита аккуратная белая табличка: «Хилстоунский санаторий».

Сторож в черном вопросительно посмотрел на меня, когда я подошел ближе. Пришлось показать ему свое удостоверение.

— Девушка в «кадиллаке», которая только что отсюда уехала, — спросил я. — Что ей здесь было нужно?

— Она приезжала к доктору Мейбери, — ответил он, — больше я ничего не знаю.

— В таком случае, мне нужен доктор Мейбери.

Он кивнул.

— Он главный врач. Я предупрежу его, что вы идете к нему, лейтенант.

— Хорошо, — сказал я. — Я не могу по дороге что-нибудь у вас подцепить?

— А? — Он непонимающе взглянул на меня.

— Это ведь санаторий? Чем здесь болеют?

— Это не заразно.

Он ухмыльнулся, поднял руку и покрутил пальцем у виска.

— Сумасшедший дом? — спросил я.

— Немного грубо, лейтенант, — он ухмыльнулся еще шире. — С теми деньгами, которые требуются для того, чтобы попасть сюда, клиент не может быть сумасшедшим — он просто нервный.

— Где я могу найти Мейбери?

— Идите прямо по дорожке, лейтенант, — сказал он. — Когда войдете в здание, в холле увидите справочное. Я позвоню и предупрежу о вашем приходе.

Я отошел на два шага, затем остановился.

— Скажите, я не встречу по дороге кого-нибудь из... членов вашего клуба?

— Если и встретите, идите смело, — сказал он. — Там знают, кого можно выпускать.

— Ну, хорошо, — вздохнул я и пошел вперед.

Двухэтажное здание выглядело огромным и прочным. Его можно было использовать под Городское самоуправление, если только немного уменьшить окна и снять с них решетки.

Я вышел на каменную террасу, поднялся наверх на девять ступеней и подошел к открытым настежь дверям. Внутри стоял тот запах чистоты и порядка, который присутствует во всех больничных заведениях.

Там присутствовал также и стол розового цвета, за которым сидела рыжая девушка в белом халате.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но в это время сверху донесся дикий стон. Этот стон продолжался долго и очень действовал на нервы: было впечатление, что человеку просто захотелось постонать без всякой на то причины.

Кто-то пробежал, хлопнула дверь, и вновь наступила тишина.

— Если я отвечу этому типу стоном из солидарности, — спросил я, — вы возьмете меня к себе?

— Вы, должно быть, лейтенант Уиллер? — резко сказала она. — Вторая дверь налево по коридору, лейтенант. Доктор вас ждет.

— Благодарю. Я никогда раньше не видел, чтобы сталь упаковывали в такую чудесную упаковку.

— Простите? — Ее огромные глаза блеснули, когда она уставилась на меня.

— Ваши нервы,— уточнил я.— Вы даже не поморщились, когда слышали этот стон.

Она слабо улыбнулась.

— К этому привыкаешь, лейтенант. И знаете, все, что можно сделать для наших пациентов, делается на совесть.

— Если бы я сидел здесь целыми днями,— сказал я,— я бы не беспокоился о пациентах, я бы беспокоился о себе.

Я прошел по коридору и постучался во вторую дверь слева. Голос сказал мне: «Войдите!» — и я вошел.

В этой комнате стол из розового дерева был еще больше. Две стены были уставлены полками с книгами, а во всю ширину третьей шло окно без решетки.

Мужчина в коротком белом халате, поднявшийся мне навстречу из-за стола, был доктором Мейбери. Понять это было легко — кроме него в комнате не было никого.

Он был невысокого роста. Белая кожа оттеняла черные волосы, аккуратно разделенные пробором и зализанные по сторонам. Тонкая линия усиков подчеркивала мягкие, как у женщины, губы.

— Лейтенант Уиллер? Я доктор Мейбери.

Рука его была белой, мягкой, а ногти маникюренные бесцветным лаком. Но познание было твердым.

— Присаживайтесь, лейтенант.

Он опустился в кресло, положив локти на стол, и переплел пальцы.

Я уселся в замечательно удобное кресло и посмотрел на него.

— Это насчет той девушки, которая только что была у вас, доктор,— сказал я.— Мне хотелось бы знать, что ей было нужно.

— Вы имеете в виду мисс Ландис?

— Да.

— Прекрасная молодая девушка,— сказал он.— Возбужденная, влекомая очень сильными эмоциями,— его глаза слабо засверкали.— Вы случайно не знаете, в ее семье не было маньяков?

— Эта девушка практически лишена каких бы то ни было привычек,— храбро сказал я.

Он кивнул.

— Именно это говорит в пользу моей теории. Вы заметили в ней эту возбужденную веселость; речь ее становится очень быстрой, она начинает играть словами и так далее... Вы когда-нибудь...

— Мне все-таки хотелось бы знать, что ей здесь было нужно? — прервал я его.

— Да, конечно.— Он выглядел слегка разочарованным.— Причина была простой, лейтенант. Она просто хотела узнать, проходил ли ее брат — Джон — лечение в нашем санатории.

— Вы лечите здесь наркоманов?

— Конечно,— он кивнул.— И по нашей картотеке можно точно установить, лечился ли здесь Джон Ландис.

— Пока я здесь,— сказал я,— вам не трудно будет проверить для меня еще несколько фамилий?

— Ну, конечно,— сказал он и взял со стола золотую паркеровскую ручку.— Слушаю вас, лейтенант.

— О'Хара, Несбитт, Картер, Стюарт, Буфф, Тальбот.

Он записал имена на лист бумаги, затем нажал на кнопку на краю стола. Вошла рыжая, и Мейбери велел ей проверить эти имена по картотеке. Она взяла список и вышла.

— Это займет не более десяти минут, лейтенант,— сказал Мейбери.— Чем я могу еще вам помочь?

— Пока ничем,— ответил я.— Впечатляющее у вас здесь место.

Он улыбнулся и небрежно потрепал свои усики ногтем указательного пальца.

— Хилстоун имеет репутацию,— сказал он.— Мы открылись пять лет назад. Я горжусь тем, что во всем штате нет санатория лучше.

— Это должно дорого вам обходиться.

— Да,— он кивнул головой.— Но наши клиенты достаточно богаты.

— Вы хотите сказать, что здесь находятся только люди из богатых семей, которые хотят скрыть от окружающих свои пороки?

Он прикусил палец.

— Не совсем так, лейтенант. Тем, что мы принимаем сюда пациентов, мы облегчаем работу государственных больниц. И, конечно, каждый имеет право лечиться частным образом. Что здесь такого?

— Конечно, конечно,— согласился я.

Раздался вежливый стук в дверь, и опять вошла рыжеволосая. Она положила на стол доктора лист бумаги.

— Только один, доктор,— сказала она и вышла.

— У нас зарегистрирован только один — Буфф,— сказал Мейбери.— Лечился здесь около года. Оставил нас четыре месяца тому назад.

— И где он сейчас?

— Трудно сказать, лейтенант,— Мейбери пожал плечами.— Кажется, он умер.

Итак, это не был неизменный официант Буфф.

— Это вам поможет хоть немного? — вежливо спросил Мейбери.

— Нет,— сказал я.— Но... Это что такое?

— Я ничего не слышал.

— Какой-то шум у двери,— сказал я.— Похоже на собаку или что-нибудь в этом роде.

— Лейтенант,— голос его звучал терпеливо.— Мы никогда не позволяем животным...— Внезапно мускулы его лица напряглись.— Что за шум?

Он был уже у самой двери, когда я только вставал с кресла. Тут же я слушал снаружи ужасающий стон, который внезапно резко оборвался.

Я последовал за Мейбери. Перед столом в коридоре стоял высокий мужчина, которого я когда-то видел. Он держал рыжеволосую за горло одной рукой, ее ноги безвольно болтались в воздухе, дюймах шести от пола. От шеи до пят мужчина был завернут в белую простыню, из-за чего выглядел еще выше.

Когда мы подбежали, он слегка стукнул ее в живот.

— Цедрик! — крикнул Мейбери властным высоким голосом.

Верзила презрительно отбросил девушку в сторону, она упала на пол и осталась лежать, задыхаясь. Затем он повернулся к нам. Он был молод, не более двадцати двух-двадцати трех лет. У него были светлые, коротко подстриженные волосы и пронзительные голубые глаза.

Когда он взглянул на нас, его губы искривились.

— Глупая кукла! — сказал он обиженным голосом.— Не говорит «мама»!

— Ты взял не ту игрушку, Цедрик! — сказал Мейбери успокаивающим голосом.— Кукла, которая говорит «мама», в твоей комнате!

— Не пойду обратно! — сказал Цедрик.— Не хочу обратно! Все время темно, и они...

У входа возникли три огромных санитара, которые осторожно начали приближаться к нам.

— Не пойду обратно! — повторил Цедрик.— Хочу новую куклу, которая...

Санитары прыгнули на него сзади. Последовала короткая ожесточенная схватка, и на Цедрика надели смирительную рубашку.

— Как это случилось, Борден? — резко спросил одного из санитаров Мейбери.

— Извините, доктор, — смущенно ответил тот. Он отер кровь с разбитого рта. — Последние несколько недель он был спокоен. Джонс принес ему еду и оставил дверь открытой.

— Если это случится еще раз, Джонс будет уволен, — жестко сказал Мейбери. — И вы тоже! Отведите его обратно... в комнату.

— Да, сэр, — сказал Борден, и они поволокли Цедрика по коридору вверх по лестнице.

Рыжеволосая уже поднялась на ноги и стояла, опершись на стол и поднеся одну руку к груди.

— С вами все в порядке? — спросил Мейбери.

— Да... Благодарю вас. — Она слабо улыбнулась. — Он ударил меня несильно. Я больше испугалась.

— Ну что ж, слава богу, — Мейбери отер лоб белым платком. — Какая неприятная случайность, лейтенант. Санитар поступил глупо, но этого больше не повторится. Обычно Цедрик так себя не ведет — он пациент тихий. — Его ноготь еще на секунду распушил усы. — И он из одной из лучших семей, конечно.

Глава 7

Возвратившись в город, я остановился у первого бара. После всего случившегося мне необходимо было выпить.

Итак, в санатории я не узнал ничего нового. Может, Буфф добавит что-нибудь к тому, что уже сказал, если на него надавить посильнее. Как бы то ни было, стоило попытаться.

Уточнив по телефону у Полника адрес официанта, я выпил еще рюмку, чтобы окончательно отогнать от себя образ Цедрика в смиренной рубашке, и пошел обратно к машине.

Дорога к дому, в котором жил официант, заняла примерно полчаса. Если этот дом видел когда-то лучшие времена, то и они были достаточно тяжелыми.

Поставив свой «хейлей» в футах пятидесяти вниз по улице, я двинулся по тротуару к дому, как вдруг увидел, что кто-то сбежал с его ступенек.

Пожалуй, лишь марсианин был бы здесь так же кстати, как этот «кто-то». Его черный костюм, белый стоячий воротничок и черная английская шляпа явно дисгармони-

ровали со всем окружающим. Он на минуту остановился у тротуара, затравленно оглянулся, затем быстро пересек улицу и скрылся за углом.

Таким вот торопливым дворецким оказался мистер Тальбот.

Заглянув в список жильцов, я взобрался по ступенькам на второй этаж и постучал в дверь девятого номера. В ответ за дверью послышалась легкая возня. Может быть, Буффу вовсе не хотелось со мной разговаривать. Но оказалось, что дверь не была заперта. Я широко распахнул ее: Буфф смотрел на меня, но не отвечал. И это было понятно. Для того, чтобы наша беседа состоялась, потребовалось бы вмешательство сверхъестественных сил.

Голова Буффа была прострелена аккуратно. Кровь еще стекала из пулевого отверстия, что означало — выстрел прозвучал несколько минут тому назад. Я вошел в комнату, и это было моей ошибкой.

Прежде чем я успел повернуться, что-то очень тяжелое ударило меня по затылку. Мысль о том, нет ли у Цедрика брата, еще успела мелькнуть в моем быстро угасающем сознании.

Мало радости приходить в сознание после того, как тебя ударили по голове. К тому времени, когда мне удалось встать на ноги, я уже был уверен в том, что кто-то сделал мне трепанацию черепа, а потом просто забыл наложить швы.

В комнате ничего не изменилось. Тело Буффа по-прежнему лежало на полу. Я вышел из комнаты и из вестибюля позвонил в полицию. Полник оказался на месте. Рассказав ему, что произошло, я вернулся к своей машине, ощущая противный привкус во рту. На моем затылке красовалась шишка, которая обещала стать больше, а через мою душу пролегла трещина, и она становилась все шире.

Обычный полицейский немедленно бы поднял тревогу и объявил всеобщий розыск Тальбота. Но я был уверен, что он не видел меня, когда выходил из дома. Так что все шансы были за то, что я найду его в доме Ландиса.

Часом позже эти шансы растаяли: толстая и глухая повариха, сообразив, в конце концов, что от нее требуется, сказала, что у Тальбота сегодня выходной и что он будет лишь поздно вечером.

Я вернулся в город, быстро перекусил и отправился в «Золотую подкову». Несколько официантов расставляли столики, а на сцене Кларенс Несбитт лениво дергал струны

своего контрабаса. Подняв голову, он увидел меня и перестал дергать струны.

— Привет, лейтенант!

— Привет, Кларенс. Как дела?

— Миднайт считает, что нам придется отбиваться от посетителей дубинками. Она говорит, что это убийство — лучшая реклама, которую мы когда-либо имели.

— Ей следовало бы положить перед сценой фальшивый труп и полить его сверху томатным соком. Такая реклама проняла бы еще больше.

Кларенс закатил глаза.

— О! Не искушайте меня!

— Вы, вероятно, прочли, что имя того человека — Джонни Ландис. Вы уверены, что никогда не видели его?

— Лейтенант, мы видим множество лиц перед нами. Лица, которые мы видим, для нас просто лица. Мы просто играем, потому что любим джаз.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Мисс О'Хара здесь?

— В своем кабинете, лейтенант.

Я вошел. Она сидела перед зеркалом и красила губы помадой. На ней было то же платье, что и вчера, только красное, и те же фальшивые бриллианты.

— Ох! — вздохнула она, увидев мое отражение в зеркале. — Это вы?

— Не говорите это так, как будто вам меня не доставало.

— Как шпильки в одном месте! — огрызнулась она. — Что вам надо?

— Поговорить. Откровенно поговорить, как мужчина с женщиной, что всегда более интересно, чем как мужчина с мужчиной, вы не находите?

— Нет, не нахожу, — ответила она сухо. — И я занята. Сегодняшний день для нас — настоящий Клондайк, после всей этой шумихи в газетах. Все болваны в радиусе, по меньшей мере, пятнадцати миль рвутся сюда с широко открытыми ртами.

— Давая шанс вашим официантам пропустить лишний стаканчик, ничего при этом не заплатив? — спросил я.

— Я открыла свой погребок, чтобы зарабатывать деньги.

— Со мной очень легко договориться. Мы можем поговорить сейчас или после того, как представление закончится.

— Я уже сказала, что буду сегодня очень занята!

— Со мной легко договориться, но не настолько же! Думайте скорее, или я захвачу вас с собой в управление прямо сейчас и, возможно, на несколько часов.

Ее глаза готовы были растерзать мое отражение в зеркале.

— Ну, хорошо! После выступления.

— Здесь?

— Вы можете отвезти меня домой, если у вас есть свой автомобиль.

— Я вожу автомобиль — владеет им финансовая компания.

— Я встречу вас снаружи в двенадцать пятнадцать.

— Прекрасно. До встречи!

— Минутку, лейтенант!

— Мисс О'Хара?

— Это деловая встреча — и ничего больше. Я хочу, чтобы это было ясно с самого начала.

— Чисто деловая, мисс О'Хара.

Я вышел и подумал — не размягчение ли мозга у меня случилось? К черту все, к черту Джонни Ландиса, к черту его папашу, к черту шерифа Лаверса. И с этими мыслями отправился домой.

Примерно около восьми часов вечера я вошел в свою комнату, включил проигрыватель, поставив «Женщину и барабан», налил себе виски и уселся в кресло.

Пластинка была сыграна почти наполовину, когда зазвонил телефон.

— Где вы, черт побери, шлялись? — шарахнул мне в ухо знакомый голос.

— Может быть, подписывал свою отставку?

— Вы там были, когда Ландис звонил мне?

— Был.

— Мне надо что-то сделать, — сказал Лаверс. — Он раздувает эту историю в передовице своей завтрашней газеты. До сих пор я отбивался от репортеров, но завтра мне придется им что-нибудь сказать.

— Как насчет «К черту Ландиса!»? — предложил я.

— Как насчет «Уиллера — в сержанты»? — проворчал он.

На это трудно было чем-то ответить.

— Не понимаю, как это он успел вернуться домой и застать вас там? — продолжал Лаверс.

— Я могу вам помочь, — ответил я. — Это сделал дворецкий. Он позвонил Ландису и сообщил о моем прибытии.

— У вас что-нибудь получилось с его дочерью?

Я подумал над ответом и решил, что Лаверсу будут неинтересны мои любовные приключения.

— Ничего определенного,— сказал я, строго придерживаясь истины.— Она не любила Джона и ничуть не скрывала этого. Джона никто не любил. Это примерно и все.

— Немного!

— Я надеюсь узнать побольше.

— Вы лучше узнавайте побыстрее,— сказал он.— И будьте у меня в управлении в девять утра завтра, без задержки, Уиллер!

— Да, сэр,— сказал я и повесил трубку.

Телефон тут же зазвонил снова. Я поднял трубку и сказал:

— Да, сэр, завтра ровно в девять.

Абсолютно несвойственное Лаверсу молчание прервал напряженный голос:

— Лейтенант Уиллер?

— Кто это?

— Это Тальбот, сэр,— голос слегка дрожал.— Я пытался дозвониться до вас уже несколько часов. Мне необходимо немедленно вас повидать!

— Прекрасно,— сказал я и дал ему свой адрес.— Когда вы придете?

— Уже иду, лейтенант!

В трубке раздался щелчок, затем отбой.

Я налил себе виски еще и опять уселся в кресло. Из пяти динамиков, расположенных на стене, доносились звуки «Любовного зова креолки», и мне нечего было больше желать, разве что блондинку. Через десять минут раздался третий звонок. Я угадал голос сразу.

— Эл,— сказала она.— Мне ужасно жаль, что все так случилось. Я чуть не умерла. Правда. Не знаю, почему отец вернулся домой. Нет смысла объяснять ему что-то, он просто не будет слушать. Он... он пугает меня. И так всегда с тех пор, как я себя помню.

— Не беспокойся насчет этого, Рена.

— Но я не могу, Эл. Ты знаешь, твоя эмоциональная близость была так волнующа, и я так и не успела выяснить...

— Это точно,— сказал я.

— Папы нет дома. Он в редакции, и его не будет очень долго. Я в доме совсем одна. Ты не можешь прийти ко мне, Эл? Дворецкий вышел минут десять тому назад и не думаю, что он скоро вернется. Мы будем совсем одни, Эл.

— Прости, детка, но это невозможно.

— И ты меня прости. Сегодня утром у меня возникли по отношению к тебе примитивные чувства, и если я не удовлетворю их, то наступит депрессия.

— Да,— поторопил я ее.— Ты мне уже говорила об этом сегодня утром.

— Почему бы мне к тебе не приехать?

— Это чудесная мысль. Тебе понадобится для этого много времени?

— Минут двадцать. Где ты живешь, Эл?

Я дал ей адрес, и она повесила трубку. Было ровно девять часов вечера. Тальбот придет сейчас, Рена — минут через двадцать. В четверть первого у меня еще одно свидание. Похоже было, мне выдастся хлопотливая ночь.

Поставив обратную сторону «Женщины и барабана», я налил себе еще виски. Мне следовало взбодрить себе нервы: должно было произойти то, что женщины-романисты называют пикантной ситуацией. Рена приходит ко мне и видит собственного дворецкого, изливающего передо мной свою душу, в то время, как Рена считает «излияние души» своей монополией.

Прошло десять минут, и раздался звонок в дверь. Я открыл ее, и Тальбот свалился мне прямо в руки. На его куртке сзади виднелось пулевое отверстие, и он не дышал.

Что ж, чем больше трупов, тем меньше подозреваемых.

Глава 8

Я быстро переступил через труп номер три и выбежал из квартиры. Пятью минутами позже я вернулся обратно, а мое дыхание догоняло меня где-то по дороге. Теперь стали известны три вещи: во-первых, тот, кто убил Тальбота, не находился сейчас рядом; во-вторых, убийца, кто бы он ни был, пользовался глушителем; и в-третьих, труп Тальбота все еще находился в моей квартире.

Это меня смущало. Я взял Тальбота за ноги и оттащил в ванную. И только успел закрыть дверь, как услышал звонок.

Я открыл дверь с пистолетом 38-го калибра в руке. Рена Ландис взглянула на пистолет и моргнула.

— Эл! Никогда не думала, что ты мазохист!

Я втащил ее в квартиру и, закрыв дверь, выхватил ее сумочку и быстро перебрал содержимое, но пистолета там не нашел.

— Ты такой импульсивный! — сказала она, медленно колыхая своими ресницами. — Почему ты схватил сумочку, а не меня?

— У меня кончились сигареты.

Мы прошли в гостиную, и она оценивающе охватила ее взглядом.

— Это чудесно, Эл! Вэтом весь ты!

Я налил два стаканчика шотландского и протянул один ей. Она с отвращением посмотрела на мою руку и стаканчика не взяла.

— Алкоголь? — спросила она несколько укоризненным тоном. — Но ведь это же стимулятор, Эл. Мне не нужны искусственные стимуляторы. Мне кажется, я достаточно эмоционально стимулировала тебя сегодня утром. Разве нет?

Она еще раз оглядела комнату, как генерал, начинающий кампанию. К моему горлу опять подкотил комок. Я поставил стаканчик с виски на стол. Она была права — кому был нужен этот искусственный стимулятор? Минутой позже ее платье отдыхало там же, где и стаканчики.

Она подошла к кушетке и секунду глядела на нее.

— Ты можешь выключить музыку, Эл, — сказала она. — Это еще один...

— Искусственный стимулятор, — согласился я.

Когда я, выключив проигрыватель, вернулся к кушетке, она уже лежала на ней. Трусики и лифчик на сей раз были голубые, но на трусиках были все те же кружева.

Кончик ее языка на секунду тронул линию губ.

— Ты помнишь, что я сказала сегодня утром, перед тем как нас... прервали?

— Насчет того, что такие сделки заключаются пятьдесят на пятьдесят? Очень хорошо помню. И сейчас докажу это.

Я придвинулся к ней ближе, но потом остановился.

— Еще одна маленькая деталь. Свет, хотя и не яркий, все-таки остается светом. Он тоже относится к числу искусственных стимуляторов?

— Правильное освещение может быть большим благом, — сказала она и повернулась ко мне спиной. — Расстегни меня, пожалуйста!

Как сказал один поэт: «Время летело на крыльях наслаждения». Или, может быть, это сказал человек, работающий в рекламном бюро авиакомпании?

Итак, через час десять минут (я смотрел по часам) Рена подняла свой наряд и признательно улыбнулась.

— Пойду попудрю нос.

— Когда выйдешь в прихожую, первая дверь справа,— сказал я.

Я выпил оба стаканчика шотландского и даже успел закурить сигарету, прежде чем она завизжала.

Через секунду она была уже в гостиной. Глаза ее стали больше, по меньшей мере, вдвое, и зрачки закатились под самые веки.

— Эл! — она почти редела. — В твоей ванной мужчина!

— Тальбот,— согласился я.

— Он мертв?

— Верно.

— Ты... ты знал?

— Это случилось как раз перед твоим приходом.

— Но как...

— Кто-то застрелил его, когда я открывал ему дверь. Ты уверена, что не хочешь выпить?

Она уселась рядом со мной на кушетку.

— Держи меня, Эл,— прошептала она. — Я боюсь!

Я обнял ее, и через некоторое время она перестала дрожать.

— Бедный Тальбот,— сказала она. — Кому понадобилось убивать его?

— Я думал, что тебе. Вот почему я и дал тебе обнаружить его труп. Мне была интересна твоя реакция. Но я думаю, детка, что ты испугалась по-настоящему: ты не знала, что он мертв, пока не увидела его в ванной.

— Эл! Временами ты просто...

— Полицейский,— согласился я. — Ты не можешь предположить, кто еще мог застрелить его?

— Конечно, нет,— с упреком сказала она. — Что я могу знать о личной жизни дворецкого?

— Ты хочешь сказать, что ты была госпожой, а он слугой, и больше ты о нем ничего не знаешь?

— Единственное, что мне известно, что он шантажировал садовника, и спал с кухаркой.

— Он позвонил мне и сказал, что ему нужно немедленно меня видеть. Вполне очевидно, что у него были очень важные для меня сведения, достаточно важные, чтобы его убрали до того, как он успел их сообщить.

— Я не знаю, какие у него были сведения. Тальбот никогда не выдал бы секретов... — она искоса посмотрела на меня, — хотя и секретов-то никаких не было!

Я решил, что если я скажу ей правду, даже не всю, то окажусь только прав.

— Тальбота преследовали. Я предупредил его, что если он не расскажет мне все, что творится в вашем доме, я могу заинтересовать кое-чем соперников «Трибьюн».

— Что ты имеешь в виду? — шепотом спросила она.

— Тальбот не был уродом. Я бы сказал, что у него были все шансы на то, чтобы ты испробовала на нем свои примитивные реакции. Может быть, ты даже нашла его эмоционально стимулирующим?

Она скинула руку со своего плеча и тяжело ударила меня по лицу.

— Я предоставил ему выбор, — продолжал я. — Или он увидится со мной, или ему придется говорить с газетчиками. Он позвонил мне и сказал, что придет повидать меня здесь. Это ведь говорит само за себя, как ты думаешь?

Извиваясь всем телом, она быстро влезла в свою одежду и с треском застегнула молнию.

— Папа был прав насчет тебя! — крикнула она. — Ты просто негодяй! Отвратительный негодяй, который соблазняет молодых и...

— Невинных? — я слегка приподнял брови.

— Я расскажу отцу! — Она даже задохнулась. — Я прослежу за тем, чтобы он сделал так, чтоб ты пожалел о том, что вообще родился! Я...

— Ты ему скажешь, естественно, как это произошло и где.

Некоторое время ее рот оставался широко открытым.

— Я же сказала, что ты негодяй, — проговорила она дрожащим голосом.

— Негодяй Уиллер, — согласился я. — А все-таки, что происходит в вашем доме?

— Папа и Джон всегда были не в ладах, — сказала она. — Я думаю, что в этом была, в основном, вина моего отца. Он попрекал Джона, попрекал нас обоих. Джон потерял ко всему интерес, когда еще учился в колледже и когда его выгнали, он вернулся домой и просто убивал время.

— Пока его не выгнал твой отец. Почему?

— Они поругались. Я не знаю, в чем там было дело. Потом Джон ушел и я его больше не видела, хотя и не могу сказать, что мне его не доставало.

— Что насчет Тальбота?

Она подняла свою сумочку и пошла к дверям.

— Я ухожу. Мне совершенно безразлично, что ты налжешь репортерам, я ухожу!

— Между тобой и Тальботом что-нибудь было?

Она быстро повернулась ко мне, за стеклами очков ее глаза угрожающе блеснули.

— Да, черт тебя дери, если тебе так надо это знать!

— И долго это продолжалось?

— Что ты хочешь, полного описания? Это продолжалось так долго, как мне это было приятно. И если это вас так интересует, лейтенант Уиллер, это продолжалось недолго. Примерно две недели, и все это было очень давно!

— Как отреагировал Тальбот, когда между вами все было кончено?

— Ты думаешь, я его спрашивала? — Она почти кричала. — Он был дворецким. На некоторое время он стал чуть больше, чем дворецкий, затем он опять вернулся к своим обязанностям!

— Все было так просто?

— Если бы это было не так, я заставила бы отца уволить его, — сказала она уверенным голосом. — И не воображай, что Тальбот не знал этого!

Она прошла в переднюю, но я успел первым подойти к входной двери и распахнуть ее.

— Еще один вопрос, прежде чем ты уйдешь. Зачем ты была в Хилстоунском санатории сегодня утром?

Она удивилась.

— Откуда ты знаешь?

— Я следил за тобой.

— Джонни как-то говорил о нем. Я решила узнать, лечился ли он там когда-нибудь или нет, и оказалось, что нет. Я говорила там с главным врачом.

— Когда твой брат говорил об этом санатории?

— Как раз перед тем, как отец выгнал его из дома.

— Все это любопытно, — сказал я.

— В таком случае, если инквизиторский допрос окончен, — драматически закончила она, — я скажу вам «до свиданья, лейтенант!».

— Пока, Рена, — сказал я. — Позвони мне как-нибудь.

Она взглянула на меня, как бы подбирая самые бранные слова, которые она когда-либо слышала. Затем внезапно улыбнулась.

— Может быть, позвоню, — сказала она мягко. — Ты самый эмоционально стимулирующий человек из всех, кого я знаю, Эл!

Я послушал, как ее высокие каблукы простучали по лестнице, затем вернулся в квартиру, к своему труп.

Телефон Миднайт не ответил. Должно быть, она даже

боится снять телефонную трубку, чтоб, не дай бог, не потерять десяти долларов.

Я повесил трубку и стал думать о Тальботе, все еще занимающем мою ванную. Он становился проблемой номер один. Мне не хотелось играть на руку своему противнику и докладывать об этом убийстве.

Было около одиннадцати часов. До встречи с Миднайт оставалось примерно часа полтора. Я допил виски, зажег сигарету и в это самое время раздался новый звонок в дверь.

Я чуть было не проглотил сигарету. Это могла быть Рена, успевшая накопить свои примитивные эмоции. Это мог быть Счастливый Случай или шериф Лаверс.

Позвонили еще раз, и это исключило Счастливый Случай.

Я открыл дверь, и из-под коричневой шляпы-дерби на меня взглянуло с волнением большое круглое лицо.

— Привет, лейтенант,— сказал Кларенс Несбитт.

— Привет, Кларенс,— сказал я.— Вы потеряли свой контрабас?

Он слабо ухмыльнулся, а его пальцы по-прежнему перебирали невидимые струны.

— Меня попросила к вам забежать Миднайт. Ваше свидание не состоится.

— Она глупенькая, эта маленькая Миднайт, если действительно так думает.

— Не поймите меня неправильно,— быстро сказал он.— Она просила передать, что вам, может быть, лучше будет поговорить с ней у нее на дому, а так как она не хочет ждать всю ночь, она спрашивает, не могли бы вы приехать сейчас?

— Дела настолько плохи, что ей пришлось рано закрыться? — спросил я.

Он непонимающе на меня уставился.

— Вы что, не знаете, лейтенант? Миднайт готова разорвать все свои платья!

— Что случилось?

Он с удивлением покачал головой.

— Так вы действительно ничего не знаете! Полиция закрыла погребок за час до того, как мы должны были открыться.

— Они... что?

— Да. Они поставили на дверь перекладки и все на этом кончилось!

— Кто это сделал?

— Легавый, по имени... Хаммбон?

— Хаммонд.

— Он самый!

— Спасибо, Кларенс. Спасибо за новости. Где я увижу Миднайт?

Он дал мне ее адрес.

— Буду готов минут через десять,— сказал я.

— Ну, конечно, лейтенант. Я позвоню Миднайт, что вы уже в пути.

Я запер за ним дверь и позвонил в полицейское управление. И попал прямо на Хаммонда.

— Я слышал, вы закрыли сегодня «Золотую подкову»?

— И что?

— У вас были на это какие-нибудь причины или просто так захотела ваша левая нога?

— Подозреваемый центр распространения наркотиков,— сказал он.— Но вы ведь до этого не могли додуматься, а, Уиллер?

— Почему вы так решили?

— Джон Ландис курил риферы, вы разве не помните? Откуда он их брал? Почему он всегда толкался в этом погребке? Концы сходятся, думаю, это должно дойти даже до вас.

— Может быть,— сказал я.— Ну и как?

— Мы ничего не нашли, если вы это имеете в виду,— его голос звучал еще сварливее, чем всегда.— Я думаю, что они все вывезли оттуда вчера ночью. Это значит, что должен буду завтра опять позволить им открыться.

— Тяжко,— сказал я.— Вам здорово влетело, надеюсь?

— Не беспокойтесь,— ответил он.— Я знаю, что убийство совершила эта женщина, и могу расколоть ее в любой момент!

— Вы просто говорите, чтобы что-нибудь сказать. Но когда вы молчите, то вы даже представить себе не можете, как это здорово!

— А если говорить о том, кому влетело,— продолжал он, почти захлебываясь от радости,— у вас хватает своих неприятностей, Уиллер! Этот Ландис-старший здорово охотится за вашим скальпом. И судя по тому, что я слышал, он-таки получит его!

— Вы дезинформированы, лейтенант,— сказал я.— Впрочем, как всегда.

И повесил трубку.

На сей раз Хаммонд мог оказаться прав.

С легким сердцем забрался я в свой «хейлей» и отправился на свидание с Миднайт О'Хара. Может быть, она споет для меня.

Глава 9

Она открыла двери, бросив на меня холодный взгляд, в то время как мои глаза прямо-таки лучились теплом.

Ее красивые светлые волосы были зачесаны назад и схвачены лентой на затылке. Это придавало ей вид умудренной простоты и сочеталось с ее неглиже из черных кружев, фальшивых бриллиантов и Миднайт О'Хара.

— Входите, — резко сказала она и, повернувшись, пошла вперед.

Я последовал за ней, закрыв за собой входную дверь. У нее была приятная квартира, примерно в три раза больше моей, меблированная в простом, современном стиле, что может себе позволить любой тысяч за пять долларов.

— Мне нравится ваша квартира, — начал я разговор. — Вы не хотите, чтобы я снял ботинки?

Она пожала плечами, не удостоив меня ответом.

— Я читал Дейла Канеги, — продолжал я, — но мне кажется, что это мне не помогло.

Она закурила сигарету и повернулась ко мне.

— Вы все еще валяете дурака!

— Насчет чего?

— Эта ваша блестящая шутка — назначить мне свидание после моего выступления... Благородный полицейский, который согласен ждать, пока закончится вечер, в то время как полиция собирается закрыть наш погребок именно в это время!

— Я не знал, что вас собираются закрыть. Я услышал об этом впервые от Кларенса. Это была идея Хаммонда, не моя.

Моя речь не произвела на нее никакого впечатления.

— Если вы хотите что-нибудь сказать, лейтенант, то давайте покороче, я устала.

— Я буду краток. Мне дорого мое свободное время.

Я уселся на стул из фибергласса и закурил.

— Вы не предложите мне выпить?

— Нет!

— Я просто подумал... — начал я с упреком.

— Вы пришли сюда валять дурака? — повторила она

и глубоко вздохнула. При этом несколько складок на ее наряде поднялись в нужных местах.

— Может быть и нет,— ответил я.— Вы мне солгали, когда сказали, что никогда не видели раньше Джона Ландиса.

— Я все объяснила лейтенанту Хаммонду,— устало проговорила она.— Ну неужели полицейским, работающим над одним делом, неизвестно, что делает каждый из них?

— Вы солгали потому, что вы знали, кто такой Джонни Ландис? — спросил я.

— Конечно,— нетерпеливо ответила она.— Я знала, что из-за этого будут неприятности, знала, кем был его отец. Все это я сказала лейтенанту Хаммонду!

— Знаю, сказал я.— Может быть, Хаммонд даже поверил в это, я — нет!

— Вы хотите сказать, что я лгу?

— Это только с одной стороны,— согласился я.— Хаммонд закрыл погребок, потому что считал его центром по распространению наркотиков.

— Знаю,— сказала она.— Но он не нашел никаких наркотиков, он ошибся.

— Может быть и нет,— отреагировал я.

— Послушайте,— возбужденно сказала она.— Полицейские буквально прочесали все места! Они обыскали все и всех! Они даже обыскали меня — привели какую-то женщину-сержанта для этого! — Она еще раз глубоко вздохнула, в очередной раз подвергая опасности несколько фальшивых бриллиантов.— Я могу вам сказать только одно — если бы на мне были какие-нибудь наркотики, их бы нашли!

— Как бы то ни было,— сказал я,— Хаммонд обещал, что вы откроетесь завтра вечером.

— Как любезно с его стороны!

— То есть, если они не найдут никаких наркотиков,— добавил я.

— Я только что вам сказала, что они ничего не нашли!

— Вы хотите сказать — пока не нашли,— заметил я.

Она устала на меня и смотрела не отрываясь секунд пять, затем уголки ее губ поползли вниз.

— Что вы имеете в виду?

— Ландис — старый Ландис — оказывает на дело сильнейшее давление. Он хочет, чтобы над убийцей его сына свершилось правосудие. Полицейское управление должно показать какие-то результаты, что-то предпринять.

Если они закроют место, где Джонни покупал риферы, это будет уже кое-что.

— Вы пытаетесь подсадить меня? — медленно спросила она. — Вы...

— Да, — мягко сказал я. — И я могу сделать это без всякого риска. Все, что нам необходимо — это немного наркотиков, они у нас есть. А затем нам только останется поклясться в том, что мы нашли их в «Золотой подкове».

— Это будет преднамеренная ложь! — сказала она. — Лжесвидетельство!

— Точно!

— Вы не...

Она опять внимательно посмотрела на меня.

— Да, вы на это способны, — сказала она ровным голосом. — Грязный, подлый...

— Точно, — согласился я... — Но с другой стороны, я могу этого и не делать.

— Это что — сделка?

— Если хотите... Уверяю вас, что мы можем обвинить вас в распространении наркотиков, и ничто вам не поможет. Но мы этого не сделаем, если вы расскажете правду о Джонни Ландисе, и о том, почему он ходил в «Золотую подкову».

— Я уже сказала всю правду Хаммонду.

— О'кей, — поднялся я. — Ваше право. Вам лучше накинуть на себя что-нибудь, а то вы можете простудиться.

— Где это, здесь?

— По дороге в управление, — сказал я. — Вы поедете со мной прямо сейчас. Мы сможем продержать вас, как важного свидетеля, достаточно долго для того, чтобы понастоящему организовать это дело с наркотиками.

— Важного свидетеля?

— Это для начала, — весело сказал я. — К тому времени вы привыкнете к решетке, это вам впоследствии пригодится.

Она сильно закусил губу.

— Если вы хотите, чтобы я помог вам одеться, я не возражаю, — великодушно предложил я.

— Я боюсь, — сказала она. Руки ее слегка дрожали. — Боюсь, что может произойти... Если я скажу вам правду, лейтенант, вы меня защитите?

— Ну, конечно. Если хотите, я переберусь к вам жить.

— Вы слишком добры, лейтенант!

— Как там насчет правды, которую вы собирались мне рассказать?

— Вы хотели, по-моему, выпить... Шотландское?

— Неплохо,— согласился я.

Она прошла на кухню и вернулась с двумя стаканами, протянула один мне и уселась в кресло напротив. Когда она садилась, неглиже поехало вверх и затрещало по всем направлениям. Я прикинул, какова прочность кружева на разрыв: кажется, до этого было недалеко.

— Вы заключите со мной договор? — тихо спросила она.— Вам придется поверить, что я узнала о том, что происходит, слишком поздно.

— Если бы я понимал, о чем идет речь, я бы мог дать вам ответ.

Она отпила из своего стакана.

— Наркотики.

— Наркотики?

— Джонни Ландис приходил к нам покупать риферы. Я была душой. Я даже не подозревала об этом, пока он сам не сказал мне.

— Кто-то из вашего штата продавал ему риферы?

Она кивнула.

— Не только ему. И не только риферы, но и героин, кокаин, опиум. Все и вся. Мы занимались нелегальной торговлей, и я ничего даже не подозревала!

— Пока Джонни не сказал вам?

— Да, пока он не сказал.

— Зачем он это сделал? Он что, слишком дорого платил за риферы?

— Джонни был тщеславен.— Она горько рассмеялась.— У него возникла грандиозная идея. Он сказал мне, что знает человека, который является главой этого центра распространения наркотиков, и хочет войти с ним в долю.

— И как он собирался на него повлиять?

— Через шантаж. Обыкновенный, банальный шантаж. Он сказал, что купит у этого человека много наркотиков, затем напишет, у кого он их купил. Мы с ним скажем этому человеку, что пошлем свидетельство в полицию, если он не возьмет нас в долю на шестьдесят процентов. Сорок процентов Джонни, двадцать — мне.

— Что вы ему ответили на это?

— Все это мне было ни к чему. Я была хозяйкой вполне легального заведения, по крайней мере, я так думала. И хотела, чтобы все так и осталось. Первые два раза, когда Джонни приходил поговорить со мной, он вел себя очень разумно. Он пытался убедить меня, что в этом деле нет никакого риска. К тому же, его отец — владелец

«Трибьюн». А тот человек не посмеет его тронуть, потому что побоится шума, который поднимет газета его отца. Каждый раз, когда мы с ним виделись, он пытался уговорить меня. А однажды сказал, что я дура, и что он сделает все один. Когда я сказала ему, что пойду в полицию, он расхохотался мне прямо в лицо. «Они не поверят ни одному твоему слову,— сказал он.— Они закроют погребок, а ты, возможно, отсидишь несколько лет в тюрьме».

— И вы подумали, что он, может быть, прав?

Она кивнула.

— Чем больше я об этом думала, тем больше соглашалась с Ландисом. Кто поверит, что происходило все на моих глазах, а я об этом даже не подозревала? Даже мне самой трудно было в это поверить.

— А что Джонни?

— Мне пришлось пойти ему навстречу. Последний раз, когда я его видела, он показал мне конверт, на котором было что-то написано шифром...

— «Лучше займись своими делами, старина»,— вспомнил я.

— Вы читали это? — удивилась она.

— Записку в конверте нашли у него в кармане.

— Джонни не отнесся к этому серьезно,— продолжала она.— Смеялся: «Никто не посмеет меня тронуть. С моими связями».

— Но отец же выгнал его из дома три месяца тому назад,— не понял я.

— Этого я не знала. Вы имеете в виду то, что он просто блефовал, когда говорил, что его отец и газета все для него сделают?

— Думаю, что да,— ответил я.— Продолжайте.

— Это все. Я решила, что в моем положении лучше молчать обо всем. Оставаться простой хозяйкой погребка и делать вид, что мне ничего не известно.

— Еще один вопрос,— сказал я.— Имя того человека?

Она закусила нижнюю губу.

— Вы уверены, что сможете меня защитить?

— Да. Гарантирую вам.

— Хорошо,— сказала она.— Это... Уэс Стюарт.

— Мечтательный трубач? — спросил я.— Спасибо, Миднайт. Теперь вам уже ни к чему одеваться.

— Договор, лейтенант,— тихо напомнила она.— Как вы думаете, вы можете...

— Могу,— перебил я ее.— Вы готовы подписаться под всем тем, что вы сейчас мне сказали? Сегодня, сейчас.

Она кивнула.

— Я сделаю это, лейтенант.

— Сделайте это, и, возможно, я могу гарантировать вам, что вас не привлекут к ответственности по делу о наркотиках,— сказал я.— Между прочим, если вам удастся найти хорошего трубача, вы еще сможете хорошо заработать, оставаясь хозяйкой погребка.

— Спасибо, лейтенант,— голос ее потеплел.— Не знаю, как мне отблагодарить вас.

— Когда у меня будет свободное время, покажу вам,— заверил я.— Вы знаете адрес Стюарта?

— Нет,— сказала она.— Но думаю, я знаю, где он сейчас находится. После того, как Кларенс передал вам мою просьбу, он спросил моего разрешения занять погребок, благо тот не будет сегодня открыт.

— Что они собираются там делать? Покупать друг у друга виски?

— Они собираются порепетировать. Вы же знаете, каковы эти музыканты! Они просто сумасшедшие! Они любят играть сами для себя. Я разрешила ему делать все, что они хотят, и дала ключи.

— У вас есть второй комплект?

— Да.

— Где ваш телефон?

— За лампой на столе.

Я позвонил Лаверсу домой и, когда он, в конце концов, устало что-то пробурчал в трубку, рассказал ему, что мне удалось узнать.

— Идите в «Золотую подкову» и возьмите его,— сказал он.— Нет, подождите минуту, я лучше прослежу, чтобы все было без осечки. Подождите снаружи, я позвоню Хаммонду. Вы арестуете его вдвоем.

— Спасибо, шериф,— сказал я.— Ура! Я уже чувствую себя почти депутатом.

Я быстро повесил трубку, затем взглянул на Миднайт. Она протянула мне ключи.

— Сейчас мы арестуем его,— сказал я.— Как только он будет за решеткой, вам не понадобится никакая защита.

— Спасибо, лейтенант.

— Зовите меня Эл.

— Спасибо, Эл.

Она глубоко вздохнула, и кружева подозрительно затрещали.

— Если вы не очень устанете после ареста Стюарта, заходите ко мне, и мы отметим это.

Она медленно улыбнулась.

— Тогда вы сможете показать мне, как мне благодарить вас.

— С удовольствием,— сказал я.— Это будет самый быстрый арест, который я когда-либо производил.

У самой двери она внезапно обняла меня за шею и прижалась к моим губам своим мягким ртом.

— Это, чтобы ты поспешил, Эл.

Затем дверь мягко закрылась.

Проехав пятнадцать кварталов до «Золотой подковы», я остановил свой «хейлей» примерно за полквартала от входа. Позади скрипнула тормозами полицейская машина. Оттуда вышли двое, и я присоединился к ним.

— Везет же дуракам,— сказал Хаммонд.— Я захватил с собой Полника. Думаю, что втроем мы возьмем его без всяких неприятностей.

— Надеюсь,— сказал я.— Ведь он один.

Я вставил ключ в замок входной двери и осторожно его повернул. Дверь открылась, мы вошли и начали спускаться по ступенькам.

Жалко было прерывать их. Они ни на что не обращали внимания. Музыка слегка напоминала «Мир, ждущий восхода солнца». Уэс Стюарт исполнял вариации, используя четверть тона и глиссандо, Куба Картер подыгрывал ему, а Кларенс Несбитт вел основную тему.

— Человек, который так играет на трубе, может позволить себе убийство! — сказал я Хаммонду, когда мы спускались вниз.

— Для меня это просто шум,— раздраженно ответил он.

Мы прошли мимо пустых столиков и остановились перед сценой.

Кларенс заметил нас первым и перестал играть. Куба тоже остановился. Но Уэс находился неизвестно где; закрыв глаза, он продолжал играть, пока не сообразил, что остался в одиночестве. Они сидели и недоуменно смотрели на нас. Пальцы Кларенса вновь перебирали невидимые струны, а ноги Кубы нервно дергались. Только Уэс оставался спокойным.

— Мы можем чем-нибудь быть вам полезны, ребята? — спросил он.

— Конечно,— холодно сказал Хаммонд.— Для начала вы можете продать мне пачку риферов.

— Я не понимаю.

Лоб Уэса собрался в морщины.

— Или немного кокаина? Или героина? Или опиума? — продолжал Хаммонд. — Я не прихотлив, лишь бы это были наркотики.

Уэс сидел, открыв рот.

— Вы погорели, Стюарт, — сказал Хаммонд. — Мы все знаем. Вы использовали этот погребок как центр распространения наркотиков. Здесь у Джонни Ландиса возникла мысль шантажировать вас. Вы даже послали ему записку, чтобы он занимался своими делами, но он не послушался вас. Поэтому вы его убили!

Уэс медленно покачал головой, как человек, которому снится дурной сон.

— Наркотики? Шантаж? Я убил Ландиса? Я никогда в жизни его не видел!

— Вам не к чему запираться, — напирал Хаммонд. — У нас есть доказательства и того, что вы занимались наркотиками, и того, что Ландис шантажировал вас — у нас есть даже записка, которую вы ему написали. Вы арестованы, Стюарт, пока что за торговлю наркотиками. К завтрашнему утру мы докажем, что вы еще и убийца!

— Я никуда не пойду! — заволновался Уэс. — Все это ложь! Вы пытаетесь очернить меня, потому что не можете найти того, кто это сделал. Если вы арестуете меня, то уже никогда не выпустите!

— Встать! — крикнул Хаммонд. — Пойдем!

— Нет! — отчаянно произнес Стюарт.

Внезапно он бросил свою трубу в Хаммонда и тому пришлось пригнуться, чтобы она не попала ему в голову.

Стюарт спрыгнул со сцены и побежал к двери на кухню. Полник сунул руку под куртку, вытащил пистолет и аккуратно прицелился: как раз Стюарт почти достиг двери. Я сделал шаг вперед, подскользнулся и, падая, схватился за Полника. Пистолет выстрелил и пуля ударилась в потолок. Стюарт скрылся на кухне.

— Черт! — в бешенстве обернулся Полник. — Я бы попал в него, если бы вы на меня не свалились!

— Я подскользнулся, — повинился я. — Мне очень жаль.

— Перестаньте стоять здесь и спорить! — заорал Хаммонд. Лицо его налилось кровью. — За ним!

Мы побежали к двери. Кухня была пуста. Вторая дверь, выходившая на аллею, оказалась открытой настежь. Когда мы выбежали на аллею, она тоже была пуста.

— Удрал! — Хаммонд перешел на шаг. — Ладно, мы объявим всеобщий розыск. Рано или поздно его поймают!

Мы обогнули угол и вышли на улицу к полицейской машине.

— Черт бы тебя побрал, Уиллер! — вновь обозлился Хаммонд. — Если бы ты не свалился на Полника, этого бы не произошло! Что скажет Лаверс! Двух лейтенантов и сержанта послали арестовать одного человека, а тот убежал от них!

Глава 10

По рации Хаммонд объявил всеобщий розыск. Когда мы вернулись в полицейское управление, Лаверс уже ждал нас там. Прежде чем заговорить, он осматривал нас секунд пятнадцать.

— Моя вина, — начал он наконец. — Мне не следовало отпускать вас ночью. И уж никак не втроем. С вами же могло что-нибудь случиться. Мне следовало бы проследить, чтобы вас сопровождала полиция!

Я поморщился.

— Кто знает, — продолжал Лаверс, — вы могли встретить на своем пути какого-нибудь шестилетнего мальчика с пугачом и умереть от страха.

— Это... — подал было голос Хаммонд.

— Заткнитесь! — прорычал Лаверс. — Я еще не кончил! Я не упрекаю сержанта Полника, упрекать следует двух лейтенантов! И больше всего вас, Уиллер! — Он с шумом передохнул. — Я дрался за вас с Ландисом целый день, Уиллер. Но сейчас я начинаю думать, что он прав — вы будете замечательным уличным регулировщиком.

— Да, сэр, — покорно склонил голову я.

— Я проверю, — прохрипел он, — чтобы вас послали в самую гущу движения!

— Да, сэр.

— А пока, — лицо Лаверса обрело цвет пурпура, — убийтесь отсюда!

— Да, сэр!

— И чтоб я вас больше не видел!

Я быстро вышел, пока он не придумал чего-нибудь еще. У меня и так хватало проблем — например, труп в квартире, от которого следовало избавиться. И судя по тому, как складывалось положение дел, чем скорее, тем лучше.

Вытащив труп из ванной, я волочил тело Тальбота по коридору, надеясь, что по пути никого не встречу. В этом случае мне пришлось бы говорить, как пьян мой друг, но

вот поверили бы мне или нет, вот в чем вопрос. У некоторых людей имеется отвратительная способность узнавать труп с первого взгляда.

Мне повезло. Никого не встретив, я поместил Тальбота на переднем сидении, и он сидел там, прислонившись к дверце. По дороге на каждом повороте его голова болталась из стороны в сторону.

У «Золотой подковы» никого не было. Я опять воспользовался ключами Миднайт для того, чтобы открыть входную дверь, затем вытащил Тальбота из машины и втащил его внутрь, закрыв за собой дверь ногой.

В погребке было тихо и темно. Идеальное место для того, чтобы оставить на хранение мертвеца. Я осторожно стал спускаться по ступенькам, волоча за собой труп. Он стучал по каждой ступеньке, и этот звук действовал мне на нервы.

Наконец Тальбот ударился об пол последний раз. Пока мое дыхание приходило в норму, тело стукнуло снова. Только через три секунды до меня дошло, что труп не мог удариться еще раз: ступеньки кончились. Еще через секунду на голове у меня начали медленно подниматься волосы, так как я понял, что нахожусь здесь не один.

Кто сказал, что я не верю в бога? Может быть, Тальбот был...

Звук послышался ближе. Я бы очень хотел, чтобы со мной был мой пистолет, а еще лучше — чтобы меня здесь вообще не было. Звук повторился еще раз и еще ближе: кто-то волочил ноги в мою сторону.

— Стоять на месте! — крикнул я.

Если нельзя было его видеть, то можно было надеяться, что и он не разглядит, что в моей руке нет пистолета.

Звуки прекратились.

— Это вы, лейтенант?

— Да, — сказал я. — И включите свет. Но не забывайте, что вы все время у меня на мушке!

Я решил, что если он настолько глуп, что заговорил со мной, то он будет недостаточно умен и для того, чтобы сделать то, что ему прикажут.

Прошло пять долгих секунд и зажегся свет.

— Боюсь, что вы оказались умнее, чем я думал, лейтенант, — сказал Уэс Стюарт, стоя в десяти футах от меня. — Я все обдумал и решил, что из-за меня у вас не будет неприятностей! — затем он увидел тело Тальбота и его глаза расширились. — Кто это?

— Можете называть его Джек, если хотите, ему это безразлично, — сказал я.

— Лейтенант! — его голос дрожал, — он мертв!

Я протащил тело по полу и положил его на сцену.

— Но завтра вечером он будет живой сенсацией.

— Не схожу ли я с ума, лейтенант? — сжался он. — Зачем вы втащили сюда мертвого человека? Я ничего не понимаю!

— Вы сюда вернулись? — спросил я. Вопросы более путного мне в голову не приходило.

— Я перелез через забор на аллею, — ответил он. — Когда вы и другие полицейские пробежали мимо, я пробрался обратно в кухню и оставался там до тех пор, пока не услышал, что Куба и Кларенс уходят. Потом прошел в погребок, не включая света, чтобы никто не заметил с улицы.

— Лучше бы вы включили, — вставил я. — Тогда у меня было бы меньше седых волос.

— Я вот о чем думал, лейтенант. Я не занимался теми вещами, о которых говорил сегодня другой офицер. Я решил, что закон не осудит невиновного человека, и самое разумное будет отдаться в руки полиции.

Он вновь взглянул на тело Тальбота и лицо его побледнело еще больше.

— Почему бы нам не убраться отсюда? — предложил я. — Труп — не особенно приятная компания.

— Как прикажете, лейтенант, — Уэс отрешенно пожал плечами.

Мы поднялись по лестнице и вышли на улицу. Я аккуратно запер за собой дверь и мы забрались в мой «хейлей».

— Я считал, что будет, по крайней мере, три полицейские машины, — сказал Стюарт.

— Управление экономит, — объяснил я.

Когда мы зашли в мою квартиру, Стюарт снова удивился. Я включил свет и пропустил его вперед.

Он вошел в гостиную и с любопытством огляделся.

— Где это мы находимся, лейтенант?

— Я здесь живу.

— А я думал, что мы едем в полицейское управление. Ведь вы арестовали меня?

— Нет, — сказал я. — Хотите выпить?

— Не понимаю, — пробормотал он растерянно. — Зачем вы привезли меня сюда?

— Шотландское? — Он машинально кивнул головой.

Мы уселись и стали смотреть друг на друга. Я подошел

к проигрывателю и поставил лучшую пластинку моей коллекции — «Ушедший блюз».

С первого такта Уэс закрыл глаза и отошел в мир иной минут на пять, пока не кончилась пластинка, а я не допил второй стаканчик с шотландским.

— На трубе играл Сноу Уайт, — резюмировал он. — Если я буду серьезно заниматься, то, может быть, лет через двадцать и я буду играть так, как он. Не так хорошо, конечно, но достаточно хорошо для того, чтобы меня слушали.

— Вы и так близки к чикагскому стилю. Вы не собираетесь его менять? — спросил я.

— Чикагский стиль — это ничейная земля, — сказал он. — То есть то место, в котором я сейчас живу, — он несколько раз моргнул. — Я все время забываю, что мое место теперь в камере!

— Вы сказали Хаммонду, что ничего не знаете ни о наркотиках; ни о том, как был убит Джонни Ландис.

— Но это правда, лейтенант, — сказал Стюарт. — Чистая правда!

— Я готов поверить в это. Но если это не вы продавали наркотики, так кто же?

— Я не знаю ничего и ни о ком. Я знаю только, что Куба и Кларенс иногда курят риферы — это всегда можно определить по манере их игры.

— Они фальшивят?

Он покачал головой.

— Они начинают играть лучше, много лучше. Они как бы расслабляются изнутри, и музыка так и льется.

— Они курили в ту ночь, когда был убит Джонни Ландис?

— По-моему, да, — сказал он. — Они играли прекрасно, пока кто-то не убил этого Ландиса. Я ничего не замечал, пока он не упал перед нами мертвым! — он смущенно улыбнулся. — Когда я увлекаюсь игрой, я могу не обратить внимания на то, как обвалится потолок.

— Я думаю, что вы говорите мне правду, Уэс. Но вы немногим мне помогли, совсем немногим.

— Мне очень жаль, лейтенант.

— После того, как полиция закрыла «Золотую подкову», куда вы пошли?

— Домой. Я живу примерно в четырех кварталах от нее.

— И как долго вы оставались дома?

— Примерно до десяти.

— Что потом?

— Ко мне зашел Куба и сказал, что Кларенс хочет порепетировать и что мы можем устроиться в «Золотой подкове». Я взял трубу и пошел туда. Остальное вы знаете, лейтенант. Ведь мы еще играли, когда вы вошли.

— Я думаю, это правда, — сказал я.

— Сейчас мы поедem в управление? — спросил он.

Я покачал головой.

— Я хочу, чтоб вы сделали мне одолжение, Уэс, и немного у меня пожили.

Он взглянул на меня, как на тронутого, и, возможно, был прав.

— Вы шутите?

— Наоборот, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы остались здесь. Вы будете в безопасности, если отсюда не выйдете. В квартире много консервов, виски и хороших пластинок. Вам будет не очень скучно.

— Я, конечно, предпочту квартиру камере! — он неуверенно усмехнулся. — А вы уверены, что не шутите, лейтенант?

— Я уверен, что я уверен.

— В таком случае, скажите, зачем вы все это для меня делаете? Вы ведь меня даже не знаете!

— Если быть кристально честным, Уэс, — признался я, — я делаю это только для себя.

— Что ж, — успокоился он. — Я все равно ничего не понимаю, но признателен вам, лейтенант!

— Ну вот и хорошо, — сказал я. — Давайте выпьем.

Мы выпили еще, потом еще. Затем мы легли спать. Я улегся в постель, а Уэс спал на кушетке. Даже гостеприимство Уиллера имеет свои границы.

Я проснулся от того, что кто-то вежливо тряс меня за плечо. Из гостиной доносились звуки «Долгого блюза».

— Уже одиннадцать, лейтенант, — сказал Уэс. — Я сварил кофе и поджарил бифштекс, который лежал у вас в холодильнике, — все уже готово.

— В каждом доме должен быть Уэсли Стюарт, — оценил я.

Утренний выпуск «Трибьюн», прочитанный за завтраком, не способствовал моему пищеварению. Ландис выполнил свое обещание, и мое имя мелькало по всей первой странице: «негодяй Уиллер» можно было расценивать как комплимент. Не то чтобы досталось только мне. Окружной шериф и все полицейское управление тоже получили, но по сравнению со мной они были просто шалунами.

Следующая страница открывалась портретом Уэсли. Над фотографией шел броский заголовок: «Подозреваемый в убийстве на свободе!». Затем шли детали его побега и говорилось о плохой работе полиции, от которой подозреваемый скрылся, несмотря на нацеленные на него пистолеты.

— Теперь мы оба знаменитости,— сказал я, заметив по лицу Уэса, что тот уже читал газету.

— Я думаю, что вам лучше выдать меня властям, лейтенант,— сказал он.— Вам хватает и своих неприятностей.

— Если я сделаю то, о чем вы говорите, у меня их будет еще больше,— возразил я.— Разрешите уж мне самому позаботиться о себе.

— Как вам будет угодно,— пожал он плечами.

Все остальное утро Стюарт проигрывал мои пластинки. Я сидел рядом и пытался думать, и все еще продолжал думать, когда раздался звонок в дверь.

— Идите в ванную! — быстро сказал я Уэсу.

Он исчез почти мгновенно. Когда дверь в ванную захлопнулась, я пошел открывать.

Рена Ландис гордо прошествовала в квартиру мимо меня. Мне осталось только закрыть за ней дверь. Я догнал ее уже в гостиной.

Платье на сей раз было голубым, а на груди болталась цепочка из единорогов. Я с интересом взглянул на них.

— Не думал, что ты способна справиться с такими животными.

— Я могу справиться с чем угодно, лишь бы оно было мужского рода.

— С этим я не спору.

Она подошла к окну и опустила штору, оставив комнату в полумраке.

От окна она направилась прямо ко мне.

— Нам ни к чему много разговаривать, Эл, как ты считаешь? Когда мы говорим, мы только спорим. Только эмоциональная стимуляция имеет смысл!

Уэс, вероятно, слышал каждое наше слово.

— Ты права, детка,— сказал я.— Но сейчас еще только утро и...

— Не думала, что ты такой педант, Эл,— удивилась она.— Я ведь уже опустила штору. Закрой глаза и вообрази, что уже полночь!

Она расстегнула молнию и стала высвобождать из платья плечи.

— Подожди! — сказал я сдавленным голосом.

— В чем дело? — сейчас она уже по-настоящему удивилась. — Только не говори мне, что ты исправился или что-нибудь в этом роде, я все равно не поверю!

— Да, нет, — слабо сказал я. — Просто...

— Я знаю, — она хихикнула. — В твоей ванной другой труп. Только теперь я сначала посмотрю, а потом уж мы начнем все остальное, чтобы не шокировать тебя!

— Не глупи, — сказал я. — В ванной никого нет.

— Могу я попудрить, в конце концов, свой нос или нет?

— Ну, хорошо. Это была смешная шутка, и я чуть не умер от смеха, но, может быть, мы теперь вернемся к нашему разговору, а?

Внезапно она перестала хихикать, и ее глаза сузились.

— Ты что-то уж слишком волнуешься за свою ванную, Эл Уиллер, — заподозрила она. — Может быть, ты там кого-нибудь спрятал?

— Только полдюжины трупов, — сказал я. — Перестань трепаться, ладно?

— А может быть, всего лишь одного человека, и отнюдь не труп? Какую-нибудь дешевую блондинку или что-нибудь в этом роде?

Она выдернула свою руку и побежала по коридору.

— Сейчас я все узнаю!

Я догнал ее как раз в тот момент, когда она широко распахнула дверь в ванную.

Когда она увидела стоящего там Уэса Стюарта, у нее перехватило дыхание.

— Я... Простите! — слабо сказала она.

Уэс молчал. Его тоскливые глаза с мольбой уставились на меня.

В гостиной Рена смотрела на меня с раскаянием.

— Прости, Эл, — пробормотала она. — Я ведь не знала, что там действительно кто-то есть, я просто...

— Забудь это, деточка.

Ее лицо внезапно просветлело.

— Знаю! Мы не можем здесь, так почему бы нам не пойти ко мне? Отец в редакции, и я точно знаю, что он не вернется, по крайней мере, часов до десяти вечера.

— Я еще помню тот день, когда нас никто не должен был потревожить у тебя дома, — угрюмо сказал я.

— Но сейчас — это точно. Я знаю, что его не будет дома, а так как Тальбота нет...

— Ну, хорошо, — уступил я. — Почему бы и нет?

— Что ты сделал с трупом Тальбота? — спросила она.

— Я дал его другу. Не вспоминай об этом.

— Отец обеспокоен. Он не перестает спрашивать, где может быть Тальбот? Я подумала, что лучше не буду говорить ему, что Тальбот умер и что ты...

— Ты совершенно права, детка. Ничего не говори ему. Я не думаю, что он тебе поверит, но вдруг? Если мы идем к тебе, то тогда пойдем.

Я готов был на что угодно, лишь бы она не оставалась с Уэсом Стюартом в одной квартире.

Мы сошли по лестнице и сели в машину. По дороге Рена несколько раз искоса на меня взглянула: я поймал блеск стекол ее очков.

— Эл? — неуверенно начала она.

— Что?

— Этот человек в твоей ванной, что он там делал?

— Пломбировал утечку, — сказал я. — Что еще он мог там делать?

Секунд на шестьдесят она умолкла.

— Эл?

— Утечку воды следует устранять.

— Я... узнала его. Его фотография была сегодня в газете. Он тот самый человек, которого ищут по делу об убийстве Джонни.

— Ты путаешь, — сказал я.

— Зачем ты его прячешь? Ведь ты полицейский офицер!

— Это долгая история. Детали тебе наскучат. Не он убил твоего брата: его просто обвинили в убийстве, вот и все.

Казалось, она была удовлетворена.

Я свернул с дороги к дому и сосчитал лебедей, когда мы проезжали мимо озера. Их все еще было семь. Может быть, чтобы влить в них новую кровь, следовало посадить туда аиста.

— Ты уверена, что я могу оставить здесь машину? — спросил я, когда мы вошли в дом. — Никто ничего не будет об этом потом говорить?

— Не беспокойся об этом, милый, — сказала она. — Здесь просто некому о чем-нибудь говорить.

Мы поднялись по лестнице и вошли в ее комнату. Она подождала меня, затем закрыла за нами дверь, подошла к широким окнам и задернула занавески.

— Я гарантирую, что в ванной никого нет, Эл, — засмеялась она, направляясь ко мне.

Единороги задрожали и исчезли в складках платья, мячиком упавшего у ее ног.

— Эл,— задумчиво прошептала она,— как ты думаешь, я на многое способна?

Глава 11

— Уже четыре часа,— сказал я.

— И чего ты теперь хочешь? — спросила она сонным голосом.— Устроить перерыв и выпить кофе?

— У меня есть дела.

— Я же тебе сказала, отца не будет дома еще несколько часов.

— Может быть, да, а может быть, нет.

Я поднялся с постели.

— Но я не хочу рисковать.

— Не уходи, Эл,— здесь так тоскливо одной.

— Почему бы тебе не нанять другого дворецкого?

— Ну ты и дешевка!

— Может быть.

Я прошел в ванную, в которой, как и было гарантировано, никого не было, принял душ и напоследок постоял под ледяными струями.

Галстук был уже завязан, когда она вновь заговорила:

— Ты действительно уходишь, любимый?

— Послушай, детка,— сказал я.— Удовольствие, конечно, прежде всего, но нет смысла получать его все время!

— Ты хочешь сказать, что я тебе надоела?

В ее голосе проскальзывали угрюмые нотки.

Она встала с постели и медленно взяла со стула свое белье, а одевала еще медленнее.

— Я больше тебя не стимулирую, Эл?

— Ты-то стимулируешь, но твой отец — нет. А я не хочу испытывать своего счастья, вот и все.

— Я могу устроить это,— сказала она.— Так как, Эл Уиллер? Как насчет того, что я могу устроить так, что тебе больше не надо будет бояться моего отца?

Я одел пиджак и вновь взглянул на нее. Она высунула язык между кончиками зубов и лукаво на меня посмотрела.

— Как ты можешь это устроить? — спросил я.— В тот раз, когда он застал нас, тебе это не удалось.

— Я могла бы, если б была готова.

— Послушай, детка. Я бы очень хотел остаться, но риск слишком велик!

— Ты останешься, если я все устрою?

Мне было ужасно некогда. Ладно, поразвлекаю ее еще чуть-чуть.

— Ну, конечно, хочу остаться. Я хочу также и миллион долларов.

— Как тебе это понравится, Эл, если ты сможешь подойти к Даниэлу Ландису и сказать ему, чтобы он пошел и утопился в своем озере?

— Мне это очень понравится,— сказал я.— Опять-таки, как и миллион долларов.

— Я могу это устроить.— Она возбужденно рассмеялась.— Я могу устроить так, что он всегда будет у тебя в руках, всегда!

— Ты все время повторяешь это, но больше ничего, просто повторяешь...

Она меня не слушала. Она была где-то в своем мире. Там; где, как мне казалось, я бы не хотел очутиться.

— Я бы никогда не сделала этого,— возбужденно закусила она нижнюю губу.— Даже для тебя, любимый, если бы он тоже не сделал...

— Что?

— Что? Неважно,— сказала она.— Я покажу тебе.

— Сделал кому? Джонни?

— Плевать мне на Джонни,— сказала она холодно.

— Тальботу? — спросил я.— Он был единственным мужчиной в доме. Что он сделал Тальботу?

— Неважно,— нетерпеливо сказала она.— Пойдем, я покажу тебе.

Она пошла к двери. Я поймал ее за руку и с силой притянул к себе.

— Скажи мне, детка,— мягко попросил я,— в чем было дело?

— Ты делаешь мне больно, Эл,— ее глаза блеснули.

Я сжал ее руку еще сильнее.

— Скажи мне.

— Ты делаешь мне больно! — ее голос дрожал от возбуждения.— Ты можешь быть жестоким, любимый! Я этого раньше не знала.

— Тальбот? — спросил я.

— Я скажу тебе,— с трудом переведя дыхание, сказала она.— Он... Отец как-то неожиданно пришел домой...

— Это одна из его самых отвратительных привычек,— отметил я.

— ...Он, должно быть, что-то заподозрил. Он прошел

прямо ко мне в комнату и... мы там были.— Она хихикнула.— Я думала, что умру, когда увидела лицо Тальбота.

— Но он не уволил его?

— Ты что, действительно думаешь, что отец дал бы ему возможность так легко отделаться? — скорбно спросила она.— Он сказал, что мог бы устроить ему пожизненное заключение, но... но...— Она вновь закусилла нижнюю губу.— Сейчас Тальбот уже ни при чем. Я хочу показать тебе одну вещь, чтобы с тобой никогда не могло произойти того, что случилось с Тальботом, любимый!

Мы вышли из комнаты и прошли по длинному коридору в другую. Не надо быть полицейским, чтобы угадать, что это комната самого Ландиса: в одном углу стоял огромный письменный стол, рядом — удобное кожаное кресло.

Рена подошла к столу.

— Почти все ящики обычно на замке, но смотри!

Она сунула руку под крышку стола.

— Вот!

Раздался слабый звук, и из левой половины стола внезапно выдвинулся небольшой ящик.

— Все мужчины — немного дети, — снисходительно заметила Рена.— Каждому известно, что в таких старомодных столах есть потайные ящики. Я просто нажимала повсюду, пока не нашла его.

Я ее не слушал, а смотрел на содержимое потайного ящика. На шприц и иголки. Послюнявив палец, окунул его в небольшую плоскую коробочку с белым порошком. Героин.

— Теперь он уже никогда не сможет помешать нам, — весело сказала Рена.— Если он только попробует, ты сможешь пригрозить ему, что все знаешь.

— Он сам наркоман, — констатировал я.

— Мне это многое объяснило, — вновь пришла в возбуждение Рена.— Например, те долгие путешествия, в которые он уезжал последние несколько лет, когда он так тщательно скрывал, куда он едет и для чего. «Дела», говорил он нам, и больше ни слова. Возвращался бледный и слабый и говорил, что ему просто приходилось слишком много работать. Но через несколько недель он опять становился самим собой, властным и жестоким.

— Я верю, — сказал я.

— Он лечился, конечно, — нетерпеливо сказала она, — но уже не мог отказаться от старых привычек. А когда он узнал, что Джонни тоже стал наркоманом, выгнал его из дома.

— Но Джонни не был наркоманом,— возразил я.— Он курил только риферы.

— Это ведь одно и то же, разве нет? — презрительно заметила она.— Я обнаружила этот потайной ящик уже после того, как Джонни оставил этот дом. Хотела бы я обнаружить все это раньше. Я бы сказала Джонни. Было бы весело!

— Весело?

— Ну, я имею в виду ту последнюю стычку, которая между ними произошла, когда отец выгонял Джонни из дому.

— Где ты была, в комнате?

— Я подслушивала,— спокойно сказала она.— Отец сошел бы с ума, если бы застукал меня. Джонни сказал ему, что он все знает о женщине и его делах, а отец так орал, что я думала, он умрет от разрыва сердца.

— Джонни говорил о какой-то женщине?

— Он сказал, что знает все о ней, и что он хотел бы знать, как отреагирует мэр и прочие отцы города, если узнают, что у Даниэла Ландиса есть любовница.

— Это была просто угроза?

Она опять закусила нижнюю губу.

— Я не знаю. Джонни сказал, что он все знает, но когда он выходил из себя, то мог сказать все что угодно. Как бы там ни было, ты теперь все знаешь.

— Так что, если твой отец войдет к нам в комнату, я могу отправить его к собственному столу? — спросил я.

— Абсолютно точно, любимый!

Она взяла меня под руку и повела обратно. Я остановился у порога, и она нетерпеливо потянула меня за собой.

— Пойдем, Эл! Теперь тебе не о чем беспокоиться.

— Дело не в твоём отце, детка,— сказал я.— У меня есть кое-какие дела, которые давно уже ждут меня. Извини, но мне надо идти. Я позвоню тебе.

Ее лицо напряглось.

— Ты обещал!

— Извини. Я бы очень хотел остаться, честно! Но я не могу.

— Ты обещал,— тяжело задышала она.— Ты сказал, что если я покажу тебе потайной ящик, ты останешься!

— У нас будет куча времени потом,— отбивался я.

— Ты мне солгал, ты нарушил свое обещание!

Она с бешенством стала бить меня в грудь кулаками.

— Ты обещал! Лгун! Обманщик!

Дверь была открыта. Я схватил ее за кисти рук и

оттолкнул от себя. Она попятилась через всю комнату, пока не наткнулась на кровать и не упала на нее.

— До свиданья, любимая,— сказал я.

— Ну, подожди, Эл Уиллер! — Любимая была в бешенстве.— Я найду на тебя управу!

Я забрался в «хейлей» и завел мотор. Семь лебедей все также безмятежно сидели на воде озера. Небольшой порыв ветра на секунду вспушил их перья и умчался.

Глава 12

— Ради бога, извините меня, лейтенант,— взволнованно встретил меня Уэс.— Надеюсь, все кончилось хорошо?

— Все в порядке, Уэс,— сказал я.— Если вам особенно нечего делать, может быть, вы нальете нам виски, пока я позвоню в одно место?

— Ну конечно,— облегченно вздохнул он.

Сняв трубку, я набрал номер квартиры Миднайт О'Хара. В трубке прогудело четыре раза, после чего я понизил тон своего голоса и хрипло заговорил:

— Счастливая вы женщина! Сегодня ночью ваше представление пойдет во второй раз!

— Кто это? — резко спросила она.

— Неважно. Говорю вам, вы счастливая женщина, сегодня у вас будет идти та же программа...

— Вы, наверное, не туда попали,— предположила она.

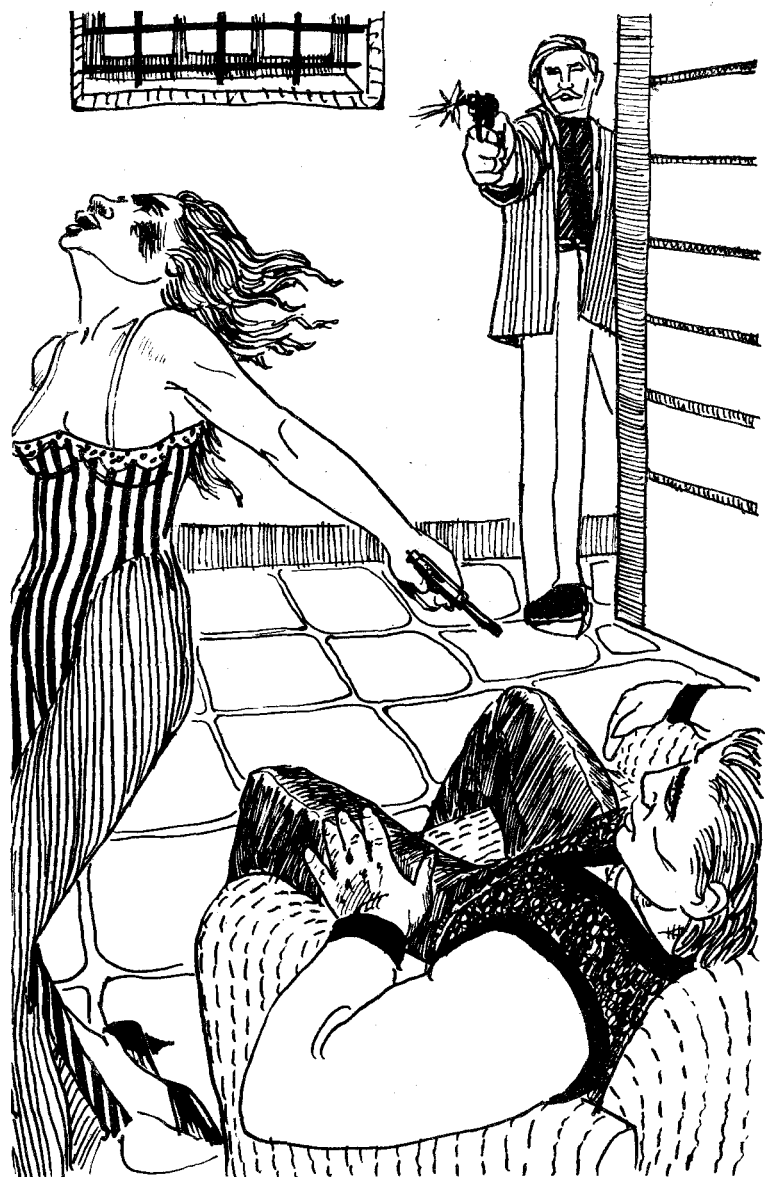
— Я попал туда, куда надо, Миднайт,— заверил я.— Все готово, и погребок выглядит точно так же, как в ту ночь, когда был убит Джонни Ландис. Только на сей раз — у вас свежий труп.

— О чем вы говорите?

— В «Золотой подкове»,— прохрипел я,— все подготовлено для новой сенсации — с новым трупом на месте Джона Ландиса. Если вы мне не верите, почему бы вам самой не поехать и не убедиться?

Повесив трубку, я мягко промассировал горло пальцами. Уэс сунул мне в руку стаканчик с виски. Я отпил глоток шотландского:

— Я думаю, что в душе я еще ребенок. Знаете эту игру — берешь первый попавшийся номер из телефонной книги и набираешь его. Если подходит женщина, ты говоришь: «Я следил за вами и не думайте, что я не расскажу вашему мужу». А если подходит мужчина, ты говоришь:

«Оставь мою жену в покое, если ты не хочешь, чтобы тебе перерезали глотку», затем быстро вешаешь трубку.

— Это такая игра? — недоуменно спросил Уэс.

— Очень смешная, — сказал я. — Вам следует как-нибудь попробовать.

На часах было без четверти пять. Оставалось ждать еще минут тридцать.

Вдруг позвонили в дверь. На лице Уэса появилась паника.

— Не бойтесь, — встал я. — В ванную. Я избавлюсь от своих посетителей, кто бы это ни был, в одну секунду.

— Да, — прошептал он, покраснев, и прокатился из гостиной в коридор.

Я вынул сигарету, придал своему лицу беззаботное выражение и пошел открывать дверь.

— О! Почему никто не предупредил меня, что сегодня намечается вечеринка?

— Вы не возражаете, если мы войдем, Уиллер? — холодно спросил шериф Лаверс, проходя мимо меня в квартиру.

Вплотную за ним следовали Хаммонд и Полник. Двое полицейских в форме, замыкающие процессию, остались снаружи.

— А вы почему не заходите? — сказал я им. — Рюмок у меня хватит на всех.

Тем временем Полник исчез в спальне, Лаверс — в кухне, а Хаммонд спешил к дверям ванной. Тут уж ничего нельзя было поделаться — разве что закричать, но делать этого явно не стоило.

Осталось налить себе виски.

Полник и Лаверс вернулись в гостиную разочарованными. Секундой позже Хаммонд втащил сюда Уэса Стюарта. На лице лейтенанта отражался триумф, пистолет его упирался в спину Уэса.

— Я его взял!

Хаммонд восхищенно ухмылялся. Уэс виновато посмотрел на меня:

— Я опять забыл запереться.

— Это неважно, — утешил его я. — Они бы все равно взломали дверь.

У Полника на лице можно было прочесть смутное сожаление.

— Это плохо, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Я люблю лейтенанта.

— Отведите Стюарта в машину, Полник, — рявкнул

Лаверс.— Мы будем через несколько минут. И не вздумайте его упустить во второй раз!

— Нет, сэр,— сказал Полник.

Он подошел к Уэсу, скрутил ему руки за спиной и защелкнул наручники.

— Не беспокойтесь, сержант,— спокойно сказал Уэс.— Я не собираюсь убежать во второй раз.

— Вы меня осчастливили. Пошли, дуделка!

Когда Полник с Уэсом ушли, нас осталось всего трое: Лаверс, Хаммонд и я.

Я стал раздумывать над тем, как будет выглядеть Анабель Джексон, когда меня выпустят из тюрьмы — может быть, как моя мама?

Лаверс готов был развалиться от возмущения.

— Хотите попробовать оправдаться, Уиллер? — прорычал он.

— Попросите у меня что-нибудь полегче,— сказал я.

— Я всегда говорил, что он ненормальный! — выдохнул Хаммонд.— Этот парень все время находится у него, и он об этом молчит. И это полицейский!

— Если я спрошу: «Почему?» — то задам очень глупый вопрос? — съехидничал Лаверс.

— Я не думаю, что это он убил Джонни Ландиса, вот и все,— ответил я.

— Конечно, глупый вопрос! — Лаверс крепко закрыл глаза, но слова продолжали клокотать у него в горле.— С каких это пор вы считаете себя полицейским комиссаром и шерифом одновременно?

— Меня избрали шерифом? — спросил я его.— Почему же мне никто этого не сказал?

— Кто-нибудь вам все скажет,— пообещал Лаверс.— Надеюсь, что мне не откажут в этом удовольствии. Вы понимаете, что не было ни одного полицейского в городе, который не искал бы Стюарта всю ночь — и все это время он находился в вашей квартире! Вашей, лейтенант...— тут его слова перешли в бессвязное клокотанье.

— Эй! — внезапно сказал Хаммонд.— Мне только что пришла в голову прекрасная мысль.

— Слишком поздно,— сказал я.— Она вышла замуж за Миллера.

— Ты не выдал его,— размышлял Хаммонд,— потому что решил, что он не убийца. Значит, когда мы были в «Золотой подкове», и Полник прицелился в него, ты...

— Намеренно толкнул сержанта, чтобы он его не убил,— сказал я.— Дайте этому человеку сигару, шериф!

Рука Лаверса автоматически полезла в верхний карман и уже вытащила сигарету, прежде чем тот сообразил, что делает.

— Бог мой! — воскликнул Хаммонд, развивая свою мысль. — Представляю, как на это отреагирует суд!

— Это значит, что вы уже не полицейский, Уиллер, — сказал Лаверс. — И это только начало.

— Мне надо еще немного времени, — сказал я, — и я распутаяю все это дело.

— Времени? — прорычал Лаверс. — Я прослежу, чтобы у вас было сколько угодно времени, Уиллер. Пяти лет вам будет достаточно? Если нет, вам дадут срок еще больше!

— Мне вполне достаточно пяти минут.

— Для чего?

— Чтобы показать вам, как был убит Джонни Ландис. Несколько секунд он молча глядел на меня.

— Если это обычная отговорка, Уиллер...

— На отговорки мне нужно побольше пяти минут, — сказал я. — Или вы не хотите знать, как был убит Ландис?

— Ну, хорошо, — сдался наконец Лаверс. — Пять минут, ни секундой больше.

— Я знал, что вы послушаетесь голоса разума, шериф. Вы всегда к нему прислушиваетесь рано или поздно, хотя, как правило, обычно поздно.

Лаверс вновь готов был взорваться, поэтому я торопливо добавил:

— Пройдемте в ванную.

Они прошли в ванную, а я следовал за ними, осторожно спрятав в ладони ключ, который вынул из замка снаружи.

Лаверс выжидающе смотрел на меня, Хаммонд явно скучал.

— Он только что прочел детектив Дэшила Хэммета! — сказал Лаверс. — Завтра пойдет приобретать себе жену и собаку!

— Пожалуйста! — рассердился я. — Хотите вы знать, как все происходило, или нет?

Может быть и глупо было задавать этот вопрос.

— Вижу, что хотите, — быстро продолжал я, — поэтому начнем. Давайте на секунду вообразим, что мы — трио, играющее в «Золотой подкове» в ночь убийства Ландиса.

— Вы хотите, чтобы я пел? — ужаснулся Лаверс.

— Нет, чтобы играли на трубе, — виновато уточнил я. — Хаммонд будет Кларенсом Несбиттом, играющим на контрабасе, а я — Кубой Картером, играющим на барабане.

— Что мне надо делать? Дергаться как сумасшедший? — фыркнул Хаммонд. — Вот так?

Он ударил по воображаемым струнам одной рукой, поддерживая воображаемый гриф другой.

— Вот так, совершенно точно! — похвалил его я. — Теперь, шериф, если вы играете на трубе... — Я поднял обе руки ко рту и стал двигать пальцами.

— А я буду играть на барабане.

Я стал бить воображаемыми палочками.

Лаверс глубоко вздохнул и стал настраивать воображаемую трубу.

— Ну просто великолепно, шериф! — восхитился я. — Ясно и чисто! Ну просто второй Бейдербек!

— Не заходите слишком далеко, Уиллер, — хрипло сказал он.

— Ладно, сэр, — вежливо согласился я. — Итак, в ночь, когда это случилось, они играли «Парад на Рэмпарт Стрит», так что, думаю, мы можем начать. Раз, два, три!

Я напевал мотив в то время, как беззвучное трио принялось играть. Через несколько мгновений я остановился.

— Что сейчас? — спросил Лаверс.

— Вы отстаете. Нам придется опять начать сначала. А вы спешите, — холодно сказал я Хаммонду. — Перестаньте фыркать носом!

Лаверс подозрительно посмотрел на Хаммонда.

— Уиллер отправится в тюрьму в любом случае, — сказал он. — Он может дерзить мне. Но ваше фыркание...

— Я не фыркаю, сэр! — сердито заговорил Хаммонд. — У меня просто болит горло.

— Будьте осторожны, не подхватите ангину! — свирепо подсказал Лаверс.

— Готовы? — потребовал я. — Раз, два, три!

Мы начали вновь. Они играли на невидимых инструментах, я напевал мотив.

Примерно в середине пьесы я остановился.

— Джонни Ландис сейчас точно позади нас. Публика прямо перед нами. Уэс, — вы не будете возражать, шериф, если я буду называть вас Уэсом? — вы в настоящее время Уэс Стюарт!

— Продолжайте! — прорычал Лаверс, опуская и поднимая четыре пальца левой руки.

— Хорошо, — все больше возбуждался я. — Время подходит, Уэс! Джонни Ландис стоит прямо позади вас. Вытащите свой пистолет и застрелите его!

Лаверс непонимающе на меня взглянул.

— Но не пропустите ни одной ноты, а, Уэс? — мягко напомнил я. — Потому что публика заметит это.

Лаверс таращился на меня.

— Что...

— Той ночью все происходило именно так. Я там был, сидел в зале и смотрел, как они играют. Уэс Стюарт играл основную мелодию в то время, когда раздался выстрел. Он не пропустил ни одного такта. Я даже думаю, что он не слышал выстрела вообще. Он просто физически не мог продолжать играть на трубе и в то же самое время вытащить пистолет и убить Джонни Ландиса!

Лаверс несколько раз моргнул, глядя на меня, затем взял себя в руки.

— Я думал, вы собираетесь показать нам, как был убит Ландис, а не как было невозможно для Стюарта убить его!

— А это, — я понизил свой голос до шепота, — я тоже вам сейчас покажу. Если вы будете вести себя абсолютно тихо и смотреть в окно ванной...

— Окно? — непонимающе переспросил Лаверс. — Как может окно...

— Вы должны вести себя абсолютно тихо, — вновь посуровел я. — Или я не смогу показать вам, как это произошло.

— Ну, хорошо, — он скрипнул зубами. — Продолжайте!

— Сосредоточьтесь, пожалуйста, — прошептал я.

Они повернули головы и стали старательно смотреть в окно. Я осторожно отступил на три шага назад, затем захлопнул дверь в ванную и запер ее на ключ.

Проигрыватель я включил на полную мощность и музыка полностью заглушила удары Лаверса и Хаммонда в дверь ванной.

В спальне я взял свой бумажник, ключи от машины и пистолет, распахнул входную дверь настежь и закричал:

— Шериф требует вас к себе, немедленно! На кухню!

Оба полицейских, стоявшие у дверей квартиры, пронеслись мимо меня. Я не стал их дожидаться: забрался в «хейлей» и к перекрестку шел уже сорок миль в час.

Глава 13

У красных спортивных автомобилей, каким являлся мой «хейлей», существует только один недостаток — люди обычно замечают их. Можно было с таким же успехом

просто написать у себя на лбу: Эл — голубыми, Уиллер — красными буквами.

Поэтому автомобиль пришлось оставить на стоянке в конце города и пройти обратно несколько кварталов.

Я зашел в аптеку и позвонил оттуда в полицейское управление. Рассказал им все то, что и Миднайт О'Хара часом раньше. Сержант на другом конце провода не устал спрашивать, кто это говорит, пока мое сопротивление, наконец, не было сломлено.

— Окружной шериф Лаверс,— сказал я и повесил трубку.

Через пятнадцать минут я подошел к «Золотой подкове». Здесь стояла огромная толпа, уже начавшая рассасываться. У входа стояли две полицейские машины.

— В чем дело? — спросил я ближайшего ко мне типа.

— Ни в чем! — неохотно отозвался он.— Кто-то позвонил в полицию, что здесь еще один труп. Они примчались сюда с сиренами и все такое. Перевернули здесь все с ног на голову. Я стоял минут двадцать, поджидая, когда вынесут труп — и ничего!

— Ничего?

— Ложная тревога! — с горечью сказал он.— Им надо как-нибудь взяться за этих типов, которые рассказывают по телефону всякие сумасшедшие истории. Спустить закон на них! Давать по шесть месяцев тюрьмы и даже больше!

— Никакого трупа там не было?

— Нет! Ни трупа, ничего!

— Плохо,— сказал я.

— Это вы говорите мне,— простонал он.— Целых двадцать минут простоял здесь и что увидел?

— Ничего?

— Ничего!

— Никогда не знаешь, когда повезет,— утешил я его.— А вдруг по пути домой вам удастся увидеть, как старая леди попадет под автобус?

Я прошел еще несколько кварталов, повернул назад и подошел к «Золотой подкове» с другой стороны. К этому времени от толпы не осталось и следа. Я продолжал медленно идти вперед. Прошел до конца квартала, затем вновь повернул назад.

Начали сгущаться сумерки, и через десять минут над погребком зажглась неоновая вывеска. Пять с половиной часов до полуночи.

Вдруг дверь открылась и из нее вышла Миднайт О'Хара.

Она подошла к темному «седану», села в него и исчезла из виду.

Я подождал еще минут пятнадцать. Если полицейские были где-то рядом, они значительно поумнели со вчерашнего дня, потому что я не видел ни одного из них.

Поразмыслив, я все-таки решил, что они не оставят никакого наблюдения за «Золотой подковой». Лаверс и Хаммонд решат, что эта история с трупом мной выдумана нарочно. Так что, наверняка займутся поисками одного знакомого лейтенанта, который запер их в ванной.

Я пересек улицу по направлению к «Золотой подкове», обошел ее, выйдя на пустынную аллею, ведущую к черному входу и открыл дверь.

Я прошел прямо в кабинет Миднайт и закрыл за собой дверь. Нашарил на стене выключатель и зажег свет. Кабинет находился в центре здания, в нем не было окон, так что свет снаружи заметить было нельзя.

Я наклонился и потрепал голову тигра, чьи стеклянные глаза не мигая уставились на меня.

— Думаю, неоновые джунгли — плохая замена твоей родине, зверь, — посочувствовал я ему.

Усевшись в кресло, я начал открывать ящики стола один за другим, тщательно просматривая их содержимое, но не нашел ничего особенного. Потом подошел к бару и налил себе виски. Захватив стаканчик с собой, опять уселся в кресло и положил ноги на стол. Я закурил и стал думать о жизни вообще и о Рене Ландис, в частности.

Ровно в семь тридцать открылась входная дверь, а чуть позже и дверь кабинета. На пороге появилась Миднайт О'Хара. Ее лицо выражало крайнее изумление.

— Для начала войди и закрой дверь, детка, — сказал я.

Она медленно двинулась вперед, закрыв за собой дверь. На ней был черный орлоновый свитерок с бриллиантовой подвеской на правом плече и длинная белая плиссированная юбка.

— Лейтенант! — воскликнула она. — Что вы здесь делаете?

— Я думал, вы решили называть меня Эл, — сказал я.

— Эл, — она улыбнулась. — Как вы сюда попали?

— Ключи. Я пришел вернуть их. Помните, вы дали мне их прошлой ночью, когда я пошел арестовывать Уэса Стюарта?

— Конечно. Вы совсем напрасно беспокоились, Эл. Вы могли послать их по почте.

— Или просто выкинуть.

Она положила сумочку на столик и подошла к бару.

— Я вижу, ваш стакан пуст,— улыбнулась она.— Налить еще?

— Как прикажете,— согласился я.

Она налила мне виски, себе — водки с джином и принесла оба стаканчика на стол.

— Вы собирались вернуться в мою квартиру, чтобы защитить меня,— сказала она.— Но вы не пришли. Я долго ждала, Эл!

— Мне очень жаль,— сказал я самым искренним тоном, на который был способен.— У меня были неприятности.

— Я читала об этом в «Трибьюн» сегодня утром. Здорово тебе влетело, Эл! Может быть, ты тоже нуждаешься в защите?

— Выкручусь. Но если вы все еще не раздумали, я могу вам эту защиту обеспечить хоть сейчас..

— Я думаю, сейчас в этом нет необходимости. Ты знаешь, здесь была полиция. Какой-то идиот позвонил им и сказал, что здесь произошло еще одно убийство, и они приехали проверить. Мне сказали, что Уэс был арестован несколько часов назад.

— Мне жаль, что ты больше не нуждаешься в защите,— сказал я.

Она тепло улыбнулась.

— И мне тоже. Твоя защита не была бы обременительной.

— Спасибо за комплимент,— сказал я.— Все-таки это лучше, чем ничего.

— Скоро сюда придут повара и официанты. Я думаю, что сегодня наши дела пойдут хорошо. Убийство было для нас прекрасной рекламой, а тут еще и эта история сегодня...

— Да, сегодня будет полный сбор,— сказал я.— Но ведь повара и официанты могут прекрасно обойтись без вас, не правда ли?

— Я бы хотела быть с ними, чтобы они ничего не напутали.

— Боюсь, что сегодня ночью тебе придется полностью довериться им,— начал мягко настаивать я.

Она осторожно опустила пустой стакан и поставила его на стол.

— Что ты хочешь этим сказать, Эл?

— Я хочу, чтобы ты освободилась на час и пошла со мной,— сказал я.

— Но это невозможно!

— Нет ничего невозможного,— банально заявил я.

Я вытащил пистолет из кармана, задумчиво посмотрел на него, затем положил на место.

— Как я могу уговорить тебя?

Она медленно облизнула губы.

— Куда мы пойдем?

— Я думаю, твоя квартира подойдет,— сказал я.— Я люблю этот кабинет и с удовольствием растянулся бы на тигровой шкуре, но в твоей квартире можно поговорить более конфиденциально, а? Вряд ли там нас побеспокоят.

Она нервно рассмеялась.

— Никак не могу тебя понять, то ли ты шутишь, то ли нет.

— Нет! — Я встал с кресла.— Идем.

— Если ты действительно говоришь серьезно, думаю, что у меня нет выбора,— сказала она.— Но в чем все-таки дело, Эл? Почему ты ведешь себя так таинственно и вытаскиваешь пистолеты из карманов?

— Только один пистолет,— уточнил я.— И здесь нет никакой тайны. Я просто хочу поговорить с тобой и думаю, что твоя квартира — лучшее для этого место.

— Поговорить о чем?

— Например, о том, куда ты дела тело Тальбота и все в том же духе.

— Тальбот? — Она напряглась.— Кто такой Тальбот? Ты же не веришь этой сумасшедшей истории о втором трупе, Эл?

Я взял ее за руку и пошел к двери, открыл ее свободной рукой и вышел с ней в погребок. Пустые столики стояли, как гости на похоронах.

— Это было очень глупо с твоей стороны — прятать тело Тальбота,— заметил я на ходу.

— Я все еще не знаю, о чем ты говоришь,— сказала она.— Ты делаешь ужасную ошибку. Я тебе сказала всю правду об Уэсе Стюарте. Вы поехали арестовывать его, он убежал, но потом же вы его поймали. Что тебе еще надо?

— Это ты узнаешь у себя дома,— сказал я.

Мы уже были недалеко от входа, когда в замке входной двери вдруг повернулся ключ.

Дверь стала открываться и Миднайт внезапно кинулась

в сторону, вырвалась от меня и изо всех сил крикнула: «Уиллер!».

Я попытался схватить ее, но промахнулся. Внезапно погас свет, оставив нас в полной темноте.

Я остался стоять на месте, прислушиваясь. Вынул из кармана пистолет и взял его в правую руку. Мне показалось, что одна из нижних ступенек скрипнула.

— Стойте на месте! — крикнул я. — Буду стрелять! Взойдите по ступенькам наверх и зажгите свет, если хотите остаться в живых.

Опять никаких звуков.

Прошло десять долгих секунд, затем я почувствовал запах духов. Секундой позже по моему лицу скользнула мягкая теплая рука.

— Эл! — успокаивающе сказала Миднайт. — Я виновата. Совсем потеряла голову. Я не знаю, кто это. Я боюсь!

— Заткнись! — проревел я и в следующую секунду сообразил, что было уже слишком поздно. Мне надо было сбить ее с ног, когда она начала говорить. Мне следовало ее ударить или быстро отойти в сторону. Но я ничего этого не сделал, а стоял на месте, как дурак, и дал по ее голосу определить точно, где я нахожусь. И она поработала на совесть.

Доказательством этому были две руки, внезапно с силой сомкнувшиеся у меня на горле.

Я ударил ногой назад, попал во что-то мягкое и услышал сдавленный стон. И тут из глаз моих посыпались искры, что-то взорвалось у меня в голове, и я дышал уже не воздухом, а будто горячим пеплом. Затем последовал последний фейерверк, и я провалился в темноту...

Когда я открыл глаза, мне хотелось застонать, насколько это позволял кляп во рту. На меня смотрели жесткие желтые глаза. Наконец, я сообразил, что это кабинет Миднайт, и я лежу на полу, почти нос в нос с тигром.

Позади меня кто-то ходил. Руки мои были связаны за спиной, а ноги туго перетянуты веревкой.

Я повернул голову и увидел Миднайт. Она сидела за маленьким столиком и осторожно красилась перед зеркалом. Затем встала и совершенно спокойно сняла с себя юбку и свитер. Она осталась в нейлоновой рубашке и потянулась к своему шкафу за одним из тех платьев с фальшивыми бриллиантами, в которых она обычно выступала.

Должно быть почувствовав мой горячий взгляд, Миднайт повернула голову и посмотрела на меня.

— Лейтенант, не подглядывайте!

Она надела платье через голову, вращая при этом плечами и бедрами, затем застегнула его.

— Надеюсь, что вам удобно,— сказала она, поправляя волосы,— простите, что беседа наша односторонняя, но не хотелось бы, чтоб вы начали кричать. Это может взволновать наших клиентов. Они уже начали прибывать.— Она взглянула на меня с улыбкой.— Вы довольно долго не приходили в себя, но вам и не нужно спешить, у вас еще масса времени. Вам придется остаться здесь, пока мы не закроемся. Затем я собираюсь оказать вам любезность: покажу вам, куда я дела тело Тальбота. Думаю, что он будет рад заполучить вас к себе в компанию.

В последний раз взглянув на себя в зеркало, Миднайт открыла ящик и вынула оттуда черный шифоновый шарф. Она подошла ко мне, встала на колени и туго повязала шарфом мои глаза, завязав узел на затылке.

— Не видь зла и не говори зла,— весело сказала она.— Но слышать вы все еще можете. Вы дурак, лейтенант! Я подала вам Уэса Стюарта на тарелке, а вы этим не воспользовались. Скоро вы умрете, и всем будет наплевать на то, виноват он или нет, всем, кроме вас!

Ее каблуки простучали по полу, дважды скрипнула дверь и щелкнул замок.

Никогда еще не было у меня такой долгой ночи. Снаружи я слышал шум разговоров, трио, играющее свои номера,— кто бы не заменял Уэса, он ему и в подметки не годится. Миднайт пела свои песни, а затем вновь играло трио. Мне показалось, что прошло не менее десяти лет, прежде чем дверь вновь отворилась и каблуки простучали по полу, по направлению ко мне.

— Соскучились, лейтенант? — ласково спросила Миднайт.— Теперь вам уже недолго ждать, мы закрываемся через полчаса. Я только переоденусь и буду готова к нашему маленькому путешествию.

Ее каблуки вновь простучали к двери.

Время потеряло всякое значение. Трио больше не играло, шум застольных бесед стих и сменился лязганьем стаканов и тарелок на кухне. Потом и этот шум прекратился.

Затем дверь открылась, и я вновь услышал стук каблуков, сопровождаемый на этот раз тяжелыми шагами.

— Все готово, Уиллер,— весело сказала Миднайт.

Сильные руки схватили меня и понесли, чувствовалось, без всякого усилия. Миднайт шла впереди нас. На улице

она открыла дверцу автомобиля, а человек, который нес меня, бросил меня на пол салона. Я сильно ударился головой о край сиденья и из глаз у меня (в который раз!) посыпались искры.

Завелся мотор, и автомобиль тронулся с места... Путешествие было не длинным. Автомобиль остановился, и меня опять понесли.

Несли меня долго, и когда, в конце концов, положили, я почувствовал под своим лицом холодный и грубый камень.

— Мы оставим вас здесь примерно на час, — послышался голос Миднайт. — Здесь вы никому не можете причинить никакого вреда, так что пойте и пляшите, сколько вам угодно, — она засмеялась при мысли об этом. — Затем мы вернемся и устроим великий финал: вы и Тальбот!

Открылась и закрылась дверь, и мир остался в темноте. Я пошевелил ногами, но ничего не почувствовал. Затем попытался ползти по каменному полу, изо всех сил помогая себе ногами, пока не выбился из сил.

Интересно, не оставили ли они меня на дне плавательного бассейна, чтобы потом пустить сюда воду? Эта мысль придавала мне сил и я попытался пробраться дальше. Я все время дергал ногами и в конце концов они ударились обо что-то. Мне стало больно. Пришлось поосторожнее вытянуть ноги, дотянуться до предмета, чем бы он ни был. Предмет был твердым и неровным, и мои ноги соскользнули с него. Я подогнул под себя ноги и изо всех сил ударил в этот предмет пятками. Звук раздался громкий и звонкий. Следовательно, предмет этот был из стали и имел закругленные края. Может быть, это был ящик, в который хотят меня запихать, а может быть, просто водопроводная труба. И я стал бить по этому предмету ногами изо всех сил. Грохот стоял оглушающий. Очень скоро стало ясно, что никогда я больше не смогу ходить: мои ноги меня не слушались. Я пытался придумать, как бы мне стучать одной ногой, давая другой отдых, когда дверь открылась и кто-то сделал один осторожный шаг. Я ударил по трубе еще раз.

Шаги звучали все ближе и ближе. Я чувствовал даже дыхание подошедшего ко мне человека. Затем мягкие холодные руки прикоснулись к моему лицу и вынули изо рта кляп, а чуть позже сняли шарф с моих глаз.

— Эл Уиллер! — медленно сказала Рена Ландис. — Что за глупые игры ты затеял в нашем подвале?

Глава 14

— Любимая! — прохрипел я. — Ты изумительная девушка и пришла в изумительно нужное время!

— Хочешь переспать со мной, когда ты весь так связан? — она, чуть наклонив голову, обдумывала свои слова несколько секунд. — Это должно быть интересно.

— Не сейчас, детка, я хочу иметь развязанные руки. Пожалуйста, развяжи!

— Я слушала этот бэм-бэм до тех пор, пока не подумала, что сойду с ума, — сказала она. — Тогда я сошла вниз, чтобы узнать, в чем дело.

— Рук... хм-м!

— Я не знаю, стоит ли, — сказала она. — Я же тебя ненавижу. Ты нарушил свое обещание сегодня.

— Но ты хорошо отомстила мне, любимая, — сказал я с терпением человека, одной ногой стоящего в могиле. — Ты позвонила в полицию и сообщила им, что Уэс Стюарт скрывается у меня в квартире.

Она восхищенно хихикнула.

— Я же сказала тебе, что ты пожалеешь, помнишь?

— Конечно, помню, — согласился я. — Поэтому у нас сейчас равный счет, детка. И ты сейчас развяжешь мне руки.

— Не знаю, — сказала она. — Может быть, сначала мне надо побить тебя немного за то, что ты ушел от меня? Мне надо подумать.

Она поднялась на ноги, и я посмотрел на ее бедро сквозь разрез платья. И впервые за всю мою жизнь при виде голого женского бедра мне хотелось только схватить и сломать его, и ничего больше.

— Я не хочу торопить тебя, детка, — сказал я, — но они могут вернуться с минуты на минуту. И когда это произойдет, они меня убьют.

— Кто убьет?

— Миднайт О'Хара и кто-то еще, кого я даже не видел. Она сказала, что вернется через час, и этот час уже, наверное, кончился — я совершенно потерял счет времени.

— Миднайт О'Хара? — переспросила она. — Эта женщина, которая владеет «Золотой подковой», и где был убит Джонни?

— Точно, — ответил я. — Думаю, что они убили и Тальбота. А теперь собираются убить меня. Если они найдут здесь тебя, то и ты попадешь в нашу компанию.

Она сняла очки и задумчиво принялась жевать дужки.

— Не знаю. Я все еще хочу подумать над этим.

Я безнадежно взглянул вокруг себя. Здесь был винный погреб. Ряды бункеров, до шести футов в высоту, стояли вдоль всех четырех стен и два дополнительных размещались в центре.

Они положили меня между двумя центральными рядами, как будто мне было не все равно.

Внезапно Рена встала передо мной на колени и взглянула в глаза.

— Скажи, что ты жалеешь, что нарушил свое обещание сегодня и ушел от меня!

— Жалею, деточка,— взбодрился я.— Очень жалею!

Она вновь поднялась на ноги.

— Я думаю, что это просто какая-нибудь глупая шутка! — обидчиво сказала она.— Я не верю тебе, Эл Уиллер! Ты нарушил обещание!

— Здесь тело Тальбота,— сказал я.— Они собираются зарыть его где-нибудь и мое тело вместе с ним. Если ты мне не веришь, обыщи погреб внимательно и ты найдешь труп Тальбота где-нибудь неподалеку.

Она взглянула на меня с сомнением, но стала осматриваться. Затем ушла за следующую секцию бункеров. Путь обратно занял у нее значительно меньше времени.

— Он там,— сказала она.— Может быть, ты и не врешь, любимый...

Она вновь встала на колени и начала развязывать узел веревки, скручивающей мои руки. На полдороге она остановилась и поцеловала меня в губы страстным поцелуем, длившимся нескончаемых секунд пятнадцать. Затем она вновь принялась развязывать мои руки.

— Ну зачем это? — хрипло произнес я.

— Я не знаю,— пожала она плечами.— Ты выглядишь так смешно, весь связанный.

Наконец, мои руки были свободны от веревок.

— Интересно, зачем они убили Тальбота? — спросила Рена.— И как им удалось спрятать труп в нашем подвале?

— Это было очень легко,— раздался позади нас сухой голос.

Рена подскочила и уставилась на Миднайт, которая стояла и наблюдала за нами с пистолетом в руке.

— Маленьких девочек не должно быть слышно и видно.— Миднайт закусила губу, затем повернулась ко мне.— Я слышала эти удары по трубе, когда вернулась в дом, и решила на всякий случай пойти проверить, как ты себя ведешь. Оказывается, у тебя гости.

Рена надела очки и старательно принялась изучать Миднайт. Затем она опять перевела свой взгляд на меня.

— Так это и есть та самая О'Хара? — недоуменно спросила она меня.

— Святая правда! — с горечью подтвердил я.

Брови Рены немного приподнялись из-за оправы очков.

— Но мне говорили, что она естественная блондинка! — Она изучала Миднайт, как биолог изучает низшие формы жизни. — И вы действительно убили Тальбота, нашего дворецкого?

— Это вам сказал Уиллер? — спросила Миднайт. — Нет, я не убивала его. Его убил Уиллер.

— Это интересно слышать, — пробормотал я.

— Почему бы и нет, — холодно сказала Миднайт. — Полиция через полчаса найдет здесь труп небезызвестного лейтенанта, который, к сожалению, впал в неистовство и по какой-то неизвестной причине убил дворецкого.

— Миднайт, — сказал я с упреком. — От вас я ожидал более убедительной истории, чем эта.

— Пожалуйста, — спокойно сказала она. — Вы — прекрасный полицейский, который внезапно помешался. Вы сошли с ума потому, что запутались в том деле, которое расследовали, и перепутали всех виновных и невиновных. Ты создал свою теорию убийства, а когда оказалось, что ты ошибаешься или заблуждаешься, ты стал подгонять под эту теорию факты. Поэтому ты убил человека и оставил его труп в «Золотой подкове», затем позвонил в полицию и сказал им, что он там. Ты хотел сделать меня убийцей любой ценой.

— Миднайт, — сказал я в восхищении. — Неужели ты придумала все это сама?

— К счастью для меня, — продолжала она, — я все-таки обнаружила труп и принесла его сюда. Конечно, мне не следовало это делать, но я была напугана до смерти тем, что ты хочешь обвинить меня в убийстве: Потом ты пришел ко мне в погребок и заставил меня сознаться, куда я дела труп, под дулом пистолета. Поэтому я вынуждена была отвезти тебя сюда.

— Где, чтобы еще больше запугать тебя, я и пустил себе пулю в лоб? — спросил я.

— Не совсем так, Эл. Ты сказал, что собираешься убить меня, и сделать это так, чтобы все подумали, что это самоубийство. Мне нечего терять: я схватила тебя за руку, в которой ты держал пистолет, и в результате нашей

схватки пистолет выстрелил. — Она печально покачала головой. — И что поделаешь, нет больше Эла Уиллера!

— Ничего из этого не выйдет, — сказал я ей. — Я уже доказал и Лаверсу и Хаммонду, что Уэс Стюарт не мог убить Джонни Ландиса. Это было бы физически невозможно.

— Вы правы, лейтенант. Единственной причиной, по которой я написала, что Уэс торговал наркотиками, была та, что вы меня заставили сделать это.

— Зачем мне это понадобилось?

— Да потому, Эл, что ты убил Ландиса сам, — просто сказала она. — Все это началось еще тогда, когда ты появился в «Золотой подкове» два месяца назад.

— Тот вечер, когда был убит Джонни Ландис, был моим первым вечером в этом притоне.

— Я представлю свидетелей, которые подтвердят, что вы были в нашем погребке по четыре раза в неделю все последние два месяца! — сказала она. — Все дело было в том, что вы с ума сходили от любви ко мне. Ваше мужское самолюбие не вынесло того, что я не отвечаю на ваши чувства. Вы сказали, что совершите убийство и обвините в нем меня. Я смеялась над вами, думала, что вы пьяны, но...

Я взглянул на Рену.

— Если вы собираетесь давать такие показания, думаю, что у вас ничего из этого не выйдет. Как ты думаешь, Рена?

Рена оглядела Миднайт еще раз, затем сказала:

— Я думаю, ей надо носить другой пояс. Этот размер ей мал — жир так и выпирает наружу.

— Бедная маленькая девочка! — зашипела на нее Миднайт. — Строгий папа держит ее взаперти и играть-то не с кем, разве что с дворецким.

— Вы...

Рена пошла к ней, вытянув руки вперед, сжимая и разжимая пальцы.

— Стой на месте, ты, маленькая шлюха, если не хочешь получить пулю в то место, на котором обычно носишь свой пояс! — натянуто сказала Миднайт.

Рена на мгновение заколебалась, затем остановилась.

— Так-то лучше, — опустила пистолет Миднайт.

— Тогда возникает еще один вопрос, — вмешался я. — Как насчет Рены? Она свидетельница всему этому. Вы ее тоже собираетесь убить и свалить это на меня?

— Почему бы и нет, — ответила Миднайт, сжав губы. —

Но я уже устала от всех этих разговоров, Уиллер! Если вы хотите попрощаться, делайте это скорее!

— Вы сумасшедшая! Вам никогда никто не поверит!

Она вытянула руку с пистолетом вперед.

— Надеюсь, вы узнаете его? Это ваш пистолет, Уиллер!

Я зажмурился, и по подвалу прогреготал звук выстрела. Открыл же я глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Миднайт покачнулась и мой пистолет выпал из ее руки на каменный пол.

У входа стоял Даниэль Ландис с пистолетом.

— Отец! — закричала Рена лوماющимся голосом.

Он медленно двинулся к нам. Рука его упала вниз, пистолет свисал с негнувшихся пальцев.

— Я слышал только конец, — сказал он уставшим голосом. — Почувствовал, что что-то не так, когда не смог найти Рену, и вспомнил про подвал. Когда я спускался по ступенькам, услышал голоса. После смерти Джона я все время беспокоюсь за нее, вы понимаете, лейтенант?

— Конечно, — заморгал я. — Вполне вас понимаю.

— Пистолет был в моем столе, — продолжал Ландис. — Я захватил его с собой, намереваясь все обыскать. Спустился в подвал и услышал ее голос...

— Очень рад, что вы сделали это, мистер Ландис, — сказал я. — Вы спасли нам жизнь.

— Сначала я не знал, что делать, — сказал он. — Я слышал, что она сказала, эта женщина! А когда по-настоящему разглядел ее, она уже собиралась стрелять. Если бы я заговорил, она бы могла выстрелить, просто среагировать на мой голос, поэтому я выстрелил первым. — Он взглянул на тело Миднайт, распростертое на полу. — Я думаю, она мертва?

— Мертва, — сказал я. — И не беспокойтесь об этом, мистер Ландис. Вы поступили абсолютно правильно!

— Мне... мне легче, когда вы так говорите, Уиллер. Но мне все же тяжело свыкнуться с мыслью, что я только что убил женщину.

Я развязал веревочные узлы и принялся растирать ноги. Затем встал и нагнулся за пистолетом, который Миднайт больше не мог понадобиться.

— Вы ничего не слышали и не видели в доме, когда искали Рену? — спросил я Ландиса.

— Ничего, — сказал он. — Разве еще кто-нибудь должен быть здесь?

— С Миднайт был еще кто-то. Она не сама отнесла меня сюда. Это тот самый, что набросился на меня в

«Золотой подкове», когда мы с Миднайт собирались оттуда уходить.

— Мне немного не по себе! — Ландис приложил руку ко лбу.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Он вернется обратно. Так что, нам надо только подождать, пока он не придет. Мне лучше встретить его здесь, чем на ступеньках лестницы.

— Но он может быть опасен, люб... лейтенант! — то-ропливо поправилась Рена. Затем она осторожно взглянула на своего отца, но тот, по всей видимости, ничего не заметил.

— Здесь не так опасно, как на лестнице, — сказал я. — Я подожду его у двери. Вы оставайтесь здесь и ведите себя тихо.

— Все, как скажете, Уиллер, — прошептал Ландис.

Я прошел мимо длинного ряда бункеров и приблизился к двери, остававшейся открытой настежь, встал рядом с дверью с пистолетом в руке и стал ждать.

Ждал долгие десять минут.

Вот заскрипела первая ступенька под тяжестью его тела. Затем вторая, третья... Тень его большой фигуры медленно двинулась к центру подвала.

Я сделал шаг вслед за ним и с такой силой погрузил пистолет в то место, где у него располагались почки, что рукоятка почти скрылась из виду.

— О, Кларенс! Решили сыграть серенаду на своем контрабасе?

Глава 15

Даниэл Ландис отдыхал в кресле, на ручке которого покоился пистолет. Рена наливала мне и своему отцу виски. Кларенс Несбитт — с коричневой шляпой-дерби на голове — сидел на стуле. Я стоял, глядя на него, с пистолетом в одной руке и телефонной трубкой — в другой.

На другом конце провода бурлило и кипело, но рано или поздно Лаверсу придется или перевести дыхание, или просто умереть. Мне было безразлично, что он выберет. В конце концов, он показал себя жизнелюбцем и перевел дыхание.

— Я согласен с каждым вашим словом, шериф, — тут же вставил я. — Но здесь в подвале лежат трупы Тальбота и Миднайт О'Хара. Рена Ландис слышала все, что говорила

О'Хара, а мистер Ландис видел, как она собиралась убить меня. Если бы он не выстрелил первым, я бы уже был мертв.

— И это единственное, что удерживает меня от благодарности ему.

— Я хочу только одного: как можно скорее восстановить картину преступления,— сказал я.— У меня нет времени идти и приобретать себе жену и собаку, как вы предложили, но если бы вы разрешили мне собрать всех людей в «Золотой подкове» на пять минут...

Из трубки хлынул новый поток слов. Пришлось опять ждать, когда Лаверс надумает перевести дыхание.

— Почему бы вам не заехать за нами в дом Ландиса, шериф? — настойчиво предложил я.— Возьмите с собой Уэса Стюарта. Пошлите кого-нибудь за Куба Картером... В конце концов, шериф, я ведь тоже кое-что для вас делаю.

— Что?! — проревел он.

— Я не даю просочиться известной вам истории с ванной не менее известному фельетонисту города, ведь правда?

— Ну, хорошо,— сказал он.— Но все должно быть по делу, Уиллер, и не долго!

— Я знал, что вы поймете меня, шериф,— сказал я счастливым голосом.— Если хотите, я разрешу вам играть на трубе вместо Уэса Стюарта.

И быстро положил трубку, не дожидаясь его благодарности.

— Какая шустрая ищейка! — подал голос Кларенс.

— Вы будете сидеть в газовой камере, Кларенс,— сказал я.— Подумайте об этом на досуге.

Рена подошла близко ко мне и протянула стакан с виски.

— Могу я сделать что-нибудь еще для тебя, любимый? — спросила она вполголоса.

— Только не в одной и той же комнате с твоим отцом, детка,— сказал я.— Но я ценю твое предложение.

— Ты уверен, что я больше ничего не могу для тебя сделать, Эл?

Она подошла еще ближе.

— Только одно, детка,— сказал я.— Ты можешь пойти к входной двери и подождать там шерифа Лаверса. Когда он прибудет, сведи его в подвал и покажи ему трупы Тальбота и О'Хара.

— Хорошо.

При мысли об этом она вздрогнула.

— Тебе вовсе не надо будет смотреть на них самой.

— Я только одним глазком. По крайней мере, на Миднайт. Что-нибудь еще?

— Когда он увидит трупы, расскажи ему в точности все то, что Миднайт сказала мне в подвале. Хорошо?

— Хорошо! — весело сказала она и быстро пошла через холл.

— Из-за нее только одни неприятности, — сказал Кларенс. — Служебные неприятности для тебя, ищейка, — однажды она тебя погубит.

— Совсем как Миднайт, — сказал я.

— Если вы пьете, могу я, по крайней мере, закурить? — спросил он.

— Если от рифера вам станет лучше, то пожалуйста, Кларенс, — позволил я. — Может быть, это даже изменит мерзкий цвет вашей шляпы.

Через несколько секунд едкий запах марихуаны коснулся моих ноздрей.

— О! — с восхищением сказал Кларенс. — Великолепная вещь!

Издалека нарастал вой полицейских сирен. Ландис поднял голову и вопросительно на меня взглянул.

— Ищейка! — внезапно сказал Кларенс. — Вы не можете открыть на меня никакого дела. Что я сделал? Вошел в подвал, а вы внезапно ткнули мне в спину пистолетом. Что еще?

— Вы немного не в курсе событий, Кларенс, — не согласился я. — У меня на вас даже слишком большое дело.

Полицейские машины проскрипели тормозами и остановились у входной двери, сирены смолкли. Я услышал шаги и возбужденный голос Рены:

— Сюда!

Шаги постепенно затихли в подвале.

Я почти выкурил сигарету, когда опять послышались шаги. В гостиную вошла Рена, следом за ней — Лаверс, Хаммонд, Полник и поддюжины полицейских в форме.

Окружной шериф Лаверс подошел прямо к Ландису.

— С вами все в порядке, мистер Ландис? Уиллер все рассказал мне по телефону. Вы уверены...

— Со мной все в порядке, Лаверс, — Ландис коротко улыбнулся. — Просто устал, но это обычная реакция на подобного рода происшествия.

— Вполне естественно, — сказал Лаверс. — Мы уберем отсюда трупы и, как только освободимся, оставим вас в покое.

Лаверс взглянул на Кларенса как на нечто недопустимое санитарными правилами. Точно так же он взглянул на меня.

— Ну хорошо, Уиллер. Я слышал то, что мне рассказала мисс Ландис, видел два трупа. Но объяснить придется еще очень многое. Вы можете сейчас заняться воссозданием картины преступления, а о вашем будущем мы поговорим потом.

— Мне бы не хотелось думать о повышении в такое время, шериф,— честно признался я.

— Повышении?! Я думал об ассенизации! — холодно парировал тот.

— Можем мы сейчас поехать в «Золотую подкову»? — спросил я.

— Почему бы и нет? — сказал Лаверс.— Дать человеку последний шанс — это всегда было моим правилом, Хаммонд?

— Да, сэр.

Хаммонд поспешил к нему, бросая на меня самый недружелюбный взгляд из всех, что я видел, если не считать взгляда одной блондинки из Цинцинати.

— Проследите, чтобы он туда попал,— Лаверс кивнул в сторону Кларенса.

— Да, сэр,— бойко ответил Хаммонд.

— Если ты будешь с ним ласков по пути,— сказал я Хаммонду,— он сможет объяснить тебе, как играть на контрабасе.

И повернулся к шерифу.

— Я бы хотел, сэр, чтобы мисс Ландис и ее отец отправились с нами. Чтобы тоже все узнать.

Лаверс взглянул туда, где в кресле покоился Ландис.

— Что вы на это скажете, мистер Ландис? Хотите поехать или вам лучше прилечь и отдохнуть?

Ландис нерешительно посмотрел на него.

— Я думаю, мне лучше остаться,— сказал он.

— Ну конечно же, нет,— возбужденно сказала Рена.— Мы оба поедем. Я бы не пропустила этого ни за... короче говоря, мы оба едем, вот и все!

Ландис посмотрел на нее и пожал плечами. Он поднялся, холодно улыбувшись Лаверсу.

— Моя дочь настаивает,— сказал он.— Так что, кажется, мне придется ехать с вами, шериф.

— Хорошо,— участливо кивнул Лаверс.— Мы поедем прямо сейчас.

Он повернулся ко мне и тихо сказал:

— Думаю, вы знаете, что делаете, Уиллер!

— Я тоже так думаю,— согласился я.

Через полчаса «Золотая подкова» открылась, хоть и не для посетителей.

Куба Картер протирает кулаком заспанные глаза, Уэс Стюарт мне улыбался.

Лаверс поставил стулья для Рены и ее отца. Он хлопотал и носился вокруг них, пока не удостоверился, что Ландис устроился удобно, и лишь затем повернулся ко мне.

— Вот, Уиллер, все то, что вы хотели. Так что начинайте, но только поскорее. Уже начало пятого утра,— его рот на мгновение сжался.— И если вы вздумаете предложить нам посмотреть в окно...

— Я хотел бы, чтобы настоящее трио взошло на сцену и сыграло для нас,— сказал я, избегая взгляда Лаверса.— Настоящую музыку, то, что они играли, когда был убит Джонни Ландис.

Сонный полицейский снял наручники с Кларенса Несбитта. Тот направился к своему контрабасу, оторвал его от стены и пошел с ним на сцену. Куба Картер сдернул чехол с барабана и приготовился играть, Уэс Стюарт любовно погладил свою трубу и поглядел на меня.

— Мы готовы, лейтенант.

— Отлично,— сказал я.— И еще одно. Сержант Полник!

— Да, лейтенант.

— Я хочу, чтобы вы были Джонни Ландисом. Когда начнет играть музыка, вы должны выйти вон из той двери,— я указал на дверь, ведущую в кабинет Миднайт,— и обойти сцену.

— Есть, лейтенант.

Я кивнул Уэсу, и трио начало играть «Парад на Рэмпарт-стрит». Полник стоял в дверях, ожидая условного знака. Я махнул ему рукой, и он медленно начал обходить сцену позади трио. Уэс начал играть основной мотив и повел музыку за собой.

— Стой, Полник! — крикнул я.

Я замахал руками, давая Уэсу сигнал остановиться, и трио резко оборвало игру.

— Вот так,— сказал я.— Именно в этот момент был убит Джонни Ландис. Вы можете видеть, что Уэс Стюарт не мог убить его, потому что у него обе руки заняты игрой, как я... гм-м... уже доказывал однажды шерифу. Куба Картер держит в руках палочки, так что его тоже можно исключить. Но Кларенс...

Я с восхищением покачал головой.

— Очень умный человек, этот Кларенс! — Ступив на сцену, я встал перед ним. — Обратите внимание, что играя на контрабасе, Кларенс лишь частично замечен публике, он виден из зала лишь с одной стороны, и в то время, как его правая рука перебирает струны, он левой может совершенно спокойно указать пальцем в направление Джона Ландиса. Пальцем или пистолетом.

Большого впечатления это ни на кого не произвело. Я подумал, что мне придется объяснить что-нибудь еще. Туповатое выражение лица Лаверса явно об этом говорило.

— Он мог спрятать пистолет в рукав, — продолжил я, — чтобы быть ко всему готовым. Он отдыхал целых четыре такта перед тем, как прозвучал выстрел. Уэс был слишком увлечен, чтобы это заметить, так же как и Куба. Кларенс мог убить Джонни Ландиса и потом продолжать играть на своем контрабасе до тех пор, пока все они не остановились, когда Джонни обошел их и упал перед ними на сцену.

— Ищейка! — пронзительно крикнул Кларенс. — Вы с ума сошли!

— Подожди минутку, — встрепнулся Хаммонд. — Нигде не было никакого пистолета — мы не нашли орудия убийства. Мы обыскали все это заведение, обыскали всех людей, имеющих какое-либо отношение к этому, но не нашли пистолета. Так что он сделал с пистолетом после того, как застрелил этого Ландиса? Проглотил его?

Хаммонд заслуживал благодарности.

— Я уже думал, что никто не собирается спросить меня об этом, — сказал я. — Это, как сказала бы одна красивая блондинка, наиболее волнующее место программы.

Я взял из рук Кларенса контрабас и, сойдя со сцены, пошел прямо к шерифу Лаверсу.

— Если вы думаете, что я собираюсь сидеть и слушать, как вы пытаетесь играть на этой штуковине, — взвыл Лаверс.

— У меня нет никаких намерений играть на нем, сэр, — уверил я его и замахнулся контрабасом, подняв его высоко над головой.

Лаверс вновь взвыл, на этот раз значительно громче, и буквально вылетел из кресла, на которое я со всей силы опустил контрабас. Инструмент раскололся на две половинки.

Я остался стоять, держа в руках гриф и корпус, с которого струны сиротливо свисали до самого пола.

Другая часть контрабаса упала в кресло, задержалась на мгновение на его краю и упала на пол. Изнутри что-то выпало. Все недоуменно уставились на лежащий на полу маленький пистолет.

Глава 16

Кларенс прыгнул со сцены и бросился ко мне: его глаза дико вращались, рот непроизвольно дрожал, пальцы больших рук были стиснуты в кулаки.

Двое полицейских в форме схватили его за руки и удержали на месте. Минуту Кларенс стоял спокойно, затем встряхнулся, и оба полицейских отлетели в стороны.

Он снова пошел ко мне, и из его рта вырывались звуки труб испорченного водопровода.

Мне следовало только вынуть из кармана руку, ударить его в подбородок и сбить с ног, совсем как в кино. Но лавры киногогеря меня не прельщали: я просто сунул Кларенсу в живот свой пистолет.

— Ну, скажите что-нибудь, — сказал я ему, — и мои нервные рефлексy заставят палец спустить курок. Ну, хоть кашляните. Почему вы не хотите ничего сделать для меня?

Кларенс стоял не двигаясь, глядя на меня.

Полицейские вновь схватили его, скрутили ему руки за спиной и надели на них наручники.

Я отнял пистолет от его жирного живота и положил его в карман.

— Уведите его, — проворчал Лаверс. — Увезите его в полицейское управление и посадите в камеру.

Кларенса поволокли прочь, но он все-таки умудрился остановиться на минуту и повернуться ко мне:

— Ищейка! — сказал он. — Вы не имели никакого права ломать мой контрабас!

— Что вы собирались играть? — спросил я. — Похоронный марш?

Полицейские, наконец, увели его.

— Ну, хорошо, Уиллер. Теперь, когда вы закончили свое драматическое представление, вы, может быть, соблаговолите объяснить, что к чему?

— Этот погребок, — сказал я, — был центром распространения наркотиков. Но продавал их не Уэс Стюарт, а Кларенс Несбитт. В этом был замешан и официант Буфф.

Джонни Ландис покупал здесь свои риферы, Тальбот — другие наркотики. Возможно, Тальбот и указал Джонни это место.

Ландис выпрямился в кресле.

— Тальбот? Мой дворецкий? Наркоман?

— Похоже на то, — подтвердил я. — Почему же еще он был убит, как не потому, что знал обо всем? Официанта застрелили с той же целью — чтобы не болтал.

— А эта женщина? — спросил шериф. — Миднайт О'Хара?

— Она не была невинной птичкой, попавшей в сети, как пыталась себя выставить. Она являлась мозгом всей организации. Кларенс и официант были всего-навсего посыльными, которые торговали наркотиками.

— Что еще? — потребовал Лаверс.

— Джонни Ландис был обыкновенным заказчиком, — продолжал я. — Его погубило тщеславие. Он решил начать шантаж, чтобы тоже иметь часть доходов. Ландис был настойчив и опасен — поэтому Миднайт решила обязательно от него избавиться. Она использовала для этого своего посыльного — охранника Кларенса. Сначала Джонни пытались осадить, но без всякого успеха. Это Кларенс написал ему ту записку.

— Все это я хорошо помню, — нетерпеливо сказал Лаверс, — но если эта О'Хара спланировала убийство, а так оно и было, так как у Кларенса не хватило бы ума на это, то как она надеялась выкрутиться?

— Она надеялась, что это будет идеальное убийство: пистолета никогда не найдут, поэтому нельзя будет обвинить в убийстве Кларенса вообще никого. Когда мы все же начали копать в этом деле, она подсунула нам Уэса Стюарта, надеясь, что тем самым снимет подозрение и с себя, и с Кларенса. — Я ухмыльнулся Лаверсу. — Она была женщиной, а кто может сказать, о чем думает женщина? Разве что, при совершенно определенных обстоятельствах.

— Вернемся к Тальботу, — сказал Лаверс.

— Может быть, Тальбот принимал участие в шантаже вместе с Джонни. Мы никогда не узнаем этого. Но после того, как Джонни убили, Тальбот начал волноваться. Он решил повидать Буффа, может быть, чтобы посоветоваться и знать, что он думает по этому поводу и что собирается делать. Обнаружив же только его труп, Тальбот испугался и убежал, так что Кларенс не смог его там убить. С этих пор все начали искать друг друга: я — Тальбота, он — ме-

ня, а Кларенс — его. И в конце концов он нашел Тальбота у порога моей квартиры. Кларенсу удалось скрыться прежде, чем я бросился искать убийцу — на моих руках был труп. Но я примерно знал, кто это мог быть.

Я рассказал Лаверсу, как подкинул труп Тальбота в «Золотую подкову», и обнаружил там Уэса Стюарта. Как я позвонил Миднайт и сказал ей об этом трупе, а потом повторил то же самое, позвонив в полицию. Труп исчез прежде, чем полицейские прибыли.

— Она не позвонила в полицию, что обнаружила труп, — сказал Лаверс. — Я этого не знал, а вы тоже не сделали этого официально, Уиллер! — Голос у него был прямо-таки шелковым. — Я это запомню!

Ландис поднялся на ноги.

— Лейтенант! Есть одна вещь, которой я не понимаю. Почему они спрятали труп Тальбота в мой подвал, а затем и вас привезли туда же?

— Мне кажется, что они решили, что никто не будет искать там Тальбота, — сказал я. — Ведь он у вас работал. Но им когда-нибудь пришлось бы избавиться от него также, как и от меня. По-моему, они хотели убить двух зайцев сразу.

— Так бы и было, если бы мистер Ландис не подоспел вовремя, Уиллер, — встрял Лаверс.

— Я сказал много неприятных вещей в своей газете в ваш адрес, лейтенант, — сказал мне Ландис. — Я извинюсь публично в следующем же выпуске.

— Спасибо, но вы спасли мою жизнь, мистер Ландис, и этого вполне достаточно.

— Значит, все! — встал Лаверс. — Можем разойтись по домам и хоть немного поспать.

— Есть еще один вопрос, который я хотел бы задать мистеру Ландису, — сказал я.

— Да? — вежливо спросил тот.

— В вашем столе имеется потайной ящик. Внутри лежит шприц и довольно много героина. Это — орудия наркомана, мистер Ландис. Откуда они у вас?

Морщины на его лице стали глубже.

— Мне следовало, конечно, выкинуть все это, но я почему-то не смог. Думаю, я просто не мог вынести мысли, что мне придется еще раз взглянуть на это.

— То есть как? — прошептал Лаверс.

— Все это принадлежало моему сыну Джону, — спокойно сказал Ландис. — Я нашел это у него совершенно случайно. Тогда впервые и понял, что он наркоман, и

выгнал его из дома. Может быть, если бы я был немного более чутким...

— Удовлетворены, Уиллер? — резко спросил Лаверс.

— Да, сэр, — сказал я. — Мы сейчас идем?

Шериф кивнул.

— Буду счастлив подвести вас и вашу дочь домой, мистер Ландис.

— Благодарю, — сказал Ландис. — Очень вам признателен.

Он взял Рену под руку и мы последовали за ним к выходу. Когда Лаверс тронулся с места, я схватил его за локоть.

— Что еще? — проворчал он.

— Есть еще одно очень важное свидетельство, которое мы можем получить по пути, шериф. Если я поеду на вашей машине, это займет у нас не больше пяти минут.

— Какое свидетельство?

— Пистолет, которым Несбитт убил Тальбота и Буффа, — сказал я. Это было первое, что пришло мне в голову.

— Хорошо, — согласился Лаверс. — Если уж вам приспичило.

— Я поеду с водителем, — сказал я. — Спасибо, шериф.

— Вы, должно быть, самый везучий полицейский в городе, — прогудел он. — Но все равно вам еще нужно учиться уму-разуму.

Мы вышли на улицу. Ландис и Рена уже сидели в машине Лаверса. Лаверс уселся рядом с ними, а я сел рядом с шофером.

Прошло минут десять, прежде чем Ландис поинтересовался, куда мы едем.

— Уиллер хочет представить еще одно важное свидетельство, — сказал Лаверс. — Это займет всего пять минут, мистер Ландис, но сэкономит нам массу времени потом. Я надеюсь, вы не возражаете?

— Нет, — сказал Ландис, хотя по его голосу было件нятно, что он возражал.

Я закурил и попытался расслабиться. Однажды знакомая блондинка рассказала мне, в чем тут фокус: надо просто обвиснуть мешком, и ты прекрасно отдохнешь. Она попыталась доказать это, но у нее ничего не получилось, хотя представление было достаточно интересным.

Взглянув в обзорное зеркальце, я заметил, как Ландис выглядывал из окна машины.

— Это Хилстоунский округ! — сказал он. — Послушайте, шериф, вы нарочно сюда меня завезли?

— Вы сказали пять минут, Уиллер, — прохрипел Лаверс.

— Уже почти приехали, сэр.

— Если ехать еще долго, я предпочитаю, чтобы вы сначала завезли нас домой, — забеспокоился Ландис. — Или если вам это почему-то неудобно, просто высадите нас где-нибудь, и мы возьмем такси.

— Если мы не приедем туда за шестьдесят секунд, Уиллер, можете забыть о вашей идее! — сказал Лаверс.

— Да, сэр. — Я надеялся, что раболепные ответы смягчат шерифа.

Когда впереди показалась высокая кирпичная стена, самочувствие мое улучшилось. Мы подъехали к воротам и остановились. К нам вышел охранник. Я показал ему свое удостоверение.

— У меня очень мало времени. Как можно быстрее позвоните Мэйбери и скажите ему, что если он не встанет с постели и не спустится к нам через несколько секунд, я сделаю все возможное, чтобы у него были крупные неприятности. Скажите ему, что...

Мне пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание.

— Он еще не спит, лейтенант, — сказал охранник. — Я говорил с ним всего пять минут назад. У них там были какие-то неприятности, но я думаю, что сейчас все улажено. Я позвоню ему и скажу, что вы здесь.

Я вернулся к машине. Охранник открыл ворота и мы въехали.

— Что это за место? — спросил Ландис несколько взволнованным голосом. — Тюрьма или что-нибудь в этом роде?

— Еще одну минуточку, — прошептал я.

Мы подъехали к зданию, и автомобиль остановился у ступеней.

— Если вы на минуту зайдете сюда, — с надеждой в голосе сказал я, — мы сможем...

— Вы с ума сошли! — воскликнул Ландис. — Что мне и моей дочери надо...

Внезапно на больничном участке зажглись ослепительные огни, осветив наш автомобиль и ступеньки. Двери открылись и Мэйбери торопливо начал спускаться к нам.

Все остальные могли считать его Мэйбери, но для меня он был ангелом-спасителем.

— Что-нибудь не в порядке, лейтенант? — взволнованно спросил доктор, останавливаясь передо мной.

— Ничего, доктор, — сказал я. — Я просто думал, что вы рады будете встретить старого друга.

— Старого друга? — его глаза расширились. — В это время?

— Он на заднем сиденье автомобиля, — сказал я. — Ему будет неприятно, если вы с ним не поздороваетесь.

По тому взгляду, которым одарил меня Мэйбери, было ясно, что он считает меня потенциальным клиентом своего санатория. Он секунду поколебался, затем пожал плечами и сделал шаг к машине. Открыв заднюю дверцу, он увидел Ландиса.

— О, мистер Робинсон! Какой приятный сюрприз!

По моему настоянию, мы прошли в кабинет Мэйбери.

— Доктор, вы не скажете нам, что вам известно о мистере Робинсоне?

— Видите ли, — его ноготь машинально полез в усы на верхней губе. — Это вопрос этики, лейтенант. Между доктором и пациентом...

— Дело идет об убийстве, доктор, — холодно напомнил я.

— О! — Он тяжело вздохнул. — В таком случае, конечно... Мистер Робинсон был моим пациентом, он лечился здесь три раза за последние два года.

— От чего вы его лечили?

— От наркомании, — сказал Мэйбери. — Мы беремся вылечить наркомана физически, но остальное целиком зависит от него. Большинство бросает эту привычку. Я серьезно предлагал мистеру Робинсону пройти курс психиатрического лечения, но он отказался.

— Уиллер! — Голос Лаверса ломался от бешенства. — Что вы сейчас пытаетесь доказать?

— Что Ландис — наркоман, — сказал я. — Что шприц и героин в ящике его стола никогда не принадлежали его сыну.

— Что это доказывает?

— Наркоману требуется поставщик, — сказал я. — Ландис, со своим положением в обществе, никогда бы не

осмелился покупать наркотики на стороне — его могли бы узнать и шантажировать!

— Это самая нелепая фантазия, которую я когда-либо слышал,— прогремел Ландис.— Я уничтожу вас за это, Уиллер!

Он взглянул на Лаверса.

— Что же касается вас, шериф, то могу вам сказать, что я...

— Заткнитесь! — проревел Лаверс.

Рот Ландиса так и остался открытым.

— Продолжайте, Уиллер,— спокойно сказал Лаверс.— Я хочу услышать все до конца.

— Рена рассказала мне о стычке между Ландисом и его сыном перед тем, как отец выгнал его. Джонни обвинил своего отца в том, что он завел себе любовницу. И был прав. Ею была Миднайт О'Хара. И не только любовницей, но и хозяйкой «Золотой подковы» — центра распространения наркотиков, что гарантировало ему полную безопасность и неограниченное количество наркотиков.

— Она доставала мне наркотики, она была моей любовницей,— фыркнул Ландис,— поэтому я ее и убил?

— Точно! — подтвердил я.— Вы поймали Тальбота с Реной и, угрожая ему разоблачением, заставили быть вашим посыльным. Он приносил вам из «Золотой подковы» героин.

— Вы сумасшедший! — прошептал Ландис.

— Вы выгнали сына из дома, обнаружив, что он курит риферы,— сказал я.— Вы не хотели, чтобы он узнал, что их можно достать в «Золотой подкове». Джонни не был дураком: он сложил два и два и понял, что за всем этим стояли вы. Он не пытался шантажировать Миднайт О'Хара, он пытался шантажировать вас через нее, и поэтому его убили.

— Вы хотите сказать, что он убил собственного сына? — недоуменно сказал Лаверс.

— Курок спустил Кларенс,— сказал я,— выполняя, как он думал, приказ Миднайта. Но Миднайт выполняла приказы Ландиса.

— Так,— сказал Лаверс.

— Убийством Джонни был взволнован и Тальбот. Он заподозрил Ландиса. Он пошел посоветоваться с официантом — говорить о наркотиках или нет. Когда он пришел к нему, Буфф был уже мертв. Поэтому Тальбот решил

спасать свою шкуру и рассказать мне, что он знает. Он пошел ко мне — и Кларенс едва успел устранить его.

— Ты хочешь сказать, что он намеренно убил ее там, в подвале? — спросила Рена, с трудом переводя дыхание. — Он вовсе не спасал наши жизни?

— Жизнь он мне спас совершенно случайно, — сказал я. — К тому же, это был ловкий ход: заслужить благодарность полицейского управления. Шериф мог даже дать ему медаль! — Я взглянул на Лаверса, потом повернулся к Ландису. — Надо отдать вам должное — вы хладнокровный человек. Вы и глазом не моргнули, когда я сказал о шприце и героине в потайном ящике вашего стола. На вашем лице даже появилась печаль, когда вы сказали, что все это принадлежало Джонни и что вы были недостаточно чутки как отец. Если это будет для вас утешением, я могу сказать, что вы были близки к тому, чтобы никто и никогда не заподозрил вас в убийстве. Вам просто не повезло, что шериф поручил расследование этого дела мне.

Откуда-то сверху внезапно донесся крик. Мэйбери закусил губу.

— Джентльмены, вам придется извинить меня. У нас небольшие неприятности с одним пациентом и мне надо пойти и...

— Нет, вы не пойдете! — сказал Ландис. — Вы останетесь на месте!

Он отступил на шаг, вытащил из кармана пистолет и направил его на нас.

— Все вы! — крикнул он. — Оставайтесь на местах!

— Не будьте дураком, Ландис, — сказал Лаверс. — Вы не пройдете и сотни ярдов!

— Посмотрим! — сказал Ландис сквозь стиснутые зубы.

Он протянул руку назад, открыл дверь и ступил в коридор. Дверь захлопнулась и мы услышали, как он бежит по коридору.

Я вытащил свой «38-й» и кинулся следом.

— Только чтобы никто не был ранен! — закричал мне Лаверс.

Я выбежал в коридор и увидел, как Ландис остановился у стола справочной, пропуская несколько санитаров в белых халатах. Он оглянулся, увидел меня и выстрелил, не целясь, затем побежал по другому коридору.

Пуля ударилась в стену в нескольких футах над моей головой и отскочила рикошетом. Я добежал до стола

справочной, отпихнул санитаров, стоявших с раскрытыми ртами, и побежал следом за Ландисом.

К тому времени он уже забрался по лестнице вверх. Я бежал за ним, перепрыгивая сразу через три ступеньки, и уже добрался до середины лестницы, когда услышал позади себя шаги. Я обернулся и увидел двух санитаров в белых халатах.

— Не суйтесь сюда! — заорал я.

Они не обратили на меня никакого внимания.

— Хотите, чтобы вас ухлопали? — спросил я.

Лестница кончилась, мои заботы о санитарях сменились заботами об Эле Уиллере. Здесь коридор раздваивался. Минуту я стоял спокойно, прислушиваясь.

Было абсолютно тихо. Подозрительно тихо. Не ждет ли меня Ландис за углом? Выявить это можно было только одним путем.

Я выпрыгнул на середину коридора. Примерно в двадцати футах от меня стояли двое. На высоком была серая рубашка от шеи до лодыжек. Он стоял, глядя на меня. Его голубые глаза сверкали, губы расползлись в широкой улыбке.

В правой руке он держал неподвижную, обмякшую фигуру.

— Смотри-ка! — сказал он и слегка потряс ее.

Ландис неподвижно висел в его мертвом захвате. Положение его головы по отношению к телу ясно показывало, что шея у него сломана. Он не дышал.

Цедрик потряс его еще раз: на его лице застыла довольная улыбка. Мимо меня проскочили два санитара, и я понял, почему они не остановились раньше. Им нужен был Цедрик, а не Ландис.

Цедрик приветливо им улыбнулся.

— Смотри-ка! — сказал он, встряхивая Ландиса. — У меня новая кукла! Тряпичная кукла!

Санитары прыгнули на него одновременно и ему пришлось бросить мертвое тело, чтобы вступить с ними в борьбу. Цедрик был силен, но ему пришлось иметь дело с профессионалами.

Секунд через двадцать обе его руки были закручены назад с такой силой, что он почти согнулся до земли. Ему, казалось, это было безразлично. Он устался на тело Ландиса, лежащее у его ног, и долго смотрел на него.

— Дурак! — вдруг закричал он.

Затем его увели прочь.

Глава 17

— Ты должна признать, — сказал я, — что здесь немного лучше, чем в «Золотой подкове».

Я налил ей в рюмку и прикурил для нее сигарету.

— Здесь хорошая пища, великолепное виски, приятная обстановка и музыка — божественная.

— Я согласна с тобой во всем, кроме музыки, — сказала Анабель Джексон. — Это просто преступление — посылать такого музыканта, как Кларенс, в газовую камеру!

Я поставил на проигрыватель пластинку «Маленькие часы любви» и вернулся на кушетку.

— Мне надо идти домой, — сказала Анабель.

— Что у тебя есть дома такого, чего нет здесь? — спросил я ее.

— Я могу там защищаться.

Музыка заполнила мою квартиру. Анабель стала чувствовать себя не так скованно. Она медленно огляделась вокруг.

— Значит, вот так ты живешь, Эл. Знаешь, я ведь в первый раз в твоей квартире.

— Знаю, — сказал я.

— Я так все себе и представляла.

— Что?

— Две кушетки, повсюду ковры и ни одного стула с жесткой спинкой. И, конечно, мягкое сумеречное освещение.

— Я люблю интимную обстановку.

— Только не включай и меня в нее, — поспешно сказала Анабель.

Она допила свою рюмку, и я быстро налил ей еще.

— А как поживает Рена Ландис? — невинно спросила она.

— Я ее совсем не вижу, — сказал я.

— Это, должно быть, для разнообразия. Насколько мне известно, раньше ты ее видел слишком часто!

— Она унаследовала газету своего отца и очень занята. Насколько я слышал, она находит журналистов эмоционально стимулирующими.

Она внимательно посмотрела на меня. Я глядел ей прямо в глаза своим самым честным взглядом. Анабель отвела свой взгляд и расслабилась — она поверила.

— Мне бы не следовало приходить к тебе, Эл Уиллер, — сказала она. — Но я любопытна.

— Что вызывает в тебе любопытство?

— То, что о тебе рассказывают. Не знаю, правду говорят люди или нет.

— Что говорят?

— Неважно,— сказала она.— Мне было просто любопытно, вот и все.

Ее пустая рюмка упала мне на руку как монета в автомат. Женский голос обольстительно запел: «Разве мы не можем быть друзьями?».

Протягивая ей полную рюмку, я придвинулся к ней ближе.

— Знаешь что? Ты ведь опасна!

— Я?

Она засмеялась.

— Слишком прекрасна,— сказал я.— Вот в чем твоя беда. Я гляжу на тебя и сразу забываю все, что знал о женщинах раньше, все, что тренировал годами, и...

— Какой чудесный голос! — сказала она.

— Ничего особенного,— скромно потупился я.— Просто мои голосовые связки...

— Я говорю о певице! — сказала Анабель и отпила добрую половину рюмки.

Она осторожно поставила ее на пол, затем выпрямилась и повернулась ко мне.

— Мне все еще любопытно. И я думаю, что есть только один путь, чтобы узнать...

Она положила мне руки на плечи и внезапно придвинулась ко мне. Ее великолепные губы, прямо-таки предназначенные для поцелуев, очутились в каких-нибудь шести дюймах от моих.

— Покажи мне то, что ты тренировал годами, Уиллер,— сказала она.— Только так ты сможешь узнать, как я умею сопротивляться.

Я обнял и поцеловал ее, если не совсем тренированно, то достаточно компетентно.

Зазвонил телефон.

Она откинула голову назад.

— Эл, звонок!

— Они ошиблись номером,— сказал я.

— Откуда ты можешь знать?

— Кто еще может мне звонить по ночам?

Она положила свои ладони на мою грудь и слегка меня оттолкнула.

— Именно это я и хотела бы знать! Пойди,ними трубку!

Я поднялся с кушетки и подошел к телефону.

— Да? — рявкнул я в трубку.

— Уиллер! — ответил мне звероподобный рык. — Вы мне немедленно нужны!

— Шериф! — сказал я в отчаянии. — Неужели из всей полиции меня никто не может заменить?

— Я сказал, немедленно!

В трубке раздались короткие гудки. Я отошел от телефона и посмотрел на Анабель. Она уже поднялась с кушетки и спокойно мазала губы помадой. Сумочка ее была открыта.

— Я знаю, — сказала она прежде, чем я успел открыть рот. — Это то, что называется быть спасенным трубным гласом!

СОДЕРЖАНИЕ

КЛОУН	3
ОБНАЖЕННАЯ И МЕРТВЕЦ	99
ТИГРИЦА	191
БЛОНДИНКА	277
ТРУП	387

Картер Браун

Том 2

Сдано в набор 28.08.92. Подписано к печати 24.12.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 27,51. Зак. 2—2404.

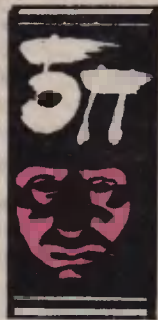
Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

COSY PALACE

2 | КАРТЕР БРАУН

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.